

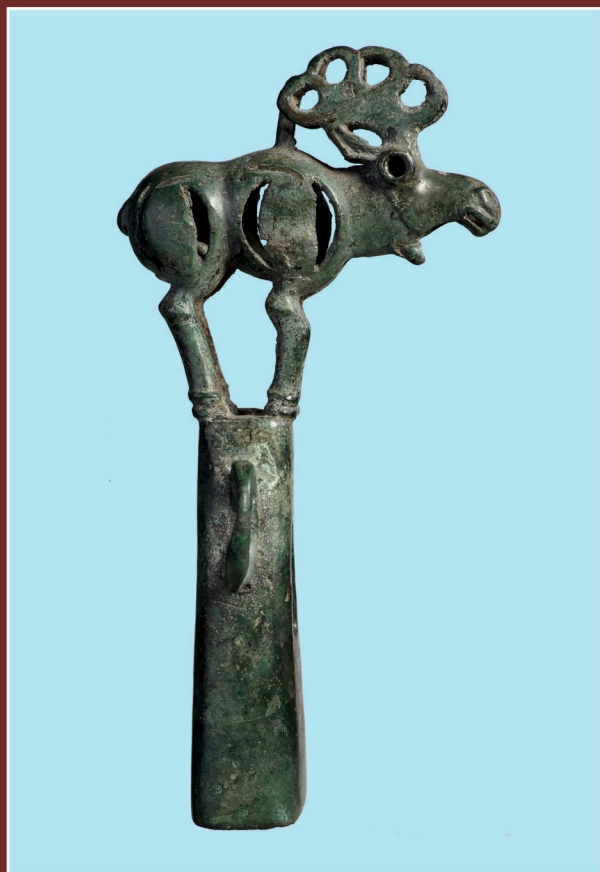

3 (74)

2026

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 3 (74)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лаксельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., Тюменский ун-т;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Тишкин А.А., д.и.н., Алтайский ун-т;
Томилов Н.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чижишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Грушин С.П., д.и.н., Алтайский ун-т; Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония);
Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН;
Куфтерин В.В., д.б.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН;
Лычагина Е.Л., д.и.н., Пермский государственный гуманитарно-педагогический ун-т;
Мыльникова Л.Н., д.и.н., ИАЭТ СО РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Пинхаси Р., PhD, Венский ун-т (Австрия); Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга (Швеция); Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Федоров Р.Ю., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН; Шорин А.Ф., д.и.н., ИИиА УрО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (74)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)
Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)
Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology UB RAS (Chelyabinsk, Russia)
Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology RAS (Moscow, Russia)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Altai State University (Barnaul, Russia)
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Omsk, Russia)

Editorial Board:

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Beisenov A.Z., Candidate of History, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)
Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Grushin S.P., Doctor of History, Altai State University (Barnaul, Russia)
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (St. Petersburg, Russia)
Kufferin V.V., Doctor of Biology, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia)
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Lychagina E.L., Doctor of History, Perm State Humanitarian and Pedagogical University (Perm, Russia)
Mylnikova L.N., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)
Pinhasi R., PhD, Professor, University of Vienna (Vienna, Austria)
Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, University Gothenburg (Gothenburg, Sweden)
Shorin A.F., Doctor of History, Institute of History and Archaeology UB RAS (Yekaterinburg, Russia)
Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Fedorov R.Yu., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Содержание

Археология

Илюшина В.В., Корочкова О.Н. Результаты технико-технологического анализа керамики эпохи бронзы поселения Дуванское XVII в Нижнем Притоболье	5
Скочина С.Н., Пошехонова О.Е. Каменный инвентарь поселения Пякупур 3 эпохи бронзы с сейминско-турбинским компонентом (северотаежная подзона Западной Сибири)	22
Валавин Н.А., Алаева И.П. Трудозатратность строительных операций на возведение курганов федоровской культуры могильника Звягино-1 в Южном Зауралье	38
Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Трансформация позднебронзовых комплексов и переход к традициям раннего железного века в Верхнем Прииртыше	51
Тишкин А.А., Фролов Я.В. Комплект металлических изделий для конской амуниции раннесакского времени, найденный у села Штабка в Алтайском крае: рентгенофлюоресцентный анализ и культурно-хронологическая интерпретация	65
Дашковский П.К. Головной убор и комплекс украшений из женского погребения пазырыкской культуры могильника Ханхаринский Дол (Алтай)	77
Костомарова Ю.В. Функциональное назначение орудий из обломков посуды из памятников восточного варианта иткульской культуры Нижнего Притоболья	88
Бейсенов А.З., Косинцев П.А., Шашенов Д.Т. Зимовка Жиенбай у горы Ерейментау: результаты этноархеозоологического исследования, вопросы датировки	100
Третьяков Е.А. Оборонительные сооружения Андрюшина городка: эволюция фортификаций позднего железного века в Нижнем Притоболье	116

Антропология

Слепцова А.В. Антропологический состав средневекового населения Среднего Приобья по данным одонтологии (Сайгатинские могильники)	130
Кишкурно М.С., Новиков А.Г., Горюнова О.И. К вопросу о генезисе населения Приольхонья позднего неолита — раннего бронзового века (по данным одонтологии)	141
Мовсесян А.А. Наметрические признаки черепа и генетическая дифференциация: существует ли универсальный набор признаков для региональных популяционных сравнений?	153

Этнология

Шишлина Н.И., Лоскутова А.С., Куприянов Д.А., Солошенко Н.Г., Мамонова А.А., Ершова О.В. Туркменская юрта из собрания Исторического музея: верификация атрибуции	163
Бравина Р.И. Коллективные погребения якутов в контексте эпидемий оспы XVII–XIX вв.	177
Загваздин Е.П., Тычинских З.А. Землевладение мурз Кульмаметьевых в Тобольском уезде в XIX в.	188
Чемчиева А.П. Дьылгайак или Чага-Байрам: общественная полемика на Алтае в начале 1990-х гг. (по материалам газеты «Алтайдын Чолмоны»)	198
Конев А.Ю. Тарханский Спас: чудотворный образ сибирского пограничья	208
Сагитова Л.В. Исторический контекст, ислам и этническая культура в религиозной идентификации этнотерриториальных групп татар	221

Хроника

Косинская Л.Л., Зимина О.Ю. К юбилею Ирины Витальевны Усачевой	231
Информация для авторов	234
Список сокращений	237

На передней стороне обложки: бронзовое навершие из комплекта предметов конской амуниции, найденного у с. Штабка в Алтайском крае, раннесакское время (АГКМ, Барнаул), фото С.В. Семенова; каменный наконечник стрелы эпохи бронзы с поселения Пякупур 3, северотаежная подзона Западной Сибири; каркас юрты, Марыйская область, Туркменистан (ГИМ, Москва).

Contents

Archaeology

Ilyushina V.V., Korochkova O.N. Results of the technical and technological analysis of Bronze Age ceramics from the Duvanskoye XVII site in the Lower Tobol region	5
Skochina S.N., Poshekhonova O.E. Stone tools of the Bronze Age from the Pyakupur 3 site with the Seima-Turbino component (northern taiga subzone of Western Siberia)	22
Valavin N.A., Alaeva I.P. Labour costs of construction operations for the burial mounds of the Fedorovo Culture at the Zvyagino-1 cemetery in the Southern Trans-Urals.....	38
Tkacheva N.A., Tkachev A.A. Features of the transformation of Late Bronze Age complexes and the problems of transition to the traditions of the Early Iron Age in the Upper Irtysh region	51
Tishkin A.A., Frolov Ya.V. A set of metal artifacts for horse tack from the Early Scythian Period found near the village of Shtabka in the Altai Krai: X-ray fluorescence analysis and cultural-chronological interpretation.....	65
Dashkovskiy P.K. A headdress and a set of jewelry from the female burial of the Pazyryk Culture at the Khankarinsky Dol burial ground (Altai)	77
Kostomarova Yu.V. The functional purpose of tools manufactured from pottery fragments at sites associated with the Eastern Variant of the Itkul Culture in the Lower Tobol region	88
Beisenov A.Z., Kosintsev P.A., Shashenov D.T. Zhienbay wintering near Yereymentau mountains: ethnoarcheozoological research and dating issues.....	100
Tretyakov E.A. Fortifications of Andryushin Gorodok: the evolution of Late Iron Age defensive structures in the Lower Tobol region	116

Anthropology

Sleptsova A.V. Medieval population of the Middle Ob region according to dental non-metric data (Saigatinsky burials)	130
Kishkurno M.S., Novikov A.G., Goriunova O.I. Dental data and the issue of the genesis of Late Neolithic — Early Bronze Age populations in the Cis-Olkhon region.....	141
Movsesian A.A. Cranial non-metric traits and genetic differentiation: is there a universal trait set for regional population comparisons?	153

Ethnology

Shishlina N.I., Loskutova A.S., Kupriyanov D.A., Soloshenko N.G., Mamonova A.A., Ershova O.V. The Turkmen yurt from the collection of the State Historical Museum: verification of attribution.....	163
Bravina R.I. Yakut collective burials in the context of smallpox epidemics in the 17th–19th centuries.....	177
Zagvazdin E.P., Tychinskikh Z.A. Land ownership of the Kulmametyev murzas in the Tobolsk District in the 19th century.....	188
Chemchieva A.P. Dylgayak or Chaga-Bayram: public debate in Altai in the early 1990s (based on materials from the newspaper <i>Altaidyng Cholmony</i>).....	198
Konev A.Yu. Tarkhansky Spas: a miraculous icon of the Siberian borderland.....	208
Sagitova L.V. Historical context, Islam, and ethnic culture in the religious identification of ethnoterritorial groups of Tatars	221

Chronicle

Kosinskaya L.L., Zimina O.Yu. For the anniversary of Irina Vitalievna Usacheva	231
Memo to the authors	234
Abbreviations	237

АРХЕОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-1>

EDN: <https://elibrary.ru/BQTHIR>

УДК 903.01/.09

Илюшина В.В.^{1*}, Корочкова О.Н.²

¹ ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, vika_tika@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1517-0101>

² Уральский федеральный университет, Olga.Korochkova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4597-9219>

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ ДУВАНСКОЕ XVII В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

Аннотация. Представлены результаты исследования навыков гончарного производства, существовавших у населения эпохи бронзы, проживавшего на поселении Дуванское XVII, расположенном в Туро-Пышминском междуречье (подтаежное Зауралье). Основной комплекс керамики поселения (около 300 сосудов) атрибутируется в контексте федоровской культуры. Кроме того, в его составе выделяется немногочисленная группа керамики, сопоставимая с посудой черкаскульского, бишкульского типов. Исходя из особенностей орнаментации в составе комплекса выделены группы посуды (А, Б), в декоре которых присутствуют индикаторные признаки (меандры, геометрические узоры, монотонные бордюры из оттисков штампов, валики и др.). Исследование технологии изготовления серии из 81 сосуда, включающей экземпляры всех выделенных групп, осуществлено в рамках историко-культурного подхода и методики, разработанных А.А. Бобринским. Сопоставление полученных данных показало сходство приемов производства керамики в среде гончаров, изготовивших сосуды, включенные в группу А и подгруппы 1, 3 группы Б. В навыках мастеров, изготовивших изделия с орнаментом, выполненным в соответствии с традициями черкаскульской культуры (подгруппа 2 группы Б), выявлены отличия на уровне представлений об исходном пластичном сырье. Выдвинуто предположение о смешанном составе населения поселения Дуванское XVII, связанного своим происхождением с прилегающими районами лесостепного Зауралья. Материалы поселения соответствуют поздней фазе развития федоровской культурной традиции и отражают процессы формирования культур андроновидной общности (черкаскульская, пахомовская).

Ключевые слова: подтаежное Зауралье, поселение Дуванское XVII, андроновская общность, федоровская культура, черкаскульская культура, историко-культурный подход, технико-технологический анализ.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственных заданий Министерства науки и высшего образования РФ: проект № 126022618029-1 (В.В. Илюшина); проект № FEUZ-2026-0015 (О.Н. Корочкова).

Цитирование: Илюшина В.В., Корочкова О.Н. Результаты технико-технологического анализа керамики эпохи бронзы поселения Дуванское XVII в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 5–21. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-1>

Введение

Основным информационным ресурсом для получения знаний о включении подтаежного Притоболья в систему связей андроновской общности является керамика, орнамент и технология изготовления которой позволяет улавливать некоторые особенности процессов взаимодействия носителей различных культурных традиций. Особый интерес в этой связи представляет памятник Дуванское XVII как один из немногих поселенческих объектов, трактуемых в рамках федоровской культуры.

Многослойный памятник Дуванское XVII находится на правом берегу р. Дуван, вытекающей из Андреевского озера и впадающей в р. Пышму (рис. 1). Здесь раскопаны энеолитический могильник [Корочкова, Мосунова, 2018] и поселение эпохи бронзы с остатками жилого сооружения, очагов [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 51–68]. Материал этого периода представлен комплексом керамики (свыше 2000 фрагментов около 300 сосудов), изделиями из камня, кости, глины, остеологическими остатками.

Ранее отмечалось, что на единство комплекса керамики, происходящего с поселения, указывает сходство технологических, морфологических и декоративных признаков, способов и приемов орнаментации в сочетании с одинаковыми условиями залегания в слое [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 65]. Вместе с тем, с учетом того обстоятельства, что в его сервисе выделены различные группы посуды,

* Corresponding author.

соотносимые с типичными федоровскими, а также бишкульскими, черкаскульскими, черкаскульско-федоровскими экземплярами, настоятельно требовалось изучение технологии изготовления сосудов, объединенных по морфологическим признакам, с целью выявления характерных гончарных навыков, существовавших у населения, изготовившего данные изделия, и их сопоставления.

Рис. 1. Карта-схема расположения поселения Дуванское XVII.
Fig. 1. The map-scheme of the location of the Duvanskoye XVII site.

Материалы исследования

По пропорциям, деталям формы, тщательности обработки поверхности, мотивам и технике декора посуда поселения Дуванское XVII разделена на две основные группы (подробнее см.: [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 56–65]).

Группа А (около 210 сосудов) включает плоскодонную посуду горшечной, горшечно-баночной, единично — баночной формы, украшенную «монотонными» узорами из оттисков гладкого или гребенчатого штампа в виде горизонтальной «елочки», ромбов без обрамления, многорядных зигзагов, оформленную прочерченными горизонтальными линиями, реже — желобками-каннелюрами или сплошь покрытую вдавлениями различной формы. В составе группы А выделены три подгруппы: 1) сосуды с ровным рельефом поверхности (рис. 2, 1–15); 2) изделия с формованными и наклепными валиками, расположенными в переходной от шейки к тулову зоне (рис. 2, 16–21); 3) экземпляры, заметно выделяющиеся из общей массы керамики группы А большим размером, массивностью, уплощенным срезом венчика, грубостью и небрежностью в нанесении узоров (рис. 2, 22–26). В целом, керамика, включенная в подгруппы группы А, соотносится с так называемой поселенческой керамикой федоровской культуры [Зданович, 1988, с. 112–114].

Группа Б (около 70 сосудов) представлена сосудами с плавно профилированным туловом и слегка отогнутой шейкой или горшечно-баночной формы со слабо раздутым туловом и нечетко выраженной шейкой, с богатой орнаментацией, разнообразием элементов и композиционных построений, большим количеством геометрических узоров. Орнамент в абсолютном большинстве случаев нанесен гребенчатым штампом в технике штампования, а также орудием с округлым рабочим краем, которым наносились желобки-каннелюры в технике прочерчивания. Узор на шейках сосудов составлен из прямоугольных или косых треугольников, часто обрамленных бахромой, бордюров из раздвинутых треугольников. Переходная от шейки к плечу зона часто подчеркнута глубокими желобками-каннелюрами, между которыми располагались оригинальные пояски из глубоких противоположащих уголкового вдавления, реже — бордюры из треугольников, «свастика», наклонные оттиски. Плечики и большая часть тулова украшены меандровым орнаментом, снизу нередко подчеркнутым каймой из ступенчатых треугольников. В составе группы Б выделены три подгруппы: 1) изделия, орнаментированные в типичной для федоровской культуры манере (рис. 3, 1–10); 2) сосуды, орнамент которых соответствует традициям черкаскульской культуры, а именно: наличие желобков-каннелюр в верхней части шейки, в обрамлении меандровых узоров, поперечная штриховка лент меандра и зигзаговых полос (рис. 3, 11–18); 3) изделия, демонстрирующие смешанные федоровско-черкаскульские черты в орнаменте (рис. 3, 19–23).

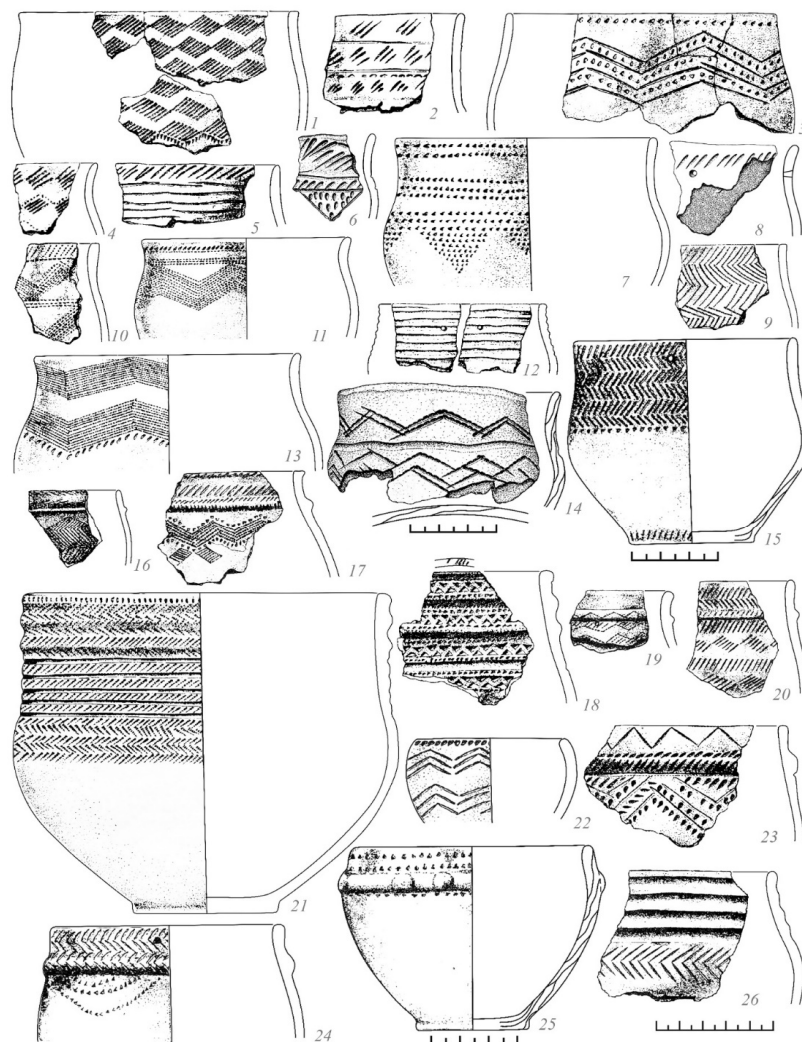

Рис. 2. Керамика группы А поселения Дуванское XVII:
1–15 — сосуды подгруппы 1; 16–21 — сосуды подгруппы 2; 22–26 — сосуды подгруппы 3.

Fig. 2. Ceramics of group A from the Duvanskoye XVII site:
1–15 — vessels of subgroup 1; 16–21 — vessels of subgroup 2; 22–26 — vessels of subgroup 3.

Методология и методика исследования керамики

Технико-технологическому анализу подвергнут 81 сосуд из всех выделенных морфологических групп и подгрупп керамики:

- подгруппа 1 группы А — 37 сосудов;
- подгруппа 2 группы А — 12 сосудов;
- подгруппа 3 группы А — 5 сосудов;
- подгруппа 1 группы Б — 13 сосудов;
- подгруппа 2 группы Б — 8 сосудов;
- подгруппа 3 группы Б — 6 сосудов.

Исследование осуществлено в рамках историко-культурного подхода и методики, разработанных А.А. Бобринским [1978; 1999, с. 9–11]. Технологические следы, выявленные в изломах и на поверхностях керамики, идентифицировались с базой эталонов.

Прежде чем перейти к изложению результатов технико-технологического анализа каждой выделенной подгруппы сосудов, необходимо сделать некоторые общие замечания.

1. По всем сосудам получена информация об особенностях исходного пластичного сырья, составлении формовочных масс, обработке поверхностей, условиях обжига. Лишь несколько крупных стенок и донных частей сосудов позволили сделать заключение о способах конструирования начинов и полого тела.

2. Для более строгого определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья, характера искусственных и естественных примесей и возможности сопоставления сырья, пошедшего на изготовление каждого сосуда, небольшие фрагменты от них предварительно были нагреты в муфельной печи до 850 °С в окислительной атмосфере.

3. В результате анализа выявлены общие для изученных сосудов разных подгрупп признаки исходного пластичного сырья, составов формовочных масс, термической обработки, поэтому далее дано подробное их описание, а затем в тексте по конкретным подгруппам приведены указания на их вид.

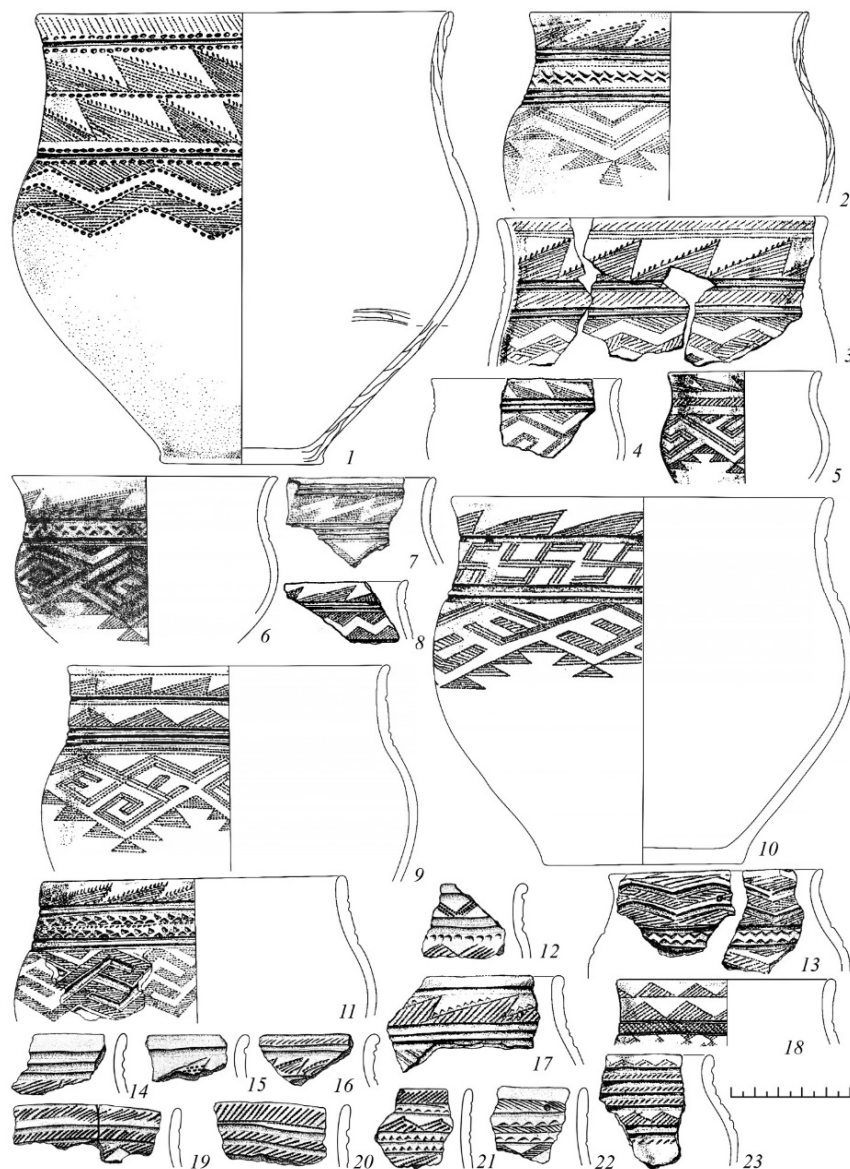

Рис. 3. Керамика группы Б поселения Дуванское XVII:
1–10 — сосуды подгруппы 1; 11–18 — сосуды подгруппы 2; 19–23 — сосуды подгруппы 3.

Fig. 3. Ceramics of group B from the Duvanskoye XVII site:
1–10 — vessels of subgroup 1; 11–18 — vessels of subgroup 2; 19–23 — vessels of subgroup 3.

Исходное пластичное сырье (далее — ИПС)

В среде гончаров изучаемого населения существовали разные представления об ИПС, из которого должна была изготавливаться посуда, — о природных глинах и об илистых глинах. Исходя из особенностей сырья, выделены 12 подвидов глин и 4 подвида илистых глин, соответствующих условным местам добычи. Выявлено применение ИПС в основном сильной степени ожелезненности, лишь единично зафиксировано применение слабо ожелезненной глины.

Глина 1 слабо запесоченная, содержит: окатанный кварцевый песок размером 0,1–0,2 мм (20–80 включений на 1 см²) (рис. 3, 1), реже — до 0,5 мм (от единичных до 5–10 включений на 1 см²), единично — до 1,2 мм; окислы железа в виде мягких частиц округлой формы размером 0,2–1,5 мм и оолов бурого железняка размером 0,5–3,0 мм (рис. 3, 12); частицы слюды размером 0,1–0,2 мм.

Глина 2 слабо запесоченная, содержит: слабо окатанный кварцевый песок размером 0,1–0,2 мм (до 20 включений на 1 см²), единично — до 0,5 мм; окислы железа в виде мягких частиц размером до 0,6 мм, а также рыхлые светло-коричневые комочки размером 0,2–2,0 мм (3–5 включений на 1 см²).

Глина 3 слабо запесоченная, содержит: слабо окатанный кварцевый песок размером 0,1–0,2 мм (до 20 включений на 1 см²); обломки полупрозрачного бесцветного минерала размером от 0,5 до 1,5–2,0 мм.

Глина 4 слабо запесоченная, содержит: слабо окатанный кварцевый песок размером 0,2–0,5 мм (до 50 включений на 1 см²), частицы песка черного цвета размером 0,3–0,4 мм; обломки минералов белого цвета и бесцветных размером 0,7–2,0 мм (до 5 включений на 1 см²), единично — до 5,0 мм (рис. 3, 4).

Глина 5 слабо запесоченная, слабой степени ожелезненности (имеет светло-коричневый цвет излома образца, дополнительно обожженного в муфельной печи), содержит: слабо окатанный кварцевый песок размером 0,1–0,3 мм (до 50 включений на 1 см²), реже — 0,5–1,0 мм; обломки минералов полупрозрачных с монолитной и зернистой структурой, частицы белого цвета размером 0,5–2,0 мм (до 10 включений на 1 см²) (рис. 3, 3); частицы слюды размером 0,1–0,5 мм и талька размером 1,0–3,0 мм; оолов бурого железняка размером 0,1–0,3 мм (до 20 включений на 1 см²), редко — до 1,5 мм; рыхлые комочки светло-серого цвета размером 0,2–2,0 мм (до 5 включений на 1 см²).

Глина 6 слабо запесоченная, содержит: слабо окатанный кварцевый песок размером 0,1–0,3 мм (не менее 70 включений на 1 см²), частицы размером 0,5–1,0 мм (15–20 включений на 1 см²); включения обломков горных пород темно-серого цвета размером 1,0–2,0 мм; единичные частицы бурого железняка оолитовой формы размером до 1,0 мм.

Глина 7 средне запесоченная, содержит: слабо окатанный кварцевый песок, частицы черного цвета размером 0,1–0,2 мм (не менее 100 включений на 1 см²); обломки минералов полупрозрачных бесцветных, белого цвета с монолитной и зернистой структурой, конгломератного состава (со слюдой) размером 0,5–1,5 мм (до 5 включений на 1 см²), единично — до 4,5 мм.

Глина 8 сильно запесоченная, содержит: окатанный кварцевый песок размером 0,1–0,2 мм (до 200 включений на 1 см²), частицы размером 0,5 мм (1–2 включения на 1 см²).

Глина 9 сильно запесоченная, содержит: окатанный кварцевый песок пылевидный (менее 0,1 мм) и размером 0,1–0,2 мм (до 300 включений на 1 см²), частицы до 0,4–0,8 мм (4–7 включения на 1 см²), единично — до 1,0–1,5 мм; окислы железа в виде мягких округлых включений размером 0,4–3,0 мм и оолов бурого железняка размером 0,7–1,5 мм; частицы слюды размером 0,1–0,2 мм.

Глина 10 сильно запесоченная, содержит: слабо окатанный кварцевый песок от менее 0,1 мм до 0,3 мм (не менее 300 включений на 1 см²), частицы размером 0,4–0,8 мм (10 включений на 1 см²), песчинки черного цвета размером 0,2–0,4 мм; включения обломков минералов полупрозрачных, бесцветных размером 1,0–1,5 мм.

Глина 11 сильно запесоченная, содержит: окатанный кварцевый песок размером 0,1–0,3 мм (до 300–500 включений на 1 см²), частицы размером 0,5–1,0 мм (10–30 включений на 1 см²) (рис. 3, 2), единично — до 1,5 мм; окислы железа в виде мягких частиц размером 0,4–1,5 мм, единично — оолов бурого железняка размером 0,5 мм; частицы слюды размером 0,1–0,2 мм.

Глина 12 сильно запесоченная, содержит: окатанный кварцевый песок размером 0,1–0,3 мм (не менее 1000 включений на 1 см²), песчинки размером 0,5–1,0 мм (до 10 включений на 1 см²), единично — до 2,0 мм; окислы железа в виде мягких частиц размером 0,2–0,8 мм и оолов бурого железняка размером 0,3–1,5 мм, единично — 3,5 мм; частицы слюды размером 0,1–0,2 мм.

Илистая глина 1 слабо запесоченная, по качественному и количественному составу минеральных примесей аналогична глине 1, кроме того содержит: фрагменты раковин речных моллюсков белого и коричневого цвета размером от 0,5 до 6,0 мм (до 20–50 включений на 1 см²) (рис. 3, 5); следы растительной органики без следов деформации с длиной отпечатков от 0,5 до 6,0–11,0 мм (рис. 3, 6); единично отмечены обломки кости рыбы размером 1,0 мм (рис. 3, 7) и окатанные комочки чистой глины размером 3,0 и 5,0 мм.

Илистая глина 2 сильно запесоченная, по качественному и количественному составу минеральных примесей аналогична глине 9, кроме того, содержит: фрагменты раковин речных моллюсков белого цвета размером 0,2–2,0 мм (до 10–20 включений на 1 см²), единично — до

5,0 мм; следы растительной органики с длиной отпечатков от 1,0 до 5,0–15,0 мм; в изломах двух сосудов обнаружены фрагменты чешуи (рис. 3, 8) и кости рыб размером 6,0–8,0 мм.

Илистая глина 3 сильно запесоченная, по качественному и количественному составу минеральных примесей аналогична глине 11, кроме того, содержит: фрагменты раковин речных моллюсков размером 0,2–3,0 мм (5–10 включений на 1 см²); следы растительной органики с длиной отпечатков от 1,0–3,0 до 10,0 мм; в изломах четырех сосудов выявлены фрагменты чешуи и костей рыб размером 1,5–4,5 мм; единично отмечен отпечаток пуха птицы длиной 4,0 мм.

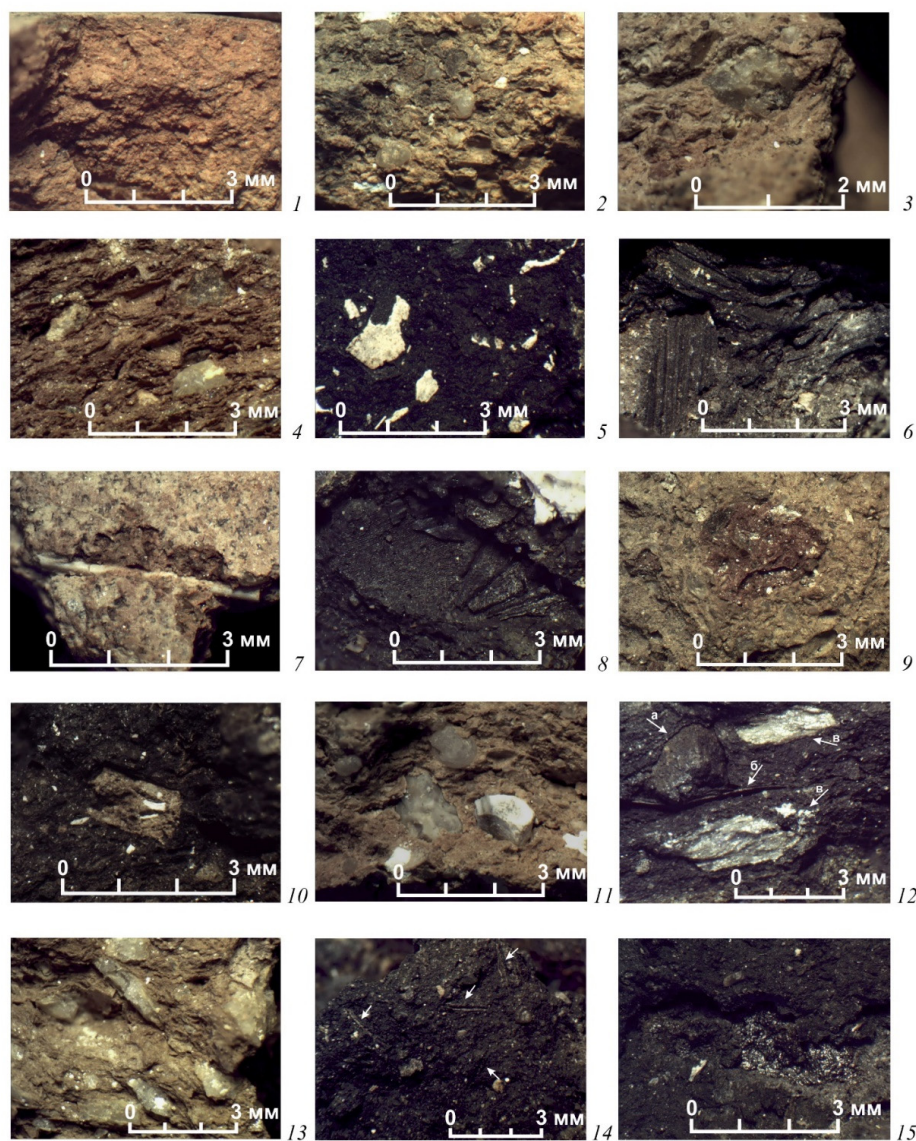

Рис. 4. Микроснимки естественных примесей в сырье и искусственных добавок в формовочных массах сосудов с поселения Дуванское XVII:

1 — глина 1; 2 — глина 11; 3 — глина 7; 4 — обломки минералов в глинах 4, 5; 5 — фрагменты раковины речных моллюсков; 6 — отпечатки растений; 7 — фрагмент кости рыбы; 8 — фрагмент чешуи рыбы; 9 — шамот с тальковой дресвой; 10 — шамот с фрагментами раковины речных моллюсков; 11 — фрагменты кальцинированной кости; 12 — оолитовый бурый железняк (а), отпечаток растения (б) и тальковая дресва (в); 13 — кварцевая дресва; 14 — отпечатки растений; примесь навоза жвачных животных; 15 — следы органического раствора.

Fig. 4. Microphotographs of natural admixtures in raw materials and artificial components in the pottery paste of vessels of the Duvanskoye XVII site:

1 — the clay 1; 2 — the clay 11; 3 — the clay 7; 4 — mineral fragments in clays 4, 5; 5 — fragments of river mollusk shells; 6 — plant prints; 7 — the fragment of fish bone; 8 — the fragment of fish scales; 9 — chamotte with talc; 10 — chamotte with fragments of river mollusk shells; 11 — fragments of calcified bone; 12 — oolite iron ore (a), plant the print (b) and fragments of talc (e); 13 — fragments of quartz; 14 — prints of plants; admixture of ruminant animals; 15 — traces of organic solution.

Илистая глина 4 сильно запесоченная, по качественному и количественному составу минеральных примесей аналогична глине 12, кроме того, содержит: фрагменты раковин речных моллюсков белого цвета размером 0,5–3,0 мм (3–8 включений на 1 см²); следы растительной органики с длиной отпечатков от 0,5–3,0 мм до 8,0 мм; в сырье четырех сосудов зафиксированы фрагменты чешуи рыб размером 2,0–6,0 мм; единичен отпечаток пуха птицы длиной 12,0 мм.

Значительная степень сходства минералогического состава выделенных подвидов природных глин 1, 9, 11, 12 и подвидов илистых глин может указывать на близость расположения их залежей, вероятно приуроченных к водоемам. Отсутствие признаков предварительного высушивания и дробления указывает на использование гончарами и природных, и илистых глин в состоянии естественной влажности.

Составление формовочных масс (далее — ФМ)

В качестве искусственных примесей при составлении ФМ использовались минеральные, органические и органо-минеральные добавки.

Минеральные примеси представлены шамотом и дресвой. Частицы шамота размером от 0,5 мм до 7,0–9,0 мм (рис. 3, 9–10), шамот добавлялся в концентрации 1:3–1:8 и менее 1:10. Дресва тальковая в виде чешуйчатых включений, сопровождающихся частицами с волокнистой структурой (рис. 3, 12), размером от менее 0,1 мм до 1,5–6,0 мм, единично — до 10,0 мм использовалась в концентрации от 1:1/2 до 1:10 и ниже. Дресва, полученная при дроблении полупрозрачного минерала с кристаллической структурой, предположительно кварца (рис. 3, 13), представлена включениями размером 0,5–3,0 мм, единично — до 6,0 мм, в концентрации 1:4.

Органо-минеральная добавка представлена кальцинированной костью в виде частиц молочного, серого и темно-серого цвета размером от 0,1 до 1,5–2,0 мм (рис. 3, 11) в концентрации 1:6, 1:8, 1:10 и ниже.

В качестве органических компонентов гончарами использовались органические растворы и навоз жвачных животных. Навоз использовался во влажном состоянии в низкой концентрации, в составе ФМ фиксируется по наличию измельченной растительности размером от 0,5–2,0 мм до 5,0 мм (до 10 включений на 1 см²) (рис. 3, 14).

Анализ следов в изломах изделий позволяет предположить две разновидности органических растворов. Первая представлена выжимкой из навоза жвачных животных, что фиксируется по незначительному количеству отпечатков сильно измельченной растительности размером 0,5–3,0 мм, редко длиной до 5,0–10,0 мм, пустотам неправильной формы размером 1,0–3,0 мм с бесцветными матовыми поверхностями.

Вторая разновидность органических растворов, по всей видимости, подготовленных из веществ животного или растительного происхождения, фиксируется по присутствию в изломах пустот разной формы размером 1,5–3,0 мм, стенки которых покрыты бесцветными, черного цвета пленками, имеющими жирный блеск (рис. 3, 15).

Придание сосудам прочности и устранение водопроницаемости достигалось путем их обжига в кострищах или очагах, в условиях смешанной восстановительно-окислительной и восстановительной среды.

Сосуды, обожженные в условиях окислительно-восстановительной среды с непродолжительным действием температур каления (не ниже 650 °С), имеют пятнистую или коричневую окрашенность поверхностей и осветленные слои в изломе, примыкающие к внешней и/или внутренней стенкам изделия, мощность которых чаще всего не превышает 1,0 мм, реже составляет 2,0–3,0 мм.

На обжиг в условиях восстановительной атмосферы без доступа кислорода и воздействия температуры каления указывает сплошной темно-серый излом. Цвет поверхностей сосудов при этом пятнистый или коричневый, что связано с «оголением» от топлива остывающего сосуда в обжиговом устройстве, в результате чего под действием кислорода осветлялись участки поверхностей.

Далее приведены результаты технико-технологического анализа сосудов, включенных в выделенные морфологические группы и подгруппы.

Результаты технико-технологического анализа

Группа А, подгруппа 1

Отбор исходного пластичного сырья. Для изготовления сосудов использовалось два вида ИПС — природная глина (22 сосуда — 59,5 %) и илистая глина (15 сосудов — 40,5 %). Выявлено значительное

разнообразие подвидов ИПС — 8 подвидов природных глин и все выделенные подвиды илистых глин. Преимущественно применялись глины подвидов 1, 9 и 12, илистые глины подвидов 1 и 2¹ (табл. 1).

Составление формовочных масс. По изученным сосудам выделено 9 рецептов ФМ (табл. 1), среди которых массовыми выступали «глина + шамот + выжимка из навоза» (40,5 %) и «илистая глина + шамот + органический раствор» (32,4 %). Шамот представлен включениями размером 0,5–3,0 мм, реже встречаются единичные частицы до 4,0–9,0 мм, концентрация составляет чаще всего 1:5/6 (27 сосудов), реже — 1:7/8 (7 сосудов), единично — 1:4. Размер включений тальковой дресвы, зафиксированной в изломах 5 сосудов (рис. 2, 3, 5, 8, 14), составляет от менее 0,1 до 2,0 мм, отмечены частицы до 5,0 мм, концентрация составляет от 1:7 до 1:10 (4 сосуда), единично — 1:3/4. Кварцевая дресва, выявленная в составе ФМ одного сосуда (рис. 2, 6), представлена частицами размером до 3,0 мм, единично — 6,0 мм, добавлена в концентрации 1:4. Кальцинированная кость представлена частицами размером 0,2–2,0 мм, выявлена в виде единичных частиц и в концентрации 1:8. В качестве органических примесей использовались навоз жвачных животных и выжимка из него, органический раствор.

Таблица 1

Соотношение видов и подвидов исходного пластичного сырья и составов формовочных масс сосудов подгруппы 1 группы А поселения Дуванское XVII

Table 1

The ratio of the types and subspecies of raw materials and the compositions of the pottery paste of vessels of subgroup 1 of group A from the Duvanskoye XVII site

Состав ФМ	Подвиды ИПС												Всего
	Гл. 1	Гл. 2	Гл. 3	Гл. 8	Гл. 9	Гл. 10	Гл. 11	Гл. 12	ИГ 1	ИГ 2	ИГ 3	ИГ 4	
Ш *									1		1		2/5,4
Ш + В	2				7		2	4					15/40,5
Ш + ОР				1					5	4		2	12/32,4
Ш + К + Н	1												1/2,7
Ш + К + ОР											1		1/2,7
Т + В						1							1/2,7
Д кв. + В		1											1/2,7
Ш + Т + В	2		1										3/8,1
Ш + Т + ОР										1			1/2,7
Всего сосудов	5/13,5 **	1/2,7	1/2,7	1/2,7	7/19	1/2,7	2/5,4	4/10,8	6/16,2	5/13,5	2/5,4	2/5,4	37/100

* Здесь и далее: Гл. — природная глина; ИГ — илистая глина; Ш — шамот; К — кальцинированная кость; Т — дресва тальковая; Д кв. — дресва кварцевая; Н — навоз жвачных животных; В — выжимка из навоза; ОР — органический раствор.

** Здесь и далее: в числителе — количество сосудов, в знаменателе — % от общего количества сосудов.

Массовым компонентным составом ФМ выступал «шамот + органика» (29 сосудов — 78,4 %), остальные составы выявлены по единичным сосудам: «шамот + кость + органика» (2 сосуда — 5,4 %), «дресва (тальковая, кварцевая) + органика» (2 сосуда — 5,4 %), «шамот + дресва + органика» (4 сосуда — 10,8 %).

Сосуды, шедшие на шамот, в своем составе имели только шамот (25 сосудов — 71,4 %²), по изломам 10 изделий выявлен шамот двух составов — с шамотом и с тальком (28,6%) (рис. 3, 9). В составе шамота четырех сосудов выявлены фрагменты раковин речных моллюсков (рис. 3, 10).

Особенности *конструирования* выявлены по излому одной донной части с сохранившимися частями стенок. *Начин* сосуда был изготовлен в соответствии донно-емкостной программой путем свободной лепки с помощью лоскутов (рис. 2, 15). *Полое тело* данного изделия и еще одной верхней части также наращивалось лоскутами (рис. 2, 14, 15).

Обработка поверхностей сосудов производилась шпателями, реже — ножом, гребенчатым штампом, мягкими материалами. Лощение зафиксировано на внешних поверхностях 25 сосудов (67,6 %) и на 8 — с внутренней стороны (21,6 %). Следы уплотнения выявлены на внешних стенках 12 сосудов (32,4 %) и на внутренних поверхностях 16 изделий (43,2 %).

Придание сосудам прочности и устранение водопроницаемости осуществлялось путем обжига в условиях окислительно-восстановительной атмосферы с непродолжительным дейст-

¹ Здесь и далее соотношение конкретного вида и подвида исходного пластичного сырья с составами формовочных масс в рамках конкретных сосудов представлено в соответствующих таблицах.

² Здесь и далее процентное соотношение концентрации минеральных примесей (шамот, разные виды дресвы) в сосудах указано в зависимости от количества изделий, содержащих их в составе ФМ.

Результаты технико-технологического анализа керамики эпохи бронзы поселения Дуванское XVII...

нием температур каления (25 сосудов — 67,6 %), а также в восстановительной среде (11 сосудов — 29,7 %). Полностью осветленный излом и поверхности фрагмента одного сосуда указывают на его повторное попадание в зону высоких температур.

Группа А, подгруппа 2

Отбор исходного пластичного сырья. Для изготовления сосудов подгруппы 2 использовалось два вида ИПС — природная глина (8 сосудов — 66,7 %) и илистая глина (4 сосуда — 33,3 %). Для изготовления данной подгруппы изделий использовались залежи из пяти источников ИПС — отбирались 4 подвида природных глин и илистая глина подвида 3 (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение видов и подвигов исходного пластичного сырья и составов формовочных масс сосудов подгруппы 2 группы А поселения Дуванское XVII

Table 2

The ratio of the types and subspecies of raw materials and the compositions of the pottery paste of vessels of subgroup 2 of group A from the Duvanskoye XVII site

Состав ФМ	Подвиды ИПС					Всего
	Гл. 1	Гл. 9	Гл. 11	Гл. 12	ИГ 3	
Ш + В	2	2	2	1		7/58,3
Ш + ОР					2	2/16,7
Ш + К + В				1		1/8,3
Ш + К + ОР					1	1/8,3
Ш + Т + ОР					1	1/8,3
Всего сосудов	2/16,7	2/16,7	2/16,7	2/16,7	4/33,3	12/100

Составление формовочных масс. Выделено 5 рецептов ФМ (табл. 2). Большинство сосудов изготовлено из ФМ, составленной по рецепту «глина + шамот + выжимка из навоза» (58,3 %). В ФМ половины изученных сосудов размер включений шамота не превышает 3,0 мм (6 сосудов), в другой части изделий выявлены частицы до 4,0–6,0 мм, концентрация составляет 1:5/6 (10 сосудов), единично — 1:4 и 1:7. Размер включений талька не превышает 1,5 мм, концентрация составляет 1:7. Кальцинированная кость представлена в концентрации не более 1:10, размер ее включений 0,3–1,0 мм, единичны частицы до 3,0 мм. В качестве органических примесей использовались выжимка из навоза жвачных животных, органический раствор.

Массовым компонентным составом ФМ выступал «шамот + органика» (9 сосудов — 75 %), компонентный состав «шамот + кость + органика» зафиксирован по двум сосудам, состав «шамот + дресва + органика» выявлен по одному изделию.

Анализ шамота показал наличие в его составе только шамота (7 сосудов — 58,3 %), отмечены частицы с двумя составами — с шамотом и с тальком (5 сосудов — 41,7 %).

Способы *конструирования* данной подгруппы сосудов установить не удалось.

Обработка поверхностей изученных изделий производилась с помощью шпателей, единично отмечены следы применения гребенчатого штампа. Лощение зафиксировано на внешних поверхностях 10 сосудов (83,3 %) и на 6 — с внутренней стороны (50 %), уплотнение выявлено на 2 изделиях с внешней стороны (16,7 %) и на внутренних поверхностях 5 сосудов (41,7 %).

Придание сосудам прочности и устранение водопроницаемости производилось путем обжига в условиях окислительно-восстановительной атмосферы с непродолжительным действием температур каления (8 сосудов — 66,7 %) и в условиях восстановительной атмосферы (4 сосуда — 33,3 %).

Группа А, подгруппа 3

Отбор исходного пластичного сырья. Выявлено использование двух видов ИПС — природной глины (3 сосуда — 60%) и илистой глины (2 сосуда — 40 %). Для изготовления данной подгруппы изделий отбирались подвиды глин 1 и 12 и илистая глина подвида 3 (табл. 3).

Составление формовочных масс. Выделено 4 состава ФМ (табл. 3). По двум сосудам зафиксировано применение рецепта «глина + шамот + выжимка из навоза» (40 %), из ФМ, составленных по остальным рецептам, изготовлено по одному изделию. Шамот, добавлявшийся в концентрации 1:5/6 (3 сосуда), единично — 1:3 и 1:7, представлен включениями до 3,0 мм (3 сосуда), в изломах 2 сосудов отмечены частицы до 4,0–5,0 мм. Размер включений талька, отмеченного в составе ФМ одного сосуда (рис. 2, 22), не превышает 1,5 мм, его концентрация — не более 1:10. В качестве органических примесей использовались навоз жвачных животных и выжимка из него, органический раствор.

Таблица 3

Соотношение видов и подвидов исходного пластичного сырья и составов формовочных масс сосудов подгруппы 3 группы А поселения Дуванское XVII

Table 3

The ratio of the types and subspecies of raw materials and the compositions of the pottery paste of vessels of subgroup 3 of group A from the Duvanskoye XVII site

Состав ФМ	Подвиды ИПС			Всего
	Гл. 1	Гл. 12	ИГ 3	
Ш + В	2			2/40
Ш + Н		1		1/20
Ш + ОР			1	1/20
Ш + Т + ОР			1	1/20
Всего сосудов	2/40	1/20	2/40	5/100

Массовым компонентным составом ФМ выступал «шамот + органика» (4 сосуда 80%), «шамот + дресва + органика» выявлен по одному изделию.

Анализ состава шамота показал наличие в изломах 3 изделий включений с двумя составами — с шамотом и с тальком (60 %), в двух случаях выявлен шамот с тремя составами — с шамотом, с тальком, с кальцинированной костью (40 %).

Способы *конструирования начина и полого тела* выявлены по изломам одного сосуда (рис. 2, 25). Начин изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой, направление спаев между «строительными элементами», в качестве которых выступали лоскуты, позволяет предположить использование формы-основы. Начин мелкий, доэлементный. Полное тело наращивалось с помощью лоскутов свободной лепкой.

Обработка поверхностей изученных сосудов осуществлялась с помощью шпателя и гребенчатого штампа, лощение выявлено только на внешних поверхностях (3 сосуда — 60 %), внутренние стенки подвергались уплотнению (4 сосуда — 80 %).

Придание сосудам прочности и устранение водопроницаемости производилось путем обжига в условиях окислительно-восстановительной атмосферы с непродолжительным действием температур каления (4 сосуда — 80 %). В условиях восстановительной атмосферы обожжено одно изделие (20 %).

Группа Б, подгруппа 1

Отбор исходного пластичного сырья. Для изготовления сосудов использовалось два вида ИПС — природная глина (6 сосудов — 46,2 %) и илистая глина (7 сосудов — 53,8 %). Выявлено применение четырех подвидов природных глин — 1, 5, 9 и 11 и всех подвидов илистых глин (табл. 4).

Таблица 4

Соотношение видов и подвидов исходного пластичного сырья и составов формовочных масс сосудов подгруппы 1 группы Б поселения Дуванское XVII

Table 4

The ratio of the types and subspecies of raw materials and the compositions of the pottery paste of vessels of subgroup 1 of group B from the Duvanskoye XVII site

Состав ФМ	Подвиды ИПС							Всего
	Гл. 1	Гл. 5	Гл. 9	Гл. 11	ИГ 1	ИГ 2	ИГ 3	
Ш*							1	1/7,7
Ш + В	2	1	1	1				5/38,4
Ш + ОР					1	2		4/30,8
Ш + К + В			1					1/7,7
Ш + К + ОР							1	1/7,7
Ш + Т + ОР						1		1/7,7
Всего сосудов	2/15,4	1/7,7	2/15,4	1/7,7	1/7,7	3/23,1	1/7,7	13/100

Составление формовочных масс. Выделено 6 составов ФМ (табл. 4). В основном сосуда изготовлены из ФМ, составленных по рецептам «глина + шамот + выжимка из навоза» (38,4 %) и «илистая глина + шамот + органический раствор» (30,8 %). Размер включений шамота составляет от менее 0,5 до 2,0 мм (4 сосуда), в изломах 9 сосудов отмечены частицы до 4,0–6,0 мм, в абсолютном большинстве случаев концентрация шамота составляет 1:5/6 (9 сосудов), единичны изделия, в которых примесь представлена в соотношении 1:4, 1:7 и в виде единичных включений. Размер включений талька, зафиксированного в ФМ одного сосуда (рис. 3, 2), составляет 0,5–2,0 мм, встречаются

Результаты технико-технологического анализа керамики эпохи бронзы поселения Дуванское XVII...

из частицы до 5,0–6,0 мм, концентрация его в составе ФМ — 1:5/6. В качестве органических примесей использовались выжимка из навоза жвачных животных, органический раствор.

Анализ шамота выявил наличие в его составе только шамота (6 сосудов — 46,1 %), в изломах шести сосудов отмечены частицы двух составов — с шамотом и с тальком (4 сосуда — 30,8 %), с шамотом и с кальцинированной костью (2 сосуда — 15,4 %), а также частицы трех составов — с шамотом, с тальком, с кальцинированной костью (1 сосуд — 7,7 %).

Особенности *конструирования начина* выявлены по изломам одной донной части с сохранившимися стенками (рис. 3, 1). Начин изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой скульптурной лепкой с помощью лоскутов, наращиваемых по спиралевидной траектории. Аналогичным образом осуществлялось наращивание *полого тела* данного сосуда, а также еще одной верхней части изделия (рис. 3, 1–2).

Следы первоначальной *обработки поверхностей* на внешних стенках сосудов были уничтожены в процессе лощения (100 %), только на одном изделии выявлены следы заглаживания, оставленные гребенчатым штампом. На внутренних поверхностях изделий отмечены следы, оставленные шпателями, ножами, единично — гребенчатым штампом, лощение выявлено на 9 сосудах (69,2 %), на стенках двух изделий отмечено уплотнение (15,4 %).

Придание сосудам прочности и устранение водопроницаемости производилось в процессе обжига в условиях окислительно-восстановительной атмосферы с непродолжительным действием температур каления (12 сосудов — 92,3 %). В условиях восстановительной атмосферы обожжено одно изделие (7,7 %).

Группа Б, подгруппа 2

Отбор исходного пластичного сырья. Для изготовления изделий подгруппы применялся один вид ИПС — природная глина. Выявлено использование подвидов глин 1, 4, 6, 7 и 9 (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение видов и подвидов исходного пластичного сырья и составов формовочных масс сосудов подгруппы 2 группы Б поселения Дуванское XVII

Table 5

The ratio of the types and subspecies of raw materials and the compositions of the pottery paste of vessels of subgroup 2 of group B from the Duvanskoye XVII site

Состав ФМ	Подвиды ИПС					Всего
	Гл. 1	Гл. 4	Гл. 6	Гл. 7	Гл. 9	
Ш + В	3				1	4/50
Ш + К + В	1					1/12,5
Т + В		1		1		2/25
Ш + Т + ОР			1			1/12,5
Всего сосудов	4/50	1/12,5	1/12,5	1/12,5	1/12,5	8/100

Составление формовочных масс. Выделено 4 состава ФМ (табл. 5). Массово использовался рецепт «глина + шамот + выжимка из навоза» (50 %), реже — «глина + дресва + выжимка из навоза» (25 %). Размер включений шамота составляет от менее 0,5 до 2,0 мм, фиксируются частицы до 4,0–6,0 мм, концентрация составляет 1:5/6 (4 сосуда) и 1:7 (2 сосуда). Размер включений талька, выявленного в составе ФМ трех сосудов (рис. 3, 14–16), составляет от менее 0,5 до 3,0–4,0 мм, встречаются частицы до 6,0–10,0 мм, концентрация его в составе ФМ составляет 1:1/2 и 1:6. Включения кальцинированной кости размером 0,2–0,5 мм, единично — до 3,0 мм представлены в концентрации 1:10. В качестве органических примесей использовались выжимка из навоза жвачных животных, органический раствор.

Анализ шамота, зафиксированного в изломах 6 сосудов, показал наличие в его составе только шамота (2 сосуда — 33,3 %), в остальных случаях отмечено наличие шамота с двумя составами — с шамотом и с тальком (3 сосуда — 50 %), с шамотом и с костью (1 сосуд — 16,7 %).

Способы *конструирования* данной подгруппы сосудов не установлены.

Обработка поверхностей. Внешние поверхности сосудов данной подгруппы подвергались лощению (7 сосудов — 87,5 %), в одном случае выявлены следы уплотнения (12,5 %). На внутренних стенках изделий отмечены следы, оставленные шпателем, ножами, единично — пальцами, гребенчатым штампом, на стенках 5 сосудов выявлено лощение (62,5 %), на двух изделиях — уплотнение (25 %).

Придание сосудам прочности и устранение водопроницаемости. Обжиг сосудов производился в условиях окислительно-восстановительной атмосферы при температурах каления

(5 сосудов — 62,5 %). В условиях восстановительной среды обожжены два изделия (25 %). В одном случае поверхности и излом сосуда полностью осветлены; вероятно, фрагменты изделия попадали в зону высоких температур повторно.

Группа Б, подгруппа 3

Отбор исходного пластичного сырья. Для изготовления сосудов использовалось два вида ИПС — природная глина (2 сосуда — 33,3 %) и илистая глина (4 сосуда — 66,7 %). Выявлено применение подвидов природных глин 9 и 12, илистых глин подвидов 1 и 4 (табл. 6).

Таблица 6

Соотношение видов и подвидов исходного пластичного сырья и составов формовочных масс сосудов подгруппы 3 группы Б поселения Дуванское XVII

Table 6

The ratio of the types and subspecies of raw materials and the compositions of the pottery paste of vessels of subgroup 3 of group B from the Duvanskoye XVII site

Состав ФМ	Подвиды ИПС				Всего
	Гл. 9	Гл. 12	ИГ 1	ИГ 4	
Ш			1		1/16,7
Ш + В	1				1/16,7
Ш + Н		1			1/16,7
Ш + ОР				2	2/33,3
Ш + К + ОР				1	1/16,7
Всего сосудов	1/16,7	1/16,7	1/16,7	3/50	6/100

Составление формовочных масс. Выделено 5 составов ФМ (табл. 6). Размер включений шамота составляет от менее 0,5 до 3,0 мм (3 сосуда), в изломах 3 сосудов отмечены частицы до 4,0–6,0 мм, концентрация составляет 1:5/6 (4 сосуда) и 1:7 (2 сосуда). Кальцинированная кость представлена включениями размером 0,5–1,0 мм, единично — до 3,0 мм, в концентрации 1:10. В качестве органических примесей использовались навоз жвачных животных и выжимка из него, органический раствор.

Массовым компонентным составом ФМ выступал «шамот + органика» (4 сосуда — 66,7 %), единично представлены составы «шамот» (16,7 %), «шамот + кость + органика» (16,7 %).

Анализ шамота показал наличие в его составе только шамота (2 сосуда — 33,3 %), в остальных случаях отмечен шамот с двумя составами — с шамотом и с тальком (3 сосуда — 50 %), с шамотом и с костью (1 сосуд — 16,7 %).

Способы *конструирования* данной подгруппы сосудов установить не удалось.

Выявить особенности *обработки* внешних поверхностей двух сосудов не представляется возможным в связи с их повреждением, на 4 изделиях отмечены следы лощения (66,7 %). На внутренних поверхностях зафиксированы следы, оставленные деревянным ножом, лощение отмечено на 4 сосудах (66,7 %), на стенках двух изделий — уплотнение (33,3 %).

Придание сосудам прочности и устранение водопроницаемости производилось в процессе обжига в условиях окислительно-восстановительной атмосферы с непродолжительным действием температур каления (5 сосудов — 83,3 %). Поверхности и излом одного сосуда полностью осветлены, что указывает на попадание фрагментов изделия в зону высоких температур повторно (16,7 %).

Результаты исследования

Сопоставление полученных данных показывает значительную степень сходства навыков гончаров, изготовивших сосуды, включенные в подгруппы 1–3 группы А и подгруппы 1 и 3 группы Б, на всех ступенях производства:

1. Гончары имели представления о двух видах ИПС, необходимого для производства керамики, — природных глинах и илистых глинах (рис. 5, 1). В основном отбиралось ИПС сильной степени запесоченности, из слабо запесоченного сырья изготовлено от 16,7 до 40 % сосудов в подгруппах.

2. Зачастую гончарами использовались одни и те же условные источники добычи сырья. Только несколько изделий подгруппы 1 группы А и подгруппы 1 группы Б изготовлены из единично использовавшихся подвидов глин 2, 3, 5, 8, 10.

3. Традиционным компонентным составом ФМ выступал «шамот + органика», редко в качестве искусственной примеси применялся только шамот без органических добавок (рис. 5, 2). В целом эти составы зафиксированы по изломам 75–83 % изделий. Почти в каждой из подгрупп есть 1–2 сосуда с компонентным составом ФМ «шамот + кость + органика». Применение кальцинированной кости не зафиксировано только по изделиям подгруппы 3 группы А, вместе с тем ее включения отмечены в

Результаты технико-технологического анализа керамики эпохи бронзы поселения Дуванское XVII...

составе шамота двух сосудов. По незначительному количеству изделий группы А зафиксирован состав ФМ «дресва + органика», а также смешанный компонентный состав ФМ «шамот + дресва + органика», выявленный и по одному изделию подгруппы 1 группы Б. Не зафиксировано применение дресвы в качестве искусственной добавки только по изделиям подгруппы 3 группы Б. В совокупности доля сосудов в группе А и подгруппах 1 и 3 группы Б, ФМ которых подготавливалась с добавкой дресвы (тальковой, кварцевой), составляет 9,6 %.

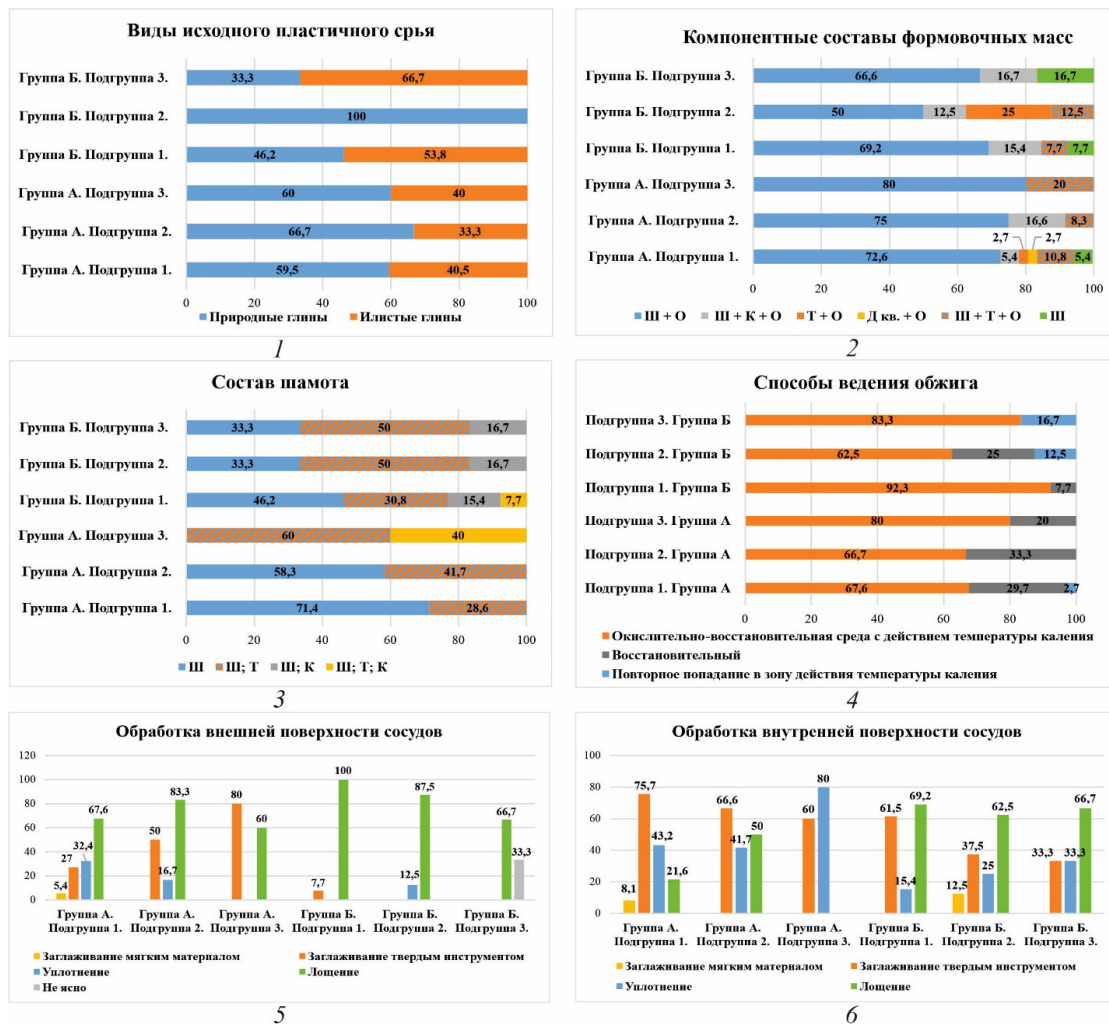

Рис. 5. Сопоставление данных о технологии изготовления сосудов подгрупп 1–3 группы А и подгрупп 1–3 группы Б поселения Дуванское XVII.

Fig. 5. Comparison of data on the technology of manufacturing vessels of subgroups 1–3 of group A and subgroups 1–3 of group B from the Duvanskoje XVII site.

4. Анализ состава шамота показал, что шедшие на шамот изделия были изготовлены в основном из природных глин, единично отмечены частицы примеси, по которым можно говорить об использовании и илистых глин. В составе ФМ шамота в большинстве случаев выявлено наличие только шамота, редко — в сочетании с кальцинированной костью. Вместе с тем в ФМ от 28,6–50 % до 100 % сосудов рассматриваемых подгрупп в составе шамота присутствует тальковая дресва (рис. 5, 3).

5. Способы конструирования сосудов, установленные для единичных изделий подгрупп 1 и 3 группы А и подгруппы 1 группы Б, указывают на идентичность навыков труда мастеров: применение донно-емкостной программы конструирования начинов, использование лоскутов в качестве «строительных элементов» при наращивании начина и полого тела.

6. Традиционными приемами обработки поверхностей сосудов выступали заглаживание, уплотнение и лощение (рис. 5, 5, 6).

7. Обжиг сосудов осуществлялся преимущественно в условиях окислительно-восстановительной среды с кратковременной выдержкой при температуре не ниже 650 °С (рис. 5, 4). Термическая обработка в условиях восстановительной атмосферы с созданием на последнем этапе окислительной среды выявлена по изделиям группы А, по одному сосуду подгруппы 1 группы Б.

Таким образом, сравнительные данные показывают, что сосуды, включенные в группу А и подгруппы 1 и 3 группы Б, изготавливали гончары с едиными традициями, характерными для системы гончарного производства населения федоровской культуры.

Традиции гончаров, изготовивших сосуды, внешний облик которых демонстрирует черты, характерные для черкаскульской культуры (подгруппа 2 группы Б), имеют отличие на уровне представлений об ИПС — для производства изделий данной подгруппы применялись исключительно природные глины (рис. 5, 1). Чаще всего использовалось сырье слабой степени запесоченности (75 %). Обращает на себя внимание достаточно высокий процент сосудов (37,5 %), изготовленных из сырья, не отбиравшегося для производства керамики других подгрупп. Значительна доля сосудов, ФМ которых составлена с использованием тальковой дресвы (37,5 %), отмеченной и в составе шамота 50 % изделий (рис. 5, 2, 3). В то же время большая часть изученных изделий подгруппы изготовлена из глин, добытых из массово использовавшихся залежей, и по данным об остальных ступенях производства демонстрирует значительное сходство с другими морфологическими подгруппами: 1) компонентный состав ФМ большинства сосудов «шамот + органика», единично — «шамот + кость + органика»; 2) обработка поверхностей изделий производилась аналогичными способами, внешние и внутренние поверхности сосудов подвергались тщательному лощению (рис. 5, 5–6); 3) цветовая характеристика поверхностей и изломов сосудов указывает на идентичные способы ведения обжига (рис. 5, 4).

Обсуждение результатов

Определение культурной принадлежности памятника, благодаря присутствию в комплексе керамики группы Б, как будто не вызывает затруднений. Большинство сосудов этой группы декорировано в соответствии с федоровским орнаментальным канонem, предусматривающим: трехчастную зональность, строгую приуроченность отдельных элементов и мотивов к определенной орнаментальной зоне, нанесение узора по косой сетке, предварительную разметку раппортов. Набор элементов орнамента и способов его нанесения также соответствует федоровскому «стандарту». Вместе с тем нельзя не заметить ряд специфических черт. Так, например, горизонтальные линии, выступающие в качестве разделителей зон и на зауральских образцах обычно выполненные гребенчатым штампом либо в желобчатой технике, на многих сосудах Дуванского XVII представлены исключительно желобками-каннелюрами. При этом они располагаются не только в зоне перехода шейки к тулову, но и в средней части шейки и даже под венчиком. Характерен прием обрамления узоров бахромой из мелких вдавлений. Другой особенностью являются пояски из противоположащих угловых вдавлений, имитирующих мотив раздвинутых рядов треугольников. Высока доля сосудов с очевидными черкаскульскими чертами, среди которых: поперечная штриховка лент меандра и зигзаговых полос, обрамление меандровых лент желобками, горизонтальные желобки и пояски наклонных отпечатков в верхней части шейки. По своим пропорциям посуда Дуванского XVII соответствует II подтипу федоровских сосудов — по классификации Е.Е. Кузьминой [1994, с. 115–116], характерному для позднефедоровских комплексов Зауралья, Восточного Казахстана, Сибири и Средней Азии. Кроме того, единичные сосуды (рис. 2, 23–26) находят явные параллели в комплексах эпохи бронзы степной полосы.

Имеющиеся на сегодняшний день данные о гончарных системах, существовавших у древних обществ лесостепного и подтаежного Зауралья и сопредельных территорий, позволяют предполагать, что поселение Дуванское XVII было основано выходцами из Уральского региона. На это указывают сходные навыки труда гончаров при отборе сырья: природных и илистых глин в среде населения федоровской культуры и только природных глин — у черкаскульского населения, при составлении ФМ — использование в качестве минеральных примесей шамота и тальковой дресвы и составление в основном смешанного компонентного состава «шамот + дресва + органика», реже — «чистого» состава «тальк + органика» [Мухаметдинов, 2014, с. 227; Климова, 2019, с. 46–47; Григорьев, Салугина, 2023]. Традиция составления ФМ только с шамотом и органикой выявлена по сосудам, изготовленным гончарами федоровской культуры.

На миграцию носителей федоровских и черкаскульских традиций в подтаежное Зауралье из Уральского региона могут указывать и сосуды, изготовленные из глин, содержащих в качестве естественных примесей обломки горных пород. Примечательно, что компонентный состав ФМ «дресва +

органика», а также часть сосудов с ФМ «шамот + дресва + органика», отмечены в сочетании с такими глинами. Эти данные позволяют высказать предположение, что изделия, изготовленные из подвидов глин 2–7, 10 являлись «импортными». На непосредственную связь с территорией Урала указывает и наличие тальковой дресвы в составе шамота, входящего в ФМ сосудов всех выделенных подгрупп.

В данном контексте немаловажной является и отмеченная особенность качественного состава илистых глин, а именно наличие обломков раковин речных моллюсков, что, по всей вероятности, являлось важным признаком для гончаров уже на ступени отбора сырья и было закреплено в традициях изучаемого населения. В этой связи важно отметить существование данной традиции в среде федоровских коллективов Южного Зауралья [Григорьев, Салугина, 2023, с. 54], а также андроновского (федоровского) населения Барабинской лесостепи, степного и лесостепного Алтая, Восточного Казахстана [Мыльникова, 2020, с. 526; Леонтьева, 2016; Савко, 2025, с. 122–127; Грушин и др., 2021]. Подчеркнем, что навыки применения илистых глин со значительной концентрацией обломков раковин у населения Притоболья не зафиксированы [Илюшина, 2017, с. 253–254]. Вопрос об истоках столь устойчивой традиции у носителей федоровской культуры требует отдельного углубленного исследования.

Заключение

Осуществленный анализ керамического комплекса подтвердил высказанную ранее гипотезу о механизмах втягивания Притоболья в орбиту андроновской общности, которые были обусловлены высоким уровнем мобильности носителей федоровской культурной традиции [Корочкова, Усманова, 2019]. Оригинальный состав формовочных масс Дуванского XVII, содержащих тальк, а также применение илистых глин с естественной примесью обломков раковин речных моллюсков, нехарактерных для местных культур, отчетливый федоровский компонент и обилие знаков, типичных для черкаскульской культуры, локализованной в районах, приуроченных к восточным отрогам Уральского хребта [Корочкова, Спиридонов, 2025, с. 75–80], позволяют интерпретировать это поселение как археологизированный эпизод трансформации культуры уральских мигрантов, соответствующий ранней стадии формирования андроновидной общности в Притоболье [Матвеев, 2007, с. 30–34; Корочкова, 2010, с. 88–89].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Григорьев С.А., Салугина Н.П. Исследование федоровской керамики поселения Мочище на Южном Урале // РА. 2023. № 4. С. 50–61. <https://doi.org/10.31857/S086960632303011X>
- Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К., Илюшина В.В., Фрибус А.В. Погребальный комплекс периода средней бронзы могильника Семиярка IV (Восточный Казахстан) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 2 (53). С. 52–65. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-53-2-5>
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
- Илюшина В.В. Особенности гончарного производства у населения эпохи бронзы в Нижнем Притоболье // Труды V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле — Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 253–257.
- Климова А.Д. Формовочные массы керамики культур Южного Зауралья бронзового века (по материалам поселения Чебаркуль III) // LI Урало-Поволж. археол. студ. конф. (УПАСК, 5–8 февр. 2019 г.): Материалы Всерос. (с междунар. участием) конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Курган: Изд-во КурГУ, 2019. С. 45–47.
- Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮриздат, 2010. 101 с.
- Корочкова О.Н., Мосунова А.В. Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 5–15. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-40-1-005-015>
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А. Черкаскульская культура: Дискуссионные аспекты изучения // Поволжская археология. 2025. № 1 (51). С. 79–92. <https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.79.92>
- Корочкова О.Н., Усманова Э.Р. Знак пути в символике федоровской культуры // УИВ. 2020. № 4 (69). С. 74–83. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4\(69\)-74-83](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-74-83)
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоирии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Вост. лит., 1994. 464 с.
- Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 4–41.
- Мухаметдинов В.И. Технологические традиции изготовления керамики на поселении Ново-Байрамгулово-1 // Вестник ВЭГУ. 2014. № 1 (69). С. 219–228.

Мильникова Л.Н. Формовочные массы керамики андроновской (федоровской) культуры могильника Тартас-1: Результаты инструментального исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 523–533. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2020.26.523-533>

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Приоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.

ИСТОЧНИКИ

Леонтьева Д.С. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016.

Савко И.А. Погребальная посуда андроновской (федоровской) культуры степного и лесостепного Алтая: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2025. 224 с.

Ilyushina V.V. ^{1*}, Korochkova O.N. ²

¹ Tyumen Scientific Centre SB RAS, vika_tika@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1517-0101>

² Ural Federal University, Olga.Korochkova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4597-9219>

Results of the technical and technological analysis of Bronze Age ceramics from the Duvanskoye XVII site in the Lower Tobol region

Summary. This article presents the results of a study of pottery production practices among the Bronze Age population of the Duvanskoye XVII site, located in the Tura-Pyshma interfluvium (subtaiga Trans-Urals). The principal ceramic assemblage of the site — comprising approximately 300 vessels — is contextually attributed to the Fedorovo Culture. Moreover, the assemblage includes a small group of ceramics exhibiting affinities with the Cherkaskul and Bishkul types. Based on ornamentation, two groups of vessels (A and B) have been identified within the assemblage. Their decorative repertoire features indicator signs, including meanders, geometric patterns, monotonous borders of stamp impressions, and bolsters. The technological study encompassed a sample of 81 vessels, representative of all identified groups, and was conducted within the framework of the historical-cultural approach and methodology developed by A.A. Bobrinsky. Comparative analysis of the obtained data revealed similarities in pottery production techniques between the potters responsible for Group A vessels and those who produced subgroups 1 and 3 of Group B. In contrast, the potters who created items with ornamentation reflecting Cherkaskul cultural traditions (subgroup 2 of Group B) demonstrated distinct approaches at the level of conceptualizing the original plastic raw material. It is hypothesized that the population of Duvanskoye XVII was heterogeneous, with origins in adjacent regions of the Middle Urals. The materials from the site correspond to the late phase of the Fedorovo cultural tradition and reflect the formation of the Andronoid Cultures (Cherkaskul and Pakhomovo).

Keywords: subtaiga Trans-Urals, Duvanskoye XVII site, Andronovo Community, Fedorovo Culture, Cherkaskul Culture, historical-and-cultural approach, technical and technological analysis.

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation: project No. 126022618029-1 (V.V. Ilyushina); No. FEUZ-2026-0015 (O.N. Korochkova).

REFERENCES

- Bobrinskii, A.A. (1978). *The Pottery of Eastern Europe: Sources and methods of study*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Bobrinskii, A.A. (1999). Pottery technology as an object of historical and cultural studies. In: A.A. Bobrinskii (Ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, 5–109. (Rus.).
- Grigoriev, S.A., Salugina, N.P. (2023). Study in the Fyodorovka pottery from the Mochishche settlement in the Southern Urals. *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 50–61. (Rus.). <https://doi.org/10.31857/S086960632303011X>
- Grushin, S.P., Merts, I.V., Merts, V.K., Ilyushina, V.V., Fribus, A.V. (2021). The burial complex of the Middle Bronze Age at the Semiyarka IV cemetery (East Kazakhstan). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 53(2), 52–65. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-53-2-5>
- Ilyushina, V.V. (2017). Features of pottery production among the population of the Bronze Age in Lower Tobol basin. In: A.P. Derevyanko, A.A. Tishkin (Eds.). *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule — Belokurikhe. T. 1*. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 253–257. (Rus.).
- Klimova, A.D. (2019). The molding masses of ceramics of the cultures of the Southern Ural of the Bronze Age (according to the materials of the settlement Chebarkul III). In: D.N. Maslyuzhenko, I.K. Novikov (Eds.). *LI Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya (UPASK, 5–8 fevralia 2019 goda): Materialy vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. Kurgan, 45–47. (Rus.).
- Korochkova, O.N. (2010). *Interaction of cultures in the Late Bronze Age (andronoid antiquities of the Tobol-Irtys region)*. Ekaterinburg: UralYurizdat. (Rus.).

* Corresponding author.

Результаты технико-технологического анализа керамики эпохи бронзы поселения Дуванское XVII...

- Korochkova, O.N., Mosunova, A.V. (2018). The Eneolithic complex of Duvanskoye XVII settlement. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 40(1), 5–15. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-40-1-005-015>
- Korochkova, O.N., Spiridonov, I.A. (2025). Cherkaskul culture: Discussion aspects of the study. *Povolzhskaya arkheologiya*, 51(1), 79–92. (Rus.). <https://doi.org/10.24852/pa2025.1.51.79.92>
- Korochkova O.N., Usmanova, E.R. (2020). Sign of the way in the symbolism of the Fedorovo culture. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 69(4), 74–83. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4\(69\)-74-83](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-74-83)
- Kuz'mina, E.E. (1994). *Where did the Indo-Aryans come from? The material culture of the tribes of the Andronovo community and the origin of Indo-Iranians*. Moscow: Vostochnaia literatura. (Rus.).
- Matveev, A.V. (2007). Cherkaskul culture of the Trans-Urals. In: N.P. Matveeva (Ed.). *AB ORIGINE: Problemy genezisa kul'tur Sibiri*. Tiumen': Vektor, 4–41. (Rus.).
- Mukhametdinov, V.I. (2014). Technological traditions of making ceramics in the settlement Novo-Bairamgulovo-1. *Vestnik VEGU*, (1), 219–228. (Rus.).
- Mylnikova, L.N. (2020). Ceramics molding masses of the Andronovo (Fedorovo) culture burial ground Tartas-1: Instrumental examination results. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*, 26, 523–533. (Rus.). <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2020.26.523-533>
- Stefanov, V.I., Korochkova, O.N. (2000). *Andronovo antiquities of the Tobol River Basin near Tyumen*. Ekaterinburg: Poligrafist. (Rus.).
- Zdanovich, G.B. (1988). *Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes (the foundations of periodization)*. Sverdlovsk: Ural'skii universitet. (Rus.).

© Илюшина В.В., Корочкова О.Н., 2026
Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 16.03.2026
Принята к публикации 04.06.2026
Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторах:

Илюшина Виктория Владимировна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия.

Корочкова Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

About the authors:

Ilyushina, Viktoria V., Candidate of Cultural Studies, Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russia.

Korochkova, Olga N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.

Скочина С.Н.^{1*}, Пошехонова О.Е.²¹ ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, sveta_skochina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8162-4779>² ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, poshehonova.olg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5081-4331>

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ПОСЕЛЕНИЯ ПЯКУПУР 3 ЭПОХИ БРОНЗЫ С СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИМ КОМПОНЕНТОМ (СЕВЕРОТАЕЖНАЯ ПОДЗОНА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Аннотация. Представлены результаты комплексного анализа каменного инвентаря раннего бронзового века поселения Пякупур 3 (последняя четверть III — начало II тыс. до н.э.), расположенного в северотаежной подзоне Западной Сибири. Полученный комплекс демонстрирует тесную связь с кварцевой индустрией, характерной для памятников региона. Представлен преимущественно изделия из кварца и значительным количеством абразивов из песчаников. Особое внимание привлекает группа изделий из серого кремня с редкими признаками, свидетельствующими о термической обработке и применении металлических инструментов для изготовления. Эта группа предметов имеет явные аналогии с сейминско-турбинскими кремневыми изделиями, обнаруженными на поселениях эпохи бронзы Западной Сибири. В целом, каменный инвентарь отражает узкую производственную специализацию поселения, ориентированную на камнеобработку, что подтвердили типологический и трасологический анализы. Помимо этого, жители поселения занимались обработкой шкур, деревообработкой, охотой и разделкой добычи. Металлических инструментов не найдено, однако наличие керамического сопла и фрагмента тигля может указывать на металлообработку. При этом специализированные инструменты, функционально связанные с металлообработкой, отсутствуют.

Ключевые слова: северотаежная подзона Западной Сибири, эпоха ранней бронзы, кварцевые орудия, кремневые орудия, абразивы, сейминско-турбинский компонент, тепловая обработка, трасологический анализ.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № 126022618029-1 (Скочина С.Н.; постановка цели, задачи исследования, типологический, трасологический анализ орудий); № 126022618022-2 (Пошехонова О.Е.; описание памятника, артефактов, датировка, планиграфический анализ).

Цитирование: Скочина С.Н., Пошехонова О.Е. Каменный инвентарь поселения Пякупур 3 эпохи бронзы с сейминско-турбинским компонентом (северотаежная подзона Западной Сибири) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 22–37. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-2>

Введение

Адаптация древнего населения к локальным ресурсам таежной зоны Западной Сибири обусловила формирование своеобразной каменной индустрии с местными особенностями. Сырьевая база региона, представленная в основном кварцевыми, песчаниковыми, сланцевыми и в меньшей степени кремнистыми породами, определила комбинированный характер каменной индустрии, построенной на применении различных технологических приемов расщепления (ударный, контрударный, отжимной). Ввиду этого состав инвентаря на памятниках довольно специфический, с внушительным абразивным комплексом. Известно, что в эпоху бронзы, наряду с использованием традиционных инструментов расщепления из камня и рога, происходит внедрение в технологический процесс металлических орудий [Косинская, 2010; Погодин, Труфанов, 2024, с. 354–376]. Исследование производственной деятельности на поселениях этого периода, в материалах которых металл не фиксируется, актуально и важно, как и выявление инвентаря, связанного с изготовлением и обработкой металлических орудий, — косвенного свидетельства металлообработки. Цель нашей работы — определение специфики каменной индустрии комплекса эпохи ранней бронзы поселения Пякупур 3.

Материалы и методы

Материалы были получены при раскопках поселения Пякупур 3, находящегося в северотаежной подзоне Западной Сибири, на левой террасе р. Пякупур в среднем течении, на северном

* Corresponding author.

склоне Сибирских Увалов [Скочина, Пошехонова, 2024, с. 126, рис. 1, 1]. Поселение в 2008 и 2018 гг. исследовано полностью шестью раскопами общей площадью около 1700 м² [Скочина, Пошехонова, 2024, с. 126, рис. 1, 2]. В предыдущих работах каменный инвентарь из раскопа 1 с помощью планиграфического и сырьевого анализов был разделен на два хронологических комплекса: энеолитический и раннебронзовый [Скочина, Пошехонова, 2024]. Находки более позднего периода, включая оригинальную керамику, залегали исключительно в юго-западной части раскопа 1 на площади примерно 290 из 828 м², откуда были получены 4 пробы угля соответствующего возраста (табл. 1). Калиброванные значения возраста образцов угля указывают на время существования поселка в последней четверти III — начале II тыс. до н.э.

Таблица 1

Калиброванные и некалиброванные значения радиоуглеродного возраста образцов угля с поселения Пякупур 3 (калибровочная программа Calib 8.20)

Table 1

Calibrated and uncalibrated values of the radiocarbon age of carbon samples of the Pyakupur 3 site

Код лаборатории	¹⁴ С л.н.	Калиброванное значение, кал. л. до н.э.		Место отбора
		1σ (68 %)	2σ (94,5 %)	
COAH-7438	3765±85	2295–2113	2458–2011	Раскоп 1, кострище 2
NSKA-2233	3758±75	2288–2118	2356–2008	Раскоп 1, яма 9
COAH-7437	3635±90	2059–1894	2206–1863	Раскоп 1, кострище 2
NSKA-2234	3592±67	2035–1878	2137–1860	Раскоп 2, кострище
NSKA-2232	3558±71	1981–1869	2070–1731	Раскоп 1, яма 7

Планиграфический анализ стал возможен благодаря тому, что керамика энеолита [Пошехонова и др., 2022] и ранней бронзы [Пошехонова, Скочина, 2012] значительно различается по морфологии. Последняя представлена толстостенными фрагментами крупных круглодонных емкостей с очень бедной орнаментацией в верхней части, зачастую горшки украшены лишь пояском неглубоких вдавлений в зоне венчика. В придонной части и на дне узор более плотный. Сосуды орнаментированы неглубокими ямочными вдавлениями (редко ямками), оттисками гладкого и единично — гребенчатого штампа, нанесенными в технике «шагания» или «штампования». В одном случае зафиксировано применение естественного гребенчатого орнамента — нижней челюсти животного. Изнутри многие сосуды также были украшены в районе дна и тулова. Необходимо отметить, что прямые аналогии этой посуде среди материалов ближайших памятников (Пяку-то I, Сугмутен-ягун IV, Щетнмат-лор, Улова 2) энеолита — бронзы не обнаруживаются. В эпоху бронзы в регионе и на севере Западной Сибири в целом была широко распространена гребенчатая или гребенчато-ямочная традиция орнаментации посуды [Косинская, 2010, с. 55], которая не фиксируется на поселении Пякупур 3.

В юго-западной части раскопа 1, в зоне распространения раннебронзовой керамики, было исследовано несколько ям и прокалов, а также ровик неясного назначения [Скочина, Пошехонова, 2024, с. 126, рис. 1, 3]. Находки залегали в них или рядом. Остатки котлованов жилищ отсутствовали (описанные в публикации 2012 г. [Пошехонова, Скочина, 2012, с. 31–33] объекты по результатам работ 2018 г. оказались обширными понижениями в материке, а не сооружениями). Размеры ям варьировали от 1,11×1,77 до 3,96×1,79 м, их глубина составляла 0,4–0,99 м. Ямы были насыщены находками, представляющими собой стандартный бытовой мусор: обломки посуды, камень, плотные скопления мелких галечек, вероятно изначально находящихся в желудках боровой птицы. Прокалы 1 и 2 имели довольно большие размеры — 3,1×1,5 и 2,37×1,52 м и мощность 0,2–0,3 м, их образование судя по всему, связано с производственной деятельностью. В них найдено очень большое количество предметов. Кострище 2 было окружено овальной канавой, которая в северо-восточной части расширялась до крупной ямы, также забитой находками. Прокалы 3 и 4, насыщенные мелкими кальцинированными косточками, скорее всего, использовались как жилищные очаги. Указанные объекты, распределенные равномерно на участке размерами 17×10 м, были отделены от энеолитической части поселения неширокой полосой стерильной почвы, не содержащей культурных отложений и предметов. Из этого раскопа в группу камня эпохи ранней бронзы включено 362 предмета.

В раскопах 4 и 5 культурный слой и предметы отсутствовали. В небольших раскопах 2 (29 м²) и 6 (36 м²) были обнаружены 14 и 5 экз. изделий из камня. В них исследованы 4 небольшие ямы и прокал. Облик найденной там керамики и возраст одного образца угля (табл. 1) дают основание включить этот материал в выборку раннебронзового времени.

Типы изделий комплекса эпохи бронзы поселения Пякупур 3

Table 2

Types of products of the Bronze Age complex of the Pyakupur 3 site

Группы	Типы изделий	р. 1	р. 3	р. 6	р. 2	Кол-во
Контрударная техника расщепления (кварц + сердолик)	Нуклеидные куски	4	2	—	—	6
	Сколы	119	31	7	3	160
	Подставки-наковальни	4	—	—	—	4
	Гальки со сколами	5	—	—	—	5
	Ретушеры	10	2	—	—	12
	Отбойники	6	2	1	1	10
	Скребки на сколах	6	—	—	—	6
	Пилки	3	—	—	—	3
	Острие	1	—	—	—	1
	Нуклеус	—	2	—	—	2
Призматическая техника расщепления (кремень)	Нуклеидные сколы	2	1	—	—	3
	Пластины	9	3	1	1	14
	Отщепы	52	34	2	—	88
	Отщепы с ретушью	6	5	—	—	11
	Концевые скребки	14	4	—	—	18
	Скребки на отщепах	1	3	—	—	4
	Острие	—	1	—	—	1
	Пилки	2	—	—	—	2
	Наконечники стрел	4	4	—	—	8
	Наконечник дротика	1	—	—	—	1
	Ножи	4	—	—	—	4
	Скол с плоской ретушью	2	—	—	—	2
	Крупные плиты	2	—	—	—	2
	Плитки и их обломки	35	6	1	—	42
	Оселки	12	—	1	—	13
	Абразив + пила	2	—	—	—	2
	Абразив + отбойник	1	—	—	—	1
Абразивный комплекс (песчаник, обожженная глина) Шлифованные изделия (песчаник, сланец)	Абразив + наковальня	1	—	—	—	1
	Пилки	1	—	—	—	1
	Подставки-наковальни	—	1	—	—	1
	отбойники	3	1	—	—	4
	Абразив на гальке	2	—	—	—	2
	Обломки абразивов	26	—	—	—	26
	Двусторонне оббитая заготовка для рубящего орудия из сланца	1	—	—	—	1
	Обработанная пикетажем заготовка ударного орудия (молота?) из песчаника с отверстием под фиксацию	1	—	—	—	1
	Керамические оселки	3	—	—	—	3
	Наконечник дротика	1	—	—	—	1
	Топоры	3	—	—	—	2
	Стамеска	1	—	—	—	1
	Тесла	1	—	1	—	1
	Плитки	1	2	—	—	3
	Сколы от шлифованных орудий	1	1	—	—	2
	Сколы	10	—	—	—	10
Итого		362	105	14	5	486

В связи с отсутствием керамики и точных датировок из раскопа 3 (760 м²) возникли определенные трудности с установлением хронологии находок из него. Нужно отметить, что культурный слой мощностью до 15 см в этом раскопе был зафиксирован только в восточной части на площади всего около 40 м², и в нем сразу под лесной подстилкой залегала основная часть находок. Основанием для датирования послужила морфология специфичных и узнаваемых каменных изделий, неоднократно и подробно описанных в литературе, которые соотносятся с сейминско-турбинскими традициями раннего/среднего бронзового века [Гиря, 2024; Погодин, Труфанов, 2024]. Это двухсторонне обработанные наконечники стрел треугольной формы с прямым насадом и скребки подтреугольной формы с тесаным брюшком или спинкой из серого кремня. В этом раскопе большая часть каменных изделий была из кремня, и, судя по их особенностям, они составляли однородный культурно и хронологически комплекс. Такие же предметы, надежно датированные последней четвертью III — началом II тыс. до н.э., были найдены в раскопе 1. Все это позволило определить время их бытования. Таким образом, к раннебронзовому времени отнесены 105 предметов из раскопа 3.

На обширной площади к северу от раскопов на разрушенной поверхности были собраны многочисленные находки. Исходя из морфологии в исследуемую выборку были включены некоторые из них — наконечник стрелы, скребки с тесаными спинками и заготовка молота, всего 22 экз. Таким образом, для исследования была сформирована группа каменного инвентаря

раннебронзового времени из 486 предметов. Кроме того, для отражения полноты выделенного комплекса в данную работу был включен каменный инвентарь из раскопа 2008 г., опубликованный ранее [Пошехонова, Скочина, 2012].

Изучение каменного инвентаря базировалось на экспериментально-трасологическом методе, разработанном С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой [Семенов, 1957; Коробкова, Щелинский, 1996]. Трасологический анализ проводился при помощи исследовательского микроскопа Olympus BX-51 с увеличением в 50 раз в светло- и темнопольном освещении с использованием фотокамеры ProgRes C10, а также стереоскопического микроскопа МСП-1 с увеличением от 15 до 40 раз с фотокамерой Canon EOS-1100.

Результаты

Сырьем для изготовления орудий служили кварц, песчаник, сланец, кремь и реже — сердолик (табл. 2). Как правило, в качестве исходного материала использовались гальки, плитки, крупные камни и их обломки. В результате сырьевого анализа каменного инвентаря, относящегося к периоду ранней бронзы, выделено три технологических контекста изготовления орудий.

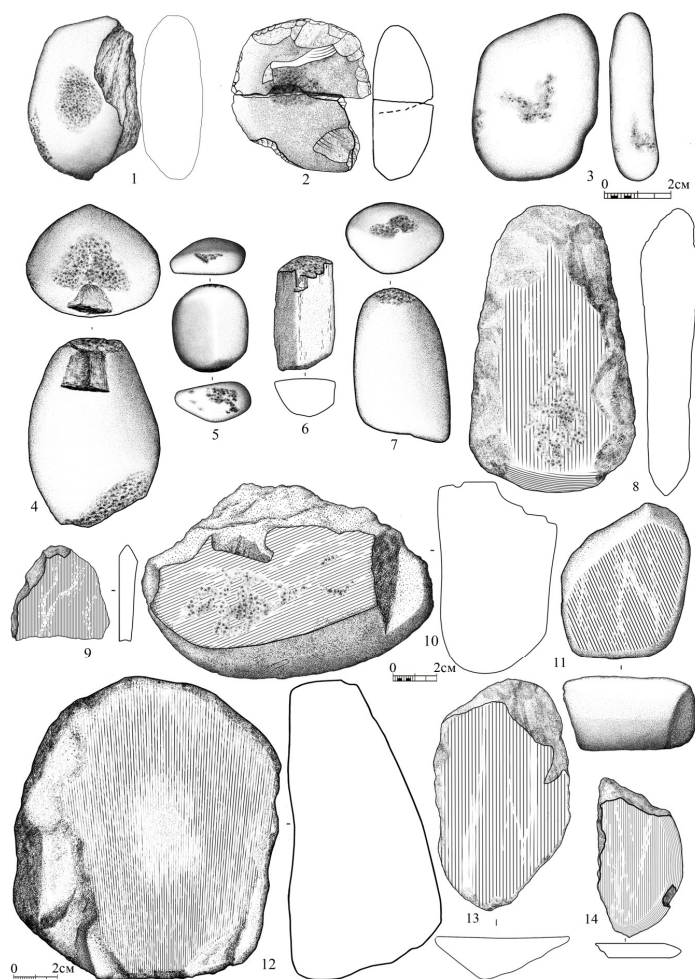

Рис. 1. Каменный инвентарь эпохи бронзы поселения Пякупур 3:

1–3 — наковальни; 4 — отбойник; 5–7 — ретушеры; 8 — тесло из шлифовальной плиты; 9, 11, 13, 14 — шлифовальные плитки; 10 — шлифовальная плита-наковальня; 12 — шлифовальная плита. Сырье: 1–7 — кварц; 8–11 — песчаник.

Fig. 1. Stone tools from the Bronze Age of the Pyakupur 3 site:

1–3 — anvils; 4 — chisel; 5–7 — retouchers; 8 — adze from a grinding slab; 9, 11, 13, 14 — grinding tiles; 10 — grinding slab-anvil; 12 — grinding slab. Raw materials: 1–7 — quartz; 8–11 — sandstone.

Контрударная техника расщепления (кварц и сердолик) (205 экз. — 43 % всего комплекса)

Кварцевый комплекс представлен нуклеусами, сколами, отбойниками, ретушерами, подставками-наковальнями и пилками. К ядрищам и продуктам их расщепления относятся нукле-

видные формы (5 экз.) и сколы (160 экз.), гальки со следами ударов (5 экз.). Нуклевидные формы высотой 2–4 см представлены гальками с бифронтальными снятиями от контрударного расщепления. Они характеризуются забитостью и выкрошенностью ударных участков, встречным (частичным или полным) скалыванием на фронтальных участках, выраженными негативами от сколов иногда со ступенчатым основанием. Продукты расщепления массово представлены сколами с одной окатанной поверхностью, полученными в результате ударных и контрударных приемов. Раскалывание кварца производилось отбойниками на наковальнях, вторичная обработка — ретушерами из галек различных размеров.

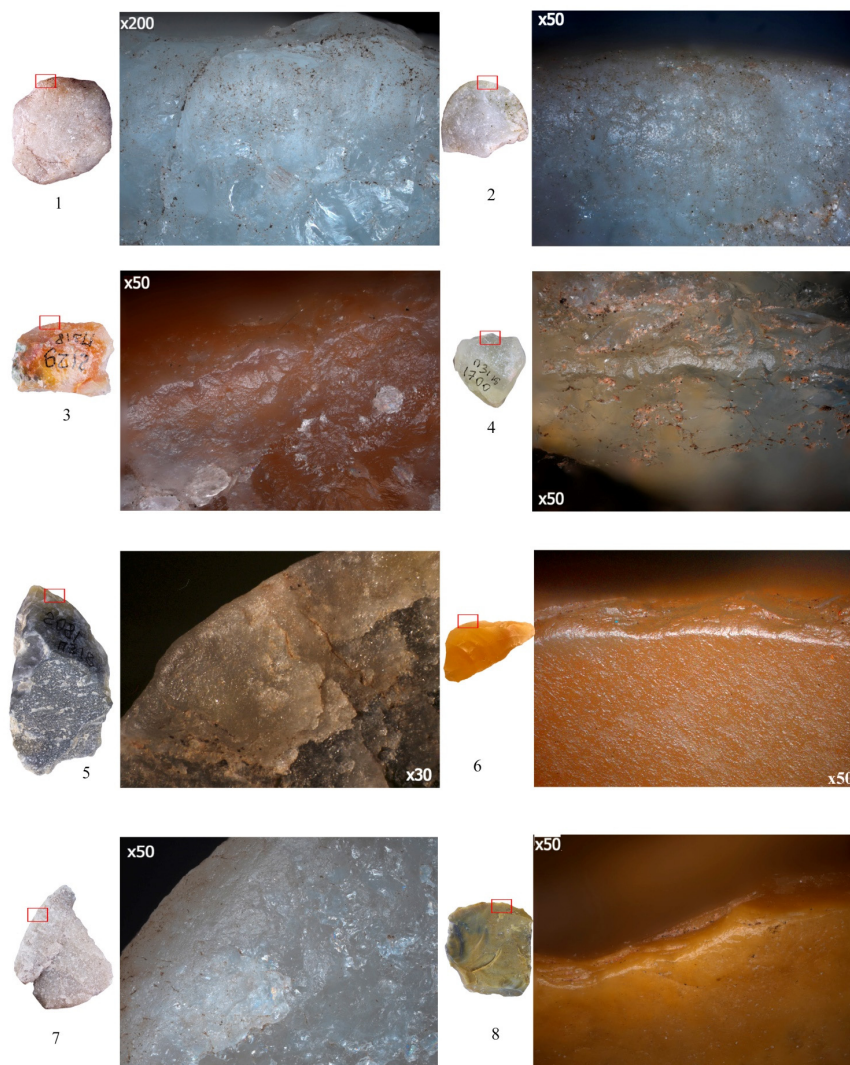

Рис. 2. Каменный инвентарь эпохи бронзы поселения Пякупур 3. Микрофотографии следов сработанности на сколах, использовавшихся как скребки для кожи. Сырье: 1–5, 7 — кварц; 6 — сердолик; 8 — кремнь.
Fig. 2. Stone tools from the Bronze Age of the Pyakupur 3 site. Micrographs of traces of wear on the flakes used as scrapers for the skin. Raw materials: 1–5, 7 — quartz; 6 — carnelian; 8 — flint.

Отбойниками (10 экз.) служили немодифицированные окатанные гальки подовальной формы размерами от 9 см до 5 см, на торцах которых с двух противоположных сторон фиксируется забитость, часто с негативами со ступенчатым окончанием (рис. 1, 4). Некоторые отбойники использовались в качестве наковален (рис. 4, 28).

В качестве ретушеров (12 экз.) также использовались гальки овальной и вытянутой подовальной формы, но меньших размеров в пределах 5–4 см со следами сработанности от ударных операций на одном или двух концах (рис. 1, 5–7). Подставками-наковальнями (4 экз.) являлись плоские гальки средних размеров (от 10 см). В центральной части рабочих плоских по-

верхностей могли располагаться сгруппированные углубления от точечных ударов (рис. 1, 1–3). Кроме того, некоторые шлифовальные плитки также использовались в качестве наковален (рис. 1, 10). Типологический ряд изделий из кварца дополняют двухсторонне оббитое острие (рис. 5, 13) и три миниатюрные пилки из сколов кварца со сточенными лезвиями (рис. 5, 12, 14). На поселении контрударом раскалывали сердолик, однако данный комплекс в количественном отношении невелик (23 экз.). В состав входят сколы со следами встречных снятий (21 экз.) и два скребка на отщепах (рис. 3, 20; 2, 6).

Трасологически среди сколов из кварца выделен 21 скребок по шкуре, 7 скобелей по дереву и два ножа, из сердолика — 2 скребка по шкуре. Для скребков и скобелей подбирались сколы, морфологически подходящие под определение «скребок на отщепе, ретушированном отвесной ретушью», только на сколах кварца ретушь не применялась (рис. 3, 17, 21, 26, 27). Рабочим лезвием скребков является один край, на котором фиксируется сработанность в виде скругленности кромки лезвия с матовой заполировкой поверхности (рис. 2, 1–7). В качестве ножей использовались сколы с острым краем, на которых зафиксирована сработанность в виде легкой скругленности.

Призматическая техника расщепления (кремнистые породы)

(146 экз. — 31 % всего комплекса)

В наиболее представительную группу входят изделия из серого кремня с белыми или светло-серыми прожилками и розоватыми пятнами (85 экз.) (рис. 3, 1–4, 7–10, 13–15, 18, 22–25; 5, 3–5). Продукты первичного расщепления представлены нуклеусом, нуклеидными сколами, пластинами и отщепами и скоплением из отщепов и пластин (31 отщеп + 4 пластины). Технологию расщепления демонстрирует одноплощадочный нуклеус (3,9×1,3×1,2 см) призматический с зауженным основанием на средней стадии сработанности, с прямой площадкой, расположенной под углом 90° по отношению к фронту. Снятие пластин было круговым, ширина негативов снятий варьирует в пределах 0,5–0,7 см. Практически по всей поверхности снятия идут заломы (рис. 3, 1). Карнизы не сняты, однако этот прием (снятие карнизов) фиксируется на всех проксимальных частях пластин из данного сырья.

Пластины (14 экз.) с ретушью и без нее представлены частями: первая — медиальная размерами 2,1×0,9×0,3 см с параллельными краями и микроскопической ретушью утилизации (рис. 3, 24); вторая (2,1×0,5×0,2 см) — проксимальная с прямым углом схождения на проксимальном участке, ретуширована пальчатой ретушью со стороны брюшка (рис. 3, 23); третья — проксимальная (3,9×0,9×0,3 см) без ретуши, на ней фиксируется только небольшая сработанность в виде ретуши утилизации (рис. 3, 25). У проксимальных частей пластин карнизы сняты. В коллекции имеется фрагмент пластины (2,1×0,4×0,2 см) с притупляющей краевой противоположной ретушью, скорее всего являющейся обломком вкладыша (рис. 3, 22). Проколка (4,3×0,9×0,3 см) изготовлена на целой пластине, у нее приостряющей ретушью обработаны два продольных края со стороны брюшка, такой же ретушью с одного края оформлено острие со стороны спинки (рис. 3, 2).

Достаточно показательны типологически выраженные орудия — концевые скребки и двухсторонне обработанные наконечники стрел. Концевые скребки подтреугольной формы (13 экз.). Скребки изготовлены на отщепах и пластинчатых сколах (10 экз.), два — на плосковыпуклой унифасиальной заготовке и один — на бифасиальной. Угол заострения лезвия составляет около 80°, лезвия чуть выпуклые (рис. 3, 7–10, 13–15; 5, 4, 5). В результате трасологического анализа установлено, что все они использовались в качестве скребков для обработки шкуры (рис. 6, 2, 4–6).

Двухсторонне обработанные наконечники стрел (7 экз.) представлены двумя формами: подтреугольной (1 экз.) (рис. 5, 3) и иволистной (2 экз.), остальные в виде обломков. В этой группе выделяется наконечник стрелы подтреугольной формы (5×2,2×0,5 см) с прямым основанием. У наконечника сильно деформированы поверхности и наблюдается трещиноватость, кроме того, он расколот на несколько фрагментов (рис. 4, 1; 5, 3). На данном экземпляре, как и на одном из концевых скребков, фиксируются признаки тепловой обработки в виде сочетания участков матовой и блестящей поверхности на негативах от снятий (рис. 4, 1, 2).

Наконечники стрел иволистной формы представлены насадами без остриев (рис. 3, 3, 4). Ширина обоих составляет 1,2 и 1,5 см, толщина 0,4 см, сечение линзовидное. Оба покрыты плоской ретушью с двух сторон. На одном наконечнике фиксируются следы неутилитарного износа, а также линия металлического блеска, расположенная внутри фасетки негатива снятия, что, вероятно, может свидетельствовать о контакте с металлом (рис. 4, 3, 3А).

Рис. 3. Каменный инвентарь эпохи бронзы поселения Пякупур 3:

1 — нуклеус; 2 — проколка; 3, 4, 5, 16 — наконечник стрелы; 6 — скребок на отщепе; 7, 9 — скребок с тесаным брешком; 8 — концевой скребок; 6, 10, 11, 17 — скребки на отщепах; 12–15 — скребки с тесаной спинкой; 18 — пластина с ретушью; 19, 29 — отщепы с ретушью; 20, 21, 26, 27 — скребки на сколах; 22, 23 — пластины с ретушью; 24, 25 — пластины без ретуши; 28 — отбойник-наковальня; 30, 31 — шлифовальные плитки. Сырье: 1–16, 18, 19, 22–25 — кремль; 20 — сердолик; 21, 26–29 — кварц; 30, 31 — песчаник.

Fig. 3. Stone tools from the Bronze Age of the Pyakupur 3 site:

1 — core; 2 — borer; 3, 4, 5, 16 — arrowhead; 6 — scraper on a flake; 7, 9 — scraper with a retouched side; 8 — end scraper; 6, 10, 11, 17 — scrapers on flakes; 12–15 — scrapers with a hewn back; 18 — plate with retouch; 19, 29 — flakes with retouch; 20, 21, 26, 27 — scrapers on chips; 22, 23 — plates with retouch; 24, 25 — plates without retouch; 28 — hammer-anvil; 30, 31 — grinding tiles. Raw materials: 1–16, 18, 19, 22–25 — flint; 20 — carnelian; 21, 26–29 — quartz; 30, 31 — sandstone.

Инвентарь из серого кремня, сосредоточенный в основном в раскопе 3, оказался довольно однородным по наличию устойчивых типологически выраженных форм орудий: серия концевых скребков с подтесанными сторонами, конический нуклеус, пластины, бифасиальные наконечники

стрел. Е.Ю. Гирей, изучавшим каменную индустрию памятников эпохи бронзы региона [2024], сделан вывод, что изготовление орудий с помощью тепловой обработки и металлических инструментов расщепления соответствуют признакам сейминско-турбинских изделий. По таким особенностям, как 90°-угол расположения площадки нуклеуса и проксимальных участков, узкие правильные пластинки, маркеры применения тепловой обработки и др., пякупурский инвентарь из серого кремня без сомнения также соотносится с сейминско-турбинским. Необходимо отметить, что такие же находки имеются в составе коллекций многих других северотаежных памятников эпохи бронзы Западной Сибири [Погодин, Труфанов, 2024].

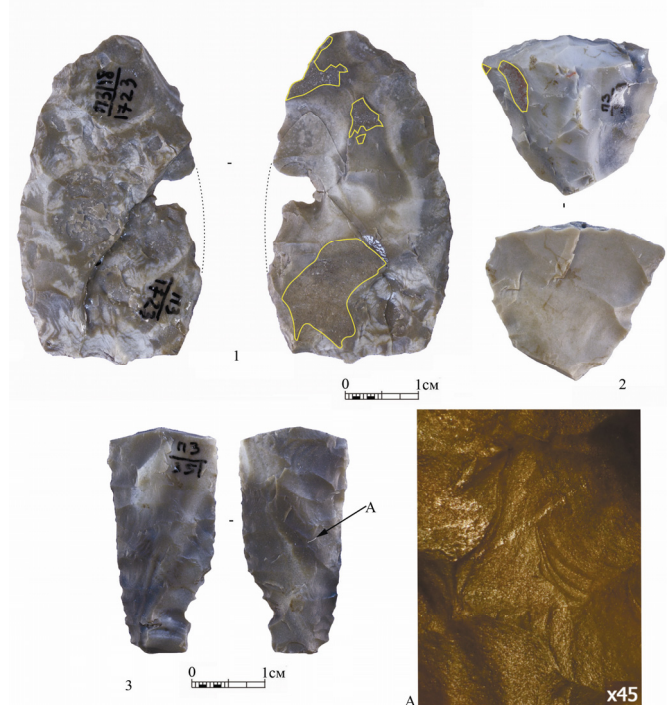

Рис. 4. Каменный инвентарь эпохи бронзы поселения Пякупур 3:

1 — наконечник стрелы с признаками тепловой обработки (выделено желтым контуром); 2 — скребок с признаками тепловой обработки (выделено желтым контуром); 3 — наконечник стрелы с царапиной (А — микрофотография царапины с металлическим блеском).

Fig. 4. Stone tools from the Bronze Age of the Pyakupur 3 site:

1 — arrowhead with signs of heat treatment (highlighted in yellow); 2 — a scraper with signs of heat treatment (highlighted in yellow); 3 — arrowhead with a scratch (A — micrograph of a scratch with a metallic sheen).

В данном контексте представлены единичные изделия, не образующие устойчивых серий (рис. 3, 6, 11, 18, 29), с различной функциональной нагрузкой (39 экз.). Морфологически выделяются наконечники стрел, острия, изделия на отщепах, обработанных двухсторонней краевой ретушью, скребки на отщепах и отщепы с ретушью.

Наконечник стрелы (5×2,2×0,5 см) из белого кремня с бордовыми пятнами треугольной формы с прямым основанием обработан двухсторонней плоской ретушью (рис. 3, 5). Двухсторонне обработанное острие (3,4×1,1×0,5 см) из черно-коричневого кремня использовалось в качестве сверла для керамики (рис. 5, 10; 6, 8). Из этой же породы сделан нож со скошенным лезвием (3,9×1,9×0,4 см), оформленным с помощью двухсторонней краевой плоской ретуши (рис. 5, 7). Продукты первичного расщепления из местного коричневого с черным кремня не обнаружены, однако имеются типологически выраженные изделия, указывающие на использование данного вида сырья. Нож на отщепе (2,8×1,3×0,4 см) в плане и в сечении треугольной формы, имеющий скошенное лезвие, обработанное с двух сторон краевой приотстригающей ретушью (рис. 5, 8). Орудие на отщепе подтрапециевидной формы (3,5×3×0,7 см) с обработанными с двух сторон поперечной приотстригающей ретушью краями, использовавшееся в качестве ножа (рис. 5, 11). Фрагмент изделия подтреугольной в плане формы (2,5×2×0,5 см), похожий на заготовку для наконечника стрелы. Все его края оформлены приотстригающей краевой ретушью с двух сторон, на вершине фик-

сируется скол со ступенчатым основанием (рис. 5, 9). В данном комплексе имеется два ножа из сколов. Первый из кремня с чуть выпуклым лезвием (3,9×1,9×0,4 см), одна его поверхность полностью покрыта плоской ретушью, другая — частично (рис. 5, 7). У второго треугольного скола из пористого песчаника (4,5×2,6×0,5 см) один край оформлен двухсторонней краевой ретушью (рис. 5, 6). Кроме этого, имеются скребки подтреугольной формы из разных пород кремня (рис. 3, 6, 11, 2, 8). Таким образом, данная группа хоть и не является представительной, однако демонстрирует типологически показательные орудия, характерные для эпохи бронзы.

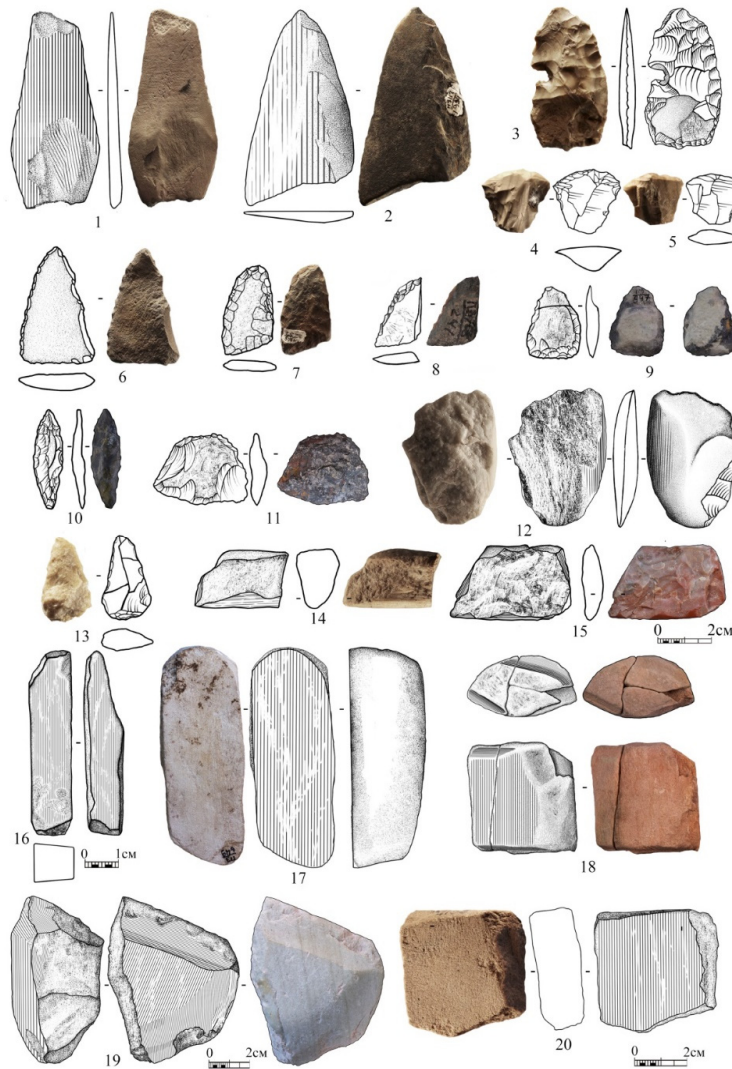

Рис. 5. Каменный инвентарь эпохи бронзы поселения Пякупур 3:

1 — шлифованный наконечник дротика; 2, 18, 20 — шлифовальные плитки; 3 — наконечник стрелы; 4, 5 — концевые скребки; 6–9, 11 — отщеп с ретушью; 10 — сверло; 12, 14, 15 — пилки; 13 — острие; 16, 17 — оселки; 19 — пила на шлифовальной плите. Сырье: 1 — сланец; 2, 7, 14, 17, 18, 20 — песчаник; 3–6, 8–11, 15 — кремень; 12, 13, 19 — кварц; 16 — обожженная глина.

Fig. 5. Stone tools from the Bronze Age of the Pyakupur 3 site:

1 — ground darthead; 2, 18, 20 — grinding tiles; 3 — arrowhead; 4, 5 — end scrapers; 6–9, 11 — retouched flake; 10 — drill; 12, 14, 15 — saws; 13 — point; 16, 17 — whetstones; 19 — saw on a grinding plate. Raw materials: 1 — slate; 2, 7, 14, 17, 18, 20 — sandstone; 3–6, 8–11, 15 — flint; 12, 13, 19 — quartz; 16 — fired clay.

В этом же комплексе присутствует группа изделий из белого кремня с розовыми вкраплениями, состоящая из нуклеуса для отщепов, скребка, наконечника стрелы и двух отщепов (5 экз.). Нуклеус для отщепов (6,3×4,1×2,3 см) — с желвачной коркой на одной стороне и с негативами от бессистемных снятий. Из этого же сырья — скребок и фрагмент наконечника стрелы. Скребок (3,0×2,2×0,7 см) подтреугольной формы с выпуклым лезвием на унифасиальной заготовке, спинка покрыта крупной

плоской ретушью, поперечный край обработан отвесной, со стороны брюшка один продольный край — крупной приостряющей ретушью (рис. 3, 12). Фрагмент наконечника стрелы (шириной 2,1 см, толщиной 0,4 см) представляет собой насад, оформленный с одной стороны вертикальными сколами, в связи с чем имеет незначительную вогнутость. Его продольные края обработаны краевой ретушью (рис. 3, 16).

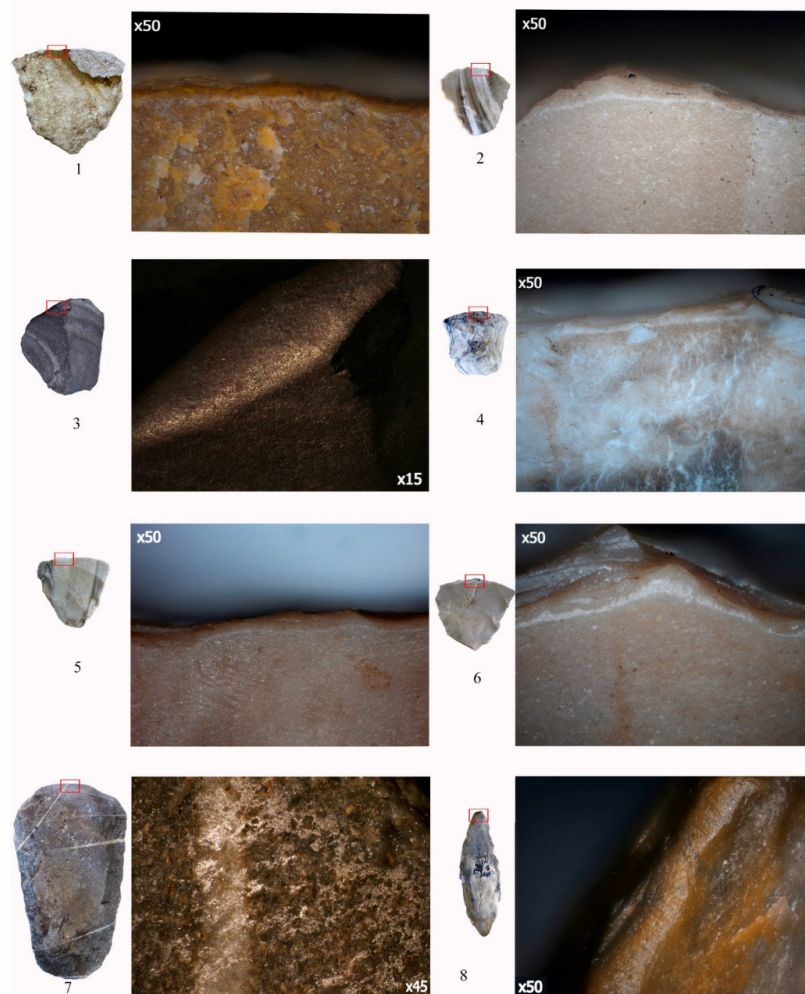

Рис. 6. Каменный инвентарь эпохи бронзы поселения Пякупур 3. Микрофотографии следов сработанности: 1–6 — скребки для кожи; 7 — топор; 8 — сверло по керамике или камню.

Fig. 6. Stone tools from the Bronze Age of the Pyakupur 3 site. Photomicrographs of wear marks: 1–6 — skin scrapers; 7 — wood axe; 8 — ceramic drill.

*Абразивный комплекс (песчаник, кварц, кремнь, сланец, керамика)
(121 экз. — 26 % от всего комплекса)*

В данном контексте совокупно представлены инструменты и материалы, предназначенные для абразивной обработки. Эта довольно презентабельная группа состоит из различного рода обломков пассивных плит и плиток, брусков-оселков, в том числе искусственных (табл. 2). Исходным сырьем для абразивов служили плитки и гальки из песчаников, разделяющиеся на крупнозернистые 1,1–2 мм, мелкозернистые 0,2–1 мм и слабо/тонкозернистые 0,05–0,1 мм. Реже использовались сколы кварца, кремня, сланца и специально подготовленные изделия из обожженной глины — оселки.

Морфологически в состав абразивных инструментов включены пассивные терочные плиты размерами около 15 см (рис. 1, 10, 12; 7, 5), пилы (рис. 5, 19), небольшие плитки (рис. 1, 9, 11, 13, 14; 5, 2, 18, 20; 3, 30, 31) и бруски-оселки (рис. 5, 17; 7, 4). Обозначенные типы инструментов принадлежат к таким этапам шлифовальных работ, как распил, предварительное и чистовое шлифование, финишная обработка и полировка, заточка. Рабочие поверхности ровные или наклонные,

реже вогнутые, на них фиксируются следы только возвратно-поступательных движений. Образующиеся в ходе шлифовальных работ крупные обломки и различные сколы часто реутилизировались в качестве наковален, отбойников, пилок по камню и скребков по шкуре.

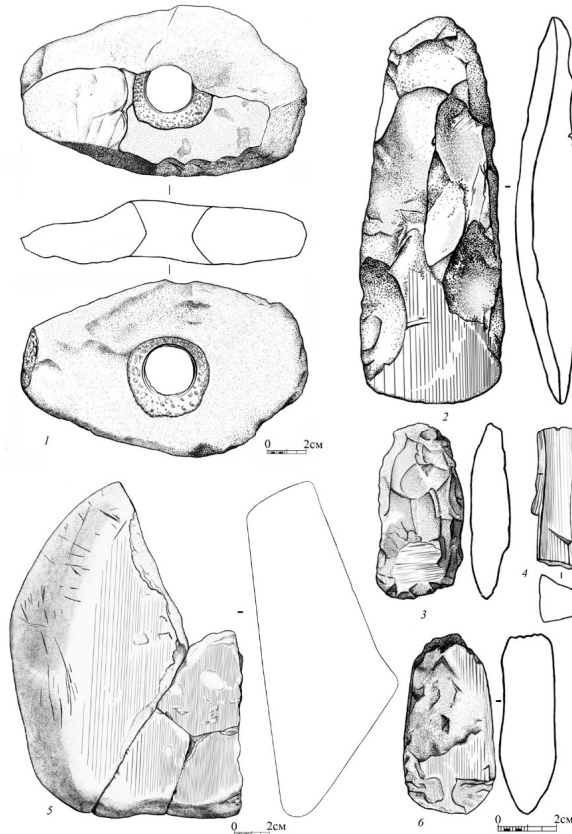

Рис. 7. Каменный инвентарь эпохи бронзы поселения Пякупур 3:

1 — заготовка молота (?); 2 — тесло; 3, 6 — топоры; 4 — оселок; 5 — шлифовальная плита.

Сырье: 1, 4–6 — песчаник; 2 — сланец.

Fig. 7. Stone tools from the Bronze Age of the Pyakupur 3 site:

1 — hammer blank (?); 2 — adze; 3, 6 — axes; 4 — whetstone; 5 — grinding plate. Raw materials: 1, 4–6 — sandstone; 2 — slate.

В ходе трасологического анализа были зафиксированы дифференцированные следы сработанности на рабочих поверхностях, связанные с обработкой изделий из камня (59 экз.) и кости (2 экз.). В работах с камнем использовались пилы, пассивные и мобильные абразивы. Костяные изделия подвергались формообразованию с помощью оселков и плиток. Матовая сточенность на шлифовальных плитках связана с обработкой поверхности каменных орудий (рис. 8, 1–8), слабая сточенность рабочих поверхностей и заполировка на выступающих участках поверхности — с обработкой кости (рис. 9, 1, 2).

Кроме того, в составе абразивного комплекса фиксируются инструменты, применявшиеся в обработке камня, на поверхности которых имеются одиночные следы, оставленные металлическими изделиями. На рабочих поверхностях абразивов они имеют незначительную насыщенность, отмечаются в виде разрозненных пятен металлического блеска и длинных одиночных, иногда прерывистых линий заполировки, что, скорее всего, связано с их эпизодическим использованием (рис. 9, 3–8).

Пилки (8 экз.). В данную типологическую группу объединены орудия из разных пород камня: пилы из кварца (3 экз.) (рис. 5, 19), песчаника (3 экз.) (рис. 5, 14) и кремня (2 экз.) (рис. 5, 15). В коллекции представлена массивная пила из серо-розового кварца толщиной 8,4 см, высотой 4,5 см, весом 274 г. Первоначально это была шлифовальная плита, которая впоследствии разбилась или была разбита, — из ее обломка и сделали пилу. При этом рабочее лезвие было приостроено с помощью двухсторонней оббивки. В ходе работы лезвие приобрело асимметричность, с одной стороны грань вогнутая, а с другой — прямая. На обеих сторонах лезвия фиксируются крупные длинные царапины от пиления камня, параллельные друг другу и рабочему лезвию (рис. 5, 19; 8, 5).

Каменный инвентарь поселения Пякупур 3 эпохи бронзы с сейминско-турбинским компонентом...

Пилки из сколов кварца (3 экз.) и кремня (2 экз.) скорее всего использовались для более тонкой работы. У кварцевых сколов размерами 4,8 см, 3,6 см рабочими являлись края, на которых визуальнo фиксируется двухсторонняя при шлифовка. Внутри нее имеются длинные параллельные царапины (рис. 5, 12). Выделяется пилка из кремня (4,9×2,9×0,7см) подтрапецевидной формы с тремя краями, сточенными в результате пилящих действий (рис. 5, 15).

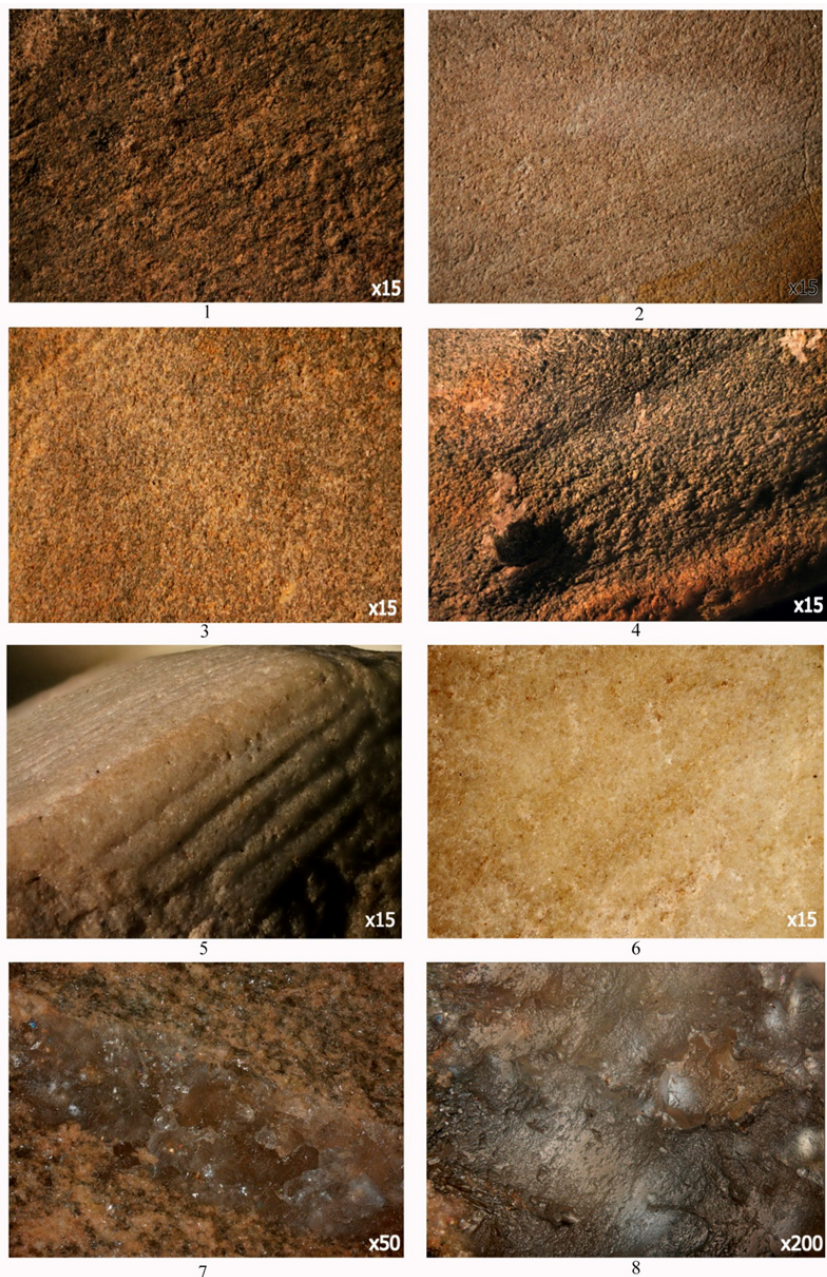

Рис. 8. Каменный инвентарь эпохи бронзы поселения Пякупур 3. Микрофотографии следов сработанности на поверхности плит, использовавшихся для шлифовки камня (1–4, 6) и обработки металлических инструментов (7, 8), и на лезвии пилы (5).

Fig. 8. Stone tools from the Bronze Age of the Pyakupur 3 site. Photomicrographs of wear marks on the surface of slabs used for grinding stone (1–4, 6) and processing metal tools (7, 8), and on the saw blade (5).

Керамических оселков обнаружено всего три. Они представляют собой небольшие бруски обожженной глины со слабой примесью песка, со сточенными рабочими поверхностями. Среди них выделяется фрагмент оселка подпрямоугольного в плане и подквадратного в сечении (5,5

×1,2×1,3 см), у которого на одной поверхности помимо сточенности фиксируются пятна яркого блеска, характерного для следов работы с металлическими изделиями (рис. 5, 16).

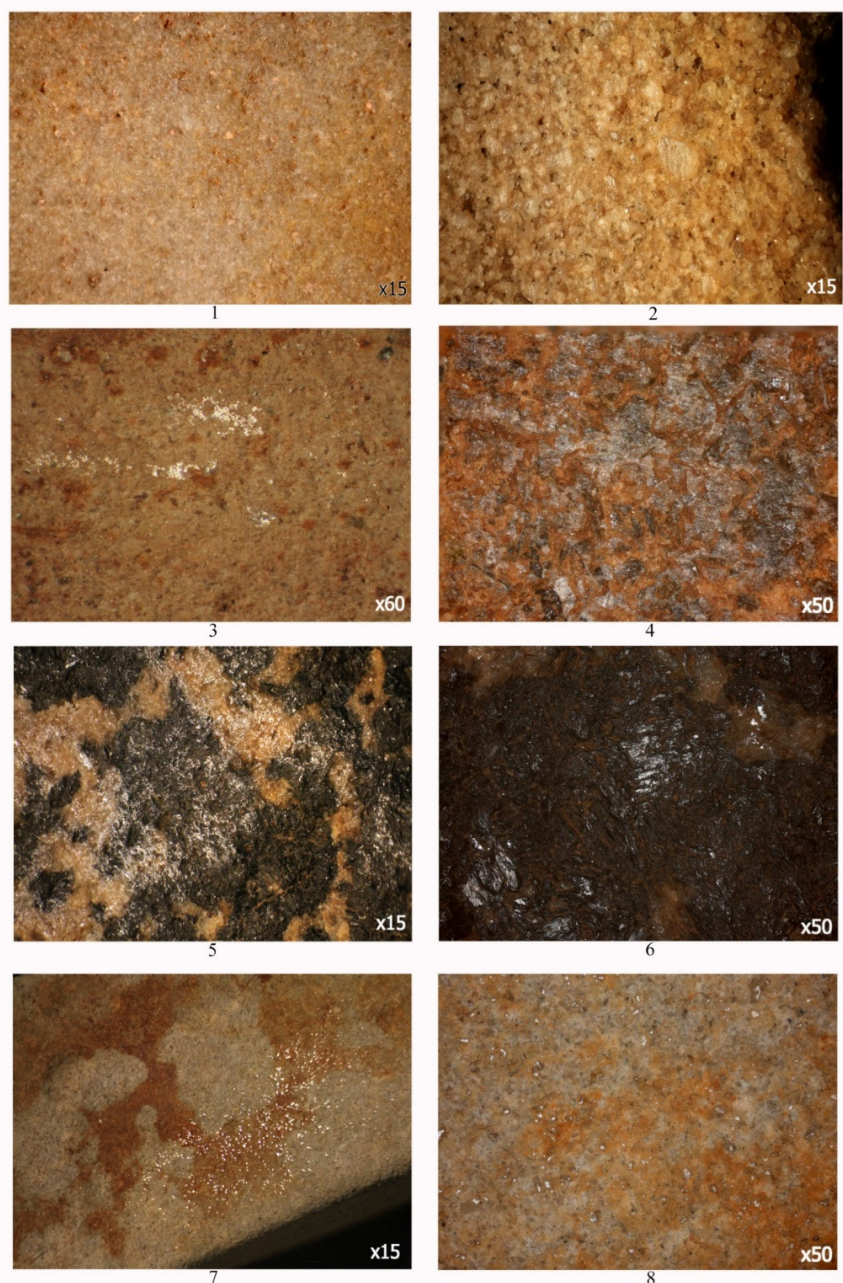

Рис. 9. Каменный и керамический инвентарь эпохи бронзы поселения Пякупур 3. Микрофотографии следов сработанности на поверхности плит, использовавшихся для шлифовки камня (1, 2) и обработки металлических инструментов (3–8):

1–6 — камень; 7, 8 — керамика.

Fig. 9. Stone tools from the Bronze Age of the Pyakupur 3 site. Photomicrographs of wear marks on the surface of slabs used for grinding stone (1, 2) and processing metal tools (3–8):

1–6 — stone; 7, 8 — ceramics.

Шлифованные изделия из сланца и песчаника (7 экз. орудий и 12 сколов из сланца)

В единственном экземпляре представлен наконечник дротика (?) из сланца (7×3,2×0,6 см), листовидной формы, с выпуклыми незаостренными боками, с чуть вогнутым основанием, оформленным оббивкой с одной стороны. Острие у него отсутствует (рис. 5, 1). В верхней части

пера с двух сторон имеются сколы со ступенчатым окончанием, сформировавшиеся от удара. Отмечена пришлифовка поперечной направленности относительно длинной оси, отчего образованы незначительные грани. В нижней части пера пришлифовка продольная, частичная, не выравнивающая микрорельеф.

Комплекс рубящих орудий, из сланца и песчаника, представлен топорами (2 экз.), теслами (2 экз.) и стамеской. Изделия из сланца изготавливались путем бифасиальной оббивки заготовки с последующей частичной пришлифовкой поверхности и лезвия (тесло, стамеска и топор). Интересно использование шлифовальных плиток из песчаника в качестве заготовок для рубящих орудий, которые модифицировались с помощью шлифовки. Топоры из сланца и песчаника длиной около 6 см, в плане и сечении подпрямоугольной формы, имеют симметричные лезвия (рис. 7, 3, 6). Тесло из серо-зеленого сланца, размерами 12,3×4,4×1,9 см, с шириной лезвия 4,4 см, трапецевидной в плане, линзовидной в сечении формы (рис. 7, 2). В профиле чуть изогнуто, с асимметричным лезвием, оформленным с двух сторон на абразиве. Следы использования не зафиксированы. Второе тесло изготовлено на плитке из песчаника (11,4×6,4×1,7 см), использовавшейся еще в качестве наковальни. Оббивкой оформлены продольные края и обух орудия, симметричное лезвие пришлифовано. Топор подтрапецевидной формы в плане и подпрямоугольной в сечении (рис. 1, 8). На лезвии фиксируются яркие следы сработанности, характерные для работы по твердому органическому материалу — дереву (рис. 6, 7).

Стамеска из бежевого сланца в плане подтрапецевидной формы, в сечении треугольной (размер 2,6×2×1,8 см). Оформлена с помощью частичной оббивки и пришлифовки. Лезвие деформировано и вогнуто из-за двухсторонней выкрошенности, образовавшейся от использования.

В данную группу включена заготовка ударного орудия из крупной шлифовальной плиты из серо-зеленого крупнозернистого песчаника (14,5×8,8×2,7 см). Заготовка в плане и в сечении подпрямоугольной формы, изготовлена с помощью оббивки и пикетажа. Один из торцов более узкий, в центре изделия расположено отверстие диаметром 2,5 см, выполненное путем встречного пикетажа и последующего сверления (рис. 7, 1).

Обсуждение результатов и заключение

По результатам радиоуглеродного анализа материалы поселения Пякупур 3 отнесены к последней четверти III — началу II тыс. до н.э. Обнаруженный на поселении каменный материал, кроме предметов из белого и серого кремня, является моренным и встречается в большом количестве в почве и почвообразующей породе на участках, расположенных к северу от памятника и территориально входящих в зону Сибирских Увалов. То есть в большинстве случаев жители поселения для производства орудий использовали местное сырье.

В целом каменный инвентарь поселения хорошо соотносится с региональной отщепово-кварцевой индустрией, выделенной для археологических памятников северотаежной зоны Западной Сибири, таких как Щетнмат-лор, Улова 2 синхронных Пякупур 3 [Косинская, 2010, с. 53–55; Гиря, 2019]. В каменной индустрии зафиксировано несколько приемов получения заготовок для орудий, основанных на использовании свойств применявшихся пород. Технология изготовления базировалась на трех первичных приемах расщепления: ударном и контрударном на наковальне для получения сколов из кварца и сердолика и на отжимном, направленном на получение пластин из кремнистых пород, с помощью каменных и, возможно, металлических инструментов. На изделиях из серого кремня отмечено тепловое воздействие. Во вторичной обработке в первую очередь широко применялась техника шлифовки, меньше — оббивка и ретушь. Специфический комплекс из «импортного» серого кремня в пякупурской коллекции, состоящий из нуклеуса и пластин с косвенными признаками применения металлического отжимника, бифасиального наконечника стрелы с тепловой обработкой, скребков на унифасиальной и бифасиальной заготовках, сопоставим с сейминско-турбинскими кремневыми изделиями, выделенными исследователями на памятниках севера Западной Сибири [Погодин, Труфанов, 2024, с. 354–376; Гиря, 2024, с. 508–521]. Данный кремневый комплекс имеет параллели в материалах поселений эпохи бронзы Пяку-то I, Сугмутен-ягун IV и могильника Товкуртлор 3 [Погодин, Труфанов, 2024, с. 368–371; Стефанов, 2006, с. 44–58].

В составе изученного инвентаря отсутствуют специализированные инструменты из камня, функционально соотносимые с металлообработкой. Тем не менее жители поселения были знакомы с металлом, о чем свидетельствует наличие небольшой серии абразивов, использовавшихся для заточки или правки металлических изделий. Необходимо отметить, что на памятнике металлические изделия не обнаружены, но в коллекции имеются керамическое сопло [Пошехонова, Скочина, 2012, с. 35, 40] и фрагмент тигля, которые могут указывать на металлопроизводство [Илюшина, 2022].

В связи с тем что наиболее доступным каменным сырьем для изготовления орудий являлись кварц и песчаник, основной функциональный набор представлен орудиями из этих пород. Перед нами комплекс с характерной подборкой материала для конкретных нужд, выраженный в трех технологических контекстах. Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Пякупур 3 эпохи ранней бронзы показал преобладание камнеобрабатывающего производства (61 %), а также выявил группу изделий, использовавшихся в обработке металлических изделий (7 %). Кроме этого, жители поселения занимались хозяйственно-бытовой деятельностью, в частности обработкой шкур (16 %), деревообработкой (7 %), охотой (5 %) и разделкой охотничьей добычи (4 %).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гиря Е.Ю. Кварцевые орудия поселения Лемья 19.1 // Поселение Лемья 19.1 в верховьях Конды: от неолита до средневековья. Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. С. 67–118.
- Гиря Е.Ю. Доказательная интерпретация кремневых артефактов эпохи средней бронзы Севера Западной Сибири (опыт определения культурно-производственной модели) // Погодин А.А., Труфанов А.Я. Поселения эпохи средней бронзы на реке Конде. Екатеринбург: АВ КОМ — Наследие, 2024. С. 469–557.
- Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика микро- макроанализа древних орудий труда. Ч. 1: Археологические изыскания. СПб., 1996. Вып. 36. 80 с.
- Косинская Л.Л. Энеолит и эпоха бронзы // Ямал традиционный. Кн. 1: Древние культуры и коренные народы / Под ред. Н.В. Федоровой и др. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 47–60.
- Косинская Л.Л. Археологические исследования УрФУ в Пуровском районе // Археология Арктики. 2014. Вып. 2. С. 58–79.
- Погодин А.А., Труфанов А.Я. Поселения эпохи средней бронзы на реке Конде. Екатеринбург: АВ КОМ — Наследие, 2024. 624 с.
- Пошехонова О.Е., Пилькина А.А., Дубовцева Е.Н. Керамический комплекс эпохи энеолита поселения Пякупур 3 (север Западной Сибири) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 4 (59). С. 14–28.
- Пошехонова О.Е., Скочина С.Н. Комплекс эпохи ранней бронзы многослойного поселения Пякупур 3 в северотаежной зоне Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 31–41.
- Семенов С.А. Первобытная техника: (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: АН СССР, 1957. 240 с.
- Скочина С.Н. Абразивы раннебронзового комплекса поселения Пякупур 3 (трассологический анализ) // VI Сев. археол. конгресс: Материалы докладов. Сургут; Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2024. С. 186–188.
- Скочина С.Н., Пошехонова О.Е. Каменный инвентарь энеолитического комплекса поселения Пякупур 3 (северотаежная зона Западной Сибири) // Уфим. археол. вестник. 2024. Т. 24. № 1. С. 124–139. <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.008>
- Скочина С.Н., Пошехонова О.Е. Предварительные результаты разделения каменного инвентаря энеолитического и раннебронзового комплексов поселения Пякупур 3 (таежная зона Западной Сибири). // Восьмые Берсовские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2025. С. 119–127.
- Стефанов В.И. Могильник Товкуртлор 3: Сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. 2006. № 1. С. 44–58.

ИСТОЧНИКИ

Илюшина В.В. Отчет о НИР: Археологические раскопки поселения Пякупур 3 в Пуровском районе ЯНАО Тюменской области в 2018 году: В 4 т. Тюмень, 2022.

Skochina S.N.^{1*}, Poshekhonova O.E.²

¹ Tyumen Scientific Centre SB RAS
sveta_skochina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8162-4779>

² Tyumen Scientific Centre SB RAS
poshekhonova.olg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5081-4331>

Stone tools of the Bronze Age from the Pyakupur 3 site with the Seima-Turbino component (northern taiga subzone of Western Siberia)

Summary. This article presents the results of a comprehensive analysis of Early Bronze Age stone tools from the Pyakupur 3 site (last quarter of the 3rd — early 2nd millennium BC), located in the northern taiga subzone of Western Siberia. The recovered assemblage demonstrates a close association with the regional quartz-based lithic industry, a hallmark of archaeological sites in this area. The assemblage is primarily represented by quartz artifacts and sandstone abrasives. Of particular significance within the Pyakupur collection is an assemblage of gray flint artifacts exhibiting evidence of heat treatment and indications of metal-tool use in their produc-

* Corresponding author.

tion. This group of artifacts displays clear parallels with the Seima-Turbino flint items discovered at Bronze Age sites across Western Siberia. Overall, the lithic inventory suggests a specialized industrial activity at the settlement, with a focus on stone processing. This interpretation is substantiated by typological analysis and use-wear studies. In addition, the settlement's inhabitants engaged in a range of economic and domestic practices, including hide processing, woodworking, hunting, and butchering. Although no metal tools were found at the site, the presence of a ceramic nozzle and a crucible fragment may indicate metalworking. However, specialized tools functionally linked to metalworking were not identified.

Keywords: northern taiga zone of Western Siberia, Early Bronze Age, quartz tools, flint tools, abrasives, Seima-Turbino component, heat treatment, use wear analysis.

Funding. S.N. Skochina formulated the research goals and objectives, conducted typological and traceological analysis of stone tools, performed micrographs of wear marks, and compiled the research results. This work was completed within the framework of the Russian Ministry of Science and Higher Education's State Assignment No. 126022618029-1. O.E. Poshekhonova — obtaining sources, dating materials, planigraphic analysis. This work was completed within the framework of the Russian Ministry of Science and Higher Education's State Assignment No. 126022618022-2.

REFERENCES

- Girya, Ye.Yu. (2019). Quartz tools from the Lemya settlement 19.1. In: *Poseleniye Lem'ya 19.1 v verkhov'yakh Kondy: ot neolita do srednevekov'ya*. Yekaterinburg: Al'fa-Print, 67–118. (Rus.).
- Girya, E.Yu. (2024). Evidence-based interpretation of flint artifacts of the Middle Bronze Age in the North of Western Siberia (an attempt to determine the cultural and production model). In: Pogodin A.A., Trufanov A.Ya. *Poseleniya epokhi sredney bronzy na reke Konde*. Yekaterinburg: AV KOM — Nasledie, 469–557. (Rus.).
- Korobkova, G.F., Shchelinskiy, V. Ye. (1996). *Methodology of micro-macroanalysis of ancient tools. Part 1*. St. Petersburg: IIMK RAN. (Rus.).
- Kosinskaya, L.L. (2010). Eneolithic and Bronze Age. In: Yamal traditsionnyi. Kn. 1. Yekaterinburg: Basko, 47–60. (Rus.).
- Kosinskaya, L.L. (2014). Archaeological research of UrFU in Purovsky district. *Arkheologiya Arktiki*, (2), 58–79. (Rus.).
- Pogodin, A.A., Trufanov, A.Ya. (2024). *Middle Bronze Age settlements on the Konda River*. Yekaterinburg: AV KOM — Nasledie. (Rus.).
- Poshekhonova, O.E., Skochina, S.N. (2012). An Early Bronze Age complex of the multilayered settlement Pyakupur 3 in the northern taiga zone of Western Siberia. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 16(1), 31–41. (Rus.).
- Poshekhonova, O.E., Pilkina, A.A., Dubovtseva, E.N. (2022). A Chalcolithic ceramic complex from the Pyakupur 3 settlement (Northern Western Siberia). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 59(4), 14–28. (Rus.).
- Semenov, S.A. (1957). *Primitive technology: (Experience of studying the most ancient tools and products based on traces of work)*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Skochina, S.N., Poshekhonova, O.E. (2024). Stone inventory of the Eneolithic complex of the settlement Pyakupur 3 (northern taiga zone of Western Siberia). *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik*, 24(1), 124–139. (Rus.). <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.008>
- Skochina, S.N. (2024). Abrasives of the Early Bronze Age complex of the Pyakupur 3 settlement (traceological analysis). In: *VI Severnyy arkheologicheskiy congress: Materialy dokladov*. Surgut; Yekaterinburg: IIA UrO RAN, 186–188. (Rus.).
- Skochina, S.N., Poshekhonova, O.E. (2025). Preliminary results of separating the stone inventory of the Eneolithic and Early Bronze Age complexes of the Pyakupur 3 settlement (taiga zone of Western Siberia). In: *Vos'myye Bersovskiy chteniye: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Yekaterinburg: KVADRAT, 119–127. (Rus.).
- Stefanov, V.I. (2006). The Tovkurtlor 3 burial ground: The Seima-Turbino trace in the Lower Ob Region. *Rossiyskaya arkheologiya*, (1), 44–58. (Rus.).

© Скочина С.Н., Пошехонова О.Е., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 15.03.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторах:

Скочина Светлана Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия.

Пошехонова Ольга Евгеньевна, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия.

About the authors:

Svetlana N., Skochina, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russia.

Olga E., Poshekhonova, Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russia.

Валавин Н.А.^{1*}, Алаева И.П.²¹ ЮУрГГПУ, nikolai.valavin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0167-6518>² ЮУрГГПУ, Институт истории и археологии УрО РАН, alaevaira@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8322-5835>

ТРУДОЗАТРАТНОСТЬ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ НА ВОЗВЕДЕНИЕ КУРГАНОВ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОГИЛЬНИКА ЗВЯГИНО-1 В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Аннотация. Представлен первый опыт применения метода строительной энергетики к исследованию погребальных комплексов федоровской культуры Южного Зауралья, в частности могильника федоровской культуры Звягино-1 (XVIII–XVI вв. до н.э.). Цель исследования — оценка трудозатрат на возведение курганов могильника Звягино-1. В результате выделено 5 этапов возведения курганов и определены суммарные объемы ресурсов. Установлено неравномерное распределение ресурсов, достигающее различий в 20 раз, и по трудозатратности — до 9 раз. Сопоставление полученных значений для курганов позволило выделить 3 группы сооружений по степени сложности: низкая сложность (3–6 чел.дн.), средняя сложность (10–17 чел.дн.), высокая сложность (21–28 чел.дн.). Выделенные группы маркируют разные уровни привлечения населения к строительству.

Ключевые слова: бронзовый век, андроновская общность, социальная сложность, погребальный обряд, строительная энергетика.

Финансирование. Исследование выполнено по плановой теме ЮУрГГПУ (Валавин Н.А., Алаева И.П.). Археологическое сопровождение выполнено в рамках госбюджетной темы Института истории и археологии УрО РАН № 124032100052-6 «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования» (Алаева И.П.).

Цитирование: Валавин Н.А., Алаева И.П. Трудозатратность строительных операций на возведение курганов федоровской культуры могильника Звягино-1 в Южном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 38–50. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-3>

Введение

Интерес исследователей к трудоемкости сооружения архитектурных объектов обнаруживается в широких хронологических и географических рамках. Систематические исследования, связанные с трудозатратами на возведение сооружений, проведены для цивилизаций Мезоамерики [Abrams, Boland, 1999], периода Римской империи на территории Италии [DeLaine, 2018]. Отдельные работы, посвященные оценке трудоемкости синхронных археологических сооружений, опубликованы по материалам средневековых памятников Среднего Подонья [Афанасьев, 1993], бронзового века Предкавказья [Корневский, 2010]. Также известны соответствующие публикации по отдельным археологическим памятникам [Волов, 2023].

Для Южного Зауралья и смежных территорий выполнены расчеты трудозатрат на строительство укрепленных поселений бронзового века [Чечушков, 2020], Большого Синташтинского кургана [Генинг и др., 1992, с. 373] и поселений раннего железного века и средневековья [Корякова, 1988, с. 35–38; Матвеева и др., 2005, с. 167–189; Половников, 2019].

В исследованиях, посвященных андроновской общности Южного Зауралья, неоднократно отмечалась разнородность погребальных сооружений. Высказывалось мнение о более высокой сложности погребальных сооружений федоровской культуры в сравнении с курганами алакульской культуры, сопоставляя количественные и качественные показатели, без использования энергетического подхода [Стефанов, Корочкова, 2006, с. 126]. Между тем трудовые мобилизационные возможности населения, выраженные в трудоемкости строительных проектов, считаются одним из показателей сложности социальной организации общества в различные исторические периоды [Матвеева и др., 2005, с. 167; Волов, 2023, с. 30–31; Picket et al., 2016, с. 112]. Несмотря на широкий охват в историографии, проблема сопоставления различных обществ по критерию строительного энергетического потенциала остается актуальной, как и предложение автора термина “architectural energetic” о его применении не только к архитектуре майя [Abrams, 1994, с. 6]. В нашем случае использование метода позволит детализировать сопоставление сложности сооружений андроновской общности.

* Corresponding author.

Трудозатратность строительных операций на возведение курганов федоровской культуры...

Целью данного исследования является оценка трудозатратности возведения курганов федоровской культуры могильника Звягино-1 Южного Зауралья.

Объект исследования

Могильник Звягино-1 расположен в лесостепной зоне Южного Зауралья, на высоком берегу р. Коелга (Урало-Тобольский речной бассейн). На площадке представлено 12 курганных насыпей, 10 из которых были исследованы археологической экспедицией ЮУрГГПУ (г. Челябинск). По данным радиоуглеродного датирования костей животных из погребений, время функционирования некрополя — XVIII–XVI вв. до н.э. [Епимахов, Алаева, 2024]. Во всех 10 курганах совершены захоронения по обряду кремации. В сопровождении погребений выявлены артефакты (сосуды, глиняные блюда, украшения), позволяющие считать данный погребальный комплекс однокультурным и связать его с федоровской культурой Южного Зауралья.

Выбор объекта исследования обусловлен следующим: 1) из 12 зафиксированных на памятнике курганов 10 исследовано стационарными раскопками (более 80 %); 2) памятник однокультурный; 3) сооружения различаются между собой элементами, связанными с трудозатратностью возведения (размер земляных насыпей, наличие каменной ограды, использование каменных и деревянных внутримогильных сооружений простого и сложного типов); кроме того, различные элементы распределены по разным погребальным сооружениям.

Методика “Architectural energetic”

Для определения различия трудозатрат применена методика строительной энергетики — метод относительной оценки архитектурных сооружений на основании трудоемкости сооружения в единицах рабочего времени, направленный на изучение социальных и политических аспектов организации общества [Abrams, Boland, 1999, с. 264, 267]. Данный метод, разработанный на основе анализа архитектуры майя, в настоящее время применяется при исследовании различных сооружений во всем мире [Pickett et al., 2016]. В отечественной науке также проводились работы, посвященные расчету трудозатрат, как без обращения к результатам зарубежных исследований [Корякова, 1988, с. 35–36; Матвеева и др., 2005, с. 188; Гаджиев, 2006, с. 84–85; Половников, 2019, с. 47], так и на основе методики строительной энергетики [Чечушков, 2020; Волов, 2023].

Метод строительной энергетики может применяться для оценки относительной стоимости отдельных масштабных конструкций [Матвеева и др., 2005; Гаджиев, 2006; Волов, 2023; Чечушков, 2020; Ortmann, Kidder, 2013; Pickett et al., 2016], суммы стоимости сооружений памятника [Arco, Abrams, 2006] и сопоставления отдельных конструкций в рамках одного памятника или схожих синхронных и асинхронных сооружений [DeLaine, 2018].

Применение метода предполагает поэтапное определение переменных, влияющих на трудоемкость конструкции. В наиболее полном виде все операции представлены по средневековым материалам Северного Приазовья [Pickett et al., 2016].

В данной работе использованы методы реконструкции строительных операций, вычисления объемов ресурсов, вычисления коэффициентов трудоемкости строительных операций, включающих добычу, транспортировку и установку сырья в конструкцию, применимых к материалам бронзового века Южного Зауралья.

Методы реконструкции строительных операций

Первоначально определены этапы строительства сооружения, основанные на стратиграфических наблюдениях. В случае с материалами могильника Звягино-1 ключевыми маркерами строительных горизонтов выступали грунты насыпи, каменные ограды, перепады в уровне материкового грунта и следы разрушения могильных ям.

Методы вычисления объема ресурсов

Для определения объемов грунта в насыпи использован опыт вычислений по материалам могильника Урефты I [Стефанов, Корочкова, 2006, с.78]. В расчетах форма курганной насыпи представлена как шаровидный сегмент и использовано допущение, что объем грунта фиксируемой насыпи соответствует объему первоначального сооружения. В таком случае объем земляной конструкции вычисляется по формуле объема шаровидного сегмента: $V = \pi * h / 6(3r^2 + h^2)$, где h — высота сегмента, r — радиус основания сегмента. Схожий подход приведения формы насыпи к геометрической фигуре применяется и в других исследованиях [Волов, 2023].

В центре некоторых курганов расположены оформленные погребальные площадки, представляющие собой углубления в грунте. Для расчета объема грунта, изъятых при двух этапах подготовки погребальной площадки, использованы следующие формулы: 1) объем цилиндра

$V = \pi * r^2 * h$, где r — радиус цилиндра, h — высота цилиндра; 2) объем усеченного конуса $V = 1/3 * \pi * h * (R^2 + r^2 + Rr)$, где h — высота, R — радиус основания, r — радиус сечения.

Масса ограды вычислена по следующей формуле: $M = V * \rho$, где V — реконструируемый объем, ρ — плотность горных пород. Реконструируемый объем каменной ограды вычислен по формуле $V = S_{\text{сум}} * h$, где $S_{\text{сум}}$ — суммарная площадь, занимаемая камнями ограды, h — средняя толщина камней ($x \pm y$). Метод определения суммарной площади камней ограды представлен в предыдущих исследованиях [Alaeva et al., 2023].

Методы расчета трудоемкости реконструируемых строительных операций

Для определения трудозатратности выполнения каждой из операций привлекаются коэффициенты трудозатрат, предполагающие оценку выработки действия в условных единицах измерения (чел.дн.). В рассмотренных работах используются различные системы коэффициентов трудозатратности операций. При разработке метода, в Центральной Америке были проведены эксперименты по добыче, транспортировке, обработке и установке различных материалов, использовавшихся в архитектуре майя [Erasmus, 1965], которые с некоторыми доработками используются на территории Америки [Arco, Abrams, 2006].

Другая зарубежная исследовательская традиция использования данных о коэффициентах трудозатрат сформировалась при изучении архитектуры Римской империи на территории современной Италии [DeLaine, 2018], где авторы применяют данные строительных пособий XIX в. Отечественные исследователи в большей степени ориентировались на исторические данные по Древней Месопотамии [Корякова, 1988, с. 35–36], строительные пособия Российской империи XIX в. [Гаджиев, 2006, с. 85]. В последнее время также используются современные нормы труда (СНиП и ЕНиР) [Матвеева и др., 2005, с. 173; Половников, 2019, с. 47; Волон, 2023, с. 35].

В рассмотренных работах приводятся различные аргументы для применения той или иной системы коэффициентов, которые могут быть связаны с территориальной и/или хронологической близостью и др., однако аргументация в отношении каждой системы вызывает сомнения.

Для Зауралья и смежных территорий экспериментальные данные зарубежных исследований применялись к материалам бронзового века [Чечушков, 2020]. Современные нормы выработки труда (СНиП и ЕНиР) и нормы выработок труда Древнего Шумера использованы для оценки комплексов раннего железного века и средневековья [Корякова, 1988, с. 35; Матвеева и др., 2005, с. 173; Половников, 2019, с. 47].

В действительности при оценке трудозатрат на возведение сооружений бронзового века Южного Зауралья мы вынуждены работать с относительными значениями, которые могут отличаться в зависимости от орудий труда, уровня организации общества и геологических условий региона. Для определения допустимых значений было проведено сравнение различий в коэффициентах трудозатрат на использование грунтов и камня в различных источниках.

Коэффициент добычи грунтов. При определении трудозатратности добычи грунтов собраны данные о выработке резки дерна, копки черного гумусированного грунта и раскопок неопределенного типа почв. Представленные далее данные переведены в метрическую систему при рабочем дне в 8 часов.

Выкапывание грунтов в разных источниках оценивается в $4,16 \text{ м}^3$ / чел.дн. (деревянным орудием) [Erasmus, 1965, с. 283–285], $5,52 \text{ м}^3$ / чел.дн. [Radford, 1913, с. 129], 6 м^3 / чел.дн. (Древний Шумер) [Корякова, 1988, с. 35]. Выкапывание черного гумусированного грунта в Урочном положении достигает $4,32 \text{ м}^3$ / чел.дн. [1895, с. 32], а в современных нормах труда — $6,4 \text{ м}^3$ (стальной лопатой) (СНиП). Некоторые данные определены как завышенные: 36 м^3 / чел.дн. [United States Commission..., 1886, p. 493], $11,52 \text{ м}^3$ / чел.дн. (железным орудием) [Erasmus, 1965, с. 283–285]. Среди сопоставимых данных погрешность составляет около 30% от экспериментальных данных с деревянными орудиями до современных норм труда. Наиболее ранние данные Древнего Востока оказались несколько выше, чем нормы труда XIX в., что может быть связано с разным типом грунтов. Кроме того, соотношение экспериментальных данных с деревянным инструментом и деревянной лопатой с железным острием отличается незначительно ($4,16 \text{ м}^3$ и $4,32 \text{ м}^3$).

Сопоставление данных резки дерновых блоков и выкапывания грунта показывает, что значения коэффициентов могут варьировать в пределах 25–30 %, сильной зависимости от территориальных условий не обнаружено.

Добыча каменного сырья. Добыча каменных отдельностей в источниках коэффициентов представлена несколькими вариантами: ручной сбор камней с поверхности вблизи рек (вероятно, камни до 30 см в поперечнике) [Урочное положение..., 1895, с. 175], выкапывание природно-

го камня из земли (судя по всему, речь идет о небольших каменных выходах), выламывание плит из разрабатываемого источника.

Данные о ручном сборе камня в отечественных источниках приведены в объеме — $1,63 \text{ м}^3 / \text{чел.дн.}$ [Урочное положение ..., 1895, с. 175], в других источниках в массе — $7,2 \text{ т} / \text{чел.дн.}$ [Abrams, 1994, с. 44]. В отсутствии данных для перевода массы в объем и обратно ограничимся тем, что реконструируемый объем камня ограда кургана № 6 составляет в среднем $0,74 \text{ м}^3$, а реконструируемый вес достигает $1,99 \text{ т}$, т.е. в одном случае за день один человек может собрать камня немногим более чем для 2 оград, а в другом — чуть менее чем для 4 оград, т.е. различия также двукратны. При ручном сборе вряд ли речь может идти о технологических отличиях. Скорее всего, разница данных обусловлена доступностью камня в определенной местности.

Добыча камня из земли в данных Российской империи составляет $0,78 \text{ м}^3 / \text{чел.дн.}$ [Урочное положение..., 1895, с. 175], в зарубежных экспериментах схожая операция приносит $8 \text{ т} / \text{чел.дн.}$ стальными орудиями и $2,72 \text{ т} / \text{чел.дн.}$ деревянным инструментом [Erasmus, 1965, с. 285–287]. Также рассмотрим различия на примере ограды кургана № 6. По данным урочных пособий, человек соберет необходимый объем сырья за 1 рабочий день. Согласно данным эксперимента, за 1 рабочий день человек сможет собрать сырья для 4 оград металлическими орудиями и немногим меньше 2 оград — деревянными орудиями, т.е. различия варьируют от 2 до 4 раз.

В современных нормативах выработки разработка скального грунта отбойным молотком приносит $2,29 \text{ м}^3$ камня (СниП), что в 3 раза превышает данные конца XIX в.

Таким образом, погрешность применения трудозатратности добычи каменного сырья заметно превышает погрешность коэффициентов на земляные работы. Скорее всего, причина заключается в разрабатываемых горных породах, распространенных и используемых для строительства в конкретной местности.

Коэффициент транспортировки сырья. Транспортировка грунта в работе не рассматривается, так как в насыпи отсутствуют геологические слои, имеющие конкретное происхождение, как это было установлено для курганов Poverty-Point [Ortmann, Kidder, 2013], поэтому предполагается использование грунта на территории могильника. Более подробные расчеты на транспортировку грунта, которые приводятся в зарубежных работах, нам недоступны [Pickett и др., 2016].

Транспортировка камня на расстояние до 5 км предположительно связана с использованием тягловой силы. Подобные расчеты приводились в схожих исследованиях [Матвеева, 2005, с. 179–180; Половников, 2019, с. 48–49], однако получить доступ к первоисточнику метода расчета не удалось, а авторы используют формулу с одинаковыми переменными и разным порядком арифметических действий. В результате при одинаковых значениях переменных получены разные значения коэффициента транспортировки.

По данным о использовании рабочих лошадей в колхозах СССР середины XX в., коэффициент тягловой силы можно вычислить по следующей формуле: $M_{\text{опт}} \times V/S$, где $M_{\text{опт}}$ — оптимальная масса груза (кг), V — скорость животного шагом (км/ч), S — расстояние. $M_{\text{опт}} = (F_t / Cd) - M_{\text{тел}}$, где F_t — сила тяги животного, Cd — коэффициент сопротивления грунта, $M_{\text{тел}}$ — масса телеги [Карлсен, 1951, с. 12, 13].

Примерное расстояние до источников каменного сырья составляет около 3 км [Alaeva et al., 2023]. Значение коэффициента сопротивления грунтовой дороги (0,07), массы телеги (200 кг) и скорости шага лошади (4–6 км/ч) выбраны из этнографических данных [Карлсен, 1951, с. 13, 195]. F_t животного зависит от его массы. Вес лошадей современных пород, сопоставимых с лошадьми бронзового века, достигает 275 кг (консультация авторов с Косинским П.А.; [Свечин и др., 1992, с. 119]). F_t лошадей близкого телосложения составляет 15 % от веса, т.е. 41 кг. Таким образом, лошадь бронзового века, управляемая одним человеком, могла перевезти на расстояние от 3 км около 386 кг/ч, или 3086 кг/дн., что соответствует $3,09 \text{ т} / \text{чел.дн.}$

Коэффициент установки сырья в конструкцию. В зарубежных исследованиях приведены данные, что скорость добычи и укладки дерна примерно совпадает и составляет $5,52 \text{ м}^3 / \text{чел.дн.}$ [Report Commisioner..., 1886, с. 497]. В Урочном положении приводятся данные, что обкладка насыпи дерниной в стенку занимает $0,6 \text{ чел.} / \text{кв. сажень}$. При пересчете получается, что за 1 чел.дн. дерном покрывается $6,07 \text{ м}^2$ [Урочное положение..., 1895, с. 53–55]. Десятикратные различия, судя по всему, обусловлены различным характером работы по укладыванию дерна в кучу и покрытию дерном насыпи.

При укладке грунта в насыпь современные нормы выработки предполагают затраты в $8,93 \text{ м}^3 / \text{чел.дн.}$ (СниП). Довольно интересно, что более ранние зарубежные источники приводят затраты в

15,28 м³ / чел.дн. [Radford, 1913, с. 129, 134], что в 2 раза больше. Причины данных различий не установлены. Поиск коэффициента установки ограды наиболее проблематичен. Так, в Урочном положении [1895, с. 203] «одежда» земляных откосов булыжным камнем составляет 1,21 м³ / чел.дн., бучение фундамента плитами из природного камня — 1,08 м³ / чел.дн. [Иллюстрированное урочное положение..., 1917, с. 325]. Судя по приведенным значениям, обкладка насыпи камнем составляет от 1,08 до 1,21 м³ в зависимости от способа устройства.

Выбор коэффициентов трудозатрат для бронзового века Южного Зауралья

Последним вопросом, связанным с коэффициентами трудозатрат, является возможность их применения к материалам бронзового века Урала. В отношении земляных работ различие коэффициентов варьирует от 4,16 м³, вероятно, деревянным инструментом до 6,4 м³ современной стальной лопатой. Судя по незначительным изменениям с использованием железных частей инструмента, при использовании минимального значения погрешность не должна быть критичной.

Коэффициент добычи каменного сырья наиболее неустойчивый, так как связан с геологическим строением региона. Использование в конструкции оград плитчатых отделеностей, иногда достаточно крупных размеров, преимущественно одной породы позволяет предположить добычу камня из земли с выламыванием породы из скальных выходов. К этому критерию подходят строительные нормативы Урочного положения (0,78 м³ / чел.дн.) и данные экспериментов Ч.Дж. Эрасмуса [Erasmus, 1965] (2,72–8 т / чел.дн.). Учитывая различия между цифрами, мы склонны утверждать, что ни одно из этих значений не является объективным. Однако данные Урочного положения в определенный момент времени были применимы к территории Урала, а использование железных инструментов предположительно некратно отличается от применения бронзовых. Исходя из этого, примем в качестве коэффициента данное значение.

Для расчета трудоемкости транспортировки камня использован вычисленный коэффициент на транспортировку груза в телеге, запряженной лошадей, на 5 км в 3,09 т / чел.дн.

При расчете трудоемкости установки насыпи использованы единственные доступные значения в 5,52 м³ / чел.дн. для укладки дерна и 8,93 м³ / чел.дн. для заковки грунта.

Для установки каменной ограды без раствора бетона нам доступен только коэффициент обкладки булыжником в 1,21 м³ / чел.дн. С учетом близости других данных в пределах 0,10 м³ вероятная погрешность должна быть минимальной.

Результаты

Стратиграфические наблюдения курганов могильника Звягино-1 позволили зафиксировать 5 этапов возведения надмогильного сооружения (рис. 1):

I этап — расчистка площадки до материкового слоя;

II этап — оформление котлована в материковом грунте;

III этап — заполнение пространства погребальной площадки слоем перемешанного черного гумусированного и материкового грунтов (первый слой насыпи);

IV этап — оформление могилы и установка каменной ограды;

V этап — возведение сооружения из черного гумусированного грунта (второй слой насыпи).

Этап I. Расчистка площадки до материкового слоя подразумевает снятие дерна и черного гумусированного грунта до уровня материковых скальных или суглинистых грунтов. Площадки зафиксированы под всеми курганами, имеют округлую форму, диаметр от 3 до 15 м.

Этап II. После расчистки в материковом грунте оформляется котлован округлой формы. Котлован зафиксирован во всех курганах за исключением №№ 5 и 6, диаметр от 6 до 13 м, средняя глубина от 0,1 до 0,4 м от уровня материка.

Этап III. Предположительно, через какое-то время, котлован заполнялся слоем, состоящим из перемешанных черного гумусированного и материкового грунтов, названным первым слоем насыпи. Первый слой мог заполнять только котлован на материке либо выравнивать площадку по уровню дневной поверхности.

Этап IV. После возведения слоя насыпи в центре площадки возводились могильные ямы, а в курганах №№ 5–7, 10 устанавливалась каменная ограда. Установить хронологический приоритет оформления могилы и установки ограды не удалось, однако выкид из могильной ямы всегда перекрывает первый слой насыпи, а разрушенные элементы ограды кургана № 6 залегают под вторым слоем насыпи кургана, что позволяет предполагать сооружение могилы и ограды между III и V этапами. В курганах зафиксировано от 1 до 3 могильных ям. Каменные ограды округлой и подквадратной формы имеют внутренний диаметр от 3 до 6 м.

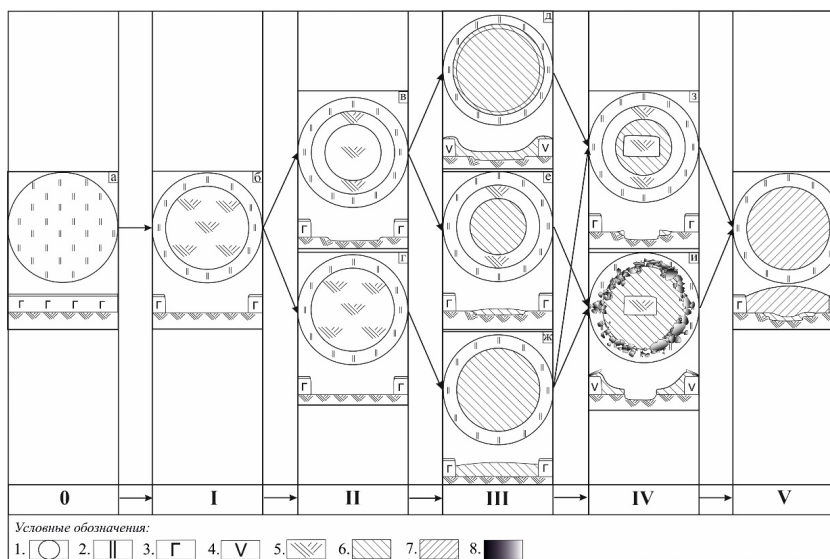

Рис. 1. Реконструкция алгоритма строительства курганов могильника Звягино-1:

0–V — реконструированные этапы строительства: 0а — исходная ситуация, 1б — расчистка площадки до материка, 1в — оформление площадки с углубления материка, 1лр — оформление площадки без углубления материка, 1лз — возведение первой насыпи с перекрытием древней поверхности, 1ле — возведение первой насыпи, заполняющей углубление в материке, 1лж — возведение первой насыпи до половины котлована, 1вз — оформление могильной ямы, 1ви — возведение каменной ограды, 1вк — возведение второй насыпи; 1 — контур кургана, 2 — древняя поверхность, 3 — черный гумусированный грунт, 4 — погребенная почва, 5 — материковый слой, 6 — первая насыпь, 7 — вторая насыпь, 8 — камень.

Fig. 1. Reconstructed algorithm of burial mounds of the Zvyagino-1 burial ground:

0–V — reconstructed stages of construction, 0a — initial situation, 1b — excavation of earth to the sterile soil, 1b — excavation of the site with excavation of sterile soil, 1lr — excavation of the site without deepening the sterile soil, 1lz — construction of the first mound poured onto the ancient surface, 1le — construction of the first mound filling the depression in sterile soil, 1lj — construction of the first mound to half of the pit, 1vz — construction of the grave, 1vi — construction of a stone circle, 1vk — construction of the second mound; 1 — mound outline, 2 — ancient side, 3 — black humus soil, 4 — overlain soil, 5 — sterile soil, 6 — first mound, 7 — second mound, 8 — stone.

Таблица 1

Ресурсная база могильника Звягино-1

Table 1

The amount of resources of burial mound Zvyagino-1

№ кургана	Извлеченный грунт (м³)		Каменная ограда (кг)	Насыпь кургана (м³)
	Дерн и гумус	Суглинок	Кварцит и серпентинит	Все грунты
1	37,59	14,23	0	65,82
2	33,51	22,61	0	73,24
3	35,04	13,46	0	57,45
4	14,31	3,10	0	15,94
5	4,70	<1	1551±798	9,48
6	2,41	<1	1990±846	2,41
7	9,07	<1	3988±2142	18,54
8	12,99	2,89	0	17,09
9	20,82	14,73	0	44,38
10	4,27	5,39	4490±2071	14,90
Всего	174,71	76,41	≈12 019	319,25

После оформления могильной ямы и возведения ограды сооружение перекрывалось вторым слоем насыпи, представленным черным гумусированным грунтом с незначительным включением материкового слоя. Разрушенные насыпи имеют диаметр от 5 до 15 м при высоте от 0,3 до 0,7 м. В курганах с оградами насыпь фиксируется по высоте каменной конструкции. В результате расчетов получены значения объемов каменных и земляных ресурсов, затраченных на возведение курганов могильника (табл. 1). Суммарно при оформлении подкурганных площадок извлечено более 250 м³ грунта, на возведение исследованных курганов затрачено до 320 м³ грунта, т.е. часть земляных ресурсов добывалась дополнительно. На возведение четырех оград использовано около 12 т камня. Распределение затраченных ресурсов между насыпями неравномерно. При подготовке погребальных площадок разных курганов извлечено от 2,41 до 56,13 м³ земли, при возведении насыпи использовано от 2,41 до 72,46 м³ земли, для сооружения оград — от 1,5 до 5 т камня. При этом курганы с каменными оградами отличаются малым объемом использования грунтов.

Применение выбранных коэффициентов трудозатрат позволило определить реконструируемую трудоемкость возведения сооружений (табл. 2).

Суммарное количество трудовых ресурсов, затраченных на возведение исследованных курганов,— 133,29 чел.дн. Среди реконструированных операций около 45 % (59,69 чел.дн.) стоимости составляет подготовка площадки (этапы I и II) и около 45 % (60,62 чел.дн.) стоимости — возведение насыпи с учетом добычи добавочных грунтов (этап III и V). Суммарная стоимость возведения каменных оград могильника не превышает 10 %. Кроме того, в курганах с каменными оградками, за исключением № 6, суммарная стоимость их возведения составляет 30–45 %.

Таблица 2

Реконструируемые трудозатраты на возведение курганов могильника Звягино-1

Table 2

Reconstructed labor costs for the construction of burial mounds at the Zvyagino-1

№ кургана	Извлечение грунта (чел.дн.)		Установка каменной ограды (чел.дн.)			Засыпка кургана (чел.дн.)		Всего (чел.дн.)
	Площадка кургана	Добавочный дерн	Добыча	Транспорт	Установка	Насыпь	Дерн	
1	12,46	4,00	—	—	—	5,80	2,54	24,80
2	13,49	4,89	—	—	—	6,28	3,10	22,77
3	11,66	2,56	—	—	—	5,43	1,61	21,27
4	4,19	~ 0	—	—	—	1,95	-0	6,14
5	1,13	1,37	0,71	0,48	0,33	0,53	0,87	5,40
6	0,58	~ 0	0,96	0,64	0,44	0,27	~ 0	2,88
7	2,18	2,71	1,91	1,28	0,87	1,02	1,72	11,68
8	3,14	0,35	—	—	—	1,78	0,22	6,29
9	8,55	2,52	—	—	—	3,98	1,60	16,65
10	2,32	1,50	2,15	1,44	0,98	1,07	0,95	10,41
Всего	59,69	19,9	5,73	3,84	2,62	28,11	12,61	133,29

Распределение трудовых ресурсов между курганами также неравномерно. Самая низкая реконструируемая трудоемкость составляет менее 3 чел.дн, а самая высокая превышает 28 чел.дн., т.е. различия в стоимости возведения курганов превышают 9 раз.

Обсуждение

В результате исследования впервые получены реконструированные числовые данные о различиях в трудоемкости погребальных сооружений федоровской культуры Южного Зауралья.

Распределение полученных результатов позволяет выделить 3 группы сооружений по уровню сложности (рис. 2).

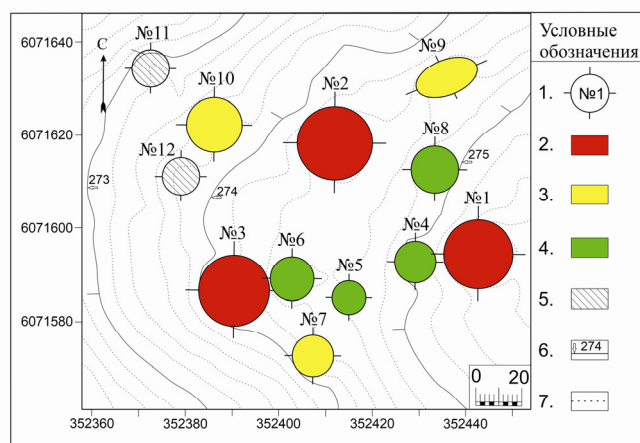

Рис. 2. Распределение курганов могильника Звягино-1 по степени сложности:

1 — номер кургана; 2 — курганы с высокой трудозатратностью; 3 — курганы со средней трудозатратностью; 4 — курганы с низкой трудозатратностью; 5 — не раскопанные насыпи; 6 — горизонтали через 1 м; 7 — горизонтали через 20 см.

Система координат WGS 84.

Fig. 2. Distribution of mounds in the Zvyagino-1 cemetery by level of difficulty:

1 — kurgan number; 2 — kurgan with high labour intensity; 3 — kurgan with medium labour intensity; 4 — kurgan with low labor intensity; 5 — kurgan not excavated; 6 — contour lines every 1 m; 7 — contour lines every 20 cm. WGS 84 coordinate system.

Курганы с наименьшей трудоемкостью (3–6 чел.дн.) (рис. 3) характеризуются диаметром насыпи от 3 до 9 м и фиксируемой высотой до 0,4 м. Углубления погребальных площадок в данной группе имеют диаметр от 3 до 8 м и плавно углублены до 0,1 м от уровня материка. За-

Трудозатратность строительных операций на возведение курганов федоровской культуры...

полнение погребальной площадки вариативное. В двух из четырех курганов зафиксированы легкие каменные ограды диаметром до 5 м, весом до 2 т.

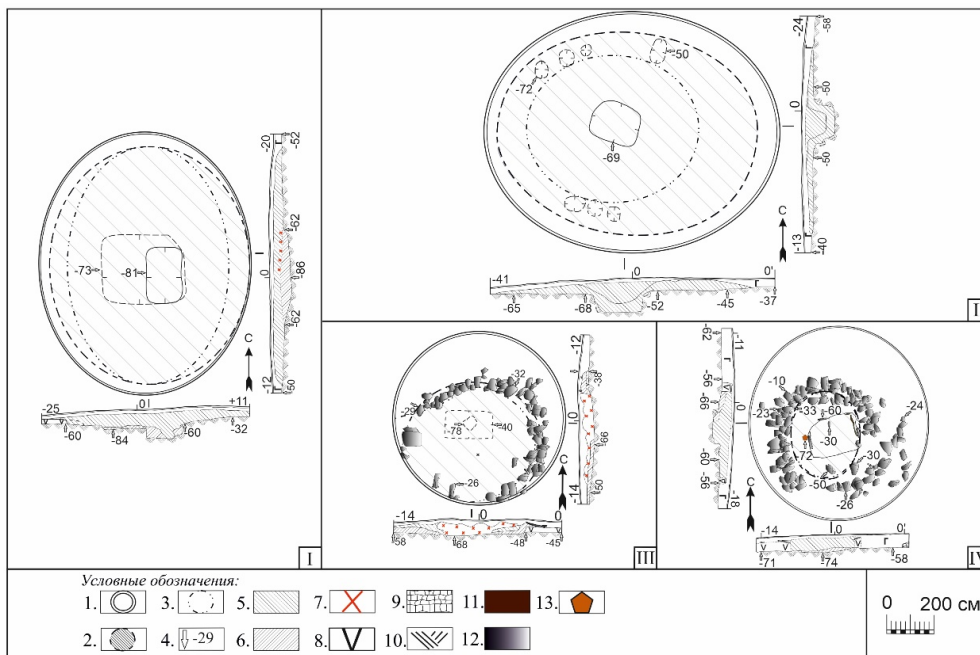

Рис. 3. Курганы с низкой трудозатратностью:

I — курган № 4; II — курган № 8; III — курган № 5; IV — курган № 6; 1 — контур раскопа; 2, 5 — вторая насыпь; 3 — площадь площадки, углубленной в материке; 4 — уровень от «0»; 6 — первая насыпь; 7 — прокаленный грунт; 8 — погребенная почва; 9 — материковый скалистый сланец; 10 — материковый слой; 11 — дерево; 12 — камень; 13 — керамика.

Fig. 3. Burial mounds with low labor value:

I — burial mound № 4; II — burial mound № 8; III — burial mound № 5; IV — burial mound № 6; 1 — excavation outline; 2, 5 — second mound; 3 — area of the recessed site; 4 — level from «0»; 6 — first mound; 7 — burned soil; 8 — overlain soil; 9 — rock; 10 — sterile soil; 11 — wood; 12 — stone; 13 — ceramics.

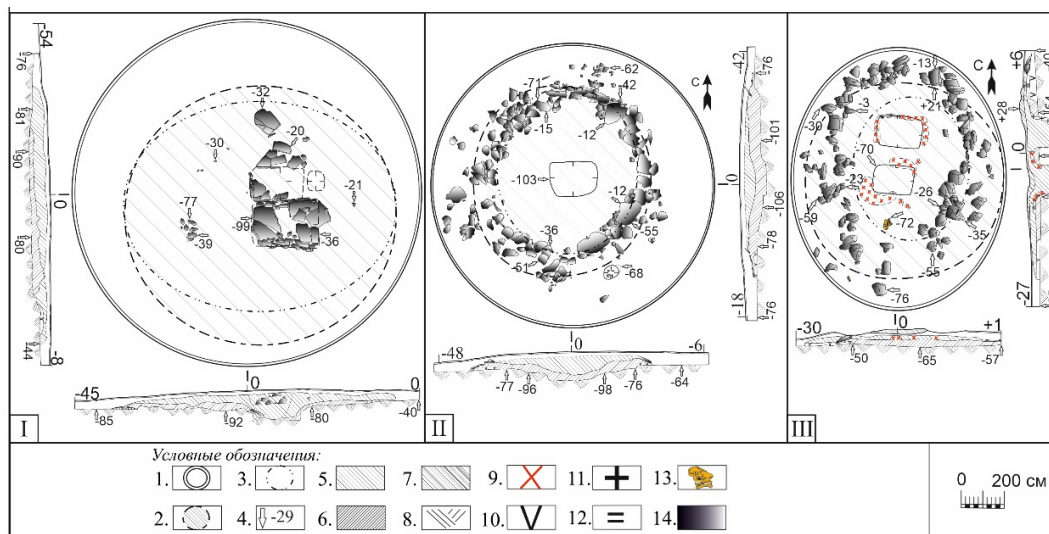

Рис. 4. Курганы с средней трудозатратностью:

I — курган № 9; II — курган № 10; III — курган № 7; 1 — контур раскопа; 2, 5 — вторая насыпь; 3 — площадь углубленной площадки; 4 — уровень от «0»; 6 — первая насыпь; 7 — антропогенное нарушение; 8 — материковый слой; 9 — прокаленный грунт; 10 — погребенная почва; 11 — грунт, насыщенный углем; 12 — выкид материка; 13 — кость; 14 — камень.

Fig. 4. Burial mounds with medium labor value:

I — burial mound № 9; II — burial mound № 10; III — burial mound № 7; 1 — excavation outline; 2, 5 — second mound; 3 — area of the recessed site; 4 — level from «0»; 6 — first mound; 7 — modern destruction; 8 — sterile soil; 9 — burned soil; 10 — overlain soil; 11 — charcoal; 12 — redeposited sterile soil; 13 — bone; 14 — stone.

Курганы со средней трудоемкостью (10–17 чел.дн.) (рис. 4) характеризуются диаметром насыпи от 7 до 12 м и фиксируемой высотой от 0,3 до 0,5 м. Погребальные площадки в данной группе имеют диаметр от 6 до 11 м, углублены до 0,25–0,3 м. Заполнение площадки фиксируется как по уровню материка, так и с подсыпкой на погребальной почве. В двух из трех курганов зафиксированы тяжелые каменные ограды диаметром от 6 м, весом до 4,5 т.

Курганы с высокой трудоемкостью (21–28 чел.дн) (рис. 5) характеризуются диаметром в 14–15 м, высотой от 0,5 до 0,7 м. Погребальные площадки в данной группе имеют диаметр от 7 до 13 м и углублены от 0,25 до 0,45 м. Заполнение площадки фиксируется только по уровню материка. В данной группе отсутствуют каменные ограды.

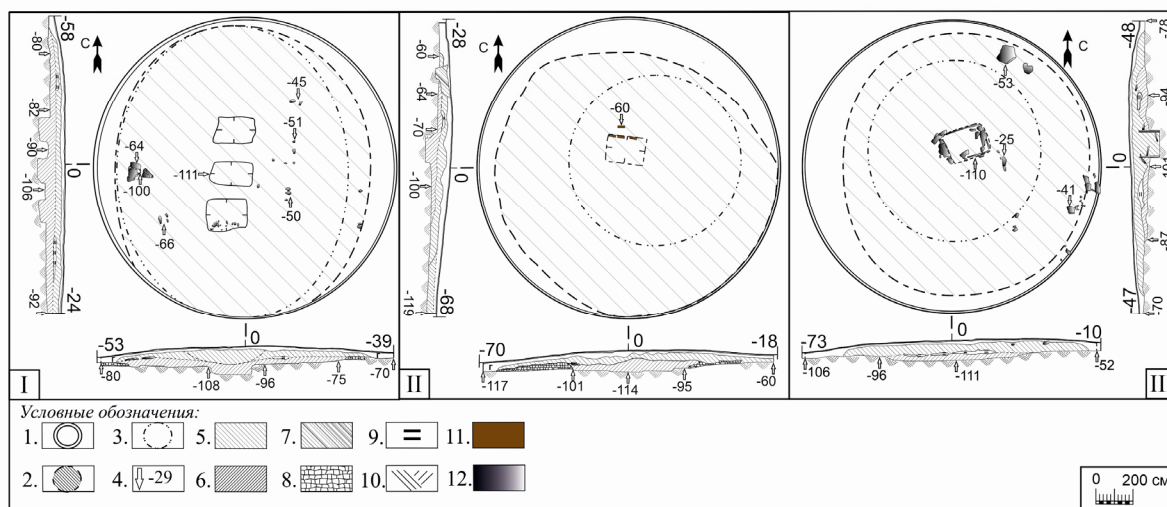

Рис. 5. Курганы с высокой трудозатратностью:

I — курган № 2; II — курган № 3; III — курган № 1; 1 — контур раскопа; 2, 5 — вторая насыпь; 3 — площадь углубленной площадки; 4 — уровень от «0»; 6 — первая насыпь; 7 — антропогенное нарушение; 8 — материковый скалистый сланец; 9 — переотложенный материковый грунт; 10 — материковый грунт; 11 — дерево; 12 — камень.

Fig. 5. Mounds with high labor value:

I — burial mound № 2; II — burial mound № 3; III — burial mound № 1; 1 — excavation outline; 2, 5 — second mound; 3 — area of the recessed site; 4 — level from "0"; 6 — first mound; 7 — modern destruction; 8 — rock; 9 — redeposited sterile soil; 10 — sterile soil; 11 — wood; 12 — stone.

Полученные данные позволяют сопоставить курганы могильника Звягино-1 с другими погребальными комплексами эпохи бронзы по критерию кратности различий сооружений и общей реконструируемой трудоемкости строительства.

Кратность различия сооружений

Максимальные различия в трудовой стоимости курганов могильника Звягино-1 достигают 9 раз, средние различия между группами малых и крупных курганов — 5 раз. Подобные различия заметно ниже, чем соотношения трудовой стоимости типов конструкций в майкопско-новосвободенской общности (253 раз) и несколько ниже показателей сооружений носителей южнобугского варианта ямной культуры (до 19 раз), для которых предполагается наличие стратифицированной структуры общества [Корневский, 2010, с. 165], однако стоит отметить, что приведенные расчеты выполнены по разным памятникам, в то время как в распоряжении автора только один комплекс.

В любом случае при условии, что время, затраченное обществом на возведение каждого из курганов могильника Звягино-1, было примерно одинаковым, кратные различия в реконструируемой трудовой стоимости между курганами демонстрируют, что число людей, участвовавших в строительстве каждого сооружения, отличалось существенно. Данное положение позволяет предполагать возможность проявления социального ранжирования в погребальном обряде, хотя и менее выраженного, чем в сообществах раннего бронзового века Кавказа и южной части Восточной Европы.

«Элитность» курганов могильника Звягино-1

Прямое сопоставление полученных данных с другими известными оценками строительных проектов затруднено ввиду разных систем коэффициентов, погрешность применения которых показана выше. Решить эту проблему можно выработкой единой общепризнанной системы ко-

Трудозатратность строительных операций на возведение курганов федоровской культуры...

эффициентов для синхронных сооружений рассматриваемой территории. Тем не менее далее попытаемся выполнить такое сопоставление для могильника Звягино-1.

Реконструируемые расчеты трудоемкости возведения малых курганов майкопско-новосвободенской общности дают оценку более чем в 50 чел.дн., в то время как для больших курганов майкопской культуры, состоящих из нескольких насыпей,— в среднем в 2000 чел.дн. [Кореневский, 2010, с. 169]. Реконструируемая трудоемкость для насыпи элитного кургана в могильнике Бесоба, отнесенного авторами к нуринско-федоровской культуре, без учета каменной ограды, составляет 1200 чел.дн. [Кукушкин и др., 2018, с. 99].

Сопоставление результатов, полученных по могильнику Звягино-1, с курганами нуринско-федоровской культуры Центрального Казахстана демонстрирует, что трудовая стоимость наиболее крупного кургана более чем в 40 раз ниже, чем стоимость возведение одного элитного кургана в могильнике Бесоба, и даже суммарная трудовая стоимость всех исследованных курганов могильника ниже более чем в 9 раз. В связи с тем что автор не приводит обоснование коэффициента и использует параметр веса, а не объема, верификация расчетов невозможна.

Сопоставление с курганами майкопской культуры показывает, что трудовая стоимость самого крупного кургана могильника Звягино-1 более чем в 70 раз ниже, чем рассчитанная для больших курганов майкопской культуры. Суммарная стоимость могильника ниже в 15 раз. Подобная картина отчасти объясняется многослойностью майкопских курганов, однако даже от самых малых отдельных насыпей курганы могильника Звягино-1 будут отличаться десятикратно.

Кроме того, при сооружении могильника более чем 90 % трудовых ресурсов задействовано на земляные работы, при том около 45 % — на предварительную подготовку погребальной площадки. Учитывая, что последовательная подготовка котлована и заполнение его грунтом выглядят иррационально, можно предположить, что погребальные площадки и котлованы, требующие наибольшего количества ресурсов, могли быть сооружены заранее, при освоении площадки могильника. В таком случае разовые трудовые ресурсы на возведение кургана могут быть еще ниже.

Таким образом, проведенные расчеты трудозатратности возведения могильника Звягино-1 демонстрируют чрезвычайно низкие показатели. Это позволяет предполагать, что к строительству курганов было привлечено относительно малое число людей в пределах одного коллектива, а в некоторых случаях даже в пределах близкого круга родственников, при том что, судя по всему, строительство происходило в относительно короткие сроки с возможной предподготовкой.

Заключение

Применение методики архитектурной энергетики позволило выделить три группы курганов по трудозатратам на сооружение. Сопоставление алгоритмов строительства отдельных курганов позволяет заключить, что основные различия в трудоемкости маркируются размерами сооружения, а не наличием или отсутствием отдельных конструктивных элементов. Незначительная трудозатратность, предположительно отражающая число людей, задействованных в строительстве, может быть связана с низкой численностью коллектива, использовавшего могильник.

С учетом сказанного, попытки оценки социальной структуры носителей федоровской культуры на Южном Урале по материалам одного могильника с большей долей вероятности будут ошибочными, поэтому затронутая проблема требует привлечения материалов других исследованных могильников, а также сопоставления с сооружениями иных культурных групп бронзового века Южного Зауралья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев Г.Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.
- Волов А.И. Анализ особенностей строительства и трудозатрат на сооружение сопкивидной насыпи близ урочища Плакун в Старой Ладге // *Saurus*. 2023. Т. 2. № 1. С. 29–49. [https://doi.org/10.34680/Saurus-2023-2\(1\)-29-49](https://doi.org/10.34680/Saurus-2023-2(1)-29-49)
- Гаджиев М.С. Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудозатрат // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2006. № 1 (5). С. 77–94.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей: В 2 ч.. УрО РАН, ЧелГУ. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1992. Ч. 1408 с.
- Епимахов А.В., Алаева И.П. Радиоуглеродная хронология федоровской культуры бронзового века (новые материалы по старой проблеме) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2024. Т. 52. № 2. С. 55–64. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2024.52.2.055-064>
- Карлсен Г.Г. Использование рабочих лошадей в колхозах. М.: Гос. изд-во сельскохозяйств. лит., 1951. 208 с.
- Кореневский С.Н. Феномен больших майкопских курганов: Социально-трудовой и культовый аспекты строительства // *КСИА*. 2010. Вып. 224. С. 149–170.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: (Саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Маркеры социальной стратификации в эпоху бронзы // Маргулановские чтения — 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Алматы; Актобе, 2018. С. 98–100.

Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири: Проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

Половников Л.В. Трудозатраты на строительство жилищ в Пермском Предуралье // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. Stadia Historica Jenium. 2019. № 1 (15). С. 45–50.

Свечин К.Б., Бобылев И.Ф., Голка Б.М. Коневодство. М.: Колос, 1984. 352 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: Зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 160 с.

Чечушков И.В. Трудозатраты при строительстве поселения эпохи поздней бронзы Каменный Амбар в долине реки Карагайлы-Аят // УИВ. 2020. № 2 (67). С. 26–34. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-2\(67\)-26-34](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-2(67)-26-34)

Abrams E.M. How the Maya Built Their World: Energetics and Ancient Architecture. Austin: University of Texas Press, 1994. 198 p.

Abrams E.M., Bolland T.W. Ancient Monuments, and Operations Management // Journal of Archaeological Method and Theory. Vol. 6. No. 4. P. 263–291. <https://link.springer.com/article/10.1023/A:1021921513937>

Alaeva I.P., Valavin N.A., Yuminov A.M. Structural Elements of the Stone circle of the Late Bronze Age Burial Mound Located in the Southern Part of the Trans-Urals // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy — 2023: Proceedings of Geoarchaeological Conference, Miass, Russia. Miass: Springer Nature, 2023. P. 132–141. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-031-85645-7_15

Arco L.J., Abrams E.M. An essay on energetics: the construction of the Aztec chinampa system // Antiquity 2006. 80. P. 906–918. <http://dx.doi.org/10.1017/S0003598X00094503>

DeLaine J. Economic choice in Roman construction: Case studies from Ostia // Constructing monuments, perceiving monumentality and the economics of building: Theoretical and methodological approaches to the built environment. Leiden: Sidenstone Press, 2018. P. 243–269.

Erasmus C.J. Monument Building: Some Field Experiments // Southwestern Journal of Anthropology. 1965. Vol. 21. № 4. P. 277–301. <http://dx.doi.org/10.1086/soutjanth.21.4.3629433>

Ortmann A.L., Kidder T.R. Building Mount A at Poverty Point, Louisiana: Monumental Public Architecture, Ritual Practice, and Implications for Hunter-Gatherer Complexity // Geoarchaeology: An International Journal. 2013. 28. P. 66–86. <https://doi.org/10.1002/gea.21430>

Pickett J., Schreck J.S., Holod R., Rassamakin Y., Halenko O., Woodfin W. Architectural energetics for tumuli construction: The case of the medieval Chungul Kurgan on the Eurasian steppe // Journal of Archaeological Science. 2016. 75. P. 101–114. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2016.09.006>

Radford A.W. Radford's Estimating and Contracting: A Practical Manual of Up-to-date Methods for Rapid, Systematic, and Accurate Calculation Cost of All Types and Details of Building Construction, Together with Quotations of Ordinary Prices for Labor and Materials. Chicago: The Radford Architectural Company, 1913. 887 p.

ИСТОЧНИКИ

Иллюстрированное Уточное положение. Шестое испр. изд. Пг.: Склад издания у К.Л. Риккера, 1916. 694 с.

Уточное Положение для строительных работ. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1895. 367 с.

United States Commission of Fish and Fisheries: Report of the Commissioner for 1884. Part XII. Washington: Government printing office, 1886. 1204 p.

Valavin N.A.^{1*}, Alaeva I.P.²

¹ South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
nikolai.valavin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0167-6518>

² South Ural State Humanitarian-Pedagogical University, Institute of History and Archeology UB RAS
alaevaira@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8322-5835>

Labour costs of construction operations for the burial mounds of the Fedorovo Culture at the Zvyagino-1 cemetery in the Southern Trans-Urals

Summary. This paper presents the first application of the architectural energetics method to the materials from the burial grounds of the Fedorovo culture in the Southern Trans-Urals. The study focuses on the materials

* Corresponding author.

recovered from the Zvyagino-1 cemetery, which dates to the 18th–16th centuries BC. The research aims to estimate the labour costs associated with the construction of the burial mounds at Zvyagino-1. In the course of the analysis, five stages of mound construction were identified, and the total volumes of resources employed in the process were determined. The results reveal an uneven distribution of resources among the burial mounds. Variations in the volume of resources used amount to more than a 20-fold difference, while disparities in labour costs reach approximately 9-fold. Based on the level of construction complexity, 3 groups of burial mounds were distinguished: low complexity (requiring 3–6 man-days), medium complexity (10–17 man-days), and high complexity (23–27 man-days). These distinct groups represent different levels of population involvement in the construction process.

Keywords: Bronze Age, Andronovo Community, social complexity, burial rite, Architectural Energetics.

REFERENCES

- Abrams, E.M. (1994). *How the Maya Built Their World: Energetics and Ancient Architecture*. Austin: University of Texas Press.
- Abrams, E.M., Bolland, T.W. (1999). Ancient Monuments, and Operations Management. *Journal of Archaeological Method and Theory*, 6(4), 263–291. <https://link.springer.com/article/10.1023/A:1021921513937>
- Afanas'ev, G.E. (1993). *Don Alans: Social structures of the Alan-Asso-Burtas populations of the Middle Don basin*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Alaeva, I.P., Valavin, N.A., Yuminov, A.M. (2023). Structural Elements of the Stone circle of the Late Bronze Age Burial Mound Located in the Southern Part of the Trans-Urals. In: *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy — 2023: Proceedings of Geoarchaeological Conference, Miass, Russia*. Miass: Springer Nature, 132–141. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-031-85645-7_15
- Arco, L.J., Abrams, E.M. (2006). An essay on energetics: The construction of the Aztec chinampa system. *Antiquity*, 80, 906–918. <http://dx.doi.org/10.1017/S0003598X00094503>
- Chechushkov, I.V. (2020). Labor costs during the construction of the Late Bronze Age settlement of Kamenny Ambar in the Karagayly-Ayat River valley. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 67(2), 26–34. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-2\(67\)-26-34](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-2(67)-26-34)
- DeLaine, J. (2018). Economic choice in Roman construction: Case studies from Ostia. In: *Constructing monuments, perceiving monumentality and the economics of building: Theoretical and methodological approaches to the built environment*. Leiden: Sidenstone Press, 243–269.
- Erasmus, C.J. (1965). Monument Building: Some Field Experiments. *Southwestern Journal of Anthropology*, 21(4), 277–301. <http://dx.doi.org/10.1086/soutjanth.21.4.3629433>
- Epimakhov, A.V., Alayeva, I.P. (2024). Radiocarbon Chronology of the Bronze Age Fedorovka Culture (New Data Relevant to an Earlier Problem). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 52(2), 55–64. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2024.52.2.055-064>
- Gadzhiev, M.S. (2006). Determination of the absolute date of construction of the citadel and the northern city wall of Derbent and the labor costs involved. *Vestnik Instituta istorii, arheologii i etnografii*, 5(12), 77–94. (Rus.).
- Gening, V.F., Zdanovich, G.B., Gening, V.V. (1992). *Sintashta: Arheologicheskij pamyatnik arijskikh plemen Uralo-Kazastanskij stepej*: in 2 parts. Part 1. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Karlsen, G.G. (1951). *The use of work horses on collective farms*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo sel'skohozyajstvennoj literatury. (Rus.).
- Korenevskij, S.N. (2010). The Phenomenon of the Large Maikop Burial Mounds: Social, Labor, and Religious Aspects of Construction. *Kratkie soobshchenie Instituta arheologii*, (224), 149–170. (Rus.).
- Koryakova, L.N. (1988). *The Early Iron Age of Trans-Urals and West Siberia: (Sargatka Culture)*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta. (Rus.).
- Kukushkin, I.A., Dmitriev, E.A., Kukushkin, A.I. (2018). Markers of social stratification in the Bronze Age. In: *Margulanovskie chteniya — 2018: Duhovnaya modernizaciya i arheologicheskoe nasledie: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Almaty; Aktobe. 98–100. (Rus.).
- Matveeva, N.P., Larina, N.S., Berlina, S.V., Chikunova, I.Yu. (2005). *A comprehensive study of the living conditions of the ancient population of Western Siberia: Problems of socio-cultural adaptation in the Early Iron Age*. Novosibirsk: SO RAN. (Rus.).
- Ortmann, A.L., Kidder, T.R. (2013). Building Mount A at Poverty Point, Louisiana: Monumental Public Architecture, Ritual Practice, and Implications for Hunter-Gatherer Complexity. *Geoarchaeology: An International Journal*, (28), 66–86. <https://doi.org/10.1002/gea.21430>
- Pickett, J., Schreck, J.S., Holod, R., Rassamakin, Y., Halenko, O., Woodfin, W. (2016). Architectural energetics for tumuli construction: The case of the medieval Chungul Kurgan on the Eurasian steppe. *Journal of Archaeological Science*, (75), 101–114. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2016.09.006>
- Polovnikov, L.V. (2019). Labor costs for housing construction in the Perm Urals. *Vestnik nauchnoj associacii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya Stadia Historica Jenium*, 15(1), 45–50. (Rus.).
- Stefanov, V.I., Korochkova, O.N. (2006). *Ureft' I, the Trans-Urals site in Andronovo context*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (Rus.).

Svechin, K.B., Bobylev, I.F., Gopka, B.M. (1984). *Horse breeding*. Moscow: Kolos. (Rus.).

Volov, A.I. (2023) Analysis of construction features and labor costs for the construction of a hill-shaped embankment near the Plakun tract in Old Ladoga. *Caurus*, 2(1), 29–49. (Rus.). [https://doi.org/10.34680/Caurus-2023-2\(1\)-29-49](https://doi.org/10.34680/Caurus-2023-2(1)-29-49)

© Валавин Н.А., Алаева И.П., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 29.01.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторах:

Валавин Николай Алексеевич, младший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия.

Алаева Ирина Павловна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

About the authors:

Valavin, Nikolay A., Junior Researcher, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.

Alaeva, Irina P., PhD, Leading Researcher, South Ural State Humanitarian Pedagogical University; Senior Researcher, Institute of History and Archeology UB RAS, Yekaterinburg, Russia.

Ткачева Н.А. ^{*1}, Ткачев А.А. ²¹ Тюменский индустриальный университет, tkachevana@tyuiu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7545-6358>² Тюменский научный центр СО РАН, sever626@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4072-2724>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЗДНЕБРОНЗОВЫХ КОМПЛЕКСОВ И ПЕРЕХОД К ТРАДИЦИЯМ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ВЕРХНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ

Аннотация. История изучения древностей эпохи бронзы и раннего железного века в Верхнем Прииртышье (горностепная зона Восточного Казахстана) насчитывает уже более столетия, однако именно «переходные» памятники, фиксирующие рубеж поздней бронзы и раннего железного века, встречаются редко. К настоящему времени в регионе выделено всего несколько могильников, которые можно рассматривать как самостоятельные комплексы переходного периода: Курту, Зевакино, Меновное VIII и Измайловский. Несмотря на близость хронологических рамок, каждый из них показывает ярко выраженную индивидуальность в устройстве надмогильных сооружений, планировке, погребальном обряде и наборе сопутствующих находок, что отражает неоднородность культурных процессов на рубеже эпох. Особое внимание в статье уделяется сравнительному анализу конструкций оград и курганов, типологии могильных ям и перекрытий, ориентации и позы погребенных, а также признакам идеологических изменений. Показано, что в ряде случаев сохраняются канонические для финальной бронзы элементы (скорченные погребения, отдельные устойчивые ориентировки), но параллельно формируются черты, характерные для ранних кочевников Алтая: усложнение погребальных сооружений, вариативность ритуала, появление элементов конской атрибутики и жертвоприношений. В целом комплексы Верхнего Прииртышья раскрывают сложный, многолинейный характер культурной эволюции и позволяют конкретизировать пути перехода от позднебронзовых традиций к культуре ранних кочевников горностепной зоны Алтая.

Ключевые слова: Верхнее Прииртышье, поздняя бронза, переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку, могильники, погребальный обряд.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № 126022618029-1 (Ткачев А.А.).

Цитирование: Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Трансформация позднебронзовых комплексов и переход к традициям раннего железного века в Верхнем Прииртышье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 51–64. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-4>

Введение

Изучение переходных эпох относится к числу наиболее сложных проблем археологии, актуальных для любых историко-культурных регионов. Не являются исключением и степи Восточной Евразии, простирающиеся от Урала до Енисея. В этом регионе достаточно полно изучены как древности бронзового века, так и культуры кочевников раннего железного века. Однако памятники переходного периода практически неизвестны, а культурно-хронологическая атрибуция исследованных объектов, связанных с данным периодом, является предметом научных дискуссий.

Верхнее Прииртышье (горностепная зона Восточного Казахстана) выделяется как регион, на территории которого в 1960–1990-е гг. были исследованы могильники, отражающие процессы трансформации позднебронзовых традиций в раннекочевнические. Погребальный обряд и вещевой инвентарь этих памятников не только отражают специфику культурной эволюции на рубеже эпох, но и служат важным источником для историко-культурных реконструкций. Цель данной работы заключается не только в общей характеристике переходных комплексов от эпохи бронзы к раннему железному веку, но и в определении их хронологической позиции, которая, с одной стороны, соотносится с заключительным этапом бронзового века, а с другой — представляет собой переходный период от одной культурной традиции к другой в рамках конкретного региона. Сравнительный анализ погребальных объектов позволяет решить несколько исследовательских задач: во-первых, охарактеризовать погребальные памятники финальной стадии бронзового века; во-вторых, выявить культурное своеобразие отдельных групп населения, обитавших в схожих природно-климатических условиях; в-третьих, проследить трансформацию позднебронзовых традиций в своеобразную культуру кочевых сообществ раннего железного века.

* Corresponding author.

Общая характеристика исследованных комплексов

На сегодняшний день основными источниками для изучения переходных комплексов от эпохи бронзы к раннему железному веку являются материалы четырех могильников, исследованных в 1960–1990-е гг. В данной работе анализируются материалы могильников Курту [Сорокин, 1966, с. 43–47], Зевакино [Арсланова, 1974b], Меновное VIII [Ткачева, 2003] и Измайловка [Ермолаева, 2012]. При этом было установлено, что материалы могильника Измайловка существенно выбиваются из общей картины. Это потребовало его отдельного изучения, в рамках которого была дана полная характеристика погребального обряда и инвентаря, а также впервые обоснована внутренняя хронология памятника, отражающая длительную историю его функционирования [Ткачев, 2026].

Куртуский комплекс

Урочище Курту расположено на левом берегу р. Бухтарма Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области, между устьями левобережных притоков р. Курту и р. Тау-теке (рис. 1, 4)¹. Вдоль края левобережной террасы Бухтармы выявлено 6 курганных групп, вытянутых по линии северо-запад — юго-восток в пределах 10 км и включающих около сотни разнообразных погребальных сооружений. Расстояние между отдельными памятниками — от нескольких сот метров до нескольких километров (рис. 2, 1). Среди погребальных сооружений выделяются следующие группы надмогильных конструкций:

- группа 1 — кольцевые оградки диаметром 3–4 м, сложенные из крупных валунов;
- группа 2 — кольцевые оградки диаметром 12–15 м, сооруженные из крупных камней с провалами в центре огражденных площадок, иногда их внутреннее пространство вымощено валунами;
- группа 3 — каменные наброски сферической формы диаметром 6–10 м с хорошо задержанными поверхностями;
- группа 4 — каменные сферические наброски со слабо задержанными поверхностями.

На трех памятниках исследовано 11 погребальных объектов (рис. 2, 1): в могильнике Курту III изучено 5 кольцевых оградок (группа 1); в могильниках Курту IV и Курту V — по три кургана (группа 3) [Сорокин, 1966, с. 40]².

В контексте рассматриваемой в статье проблемы переходного времени особый интерес представляют «почти сливающиеся друг с другом» погребальные группы могильников Курту II и Курту III, объединяющих 37 погребальных конструкций: к первому памятнику отнесено 20 сооружений; ко второму — 17 [Там же, с. 41, рис. 1]. В могильнике Курту II основная часть оград вытянута в широтном направлении, тогда как на могильнике Курту III в основе погребальной «цепочки» просматривается меридиональная ориентация (рис. 2, 1).

Хронологически наиболее ранними погребальными конструкциями являются кольцевые оградки, выделенные в первую группу. В погребальных группах могильников Курту II и Курту III выявлено около десятка оград, имеющих близкие размеры, конструктивные особенности и идентичный материал, использованный при их сооружении [Там же, с. 43].

Основой кольцевых оградок являются конструкции округлой формы диаметром 3–4 м, сооруженные из окатанных валунов овальной формы длиной до 0,7 м. Внутри оград просматривались овальные выкладки размером 2,0–2,1×2,1–1,5 м, ориентированные по линии северо-запад — юго-восток (ограда 1, 3, 5) и север — юг (ограда 4). Для обрамления внутреннего пространства использовались более крупные валуны, уложенные в один слой и частично зававшие внутрь могильных сооружений, что предполагает наличие деревянных перекрытий, поверх которых и укладывались камни выкладок (рис. 2, 2, 5). В ограде 4 под внутренней выкладкой, вытянутой в меридиональном направлении, могила отсутствовала, в остальных — выкладки перекрывали грунтовые ямы, вытянутые по линии северо-запад — юго-восток. Все исследованные

¹ Местоположение указанных рек на современных картах не определяется, не указано и расстояние до п. Катон-Карагай, поэтому можно лишь предположить, что данный комплекс расположен в верхнем течении р. Бухтарма (описание куртуского комплекса дано по [Сорокин, 1966, с. 40–47]).

² Далее представлено авторское видение планиграфических особенностей и датировки куртуского комплекса. Наблюдается определенное несоответствие плана и текста исходной работы. На плане показано, что в могильнике Курту III исследовано 5 оград (в тексте описано 4, к тому же последняя ограда охарактеризована как принадлежащая могильнику Курту II); в могильниках Курту IV и Курту V вскрыто по 3 кургана, что соответствует тексту только для последнего памятника (см.: [Сорокин, 1966, с. 47–48]). Характеристика одного из курганов могильника Курту IV присутствует лишь косвенно — упоминается находка железных удилищ в одном из курганов (см.: [Сорокин, 1966, с. 48, рис 5, 6]). В то же время описан курган 19 (могильник Курту VI), не обозначенный на плане как раскопанный (см.: [Сорокин, 1966, с. 48, рис. 1]). Отдавая предпочтение плану, кольцевые оградки мы будем рассматривать в рамках могильника Курту III.

могилы содержали захоронения по обряду трупоположения, но поза и ориентировка костяков определены только в двух случаях. Остановимся на их характеристике более подробно.

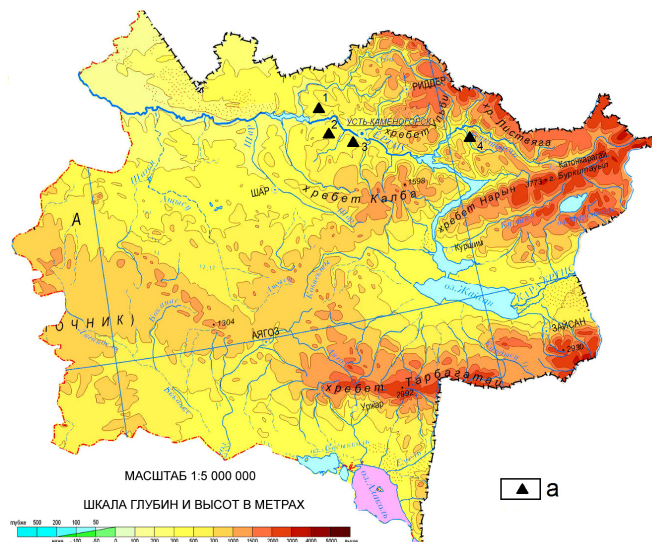

Рис. 1. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку на территории Верхнего Прииртышья:

- 1 — могильник Зевакино [Арсланова, 1974а, б]; 2 — могильник Измайловка [Ермолаева, 2012];
3 — могильник Меновное VIII [Ткачева, 2003]; 4 — могильник Курту [Сорокин, 1966]; а — могильник.

Fig. 1. Monuments of the Transition Period from the Bronze Age to the Early Iron Age in the Upper Irtysh region.

Кольцевая оградка 1 — диаметром 3 м, в центре находилась овальная выкладка из валунов (2,0×1,4 м), перекрывавшая грунтовую *могильную яму* (2,2×1,3 м), ориентированную по линии северо-запад — юго-восток. Стенки ямы по периметру были укреплены крупными валунами, часть которых просматривалась на современной поверхности. После помещения умершего в яму «ящик» из валунов перекрыли деревянным настилом (?), поверх которого разместили кладку из валунов (рис. 2, 2). Внутреннее пространство могилы, обложенное валунами, имело овальную форму, размер 1,2×0,9 м. Глубина могильной ямы от уровня современной дневной поверхности составляла 0,6 м, от уровня материка — 0,15–0,2 м. На дне могилы обнаружены частично сохранившиеся кости рук и нижняя часть скелета. Погребенный лежал на левом боку, скорченно, головой на северо-запад (рис. 2, 3).

Кольцевая оградка 3 — диаметром 4 м, внутренняя неправильно-овальная выкладка, перекрывавшая могилу и жертвенную яму, имела размеры 2,1×1,5 м (рис. 2, 4, 5). *Могила* — грунтовая яма овальной формы размером 1,3×0,95 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Глубина ямы от уровня современной дневной поверхности составляла 0,6 м, от уровня материка — 0,2–0,25 м. На дне ямы находились останки человека, лежавшего на левом боку, скорченно, головой на северо-запад. На локтевом суставе правой руки просматривались следы неправильно сросшегося перелома; кости левой руки присогнуты в локтевом суставе и уложены почти перпендикулярно телу погребенного (рис. 2, 5). К юго-восточному торцу могильной ямы и юго-восточным валунам ограждения примыкала *жертвенная яма* неправильно-овальной формы, размером 1,5×0,9 м, ориентированная по линии северо-восток — юго-запад. Глубина ямы от уровня современной дневной поверхности 0,5 м, от уровня материка — около 0,1 м. Дно ямы выше дна могилы на 10 см. На дне жертвенной ямы находился костяк лошади, уложенной на живот с подогнутыми ногами и вытянутой шеей, с общей ориентацией на юго-запад. Голова размещена на плоском валуне, предварительно уложенном на дно вдоль юго-западной стенки ямы. Часть костей туловища перекрыта запавшими внутрь валунами перекрытия (рис. 2, 5). С обеих сторон к челюстям примыкали два роговых псаля (рис. 2, 6, 7), что предполагает мягкую ремennую узду. Взаиморасположение могильной и жертвенной ям свидетельствует об их единовременном сооружении. Они имели общее деревянное перекрытие, поверх которого сделали выкладку — первоначально над захоронением человека и только потом над захоронением коня, несколько сместив кладку в северо-восточный сектор (рис. 2, 5).

Согласно С.С. Сорокину, кольцевые оградки могильника Курту III относятся к IX–VIII вв. до н.э. [1966, с. 47], что на момент проведения исследования соответствовало датировке переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку.

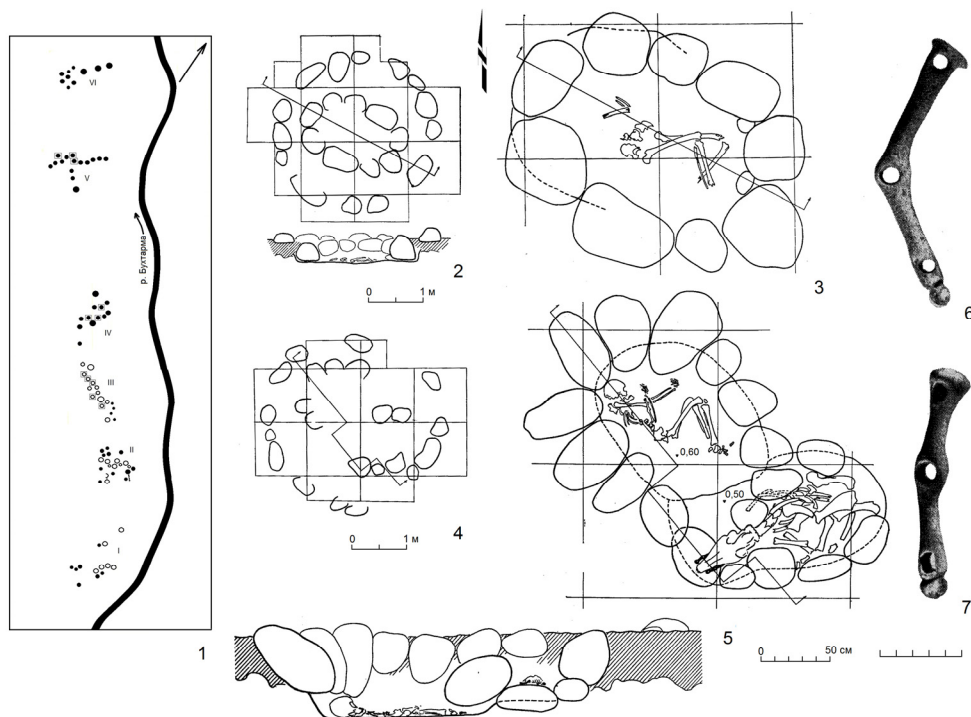

Рис. 2. Могильник Курту III (по: [Сорокин, 1966]):

1 — план взаиморасположения могильников Курту I–VI; 2 — план и разрез кольцевой оградки 1; 3 — кольцевая оградка 1, план могилы; 4 — план кольцевой оградки 3; 5 — кольцевая оградка 3, план и разрез могилы, план жертвенной ямы; 6, 7 — роговые псалии.

Fig. 2. The burial ground of Kurtu III:

1 — plan of the arrangement of the burial grounds of Kurtu I–VI; 2 — plan and section of the circular enclosure 1; 3 — circular enclosure 1, plan of the grave; 4 — plan of the circular enclosure 3; 5 — circular enclosure 3, plan and section of the grave, plan of the sacrificial pit; 6, 7 — horn psalies.

Зевакинский комплекс

Поминальный объект расположен на правом берегу Иртыша к юго-западу от с. Зевакино Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области. На его площади, составляющей несколько квадратных километров, расположено более 500 сооружений эпохи бронзы и средневековья (рис. 1, 1). Погребальные конструкции переходного времени, количество которых исследователем не определено, располагались обособленно в северной части могильника. Цепочка оград была вытянута в широтном направлении на 800 м. За шесть полевых сезонов в раскопе площадью 692,6 м² исследовано 70 оград переходного периода³.

Среди исследованных сооружений 5 округлых выкладок из мелкого щебня, 33 овальных и 27 прямоугольных оград из габброидного камня и кварца, размером от 2 до 8 м. Иногда к крупным оградкам примыкали пристройки аморфной формы, количество которых варьируется от 2 до 12. В оградах выявлено 98 одиночных захоронений, в трех обнаружено по две могилы; в одной — три; в десяти — умершие погребены на уровне древней поверхности [Арсланова, 1974b, с. 46, 49]⁴.

³ К сожалению, установить планиграфическое соотношение погребальных объектов переходного времени как с андроновскими сооружениями (за исключением единственного случая [Арсланова, 1974a, с. 224, рис. 3]), так и с другими современными погребальными конструкциями не представляется возможным. Остается невыясненной и внутренняя планиграфия 70 сооружений, «расположенных компактной группой в северной части Зевакинского могильника» [Арсланова, 1974b, с. 46]. Описание уникального погребального комплекса ограничивается кратким аналитическим обзором, зачастую не отличающимся корректностью.

⁴ По приведенным данным можно заключить, что исследовано не 70, а 112 оград, но в некоторых случаях, судя по описанию, в качестве отдельной ограды рассматривались одиночные могилы без ограждения, а 42 ограды являлись пристройками, которые некорректно считать самостоятельными погребальными конструкциями [Арсланова, 1974b, с. 48–49].

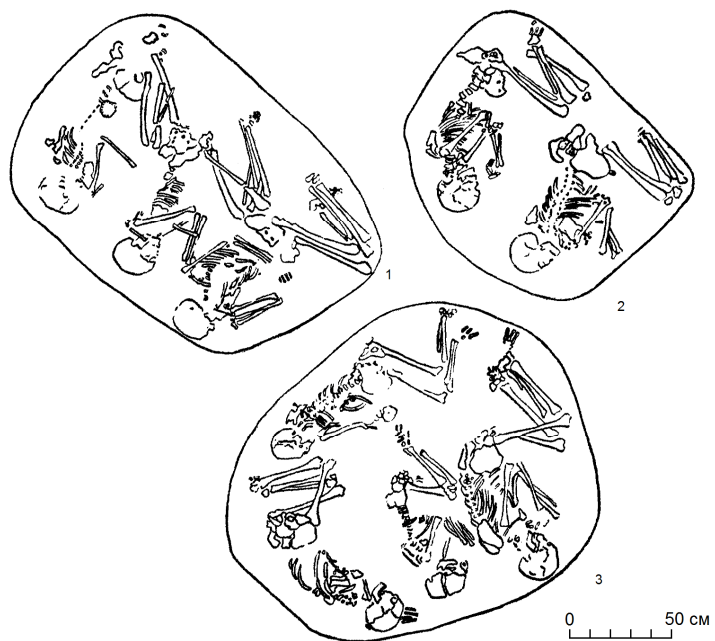

Рис. 3. Могильник Зевакино (по: [Арсланова, 1974b]):

1 — ограда 32; 2 — ограда 33; 3 — ограда 34.

Fig. 3. Zevakino burial ground.

Форма могил определена в 70 случаях: 55 овальных и 15 прямоугольных. Прослежено перекрытие в виде выкладки из мелких камней (18), плит (3) и бревенчатого наката (2). Основная часть могил узкие, глубиной 0,6–1,2 м. В 70 могилах обнаружены останки 127 чел.: мужчин, женщин и детей. Преобладает скорченное положение на правом (74) и левом (4) боку, на спине (3) и животе (2). В 9 оградах останки отсутствовали. Умерших укладывали головой на юго-запад (52) и юг (32), единично на запад (3), юго-восток (2) и восток (1)⁵. Выделяется несколько могил, содержащих групповые захоронения: парное, два тройных и одно четверное (рис. 3, 1–3). В большинстве не потревоженных могил погребальный инвентарь отсутствовал. В 31 могиле встречены бронзовые ножи, обломки глиняной посуды, украшения и отдельные изделия. Прослежены единичные случаи огненного культа — в виде кусочков охры (3), древесного угля и обожженного дерева (6). В 4 оградах выявлены следы поминальной тризны в виде остатков костей животных (череп и кости ног лошади, лопатки, трубчатые кости и ребра овец).

Основная часть вещевого инвентаря представлена ножами, сопровождавшими захоронения взрослых (5) и подростков (4), размещавшимися обычно у затылка или перед лицом. В одном случае рядом с ножом лежали ребра овцы, в другом — костяная трубочка. Отмечено несколько случаев размещения жертвенной пищи (ребра овцы) за головой погребенного. В могиле ограды 35, содержащей тройное захоронение, у останков погребенных, уложенных скорченно вдоль восточной и западной стенок, головами на юг, обнаружено: у восточного костяка за головой — кости овцы и нож «с аркой на кронштейне» (рис. 4, 5), у западного за головой — нож с кольцевым навершием (рис. 4, 9). Необходимо отметить не только сочетание ножа и мясной пищи (ребра овцы), размещенных за головой (3), но и наличие только мясной пищи (1). Девять детских захоронений сопровождались астрагалами овцы с преобладанием в комплексах нечетных чисел (3, 5, 7, 13) [Арсланова, 1974b, с. 47, 53, 59].

Меновновский комплекс

Планиграфические наблюдения за распределением разновременных погребальных конструкций в пределах Меновновского урочища показали, что в андроновский период в его восточной части функционировала поминальная площадка, которую мы рассматриваем как отдельный памятник — могильник Меновное IX [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 204–229, рис. 88].

⁵ Наблюдается определенное несоответствие: позы погребенных (определены в 83 случаях) и их ориентировки (90 случаев) [Арсланова, 1974b, с. 49].

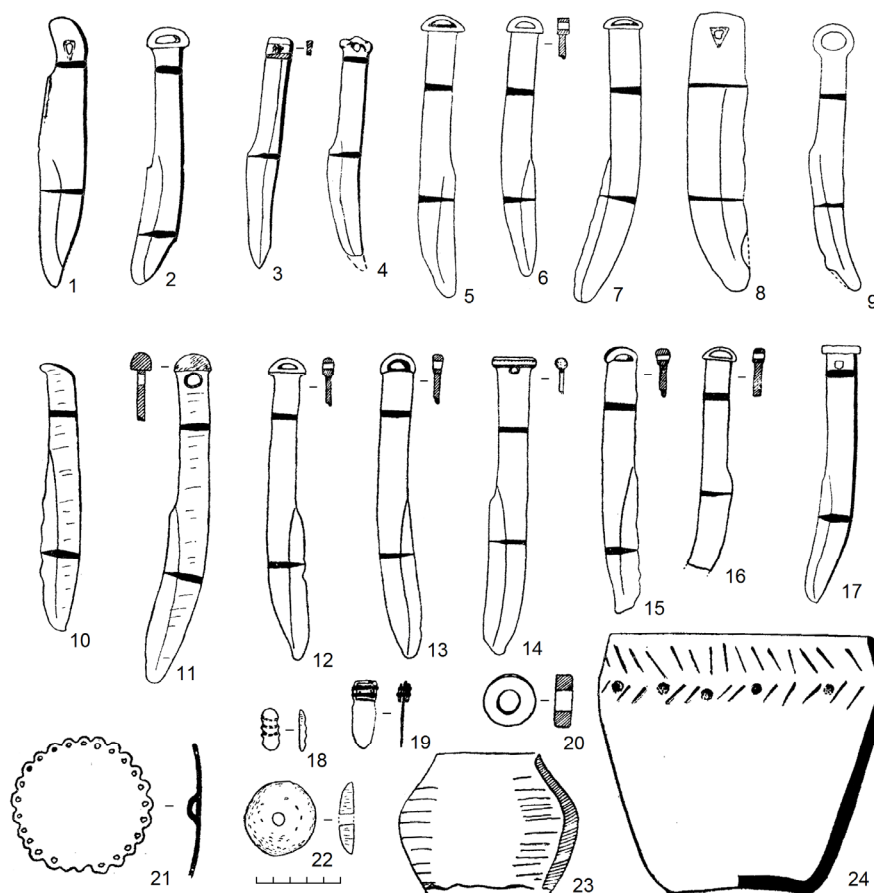

Рис. 4. Моги́льник Зевакино. Вещевой инвентарь (по: [Арсланова, 1974b]):

1 — ограда 48; 2, 4, 17 — ограда 47; 3 — ограда 49; 5 — ограда 35; 6 — ограда 17; 7 — ограда 223/2; 8 — ограда 26А; 9 — ограда 35; 10 — ограда 160Б; 11 — ограда 160А; 12 — ограда 224/8; 13 — ограда 223/5; 14 — ограда 223/4; 15 — ограда 224/2; 16 — ограда 42; 18, 22 — ограда 46; 19 — ограда 6; 20 — ограда 20; 21 — ограда 32; 23 — ограда 34; 24 — ограда 45.

Fig.4. Zevakino burial ground. Inventory.

Позднебронзовый курган 5 могильника Меновное VIII располагался в 120 м восточнее погребальных объектов могильника Меновное IX на краю невысокого водораздельного хребта, соединяющего две сопки (рис. 1, 3). С одной стороны, отдельные компоненты погребальной обрядности свидетельствуют об определенной культурной преемственности между носителями средне- и позднебронзовых традиций: наличие оград с пристройками, некоторая конструктивная близость в устройстве могил, специфичная поза погребенных. С другой стороны, наблюдаются отличия по конструктивным особенностям оград, принципам устройства могильных сооружений, ориентировке погребенных, сопровождающему инвентарю. Перечисленные отличия позволяют рассматривать курган 5 могильника Меновное VIII как более поздний по отношению к захоронениям могильника Меновное IX.

Моги́льник Меновное VIII исследован полностью, за исключением двух «царских» курганов, которые соотносятся с древностями раннего железного века. На памятнике обнаружено лишь одно сооружение, содержащее материалы финальной стадии бронзового века.

Необходимо отметить, что позднебронзовый курган встроен в цепочку из четырех невысоких земляных насыпей, содержавших оградки, оставленные ранними кочевниками. Два из трех курганов вплотную примыкают к северо-восточному и юго-восточному секторам кургана эпохи поздней бронзы (рис. 5, 1). Планиграфическое соотношение позднебронзовой конструкции и курганов ранних кочевников позволяет предполагать их хронологическую близость, когда еще могла сохраняться историческая память о предках, погребенных в раннем сооружении.

Курган 5 по совокупности признаков относится к финальной стадии бронзового века, однако отдельные черты его конструкции и погребального обряда свидетельствуют об отходе от тра-

диций эпохи бронзы и появлении в погребальном ритуале признаков, получивших широкое распространение в погребально-поминальных комплексах раннего железного века. Так, в большую грунтовую яму впустили два каменных ящика, которые рассматривались не как единое целое (подобная практика часто встречается в памятниках степной зоны Казахстана), а как две самостоятельные погребальные конструкции. Пространство между стенками ящиков было намеренно забутовано обломками камня — вероятно, для визуального подчеркивания индивидуального характера каждого захоронения (рис. 5, 2).

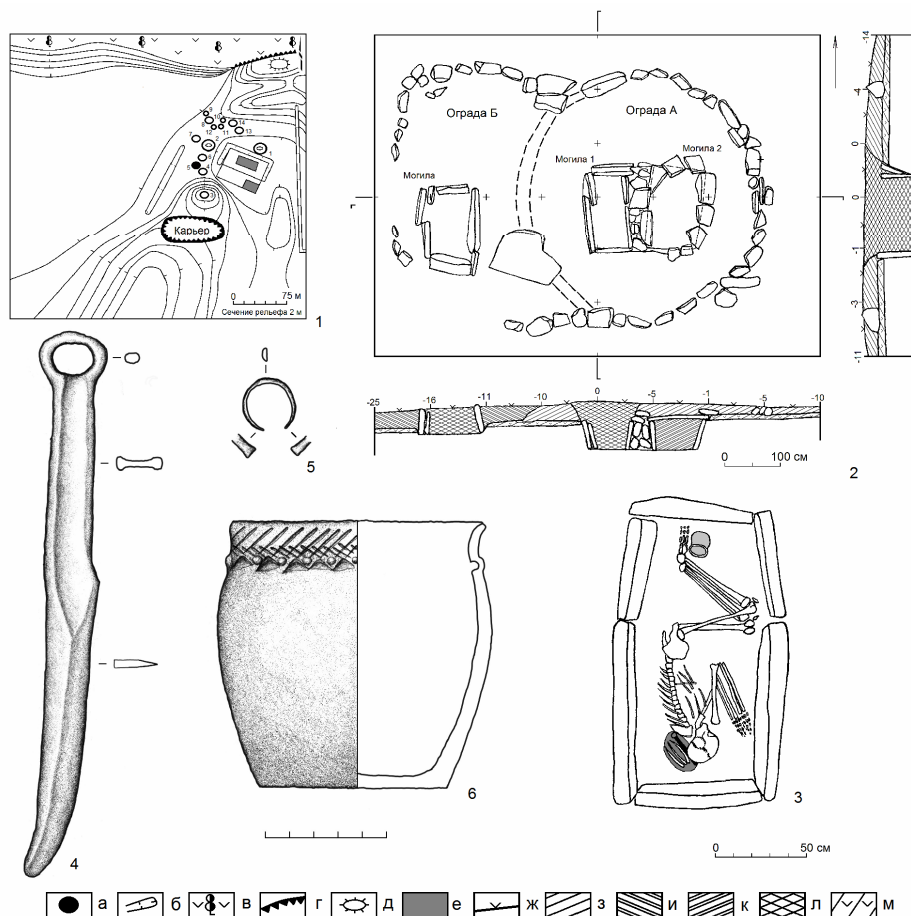

Рис. 5. Могильник Меновное VIII. Курган 5:

1 — план местности; 2 — план и разрез кургана 5; 3 — план могилы 1 (курган 5, ограда А); 4 — бронзовый нож; 5 — бронзовое кольцо; 6 — глиняный сосуд; а — курган 5; б — противопожарная канава; в — высокая пойма р. Иртыш; г — скальный обрыв; д — скальный выход; е — постройки; ж — дерн; з — светло-коричневый суглинок; и — темно-коричневый суглинок; к — серая супесь; л — мешаный грунт (черный гумусированный суглинок); м — погребенная почва (светло-серый суглинок).

Fig. 5. Menovnoye VIII burial ground. Mound 5:

1 — terrain plan; 2 — plan and section of mound 5; 3 — plan of grave 1 (mound 5, enclosure A); 4 — bronze knife; 5 — bronze ring; 6 — clay vessel; а — mound 5; б — fire dike; в — high floodplain of the Irtysh River; г — rocky cliff; д — rock outcrop; е — buildings; ж — turf; з — light brown loam; и — dark brown loam; к — gray sandy loam; л — mixed soil (black humus loam); м — buried soil (light gray loam)

Постепенно исчезает технология изготовления крупных монолитных гранитных плит. Стенки ящиков становятся составными, что не характерно для могильников андроновской эпохи, но становится типичной чертой погребальных комплексов раннего железного века. Помимо гранита в качестве строительного материала начинают использовать угольный сланец и крупные ломаные камни белого кварца. Последний, наряду с гранитом, станет одним из основных материалов при строительстве надмогильных сооружений у ранних кочевников. Использование наземных каменных ящиков — важный признак погребального обряда финального периода бронзового века. Поза и ориентировка одного из погребенных (скорченно на правом боку, головой на

юг) и сосуд, поставленный в ноги умершего, также соотносятся с этим временем (рис. 5, 3) [Варфоломеев, 1990, с. 73–76; Ткачев, 2002, с. 133, рис. 188, 2, 4, 5, 7, 8; 189, 2, 3]. Размещение в изголовье погребенного деревянного блюда с ножом и куском мяса в качестве заупокойной пищи также свидетельствует о переходном характере данного комплекса.

Обсуждение результатов исследования

Все описанные памятники относятся к переходному периоду от культурных традиций бронзового века к обрядовым и социальным практикам ранних кочевников раннего железного века. Хронологически этот этап соответствует финальной стадии эпохи бронзы.

Строительные особенности кольцевых оградок могильника Курту III также свидетельствуют о принадлежности к этому, переходному этапу, на что указывают ряд характерных признаков. С традициями бронзового века связана поза погребенных, уложенных в грунтовые ямы, скорченно на левом боку головой на северо-запад. Известно, что на заключительном этапе бронзового века в различных регионах Казахстана широкое распространение получили грунтовые ямы, в которых погребенных укладывали преимущественно на правом боку, головой на юг.

Вместе с тем в комплексах переходного периода, представленных, в частности, Зевакинским могильником, наблюдаются преобладание левосторонней скорченности и значительная вариативность ориентировки тел. Это может свидетельствовать о нестабильности обрядовых норм в условиях глубоких социальных и культурных трансформаций. Вероятно, даже в контексте масштабных изменений отдельные, возможно изолированные, коллективы продолжали соблюдать древние каноны погребальной обрядности, что способствовало длительному сохранению некоторых черт бронзовой традиции.

Косвенным показателем принадлежности погребальных комплексов могильника Курту III к переходному периоду является отсутствие инвентаря в захоронениях. В то же время факт разграбления одной из могил говорит о том, что практика помещения погребального инвентаря рядом с умершим все же существовала. Об идеологических изменениях свидетельствует совместное захоронение человека и взнузданной лошади, уложенной в ноги погребенного с подогнутыми под себя ногами. Такое сочетание в дальнейшем станет одним из характерных элементов погребальной обрядности как ранних, так и средневековых кочевников.

Специфика местной сырьевой базы — отсутствие в бассейне р. Бухтармы плитняка, пригодного для обработки, вынуждала местное население использовать для возведения оград и выкладок валунный камень, доступный в руслах горных рек. В ряде случаев валуны, применявшиеся для укрепления стенок могильной ямы, образовывали подобие каменного ящика. Впоследствии традиция использования валунов для возведения поминальных сооружений получила широкое распространение у ранних кочевников [Сорокин, 1966, с. 48].

Возраст исследованных объектов определяется хронологическим положением изделий из рога. Несмотря на индивидуальные особенности, псалии типологически относятся к типу трехдырчатых: один из них изогнут сильнее (рис. 2, 6), второй — значительно меньше (рис. 2, 7). Их внешнее оформление идентично: один конец выполнен в виде грибовидной шляпки, второй закруглен и выделен кольцевым желобком. Следов узды и удила не обнаружено, что позволяет предположить наличие несохранившихся мягких ременных удил и узды, использовавшихся для управления лошастью.

Обломки двух типологически близких изделий, обнаруженных на могильниках Ближние Елбаны VII (мог. 88) и Ближние Елбаны XIV (мог. 21), были датированы VII–VI вв. до н.э. [Грязнов, 1956, XIX, 15; XXI, 23]. При сравнении верхнеобских и бухтарминских изделий С.С. Сорокин соотносил последние с более ранним временем и датировал IX–VIII вв. до н.э. [1966, с. 47]. Серия бронзовых и роговых псалиев получена при исследовании кургана Аржан. Часть изделий, оформленных идентично куртуским, выделена в особый, аржанский тип псалиев, соотносенный с аржанско-черногорской группой памятников, датированных VIII–VII вв. до н.э. [Грязнов, 1980, с. 47, 54, 56, 61, рис. 30, 1–8, 10–18]. Л.С. Марсадолов датировал куртуские псалии второй половиной IX — первой половиной VIII в. до н.э., допуская при этом возможность их более раннего происхождения [Марсадолов, 2021, с. 120, рис. 2, 12, 15].

Кость и рог долгое время служили основным материалом при изготовлении предметов, предназначенных для управления лошадьми. В эпоху поздней бронзы щитковые псалии сменились изогнутыми костяными и роговыми изделиями в виде стержня с тремя отверстиями, расположенными в одной плоскости [Кузьмина, 2008, с. 221–252]. Совместное нахождение в кургане Аржан слабоизогнутых костяных и бронзовых псалиев, объединенных в так называемый аржанский тип, свидетельствует о том, что бронзовые изделия возникли под влиянием более древних костяных прототипов.

[Кузьмина, 1994, рис. 39, 4–8]. Сочетание сильно- и слабоизогнутых псалиев в куртуском комплексе может говорить о сосуществовании более ранних прототипов, предшествующих изделиям аржанского облика, что, в свою очередь, позволяет отнести куртуский комплекс к финальной стадии эпохи бронзы и датировать его концом X — IX в. до н.э.

На могильнике Зевакино в захоронениях переходного периода обнаружено 17 разнотипных ножей: «с аркой на кронштейне» (рис. 4, 2, 5–7, 12, 13, 15, 16), серповидные (рис. 4, 1, 8), с кольцевым навершием (рис. 4, 9), с грибовидным навершием (рис. 4, 11), с «глаголеобразным» навершием (рис. 4, 10), с прямым и вогнутым обушком (рис. 4, 3, 4), с валикообразным навершием (рис. 4, 14, 17), пластинчатый двулезвийный (рис. 4, 19).

Основная часть ножей имеет сходство с позднекарасукскими и карасук-тагарскими формами, распространенными в переходное время на территории Южной Сибири, Забайкалья и Монголии. Однако, по мнению Ф.Х. Арслановой, их происхождение связано не с подражанием, а с местными традициями, на основе которых сформировался локальный вариант карасук-тагарской общности. Подтверждает данную гипотезу открытие в относительной близости от могильника Зевакино поселения Новошуйбинское, где выявлен мощный культурный слой, свидетельствующий об активном занятии металлургией и металлообработкой. Среди вещевого инвентаря встречены многочисленные обломки литейных форм, в которых отливались тесла, остря и ножи, в том числе с «аркой на кронштейне» [Ермолаева и др., 1998, с. 41, рис. 1, 2, 3].

Если существовал металлургический центр, где производилась особая форма ножей «с аркой на кронштейне», то его функционирование, скорее всего, являлось кратковременным и узколокальным⁶. Это подтверждается полным отсутствием в исследованных памятниках Верхнего Прииртышья бронзовых изделий, аналогичных зевакинским. Единственный нож «с аркой на кронштейне» на территории региона представлен случайной находкой, сделанной в Большенарымском районе Восточно-Казахстанской области [Арсланова, 1974а, с. 57, табл. III, 13]. В то же время нож с кольцевым навершием из могильника Меновое VIII (рис. 5, 2) аналогичен ножу из могилы 35 могильника Зевакино (рис. 4, 9). Данные изделия сближают не только кольцевые навершия, но и оформление оконечности клинка в виде загнутого вверх «хвоста». Наблюдаются и существенные отличия, связанные с оформлением рукояти: зевакинский нож имеет уплощенно-трапециевидную форму, меновновский — выемчатую. Н.Л. Членова при характеристике карасукских древностей выделила ножи с «аркой на кронштейне» в «группу 15» и, несмотря на то что основная масса изделий этой группы была найдена на территории Минусинской котловины и Красноярского края, высказала гипотезу о происхождении данных изделий на территории Алтая и Восточного Казахстана [1972, с. 124–125], приведя в качестве аргументов материалы Березовского могильника на Алтае [Грязнов, 1947, рис. 6, 7] и предварительную публикацию материалов Зевакинского комплекса [Арсланова, 1969, с. 403].

На сопредельной территории Павлодарского Прииртышья нож с «аркой на кронштейне» обнаружен в кургане Шидерты, расположенном в северо-восточной части Казахского мелкосопочника. Погребение отнесено к стадии формирования тасмолинской культуры и датировано VIII–VII вв. до н.э. Появление ножей «с аркой на кронштейне» на территории Северной Сары-Арки связывается с миграцией восточно-казахстанского населения, принявшего участие в сложении тасмолинской культуры ранних кочевников [Пересветов, Куропятникова, 2002, с. 126, 130, рис. 2, 1]. Предположение о незначительном количестве восточно-казахстанских мигрантов косвенно подтверждается и отсутствием ножей с «аркой на кронштейне» по всему ареалу тасмолинской культуры [Кадырбаев, 1966, с. 303–433].

Для погребений могильника Зевакино характерно почти полное отсутствие в инвентаре глиняной посуды. Только в двух могилах обнаружены керамические емкости: обломки одной встречены в коллективном захоронении (рис. 3, 3; 4, 23); второй сосуд был установлен в изголовье ребенка 5–6 лет (рис. 4, 27).

Первая емкость, по мнению Ф.Х. Арслановой, имеет сходство с тагарским сосудом из Усть-Ербы (могила 4 у Подгорного озера близ с. Батени) [Арсланова, 1974b, с. 51]. Н.Л. Членова данную емкость и аналогичный сосуд из Страшного лога рассматривала как особые миниатюрные острореберные изделия, являющиеся уникальными для тагарских древностей и связывала их напрямую с андроновскими традициями [1967, с. 197, табл. 41, 5, 6]. По своим характерным особенностям этот неорнаментированный сосуд имеет сходство со слабо орнаментированной посудой могильника Измайловка [Ермолаева, 2012, рис. 66, 2; 68, 2].

⁶ К сожалению, в публикации, посвященной Шуйбинскому поселению, отсутствуют описания внешних признаков, характерных для жилой площадки, и площади распространения культурного слоя [Ермолаева и др., 1998].

Второй сосуд, баночной формы, может традиционно рассматриваться как основной сопутствующий инвентарь в погребениях детей младших возрастных групп начиная с андроновского времени [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 167–168, рис. 16]. По мнению Ф.Х. Арслановой, емкость соотносится с тагарской посудой лесной зоны [1974b, с. 51]. Если исходить из сочетания формы и орнамента, то можно констатировать, что аналогичные емкости отсутствуют в памятниках лугавской культуры ([Членова, 1963, с. 51, рис. 1] (каменноложский этап карасукской культуры) [Вадецкая, 1986, с. 59, рис. 33]), датирующихся переходным временем от эпохи бронзы к раннему железу в пределах X–VIII вв. до н.э. [Членова, 1967, табл. 40–45; Мартынов, 1979, с. 59–64, табл. 24–27, 29]. Форма сосуда в сочетании с орнаментальными мотивами в виде «елочки» и «жемчужин» сближают его, с одной стороны, с посудой баночных форм, характерной для позднебронзовой трушниковской культуры Верхнего Прииртышья [Черников, 1960, с. 60–61, табл. LIX, 7, 8; LX, 2, 4, 7; Ткачева, Ткачев, 2008, с. 251–252, рис. 14, 10; 16, 1, 2, 5, 26], с другой — с керамической емкостью из могильника Меновное VIII, имеющей сходство с посудой, появляющейся на финальной стадии корчажкинской культуры степного Алтая [Кирюшин, Шамшин, 1992, с. 212, рис. 10].

По мнению Ф.Х. Арслановой, одна часть изделий из могильника Зевакино сопоставима с древностями поздней стадии бронзового века (XI–X вв. до н.э.); вторая — с карасукскими (IX–VIII вв. до н.э.), третья — с позднекарасукскими комплексами (VIII–VII вв. до н.э.); четвертая — с изделиями раннесакского времени (VIII–VII н.э.). В итоге Зевакинский могильник был охарактеризован как переходный, но датирован VIII–VII вв. до н.э. [Арсланова, 1974b, с. 52–60]. По современным представлениям это период становления и расцвета майэмирской культуры раннего железного века. Н.Л. Членова, сопоставив ножи «с аркой на кронштейне» с переходным карасук-тагарским периодом (IX–VIII вв. до н.э.), зевакинский комплекс датировала более узко — VIII в. до н.э. [1963, с. 59; 1972, с. 259]. Примечательно, что Ф.Х. Арсланова при первичной характеристике Зевакинского переходного комплекса связывала его существование с заключительной фазой бронзового века [1969, с. 403].

При исследовании Зевакинского могильника прослеживается сочетание погребального обряда, характерного для финальной стадии бронзового века Казахстана, с изделиями карасук-тагарского облика Южной Сибири. Наряду с этим встречаются и единичные изделия, типичные для поминальных комплексов раннего железного века скифо-сакского периода, что позволяет отнести зевакинский комплекс к переходному периоду и датировать в пределах XI(X)–IX вв. до н.э.

На могильнике Меновное VIII обнаружен бронзовый нож, типологически близкий к желобчаторукоятным ножам, появившимся одновременно с сосудами валикового типа в XIII в. до н.э. и просуществовавшим вплоть до раннего железного века (рис. 5, 4). Характерной особенностью этой группы ножей является наличие округлого расширения на верхней части рукояти, где после отливки пробивалось отверстие для крепления ножа к одежде [Аванесова, 1991, с. 28]. Желобчаторукоятные ножи позднебронзового века, вероятно, послужили прототипом для литых ножей с округлым навершием рукояти позднекарасукского времени. С ножами из последних комплексов экземпляр из могильника Меновное VIII сближает не только наличие литого округлого кольцевидного навершия, но и определенная «хвостатость» лезвия [Членова, 1972, с. 227, табл. 62].

Появление в памятниках Восточного Казахстана литых ножей со сквозным округлым навершием на рукояти датируется не ранее X в. до н.э. Это подтверждается находкой аналогичного изделия в одном из погребальных комплексов переходного периода Зевакинского могильника [Арсланова, 1974b, с. 48, табл. I, 5], где более широко представлены ножи с «аркой на кронштейне» [Там же, с. 52–55, табл. I, 1–3, 9; II, 3; III, 1–3, 14]. Это позволяет, с одной стороны, синхронизировать бытование ножей с округлым сквозным отверстием на рукояти и ножей с навершием в виде прорезной дужки или «арки на кронштейне»; с другой — предположить, что ножи с округлым навершием появились раньше ножей «с аркой на кронштейне» и, возможно, послужили для них прототипом.

На рукояти ножа с округлым навершием из могильника Зевакино отсутствуют желобчатые выемки, что позволяет считать его более поздним по сравнению с ножом из могильника Меновное VIII. В то же время все эти ножи объединяет идентичное оформление лезвия, отделенного от рукояти выступом, и едва заметная «хвостатость» на концах клинков.

В кургане 5 могильника Меновное VIII найдено кольцо с разомкнутыми раскованными концами, надетое на безымянный палец правой руки погребенного (рис. 5, 5). Аналогичные изделия из могильника Зевакино, изготовленные из бронзовых пластин, проволоки округлого и прямоугольного сечения, украшали указательный, средний и безымянный пальцы правых рук погребенных [Арсланова, 1974b, с. 57, табл. II, 9; III, 9, 12]. Один конец золотой серьги из могильника Зевакино, выпол-

ненный из проволоки круглого сечения, расклепан аналогично кольцу из могильника Меновное VIII [Там же, с. 58, табл. III, 10]. Кольца из золотой проволоки встречаются и в переходных комплексах алтайского варианта ирменской культуры, датируемых VIII–VII вв. до н.э. на основании наличия в захоронениях ножей ирменско-большереченского типа [Членова, 1972, с. 258–259, рис. 8].

Сосуд из кургана 5 могильника Меновное VIII (рис. 5, 6), отличаясь формой, имеет определенное сходство в орнаментике с баночной емкостью из ограда 45 Зевакинского могильника, на котором присутствует резная «елочка» по венчику, дополненная выдавленными изнутри «жемчужинами» [Арсланова, 1974b, с. 51, рис. 1]. Необходимо отметить, что по сочетанию формы и орнаментальной композиции меновновский сосуд имеет некоторое сходство с ирменской посудой [Грязнов, 1956, с. 26, табл. VI, 7; Матвеев, 1993, рис. 21; Членова, 1994, рис. 1, 9], но наиболее близкие орнаментальные композиции прослеживаются на керамике позднекорчажских комплексов Алтая. Мотив из перекрещивающихся линий, образующих «косую» сетку по шейке, широко представлен на посуде позднего, иткульского этапа корчажской культуры, датированного X — первой половиной VIII в. до н.э. [Кирюшин, Шамшин, 1987, рис. 8; 1992, с. 212, рис. 4]. Выделение на Алтае бийкенской культуры раннескифского периода (IX–VI вв. до н.э.) [Тишкин, 2007, с. 95–96] позволяет удревнить время бытования иткульских комплексов корчажской культуры в пределах XI–X вв. до н.э. Завершающий элемент композиции — треугольные оттиски — практически не встречается в орнаментике вышеуказанных культур, поэтому треугольные вдавления можно рассматривать как элемент местных традиций, восходящих к андроновской эпохе [Ткачева, Ткачев, 2008, рис. 13, 14, 21, 29; 60, 5, 7]. Меновновский сосуд имеет определенное сходство и с позднетрушниковскими керамическими комплексами, для которых характерны банки и слабо-профилированные горшечные формы, оригинальность им придает декор из разнообразных вдавлений, налепных и выдавленных «жемчужин» [Черников, 1960, с. 59–61, табл. XLVIII, 5; XLIX, 5, 7–9; LX, 5, 6, 9; Ткачева, Ткачев, 2008, с. 62–63, рис. 14, 6, 9, 10; 16, 1, 2, 5, 9, 15, 26, 27].

Особенности материалов, полученных при исследовании кургана 5 могильника Меновное VIII, позволяют выдвинуть гипотезу о том, что в формировании древностей переходного периода (финальная стадия бронзового века) наряду с автохтонным населением участвовали и отдельные представители приобского происхождения. Особенности орнаментации, пусть и немногочисленных, сосудов свидетельствуют о проникновении на территорию Верхнего Прииртышья отдельных носителей традиций корчажской культуры, в то время как в Павлодарское Прииртышье могли периодически проникать носители ирменской культуры [Пересветов, 2000, с. 79, рис. 1].

Внутреннее устройство кургана, способы сооружения могил, вещевой инвентарь, а также поза и ориентировка погребенного позволяют отнести курган 5 могильника Меновное VIII к переходному периоду и датировать его концом X — IX в. до н.э.

Изучение памятников переходного периода на территории Верхнего Прииртышья и Алтая остается актуальным. Несмотря на значительный вклад исследователей [Арсланова, 1974a; Боковенко, 1986; Жунусханов, 2014; Шульга, 2008; Ткачев, 2026] в решение научных задач, ряд методологических и интерпретационных проблем сохраняется.

Одна из основных сложностей заключается в том, что многообразие археологических комплексов Восточного Казахстана трудно однозначно соотнести с конкретными кочевыми традициями раннего железного века, распространенными на Алтае и в сопредельных регионах. Вероятно, различные коллективы, оставившие изученные памятники, внесли свою, дифференцированную лепту в становление майэмирской культуры раннего железного века Казахского Алтая. Косвенным подтверждением этой гипотезы служит трансформация погребальной практики, в частности постепенное исчезновение глиняной посуды из состава погребального инвентаря.

Существенную роль в трансформации хозяйственного уклада сыграли климатические изменения конца II тыс. до н.э., выразившиеся в резком увлажнении. Эти условия способствовали переходу части общин эпохи бронзы к кочевому скотоводству, что хронологически соотносится с финальной стадией бронзового века XI(X)–IX вв. до н.э. и знаменует начало переходного периода между историческими эпохами [Боковенко, 1986, с. 46; Исмагилов, 1988, с. 6; Марсадоллов, 2021; Ткачев, 2003, с. 377].

На общеевразийском фоне данный этап завершился формированием устойчивой системы номадизма. Яркими маркерами этого процесса выступают: появление элитных курганных комплексов типа Аржан, символизирующих становление раннекочевнических элит; формирование на Алтае локальных культурных образований — бийкенской и майэмирской культур раннего железного века.

Таким образом, переходный период на Верхнем Прииртышье и Алтае предстает не как линейная смена культур, а как сложный поликомпонентный процесс, в котором взаимодействовали

ли экологические, социально-экономические и этнокультурные факторы. Дальнейшее изучение региона требует комплексного подхода, сочетающего анализ археологических данных с палео-экологическими реконструкциями, с привлечением материалов с соседних территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсланова Ф.Х. Раскопки в Восточном Казахстане // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 403.
- Арсланова Ф.Х. Некоторые памятники позднего бронзового века Верхнего Прииртышья // СА. 1974а. № 1. С. 220–226.
- Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII веков до нашей эры из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 1974b. С. 46–60.
- Боковенко Н.А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая. Барнаул: Алт. ун-т, 1986. С. 46–48.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Варфоломеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы Кентского микрорайона (типология конструкций) // Маргулановские чтения 1992 г. М.: ИА АН РК, 1992. С. 72–76.
- Грязнов М.П. Памятники майэмйского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. XVIII. С. 9–17.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 228 с.
- Грязнов М.П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.
- Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахстанского Алтая (эпоха бронзы и раннее железо). Алматы: Хикари, 2012. 238 с.
- Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н., Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Поселение древних металлургов VIII–VII вв. до н.э. на Семипалатинском правобережье Иртыша // Вопросы археологии Казахстана. 1998. Вып. 2. С. 39–46.
- Жунисханов А. Погребальный обряд населения Восточного Казахстана раннесакского времени // Всадники великой степи: Традиции и инновации: Труды филиала ИА им. А.Х. Маргулана. Астана: Изд. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. Т. IV. С. 139–143.
- Исмагилов Р. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // Уфим. археол. сборник. 1988. Вып. 1. С. 3–7.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Алт. ун-т, 1987. С. 137–158.
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Барнаул: АКС, 1992. Вып. XV. С. 194–217.
- Кузьмина Е.Е. О некоторых вопросах андроновской демографии // Известия СО АН СССР. 1974. № 6. Вып. 2. С. 102–105.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. 464 с.
- Кузьмина Е.Е. Арии — путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 558 с.
- Марсаджолов Л.С. О хронологии Евразийских роговых псалиев X–VII вв. до н.э. // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 115–123.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Наука, 1993. 180 с.
- Пересветов Г.Ю. Ирменское погребение из Павлодара // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2000. С. 79–80.
- Пересветов Г.Ю., Куропятникова С.В. Тасмолинское погребение у станции Шидерты // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар: Эко, 2002. С. 126–130.
- Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 39–60.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурных схем: Исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Алт. ун-т, 2007. 356 с.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.
- Ткачев А.А. Дандыбаевская культура: проблема происхождения и датировки // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 2003. Кн. I. С. 371–378.
- Ткачев А.А. К проблеме внутренней хронологии бегазы-дандыбаевских комплексов могильника Измайловка // Археология Евразийских степей. 2026. № 1. С. 242–256.
- Ткачева Н.А. К проблеме переходного времени в Верхнем Прииртышье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 2003. Кн. I. С. 378–383.
- Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88. 272 с.
- Членова Н.Л. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине // СА. 1963. № 3. С. 48–66.

- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской культуры. М.: Наука, 1972. 248 с.
Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в западной Сибири. М.: Пушкинский научный центр РАН, 1994. 170 с.
Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Алт. ун-т, 1999. С. 245–250.
Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

Tkacheva N.A. ^{*1}, Tkachev A.A. ²

¹ Tyumen Industrial University, tkachevana@tyuiu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7545-6358>

² Tyumen Scientific Centre SB RAS, sever626@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4072-2724>

Features of the transformation of Late Bronze Age complexes and the problems of transition to the traditions of the Early Iron Age in the Upper Irtysh region

Summary. The study of Bronze Age and Early Iron Age antiquities in the Upper Irtysh region — specifically within the mountain-steppe zone of Eastern Kazakhstan — spans more than a century. However, archaeological sites that can be classified as “transitional”, marking the boundary between the Late Bronze Age and the Early Iron Age, remain rare. Currently, only a few burial grounds in the region can be regarded as independent complexes representative of the transitional period: Kurt, Zevakino, Menovnoye VIII, and Izmailovsky. Despite the proximity of their chronological frames, each site shows a distinct character in terms of burial structure design, layout, funeral rites, and associated findings, reflecting the heterogeneity of cultural processes at the turn of the era. The article places particular emphasis on a comparative analysis of enclosure and mound structures, the typology of burial pits and ceilings, the orientation and position of the buried, as well as indicators of ideological transformations. The analysis reveals that, in certain cases, canonical elements of the final Bronze Age persist — crouched burials and individual stable orientations. Concurrently, traits characteristic of the early nomads of the Altai begin to emerge: increased complexity of burial structures, greater variability in ritual practices, and the appearance of artifacts associated with horse equipment and sacrificial practices. Overall, the complexes of the Upper Irtysh region illustrate the intricate and multilineal nature of cultural evolution. They allow us to refine the models of transition from the Late Bronze Age traditions to the early nomadic culture in the mountain-steppe zone of Altai.

Keywords: Upper Irtysh region, Late Bronze Age, Transition Period from the Bronze Age to the Early Iron Age, burial grounds, burial rite.

Funding. The work was carried out as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation № 126022618029-1.

REFERENCES

- Arslanova, F.Kh. (1969). Excavations in Eastern Kazakhstan. In: *Arheologicheskie otkrytiya 1968 goda*. Moscow: Nauka. (Rus.).
Arslanova, F.Kh. (1974a) Some Late Bronze Age Monuments of the Upper Irtysh Region. *Sovetskaya arkheologiya*, (1), 220–226. (Rus.).
Arslanova, F.Kh. (1974b). Funeral Complex of the 8th–7th Centuries BC from Eastern Kazakhstan. In: *V glub' vekov*. Alma-Ata: Nauka, 46–60. (Rus.).
Bokovenko, N.A. (1986). Some Features of the Formation of the Funeral Rite of the Early Nomads of the Sayan-Altai and Kazakhstan. In: *Skifskaya ehpokha Altaya*. Barnaul: Alt. un-t, 46–48. (Rus.).
Chernikov, S.S. (1960). Eastern Kazakhstan in the Bronze Age. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, (88). (Rus.).
Chlenova, N.L. (1963). Monuments of the transitional Karasuk-Tagar period in the Minusinsk Basin. *Sovetskaya arkheologiya*, (3), 48–66. (Rus.).
Chlenova, N.L. (1967). *The Origin and Early History of the Tagar Culture*. Moscow: Nauka. (Rus.).
Chlenova, N.L. (1972). *Chronology of Karasuk Culture Monuments*. Moscow: Nauka. 248 p. (Rus.).
Chlenova, N.L. (1994). *Monuments of the Late Bronze Age in Western Siberia*. Moscow: Pushchinskii nauchnyi tsentr RAN. (Rus.).
Ermolaeva, A.S. (2012). *Monuments of the Foothill Zone of the Kazakhstan Altai (Bronze Age and Early Iron Age)*. Almaty: Hikari. (Rus.).
Ermolaeva, A.S., Ermolenko, L.N., Kuznetsova, E.F., Teplovodskaya, T.M. (1998). Settlement of Ancient Metallurgists of the 8th–7th Centuries BC on the Semipalatinsk Right Bank of the Irtysh River. In: *Voprosy arkheologii Kazakhstana*, (2), 39–46. (Rus.).
Gryaznov, M.P. (1947). Monuments of the Mayemir Stage of the Early Nomad Era in the Altai. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury*, (XVIII), 9–17. (Rus.).

* Corresponding author.

- Gryaznov, M.P. (1956). History of the Ancient Tribes of the Upper Ob Based on Excavations Near the Village of Bolshaya Rechka. *MIA*, (48). (Rus.).
- Gryaznov, M.P. (1980). *Arzhan: A Royal Burial Mound from the Early Scythian Period*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Ismagilov, R. (1988). Begazy-Dandybaev phenomenon and its typological parallels. *Ufimskij arheologicheskij sbornik*, (1), 3–7. (Rus.).
- Kadyrbaev, M.K. (1966). Monuments of the Tasmola culture. In: A.Kh. Margulan, K.A. Akishev, M.K. Kadyrbaev, A.M. Orazbaev. *Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazakhstana*. Alma-Ata: Nauka. (Rus.).
- Kiryushin, Yu.F., Shamshin, A.B. (1987). Korchazhinskaya culture of the forest-steppe Altai Ob region. In: *Arheologicheskie issledovaniya na Altae*. Barnaul: Alt. un-t, 137–158. (Rus.).
- Kiryushin, Yu.F., Shamshin, A.B. Results of the archaeological study of Eneolithic and Bronze Age sites in the forest-steppe and steppe Altai. *Altajskij sbornik*, (XV), 194–217. (Rus.).
- Kuzmina, E.E. (1974). On Some Issues of Andronovo Demography. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR*, 6(2), 102–105. (Rus.).
- Kuzmina, E.E. (2008). *The Aryans — the Path to the South*. Moscow: Letniy Sad. (Rus.).
- Kuzmina, E.E. (1994). *Where Did the Indo-Aryans Come From? The Material Culture of the Tribes of the Andronovo Community and the Origin of the Indo- Iranians*. Moscow: Rossijskij institut kul'turologii Rossijskoj akademii nauk i Ministerstva kul'tury Rossijskoj Federacii. (Rus.).
- Marsadolov, L.S. (2021). On the chronology of Eurasian horn cheek-pieces of the 10th–7th centuries BC. In: *Drevniye kul'tury Mongolii, Yuzhnoy Sibiri i Severnogo Kitaya*. Abakan: Institut istorii material'noy kul'tury RAN, 115–123. (Rus.).
- Martynov, A.I. (1979). *Forest-Steppe Tagar Culture*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveyev, A.V. (1993). *The Irmen Culture in the Forest-Steppe Ob Region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Peresvetov, G.Yu. (2000). Irmen burial from Pavlodar. In: *Voprosy istorii, arheologii i ehtnografii Pavlodarskogo Priirtysh'ya*. Pavlodar, 79–80. (Rus.).
- Peresvetov, G.Yu., Kuropyatnikova, S.V. (2002). Tasmolinskoye burial near Shiderty station. In: *Izucheniye pamyatnikov arheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ya*. Pavlodar: Eco, 126–130. (Rus.).
- Shulga, P.I. (1999). The Ethnocultural Situation in the Altai Mountains and Northwestern Foothills in the 7th–3rd Centuries BC. In: *Itogi izucheniya skifskoj ehpkhi Altaia i sopredel'nykh territorij*. Barnaul: Alt. un-t, 245–250. (Rus.).
- Shulga, P.I. (2008). *Riding Horse Equipment and Military Belts in Altai. Part I: Early Scythian time*. Barnaul: Azbuka. (Rus.).
- Sorokin, S.S. (1966). Early Nomadic Sites in the Upper Bukhtarma. In: *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ehmritazha*, (8), 39–60. (Rus.).
- Tishkin, A.A. (2007). *Creating Periodization and Cultural Schemes: Historical Experience and the Modern Concept of Studying the Ancient and Medieval Peoples of Altai*. Barnaul: Alt. un-t. (Rus.).
- Tkachev, A.A. (2002). *Central Kazakhstan in the Bronze Age. Part 2*. Tyumen: TyumGNGU. (Rus.).
- Tkachev, A.A. (2003). Dandybaev Culture: The Problem of Origin and Dating. In: *Istoricheskij opyt khozyajstvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoj Sibiri. Kn. I*. Barnaul: Alt. un-t, 371–378. (Rus.).
- Tkachev, A.A. (2026). On the problem of the internal chronology of the Begazy-Dandybaev complexes of the Izmailovka burial ground. In: *Arheologiya Evrazijskikh stepej*, (1), 242–256. (Rus.).
- Tkacheva, N.A. (2003). On the Problem of the Transitional Period in the Upper Irtysh Region. In: *Istoricheskij opyt khozyajstvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoj Sibiri. Kn. I*. Barnaul: Alt. un-t, 378–383. (Rus.).
- Tkacheva, N.A., Tkachev, A.A. (2008). *The Bronze Age of the Upper Irtysh Region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Vadetskaya, E.B. (1986). *Archaeological Sites in the Middle Yenisei Steppes*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Varfolomeev, V.V. (1992). Late Bronze Age Burials in the Kent Microdistrict (Typology of Structures). In: *Margulanovskie chteniya 1992 goda*. Moscow: IA AN RK, 72–76, 240–241. (Rus.).
- Zhuniskhanov, A. (2014). Funeral rite of the population of Eastern Kazakhstan in the early Saka period. In: *Vsadniki velikoj stepi: Tradicii i innovacii. T. IV*. Astana: Izd. gruppа FIA im. A.Kh. Margulana, 139–143. (Rus.).

© Ткачева Н.А., Ткачев А.А., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 06.02.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторах:

Ткачева Нина Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия.

Ткачев Александр Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия.

About the authors:

Tkacheva, Nina A., Doctor of Sociology, Professor, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia.

Tkachev, Alexander A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russia.

Тишкин А.А.^{1*}, Фролов Я.В.²¹ Алтайский государственный университет, tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>² Алтайский государственный университет, frolov_jar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7259-2840>

КОМПЛЕКТ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ДЛЯ КОНСКОЙ АМУНИЦИИ РАННЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ, НАЙДЕННЫЙ У СЕЛА ШТАБКА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Аннотация. Детально представлены ранее известные древние металлические изделия от конской амуниции, случайно обнаруженные на территории с. Штабка (Павловский р-н Алтайского края). Обращение к ним и рассмотрение на современном уровне стало возможным благодаря обеспеченной доступности к артефактам в ходе планируемой модернизации экспозиции в Алтайском государственном краеведческом музее (г. Барнаул). Впервые публикуются подробные иллюстрации важных находок раннесакского времени, а также приводятся многочисленные результаты рентгенофлюоресцентного анализа, которые расширяют информационно-аналитическое поле для дальнейшего сравнительного сопоставления этих данных с результатами тестирования аналогичных предметов из других памятников. Современная культурно-хронологическая идентификация рассмотренного предметного комплекса оказалась возможной на основе археологических материалов, полученных за последние десятилетия на территории южной части Обь-Иртышского междуречья, а также ближайших и отдаленных регионов. Эти данные свидетельствуют о миграции отдельных групп ранних кочевников из Внутренней Азии в разных направлениях, в том числе на территорию Западной Сибири.

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, Штабка, раннесакское время, конская амуниция, изделия из цветного металла, рентгенофлюоресцентный анализ, миграция.

Финансирование. Исследование частично выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», проект № 22-18-00470-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00470/>, А.А. Тишкин.

Цитирование: Тишкин А.А., Фролов Я.В. Комплект металлических изделий для конской амуниции раннесакского времени, найденный у села Штабка в Алтайском крае: рентгенофлюоресцентный анализ и культурно-хронологическая интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 65–76. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-5>

Введение

Комплект деталей для конской амуниции раннесакского времени случайно найден неподалеку от г. Барнаула, на территории Павловского района Алтайского края, в с. Штабка, на берегу небольшой одноименной речки, впадающей в р. Барнаулку (левый приток Оби). Место обнаружения этих предметов располагается на северном борту долины древнего стока, на границе лесного массива (Барнаульского ленточного бора) и остепненного участка между реками Барнаулка и Касмала (рис. 1). Указанная зона левобережья р. Оби относится к Приобскому плато и рассматривается как часть Лесостепного Алтая.

Обстоятельства обнаружения и археологические предметы из с. Штабка, которые в 1959 г. поступили в тогдашний Алтайский краевой краеведческий музей (г. Барнаул), опубликовал известный барнаульский историк и археолог А.П. Уманский [1970, с. 169–174]. Изделия из цветного металла были найдены при вспашке огорода и находились все вместе (одно звено удила оказалось вдето в прямоугольное отверстие наконечника). Часть указанного села построена на распаханном курганном могильнике, и местные жители неоднократно находили разные древние металлические изделия (кинжал, наконечники стрел, котел и др.) [Там же, с. 169]. В настоящее время каких-либо памятников в районе с. Штабка не выявлено, но наличие разрушенных археологических объектов на этой территории вполне реально.

Основная цель данной статьи — детальная публикация, рентгенофлюоресцентный анализ и культурно-хронологическая интерпретация комплекта металлических изделий (рис. 2–4), который со-

* Corresponding author.

стоит из удил со стремевидными окончаниями (рис. 2) и двух наверший, выполненных в виде фигур лосей, стоящих на оформленной втулке (рис. 3 и 4). Перечисленные предметы уже неоднократно публиковались [Уманский, 1970, с. 169–174, рис. 1 и 5; Грязнов, 1992, табл. 69, 42; Троицкая, Бороодовский, 1994, рис. 26, 13; Членова, 1997, рис. 39, 7; Савинов, 1998, рис. 1, 4; Шер, 1998, рис. 6; и др.]. Однако в большинстве указанных работ имеются только отдельные не совсем качественные фотографии и/или схематичные прорисовки, которые не дают полного представления о находках. Информация о возможной технологии изготовления наверший из Штабки и некоторых аналогиях также введена в научный оборот [Тишкин, Кушакова, 2008]. При этом демонстрировалось черно-белое фото, аналогичное ранее опубликованному [Уманский, 1970, рис. 1], а также дан подробный рисунок только одного навершия [Тишкин, Кушакова, 2008, рис. 2–3], так как второй аналогичный предмет и удила находились в экспозиции музея, и они не были доступны исследователям.

Рис. 1. Местонахождение древних металлических изделий у с. Штабка на карте-схеме.
Fig. 1. Location of ancient metal artifacts at the village of Shtabka on the schematic map.

Предлагаем наиболее полное описание всех металлических находок и детальный иллюстративный ряд из фотоснимков и графических изображений. Кроме этого, в статье впервые вводятся в научный оборот результаты рентгенофлуоресцентного анализа, а также дается возможная культурно-хронологическая интерпретация, исходя из современных научных представлений и имеющегося аналогичного материала.

Предметы и методы исследования

Комплект предметов из с. Штабка, хранящийся в нынешнем Алтайском государственном краеведческом музее (АГКМ, г. Барнаул), состоит из металлических удил и двух так называемых наверший (рис. 2–4). Предметы представлены в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации (№ 39837687; 39837688; 41171381). Для двусоставных удил (рис. 2) там приведена следующая актуальная информация: «...со стремевидными окончаниями, имеющими отверстия колокольчикообразной формы, с кольчатым соединением и гладкими стержнями-грызлом средней длины округлого сечения. Одно из колец соединения удил деформировано. Предмет покрыт светло-зеленой патиной. Общ. дл. — 17,5 см., дл. звеньев — 9,5 см». На грызле, у внешнего окончания симметричного звена, по всей видимости, сохранился небольшой орнаментированный участок (рис. 2, 1а, 2а).

Каждое навершие выполнено в виде фигуры стоящего лося, опирающегося ногами на верхнюю часть площадки втулки (рис. 3 и 4). По внешнему виду оба изделия практически идентичны. При детальном рассмотрении заметны незначительные отличия в пропорциях некоторых деталей, связанные, по всей видимости, с результатами отливки. Вариации размеров фиксируются в пределах 0,5–3 мм. Другие особенности появились в результате использования наверший в древности и в процессе археологизации, а также при обнаружении (рис. 4, 1а–б, 2а–б) и в ходе некоторых разрушительных

действий находчика (рис. 4, 3а–б, 4а–б). Основное отличие между ними заключается в размещении боковых колец на втулках, которые располагаются слева или справа относительно фигур лосят. Навершие, у которого кольцо с правого бока лося, рассматривается нами под номером 1 (рис. 3) и, соответственно, навершие с кольцом с левого бока — под номером 2 (рис. 4).

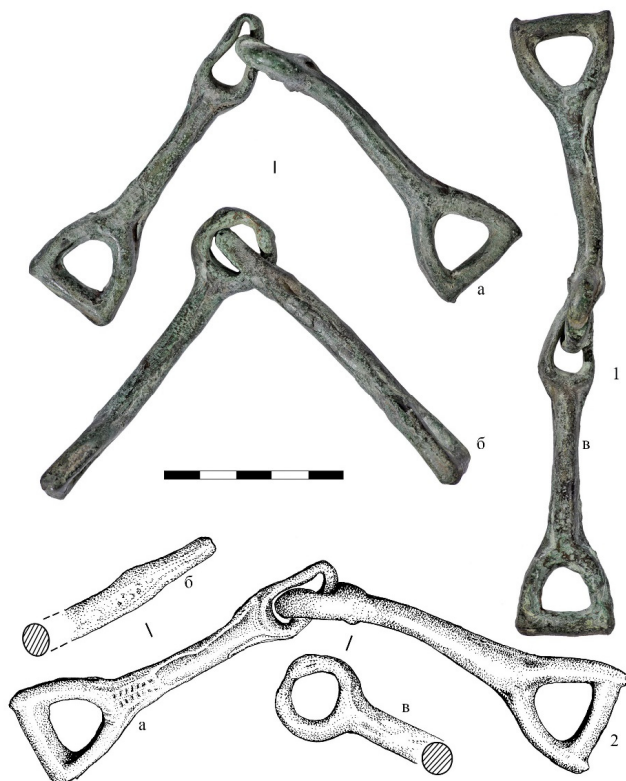

Рис. 2. Бронзовые удила. Фото С.В. Семенова, рисунки А.Л. Кунгурова.

Fig. 2. Bronze bits. Photo by S.V. Semenov, drawings by A.L. Kungurov.

Из-за практически полного их сходства приводим общее для этих изделий описание, отмечая лишь особенности.

Фигура лося полая. На туловище металлической скульптуры животного по бокам имеются по три прорези линзовидной формы. Внутри фигуры у навершия № 1 сохранился подовальный металлический шарик размерами примерно 1×1,5 см (рис. 3, 2в, 4в). У другого аналогичного изделия (№ 2) с левой стороны сломана перемычка между линзовидными вырезами (рис. 4, 1б, 2б, 3а, 4а). Поэтому располагавшийся внутри фигуры звенящий элемент отсутствует. Форма целого навершия, вырезы по бокам и металлический шарик внутри позволяют заключить, что такое изделие является своеобразным бубенцом. Морда лося немного вытянута и отчасти напоминает «птичью». Хорошо переданы особенности лосиной головы: массивный опущенный книзу нос с широкими ноздрями и горбинкой, на горле обозначена «серьга» (небольшой кожистый вырост, покрытый шерстью). Крупные глаза стилизованы в виде круглых отверстий с рельефными валиками по краям. К ним примыкают вытянутые крупные и заостренные уши. Голова увенчана массивными рогами с четырьмя завитками, образующими кольца (рис. 3 и 4). Пластины рогов соединены между собой двумя перемычками (рис. 3, 1б, 2б, 3в и др.). Задняя еще имеет соединительный стержень со спиной лося (рис. 3, 1а–б, 2а–в, 3а–в и др.). На окончании крупа выступом обозначен небольшой хвост. Лось представлен стоящим в статичной позе. Выделены четыре длинные и мощные ноги с выступами, обозначены копыта (рис. 3 и 4).

Подпрямоугольная в сечении втулка внутри полая (рис. 3, 3г; 4, 1г, 4в, г). Она сужается снизу вверх, где полностью закрыта и образует площадку, на которой стоит фигура лося. На втулке имеются боковое кольцо и прямоугольные сквозные пазы с двух противоположных сторон (рис. 3 и 4). По мнению А.П. Уманского [1970, с. 172–173, рис. 5], прорезы были прорублены позднее отливки специально для использования изделий в качестве псалиев, так как первоначаль-

чально наворачия были предназначены для колесничной упряжки. Однако данное предположение не находит каких-либо визуальных подтверждений, а такое точное дублирование четырех отверстий заставляет полностью усомниться в возможности указанного действия.

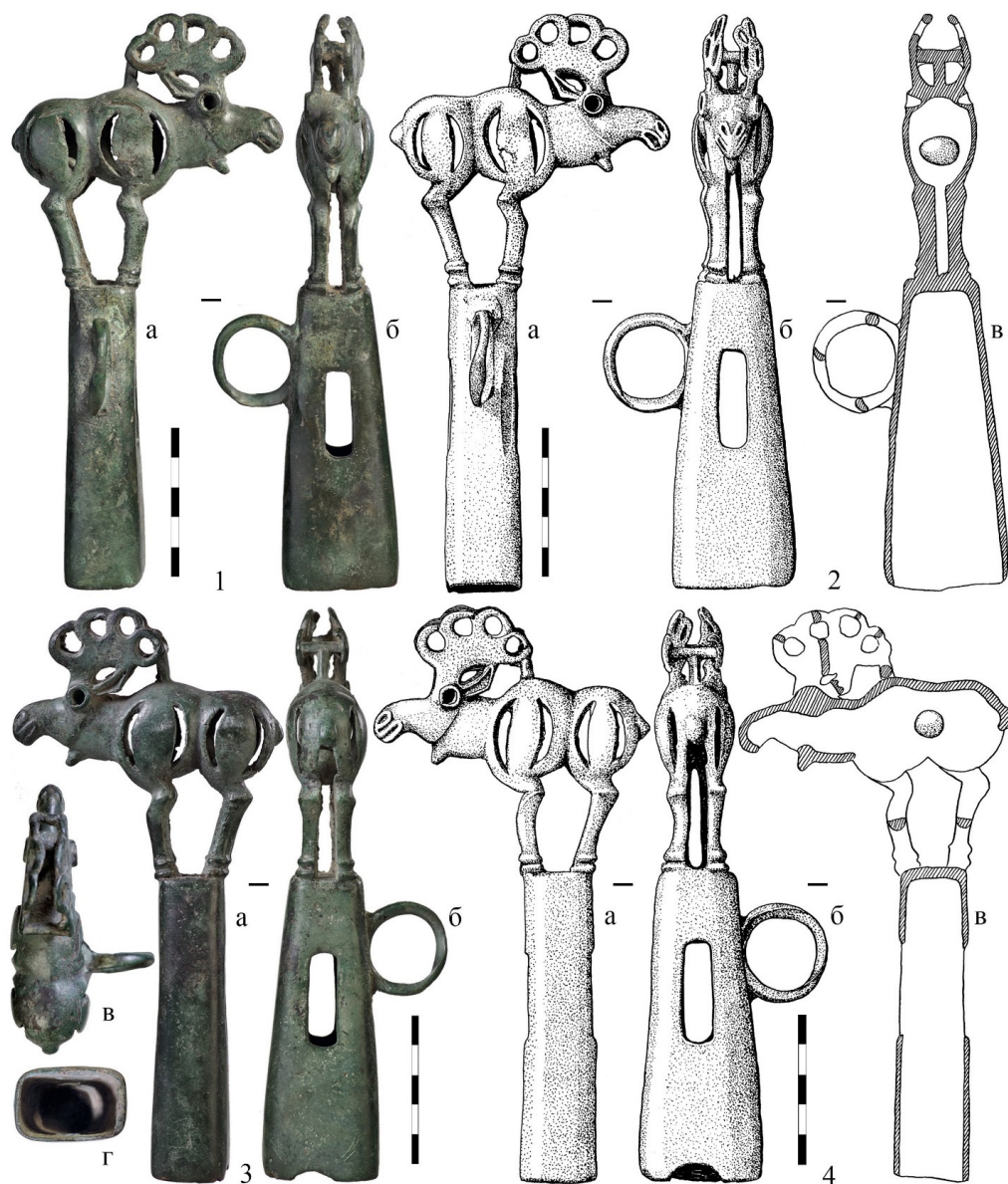

Рис. 3. Бронзовое навершие № 1. Фото С.В. Семенова, рисунки А.Л. Кунгурова.
Fig. 3. Bronze finial No. 1. Photo by S.V. Semenov, drawings by A.L. Kungurov.

Размеры навершия № 1 (рис. 3) следующие. Общая высота изделия составляет 19,7 см. Высота втулки 10,4 см. В районе прямоугольного устья втулки имеет параметры 4,1×2,6 см, а в верхней подквадратной части — 2,5×2,3 см. Толщина стенок около 0,2 см. Максимальная высота фигуры лося 9,2 см, ее длина 9,5 см, а максимальная ширина 2,7 см. Глаза у лося имеют внешний диаметр около 0,5 см. Уточнены габариты пазов на втулке — 3×0,9 см. Диаметр бокового кольца по внешнему краю составляет 3,2 см, толщина в среднем — 0,5 см. Размеры навершия № 2 и его отдельные детали практически совпадают с перечисленными параметрами. Стоит только обратить внимание на согнутость бокового кольца и верхней части одной из пластин, демонстрирующей рога (рис. 4).

Для установления химического состава сплава, из которого были сделаны представленные металлические предметы для конской амуниции, одним из авторов статьи использовался портатив-

Комплект металлических изделий для конской амуниции раннесакского времени...

ный рентгенофлуоресцентный спектрометр ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США, в комплекте с карманным переносным компьютером и испытательным стендом). Исследования выполнялись непосредственно в музее. Спектрометр предназначен для количественного неразрушающего определения содержания химических элементов методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии в изделиях из цветных металлов и сплавов. Для фиксации результатов применялась компьютерная программа с режимом «Аналитический», адаптированная для изучения соответствующих археологических находок и предусматривающая время измерения 30 секунд. Особенности, преимущества и проблемы использования рентгенофлуоресцентного анализа при изучении археологических предметов уже неоднократно излагались в публикациях [Тишкин, Хаврин, 2006; Черных, Луныков, 2009; Тишкин, Серегин, 2011; Енисова, Митоян, 2014; и др.].

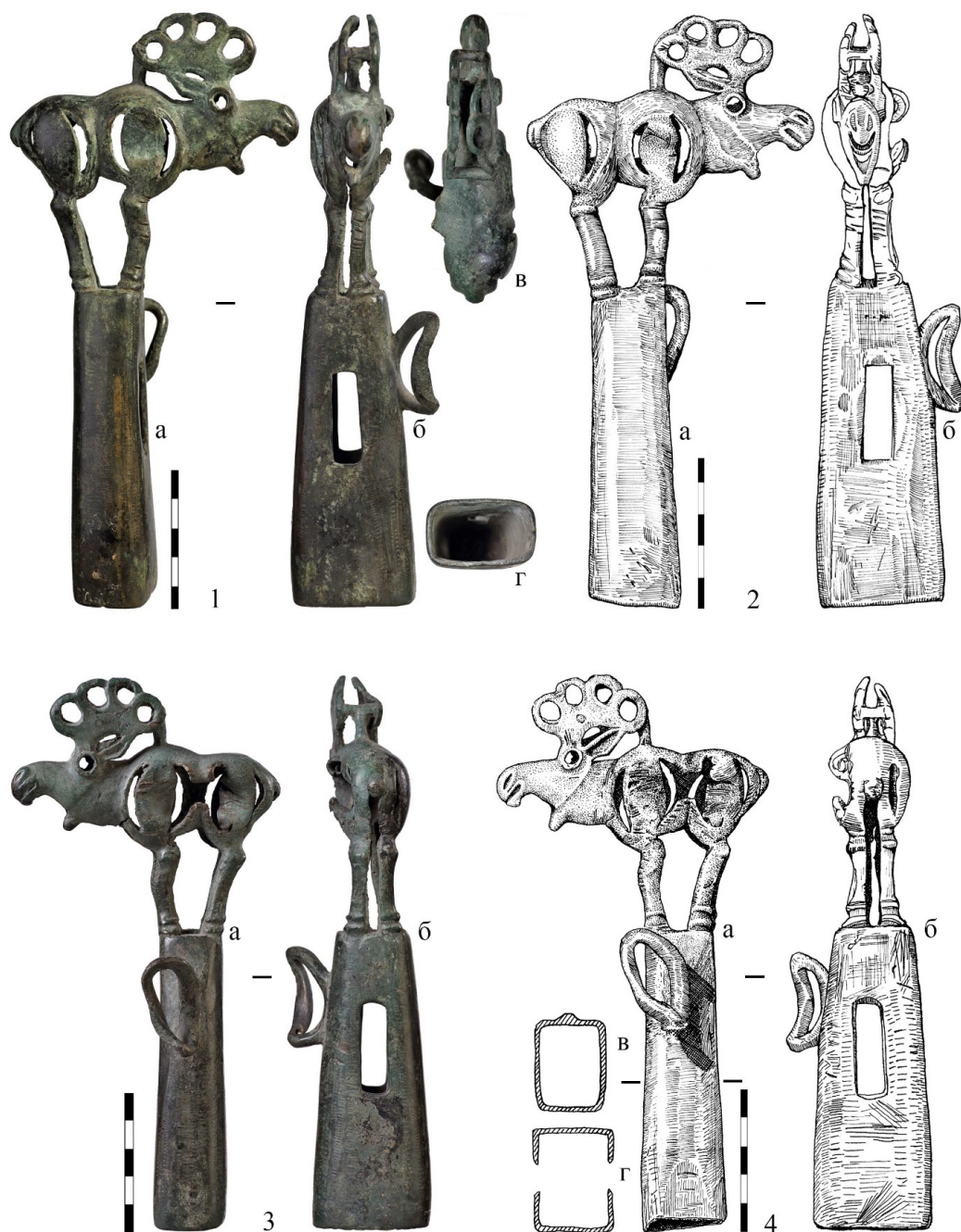

Рис. 4. Бронзовое навершие № 2. Фото С.В. Семенова, рисунки А.Л. Кунгурова.
Fig. 4. Bronze finial No. 2. Photo by S.V. Semenov, drawings by A.L. Kungurov.

Для культурно-хронологической интерпретации нами использовался метод датированных аналогий, который уже частично предпринимался [Тишкин, Кушакова, 2008, с. 27–30]. К настоящему времени добавилось существенное количество материалов, позволяющих дополнить необходимое информационное содержание.

Результаты и обсуждение

Несмотря на то что находки известны с 1959 г., какой-либо анализ металла не осуществлялся, хотя взятие образцов путем высверливания производилось (см., например, рис. 4, 3б). Реставрация не выполнялась. Только в 2016 г. представилась возможность приступить к современному изучению случайно обнаруженного комплекта изделий раннесакского времени.

Сначала тестировалось каждое звено удила (АГКМ, ОФ 9555/3, рис. 2). На участках, где удалялись поверхностные окислы¹, дважды в разных местах были получены следующие схожие результаты:

— первое звено: 1) Cu — 93,54 %; Sn — 6,08 %; Fe — 0,27 %; Pb — 0,11 %; 2) Cu — 93,24 %; Sn — 6,32 %; Fe — 0,24 %; Pb — 0,2 %;

— второе звено: 1) Cu — 93,12 %; Sn — 6,63 %; Fe — 0,15 %; Pb — 0,1 %; 2) Cu — 91,43 %; Sn — 8,14 %; Fe — 0,27 %; Pb — 0,16 %.

Полученные результаты демонстрируют сходный состав оловянной бронзы на обоих звеньях (Cu+Sn).

Кроме этого, было произведено тестирование окисленных поверхностей указанных деталей удила для получения «фоновых» наборов данных, которые позволяют сравнивать с предыдущими результатами, а также в определенной мере понимать уровень влияния коррозии на металл в разных условиях местонахождения и хранения археологических предметов:

— первое звено: Cu — 83,09 %; Sn — 15,35 %; Fe — 0,99 %; As — 0,38 %; Pb — 0,19 %;

— второе звено: Cu — 86,24 %; Sn — 12,19 %; Fe — 1,44 %; Pb — 0,13 %.

В данном случае понятным является существенное увеличение на окисленной поверхности олова (Sn) и железа (Fe), а также устойчивое наличие малого количества свинца (Pb). Важно выявление мышьяка (As), который отсутствует в результатах тестирования самого металла. Его наличие, на наш взгляд, указывает на присутствие данного элемента в качестве рудной примеси.

Далее исследовалось первое (целое) навершие № 1 (рис. 3) со скульптурным изображением лося (АГКМ, ОФ 9555/1). Сначала производились замеры на участке поверхности втулки, где были механическим путем удалены окислы. Получены следующие схожие результаты:

— Cu — 86,42 %; Sn — 10,81 %; As — 1,32 %; Ni — 1,15 %; Co — 0,21 %; Pb — 0,09 %;

— Cu — 86,46 %; Sn — 10,78 %; As — 1,28 %; Ni — 1,11 %; Co — 0,2 %; Pb — 0,09 %; Fe — 0,08 %;

— Cu — 85,41 %; Sn — 11,65 %; As — 1,51 %; Ni — 1,11 %; Co — 0,18 %; Pb — 0,07 %; Fe — 0,07 %.

Отдельно исследовалась петля, устроенная сбоку втулки, без очистки от окислов:

— Cu — 49,54 %; Sn — 44,23 %; As — 4,7 %; Ni — 0,84 %; Pb — 0,28 %; Fe — 0,41 %.

Затем осуществлялось незначительное механическое снятие поверхностной коррозии на петле и дважды в разных местах зафиксированы следующие практические одинаковые показатели:

— Cu — 74,38 %; Sn — 20,48 %; As — 3,55 %; Ni — 1,12 %; Co — 0,18 %; Pb — 0,13 %; Fe — 0,16 %;

— Cu — 74,88 %; Sn — 20,21 %; As — 3,24 %; Ni — 1,13 %; Co — 0,2 %; Pb — 0,2 %; Fe — 0,14 %.

На заключительном этапе прибором были получены данные с окисленной поверхности фигурки лося в двух разных местах:

— центр: Cu — 64,42 %; Sn — 30,14 %; As — 3,94 %; Ni — 0,97 %; Fe — 0,24 %; Pb — 0,16 %; Co — 0,13 %;

— задняя сторона: Cu — 57,55 %; Sn — 36,67 %; As — 4,24 %; Ni — 0,96 %; Fe — 0,31 %; Pb — 0,18 %; Co — 0,09 %.

Предпринималась также попытка через имеющиеся отверстия попасть спектрометром в шарик, который находится внутри полости скульптурного изображения лося и создает характерный звон. Удалось зафиксировать лишь один результат тестирования окисленной поверхности:

— Cu — 70,86 %; Sn — 25,28 %; As — 3,13 %; Ni — 0,32 %; Fe — 0,29 %; Pb — 0,12 %.

Следующее (второе, деформированное) навершие, № 2 (АГКМ, ОФ 9555/2, рис. 4), изучалось по той же схеме. Сначала исследовался в разных местах участок втулки, освобожденный от поверхностных окислов:

¹ Данная процедура не наносит ущерба музейному экспонату. Максимальное удаление окислов, в том числе механическим путем, является обязательным этапом реставрации древних металлических изделий. Но, прежде чем предмет будет отреставрирован, его обязательно нужно всесторонне исследовать, в том числе на определение химического состава сплава.

— Cu — 77,56 %; Sn — 18,48 %; As — 2,35 %; Ni — 1,16 %; Co — 0,12 %; Fe — 0,25 %; Pb — 0,08 %;
— Cu — 74,24 %; Sn — 21,55 %; As — 2,65 %; Ni — 1,08 %; Co — 0,17 %; Fe — 0,2 %; Pb — 0,11 %.
— Cu — 78,33 %; Sn — 18,02 %; As — 2,08 %; Ni — 1,2 %; Co — 0,15 %; Fe — 0,11 %; Pb — 0,11 %.

Затем тестировалась согнутая петля со слабым снятием поверхностных окислов:

— Cu — 63,26 %; Sn — 32,25 %; As — 2,75 %; Ni — 1,02 %; Fe — 0,49 %; Pb — 0,14 %; Co — 0,09 %.

На заключительном этапе получены результаты анализа окисленной поверхности на спинке фигуры лося:

Cu — 78,38 %; Sn — 18,33 %; As — 2,26 %; Ni — 0,81 %; Co — 0,14 %; Pb — 0,08 %.

Представленные данные рентгенофлуоресцентного анализа свидетельствуют о том, что при изготовлении наконечников применялся сплав из комплексной оловянно-мышьяковой бронзы (Cu+Sn+As). Зафиксированное наличие Ni, Co, Fe и Pb, вероятнее всего, характеризует тип использовавшейся руды полиметаллического месторождения, хотя не исключены другие возможные варианты их происхождения.

Проведенные исследования показывают, что удила и наконечники сделаны из разных сплавов: Cu+Sn (удила) и Cu+Sn+As (наконечники). При накоплении массовых данных рентгенофлуоресцентного анализа металлических изделий раннесакского времени, обнаруженных на территории Лесостепного Алтая, появится возможность выявления металлургических групп использованных сплавов в сопоставлении по отдельным памятникам и категориям изделий. Дальнейшие комплексные исследования позволят выйти на понимание рудных сырьевых источников. Можно лишь отметить, что широкое применение мышьяковой меди в качестве основы бронзовых изделий в раннесакское время становится устойчивой тенденцией, выявленной при рентгенофлуоресцентном анализе изделий из памятников майэмирской (майемерской) культуры [Хаврин, 2008, с. 177; Tishkin, 2017; и др.], ареал которой частично распространялся на Лесостепной Алтай [Тишкин, 2019].

Как было неоднократно отмечено, наконечники, публикуемые в данной статье, практически идентичны. Они изготовлены в технике литья по выплавляемой восковой модели в утрачиваемой глиняной форме, сделанной из нескольких частей (двух наружных створок и двух внутренних стержней), хотя не исключено, что помимо внешней формы (правой и левой) использовались еще две части, формировавшие отверстие в кольце на втулке и пространство между рогами фигурок [Тишкин, Кушакова, 2008, с. 25–27]. Скорее всего, совершалась доливка деталей по восковой модели к изделию, заформованному в глину. Судя по всему, литник располагался в нижней части втулки, где на одном из изделий имеется выемка со следами древнего слома (рис. 3, 3б, е, 4б). Указанная технология была характерна для бронзолитейного производства раннего железного века в Сибири [Минасян, 1988, с. 53]. Опубликованный вариант реконструкции отливки требует не только практической верификации, но и дополнительного всестороннего рассмотрения.

Наиболее близкими по топографическим и другим условиям являются находки металлических деталей от конского снаряжения на могильнике Рублево-VI [Фролов, 2013, с. 47, рис. 4, 3–6; Фролов и др., 2007, рис. 3]. Сходными по конструкции с изделиями из Штабки являются четыре парных наконечника, выявленные на могильнике Елеке сазы 2 в Восточном Казахстане [Толеубаев и др., 2020, с. 190–193, рис. 18]. Они лежали у края насыпи одного из курганов и являлись ритуальным «прикладом». В таких же условиях были обнаружены предметы конской амуниции, включающие наконечники, на некрополе Бижэ в Семиречье [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 38]. Данная традиция существовала в раннесакское время в восточной зоне мира древних кочевников достаточно широко. Особенно она распространена в Туве. Например, подобные приклады обнаружены на периферии курганных насыпей или вблизи с ними на территории такого археологического комплекса, как Аржан-2, а также на ряде других памятников этого региона [Чугунов и др., 2017, с. 115–118, 168; табл. 141–147]. По всей видимости, комплект из Штабки имел аналогичное назначение. Находки скоплений предметов, связанных с конским снаряжением, известны в Хакасии [Бородавский, Оборин, 2020], предгорьях Алтая [Киришин, Тишкин, 1997; Бородаев, 1998; Шульга, 2008], в разных местах юга Западной Сибири [Автушкова, Плахута, 2020; Марченко и др. 2024; Тишкин, Автушкова, 2025; и др.]. По всей видимости, они в определенной степени демонстрируют традицию, связанную с использованием остатков жертвенных лошадей на территории погребальных и мемориальных комплексов культуры херексуров и «оленных» камней [Грач, 1980, с. 31–32, 63; Ковалев и др., 2016; Тишкин др. 2022; Идэрхангай и др., 2023; и др.]. Затем такой обычай нашел отражение в сооружении кольцевых выкладок, где укладывали предметы конского снаряжения. Такие объекты, например, исследованы в Восточном Казахстане [Адрианов, 1915] и в Кыргызстане [Табалдиев, 1996; Тишкин и др., 2024]. Указанные трансформа-

ции могли иметь разные причины, в том числе сокращение поголовья лошадей и/или повышение значимости таких животных. Тогда жертва коня заменялась частью снаряжения.

Аналогий навершиям из Штабки достаточно много, не говоря уже об удилах. Похожие изделия представлены широко. Они имеют массу вариаций и в конструктивном плане, и в художественном оформлении фигур животных. Территориально близким является навершие, найденное на Богословском селище, в 3 км от бывшего с. Красноигловск в Томской области (Среднее Приобье). Оно имеет втулку сходной формы, две боковые петли и сквозное отверстие. Но это изделие увенчано фигурой стоящего горного козла [Ураев, Петров, 1963, с. 68–69, фото 1–2]. Достаточно большая серия наверший в виде узкой подовальной или подквадратной в сечении втулки с боковой петлей и отверстиями в боках, а также с фигурами стоящих животных происходит из различных районов Внутренней Азии. Конструктивно к навершиям из Штабки близки предметы из кургана Аржан-1, два из которых имеют подквадратную втулку с боковой петлей. В качестве фигуры животного там выступает стоящий горный баран [Грязнов, 1980, рис. 25]. Более подробную информацию о них опубликовала В. Хорват [2024]. Короткие втулки с петлями и прорезные фигуры лосей без рогов имеют навершия-бубенцы из Корсуковского клада (Иркутская обл.) [Зуев, Исмагилов, 1995, рис. 2, 2, 4]. Существенная серия похожих изделий происходит из Северного Китая. Сходство подобных предметов с ордосскими бронзами отмечали многие исследователи, изучавшие навершия из Штабки, Аржана-1 и других памятников [Уманский, 1970, с. 171–172; Марсадолов, 2008, с. 108; Тишкин, Кушакова, 2008, с. 29–30; и др.].

Общее функциональное назначение наверший с узкой втулкой и петлями, имеющих сходную форму с изделиями из Штабки, ни у кого из исследователей не вызывало сомнений. Эти предметы интерпретируются как детали колесничного комплекса [Тишкин, Кушакова, 2008, с. 29–30; Смирнов, 2012, с. 425–426]. Также выражают согласие исследователи относительно датировки (IX–VIII вв. до н.э.) представленного типа наверший, хронологическими маркерами которых являются находки из кургана Аржан-1 [Тишкин, Кушакова, 2008, с. 30].

Заключение

Первый автор, опубликовавший находки из Штабки, указывал, что комплект тяготеет к восточноказахстанским деталям узды [Уманский, 1970, с. 174]. В настоящее время это подтверждается серией вышеперечисленных исследований. По всей видимости, с территории Верхнего Прииртышья начались продвижения и дальнейшая миграция ранних кочевников, связываемых в настоящее время с носителями майэмирской (майемерской) культуры [Тишкин, 2019], в северо-восточном направлении. Причиной такой подвижки могли стать изменившиеся военно-политические и/или природно-климатические условия. Об этом свидетельствуют известные по письменным источникам события, которые произошли на территории Внутренней Азии в VIII в. до н.э. Они связаны с серией засух, существенно сокративших пастбищные угодья, а также с завершением распада государственно-административного объединения Западного Чжоу около 750 г. до н.э. [Савинов, 1991; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 159; и др.]. Данные обстоятельства могут указывать на возможную датировку местонахождения в с. Штабка (вторая половина VIII в. до н.э.). Обозначенный вектор миграции из Верхнего Прииртышья подтверждают и данные рентгенофлюоресцентного анализа изделий раннесакского времени из цветного металла. Этот регион обладает необходимыми ресурсами для бронзолитейного производства благодаря наличию многочисленных рудных месторождений [D'yachkov et al., 2022].

Необходимость системного изучения элементов конской амуниции из памятников, оставленных древними кочевниками Лесостепного Алтая, обусловлена информативностью данного вида археологических источников. Особенно они важны для культурно-хронологической идентификации изучаемых комплексов и случайных находок. Процесс накопления сведений ранее в основном был обусловлен проведением раскопок. В настоящее время имеются хорошие перспективы реализации научно-исследовательской работы с полученными материалами при использовании новых методов и подходов, среди которых следует отметить различные естественнонаучные анализы. При этом стоит отметить необходимость такого изучения предметов, находящихся в музейных фондах.

Благодарности. Авторы благодарны директору АГКМ Н.В. Вакаловой за возможность детального изучения находок, А.Л. Кунгурову — за подготовку графических иллюстраций предметного комплекса, С.В. Семенову — за детальную фотосъемку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автушкова А.Л., Плахута Д.О. Памятники тасмолинской культуры на территории Новосибирской области (по материалам 2014–17 гг.) // РА. 2020. № 2. С. 143–151.
- Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 году) // Известия Императорской Археологической комиссии. Пг.: Тип. Гл. упр. уделов, 1916. Вып. 62. 94 с.
- Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1978. С. 38–64.
- Бородаев В.Б. Вакулихинский клад (комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 56–73.
- Бородовский А.П., Оборин Ю.В. Предметы конского снаряжения и коневодства вкладах эпохи металла на Среднем Енисее // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. XXVI. С. 364–371. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2020.26.364-371>
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Грязнов М.П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 63 с.
- Грязнов М.П. Алтай и алтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 161–178.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А. Рентгеноспектральный метод анализа археологического металла: Преимущества, ограничения и ловушки в процессе измерения и интерпретации // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 146–149.
- Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б. Корсуковский клад // Южная Сибирь в древности. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 67–75.
- Идэрхангай Т.-О., Пластеева Н.А., Тишкин А.А. Кости лошадей в жертвенниках у херексоров на памятнике Моностойн нуга (Северная Монголия) // Археологические вести. 2023. Вып. 40. С. 22–28. <https://doi.org/10.31600/1817-6976-2023-40-22-28>
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишников И.В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 года) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 1. С. 82–92. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2016.44.1.082-092>
- Марсадолов Л.С. Контакты Саяно-Алтая и Китая в VIII–IV вв. до н.э. // VIII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2008. С. 107–115.
- Марченко Ж.В., Грушин С.П., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Евменов Н.Д. Археолого-геофизические исследования на новом грунтовом могильнике Нечунаево-3 в Алейской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2024. Т. XXX. С. 574–580. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2024.30.0574-0580>
- Минасян Р.С. К вопросу о влиянии техники производства на происхождение некоторых особенностей скифо-сибирского звериного стиля // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1988. Вып. 29. С. 48–58.
- Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 93–96.
- Савинов Д.Г. Карасукская традиция и «аржано-майэмйрский» стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 132–136.
- Смирнов Н.Ю. На чем ездил аржанский царь? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 424–432.
- Табалдиев К.Ш. Новые сведения из области духовной и материальной культуры сакского времени Тянь-Шаня // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек: Илим, 1996. С. 172–177.
- Тишкин А.А. Майэмйрская (майемерская) культура // История Алтая. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 201–210.
- Тишкин А.А., Автушкова А.Л. Рентгенофлюоресцентный анализ некоторых изделий из цветного металла, обнаруженных на памятнике Колыбелька-4 (фонды Новосибирского государственного краеведческого музея) // Труды VII (XXIII) Всерос. археол. съезда. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2025. Т. II. С. 473–476.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.
- Тишкин А.А., Кушакова Н.А. Бронзовые наперстки из Штабки: Технология изготовления, аналогии, датировка // Вопросы археологии и истории Сибири: Памяти проф. А.П. Уманского. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 23–33.
- Тишкин А.А., Пластеева Н.А., Идэрхангай Т.-О. Лошади из жертвенников у херексоров Северной Монголии // Мир Центральной Азии — V. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2022. С. 31–33.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 144 с.

Тишкин А.А., Торгоев А.И., Табалдиев К.Ш., Бесетаев Б.Б. Комплект бронзовых изделий раннесакского времени для конского снаряжения из Горной Маевки (Кыргызстан) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2024. № 18. С. 68–89. <https://doi.org/10.53737/2713-2021.2024.28.44.004>

Тишкин А.А., Хаерин С.В. Использование рентгенофлуоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. 2006. Вып. 2. С. 74–86.

Толеубаев А.Т., Жуматаев Р.С., Омаров Г.К., Шакенов С.Т., Бесетаев Б.Б., Ергабылов А.Е. Результаты археологических исследований 2019 г. на могильнике Елеке Сазы 2 // Маргулановские чтения — 2020. Алматы: Хикари, 2020. Т. 2. С. 173–197.

Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большеберенская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Уманский А.П. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // СА. 1970. № 2. С. 169–179.

Ураев Р.А., Петров Н.М. Находки на Богословском селище // Труды ТОКМ. Томск: Том. кн. изд-во, 1963. Т. VI. Вып. 2. С. 68–72.

Фролов Я.В. Место комплексов раннего железного века Рублевского археологического микрорайона в кругу памятников раннескифского и скифского времени Кулунды // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. № 5 (17). С. 45–57.

Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Памятники VIII–V вв. до н.э. Рублевского археологического комплекса // Кадырбаевские чтения. Актобе: ПринтА, 2007. С. 214–220.

Хаерин С.В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. С. 173–178.

Хорват В. Бронзовые навершия из камеры №26Б кургана Аржан-1 // VI Сев. археол. конгресс: Материалы докладов. Екатеринбург: ИИИА УрО, 2024. С. 245–248.

Черных Е.Н., Луников В.Ю. Методика рентгенофлуоресцентного анализа меди и бронз в лаборатории Института археологии // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: ИА РАН, 2009. Вып. 1. С. 78–83.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I: Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.: ИА РАН, 1997. 98 с.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М.: Ылым, 1998. Вып. 2. С. 218–230.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

D'yachkov B.A., Mizernaya M.A., Khromykh S.V., Bissatova A.Y., Oitseva T.A., Miroshnikova A.P., Frolova O.V., Kuzmina O.N., Zimanovskaya N.A., Pyatkova A.P., Zikirova K., Ageyeva O.V., Yeskaliyev Y.T. Geological History of the Great Altai: Implications for Mineral Exploration // Minerals. 2022. Vol. 12 (6). P. 744. <https://doi.org/10.3390/min12060744>

Tishkin A.A. Metallic artifacts of Arjan-mayemir period from the Altai territory: X-ray fluorescence analysis, cultural and chronological Attribution // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 1 (17). С. 123–144. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2017\)1\(17\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2017)1(17).-09)

Tishkin A.A.^{1,*}, Frolov Ya.V.²

¹ Altai State University, tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

² Altai State University, Lenin Avenue, frolov_jar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7259-2840>

A set of metal artifacts for horse tack from the Early Scythian Period found near the village of Shtabka in the Altai Krai: X-ray fluorescence analysis and cultural-chronological interpretation

Summary. The article provides a detailed re-examination of previously recorded finds of ancient metal objects belonging to horse harnesses, which were accidentally discovered in the territory of the village of Shtabka, located on the left bank of the Barnaulka River (Pavlovsky district of Altai Krai, Russia). The opportunity to reassess these materials at an enhanced analytical level arose due to the improved accessibility of the artifacts during the planned modernization of the exhibition at the Altai State Regional Museum (Barnaul). For the first time, the publication includes detailed illustrations of important finds from the Early Saka period, alongside a set of X-ray fluorescence analysis results. These data expand the informational and analytical framework, enabling further comparative studies of the obtained results with those derived from similar items recovered at other sites. The modern cultural and chronological attribution of the studied object complex is grounded in archaeological evidence accumulated over recent decades in the southern part of the Ob-Irtysh interfluvium, as well as in adjacent

* Corresponding author.

and more distant regions. These data support the hypothesis of migration of individual groups of early nomads from Inner Asia in various directions, including into the territory of Western Siberia.

Keywords: Forest-Steppe Altai, Shtabka, Early Saka Period, horse harness, non-ferrous metal objects, X-ray fluorescence analysis, migration.

Funding. The research was partially supported by a grant from the Russian Science Foundation "World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Research of Material Culture, Sculptures, and Economy" (project No. 22-18-00470-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00470/>, A.A. Tishkin).

Acknowledgements. The authors are grateful to N.V. Vakalova, Director of the Altai State Museum of Local Lore, for the opportunity to study the finds in detail, to A.L. Kungurov for preparing the graphic illustrations of the artifact complex, and to S.V. Semenov for the detailed photographic documentation.

REFERENCES

- Adrianov, A.V. (1916). On the Archaeology of Western Altai (From a Trip to the Semipalatinsk Region in 1911). *Proceedings of the Imperial Archaeological Commission*. Vyp. 62. Petrograd. (Rus.).
- Akishev, K.A., Akishev, A.K. (1978). The Problem of Chronology of the Early Stage of the Saka Culture. In: *Archaeological Sites of Kazakhstan*. Alma-Ata: Nauka, 38–64. (Rus.).
- Avtushkova, A.L., Plakhuta, D.O. (2020). Sites of the Tasmola Culture in the Territory of the Novosibirsk Region (Based on Materials from 2014–17). *Russian Archaeology*, (2), 143–151. (Rus.).
- Borodaev, V.B. (1998). The Vakulikinsky Hoard (A Complex of Finds from the Early Scythian Period from the Vakulikha-1 Site). In: *Horse Tack and Horse Breeding in Altai in the Early Iron Age and Middle Ages*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 56–73. (Rus.).
- Borodovsky, A.P., Oborin, Yu.V. (2020). Items of Horse Tack and Horse Breeding in Metal Age Hoards in the Middle Yenisei. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*, (XXVI), 364–371. (Rus.). <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2020.26.364-371>
- Chernykh, E.N., Lunkov, V.Yu. (2009). Methodology of X-ray Fluorescence Analysis of Copper and Bronzes in the Laboratory of the Institute of Archaeology. *Analytical Research of the Laboratory of Natural Science Methods*. Vyp. 1. Moscow: IA RAN, 78–83. (Rus.).
- Chlenova, N.L. (1997). *Central Asia and the Scythians. I. The Date of the Kurgan Arzhan and its Place in the System of Cultures of the Scythian World*. Moscow: IA RAN. (Rus.).
- Chugunov, K.V., Parzinger, H., Nagler, A. (2017). *The Royal Kurgan of the Scythian Period Arzhan-2 in Tuva*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).
- D'yachkov, B.A., Mizernaya, M.A., Khromykh, S.V., Bissatova, A.Y., Oitseva, T.A., Miroshnikova, A.P., Frolova, O.V., Kuzmina, O.N., Zimanovskaya, N.A., Pyatkova, A.P., Zikirova, K., Ageyeva, O.V., Yeskaliyev, Y.T. (2022). Geological History of the Great Altai: Implications for Mineral Exploration. *Minerals*, 12(6). <https://doi.org/10.3390/min12060744>
- Eniosova, N.V., Mitoian, R.A. (2014). X-ray Spectroscopic Method for Analyzing Archaeological Metal: Advantages, Limitations, and Pitfalls in Measurement and Interpretation. *Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan. Vol. IV*. Kazan: Otechestvo, 146–149. (Rus.).
- Frolov, Ya.V. (2013). The Place of Early Iron Age Complexes of the Rublevsky Archaeological Microregion within the Circle of Early Scythian and Scythian Period Sites of Kulunda. *Antiquities of Siberia and Central Asia*, 17(5), 45–57. (Rus.).
- Frolov, Ya.V., Papin, D.V., Shamshin, A.B. Sites of the 8th–5th Centuries BC of the Rublevsky Archaeological Complex. In: *Kadyrbayev Readings*. Aktobe: PrintA, 214–220. (Rus.).
- Grach, A.D. (1980). *Ancient Nomads in Central Asia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gryaznov, M.P. (1980). *Arzhan — The Royal Kurgan of the Early Scythian Period*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Gryaznov, M.P. (1992). Altai and the Altai Steppe. In: *The Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period*. Moscow: Nauka, 161–178. (Rus.).
- Iderkhantai, T.-O., Plasteeva, N.A., Tishkin, A.A. (2023). Horse Bones in Sacrificial Altars at Kherek-sur Sites in Monostoin Nuga (Northern Mongolia). *Archaeological News*, (40), 22–28. (Rus.). <https://doi.org/10.31600/1817-6976-2023-40-22-28>
- Khavrin S.V., 2008. Analysis of the Composition of Early Scythian Bronzes of Altai. In: Shulga P.I. *Horse Harnessing and Warrior Belts in Altai. Part I: Early Scythian Period*. Barnaul: Azbuka, 173–178. (Rus.).
- Khorvat, V. (2024). Bronze Finials from Chamber No. 26B of Kurgan Arzhan-1. In: *VI Northern Archaeological Congress. Conference Proceedings*. Yekaterinburg: IliA UrO RAN, 245–248. (Rus.).
- Kiryushin, Yu.F., Tishkin, A.A. (1997). *The Scythian Epoch of Gorny Altai. Part I: The Culture of the Population in the Early Scythian Period*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Kovalev, A.A., Erdenebaatar, D., Rukavishnikova, I.V. (2016). Composition and Structure of the Ritual Complex with Deer Stones at Ushkiin-Uver (Based on 2013 Research Results). *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 44(1), 82–92. (Rus.). <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2016.44.1.082-092>
- Marchenko, Zh.V., Grushin, S.P., Grishin, A.E., Pozdnyakova, O.A., Evmenov, N.D. (2024). Archaeogeophysical Investigations at the New Ground Burial Site Nechunaev-3 in the Alei Steppe. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i soprodel'nykh territoriy*, (XXX), 574–580. (Rus.). <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2024.30.0574-0580>
- Marsadolov, L.S. (2008). Contacts between the Altai-Sayan Region and China in the 8th–4th Centuries BCE. In: *VIII Istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova*. Omsk: Izd-vo Omsk. un-ta, 107–115. (Rus.).

- Minasyan, R.S. (1988). On the Question of the Influence of Production Techniques on the Origin of Certain Features of the Scythian-Siberian Animal Style. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, (29), 48–58. (Rus.).
- Savinov, D.G. (1991). Possibilities of Synchronizing Written and Archaeological Dates in the Study of the Culture of Southern Siberia of the Scythian-Sarmatian Period. In: *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Uzhnoy Sibiri*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 93–96. (Rus.).
- Savinov, D.G. (1998). The Karasuk Tradition and the 'Arzhan-Maemire' Style. In: *Drevnie kul'tury Tsentral'noy Azii i Sankt-Peterburg*. St. Petersburg: Kult-inform-press, 132–136. (Rus.).
- Sher, Ya.A. (1998). On the Possible Origins of the Scytho-Siberian Animal Style. In: *QVoprosy arkheologii Kazakhstana. Vyp. 2*. Almaty; Moscow: Gylym, 218–230. (Rus.).
- Shulga, P.I. (2008). *Horse Tack and Warrior Belts in the Altai. Part I: Early Scythian Period*. Barnaul: Azbuka. (Rus.).
- Smirnov, N.Yu. (2012). What Did the Arzhan King Ride? In: *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami*. St. Petersburg: IIMK RAN, Periferiya, 424–432. (Rus.).
- Tabaldiev, K.Sh. (1996). New Information from the Sphere of Spiritual and Material Culture of the Saka Period in the Tien Shan. In: *Drevnii i srednevekovyi Kyrgyzstan*. Bishkek: Ilim, 172–177. (Rus.).
- Tishkin, A.A. (2017). Metallic artifacts of Arjan-mayemir period from the Altai territory: X-ray fluorescence analysis, cultural and chronological Attribution. *Theory and Practice of Archaeological Research*, 17(1), 123–144. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2017\)1\(17\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2017)1(17).-09)
- Tishkin, A.A., Khavrin, S.V. (2006). The Use of X-ray Fluorescence Analysis in Archaeological Research. *Theory and Practice of Archaeological Research*, (2), 74–86. (Rus.).
- Tishkin, A.A., Kushakova, N.A. (2008). Bronze Finials from Shtabka: Manufacturing Technology, Analogues, and Dating. In: *Voprosy arkheologii i istorii Sibiri: Pamyati prof. A.P. Umanskogo*. Barnaul: BGPU, 23–33. (Rus.).
- Tishkin, A.A., Plasteeva, N.A., Iderkhangai, T.-O. (2022). Horses from Sacrificial Sites near Kherekurs of Northern Mongolia. In: *Mir Tsentral'noy Azii — V. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN*, 31–33. (Rus.).
- Tishkin, A.A., Torgoyev, A.I., Tabaldiev, K.Sh., Besetaev, B.B. (2024). A Set of Early Saka Bronze Items for Horse Harnessing from Gornaya Maevka (Kyrgyzstan). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya*, (18), 68–89. (Rus.). <https://doi.org/10.53737/2713-2021.2024.28.44.004>
- Tishkin, A.A. (2019). The Maemire (Mayemere) Culture. In: *Istoriya Altaya. Tl. 1*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod: Konstanta, 201–210. (Rus.).
- Tishkin, A.A., Avtushkova, A.L. (2025). X-ray Fluorescence Analysis of Some Non-Ferrous Metal Artifacts Discovered at the Kolybelka-4 Site (Collections of the Novosibirsk State Regional Museum). In: *Trudy VII (XXIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda. T. II*. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyi universitet, 473–476. (Rus.).
- Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V. (2005). *Complex of Archaeological Sites in the Biike River Valley (Gorny Altai)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Tishkin, A.A., Seregin, N.N. (2011). *Metal Mirrors as a Source for the Ancient and Medieval History of Altai (Based on Materials from the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai, Altai State University)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Toleubayev, A.T., Zhumataev, R.S., Omarov, G.K., Shakenov, S.T., Besetaev, B.B., Ergabylov, A.E. (2020). Results of Archaeological Research in 2019 at the Eleke Sazy 2 Burial Ground. In: *Margulanovskie chteniya — 2020. T. 2*. Almaty: Khikari, 173–197. (Rus.).
- Troitskaya, T.N., Borodovsky, A.P. (1994). *The Bol'sheretskaya Culture of the Forest-Steppe Ob Region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Umansky, A.P. (1970). Accidental Finds of Scythian-Sarmatian Period Items in the Upper Ob Region. *Sovetskaya arkheologiya*, (2), 169–179. (Rus.).
- Uraev, R.A., Petrov, N.M. (1963). Finds at the Bogoslovskoye Settlement. In: *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*, 6(2), 68–72. (Rus.).
- Zuev, V.Yu., Ismagilov, R.B. (1995). The Korsukovsky Hoard. In: *Yuzhnaya Sibir' v drevnosti*. St. Petersburg: IIMK RAN, 67–75. (Rus.).

© Тишкин А.А., Фролов Я.В., 2026
Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 16.03.2026
Принята к публикации 04.06.2026
Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторах: Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, главный научный сотрудник, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

Фролов Ярослав Владимирович, кандидат исторических наук, директор Музея археологии и этнографии Алтая, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

About the authors: Tishkin, Alexey A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Chief Researcher, Altai State University, Barnaul, Russia.

Frolov, Yaroslav V., Candidate of Historical Sciences, Director of the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai, Altai State University, Barnaul, Russia.

Дашковский П.К.

Алтайский государственный университет, dashkovskiy@fpm.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

ГОЛОВНОЙ УБОР И КОМПЛЕКС УКРАШЕНИЙ ИЗ ЖЕНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОГИЛЬНИКА ХАНХАРИНСКИЙ ДОЛ (АЛТАЙ)

Аннотация. Отражены результаты исследования кургана № 31 из могильника Ханхаринский дол, который входит в состав Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в Краснощековском районе Алтайского края (Северо-Западный Алтай). Зафиксированные при раскопках кургана № 31 особенности погребального обряда, а также инвентарь имеют устойчивые аналогии в ранее исследованных объектах пазырыкской культуры в разных районах Горного Алтая. В рамках сравнительно-исторического подхода произведены атрибуция и датирование как отдельных категорий инвентаря, так и в целом кургана № 31, IV — началом III в. до н.э. Особое внимание уделено изучению комплекса женских украшений, включающего бронзовую гривну, обложенную золотой фольгой, железную заколку и две восьмеркообразные серьги из золотой проволоки, к которым прикреплены подвески в виде последовательно соединенных двух колец из аналогичной проволоки и двух дисков с подвесками. Удалось установить, что, судя по расположению аппликаций, нашивок из фольги, а также пятна черной краски под черепом женщины, первоначально головной убор представлял собой относительно невысокое сооружение, основу которого составляли, вероятно, углисто-глинистое вещество, волосы, войлок, ткань, на которую нашивались зооморфные аппликации в виде головы горного козла и круглые нашивки через специальные маленькие отверстия. Наличие головного убора, гривны, серег с подвесками с использованием золотой фольги подчеркивает определенный социальный статус похороненной женщины.

Ключевые слова: пазырыкская культура, Алтай, скифская эпоха, головной убор, украшение, погребальный обряд, кочевники.

Цитирование: Дашковский П.К. Головной убор и комплекс украшений из женского погребения пазырыкской культуры могильника Ханхаринский дол (Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 77–87. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-6>

Введение

В течение 25 лет Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством автора статьи проводит изучение разновременных памятников Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета Краснощековского района Алтайского края (Северо-Западный Алтай). В пределах указанного микрорайона выявлены объекты от эпохи верхнего палеолита до средневековья включительно. Особое внимание в процессе экспедиционных исследований уделяется изучению погребений на могильнике Ханхаринский дол, которые относятся к скифо-сакской эпохе. Указанный некрополь зафиксирован в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,5 км к ЮВ от с. Чинета. В настоящее время на могильнике исследовано более 40 объектов, которые относятся к скифо-сакскому периоду (рис. 1, 1, 2). В данной работе приводятся результаты исследования кургана № 31 на могильнике Ханхаринский дол. Особое внимание уделено анализу погребального обряда и инвентаря, а также социальной атрибуции погребения.

Описание погребального обряда

Курган № 31 выявлен в северной части могильника Ханхаринский дол. Диаметр каменной насыпи, сложенной в 2–3 слоя из мелких и средних по размеру камней, достигал с С на Ю 9,5 м, а с З на В — 9 м. Высота сооружения из камня достигала 0,4 м, а вместе со слоем грунта — 0,5 м. По периметру кургана выявлена крепида из более крупных камней диаметром с С на Ю — 9,5 м, а с З на В — 9 м (рис. 2, 1). В центральной части под насыпью кургана выявлена могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированная по линии СЗ–ЮВ. В процессе дальнейшего исследования установлено, что могильная яма имела по уровню древнего горизонта размеры 2,3×1,58×2,65 м. Глубина могилы дана от нулевого репера. В могиле на глубине 2,51–2,69 м обнаружено погребение женщины в вытянутом положении головой на восток (рис. 2, 2). Под останками женщины прослежен древесный тлен. В 28 см к СВ от черепа на глубине 2,61 м выявлены ритуальная пища и железный нож (рис 3, 22).

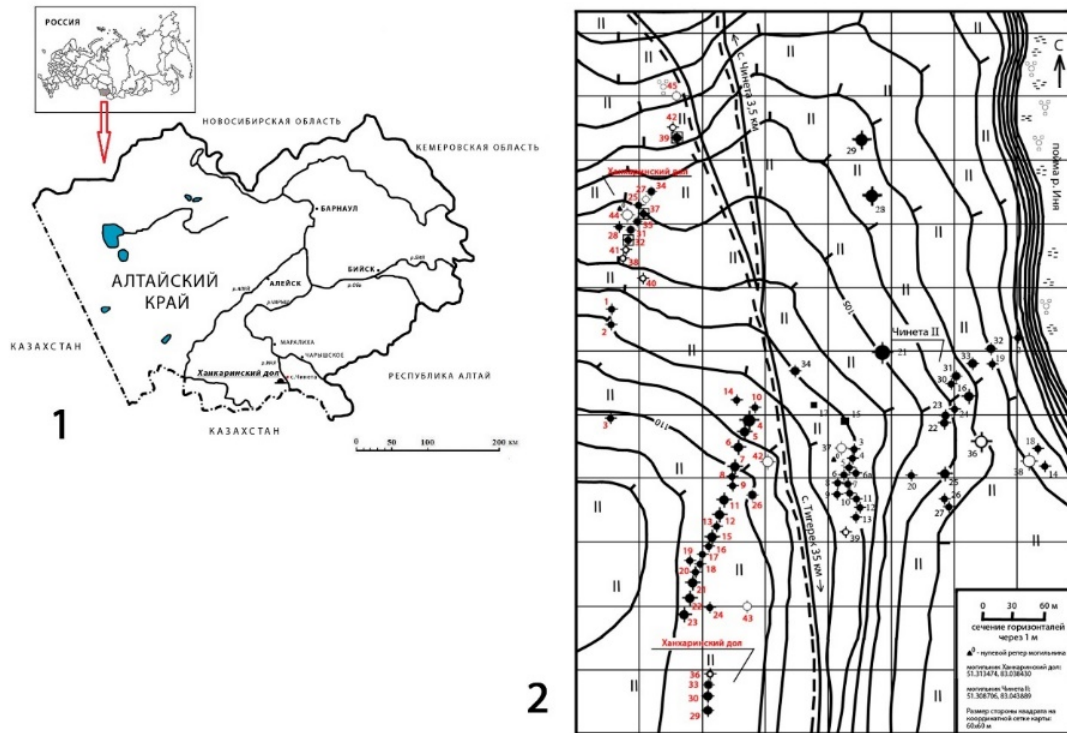

Рис. 1. Местонахождение могильника Ханхаринский дол:

1 — могильник Ханхаринский дол на карте Алтайского края; 2 — план могильника Ханхаринский дол.

Fig. 1. Location of the Khankharinsky Dol burial ground:

1 — the Khankharinsky Dol burial ground on the map of the Altai Territory; 2 — plan of the Khankharinsky Dol burial ground.

На шее погребенной обнаружена бронзовая гривна, обложенная золотой фольгой (рис. 3, 23). У черепа на глубине 2,66 см зафиксированы остатки головного убора (рис. 5, 4). От головного убора сохранились 3 зооморфные аппликации из золотой фольги, на которых изображена голова сайгака (рис. 3, 18–20). В районе головного убора найдены фрагменты железной шпильки (рис. 3, 21), а также 15 округлых нашивок из золотой фольги (рис. 3, 3–17). На черепе женщины и под ним на глубине 2,68 см обнаружены две восьмеркообразные серьги с подвесками в виде двух округлых дисков из золота (рис. 3, 1, 2). Выявленный под скелетом в районе туловища древесный тлен, возможно, являлся остатками подстилки из органического материала. У черепа с северной его стороны на глубине 2,44 см обнаружен керамический сосуд (рис. 3, 24).

Культурно-хронологическая атрибуция погребения

Зафиксированные при раскопках кургана № 31 могильника Ханхаринский дол особенности погребального обряда, а также инвентарь имеют устойчивые аналогии в ранее исследованных объектах пазырыкской культуры как на этом некрополе, так и на соседних могильниках Инской дол и Чинета-II [Дашковский, 2016, 2017 и др.]. Кроме того, выявленные признаки погребального обряда и инвентаря находят параллели в материалах памятников пазырыкской культуры из других районов Алтая [Кирюшин, Степанова, 2004; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Кубарев, 1987, 1991, 1992; Кубарев, Шульга, 2007; и др.].

Важно обратить внимание на то, что женщина была захоронена в вытянутом положении на спине, а не в скорченном положении на правом боку, как это характерно для большинства погребений пазырыкской культуры. В то же время вытянутое положение на спине (или таковое с подогнутыми ногами) известно в памятниках пазырыкского времени в горных районах Алтая. При этом количество объектов с такой позой помещения умершего в могиле составляло около 25 % [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 143]. Вытянутое положение умершего человека в могиле характерно для некоторых памятников, исследованных в районе Средней и Нижней Катунь и предгорий Северо-Западного Алтая [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 164–165]. Примечательно, что аналогичные признаки зафиксированы в кургане № 34 на соседнем могильнике Чинета-II, расположенном в той же до-

Головной убор и комплекс украшений из женского погребения пазырыкской культуры...

лине, что и некрополь Ханхаринский дол. При этом в женском погребении выявлено сопроводительное захоронение лошади и инвентарь, характерный для пазырыкской культуры Алтая [Дашковский, 2021]. Наличие погребений в вытянутом положении на спине в сочетании с признаками погребального обряда и инвентаря пазырыкской культуры, вероятно, связано с межкультурным взаимодействием различных племен в контактной зоне гор и предгорий.

Рис. 2. Курган № 31 могильника Ханхаринский дол:
1 — насыпь кургана после зачистки; 2 — погребение женщины.
Fig. 2. Mound No. 31 of the Khankharinsky Dol burial ground:
1 — mound embankment after stripping; 2 — the burial of a woman.

Погребальный инвентарь включал в себя предметы быта и украшения. К первой категории относятся вещи, которые имели достаточно широкое бытование у кочевников пазырыкского периода: керамический сосуд, украшенный черными волнами по тулову, и фрагмент прямого пластинчатого железного ножа без выделенной ручки и наконечника длиной 5,6 см, шириной 0,7 см (рис. 3, 22). Указанные категории вещей имеют аналоги в различных памятниках пазырыкской культуры, поскольку носили массовый характер, и датируются преимущественно в пределах V–III вв. до н.э. [Кубарев, 1987, 1991, 1992; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 28–41, 70–74; Кирюшин и др., 2003; и др.].

Комплекс украшений и реконструкция женского головного убора

Комплект украшений включал в себя металлическую гривну (рис. 4, 23), две золотые серьги с подвесками (рис. 4, 4, 5) и железную заколку (рис. 3, 21). Две серьги представляли собой

восьмеркообразное изделие из золотой проволоки, к которому прикреплены подвески в виде последовательно соединенных двух колец из аналогичной проволоки и двух дисков. Диаметр основного кольца серег 1,3–1,4 см, диаметр малого кольца 0,5–0,7 см. Диаметр колец для подвешивания 0,5–0,6 см, а дисков из фольги — 1–1,1 см. На каждой серьге — по одному диску из фольги правильной формы, в то время как второй диск, в верхней части крепления к кольцу, имеет неправильную заостренную форму.

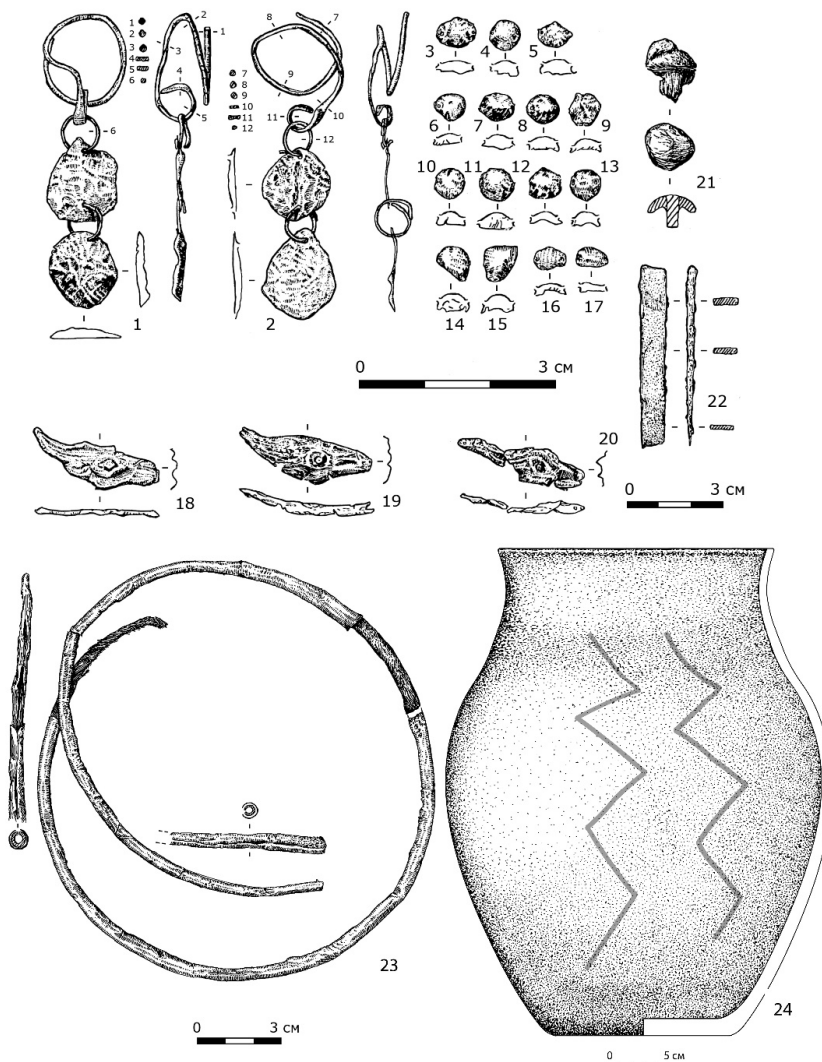

Рис. 3. Инвентарь из кургана № 31 могильника Ханхаринский дол:
1, 2 — серьги с подвесками; 3–17 — нашивки; 18–20 — зооморфные аппликации; 21 — заколка; 22 — нож;
23 — бронзовая гривна, обложенная фольгой; 24 — керамический сосуд.

Fig. 3. Inventory from mound No. 31 of the Khankharinsky Dol burial ground:
1, 2 — earrings with pendants; 3–17 — stripes; 18–20 — zoomorphic applications; 21 — hairpin; 22 — knife;
23 — bronze hryvnia, lined with foil; 24 — is a ceramic vessel.

Восьмеркообразные серьги из бронзовой, золотой, а иногда серебряной проволоки достаточно часто встречаются в курганах пазырыкской культуры в разных районах Горного Алтая [Кубарев, 1987, 1991, 1994; Кирюшин, Степанова, 2004; и др.]. Примечательно, что серьги у кочевников носили как мужчины, так и женщин. При этом у женщин в погребении, как правило, встречается по две серьги, а у мужчин — по одной [Руденко, 1953, с. 132; Кубарев, 1987, с. 122–123]. В то же время серьги с подвесками являются достаточно редкой находкой для погребений пазырыкской культуры. Серьги с подвесками, представляющие собой полноценные ювелирные изделия, обнаружены, например, в кургане № 21 могильника Чинета-II [Дашковский, 2018], в кургане № 27 некрополя Балык-Соок I [Кубарев, Шульга, 2007, с. 69–70, рис. 14, 3], во Втором

пазырыкском кургане [Руденко, 1953, с. 132, рис. 78]. Примечательно, что серьги обозначенного типа коррелируются с изделиями, представляющими ювелирную традицию Малой Азии, в частности с вещами ахеменидского круга [Трейстер, 2012, с. 142–144; и др.]. Изделие же из кургана № 21 могильника Ханхаринский дол было менее художественно и ювелирно выполнено. Наиболее близкими аналогиями по морфологическим признакам такой серьги являются два комплекта серег из кургана № 4 могильника Юстыд XII [Кубарев, 1991, с. 131]. Эти серьги представляли собой восмеркообразное изделие, к которому крепился круг или ромб из фольги, выступающий основанием для соответствующего крепления по три золотых листика одинаковой формы. Такие серьги обнаружены в парном погребении женщины и девочки, которое датировано не ранее V–IV вв. до н.э. [Кубарев, 1991, с. 133].

Рис. 4. Инвентарь из кургана № 31 могильника Ханхаринский дол:
1–3 — зооморфные аппликации; 5, 6 — серьги с подвесками; 7–21 — нашивки; 22 — бронзовая гривна, обложенная золотой фольгой.

Fig. 4. Inventory from mound No. 31 of the Khankharinsky Dol burial ground:
1–3 — zoomorphic appliques; 5, 6 — earrings with pendants; 7–21 — patches; 22 — a bronze girdle covered with gold foil.

Другим предметом является фрагмент железной заколки с навершием диаметром 1,5 см. Бронзовые и железные заколки достаточно редко встречаются в памятниках скифской эпохи Алтая [Кирюшин, Степанов, 2004, с. 86–87]. Экземпляр из кургана № 31 могильника Ханхаринский дол может быть отнесен в рамках классификации заколок к типу 4 — железные заколки с гвоздевидным или грибовидным навершием [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 88]. Наиболее близкой аналогией этому изделию является железная заколка из кургана № 25 могильника Малталу-IV [Кубарев, 1992, с. 93–94, рис. 26, 5]. Заколки из железа гвоздевидной формы также происходят из кургана № 18 могильника Кок-Су-I [Сорокин, 1974, с. 69]. К этому же типу изделий Ю.Ф. Кирюшин и Н.Ф. Степанова относят одну из булавок из кургана № 1 могильника Карасу-I [Могильников, Елин, 1995, с. 105, рис. 4, 4, 6], отмечая при этом, что она имеет переходный тип навершия от шаровидной к гвоздевидной форме. Кроме того, исследователи отмечают, что находки указанного типа заколок из кургана № 18 могильника Кок-Су-I и кургана № 25 некрополя Малталу-IV не характерны для памятников пазырыкской культуры Алтая [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 88]. На могильнике Ханхаринский дол ранее были выявлены заколки гвоздевидной формы из бронзы в кургане раннепазырыкского периода [Дашковский, 2020]. Из железа на указанном памятнике были обнаружены заколки с шаровидным и гвоздевидным навершием, покрытые золотой фольгой, датированные в пределах IV–III вв. до н.э. Находки металлических заколок с навершием в виде шляпок достаточно хорошо известны по материалам каменной, староалеической и быстрянской культур Алтая [Могильников, 1997, с. 8; Фролов, 1996, с. 141, рис. 2, 11, 12 и др.; 2008, с. 355, рис. 124 и др.; Абдулганеев, 2000, с. 15, рис. 1, 6].

Гривна представляла собой бронзовое трубчатое основание, которое было покрыто золотой фольгой. Диаметр гривны из кургана № 31 составил 14,8 см, а толщина — 0,7 см. Важно обратить

внимание, что основа гривны у «пазырыкцев» могла изготавливаться не только из бронзы, но и из дерева, железа, а после этого покрываться золотой фольгой. В курганах могильника Ханхаринский дол обнаружено десять гривен. При этом в настоящее время гривен в курганах скифского времени известно около 60 экз., в том числе 20 металлических [Степанова, 2001, с. 90; Кубарев, 2005]. Если учесть, что в Горном Алтае раскопано более 600 погребений пазырыкского периода, то в количественном отношении погребения с находками гривен составляют меньше 10 %. Металлические гривны встречаются всего примерно в 3 % погребений кочевников. В то же время в погребениях могильника Ханхаринский дол доля гривен в захоронениях составляет более 20 %. При этом гривны обнаружены как в мужских, так и в женских погребениях указанного некрополя.

Вместе с тем необходимо учитывать, что часть курганов пазырыкской культуры сильно разграблены, поэтому такие предметы могли быть похищены грабителями. В этом отношении могильник Ханхаринский дол уникален, поскольку большинство погребений скифо-сакского периода оказались неграбленными и неоскверненными. Кроме того, следует иметь в виду, что в ряде курганов пазырыкской культуры обнаружены имитации гривен из тальниковых прутьев [Кубарев, 1991, с. 125]. Ученые отмечают, что деревянные гривны не были массовым украшением в предметном комплексе рядовых кочевников пазырыкского времени, поскольку являлись очень хрупкими и недолговечными [Кубарев, 2005, с. 60]. Существует также точка зрения, согласно которой гривны, в том числе из дерева, выступали символом принадлежности к определенному клану. При этом представители элиты носили более дорогие изделия, выполненные из золота, а низшие слои кочевого общества использовали деревянные предметы этой категории [Молодин, 2000, с. 111]. Известно, что гривны у ираноязычных народов выступали социальным маркером и символом верховной власти [Акишев, 1975; Кубарев, 1987, с. 121].

Гривна из кургана № 31 могильника Ханхаринский дол по морфологическим признакам близка аналогичным изделиям из других его курганов, датированных IV–III вв. до н.э. [Дашковский, 2016; и др.]. Бронзовые гривны в 1,5 оборота, обложенные золотой фольгой, известны по материалам не только памятников пазырыкской культуры Алтая [Суразаков, 1989, с. 75–76], но и синхронных памятников Тувы и Южного Приуралья [Мошкова, 1963, с. 43, табл. 24, 4; Полторацкая, 1966, рис. 6, 11].

Особого внимания заслуживает женский головной убор из кургана № 31 могильника Ханхаринский дол. Такие предметы являются редкой находкой в курганах скифо-сакского периода и указывают на определенное социальное положение погребенной женщины. Головной убор из кургана № 31 указанного могильника представлял собой, вероятно, вытянутый тип головных уборов, которые известны по результатам раскопок памятников пазырыкской культуры Алтая. Данный головной убор практически не сохранился. К востоку от черепа прослежено продолговатое пятно черного цвета длиной 22,5 см, шириной 4–8 см, которое маркировало форму женского головного убора. В нижней части убора на расстоянии 7 см от черепа женщины выявлены три зооморфные аппликации из золотой фольги в виде головы сайгака. На расстоянии 3 см от аппликаций располагались 15 округлых нашивок по три штуки в ряд также из золотой фольги. Между аппликациями и округлыми нашивками находилась железная шпилька. Судя по расположению аппликаций, нашивок из фольги, а также пятна черной краски под черепом женщины, первоначально головной убор представлял собой относительно невысокое сооружение, основу которого составляли, вероятно, углисто-глинистое вещество, волосы, войлок, ткань, на которую нашивались аппликации и круглые нашивки через специальные маленькие отверстия.

Стилистика и семантика зооморфных образов из курганов пазырыкской культуры Северо-Западного Алтая будут рассмотрены в отдельной работе. В данном случае отметим только, что образ сайгака не является достаточно распространенным в пазырыкском искусстве, хотя имеет и характерные черты. Изображения этого животного встречаются на предметах снаряжения лошади и одежды кочевников из курганов Алтая. При этом известны как находки отдельных головок сайгаков из погребений, так и полноценные фигурные изображения [Руденко, 1960, с. 270–272, рис. 138, д, е, з, м, н; и др.]. Так, например, в Третьем Пазырыкском кургане были найдены подвески и пронизка в виде голов сайги на снаряжении лошади [Руденко, 1953, с. LV, 2–4; LVII, 1, 2]. Изображение сайги также известно на эггете из кургана № 16 могильника Юстыд XXI [Кубарев, 1991, с. 116, табл. XXXVIII, 13], на роговой дужке седельной луки из коллекции Уварова [Руденко, 1953, табл. LXXXII, 1]. Кроме того, исследователи обратили внимание на интересную особенность некоторых мужских и женских головных уборов, которые обнаружены не в элитных погребениях «пазырыкцев». В частности, на некоторых фигурках оленей помещены парциальные изображения других животных, в том числе сайгака. При этом образ последнего,

Головной убор и комплекс украшений из женского погребения пазырыкской культуры...

как правило, располагался на передней ноге, а образ архара — на задней [Черемисин, 2008, с. 73, XXXVIII, 4, 6, 8].

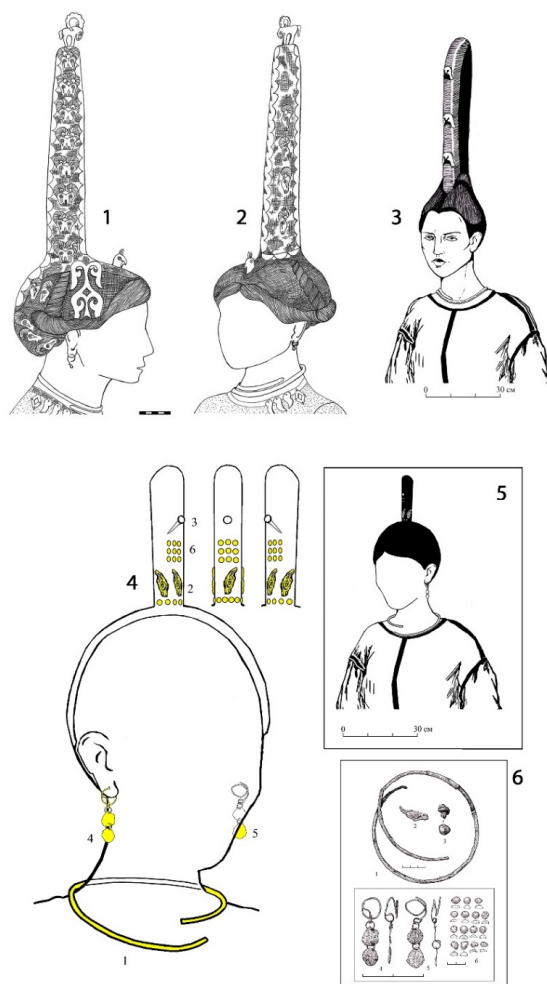

Рис. 5. Женские головные уборы из погребений пазырыкской культуры:

1, 2 — курган № 15 могильника Ханхаринский дол; 3 — курган № 4 могильника Чинета-II;
4–6 — курган № 31 могильника Ханхаринский дол.

Fig. 5. Women's headdresses from the graves of the Pazyryk Culture:

1, 2 — mound No. 15 of the Khankharinsky Dol burial ground; 3 — mound No. 4 of the Chineta-II burial ground;
4–6 — mound No. 31 of the Khankharinsky Dol burial ground.

С.И. Руденко, ссылаясь на мнение Н.К. Верещагина, отметил, что в некоторых изображениях, трактуемых как образ сайгака, можно увидеть сходство с другим копытным животным — вымершей винторогой антилопой семейства Alctaphinae, которая в древности водилась в Центральной Азии, включая Алтай [Руденко, 1960, с. 270]. В любом случае, в изображениях животных с головного убора из кургана № 7 могильника Ханхаринский дол явно видны черты облика одного из видов антилоп, в отличие от барана, козла, оленя и т.д. Кроме того, следует отметить, что изображения разных видов антилоп, в том числе сайгака, встречаются, хоть и в ограниченном количестве, в памятниках изобразительного искусства Южного Приуралья и Поволжья [Королькова, 2006, с. 50–51]. Такие изображения обнаружены, например, на золотых пластинах-накладках из Филипповских курганов, которыми были украшены деревянные сосуды, а также нашивные бляхи [Пшеничнюк, 1989, рис. 8], а также присутствуют в качестве декоративного украшения костяных ложек из погребения 3 кургана № 1 и кургана № 2 некрополя Сын-тас [Королькова, 2006, с. 51]. В Нижнем Поволжье такие изображения встречены в очень ограниченном количестве [Смирнов, 1964, с. 370, рис. 78, 2; Максимов, 1976, с. 211, рис. 1, 1]. В то же время в искусстве кочевников Причерноморья в скифскую эпоху их, вероятно, практически

нет, поскольку этот вид животных там не обитал [Руденко, 1960, с. 270]. Следует также подчеркнуть, что образы разных видов антилоп, включая сайгака, в мировоззрении играли близкую роль, поскольку в композициях они часто взаимозаменяемы [Королькова. 2006, с. 51].

Важно обратить внимание на то, что в могильниках пазырыкской культуры в Северо-Западном Алтае ранее уже было обнаружено три женских головных убора, в частности в курганах № 4 и № 15 того же могильника Ханхаринский дол и в кургане № 34 некрополя Чинета-II. [Дашковский, Карымова, 2012, с. 131–135; Дашковский, 2021, 2024]. Определенной аналогией головным уборам-парикам из кургана № 34 могильника Чинета-II и кургана № 15 могильника Ханхаринский дол является женский убор, который обнаружен при исследовании захоронения женщины в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3 [Полосьмак, 2001; Полосьмак, Баркова, 2005].

Головной убор из кургана № 31 могильника Ханхаринский дол существенно меньше по размерам других женских головных уборов, обнаруженных в памятниках пазырыкской культуры на Алтае. Его длина составляла всего 22,5 см, в то время как головные уборы из курганов № 15 могильника Ханхаринский дол и кургана № 34 некрополя Чинета-II имели длину соответственно 39,5 см и 36 см. Можно предположить, что навершия головных уборов из курганов № 34 могильника Чинета-II и из кургана № 15 некрополя Ханхаринский дол, судя по сохранившейся черной краске, также могли быть изготовлены из войлока, обтянутого шерстяной тканью, которой покрывалась нижняя часть головного убора. На убор-парик вертикально в ряд нашивались аппликации, которые крепились с помощью отверстий, расположенных на них. Палочка-каркас с зооморфной фигуркой наверху с головного убора из кургана № 15 могильника Ханхаринский дол проходила через весь головной убор, что делало его устойчивым при ходьбе. Возможно, подобные палочки для каркаса убора были и в кургане № 34 могильника Чинета-II, но из-за особенностей грунта дерево в погребении практически не сохранилось. Кроме этого, вся конструкция головного убора из кургана № 15 могильника Ханхаринский дол держалась благодаря нескольким шпилькам, которые закрепляли парик на затылке и по бокам головы.

Заключение

Анализ погребального обряда и инвентаря позволил сделать вывод, что курган № 31 могильника Ханхаринский дол относится к пазырыкской культуре и предварительно может быть датирован IV — началом III в. до н.э. Металлические гривны, обложенные золотой фольгой, выступали социально-диагностирующим признаком и подчеркивали социальный статус владельца. Примечательно, что металлические гривны, обложенные фольгой, обнаружены преимущественно в курганах пазырыкской культуры, в которых также выявлены сопроводительные захоронения лошадей. Из 9 курганов на могильнике Ханхаринский дол, в которых обнаружены металлические гривны, в 8 объектах были выявлены еще сопроводительные захоронения лошадей. В данном случае исключением как раз стал курган № 31. Реконструкция головного убора показала, что он имеет определенные параллели с аналогичными уборами из других курганов пазырыкской культуры. При этом он существенно отличался по своим размерам от них, поскольку был почти в два раза короче. Наличие головного убора, гривны, серег с подвесками с использованием золотой фольги подчеркивает определенный социальный статус похороненной женщины. В тоже время отсутствие сопроводительного захоронения лошади существенно нивелирует социальное положение погребенной, поскольку лошадь в культуре кочевников выступала важным социальным индикатором. При этом следует подчеркнуть, что анализ других погребений пазырыкской культуры из могильника Ханхаринский дол показал, что на данном некрополе хоронили умерших с достаточно высоким социальным статусом в пределах регионального пространства Северо-Западного Алтая. Об этом свидетельствуют находки престижных вещей (головные уборы, гривны, предметы импорта и др.), высокий процент сопроводительных захоронений лошадей. В этой связи был поставлен вопрос о выделении региональной элиты кочевников для части территории Северо-Западного Алтая [Дашковский, Мейкшан, 2015]. Дальнейшее комплексное изучение материалов из могильника Ханхаринский дол, в том числе проведение радиоуглеродного датирования, позволит внести уточнения в хронологию и социальную атрибуцию памятников пазырыкской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулганеев М.Т. Археологические памятники у села Березовка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. XI. С. 172–175.

Головной убор и комплекс украшений из женского погребения пазырыкской культуры...

Акишев А.К. Семантика и функции искусства «звериного стиля» саков Семиречья // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1975. С. 57–60.

Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: Характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. № 9. С. 42–66.

Дашковский П.К. Результаты изучения погребального обряда кочевников Северо-Западного Алтая скифской эпохи (по материалам могильника Чинета-II) // Труды V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле — Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 112–116.

Дашковский П.К. Радиоуглеродное и археологическое датирование погребения скифского времени на могильнике Чинета-II (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2018. № 2 (15). С. 9–23.

Дашковский П.К. Исследование кургана раннего этапа пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол в Северо-Западном Алтае: хронология и атрибуция артефактов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. № 1. С. 91–100.

Дашковский П.К. Комплексная хронология и социальная интерпретация кургана №34 пазырыкской культуры из могильника Чинета-II (Алтай) // Вестник ТГУ. История. 2021. № 69. С. 17–25. <https://10.17223/19988613/69/2>

Дашковский П.К. Реконструкция головного убора и датировка артефактов из кургана № 4 могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол (Алтай) // Археология евразийских степей. 2024. № 5. С. 8–20.

Дашковский П.К., Каримова С.М. Вещь в традиционной культуре Центральной Азии: Философско-культурологическое исследование. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. 252 с.

Дашковский П.К., Мейкишан И.А. Изучение региональной элиты кочевников Южной Сибири, Западного Забайкалья и Северной Монголии эпохи поздней древности (на примере пазырыкского общества и хунну) // Элита в истории древних народов Евразии. Под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 99–107.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. 234 с.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д. Диадемы и гривны из курганов Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1 (21). С. 55–69.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Максимов Е.К. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 210–218.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тыс. до н.э. М.: Наука, 1997. 196 с.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Карасу-I // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. № 1. С. 102–118.

Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 86–119.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д1-10.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. 336 с.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: Инфолио-пресс, 2005. 234 с.

Пшеничнюк А.Х. Раскопки «Царского» кургана на Южном Урале. Препр. доклада. Уфа, 1989. 31 с.

Полторацкая В.Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве: по раскопкам С.А. Теплоухова // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 78–102.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Наука, 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 359 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 379 с.

Сорокин С.С. Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу р. Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 62–91.

Степанова Н.Ф. Гривны из погребений скифского времени Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. № 7. С. 89–94.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1989. 165 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Трейстер М.Ю. Ахеменидские ювелирные украшения костюма из драгоценных металлов из Южного Приуралья. Изделия ахеменидского круга и местные традиции. Произведения постахеменидской традиции // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М.: ТАУС, 2012. Т. I. С. 134–165.

Фролов Я.В. Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково-I // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 135–143.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. — II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.

Dashkovskiy P.K.

Altai State University, dashkovskiy@fnp.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

A headdress and a set of jewelry from the female burial of the Pazyryk Culture at the Khankarinsky Dol burial ground (Altai)

Summary. The present study aims to publish the results of investigations conducted at burial mound No. 31 within the Khankharinsky Dol burial ground. This site forms part of the Chinetskiy archaeological microdistrict, located in the Krasnoshchykovsky District of the Altai Territory (Northwestern Altai). The features of the burial rite, as well as the funerary inventory, documented during the excavations of mound No. 31, demonstrate consistent analogies with materials recovered from previously investigated sites attributed to the Pazyryk Culture across various areas of the Altai Mountains. Within the framework of a comparative-historical approach, the attribution and chronological positioning of both individual categories of the inventory and burial mound No. 31 as a whole have been established, with the complex being dated to the 4th — early 3rd century BC. Particular emphasis in this study is placed on the analysis of the female jewelry assemblage, which comprises a bronze torque sheathed in gold foil, an iron hairpin, and two eight-shaped earrings fabricated from gold wire. The earrings are complemented by pendants consisting of two successively connected rings made from similar wire, as well as two disks with pendants. Based on the arrangement of the applications, foil stripes, and a trace of black pigment identified beneath the female cranium, it has been inferred that the headdress originally constituted a relatively low-profile structure. Its basis likely consisted of a carbonaceous-clay substance, hair, felt, and fabric. Zoomorphic applications in the form of a mountain goat's head and circular stripes were affixed to this base through special small perforations. The presence of a headdress, a torque, and earrings with pendants incorporating gold foil indicates a certain social status of the buried woman.

Keywords: Pazyryk Culture, Altai, Scythian Epoch, headdress, jewelry, funeral rite, nomads.

REFERENCES

Abdulganeev, M.T. (2000). Archaeological monuments near the village of Berezovka. *Sokhranenie i izucheniye kul'turnogo naslediya Altaia*, (XI). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 172–175. (Rus.).

Akisev, A.K. (1975). Semantics and functions of the art of the "animal style" of the Saks of Semirechye. In: *Rannie kochevniki Srednei Azii i Kazakhstana*. Leningrad: Nauka, 57–60. (Rus.).

Dashkovskiy, P.K. (2016). The burial ground of the Pazyryk culture Khankarinsky Dol in Altai: Characteristics of the funeral rite and the main directions of interdisciplinary research. *Mirovozzrenie naseleniya luzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive*, (IX). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 42–66. (Rus.).

Dashkovskiy, P.K. (2017). Results of the study of the funeral rite of the nomads of the North-Western Altai of the Scythian epoch (based on the materials of the Chinets-II burial ground). In: *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkhologicheskogo s"ezda v Barnaule — Belokurikhe*. T. 2. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 112–116. (Rus.).

Dashkovskiy, P.K. (2018). Radiocarbon and archaeological dating of the burial of the Scythian time at the Chinets-II burial ground (Altai). *Narody i religii Evrazii*, 15(2), 9–23. (Rus.).

Dashkovskiy, P.K. (2020). Investigation of the mound of the early stage of the Pazyryk culture at the Khankarinsky Dol burial ground in the Northwestern Altai: Chronology and attribution of artifacts. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, (1), 91–100. (Rus.).

Dashkovskiy, P.K. (2021). Complex chronology and social interpretation of the mound No. 34 of the Pazyryk culture from the Chinets-II burial ground (Altai). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, (69), 17–25. <https://doi.org/10.17223/19988613/69/2> (Rus.).

Dashkovskiy, P.K. (2024). Reconstruction of the headdress and dating of artifacts from mound No. 4 of the burial ground of the Pazyryk culture Khankhara valley (Altai). *Archeology of the Eurasian steppes*, (5), 8–20. (Rus.).

Dashkovskiy, P.K., Karymova, S.M. (2012). *The thing in the traditional culture of Central Asia: A philosophical and cultural study*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).

Dashkovskiy, P.K., Meikshan, I.A. (2015). I.A. The study of the regional elite of the nomads of Southern Siberia, Western Transbaikalia and Northern Mongolia of late antiquity (on the example of the Pazyryk society and the Hunnu). In: P.K. Dashkovskiy (Ed.). *Elita v istorii drevnikh narodov Evrazii*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 99–107. (Rus.).

Frolov, Ya.V. (1996). Ground burial ground of the early Iron Age Klepikovo-I. In: *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 135–143. (Rus.).

Головной убор и комплекс украшений из женского погребения пазырыкской культуры...

- Frolov, Ya.V. (2008). *Funeral rite of the population of the Barnaul Ob region in the VI century BC — II century AD (according to ground burial grounds)*. Barnaul: Azbuka. (Rus.).
- Kiryushin, Yu.F., Stepanova, N.F. (2004). *The Scythian Epoch of the Altai Mountains. Part III: Burial complexes of the Scythian period of the Middle Katun*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Kiryushin, Yu.F., Stepanova, N.F., Tishkin, A.A. (2003). *The Scythian Epoch of the Altai Mountains. Part II: Funeral and memorial complexes of the Pazyryk culture*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Korolkova, E.F. (2006). *Animal style of Eurasia. The art of the tribes of the Lower Volga region and the Southern Urals in the Scythian era (VII–IV centuries BC)*. St. Petersburg: Peterb. vostokovedenie. (Rus.).
- Kubarev, V.D. (1987). *The Mounds of Ulandryk*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kubarev, V.D. (1991). *The Mounds of Yustid*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kubarev, V.D. (1992). *Saylugem mounds*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kubarev, V.D. (2005). Diadems and hryvnia from the mounds of Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 21(1), 55–69. (Rus.).
- Kubarev, V.D., Shulga, P.I. (2007). *Pazyryk culture (Chui and Ursula mounds)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Maksimov, E.K. (1976). New findings of the Sauromatic animal style in the Volga region. In: *Skifo-sibirskiy zverinyy stil v iskusstve narodov Evrazii*. Moscow: Nauka, 210–218. (Rus.).
- Mogilnikov, V.A. (1997). *The population of the Upper Ob region in the middle-second half of the I millennium BC*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Mogilnikov, V.A., Elin, V.N. (1995). Kurgans of Karasu-I. *Izvestiya laboratorii arkheologii*, (1). Gorno-Altaysk, 102–118. (Rus.).
- Molodin, V.I. (2000). Cultural and historical characteristics of the burial complex of the burial mound No. 3 of the monument Verh-Kaljin II. In: *Fenomen altaiskikh mumii*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 86–119. (Rus.).
- Moshkova, M.G. (1963). Monuments of Prokhorov culture. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (D1-10). (Rus.).
- Polosmak, N.V. (2001). *Riders of Ukok*. Novosibirsk: Infolio-press. (Rus.).
- Polosmak, N.V., Barkova, L.L. (2005). *Costume and textiles of the Pazyryk people of Altai (IV–III centuries BC)*. Novosibirsk: Infolio-press. (Rus.).
- Poltoratskaia, V.N. (1966). Monuments of the era of early nomads in Tuva: According to the excavations of S.A. Teploukhov. *Arheologicheskie soobscheniya Gosudarstvennogo Ermitaja*, (8), 78–102. (Rus.).
- Pshenichnyuk, A.H. (1989). *Excavations of the "Royal" burial mound in the Southern Urals. Preprint of the report*. Ufa. (Rus.).
- Rudenko, S.I. (1953). *Culture of the population of the Altai Mountains in the Scythian period*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Rudenko, S.I. (1960). *Culture of the population of Central Altai in the Scythian period*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Smirnov, K.F. (1964). *Savromaty: The early history and culture of the Sarmatians*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Sorokin, S.S. (1974). A chain of burial mounds from the time of early nomads on the right bank of the Kok-Su River (Southern Altai). *Arheologicheskie soobscheniya Gosudarstvennogo Ermitaja*, (16), 62–91. (Rus.).
- Stepanova, N.F. (2001). Hryvnia from the burials of the Scythian time of the Altai Mountains. *Drevnosti Altaia. Izvestiya laboratorii arkheologii*, (7), Gorno-Altaysk, 89–94. (Rus.).
- Surazakov, A.S. (1989). *Gorny Altai and its northern foothills in the Early Iron Age: Problems of chronology and cultural differentiation*. Gorno-Altaysk: GANIYaL. (Rus.).
- Tishkin, A.A., Dashkovskiy, P.K. (2003). *Social structure and system of worldviews of the Altai population of the Scythian epoch*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. (Rus.).
- Treister, M.Iu. (2012). Achaemenid jewelry costume made of precious metals from the Southern Urals. Products of the Achaemenid circle and local traditions. Works of the post-Achaemenid tradition. *Vliianie akhemenidskoi kul'tury v luzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)*. T. 1. Moscow: Taus, 134–165. (Rus.).

© Дашковский П.К., 2026
Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 20.06.2025
Принята к публикации 02.03.2026
Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторе: Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

About the author: Dashkovskiy, Petr K., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University, Barnaul, Russia.

Костомарова Ю.В.

Тюменский научный центр СО РАН, jvkostomarkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5053-8464>

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ОРУДИЙ ИЗ ОБЛОМКОВ ПОСУДЫ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ИТКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

Аннотация. Представлены результаты экспериментально-трассологического изучения обломков посуды со следами вторичного использования из городищ иткульской культуры (восточный вариант) Карагай Аул 1 (58 экз.) и Вак-Кур 2 (43 экз.). Памятники расположены на территории Нижнего Притоболья (Западная Сибирь) и датируются второй половиной VII — VI в. до н.э. Зафиксированы признаки сработанности на рассматриваемых предметах. Для их атрибуции проведены экспериментальные работы по использованию фрагментов керамики в процессе обработки кости, дерева и керамических сосудов по влажной и слегка подсушенной поверхности. Выявлены отличительные признаки на рабочих лезвиях полученных скребковидных керамических инструментов. Сравнение экспериментальных и археологических серий позволило прийти к выводу, что большая часть орудий из фрагментов керамики рассматриваемых памятников использовалась в гончарном производстве в процессе выравнивания, уплотнения, устранения трещин глиняных емкостей. При этом рабочее лезвие инструментов в большинстве случаев выравнивалось абразивной обработкой. Его характер и следы сработанности зависели от степени увлажненности глиняной поверхности. Таким образом, в материалах городищ Карагай Аул 1 и Вак-Кур 2, с учетом разницы в их хронологии, зафиксирована устойчивая традиция обработки поверхности посуды скребковидными керамическими инструментами.

Ключевые слова: Нижнее Притоболье, восточный вариант иткульской культуры, фрагменты посуды, вторичное использование, экспериментально-трассологический анализ.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № 126022618029-1.

Цитирование: Костомарова Ю.В. Функциональное назначение орудий из обломков посуды из памятников восточного варианта иткульской культуры Нижнего Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 88–99. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-7>

Введение

В инвентарном наборе ряда памятников VIII–VI/V вв. Притоболья и Приишимья зафиксировано значительное количество обломков посуды со следами вторичного использования (напр.: [Зими́на, Зах, 2009, с. 46, 66; Цембалюк, 2017, с. 78–79; Илюшина и др., 2019]). В культурном отношении они характеризуют восточный вариант иткульской культуры (гор. Карагай Аул 1, Вак-Кур 2) и баитовские древности (например пос. Чепкуль 8Б, Боровушка 2, Большой Имбиряй 3, гор. Усть-Терсукское, Бочанецкое и др.) [Зими́на, Зах, 2009, с. 46, 66; Цембалюк, 2017, с. 78–79]. Экспериментально-трассологические исследования орудий из фрагментов посуды из укрепленного поселения Марай 4, точная культурная принадлежность которого не установлена, но керамический комплекс сочетает журавлевские, баитовские черты и датирован VII–V до н.э. [Илюшина и др., 2019, с. 38, 43], показало, что большая их часть использовалась в керамическом производстве на стадии выравнивания и уплотнения стенок глиняных емкостей [Костомарова, 2022].

Целью данного исследования является экспериментально-трассологическое изучение обломков посуды со следами сработанности, обнаруженных на памятниках восточного варианта иткульской культуры — городищах Карагай Аул 1 и Вак-Кур 2. Их материалы хорошо изучены и введены в научный оборот [Зими́на, Зах, 2009]. Объекты расположены в Яковском районе Тюменской области (рис. 1).

Согласно опубликованным данным, на городище Карагай Аул 1 фрагменты керамики с признаками вторичного использования представлены 88 экз., что составляет 83,8 % от общего количества орудийного комплекса. На городище Вак-Кур 2 этот показатель равен 150 экз. — 87,7 % [Зими́на, Зах, 2009, с. 162–163; 170–173]. Таким образом, эти предметы являются основной категорией орудий, которые непосредственно характеризуют хозяйственно-производственную деятельность населения, оставившего рассматриваемые памятники. Как показывает многолетний опыт их изучения, в том числе подкрепленный результатами экспериментальных работ, обломки

Функциональное назначение орудий из обломков посуды...

посуды могли использоваться в разных отраслях: как инструменты для измельчения охры; скребки для обработки шкур, дерева, снятия нагаров с литейных форм; абразивы для заточки металлических изделий; приспособления для уплотнения и выравнивания стенок сосудов в керамическом производстве [Скакун, 1978; Семенов, Коробкова, 1983, с. 187 – 188; Пряхин, 1996; Шаманов, Зырянова, 1998; Lopez Varela et al., 2002; Бородовский, 2002; Молодин и др., 2012]. Следовательно, актуальным является изучение этих предметов с помощью экспериментально-трассологического метода, включающего выявление, описание и систематизацию признаков сработанности, и сравнение полученных данных с имеющейся в ТюмНЦ СО РАН базой экспериментальных эталонов, насчитывающей 25 аналогичных орудий, полученных в процессе проведения экспериментальных работ, часть из которых опубликована [Костомарова, 2022]. Кроме того, для уточнения деталей были проведены дополнительные эксперименты, в которых были задействованы обломки посуды из городищ Карагай Аул 1 и Вак-Кур 2.

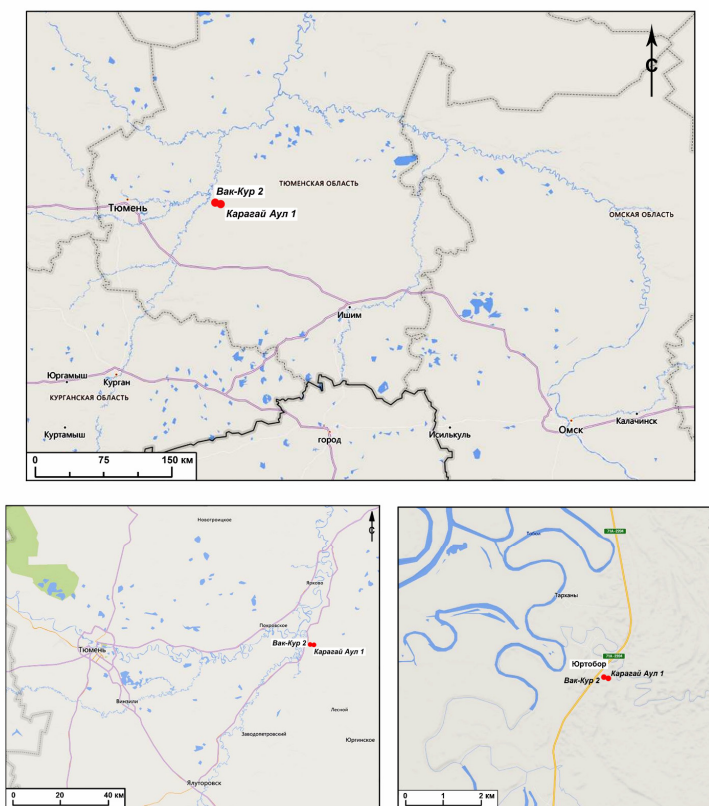

Рис. 1. Карта-схема расположения городищ Карагай Аул 1 и Вак-Кур 2.
Fig. 1. Map-scheme of the location of the Karagai Aul 1 and Vak-Kur 2 sites.

Трассологическое изучение и микрофотографии следов сработанности на орудиях выполнены с помощью панкратического микроскопа Микромед МС-2 ZOOM var. 2A с увеличением до $\times 40$ и камеры Levenhuk 1200.

Результаты трассологического исследования

В результате трассологического изучения коллекции городищ Карагай Аул 1 и Вак-Кур 2 выявлен 151 обломок посуды с признаками использования (77 и 63 экз. соответственно). Часть из них (19 и 20 экз.) имеют небольшие размеры и/или невыраженные следы износа — отмечается лишь общая затертость на боковых гранях, что затрудняет их функциональную атрибуцию. Таким образом, выборка, которая послужила источниковой базой данного исследования, составила 58 экз. — для гор. Карагай Аул 1 и 43 экз. — для гор. Вак-Кур 2 (рис. 2, 3).

В качестве орудий на городище Карагай Аул 1 использованы преимущественно стенки — 55 экз., из них орнаментированная всего одна; венчики — 4 экз. Размеры использовавшихся фрагментов керамики варьируют от $2,5 \times 1,3$ см до $6,7 \times 6,2$ см. Их форма разнообразна: близкая к прямоугольной или треугольной, округлая, многоугольная (рис. 2). Рабочее лезвие у 36 пред-

метов расположено на одном из краев, преимущественно удлиненном; у 16 экз. — на двух прилегающих к друг другу краях (при этом угол между ними также сработан и скруглен в плане) либо на противоположных. В 6 случаях признаки сработанности отмечаются с трех сторон или по всему периметру. Кромка лезвия в плане чаще дугообразная (рис. 2, 1–5, 9, 11), степень изогнутости может варьировать, рельеф — в 32 случаях прямой (рис. 2, 12), у 26 — неровный, волнистый (рис. 2, 6–8, 10). Скребоквидные орудия отличаются по поперечному сечению рабочего лезвия. У 35 предметов оно скошено, в большинстве случаев на внешнюю сторону черепка, варьирует угол наклона скоса (рис. 2, 2, 3, 5–9). У 8 из этих предметов фиксируется четкая приостренная граница между рабочей и нерабочей зонами (рис. 2, 2, 8); у 16 предметов лезвие в поперечном сечении п-образное или скругленное (рис. 2, 10–12); у 7 — переменное, часть кромки имеет скошенный профиль, часть — п-образный или скругленный (рис. 2, 1).

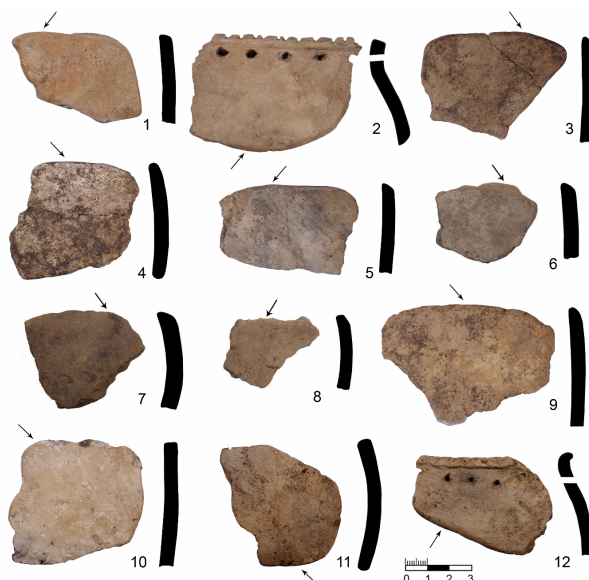

Рис. 2. Фрагменты керамики со следами вторичного использования из городища Карагай Аул 1 (стрелочками показаны участки микросъемки, микрофото представлены на рис. 4).

Fig. 2. Fragments of ceramics with traces of secondary use from the Karagai Aul 1 site (arrows indicate sections of microphotography; microphotos are shown in fig. 4).

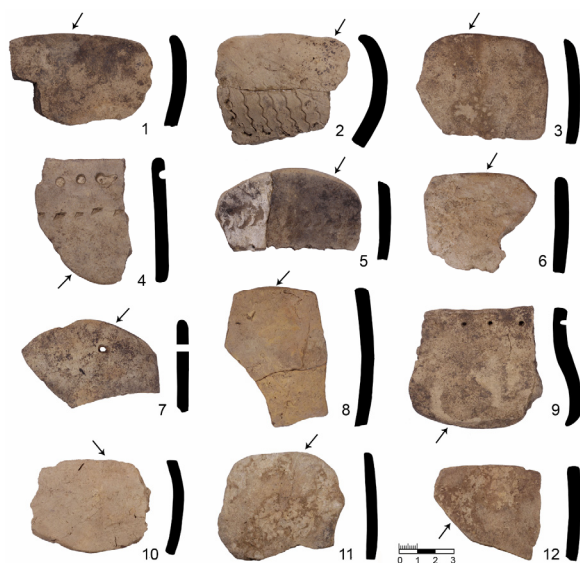

Рис. 3. Фрагменты керамики со следами вторичного использования из городища Вак-Кур 2 (стрелочками показаны участки микросъемки, микрофото представлены на рис. 5).

Fig. 3. Fragments of ceramics with traces of secondary use from the Vak-Kur 2 site (arrows indicate sections of microphotography; microphotos are shown in fig. 5).

Функциональное назначение орудий из обломков посуды...

На городище Вак-Кур 2 из 43 орудий 6 — орнаментированные венчики, остальные — неорнаментированные стенки. Размеры от 2,5×2,5 до 7,2×6,5 см. Рабочее лезвие в 22 случаях расположено на одной из сторон черепка; в 14 — на двух, и у 4 предметов использовался весь периметр (рис. 3). Кромка рабочего лезвия, как и на орудиях из городища Карагай-Аул 1, в плане преимущественно дугообразная (рис. 3, 1, 9–11), у 5 предметов — прямая (рис. 3, 2, 10, 12). У 34 инструментов рельеф рабочего лезвия прямой (рис. 3, 1, 3–12), у 9 — волнистый (рис. 3, 2). По характеристике поперечного сечения кромки рабочего лезвия выделяется три группы: кромка скошена на внешнюю сторону черепка — 17 экз (рис. 3, 1–3, 5, 9, 12); п-образная, скругленная — 19 (рис. 3, 4, 6–8, 10–12); переменное поперечное сечение зафиксировано в 7 случаях.

В целом, изучение внешних параметров скребковидных орудий показало, что их максимальная высота — 6,5 см, ширина — 8,5 см. Соответственно при выборе фрагмента керамики для вторичного использования важным было, чтобы он помещался в руку и его было удобно удерживать. Минимальные размеры 2,5×1,5 см. Можно отметить, что какой-то закономерности по внешним признакам не выявлено.

Следующим этапом исследования стала фиксация следов сработанности и выявление возможной их корреляции с внешними параметрами скребковидных орудий из обломков посуды. Установлено, что признаки использования локализуются на рабочем лезвии, а в том случае, если его кромка скошена и заходит на одну из сторон, то фиксируются и на ней. На большей части рассматриваемых инструментов признаки использования схожи, отличается лишь степень их выраженности. При этом разная степень выраженности может фиксироваться на одном орудии.

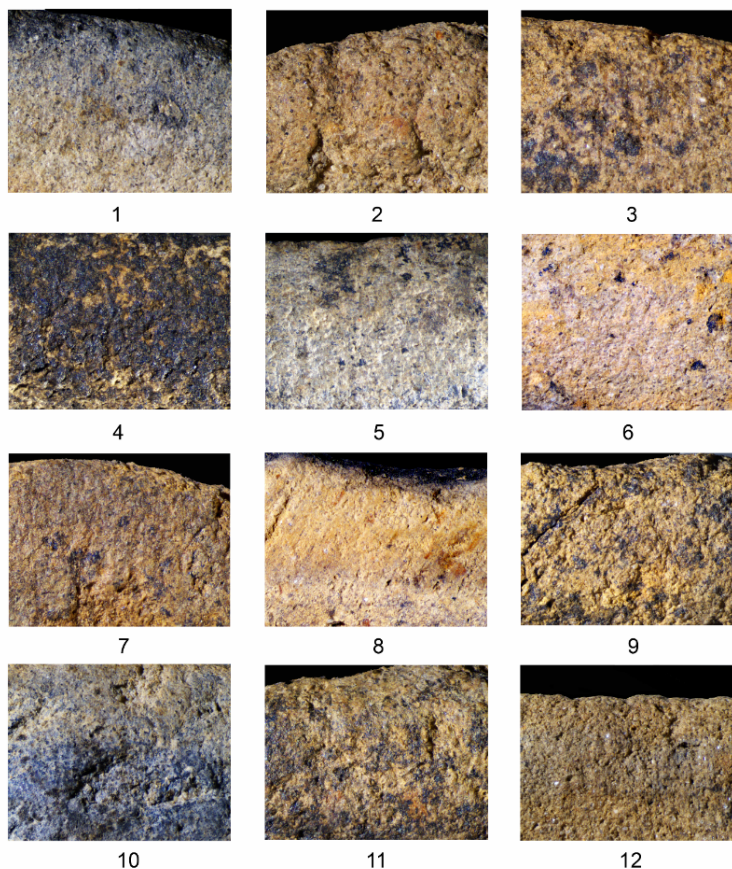

Рис. 4. Микрофото следов сработанности на рабочих лезвиях скребковидных керамических инструментов городища Карагай Аул 1 (увеличение ×20). Номер фото соответствует позиции предмета на рис. 2.

Fig. 4. Microphotograph of wear marks on the working blades of scraper-shaped ceramic tools from the Karagai Aul 1 site (magnification ×20). The photo number corresponds to the item's position in fig. 2.

В результате зафиксировано, что на предметах со скругленным в плане и сечении лезвием, имеющем сглаженный рельеф и плавный переход к нерабочим участкам, следы сработанности

чаще представлены тонкими параллельными друг другу частыми рисками, расположенными перпендикулярно кромке или под небольшим углом к ней. На микроуровне отмечаются отдельные выступающие песчинки, поверхность которых окатана или чуть уплощена; яркая, прозрачная, непрозрачная в микрорельеф заполировка, которая присутствует на выступающих участках поверхности и имеет разную площадь локализации (напр., рис. 4, 1, 2, 9–11; 5, 1, 3, 4, 6, 9, 10). В ряде случаев кромка лезвия с аналогичным блоком следов сопровождается более ровным, как будто уплотненным рельефом, выступающие песчинки сильнее уплощены (например, рис. 4, 7, 12). При совпадении других признаков, на нескольких экземплярах линейные следы более глубокие, широкие и разреженные, похожи на короткие царапины (напр., рис. 4, 3, 6; 5, 5). Для предметов с п-образной в сечении кромкой, имеющих четкий переход к нерабочему участку и отличающихся выровненностью, уплощенностью рельефа, линейные следы представлены параллельными друг другу короткими бороздками, отмечаются пятна истертости и заполировка на них (напр., рис. 4, 5; 5, 2).

Выделяется небольшая группа предметов (на городище Карагай Аул 1 — 4 экз.; Вак-Кур 2 — 2 экз.), рабочая кромка которых имеет четкий, приостренный переход к нерабочей зоне, отмечается истертость поверхности; на микроуровне — выровненность, уплощенность компонентов сырья и включений формовочной массы, глубокие, короткие, хорошо заметные даже невооруженным глазом царапины, идущие под небольшим углом к кромке лезвия, тусклая, точечная заполировка отдельных выступающих участков (рис. 4, 5). Еще на 4 предметах с гор. Карагай Аул 1 отмечаются истертость кромки, заполировка, но линейные следы отсутствуют (напр., рис. 4, 4; 5, 11, 12).

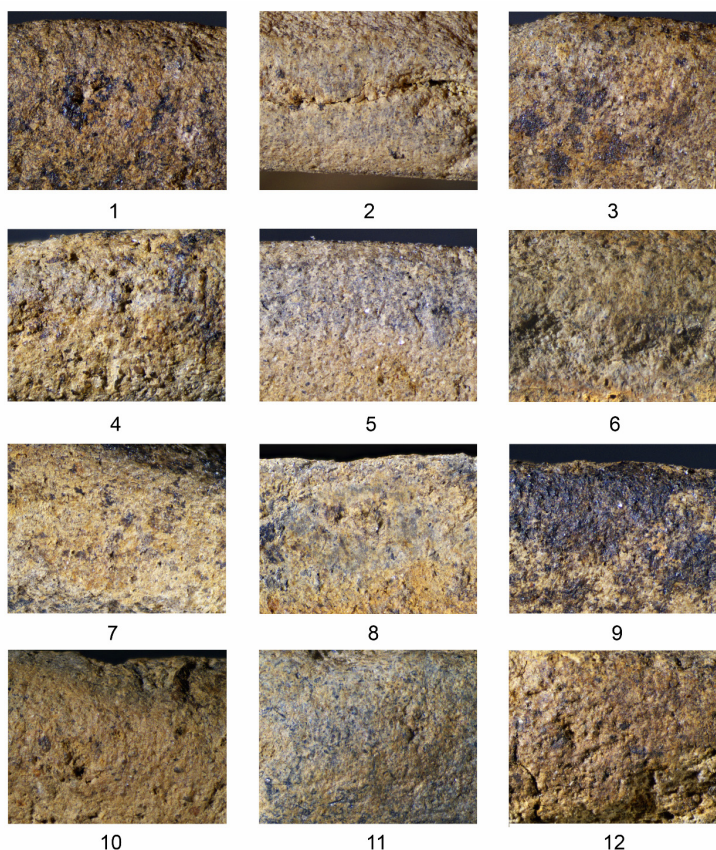

Рис. 5. Микрофото следов сработанности на рабочих лезвиях скребковидных керамических инструментов городища Вак-Кур 2 (увеличение $\times 20$). Номер фото соответствует позиции предмета на рис. 3.

Fig. 5. Microphotograph of wear marks on the working blades of scraper-shaped ceramic tools from the Vak-Kur 2 site (magnification $\times 20$). The photo number corresponds to the item's position in fig. 3.

Один и тот же блок следов сработанности может присутствовать на разной в плане и сечении кромке лезвия, варьируют выраженность линейных следов и степень уплощенности отдельных участков рабочего лезвия. При этом вариативность может фиксироваться даже на одном предмете. В целом, с учетом морфологической характеристики кромки рабочего лезвия и следов сработанно-

Функциональное назначение орудий из обломков посуды...

сти на ней, достаточно условно можно выделить три группы рассматриваемых предметов: 1) скругленная/скошенная в сечении кромка, тонкие частые линейные следы разной степени выраженности, непроникающая в микрорельеф заполировка; 2) п-образная в сечении кромка, выровненность и истертость отдельных участков, линейные следы — короткие, более широкие отрезки, непроникающая в микрорельеф заполировка; 3) четкий переход к нерабочей зоне, истертость, нивелировка выступающих участков, глубокие царапины, тусклая заполировка.

Результаты экспериментальных работ

Для определения функционального назначения фрагментов посуды с признаками вторичного использования с укрепленного поселения Марай 4 ранее была проведена серия экспериментальных работ: мездрение шкуры, волососгонка, заточка медной и бронзовой пластин, скобление древесины, выравнивание и уплотнение поверхности глиняных емкостей [Костомарова, 2022]. В результате было установлено, что большая часть скребковидных орудий с этого памятника использовалась в гончарном производстве. В целом, по признакам сработанности аналогичные предметы с городищ Карагай Аул 1 и Вак-Кур 2 также соотносятся с эталонами, задействованными в этой отрасли.

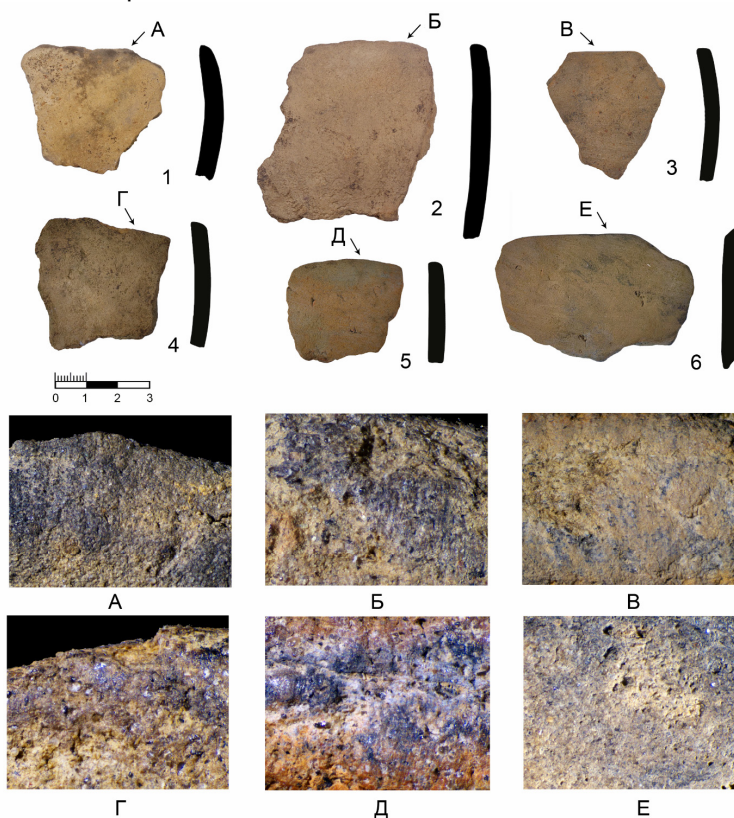

Рис. 6. Экспериментальные орудия из обломков посуды и микрофото следов сработанности на их рабочих лезвиях (увеличение $\times 20$):

1–3 — орудия для обработки поверхности посуды; 4 — орудие для полировки кости; 5 — орудие для полировки дерева; 6 — фрагмент керамики с подработанной на абразиве боковой гранью.

Fig. 6. Experimental tools from fragments of pottery, and microphotographs of wear marks on their working blades (magnification $\times 20$):

(1–3 — tools for processing the surface of pottery; 4 — tool for abrasive processing of bone; 5 — tool for abrasive processing of wood; 6 — fragment of ceramics with a side edge worked with an abrasive.

Для верификации следов сработанности имеющиеся эксперименты были дополнены новой серией. В качестве орудий использованы фрагменты посуды восточного варианта иткульской культуры непосредственно с рассматриваемых памятников. Визуально они характеризуются запесоченностью формовочной массы, что подтверждается результатами технико-технологического анализа керамики восточного варианта иткульской культуры с других поселений [Илюшина, 2018, с. 109]. Отличаются небольшой толщиной — в среднем 0,5 см, реже 0,6–0,7 см. Эти факторы влияют на

физические свойства сырья и, соответственно, могут отражаться на следах сработанности. В ходе проведения экспериментальных работ ставилась задача получить эталоны со следами использования от обработки поверхности глиняной посуды, полировки кости и дерева (рис. 6).

Для проведения эксперимента была изготовлена емкость из природной глины, шамота и песка высотой 6 см с диаметром венчика 9,5 см, дна — 6,1 см. В качестве инструментов использовано три фрагмента керамики восточного варианта иткульской культуры.

Орудием № 1 (фрагмент керамики трапецевидной формы размерами 3,8×4,2×0,4 см) осуществлялось выравнивание стенок сосуда по влажной поверхности. Для этого по телу емкости инструментом производились поглаживающие однонаправленные движения, при этом он находился под углом 45° и меньше к обрабатываемой поверхности (время — 30 мин): так стенки сосуда получались более ровными. В результате рабочая кромка скребковидного орудия приобрела в плане сглаженные волнистые, как будто слегка замытые очертания, в продольном сечении стала скошенной на внешнюю сторону. Четкая граница между рабочей и нерабочей зонами отсутствует. Следы сработанности отмечаются на кромке лезвия и на внешней стороне. Они представлены тонкими, короткими, частыми параллельными друг другу линейными следами; элементы формовочной массы приобрели более окатанные очертания (рис. 6, 1, А).

Инструменты № 2 (фрагмент керамики прямоугольных очертаний размерами 5,5×4,6×0,4 см) и *№ 3* (фрагмент керамики треугольной формы размерами 4×4,3×0,4 см, его рабочее лезвие было предварительно выровнено с помощью каменного абразива) использовались для выравнивания, уплотнения, устранения трещин подсушенной в течение часа (*№ 2*) и двух часов (*№ 3*) емкости. Осуществлялись аналогичные первому эксперименту манипуляции (время — 20 и 15 мин соответственно). Рабочая кромка инструмента *№ 2* приобрела более ровные в плане очертания и переменное продольное сечение — на большей части она чуть скошена на внешнюю сторону черепка, ближе к одному краю — п-образная (рис. 6, 2). Граница между рабочим и нерабочим участками более четкая. Следы сработанности представлены короткими параллельными друг другу рисками и точечной, прозрачной заполировкой (рис. 6, Б). Эти признаки отмечены на выступающих участках рабочего лезвия. На инструменте *№ 3* от абразивной обработки фиксируется уплотненность частиц, составляющих формовочную массу. Их покрывает точечная, прозрачная, непроникающая в микрорельеф заполировка, линейные следы не зафиксированы (рис. 6, В). При этом поверхность сосуда была более ровная.

Поскольку большая часть археологических орудий имела в плане ровную кромку, что соотносится с уже имеющимися эталонами для обработки посуды с предварительно выровненной на абразиве рабочей кромкой, была поставлена задача выявить следы абразивной подправки на скребковидных керамических инструментах городищ Карагай Аул 1 и Вак-Кур 2. Для этого *фрагмент керамики № 4* прямоугольной в плане формы размерами 6,3×4,3×0,6 см с одной из сторон в течение 3 минут был выровнен с помощью песчаникового абразива (рис. 6, 6). В результате на боковой грани снивелированы неровности, она стала плоской, в продольном сечении скошенной на внутреннюю сторону черепка. На микроуровне отмечаются уплотненность частиц формовочной массы, уплотненность, отдельные глубокие бороздки разной длины, расположенные под углом к кромке лезвия. Заполировка отсутствует (рис. 6, Е).

Инструментом № 5, для которого использован фрагмент сосуда прямоугольной формы размерами 3,5×3,4×0,4 см производилась полировка поверхности деревянной рукояти (время — 20 мин) (рис. 6, 5). Кромкой орудия осуществлялись возвратные движения, при этом обломок керамики располагался почти под прямым углом к обрабатываемой поверхности. В работе была задействована кромка по всей ширине. В результате происходит выравнивание выступающих участков рабочей поверхности инструмента, на них образуются насыщенная (с «мокрым» эффектом), прозрачная, плотная заполировка и линейные следы — четкие, широкие, короткие параллельные друг другу бороздки (рис. 6, Д). Поверхность деревянной рукояти стала гладкой и блестящей.

Инструментом № 6 (фрагмент керамики трапецевидной формы размерами 5×4,1×0,4 см) осуществлялась полировка расколотой пополам трубчатой кости шириной 3,5 см (время — 20 мин) (рис. 6, 4). Кинематика движения орудия аналогична предыдущему эксперименту. В работе задействована только центральная часть рабочего лезвия. Первоначально выступающие участки рабочего лезвия стали выравниваться, начала формироваться тусклая, мерцающая, прозрачная заполировка, однако впоследствии при нажатии они начали выкрашиваться (рис. 6, Г). Затем лезвие стабилизировалось, но в месте соприкосновения с обрабатываемой поверхностью оформилась выемка. Поверхность костяного предмета не выравнивалась, но становилась гладкой, приобрела более светлый оттенок и яркий блеск.

Функциональное назначение орудий из обломков посуды...

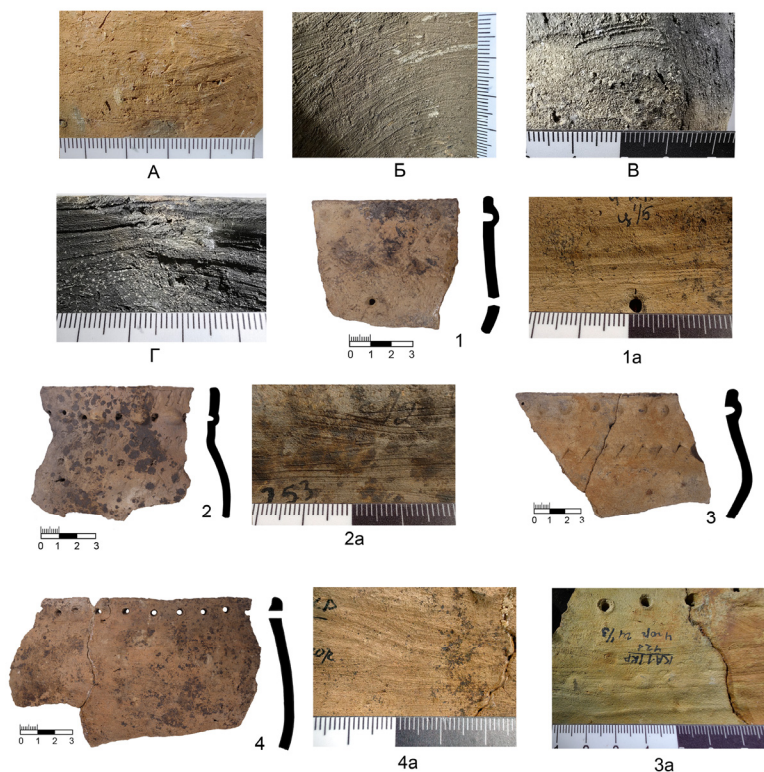

Рис. 7. Фото со следами обработки поверхности экспериментальных глиняных емкостей и сосудов из городищ Карагай Аул 1 (1, 1а) и Вак-Кур 2 (2–4, 2а–4а):
 А, Б — фрагмент керамики с выровненным на абразиве рабочим лезвием; В, Г — фрагмент керамики без подработки.
Fig. 7. Photographs with traces of surface treatment of experimental clay containers, and vessels from the Karagai Aul 1 (1, 1a) and Vak-Kur 2 (2–5, 2a–5a) sites:
 А, Б — fragment of ceramics with a working blade leveled on an abrasive; В, Г — fragment of ceramics without treatment.

Таким образом, имеющаяся коллекция экспериментальных эталонов для изучения признаков вторичного использования фрагментов посуды была дополнена шестью единицами. Зафиксированы отличительные признаки на рабочем лезвии скребковидных керамических инструментов, оставшиеся от обработки глиняной поверхности, кости и дерева. Кроме того, получены эталоны глиняной поверхности после ее выравнивания и уплотнения рассматриваемыми орудиями. Если рабочая кромка инструмента перед использованием была выровнена с помощью абразива, то от заглаживания остаются неглубокие ложбинки шириной примерно до 0,5 см, они накладываются друг на друга или пересекаются. Внутри присутствуют равномерные тонкие продольные полосы, которые могут отличаться по глубине. Граница начала и конца работы инструментом смазанная либо не фиксируется (рис. 7, А, Б). При использовании орудия без подработки на поверхности сосуда отмечаются более четкие бороздки разной глубины и ширины, с рваными краями, фиксируются излишки глиняной массы по краям (рис. 7, В, Г).

Обсуждение результатов и заключение

Сравнение признаков использования на экспериментальных и археологических орудиях с городищ Карагай Аул 1 и Вак Кур 2 показало, что большая часть последних (54 и 41 экз. соответственно) имеет наибольшее сходство с группой эталонов, использовавшихся в процессе выравнивания, уплотнения, заглаживания трещин поверхности глиняной посуды. При этом разница в следах износа: выраженность линейных следов, заполировки, степени уплотненности частиц формовочной массы, как показали эксперименты, может объясняться разной степенью просушки сосуда, что влияет на твердость обрабатываемого сырья. При этом отмечается предварительное выравнивание рабочего лезвия инструментов с помощью абразива. Таким образом, скорректирован вывод о функциональном назначении рассматриваемой категории инструментов. Значительная серия керамических скребковидных инструментов из городища Карагай Аул 1 и Вак Кур 2 оказалась связана с керамическим, а не с кожевенным производством, как

считалось ранее [Зими́на, Ско́чина, 2002]. Как и на укрепленном поселении Марай 4, планиграфически обломки посуды со следами сработанности соотносятся с границами сооружений [Там же, с. 173; Зими́на, Зах, 2009, с.173; Костомарова, 2022].

С целью выявления признаков использования орудий из обломков посуды и тем самым верификации полученных с помощью экспериментально-трассологического изучения выводов была просмотрена внутренняя и внешняя поверхность крупных сосудов из городищ. В данном случае задачи изучить весь керамический комплекс на предмет обработки поверхности не ставилась, поскольку это тема отдельного большого исследования соответствующими специалистами. Выборка составила порядка 30 сосудов. В результате на 7 емкостях из городища Карагай Аул 1 и на 8 из городища Вак-Кур 2 были зафиксированы признаки, соответствующие экспериментальным образцам глиняной поверхности (рис. 7, 8). Несомненно, для более обоснованных выводов по данному вопросу требуется проведение технико-технологического анализа.

Небольшая группа обломков посуды со следами сработанности с выровненной рабочей кромкой из городищ Карагай Аул 1 и Вак Кур 2 пока остается неатрибутированной (рис. 2, 8, 6; 5, 8, 6). На данный момент аналогии в эталонной базе отсутствуют. Два из них в большей степени соотносятся с эталонами по полировке кости. Однако опровергнуть или подтвердить данное наблюдение не представляется возможным, так как сохранность костного материала на рассматриваемых памятниках неудовлетворительная.

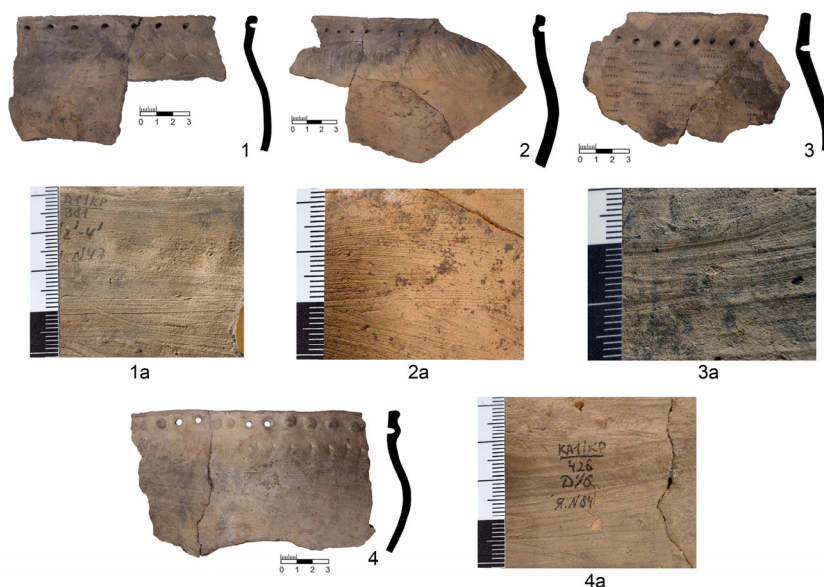

Рис. 8. Сосуды из городищ Карагай-Аул 1 (1, 2, 4), Вак-Кур 2 (3) и фото со следами обработки поверхности (1а–4а).

Fig. 8. Vessels from the Karagai-Aul 1 (1, 2, 4), Vak-Kur 2 (3) sites and photos with traces of surface treatment (1a–4a).

Поиск аналогий рассматриваемому орудийному комплексу показал, что, в целом, вторичное использование обломков посуды — традиция, распространенная широко хронологически и территориально (напр.: [Скакун, 1977; Семенов, Коробкова, 1983, с. 187–188; Пряхин, 1996; Боро́довский, 1996; Шаманаев, Зырянова, 1998; Lopez Varela и др., 2002; Сериков, 2011, 2014; Мо́лодин и др., 2012 и др.]), но именно в переходное от бронзы к железу время и особенно на начальном этапе раннего железного века на некоторых памятниках Притоболья и Приишимья зафиксировано применение подобных инструментов в гончарном производстве. Так, в частично синхронных материалах поселения Мергень 6 (лесостепное Приишимье) с преобладанием красноозерского комплекса (VIII–VII до н.э.) [Зими́на, 2025, с. 82] всего выявлено 15 скребковидных инструментов, из которых с керамическим производством связано 4, а 6 — с обработкой шкуры, 2 — с обработкой деревянной поверхности, остальные не атрибутированы. Также более разнообразная функциональная принадлежность скребковидных орудий отмечается в журавлевских материалах городища Борки 1 (Нижнее Приишимье, VII–VI вв. до н.э.). Большая часть фрагментов керамики с признаками вторичного использования этого памятника соотносится с обработкой шкуры [Костомарова, 2018], однако, по уточненным данным, в коллекции имеются

4 предмета, связанных с керамическим производством. Эти сведения соотносятся с результатами технико-технологического анализа журавлевской керамики городища Борки 1, показавшего, что поверхность сосудов преимущественно обрабатывалась деревянными инструментами [Илюшина, 2018]. Значительное количество фрагментов керамики со следами вторичного использования выявлено на укрепленном поселении Марай 4 (лесостепное Приишимье, VII–V вв. до н.э.), керамический комплекс которого сочетает баитовские и журавлевские черты [Илюшина и др., 2019]. Установлено, что обломки посуды этого памятника использовались для обработки поверхности глиняных сосудов [Костомарова, 2022]. Типологически рассматриваемые инструменты выделены на баитовских и саргатских памятниках Притоболья (напр.: Цембалюк, 2017, с. 78–79; Матвеева и др., 2008, с. 136). Однако без проведения экспериментально-трассологического анализа однозначно связывать их с изготовлением посуды нет оснований. Отметим, что в синхронных материалах Прииртышья, относящихся к разным этапам богочановской культуры, подобные инструменты не упоминаются [Данченко, 1996, с. 36–37]. Следовательно, на данном этапе отмечается факт, что навык использования в гончарном производстве обломков посуды в переходное от бронзы к железу время и на начальном этапе раннего железного века фиксируется в Притоболье и Приишимье.

Таким образом, в материалах городищ Карагай Аул 1 и Вак-Кур 2 восточного варианта иткульской культуры (вторая половина VII — VI в. до н.э.) выявлен набор инструментов, связанный с гончарным производством. Несмотря на неоспоримый факт его наличия, орудия, связанные с этим видом деятельности, были неизвестны. Теперь эту лакуну можно частично заполнить благодаря полученным результатам экспериментально-трассологического изучения обломков посуды. В рамках этой культуры традиция обработки поверхности глиняных емкостей обломками посуды была устойчивой: рассмотренные памятники принадлежат к разным хронологическим этапам культуры (городище Карагай Аул 1 относится ко второму, карагай-аульскому этапу и датируется VII в. до н.э.; городище Вак-Кур 2 — к следующему, вак-куровскому этапу и датируется VI в. до н.э. [Зими́на, Зах, 2009, с. 202]). Для более обоснованных выводов необходимо экспериментально-трассологическое изучение материалов других памятников не только иткульской, но и баитовской и саргатской культур раннего железного века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бородавский А.П.* Вторичное использование керамических фрагментов в Западносибирской лесостепи эпохи палеометалла (фактология и эксперимент) // Керамика как исторический источник. Тобольск: ТГПУ, 1996. С. 49–53.
- Бородавский А.П.* Керамические скребки для обработки кожи из ирменского поселения Милованово-3 // Древности Алтая. 2002. № 8. С. 28–36.
- Данченко Е.М.* Южнотаежное Прииртышье в середине-второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.
- Зими́на О.Ю.* Комплекс материалов переходного времени от бронзового к раннему железному веку поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (Западная Сибирь) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2025. № 24 (3). С. 71–87. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-3-71-87>
- Зими́на О.Ю., Скочина С.Н.* О назначении керамических орудий поселения раннего железного века Вак-Кур-2 // Северный археологический конгресс: Тез. докл. (9–14 сент. 2002 г.). Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 225–227.
- Зими́на О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболья на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Илюшина В.В.* Журавлевский керамический комплекс раннего этапа эпохи железа городища Борки 1 (по результатам работ 2012–2014 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3. С. 42–52. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-041-052>
- Илюшина В.В.* Технология изготовления керамики у населения восточного варианта иткульской культуры поселений в Андреевской озерной системе // Человек и Север: Антропология, Археология, Экология. Тюмень: ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 107–112.
- Илюшина В.В., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Кисагулов А.В.* Комплекс укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века лесостепного Приишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3. С. 29–47. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-46-3-029-047>
- Костомарова Ю.В.* Инвентарный комплекс журавлевского населения Нижнего Приишимья (по материалам исследований 2012–2014 гг. городища Борки 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 51–61. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-051-060>
- Костомарова Ю.В.* Опыт экспериментально-трассологического изучения орудий из обломков керамики (по материалам укрепленного поселения Марай 4) // Вестник археологии и этнографии. 2022. № 4. С. 105–117. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-59-4-9>

- Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Вторичное использование фрагментов керамики на поселении кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 7: Археология и этнография. С. 91–109.
- Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. Кн. 2. 176 с.
- Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств (мезолит — энеолит). Л.: Наука. 1983. 255 с.
- Сериков Ю.Б. Использование фрагментов керамики в хозяйстве и ритуале // Твер. археол. сборник. Вып. 8. Т. 1. Тверь, 2011. С. 11–31.
- Сериков Ю.Б. Керамические и каменные орудия для обработки поверхности глиняных сосудов // Вестник Перм. ун-та. Вып. 1 (24). 2014. С. 5–14.
- Скаун Н.Н. Экспериментально-трассологические исследования керамических орудий труда эпохи палеометалла // СА. 1977. № 1. С. 264–268.
- Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Вторичное использование фрагментов керамики населением ташковской культуры (по материалам археологических находок и экспериментов) // ВАН. 1998. Вып. 23. С. 196–204.
- Lopez Varela S.L., van Gijn A., Jacobs L. De-mystifying Pottery Production in the Maya Lowlands: Detection of Traces of Use-Wear on Pottery Sherds through Microscopic Analysis and Experimental Replication // Journal of Archaeological Science. 2002. № 29. С. 1133–1147.

ИСТОЧНИКИ

Цембалюк С.И. Баитовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Притоболье: Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2017.

Kostomarova Yu.V.

Tyumen Scientific Centre SB RAS, jvkostomarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5053-8464>

The functional purpose of tools manufactured from pottery fragments at sites associated with the Eastern Variant of the Itkul Culture in the Lower Tobol region

Summary. This paper presents the findings of an experimental traceological study of pottery fragments exhibiting evidence of secondary use, recovered from settlements attributed to the Eastern Variant of the Itkul Culture: Karagai Aul 1 (n = 58) and Vak-Kur 2 (n = 43). These sites are located in the Lower Tobol region (Western Siberia) and date to the second half of the 7th — 6th century BC. Wear traces were documented on the studied artifacts. To attribute these wear patterns, experimental work was conducted, simulating the use of ceramic fragments for the processing of bone, wood, and ceramic vessels on both wet and slightly dried surfaces. Distinctive features were identified on the working edges of the resulting scraper-like ceramic tools. A comparative analysis of the experimental dataset and archaeological series indicates that most of the tools fashioned from ceramic fragments at these sites were employed in pottery production, specifically for smoothing, compacting surfaces, and repairing cracks in clay vessels. Moreover, the working edges of these tools were predominantly smoothed, exhibiting evidence of abrasive processing. The character of this treatment, as well as wear traces, depended on the degree of moisture level of the clay surface. Thus, the assemblages from the Karagai Aul 1 and Vak-Kur 2 sites — despite differences in their chronological positioning — attest to a consistent tradition involving the use of scraper-like ceramic tools for the finishing of pottery surfaces.

Keywords: Lower Tobol region, Eastern Variant of the Itkul Culture, fragments of pottery, secondary use, experimental trace analysis.

Funding. The research was carried by within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. 126022618029-1).

REFERENCES

- Borodovskii, A.P. (1996). Reuse of pottery fragments in the West Siberian forest-steppe of the Paleometal period (facts and experiment). In: I.G. Glushkov (Ed.). *Keramika kak istoricheskii istochnik*. Tobol'sk: Tobol'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 49–53. (Rus.).
- Borodovskii, A.P. (2002). Ceramic scrapers for skin treatment on the Irmen settlement Milovanovo-3. *Drevnosti Altaia*, (8), 28–36. (Rus.).
- Danchenko E.M. (1996). Southern taiga of Irtysh basin in the middle-the second half of I thousand BC. Omsk: Izdatel'stvo OmGPU. (Rus.).
- Iliushina, V.V. (2018). The Zhuravlevo ceramic complex of the early Iron Age at the Borki 1 settlement (based on the results of work in 2012–2014). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 42–52. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-041-052>

- Iliushina, V.V. (2018). Ceramic production technology among the population of the eastern variant of the Itkul culture of settlements in the Andreevskaya lake system. In: A.N. Bagashev (Ed.). *Chelovek i Sever: Antropologiya, Arkheologiya, Ekologiya*, (4). Tyumen': Tyumenskiy nauchnyy tsentr SO RAN, 107–112. (Rus.).
- Iliushina, V.V., Zakh, V.A., En'shin, D.N., Tigeeva, E.V., Kisagulov, A.V. (2019). The complex of Maray 4 the fortified settlement in the forest-steppe region of Ishim area (beginning of the Early Iron Age). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 29–47. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-46-3-029-047>.
- Kostomarov, Iu.V. (2018). Inventory complex of the Zhuravlevo population of the Lower Ishim region (based on research materials from 2012–2014 at the Borki 1 settlement). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 51–61. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-051-060>
- Kostomarov, Iu.V. (2022). Experimental traceological study of tools from ceramic fragments (based on materials from the fortified settlement of Marai 4). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 105–117. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-59-4-9>
- Matveeva, N.P., Berlina, S.V., Rafikova, T.N. (2008). *Kolovskoye settlement*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Molodin, V.I., Myl'nikova, L.N., Nesterova, M.S. (2012). Reuse of pottery fragments on the settlement Krotovo cultures Vengerovo-2 site (Baraba forest-steppe). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*, 11 (7), 91–109. (Rus.).
- Priakhin, A.D. (1996). *Mosolovo settlement of metallurg-foundry of the Late Bronze Age, Book 2*, Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Semenov, S.A., Korobkova, G.F. (1983). *Technology of ancient production (Mesolithic-Eneolithic)*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Serikov, Y.B. (2011). The use of pottery fragments in household and ritual. In: *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*, (8), 11–31. (Rus.).
- Serikov, Y.B. (2014). Ceramic and stone tools for surface treatment of clay vessels. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya*, 24(1), 5–14. (Rus.).
- Shamanaev, A.V., Zyrianova, S.Iu. (1998). Reuse of pottery fragments of the population Tashkovo culture (on materials of archaeological finds and experiments). *Voprosy arkheologii Urala*, (23), 196–204. (Rus.).
- Skakun, N.N. (1977). Use-wear analysis of ceramic tools in the era of paleometal. *Sovetskaya arkheologiya*, (1), 264–268. (Rus.).
- Zimina, O.Yu. (2025). A Complex from Mergen 6 Settlement (Lower Ishim River Region, Western Siberia) Attributed to the Transitional Period from the Bronze Age to the Early Iron Age. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*, 24(3), 71–87. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-3-71-87>
- Zimina, O.Yu., Skochina, S.N. (2002). About appointment of ceramic tools of the settlement of the Early Iron Age Vak-Kur-2. *Severnyi arkheologicheskii kongress: Tezisy dokladov (9–14 sentyabrya 2002 goda)*. Khanty-Mansiik; Ekaterinburg: Akademkniga, 225–227. (Rus.).
- Zimina, O.Yu., Zakh, V.A. (2009). *Lower Tobol region at the turn of the Bronze and Iron Ages*. Novosibirsk: Nauka, 232. (Rus.).

© Костомарова Ю.В., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 16.04.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Информация об авторе: Костомарова Юлия Валерьевна, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия.

About the author: Kostomarov, Yuliya V., Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russia.

Бейсенов А.З.^{1*}, Косинцев П.А.², Шашенов Д.Т.³¹ Институт археологии им. А.Х. Маргулана, azbeisenov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2524-264X>² Институт экологии растений и животных УрО РАН, kpa@ipae.uran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0973-7426>³ Карагандинский областной историко-краеведческий музей, darkhan_57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4791-4673>

ЗИМОВКА ЖИЕНБАЙ У ГОРЫ ЕРЕЙМЕНТАУ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТНОАРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ

Аннотация. В ходе раскопок поселения Жиенбай (Ерейментауский р-н Акмолинской обл. РК) найдено 955 костей животных, из которых определена 551. Важной особенностью поселения оказалось явное преобладание КРС в составе стада — 45 % от общего числа костей. В коллекции присутствуют остатки костей новорожденных особей крупного и мелкого рогатого скота, что указывает на обитание людей на поселении в конце зимы — весной. Костные остатки свидетельствуют, что это типичное зимне-весеннее поселение скотоводов (зимовка). На основании сведений арабиграфичной надписи на каменном надгробии близ зимовки удалось связать этноархеологический памятник с исторической зимовкой, обследованной в конце XIX в. экспедицией Ф.А. Щербины. На основании материалов археологических раскопок, данных историко-этнографических исследований и результатов радиоуглеродных анализов поселение Жиенбай датируется второй половиной XIX — началом XX в.

Ключевые слова: зимовка Жиенбай, гора Ерейментау, Северный Казахстан, археологические раскопки, этноархеозоологическое исследование, надгробие с арабиграфичной надписью, материалы экспедиции Ф. Щербины, радиоуглеродные даты.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, ИРН проекта AP23490379.

Цитирование: Бейсенов А.З., Косинцев П.А., Шашенов Д.Т. Зимовка Жиенбай у горы Ерейментау: результаты этноархеозоологического исследования, вопросы датировки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 100–115. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-8>

Введение

Этноархеологические и этноархеозоологические исследования в мире широко развернулись с 1970-х гг. Изучение этноархеологических объектов на территории Казахстана также имеет свою историю (сводку см.: [Ажигали, Турганбаева, 2021; Шашенов, Бейсенов, 2023; Бейсенов, 2026]). Первые данные по этноархеозоологии Казахстана были опубликованы в 1993 г. [Гайдученко, 1993]. В настоящее время вновь начинают появляться публикации об исследованиях в данном направлении [Шагырбаев и др., 2022].

Поселение Жиенбай расположено на территории современного Ерейментауского района Акмолинской области Республики Казахстан. Руины зимнего аула, подвергшиеся археологическим раскопкам [Шашенов, Есен, 2026] летом 2025 г., находятся в 12 км к юго-востоку от г. Ерейментау, административного центра района, на подножии хребта, составляющего главный участок Ерейментауской горной системы, вытянутого в меридиональном направлении. Большая, северная часть этой горной системы находится на территории одноименного района Акмолинской области, несколько меньшая, южная — на территории Сарыбельского района Карагандинской области. В 13 км к северо-востоку от Жиенбая лежит пресноводное озеро Коржынколь, давшее название местной административно-территориальной единице в царскую эпоху — Коржынкульской волости Акмолинского уезда Акмолинской области [Материалы..., 1907].

На расстоянии 8 км к северу от описываемого памятника находятся руины поселения Жиенкул, исследованного в 2022 г. [Тлеугабулов, 2025] археологами Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, РК). В данном районе, северо-восточнее Жиенбая, расположено еще два памятника — поселения Койтас и Акылбек (рис. 1). Жиенбай и Жиенкул исследованы археологическими раскопками. Анализ остеологических данных выполнен пока только в отношении поселения Жиенбай, результаты его рассматриваются в настоящей публикации. Два остальных поселения, Койтас и Акылбек, обследованы в полевом сезоне 2025 г.,

* Corresponding author.

полномасштабные раскопки еще не проводились. По материалам из шурфов, заложенных на обоих памятниках, получены радиоуглеродные даты. Все четыре поселения по своим особенностям близки друг к другу хронологически (см. далее).

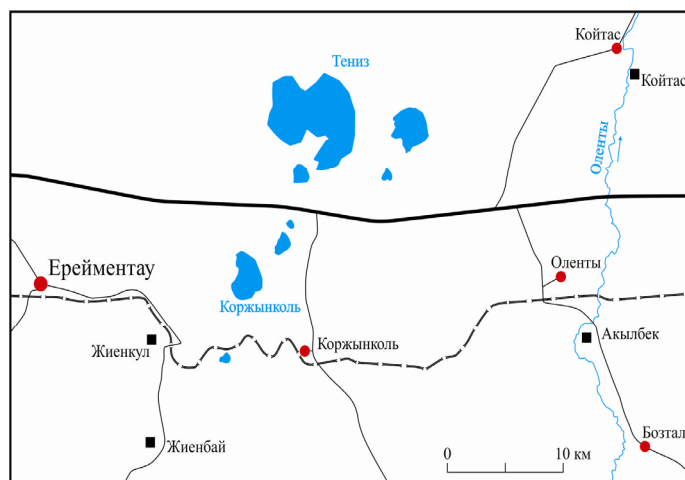

Рис. 1. Карта расположения поселений Жиенбай, Жиенкул, Койтас и Акылбек.

Fig. 1. Map of the location of the sites Zhienbay, Zhenkul, Koytas and Akylbek.

Ерейментауский горный район относится к территории Казахского мелкосопочника. В геоморфологическом отношении расположен на северном скате главного водораздела, по оси вытянутого в широтном направлении. Ерейментау — типичное для Казахского мелкосопочника островное низкогорье. Его трехзональная структура включает собственно низкогорье (основной хребет с отрогами), мелкосопочник и равнины. Как и Баянаул, также расположенный на северном скате общего водораздела, Ерейментау характеризуется относительно крутым рельефом, т.е. «более интенсивной расчлененностью, сочетанием заостренных вершин и гребней с глубокими ущельями, крутыми скалистыми ассиметричными склонами». При этом «более крутыми, обрывистыми и скальными являются восточные склоны» [Нурманбетов, Ахиянова, 2004, с. 32–33]. Именно на восточном склоне и находится поселение Жиенбай.

Расположенное в междуречье рек Силеты и Оленты Ерейментауское островное низкогорье, вытянутое в меридиональном направлении, имеет длину около 100 км, максимальную ширину 30 км. Абсолютная высота хребта 901 м. Климат района резкоконтинентальный. Зима холодная, малоснежная (20 см), средняя температура в январе -17°C , в июле $+20^{\circ}\text{C}$. Среднегодовой объем осадков 280–330 мм [Абдрахманов, 2004, с. 392]. Природа Ерейментау богата и разнообразна. Среди 45 видов млекопитающих особенно интересны ерейментауские архары, отделившиеся от основной популяции. Акклиматизируются в Буйратауском национальном природном заповеднике (площадь 88968 га) маралы, около 100 особей. Среди представленных здесь 227 видов птиц 13 являются «краснокнижниками». Произрастает 450 видов высокостебельных растений [Буйратау, интернет-ресурс]. Для лесных и кустарниковых участков характерны осина, береза, черная ольха. Реликтовые леса-черноольшаники являются особенностью растительного покрова именно Ерейментау и Баянаула [Рачковская, 2004, с. 72].

Поселение Жиенбай представлено руинами четырех [Шашенов, Есен, 2026, рис. 1] жилищно-хозяйственных комплексов, расположенных в виде отдельных усадеб, каждая из которых включает остатки жилого дома и каменные основания хозяйственных построек, т.е. скотных дворов. Небольшое кладбище состоит более чем из 10 каменных могил.

Всего остатков жилых домов фиксируется пять. Усадьбы №№ 1 и 2, расположенные в северной оконечности аула, включают по одному дому. Усадьба № 3 находится в центральной части поселка и включает два дома, которые были зафиксированы как №№ 3 (раскопан) и 4. Расположенная на южном краю усадьба № 4 состоит из одного дома (№ 5). Кладбище находится на расстоянии 70 м к востоку от дома № 5. Все четыре усадьбы, в которых, вероятно, проживали четыре семьи, занимают предгорный склон, протянувшийся с севера на юг на 130 м. На кладбище, сильно заросшем травой и кустами, зафиксировано единственное надгробие из гранитной плиты. Ее длина 1,3 м, ширина сверху 0,37 м, внизу — 0,33 м. Толщина плиты 0,07 м.

В районе Жиенбая отсутствуют руины каких-либо других близрасположенных поселков, нет и других кладбищ. Поэтому в том, что надпись на надгробии имеет прямое отношение к жителю рассматриваемого поселения, сомневаться не приходится.

Арабографичная надпись (прочтена А.З. Бейсеновым) сообщает сведения о человеке по имени Жармухамед, сын Ибрая, жителя Коржынкульской волости (каз. Қоржынкөл елі), рода Отемис (Канжыгалы), умершего в 1928 г. в возрасте 60 лет. К положительному результату привели поиски имени этого человека в опубликованных книгах-шежире рода Канжыгалы (средний жуз, аргыны). На основании этих сведений, а также с привлечением местных географических названий удалось связать памятник с исторической зимовкой, обследованной в конце XIX в. экспедицией Ф.А. Щербины [Бейсенов, 2026]. Это первый случай удачного сопоставления этно-археологического памятника с реальным историческим поселением казахов дореволюционной эпохи, данные о которых имеются в материалах Экспедиции по исследованию степных областей или же других аналогичных исследований тех лет, проведенных с применением этой же методики (указание имени аксакала аула, количества семей, жилых домов, названий водных источников и др.). В свою очередь, этот факт еще раз подчеркивает актуальность введения в научный оборот арабографичных текстов казахских надгробий. Особую важность для этноархеологического направления имеют надгробия, расположенные вблизи руин старых казахских поселений. Надгробие с арабографичной надписью было обнаружено в ходе разведки в мае 2025 г. Выбор поселения Жиенбай для раскопок был в первую очередь обусловлен именно наличием этого надгробия, текст на котором предварительно был прочтен уже тогда, при обнаружении камня.

Рис. 2. Раскопки поселения Жиенбай:
1, 1а — хозяйственный сектор, 2 — помещение 1; 3 — помещение 2.
Fig. 2. Excavations of the Zhienbay site:
1, 1а — sector for keeping livestock; 2 — room 1; 3 — room 2.

Летом 2025 г. на поселении Жиенбай раскопом площадью 266 м² (рис. 2) были исследованы жилой дом (№ 3), состоящий из двух помещений, и часть хозяйственных помещений (скотный двор). Помимо костей животных, на площади раскопа найдены фрагменты фарфоровой посуды заводов Кузнецовых, многочисленные железные изделия [Шашенов, Есен, 2026]. Серия железных изделий была подвергнута металлографическому анализу, результаты освещены в отдельной публикации [Бейсенов, Паничкин, 2026].

Материалы и методы

Костные остатки собраны из входящих в раскоп дернового слоя и остатков трех конструкций (рис. 2) — хозяйственного сектора («сарая»), жилого помещения 1 и жилого помещения 2 (табл. 1). Всего найдено 955 костей животных. Почти все они принадлежат млекопитающим. Птицам принадлежит 6 костей. Из костей млекопитающих 551 кость определяемая и 398 костей неопределимых.

Объем всей выборки репрезентативен, но выборки из отдельных объектов, исключая «сарай», не репрезентативны (табл. 1). Все кости происходят из культурного слоя.

Для анализа выборки костей были объединены в две группы в соответствии с особенностями сохранности: «сарай» и все остальные. Выборка костей из дернового слоя очень небольшая и при анализе была включена в выборку из постройки 1.

При описании костного материала определялись видовая принадлежность и элемент скелета; указывалось, какая часть этого элемента или целая кость; приросли или нет эпифизы (если это можно было установить); для челюстей указывалось состояние зубной системы (смена зубов). Часть костей овец (*Ovis aries*) и коз (*Capra hircus*) не определены до вида и отнесены к мелкому рогатому скоту (*Ovis et Capra*). Часть костей из-за сильной фрагментированности определить до вида не удалось и они указаны как «млекопитающие, ближе не определимые» — *Mammalia indet.* При обработке материалов неопределимые остатки на основании толщины стенок компактной части кости разделялись на две размерные группы: фрагменты с толстой компактной выделялись в группу «млекопитающие, ближе не определимые крупные» — *Mammalia indet.* крупные; фрагменты с тонкой компактной выделялись в группу «млекопитающие, ближе не определимые мелкие» — *Mammalia indet.* мелкие. Фрагменты первой группы принадлежали животным размером с крупный рогатый скот, лошадь, верблюда. Фрагменты второй группы принадлежали животным размером с мелкий рогатый скот.

Кости имеют хорошую сохранность, почти у всех костей костное вещество плотное, поверхность костей без следов выветривания. При описании характеризовалась степень раздробленности костей. Кости при анализе были разделены на «целые» и «фрагменты». В таблицах к «целым» костям отнесены все собственно целые кости; целые верхние и нижние концы и целые диафизы плечевой, лучевой, бедренной, берцовой костей и метаподий; целые суставные впадины лопатки и таза; целые зубные ряды верхних и нижних челюстей; целые тела позвонков; ребра, сохранившиеся более чем наполовину, и локтевой отросток с суставной впадиной локтевой кости. Остальные экземпляры отнесены к «фрагментам».

Рис. 3. Модификации костей: следы от орудий (A1, B2–5); следы погрызов хищниками (A1, B3); следы погрызов копытными (A2–3, B1).

Fig. 3. Bone modifications: tool marks (A1, B2–5). carnivore bite marks (A1, B3); ungulate bite marks (A2–3, B1).

Также при описании отмечались модификации костей: следы от погрызов хищниками (собакой) (рис. 3), следы от погрызов копытными [Saceres et al., 2011, 2013], следы переваривания

после прохождения через желудочно-кишечный тракт (ЖКТ) и следы воздействия огня (горелые, карбонатизированные, кальцинированные), следы от орудий и наличие патологий.

Таблица 1

Видовой состав костных остатков из раскопок поселения Жиенбай

Table 1

Species composition of bone remains from excavations at the Zhienbay site

Таксоны	Объекты				Всего
	Дерн	«Сарай»	Комната 1	Комната 2	
Крупный рогатый скот	7/2	171/9	30/4	39/4	247/19
Овца — <i>Ovis aries</i>	3/1	6/2	6/2	12/2	27/7
Коза — <i>Capra hircus</i>	0	2/1	3/1	2/1	7/3
Мелкий рогатый скот	7/2	71/5	20/3	16/2	114/12
Лошадь	7/2	111/5	15/2	15/2	148/11
Верблюд	1/1	0	0	1/1	2/2
Собака	0	0	0	2/2	2/2
Заяц	0	0	1/1	3/1	4/2
Птица	1	3	2	0	6
Mammalia indet. крупные	13	297	21	15	346
Mammalia indet. мелкие	1	42	4	5	52
Mammalia indet. всего	14	339	25	20	398

* В числителе — количество костей, в знаменателе — минимальное количество особей.

Тафономический анализ проводился по соотношению костей разных типов сохранности и модификаций. Степень раздробленности костей в выборках оценена по доле неопределимых костей (*Mammalia indet.*) от суммы всех костей. Оценено соотношение групп «млекопитающие, ближе не определяемые крупные» (*Mammalia indet. крупные*) и «млекопитающие, ближе не определяемые мелкие» (*Mammalia indet. мелкие*) от общего количества неопределимых костей (*Mammalia indet.*). Доли модифицированных костей оценены по отношению количества каждого типа модификации к общему количеству костей млекопитающих.

Проведено определение возраста гибели животных. Использована методика определения возраста по смене зубов в верхней и нижней челюстях [Silver, 1969]. Отнесение к группам «эмбрионы» и «новорожденные» проводилось на основании анализа сформированности зубной системы и костного вещества костей посткраниального скелета, т.е. по всем остаткам. Количество их экземпляров приведено суммарно в таблицах возрастного состава. Возрастной состав лошади определен по изолированным верхним и нижним щечным зубам (D/d 2–4, P/p 2–4, M/m 1–3). По степени стертости коронки зубов выделено четыре возрастных группы: молодые (до 2 лет), полувзрослые (2–5 лет), взрослые (от 5 до примерно 15 лет) и старые (старше 15 лет). Все молочные зубы отнесены к группе «молодые».

Измерение максимальной и сагиттальной длин фаланги I крупного рогатого скота производилось как измерение признаков 1 и 2 на фаланге I лошади [Eisenmann et al., 1988]. Измерение длины максимальной фаланги II крупного рогатого скота производилось как измерение признака «наибольшая длина» (GL) [Driesch, 1976]. Измерение и обозначение признаков на фаланге I лошади сделано по [Eisenmann et al., 1988]. Остальные кости измерялись по принятым методикам [Driesch, 1976; Eisenmann et al., 1988].

Результаты и обсуждение**Тафономия**

Кости в культурном слое поселения распределены дисперсно, не образуют скоплений. Степень раздробленности костей в разных объектах различается. В «сараях» она высокая: неопределимые фрагменты составляют около половины — 48 % от всех костей, а в остальных объектах она в два раза ниже — неопределимые составляют 24 %. Но небольшой объем выборки из прочих объектов не позволяет считать эти различия значимыми. Оценкой степени раздробленности костей следует считать значение, полученное для всей выборки, — 42 % (табл. 2). Следует отметить небольшую долю неопределимых остатков группы «*Mammalia indet. мелкие*» и их близкое количество во всех объектах — 12 % и 17 % от всех неопределимых костей (табл. 2). Это соответствует общей структуре костных комплексов из объектов — в них остатков мелкого рогатого скота в 3–4 раза меньше, чем остатков крупного рогатого скота и лошади (табл. 3). Это соответствие показывает, что сбор костных остатков проводился полно и не было избирательности сбора по размерам костей. Если бы такая избирательность была, то среди костей мелко-

го рогатого скота выбирались бы более крупные кости — целые и условно целые, и тогда доля неопределимых костей мелких копытных была бы непропорционально меньше доли их определенных остатков. Относительно большой процент модифицированных костей (табл. 2). Среди объектов выделяется «сарай» по количеству горелых костей — 39 % (табл. 2). Это связано с тем, что конструкция сгорела и находившиеся в слое кости обгорели.

Таблица 2

Тафономические характеристики выборок из поселения Жиенбай

Table 2

Taphonomic characteristics of samples from the Zhienbay site

	Объекты				Всего	
	«Сарай»		Прочие			
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Mammalia indet. всего	339	48	59	24	398	42
Mammalia indet. крупные	297	88	49	83	346	87
Mammalia indet. мелкие	42	12	10	17	52	13
Погрызенные хищником	19	2,7	20	7,9	39	4,1
Погрызенные копытным	23	3,3	31	12,3	54	5,7
Следы переваривания	0	0	0	0	0	0
Следы разделки	8	1,1	3	1,2	11	1,2
Горелые	273	39	1	0,4	274	28,9
Патологии	0	0	1	0,4	1	0,1

Домашние животные

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*). Этой форме принадлежит 247 костей (табл. 1). Среди них представлены почти все элементы скелета и все отделы скелета (табл. 4). Возрастной состав забитых особей представлен в табл. 4. В выборке отсутствуют молодые особи — моложе 18 месяцев. Объем выборки небольшой, отсутствие молодых указывает на выраженное молочное направление в скотоводстве. Найдены две трубчатые кости новорожденной особи. Найдены рог и два фрагмента черепа рогатых особей коров. Одна вторая фаланга имеет оксификацию связок по периметру верхнего конца.

Таблица 3

Соотношение (%) костных остатков домашних копытных из раскопок поселения Жиенбай

Table 3

Correlation (%) of bone remains of domestic ungulates from the excavations of the Zhienbay site

Таксоны	Объекты		Всего
	«Сарай»	Прочие	
Крупный рогатый скот	47	42	45
Мелкий рогатый скот	22	38	28
Лошадь	31	20	27
Кости, экз.	361	182	543

Размеры костей (мм). Рог: большой диаметр / длина по большой кривизне: 35,0/149,0. Пяточная кость: длина/ширина тела: 120,0/15,5; 121,5/17,2; -/19,1. Метатарс: ширина верхнего конца: 41,0; 42,3. Метатарс: ширина/поперечник нижнего конца: 45,3/27,1. Среднее значение наибольшей длины восьми фаланг I — 56,1 мм (табл. 6). Размеры костей не крупные. Ширина верхнего конца метакarpa не достигает минимальных значений, а длины фаланги I близки к минимальным значениям этих признаков у крупного рогатого скота Хорезма из памятников XV–XVII вв. [Цалкин, 1966, с. 112].

Мелкий рогатый скот (*Ovis aries* et *Capra hircus*). Этой домашней форме принадлежит 148 костей. Среди них представлены почти все элементы скелета и все отделы скелета (табл. 7). Определить до вида, овца или коза, оказалось возможным сравнительно небольшое количество костей. Несомненно, преобладают овцы. Козы в составе стада были единичны (табл. 1). Возрастной состав определен для 6 особей (табл. 5). Интерпретировать такую выборку сложно, но очевидно, что мелкий рогатый скот разводили для получения мяса и шерсти. Найдены одна трубчатая кость новорожденной особи. Высота в холке овец, определенная по длине таранной кости [Teichert, 1975], составляла 70 см и 83 см; определенная по метаподиям [Цалкин, 1961] — 69 см и 80 см. Размеры разных особей овец заметно различаются, что может быть связано с их принадлежностью самкам и самцам. Овцы крупные, их размеры значительно больше средних

размеров овец Древнего Хорезма, а одна особь превосходит максимальные размеры этих овец [Цалкин, 1966, с. 126].

Таблица 4

Состав элементов скелета крупного рогатого скота

Table 4

Composition of cattle skeletal elements

Элементы скелета	«Сарай»		Постройка 1		Постройка 2	
	«Целые»	Фрагменты	«Целые»	Фрагменты	«Целые»	Фрагменты
Роговые стержни	0	0	1	0	0	0
Череп мозговой	0	3	0	0	0	2
Череп лицевой	0	6	0	1	0	2
Нижняя челюсть	0	19	0	3	0	2
Зубы	0	9	0	2	1	1
Подъязычная	0	1	0	0	0	0
Атлант	0	2	0	0	0	0
Эпистрофей	1	0	0	0	0	0
Позвонки	2	12	2	2	1	3
Крестец	0	0	0	0	0	0
Грудина	0	0	0	0	0	1
Ребра	4	12	2	5	3	2
Лопатка	1	9	0	1	0	0
Таз	0	9	0	2	0	3
Плечевая	0	14	0	0	0	0
Локтевая	1	9	0	0	1	4
Лучевая	2	15	1	0	1	1
Бедренная	0	4	0	1	0	0
Большеберцовая	1	15	0	0	0	5
Коленная чашечка	1	0	0	0	1	0
Пясть	0	12	0	1	0	0
Плюсна	3	16	0	2	3	0
Грифельная	0	0	0	0	0	0
Метаподии	0	2	0	1	0	0
Пяточная	4	0	0	1	3	0
Таранная	0	0	0	0	0	0
Запястье, предплюсна	8	0	1	0	2	0
Фаланга 1	6	2	0	0	2	1
Фаланга 2	7	0	1	0	0	0
Фаланга 3	7	0	0	0	1	0
Сесамоидные	0	0	0	0	0	0

Таблица 5

Возрастной состав крупного и мелкого рогатого скота

Table 5

Age composition of large and small ruminants

Состояние зубной системы	Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот	
	Возраст (мес.)	Экз.	Возраст (мес.)	Экз.
Есть МЗ	Более 30	6	Более 24	4
Есть М2, нет МЗ	18–30	10	12–24	2
Есть М1, нет М2	6–18	0	6–12	0
Нет М1	Менее 6	0	Менее 6	0
Всего		16		6
Новорожденные, экз.	2		1	

Размеры костей овцы (мм). Таранная: длина латеральная / ширина дистальная: 30,8/23,5; 36,8/-. Метакарп: длина: 169,8. Метатарс: длина/ширина верхнего конца / ширина диафиза / ширина нижнего конца: 147,2/-/13,9/28,4; -/22,5/-/-.

Лошадь (*Equus caballus*). Этой домашней форме принадлежит 148 костей. Среди них представлены почти все элементы и все отделы скелета (табл. 8). Возраст определен у одной особи — взрослая. По имеющимся материалам определить характер использования лошадей в хозяйстве, кроме как использование в пищу, не представляется возможным. Лошади имели некрупные размеры (табл. 9), близкие к размерам лошадей Древнего Хорезма [Цалкин, 1966, с. 136]. Рост в холке составлял от 128 до 144 см.

Размеры костей (мм). Берцовая кость: ширина/поперечник нижнего конца: 72,7/44,8; 75,6/49,5. Метатарс: ширина верхнего конца / ширина нижнего конца: 48,6/-; -/46,4. Фаланга II, передняя: длина наибольшая (GL) / длина сагиттальная / ширина диафиза (SD) / ширина верхнего конца (Bp) / ширина нижнего конца (Bd): 44,0/34,0/41,6/47,2/47,0.

Таблица 6

Размеры фаланги I и фаланги II крупного рогатого скота, мм

Table 6

Dimensions of phalanx I and phalanx II of cattle, mm

Кость	Признаки		
	Длина максимальная	Длина сагиттальная	Ширина диафиза
Фаланга I передняя			
1	53,4	44,9	21,8
2	54,0	46,2	22,4
3	55,2	47,3	23,3
4	59,2	53,0	22,5
Фаланга I задняя			
1	55,9	46,2	20,9
2	56,5	48,3	19,8
3	57,2	46,4	20,4
4	57,4	48,5	20,5
Фаланга II			
1	33,1	30,2	19,4
2	33,3	30,9	19,9
3	33,8	31,1	19,9
4	34,1	32,7	18,8
5	34,2	32,0	18,7
6	34,6	33,0	19,0
7	35,2	33,7	20,0

Верблюд (*Camelus bactrianus*). Найдено две кости этого вида: клык самца и фрагмент позвонка (табл. 1). Очевидно, что количество его в стаде было очень небольшим. Размеры костей (мм). Клык верхний — наибольшие передне-задний /буккально-лингвальный диаметры корня: 21,0/15,7.

Собака (*Canis lupus familiaris*). Найдены парная нижняя челюсть и плечевая кость от особей средних размеров. У плечевой кости концы отгрызены копытным, вероятно крупным рогатым скотом.

Таблица 7

Состав элементов скелета мелкого рогатого скота

Table 7

Composition of skeletal elements of small ruminants

Элементы скелета	«Сарай»		Постройка 1		Постройка 2	
	«Целые»	Фрагменты	«Целые»	Фрагменты	«Целые»	Фрагменты
Роговые стержни	0	0	0	1	0	0
Череп мозговой		2				1
Череп лицевой		1		1		1
Нижняя челюсть		6	1	2	1	
Зубы				1		
Подъязычная	1			1		
Атлант				1		1
Эпистрофей	1		1			
Позвонки	9	9	4	3	1	1
Крестец			1	1		
Грудина						
Ребра	5	19	5		5	2
Лопатка		1				
Таз				1		
Плечевая	2	2				
Локтевая	2	1	1			1
Лучевая	1	3			2	1
Бедренная	2	1	2	3		1
Большеберцовая	2	7		1		2
Коленная чашечка			1			
Пясть			1	1		2
Плюсна	1	1	1	1	2	3
Метаподии				1		
Пяточная						
Таранная			1		1	
Запястье, предплюсна						
Фаланга 1						
Фаланга 2					1	
Фаланга 3			1		1	
Сесамоидные	0	0	0	0	0	0

Дикие животные

Заяц (*Lepus timidus*). Найдены позвонок полувзрослой особи, два фрагмента ребра и диафиз плечевой кости. Охота на зайцев ведется круглый год.

Птицы неопределимые (*Aves indet.*) — 6 костей (табл. 1).

Структура костного комплекса

Характеристики костного комплекса показывают, что население проживало на поселении в зимне-весеннее время. Некоторое количество особей КРС содержалось на территории поселения. Здесь же, судя по находкам новорожденных особей, содержали новорожденный молодняк. Забивали на еду главным образом полувзрослых и взрослых особей КРС и МРС. Молодых особей почти не забивали. В структуре мясного питания [Антипина, 2004] преобладала говядина (60 %), много потребляли конины (33 %) и немного мяса МРС (7 %).

В настоящее время костные комплексы изучены по нескольким зимовкам разного возраста и географического положения. В Центральном Казахстане расположены такие памятники: поселение Абылай раннего железного века [Косинцев и др., 2024], две зимовки XIX — начала XX в. — Айыртас-6 [Косинцев, 2025], Бори́ктас [Косинцев, 2023]. В Северном Казахстане исследованы зимовки Бозок II [Шагырбаев и др., 2022], Аулие-Уйи, Джамбак [Гайдученко, 1990] и описанная здесь зимовка Жиенбай.

Сравнение структуры костных комплексов показывает, что на всех зимовках мало диких животных и верблюда (табл. 10). На зимовке Жиенбай преобладают остатки КРС, а доли МРС и лошади одинаковы. Других зимовок с такой структурой костных комплексов нет. На Бозок II остатки КРС на первом месте, к ним близко количество костей лошади. Для Центрального Казахстана характерно преобладание остатков МРС на всех трех памятниках, в том числе на поселении сакского времени. В целом, костные комплексы зимовок существенно различаются между собой. Общей чертой структуры комплексов зимовок можно считать низкую долю КРС по сравнению с таковой на зимовках Жиенбай и Бозок II (табл. 10).

Таблица 8

Состав элементов скелета лошади

Table 8

Composition of horse skeletal elements

Элементы скелета	«Сарай»		Постройка 1		Постройка 2	
	«Целые»	Фрагменты	«Целые»	Фрагменты	«Целые»	Фрагменты
Роговые стержни	—	—	—	—	—	—
Череп мозговой	0	5	0	0	0	0
Череп лицевой						
Нижняя челюсть		4		1		1
Зубы		2				
Подъязычная						
Атлант						
Эпистрофей						
Позвонки	4	12	1	2	2	1
Крестец						
Грудина						
Ребра	3	5	1	3	2	2
Лопатка	2	3		1		
Таз	1	6				
Плечевая		8		1		
Локтевая	1					1
Лучевая					1	
Бедренная		8	1	1		
Большеберцовая	1	7		2		
Коленная чашечка	1					
Пясть	1	3				
Плюсна	1	6		3	1	2
Грифельная	3	1		1		
Метаподии						
Пяточная	1					
Таранная		1				
Запястье, предплюсна	5	1				
Фаланга 1	1	7	1		1	
Фаланга 2		2	1	1		
Фаланга 3	2	2		1	1	
Сесамоидные	1	0	0	0	0	0

Методический интерес представляет сравнительный анализ соотношения остатков домашних копытных из раскопок и особей в стаде на одном и том же поселении. Результаты такого

Зимовка Жиенбай у горы Ерейментау: результаты этноархеозоологического исследования...

анализа позволяют оценить возможность реконструкции реального состава стада по соотношению костных остатков, полученных при раскопках археологических поселений.

Таблица 9

Размеры задней фаланги I лошади, мм

Table 9

Dimensions of the rear phalanx of the first horse, mm

Кость	Признаки ¹					
	GL	Длина сагиттальная	SD	Вр	Bd	BFd
1	80,2	71,7	31,4	51,4	40,1	39,8
2	78,0	71,1	34,2	54,4	45,1	42,3
3	76,7	70,3	31,8	50,4	41,6	41,0
4	—	70,9	—	—	—	—
5	—	74,4	—	—	—	—
6	—	75,4	—	—	—	—

¹ По: [Eisenmann et al., 1988].

Таблица 10

Состав и соотношение остатков домашних копытных и количество диких животных на зимовках Северного и Центрального Казахстана

Table 10

Composition and ratio of remains of domestic ungulates and the number of wild animals at wintering grounds in Northern and Central Kazakhstan

	Жиенбай	Бозок II	Аулие-Уйи	Джамбак	Бориктас	Айыртас 6	Абылай
КРС, %	45	49	18	12	17	21	31
МРС, %	28	10	59	24	43	42	46
Лошадь, %	27	41	23	64	38	36	23
Верблюд, %	0,1	0	0	0	2	1	0,2
Всего, экз.	545	184	244	1990	797	273	2172
Дикие виды, экз.	4	0	14	16		0	5

Этноархеологическая интерпретация и датировка

На основании сопоставления наших материалов с данными экспедиции по исследованию степных областей, полученными в конце XIX в. под руководством Ф.А. Щербины, поселение Жиенбай идентифицируется [Бейсенов, 2026] с хозаулом № 9 административного аула № 4 Коржынкульской волости Акмолинского уезда Акмолинской области [Материалы..., 1907]. Обследование хозяйств Коржынкульской волости проводилось в 1897 г.

В настоящем исследовании предпринята попытка сравнительного анализа этноархеозоологических данных и сведений по количеству скота хозаула № 9, аксакалом которого в момент опроса сотрудниками экспедиции Ф.А. Щербины был записан Ибрай (Ибрагим). Мы имеем данные о соотношении домашних копытных на зимовке [Щербина, 1907] и из раскопа (табл. 11). Сравнение этих данных показывает их заметное различие. Наблюдается обратное соотношение долей КРС и МРС на зимовке и из раскопа. Одним из объяснений этого может быть разный размер их костей. С одной стороны, мелкие кости МРС в меньшем количестве извлекались из культурного слоя, так как их труднее найти. С другой стороны, мелкие кости в большей степени изменялись в результате модификаций (погрызы хищниками и копытными), вплоть до полного исчезновения, и, соответственно, не могли быть найдены.

Таблица 11

Количество (экз.) и соотношение (%) костных остатков из раскопок поселения Жиенбай и особей из публикации материалов экспедиции Ф.А. Щербины [Поаульные таблицы, 1907, с. 54]

Table 11

Number (specimens) and ratio (%) of bone remains from the excavations of the Zhiembai settlement and individuals from the publication of materials from the expedition of F.A. Shcherbina

Таксоны	Раскоп		Щербина, 1907	
	Экз.	%	Экз.	%
Крупный рогатый скот	247	45,2	29	19,6
Мелкий рогатый скот	148	27,2	80	54,0
Лошадь	148	27,2	39	26,4
Верблюд	2	0,4	0	0
Кости, экз.	545	100	148	100

Косвенным подтверждением этого служит тот факт, что неопределимые остатки группы «Mammalia indet. мелкие» составляют небольшую долю во всех объектах — 12 и 17 %, а доля «Mammalia indet. крупные» составляет, соответственно, 88 и 83 %. При этом трудно объяснить практически равные доли остатков и особей лошади. Отсутствие в составе стада, при его описании, верблюда объяснимо. Его количество всегда было очень небольшим, и во время описания он в стаде отсутствовал, иногда в стадо приводились отдельные особи.

Это пока единственный пример сравнительного анализа соотношения остатков из раскопок и особей в стаде на одном и том же поселении. Поэтому по его результатам преждевременно делать какие-либо общие выводы. Необходимо в будущем накопление таких примеров. Вместе с тем авторы также оставляют на ближайшее будущее продолжение источниковедческой работы по материалам экспедиции Ф.А. Щербины и других аналогичных данных тех лет, включая освещение и обсуждение уже полученных данных. Необходимость этого подхода диктуется, помимо прочего, планами продолжения этноархеологических исследований в районе Силеты-Улентинского междуречья, включая новые раскопки и последующие комплексные исследования.

Вопросы датировки Жиенбая рассматриваются на основании результатов радиоуглеродных анализов, данных археологических раскопок этого памятника и материалов историко-этнографических исследований казахских зимовок.

Таблица 12

AMS ^{14}C -даты проанализированных костных образцов из зимовок Жиенбай, Акылбек и Койтас. Ерейментауский район Акмолинской области

Table 12

AMS ^{14}C -dates of analyzed bone samples from wintering grounds Zhienbay, Akylbek and Koytas. Ereymentau district of Akmola region

Лабораторный номер	Памятник	^{14}C BP	Калиброванная дата (1 σ , 68.3 %)	Калиброванная дата (2 σ , 95.4 %)
FTMC-ZX54-10	Зимовка Жиенбай Образец 1	105 $\pm$ 27	CalAD 1695–1725 (20 %) 1812–1839 (17.8 %) 1846–1852 (3.6 %) 1869–1871 (1.4 %) 1877–1916 (25.5 %)	CalAD 1684–1735 (25.8 %) 1803–1930 (69.6 %)
FTMC-ZX54-11	Зимовка Жиенбай Образец 2	160 $\pm$ 27	CalAD 1670–1694 (13.1 %) 1726–1780 (30.2 %) 1797–1811 (7.4 %) 1918–... (17.5 %)	CalAD 1664–1706 (16.6 %) 1720–1785 (32.6 %) 1793–1818 (9.8 %) 1832–1891 (16.4 %) 1907–... (20 %)
FTMC-ZX54-12	Зимовка Акылбек Шурф	92 $\pm$ 27	CalAD 1696–1724 (21.5 %) 1812–1839 (19.9 %) 1878–1915 (26.9 %)	CalAD 1690–1729 (25.8 %) 1807–1923 (69.6 %)
FTMC-ZX54-13	Зимовка Койтас Шурф	107 $\pm$ 27	CalAD 1695–1725 (19.9 %) 1813–1839 (17.5 %) 1845–1852 (4 %) 1869–1871 (1.4 %) 1877–1916 (25.5 %)	CalAD 1683–1735 (25.8 %) 1803–1930 (69.6 %)

В лаборатории радиоуглеродного датирования “Vilnius Radiocarbon”, Вильнюс, Литва, в 2025 г. получены две даты из культурного слоя зимовки Жиенбай, а также по одной дате из шурфов зимовок Акылбек и Койтас (рис. 1), находящихся на территории этого же административного района, на расстоянии 30–50 км к северо-востоку от первой. Все даты получены по образцам, подготовленным из костей домашних животных. Образец № 1 из Жиенбая был подготовлен из кости крупного животного, найденной в помещении № 2, чуть ниже дернового слоя. Образец № 2 получен из аналогичной кости, поднятой внутри этого же помещения, на уровне пола.

Радиоуглеродные даты показывают период конца XVII — первой четверти XX в. Судя по надписи на надгробной плите, житель аула Жармухамед Ибрай умер в 1928 г. Можно предположить, что время смерти этого человека совпадает с последним периодом существования данного зимнего аула накануне сплошной коллективизации сельского хозяйства в Казахстане, начатой в 1929–1930 гг. Таким образом, верхняя граница даты памятника должна ложиться в рамки конца второго десятилетия XX в. Это не противоречит и радиоуглеродным датам.

Сузить нижнюю границу предполагаемой даты существования поселка позволяют материалы проведенных в Казахстане историко-этнографических исследований. Судя по имеющимся данным, середина XIX в. является периодом сугубо важных изменений в жизни степных скотоводов, которые выразились, в частности, в распространении стационарных зимников с долго-

временными жилыми домами, скотными дворами, прикрепленными призимовочными территориями и т.д. В русле этих изменений находится и распространение жилых домов прямоугольной планировки, отход от старых построек округлых форм, которые превращаются уже во второй половине и к концу XIX в. в тип кладовых и кухонь, имеющих название «шошала» [Захарова, 1959; Аргынбаев, 1959; Аджигалиев, 1995]. Как показали этноархеологические исследования, все пять жилых построек поселения Жиенбай имеют тип прямоугольных жилищ. Такой облик домов довольно четко «читается» еще до раскопок; вскрытие одного дома (рис. 2) тем более подтвердило эту ситуацию. Согласно этому, время существования поселения Жиенбай можно датировать второй половиной XIX — началом XX в.

Еще один момент связан с опросными сведениями экспедиции Ф.А. Щербины. В 1897 г., когда проводилось обследование хозяйств Коржынкульской волости, зимнее поселение, аксакалом которого значился Ибрай (Ибрагим), отец вышеуказанного Жармухамеда, имело в своем составе четыре семьи, владевшие пятью дерновыми домами постоянного типа, помимо пяти юрт. Это позволяет думать, что к 1897 г. все пять домов, руины которых были зафиксированы в 2025 г., уже были на территории поселения Жиенбай. Значит, обустройство исторической зимовки Ибрая из рода Канжыгалы, поколения Жанибек, имело место в период до 1897 г. Появление и первый этап жизни поселения мы можем связать с периодом середины и конца XIX в.

Некоторые дополнительные нюансы расширяют наше наблюдение. При опросе жители аула Ибрая время существования (время основания) данного поселка определили в 40 лет [По-аульные таблицы, 1907, с. 54]. Как видно отсюда, поселение было основано на склоне горы Ерейментау, вблизи хорошо фиксируемых и поныне родников Жиенбай и Карабулак (в материалах экспедиции указан водный источник — Карабулак) примерно в конце 1850-х гг.

Итак, Жиенбай относится к типу стационарных зимников и его появление к началу второй половины XIX в. не противоречит вышеуказанным положениям видных этнографов Казахстана. Значительное количество железных изделий хорошего качества (по данным металлографии), наличие фарфора фабрик Кузнецовых позволяют время появления такого рода находок приблизить уже к периоду последней трети — конца XIX в. Отметим, что ранее исследованные в Центральном Казахстане и датированные концом XIX — началом XX в. два поселения, Бориктас и Кольдыбулак, имеют прямоугольные жилища [Бейсенов, Шашенов, 2022; Шашенов, Бейсенов, 2023].

Заключение

В выборке из поселения Жиенбай представлены все виды домашних копытных. Они представлены почти всеми элементами скелета и всеми отделами скелета. Кости сильно раздроблены, что свидетельствует об утилизации туш на территории поселения. Наличие костей со следами погрызов копытными говорит о содержании особей крупного рогатого скота на территории поселения. Остатков диких животных очень мало. Наличие остатков новорожденных особей крупного и мелкого рогатого скота указывает на обитание людей на поселении в конце зимы — весной. В целом, костные остатки свидетельствуют, что это типичное поселение скотоводов, функционировавшее в качестве зимовки. Основой питания населения было мясо КРС, лошади и в небольшой степени МРС.

Поселение Жиенбай датируется второй половиной XIX — началом XX в. Датировку указанных выше поселений (рис. 1) Жиенкул [Глеугабулов, 2025], Акылбек и Койтас (табл. 12), по всей видимости, следует определить этим же периодом. Эти четыре поселения, как и многие другие, находящиеся как в Ерейментауской округе, так и повсеместно в других регионах Центрального и Северного Казахстана и имеющие на своей площади четко фиксируемые прямоугольные дома, археологически подтверждают высказанные историками и этнографами Казахстана положения о широком распространении стационарных зимников у казахов в середине XIX столетия. Летовки (*джайляу*) казахов в этот период традиционно располагались в районе зимников, обычно в речных долинах. Причем дальность летней кочевки казахов неизменно сокращалась, о чем упоминают многие источники. Впервые данные о «зимних поселениях», иначе — «поселениях-зимовках», древних скотоводов казахстанского ареала были рассмотрены в 1960-х гг. на материалах поселения сако-усуньского времени Актас [Акишев, 1969]. В современную эпоху результаты археозоологических исследований во многом способствуют пониманию особенностей древних поселений скотоводов-кочевников. Так, именно остеологические данные позволили подтвердить вывод о поселении сакской эпохи Абылай (Центральный Казахстан) как о зимовке [Косинцев и др., 2024, с. 87–88].

В настоящее время повсеместно в Казахстане изучаются старые зимовки казахов, особенно в ходе разведочных работ фиксируется большое число таких памятников. Связать в каждом случае такие пункты с конкретными летовочными урочищами в современную эпоху представляет собой нелегкую задачу, что очевидно. Отчасти поэтому высока научная значимость данных дореволюционной эпохи, имеющих отношение к этой теме. В 1913 г. по приглашению Алимхана Ермакова, впоследствии выдающегося казахского ученого и общественно-политического деятеля, а в то время студента Томского технологического института, посетила летовку его семьи группа исследователей — Г.Н. Потанин и сестры Антонина (Воронина-Уткина) и Екатерина Воронины. Здесь на *джайляу* на реке Былкылдак, притоке Тоқырау, учеными были записаны 27 казахских сказок и преданий, зарисованы многочисленные предметы быта, собраны образцы растительности. Для гостей были поставлены две белые юрты, как свидетельствовал сам Г.Н. Потанин. В ходе раскопок руин поселения Бориктас, родовой зимовки семьи Ермаковых, удалось локализовать летовку Былкылдак, находящуюся всего в 15 км от первой [Потанин, 2014; Шашенов, Бейсенов, 2023].

В регионах Казахстана повсеместно актуализируется этноархеология как целостная научная дисциплина. Параллельно с этим растет научная важность мультидисциплинарных исследований материалов казахских поселений, необходимы и целенаправленные историко-этнографические исследования. Как было показано на примере Бориктаса, думается, большой результат могут дать узкорегинальные подходы при сборе данных. Исполнители проекта, в рамках которого было проведено исследование поселения Жиенбай, планируют продолжить комплексные работы в данном направлении, в том числе в районе Силеты-Олентинского междуречья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдрахманов С. Ерейментау // Казахстан. Национальная энциклопедия. Алматы: Гл. ред. Казахской энциклопедии, 2001. Т. 3. С. 392. (На каз. яз.).

Аджигалиев С. Культурно-исторические инновации в традиционной системе скотоводческого поселения казахов в середине XIX века (к вопросу о генезисе стационарных кыстау) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI). Проблемы генезиса и трансформации. Алматы: Ассоциация «Рафах»: Студия «Параллель»: Гос. музей искусства им. А. Кастеева, 1995. С. 133–152.

Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р. Культурно-жилищный комплекс Кайнар второй половины XVIII — начала XX в. на Северном Устюрте как историко-культурный и архитектурный памятник // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. № 4. С. 109–119.

Акишев К.А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Известия АН КазССР. Сер. обществ. 1969. Вып. 1. С. 29–47.

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: Задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 7–33.

Арғынбаев Х.А. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX веков (по материалам Восточного Казахстана) // Труды ИИАЭ. 1959. Т. 6. С. 19–90.

Бейсенов А.З. Зимовка Жиенбай, Ерейментау: Информация на старинном надгробии и результаты сопоставления ее с данными шежиры и материалами экспедиции Ф. Щербины // XVIII Оразбаевские чтения. Алматы: Каз. ун-т, 2026. С. 250–256. (На каз. яз.).

Бейсенов А.З., Паничкин А.В. Зимовка Жиенбай, Ерейментау: Результаты металлографического анализа железных изделий // Археология Казахстана. 2026. № 2. С. 11–26.

Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т. Археологические исследования в Центральном Казахстане, проведенные в 2021 г. по теме казахских зимовок // Археологические исследования в Казахстане. 2021. Астана: Национальный музей РК, 2022. С. 235–240.

Буйратау // [https://ru.wikipedia.org/wiki/Буйратау_\(национальный_парк\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Буйратау_(национальный_парк)) (дата обращения: 25.04.2026).

Гайдученко Л.Л. Соотношение остатков домашних и диких животных из казахских поселений разного типа XVIII–XX вв. // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 193–196.

Захарова И.В. Об итогах этнографических экспедиций 1955 и 1956 годов // Труды ИИАЭ. 1959. Т. 6. С. 3–18.

Косинцев П.А. Костные остатки из раскопок зимовки Бориктас. Отчет за 2023 г. // Архив Научно-исследовательского центра истории и археологии Бегазы-Тасмола. Алматы, 2023.

Косинцев П.А. Костные остатки из раскопок поселения Айыртас-6. Отчет за 2025 г. // Архив Научно-исследовательского центра истории и археологии Бегазы-Тасмола. Алматы, 2025.

Косинцев П.А., Бейсенов А.З., Бачура О.П., Ахияров И.К., Гимранов Д.О. Случай массового падежа скота в раннем железном веке в степной зоне Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1 (64). С. 83–93. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-64-1-7>

Зимовка Жиенбай у горы Ерейментау: результаты этноархеозоологического исследования...

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Акмолинский уезд. Т. III. СПб., 1907.

Нурманбетов Э.И., Ахиянова Ф.Ж. Общая физико-географическая характеристика Сарыарки. Рельеф Восточной Сарыарки // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Алматы: Эверо, 2004. С. 28–42.

Поаульные таблицы // Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Акмолинский уезд. СПб., 1907. Т. III. С. 1–293.

Потанин Г.Н. На притоке реки Токрау // Сибирская жизнь. 1914. № 82, 83, 86.

Рачковская Е.И. Флора и растительность // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Алматы: Эверо, 2004. С. 65–77.

Тлеугабдулов Д.Т. Поселение Жиенкул в Ерейментауском районе: Результаты исследований 2022 г. // Археологические исследования в Казахстане. 2022–2024. Астана: Национальный музей РК: ИА им. А.Х. Маргулана, 2025. С. 22–25.

Цалкин В.И. Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биол. 1961. Т. 66. Вып. 5. С. 115–132.

Цалкин В.И. Фауна древнего Хорезма в свете данных археологии // Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М.: Наука, 1966. С. 108–157.

Шагырбаев М., Ганиева А., Сакенов С. Хозяйства казахов Нура-Ишимского междуречья в XIX — нач. XX в. (по остеологическим материалам зимовки Бозок II) // Археология Казахстана. 2022. № 1. С. 146–163. (На каз. яз.).

Шашенов Д.Т., Бейсенов А.З. Археологические исследования на родовой зимовке Алимхана Ермакова Бориктас // XV Оразбаевские чтения. Алматы: Каз. ун-т, 2023. С. 136–146. (На каз. яз.).

Шашенов Д.Т., Есен С.Г. Археологические исследования на зимовке Жиенбай // Культурное наследие. 2026. № 3. (На каз. яз.). (в печати)

Caceres I., Esteban-Nadal M., Bennasar M., Fernandez-Jalvo Y. Was it the deer or the fox? // Journal of Archaeol. Science. 2011. Vol. 38. P. 2767–2774.

Caceres I., Esteban-Nadal M., Bennasar M., Monfort D., Pesquero M.D., Fernandez-Jalvo Y. Osteophagia and dental wear in herbivores: Actualistic data and archaeological evidence // Journal of Archaeol. Science. 2013. Vol. 40. P. 3105–3116.

Driesch A. von den. A Guide to the Measurement of Animals Bones from Archaeological Sites // *Peabody Museum Bulletin*, 1. 1976. 137 p.

Eisenmann V., Alberdi M.T., De Giuli C., Staesche U. Studying fossil Horses. Leiden; N. Y.; Kobenhavn; Koln: E.J. Brill, 1988. Vol. 1. 71 p.

Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science and Archaeology. L., 1969. P. 283–302.

Teichert M. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Wiederristhöhe bei Schaffen // Archaeozoological Studies. 1975. P. 51–69.

Beisenov A.Z.^{1*}, Kosintsev P.A.², Shashenov D.T.³

¹ Margulan Institute of Archaeology, azbeisenov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2524-264X>

² Institute of Plant and Animal Ecology UB RAS, kpa@ipae.uran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0973-7426>

³ Karaganda Regional Museum of History and Local Lore, darkhan_57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4791-4673>

Zhienbay wintering near Yereymentau mountains: ethnoarcheozoological research and dating issues

Summary. During the archaeological excavations at the Zhienbay site, a total of 955 animal bones were recovered, of which 551 were successfully identified. The collection encompasses all types of domestic animal taxa and includes nearly all skeletal elements and anatomical regions. The high degree of fragmentation observed in the bones suggests utilization of animal carcasses within the settlement. The presence of bones exhibiting traces of ungulate gnawing provides evidence that cows were kept in the settlement. Remains of wild animals are represented minimally in the assemblage. The presence of newborn sheep and cow remains indicates that the site was inhabited during late winter and spring periods. A significant feature of the settlement is the pronounced predominance of cows in the herd, accounting for 45 % of the total number of identified bones. Overall, the bone remains support the interpretation of Zhienbay as a typical pastoral settlement functioning as a wintering ground. The dietary patterns of the population appear to have been primarily based on cow and horse meat, with sheep playing a secondary role. The site of Zhienbay dates back to the second half of the 19th — early 20th century. A comparable chronological attribution is proposed for the settlements of Akylbek and Koytas (Table 12). These three sites, along with numerous other settlements in the Yereymentau district and across various regions of Central and Northern Kazakhstan, feature clearly discernible rectangular houses and provide archaeological corroboration for the assertions of Ka-

* Corresponding author.

zakh ethnographers regarding the widespread use of permanent winter huts among the Kazakh population from the mid-19th century onwards. Ethnoarchaeology is currently gaining prominence as a holistic scientific discipline in Kazakhstan. Concurrently, the scholarly importance of multidisciplinary research approaches continues to increase. The research team responsible for the investigation of the Zhienbay site intends to pursue further comprehensive study in this region, including the Sileti-Ulenty interfluvium.

Keywords: Zhienbay wintering site, Yereymentau mountains, Northern Kazakhstan, archaeological excavations, radiocarbon dates, ethnoarchaeozoological research, tombstone with Arabic script inscription, materials of F. Shcherbina's expedition.

Funding. The article was prepared within the framework of the grant of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, project AP23490379.

REFERENCES

- Abdrakhmanov, S. (2001). Ereimentau. In: *Kazakhstan. Natsional'naya entsiklopediya*. T. 3. Almaty: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy entsiklopedii. (Kaz.).
- Adzhigaliev, S. (1995) Cultural and historical innovations in the traditional system of cattle-breeding settlement of the Kazakhs in the mid-19th century (to the issue of the genesis of stationary kystau). In: *Kul'tura kochevnikov na rubezhe vekov (XIX–XX, XX–XXI)*. In: *Problemy genezisa i transformatsii*. Almaty: Assotsiatsiya «Rafakh»: Studiia «Parallel»: Gosudarstvennyy muzey iskusstva im. A.Kasteyeva, 133–152. (Rus.).
- Azhigali, S.E., Turganbaeva, L.R. (2021). The Kainar religious and residential complex of the second half of the 18th — early 20th centuries in Northern Ustyurt as a historical, cultural and architectural monument. *Archaeology, Ethnology and Anthropology Eurasia*, (4), 109–119. (Rus.).
- Akisev, K.A. (1969). Wintering settlements and dwellings of the ancient Usuns. *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoy SSR. Seriya obshchestvennaya*, (1), 29–47. (Rus.).
- Antipina, E.E. (2004). Archaeozoological Research: Objectives, Potential Opportunities, and Actual Results. In: *Noveyshiye arkheozoologicheskiye issledovaniya v Rossii: K stoletiyu so dnya rozhdeniya V.I. Tsalkina*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 7–33 (Rus.).
- Argynbaev, Kh.A. (1959). Historical and cultural ties between the Russian and Kazakh peoples and their influence on the material culture of the Kazakhs in the mid-19th and early 20th centuries (based on materials from Eastern Kazakhstan). *Trudy IIAE*, (6), 19–90. (Rus.).
- Beisenov, A.Z. (2026). Zhienbay wintering, Ereymentau: information on an ancient tombstone and the results of its comparison with the data of the Kazakh “shezhire” and the materials of the expedition of F. Shcherbina. In: *XVIII Orazbayevskiy chteniye*. Almaty: Kazakhskiy universitet, 250–256. (Kazakh).
- Beisenov, A.Z., Panichkin, A.V. Zhienbay wintering, Ereymentau: results of metallographic analysis of iron objects. *Arkheologiya Kazakhstana*, (2), 11–26. (Rus.).
- Beisenov, A.Z., Shashenov, D.T. (2022). Archaeological research in Central Kazakhstan conducted in 2021 on the topic of Kazakh wintering sites. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Kazakhstane. 2021*. Astana: Natsional'nyy muzey RK, 235–240. (Kaz.).
- Caceres, I., Esteban-Nadal, M., Bennasar, M., Monfort, D., Pesquero, M.D., Fernandez-Jalvo, Y. (2013). Osteophagia and dental wear in herbivores: Actualistic data and archaeological evidence. *Journal of Archaeol. Science*, (40), 3105–3116.
- Caceres, I., Esteban-Nadal, M., Bennasar, M., Fernandez-Jalvo, Y. (2011). Was it the deer or the fox?. *Journal of Archaeol. Science*, (38), 2767–2774.
- Gaiduchenko, L.L. (1993). The ratio of remains of domestic and wild animals from Kazakh settlements of different types of the 18th–20th centuries. In: *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey*. Yekaterinburg: Nauka, 193–196. (Rus.).
- Driesch von den, A. (1976). A Guide to the Measurement of Animals Bones from Archaeological Sites. *Peabody Museum Bulletin*, (1).
- Eisenmann, V., Alberdi, M.T., De Giuli, C., Staesche, U. (1988). *Studying fossil Horses. Vol.1*. Leiden; New York; Kobenhavn; Koln: E.J. Brill.
- Kosintsev, P.A., Beisenov, A.Z., Bachura, O.P., Akhiyarov, I.K., Gimranov, D.O. (2024). A case of mass death of cattle in the Early Iron Age in the steppe zone of Kazakhstan. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 83–93. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-64-1-7>
- Nurmanbetov, E.I., Akhiyanova, F.Zh. (2004). General physical and geographical characteristics of Saryarka. Relief of Eastern Saryarka. In: *Vostochnaya Saryarka. Karkaralinskiy region v proshlom i nastoyashchem*. Almaty: Evero, 28–42. (Rus.).
- Rachkovskaya, E.I. Flora and Vegetation. In: *Vostochnaya Saryarka. Karkaralinskiy region v proshlom i nastoyashchem*. Almaty: Evero, 65–77. (Rus.).
- Shagyrbaev, M., Ganieva, A., Sakenov, S. (2022). Households of the Kazakhs of the Nura-Ishim interfluvium in the 19th–early 20th centuries (based on osteological materials from the Bozok II wintering site). *Arkheologiya Kazakhstana*, (1), 146–163. (Kaz.).
- Shashenov, D.T., Beisenov, A.Z. (2023). Archaeological research at the family wintering place of Alimkhan Ermekov Borikhtas. In: *XV Orazbayevskiy chteniye*. Almaty: Kazakhskiy universitet, 136–146. (Kaz.).

Зимовка Жиенбай у горы Ерейментау: результаты этноархеозоологического исследования...

- Silver, I.A. (1969). The ageing of domestic animals. In: *Science and Archaeology*. London, 283–302.
- Teichert, M. (1975). Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Wiederristhöhe bei Schaffen. In: *Archaeozoological Studies*, 51–69.
- Tsalkin, V.I. (1961). Variability of metapodia in sheep. *Bulletin of the Moscow Society of Naturalists. Biological Department*, 66(5), 115–132. (Rus.).
- Tsalkin, V.I. (1966). Fauna of ancient Khorezm in light of archaeological data. In: *Drevneye zhivotnovodstvo plemen Vostochnoy Yevropy i Sredney Azii*. Moscow: Nauka, 108–157 (Rus.).
- Zakharova, I.V. (1959). On the results of the ethnographic expeditions of 1955 and 1956. *Trudy IIAE*, (6), 3–18 (Rus.).

© Бейсенов А.З. Косинцев П.А., Шашенов Д.Т., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 23.03.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторах:

Бейсенов Арман Зияденович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан.

Косинцев Павел Андреевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

Шашенов Дархан Тастемирович, магистр, старший научный сотрудник, Карагандинский областной историко-краеведческий музей, Караганда, Казахстан.

About the authors:

Beisenov, Arman Z., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

Kosintsev, Pavel A., Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher, Institute of Plant and Animal Ecology UB RAS, Yekaterinburg, Russia.

Shashenov, Darkhan T., Master of Archaeology and Ethnology, Senior Researcher, Karaganda Regional Museum of History and Local Lore, Karaganda, Kazakhstan.

Третьяков Е.А.

ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, gor-tom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6913-394X>

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ АНДРЮШИНА ГОРОДКА: ЭВОЛЮЦИЯ ФОРТИФИКАЦИЙ ПОЗДНЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

Аннотация. Рассматривается эволюция фортификационных сооружений Андрюшина городка — крупнейшего укрепленного поселения позднего железного века в Нижнем Притоболье (Тюменская обл.). На основе повторного стратиграфического анализа траншей И.Я. Слоцова (1883 г.) и В.Н. Чернецова (1951 г.) делается ряд важных уточнений, связанных с хронологизацией напластований и определением периодов обновления оборонительных сооружений. В ходе работ 2025 г. было выделено минимум четыре периода строительства оборонительных линий. Первые укрепления в виде частокола появились во II–III вв. («ярсалинский этап»). В IV–V вв. (карымский этап) система была усилена рвом и земляным валом. В VI–VIII вв. (бакальская культура) ров был обновлен. Наиболее масштабная перестройка произошла в IX–XI вв. (юдинская культура), когда был выкопан самый глубокий ров, увеличен вал, а планиграфия крепости изменена за счет «отсечения» западной, более острой части площадки. Делается вывод, что динамика перестроек фортификаций отражает смену культурных традиций, носители которых проникали в Нижнее Притоболье из разных регионов Западной Сибири.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Нижнее Притоболье, Андреевская озерная система, эпоха позднего железного века, Средневековье, фортификация.

Финансирование. Работа выполнена в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ, № 126022618029-1.

Цитирование: Третьяков Е.А. Оборонительные сооружения Андрюшина городка: эволюция фортификаций позднего железного века в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 116–129.

Введение

Для периода середины I — первой половины II тыс. н.э. на обширной территории Западной Сибири уже устойчиво закрепилось привнесенное из западноевропейской истории понятие «Средние века». В сущности, этот термин в разных регионах Евразии в силу отличия социально-экономических процессов весьма условен и не всегда отражает один и тот же смысл — как минимум в силу отсутствия выраженного феодального устройства общества в отдаленных от Западной Европы западносибирских лесах. Тем не менее некоторые авторы настаивали и настаивают на употреблении альтернативных терминов для западносибирской периодизации. В своем учебном пособии «Археология Западно-Сибирской равнины» Т.Н. Троицкая и А.В. Новиков предлагают отказаться от понятия «Средние века» в отношении материалов V–XV вв., рассматривая древности этого времени через призму другого конструкта — «Древнетюркской эпохи» [Троицкая, Новиков, 2004, с. 89–91]. Еще одним термином, который весьма широко употреблялся по отношению к памятникам середины I — первой половины II тыс. н.э. в работах второй половины XX в., был «поздний железный век», обозначающий составной этап длительного железного века [Викторова, Морозов, 1993; Викторова, Кернер, 2009; Матвеева, 2016]. В основе этой периодизации лежала идея стадийного развития культуры западносибирских обществ, которые складываются здесь еще в I тыс. до н.э. и продолжают развиваться вплоть до этнографического времени.

Первым фундаментальным обобщением материалов железного века стала работа В.Н. Чернецова «Нижнее Приобье в I тыс. н.э.» (1957), где под Приобьем автор понимал равнинную территорию Западной Сибири со всеми притоками р. Оби, включая Нижнее Притоболье. Здесь им были исследованы опорные памятники, в том числе многослойные поселения на Андреевских озерах. Итогом изысканий стала периодизация, разбитая на четыре основных этапа развития материальной культуры местного населения: ярсалинский (II–III вв.), карымский (IV–V вв.), оронтурский (VI–IX вв.) и кинтусовский (X–XIII вв.) [Чернецов, 1957, с. 180–224].

Дальнейшее развитие и переосмысление данная концепция получила в труде свердловских исследователей — Н.В. Федоровой, А.П. Зыкова, В.М. Морозова и Л.М. Тереховой «Сургутское Приобье в эпоху Средневековья» [1991]. В этой работе была детализирована и уточне-

на средневековая хронология региона. По мнению авторов, нижнеобская культура (в поздних работах — нижнеобская историко-культурная общность (ИКО)) сформировалась в лесной зоне Западной Сибири на «позднекулайской» (саровской) основе. Развитие этой общности отражено в сменяемости конкретных хронологических этапов, а именно: карымский (III — начало VI в.), зеленогорский (VI — начало VIII в.), кучиминский (VIII–IX вв.), кинтусовский (конец IX — начало XIII в.) и сайгатинский (XIII–XIV вв.) [Федорова и др., 1991].

Параллельно этому проводимые в течение 1960-х гг. В.Д. Викторовой работы в лесном Зауралье (в бассейнах рек Тавда, Тура и Пышма) позволили автору построить оригинальную локальную периодизацию региона в рамках позднего железного века [Викторова, 1969]. Как и в случае с вышеописанной периодизацией Приобья, основным показателем изменений культуры являлись формы посуды и ее орнаментация. Так, по мнению исследователя, в рамках IV–V вв. на территории Среднего Зауралья сосуществовало несколько традиций, а именно — прыговская, туманская и батырская. Отметим, что на сегодняшний день прыговская традиция отнесена к раннему железному веку, туманская, справедливо выделенная как особенная группа памятников, рассматривается в качестве локального варианта карымского этапа нижнеобской ИКО, а памятники батырского типа сохранились в таксономическом перечне как основное культурное образование в раннем Средневековье [Викторова, Кернер, 2009, с. 96].

Позже В.А. Борзунов и Ю.П. Чемякин реконструировали динамику миграционных процессов таежного населения. По мнению авторов, на III–V вв. приходится максимальное расширение ареала карымских памятников на юг. Это было обусловлено запустением притобольской подтайги в результате ухода основной массы местного — саргатского населения под влиянием орд гуннов. В туманских же материалах авторы видят следы миграций карымского населения на запад — в горнолесное Зауралье [Борзунов, Чемякин, 2013, с. 111].

В середине XX в. в результате исследования серии укрепленных поселений в лесостепной зоне Зауралья была выделена бакальская культура. На сегодняшний день ее памятники являются наиболее изученными в регионе. Полнота научных изысканий отражена в серии диссертационных работ (В.А. Могильникова, Т.Н. Рафиковой, А.С. Зеленкова). Несмотря на то, что центром расселения бакальских коллективов являлась лесостепная полоса Тоболо-Иртышья, где их хронология определяется рамками IV — начала IX в., нередко бакальские памятники встречаются севернее — в подтаежной зоне [Западная Сибирь..., 2022, с. 48–51, 81–89].

В памятниках второй половины I тыс. н.э. В.Д. Викторова видит развитие предшествующего комплекса, т.е. батырского. Данные памятники получили наименование «молчановский тип». Для района верхнего течения р. Тавды было введено понятие тынского типа. На сегодняшний день доказано, что данные памятники маркируют юго-западную часть кинтусовского ареала нижнеобской ИКО [Зыков, 2012, с. 34–36]. Завершающая стадия позднего железного века на территории Зауралья, согласно периодизации В.Д. Викторовой, соотносится с материалами юдинской археологической культуры (X–XIII вв.). В основе ее формирования автор усматривает несколько компонентов, а именно участие молчановских и тынских групп населения [Викторова, 1968, с. 252]. Позднее к их числу было добавлено пертогромское население [Викторова, Кернер, 2009, с. 99–100].

В начале XXI в. исследователи вновь обратились к проблеме генезиса юдинской культуры. Ввиду отсутствия четких критериев разграничения «молчановских» и юдинских комплексов, Т.Н. Рафикова обосновала целесообразность их объединения в единую юдинскую культуру (VII–XIII вв.), где молчановские материалы рассматриваются в качестве ее раннего этапа [Рафикова, 2015, с. 69]. Иной подход представлен в работах А.В. Гордиенко. Автор предполагал наличие двух самостоятельных синхронных культур в VI–IX вв. на территории лесного Притоболья — молчановскую и батырскую. Однако правомерность включения в состав этих культур целого ряда надежно датированных юдинских комплексов вызывает дискуссии в научной среде [Гордиенко, 2016, с. 84–86, рис. 1]. Мы же, в свою очередь, основываясь на абсолютной и относительной хронологии большинства изученных средневековых памятников, считаем целесообразным отказаться от понятия «молчановский тип / этап / культура» ввиду отсутствия достоверных комплексов второй половины I тыс. н.э. Описанные предшествующими исследователями «молчановские» комплексы мы склонны рассматривать в рамках раннего периода юдинской культуры, который, на наш взгляд, датируется IX–XI вв. [Западная Сибирь..., 2022, с. 159–161]. Основным компонентом в сложении юдинской культуры является уральский шнуровой субстрат, под которым в нашем понимании подразумевается петрогромско-батырская культура (V–VIII вв.) [Там же, с. 161–162].

Таким образом, археологические таксоны, составляющие различные схемы периодизации, нередко пересекаются между собой. Например: туманский тип и карымский этап; тынский тип и кинтусовский этап и т.д. Кроме того, в ряде археологических культур лесной полосы Западной Сибири (таких как юдинская и усть-ишимская) выражено влияние таежного компонента — нижнеобской ИКО, что сближает носителей этих традиций между собой [Зыков, 2012, с. 34–43]. Думается, что близость, а порой и идентичность археологического материала, лежащего в основе этих таксономических единиц (тип памятника, археологическая культура, этап историко-культурной общности), может быть объяснена существованием контактной зоны. В ее рамках посредством миграционных процессов, торговых и брачных связей, а также военных столкновений происходило взаимодействие представителей различных традиций. Именно такой контактной зоной и была лесная полоса Нижнего Притоболья. Располагаясь на стыке тайги и лесостепи, Нижнее Притоболье служило пограничьем между ареалами охотничье-рыболовецкой и скотоводческо-земледельческой экономик, что неизбежно вело к активному взаимодействию с населением сопредельных регионов.

Открытые поселенческие комплексы позднего железного века данного региона как объекты длительного формирования отличаются насыщенностью культурных отложений. Это позволяет рассматривать их в качестве основного источника для построения региональных схем периодизации. Особое место в этом ряду занимают укрепленные поселения — городища, которые в I — первой половине II тыс. н.э. на территории Притоболья исчисляются сотнями. Одним из наиболее репрезентативных объектов исследования являются фортификационные сооружения, представляющие собой идеальную хроностратиграфическую колонку. Их изучение способно помочь реконструировать динамику заселения региона, а также раскрыть основные механизмы взаимодействия разнотипных групп населения. В данной работе мы обращаемся к оборонительным сооружениям одного из сложностратифицированных памятников региона — Андрюшина городка (рис. 1, 1).

Источники

Укрепленное поселение Андрюшин городок расположено в Тюменском районе Тюменской области, на юго-восточном берегу оз. Малое Андреевское, находящегося в междуречье Туры и Пышмы. Поселение приурочено к краю берегового вала. Основная часть крепости располагается на вершине этого вала, однако юго-восточная часть памятника привязана к его склону, из-за чего она менее выражена в рельефе, чем северная и северо-западная (рис. 1, 2, 3). Отметим, что в каменном веке на этом месте располагалось поселение, от которого сохранилось значительное число глубоких жилищных западин. Некоторые из них были вписаны средневековыми архитекторами в систему укреплений. Например, крупная западина выполняла функцию рва у северного угла городища.

Крепость представляет собой остатки укрепленной площадки яйцевидной формы, вытянутой по линии ЮЗ–СВ и окруженной со всех сторон системой оборонительных сооружений (ров и вал). Размеры площадки 95×70 м ($S \approx 5200 \text{ м}^2$). Вал шириной от 6 до 7,5 м достигает высоты 0,5 м относительно жилой площадки. Ров шириной от 3,5 до 6 м имеет глубину 0,6–1,1 м относительно napольной поверхности. Перепад высот от вершины вала до дна рва в разных частях памятника составляет от 2 до 2,9 м.

С юго-западной стороны к городищу вплотную примыкает полукруглая площадка площадью $\approx 300 \text{ м}^2$, окруженная неглубоким рвом (до 0,5 м), отделяющим ее от основной части. Предшествующие исследователи описывали ее как «пристройку» [Мошинская, Чернецов, 1953, с. 93]. На жилой площадке зафиксировано минимум 26 жилищных западин округлой формы. Они имеют диаметр от 4,5 до 8,5 м и глубину от 0,25 до 0,75 м. Западины располагаются по периметру площадки и вдоль ее центральной оси, образуя четыре линии (улицы?) (рис. 1, 1).

Исследование древностей Андреевского озера было начато в 1880-е гг. директором Тюменского Александровского реального училища краеведом И.Я. Словцовым. Автор, собирая информацию об археологических памятниках Нижнего Притоболья, зафиксировал несколько так называемых земляных городков, два из которых находились на южном берегу Андреевского озера. Это городища Андрюшин городок и Жилье [Словцов, 1885, с. 9–10]. В 1883 г. И.Я. Словцов предпринял попытку произвести раскопки на площади поселения, заложив несколько небольших разведочных шурфов и траншею через вал и ров в северной части памятника (рис. 1, 1). И.Я. Словцовым не приведена характеристика культурных напластований, однако им были зарисованы и опубликованы находки, происходящие из траншеи. В основном это фрагменты керамической посуды, большинство которой — сосуды эпохи неолита и энеолита, однако встречаются немногочисленные фрагменты керамики позднего железного века (карымская и юдинская) [Словцов, 1885, табл. 15]. Также в куль-

турном слое было обнаружено три костяных наконечника стрел [Словцов, 1885, табл. 14, 46–48], а из дернового слоя «верхнего» вала происходит несколько металлических подвесок. Одна из них, медная монетовидная с ушком для подвешивания [Там же, 1885, табл. 9, 44], датируется IX–XI вв. Нередко аналогичные подвески встречаются в культурных слоях памятников юдинской культуры [Западная Сибирь..., 2022, с. 145].

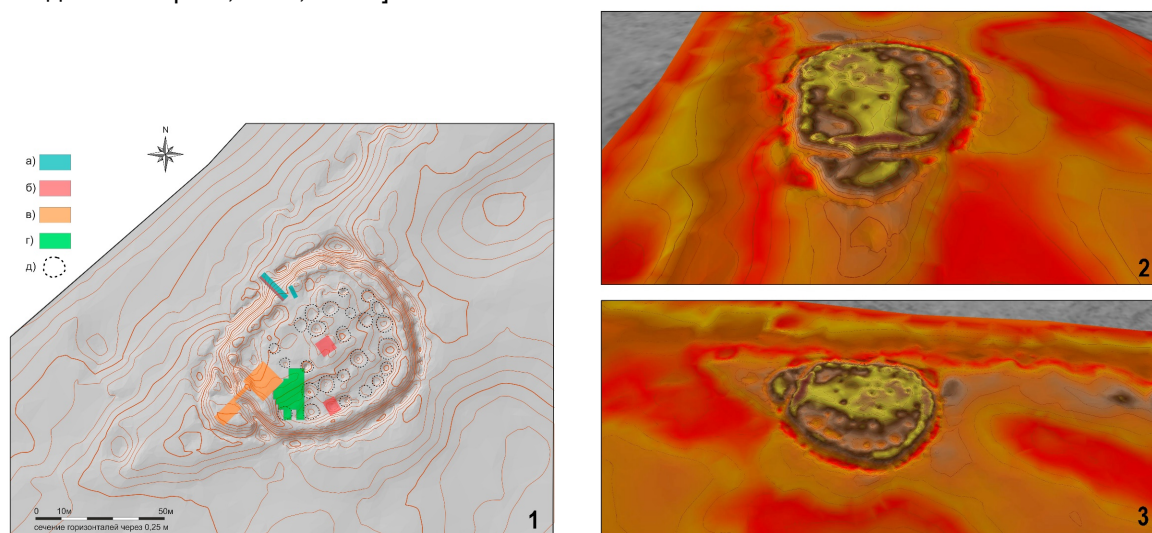

Рис. 1. Инструментальный план Андрюшина городка с нанесением раскопов разных лет (1) (а — раскопы И.Я. Словцова (1883 г.); б — раскопы 1 и 2 В.Н. Чернецова (1951 г.); в — раскопы I и II В.Н. Чернецова (1952 г.); г — раскопы 3 Е.А. Третьякова (2025 г.); д — жилищные западины); 3D-модель памятника, вид с юго-запада (2); 3D-модель памятника, вид с юго-востока (3).

Fig. 1. Instrumental plan of Andryushin Gorodok showing excavations from different years (1), and 3D-models of the site (2, 3).

В 1950-е гг. регион севера Западной Сибири, включая Нижнее Притоболье, был обследован экспедицией Института археологии АН СССР под руководством В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской. В 1951 г. авторы двумя раскопами (1 и 2) изучили две полуземлянки в центральной и южной части жилой площадки городища (рис. 1, 1), а также провели зачистку западного борта траншеи И.Я. Словцова (рис. 2, А). По стратиграфии оборонительных сооружений городища авторы предположили, что фортификация крепости обновлялась минимум четыре раза, при этом каждый раз вал подсыпался, а новый ров переносился дальше — в сторону озера [Мошинская, Чернецов, 1953, с. 94]. На основании приуральских аналогий керамике Андрюшина городка памятник предварительно был датирован V–III вв. до н. э. [Мошинская, Чернецов, 1953, с. 98], что в дальнейшем не подтвердилось.

В 1952 г. работы исследователями были продолжены. Раскоп I был заложен в так называемой пристройке — в западной части памятника, а раскоп II размерами 11×11 м, которым была исследована полуземлянка 4, примыкал к внутреннему краю вала в западной части площадки поселения (рис. 1, 1). Два этих раскопа были соединены траншеей, прорезающей ров и вал. Границы этих раскопов определимы и на сегодняшний день. Материалы этого года в полной мере так и не были опубликованы, что привело к определенной путанице в научной литературе. Уже после смерти В.Н. Чернецова, в 1987 г., в свет вышла обобщающая работа «Финно-угры и балты в эпоху средневековья», в которой глава «Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири» была подготовлена В.А. Могильниковым. В этой главе подводился итог изучения так называемых памятников молчановского типа, к числу которых В.А. Могильников отнес и Андрюшин городок. В приложении к данной работе, на плане городка, кроме известной траншеи И.Я. Словцова, были обозначены три подквадратных раскопа в разных частях памятника, принадлежащие В.Н. Чернецову. Это раскопы 1 и 2 1951 г., и раскоп I в так называемой пристройке 1952 г. В свою очередь, раскоп II и траншея через вал 1952 г. на плане отсутствуют [Могильников, 1987, табл. LXVII, 1]. Однако среди иллюстраций есть план безымянного жилища с Андрюшина городка [Могильников, 1987, табл. LXVII, 4], размеры которого идентичны параметрам полуземлянки № 4 (раскоп II, 1952 г.). Вероятно, данная путаница возникла из-за того, что автор не был на памятнике лично, а использовал неопубликованные архивы своего учителя, это и привело к неточности в описании.

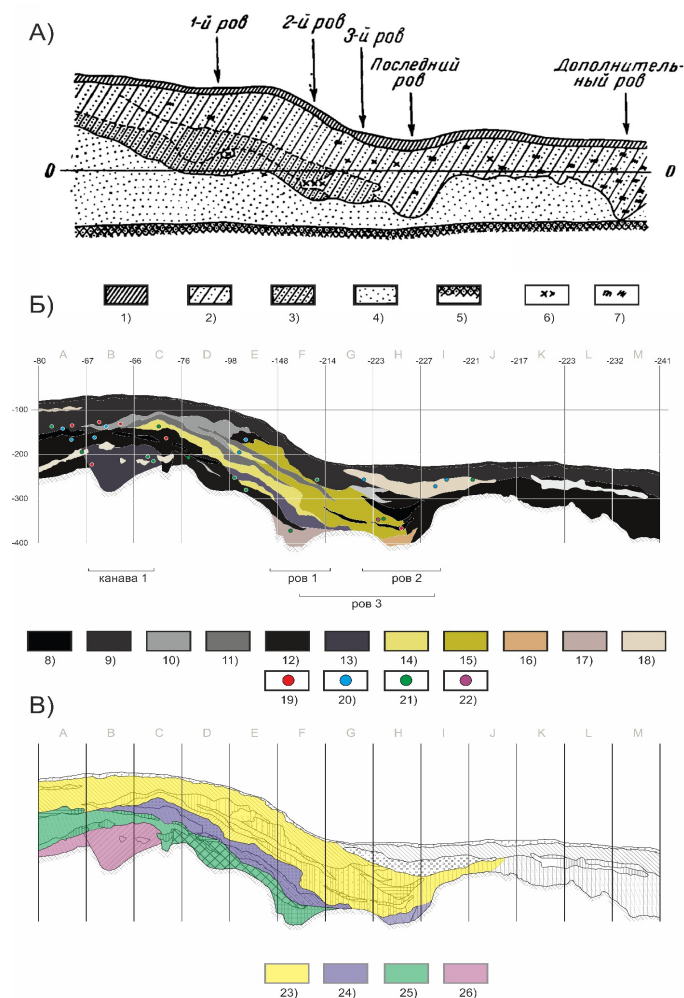

Рис. 2. Стратиграфическая картина западного борта траншеи И.Я. Словцова (1883 г.):

А — чертеж стратиграфического разреза В.И. Мошинской и В.Н. Чернецова (1951 г.): 1 — современный дерновый слой; 2 — мелкий иловатый темноокрашенный современный песок; 3 — то же более темного цвета; 4 — мелкий светлый песок; 5 — крупнозернистый песок с железистыми натечками; 6 — фрагменты керамики; 7 — уголь. Б — чертеж стратиграфического разреза Е.А. Третьякова (2025 г.): 8 — почти черная гумусированная супесь; 9 — темно-серая мешаная супесь; 10 — светло-серая супесь; 11 — серая супесь; 12 — однородная темно-серая супесь; 13 — серо-коричневая супесь; 14 — белесый материковый выброс; 15 — серая мешаная супесь с включениями угля и переотложенного материкового слоя; 16 — коричневый мешанный суглинок; 17 — серо-золистая супесь; 18 — переотложенный материковый слой; 19 — керамика юдинского типа; 20 — керамика бакальского типа; 21 — керамика карымского типа; 22 — керамика «ярсалинского» типа. В — периоды обновления оборонительных сооружений: 23 — вторая половина IX — XI в.; 24 — VI–VIII вв.; 25 — IV–V вв.; 26 — II–III вв.

Fig. 2. Stratigraphic profile of the western wall of I.Ya. Slovtsov's trench (1883).

В 2025 г. памятник был исследован экспедицией лаборатории археологии и этнографии ТюмГУ. В юго-западной части жилой площадки заложили раскоп, примыкающий к юго-восточному краю раскопа II 1952 г. (рис. 1, 1). Кроме того, с целью выделения эпизодов обновления фортификаций была проведена повторная зачистка разреза линии укреплений, выполненного И.Я. Словцовым в 1883 г. (рис. 2). Именно о характере оборонительных сооружений городища пойдет речь в данной работе.

Описание сооружений

Разрез общей протяженностью 13 м отражал последовательность напластований в структуре оборонительных сооружений городка. Для удобства повествования каждый квадрат был пронумерован заглавной буквой латинского алфавита с юга на север от А до М (рис. 2, Б). Забегая вперед, отметим, что зафиксированная нами картина в целом совпадает с наблюдениями В.Н. Чернецова, дополняя их серией важных уточнений.

Общая структура представляется следующим образом. Вслед за дерново-гумусным слоем на всем протяжении разреза прослежен выраженный слой однородной темно-серой супеси

мощностью от 0,25 до 0,5 м, который связан как с самым поздним периодом функционирования фортификаций, так и с естественными процессами почвообразования. В кв. G–I в структуре этого слоя зафиксирована мощная линза переотложенного материкового слоя — отвал из траншей И.Я. Словцова или В.Н. Чернецова, оставленный на уровне дневной поверхности относительно современного дна рва. На валу, уровнем ниже, в кв. B–F зафиксирована серия тонких серых и светло-серых прослоек мощностью 0,1–0,15 м, последовательно сменяющих друг друга. Данные прослойки отражают процессы подсыпки и задерновывания вала. Находки из этих слоев в основном представлены фрагментами керамики юдинской культуры; однако в руинах вала на спуске ко рву встречаются немногочисленные фрагменты бакальской и карымской керамики (рис. 4), перемещенные сюда при копке рва и обновлении вала (рис. 2, Б).

В кв. F–I под темно-серым слоем, с уровня 2,9 м от условного нуля, были зафиксированы очертания самого позднего рва 3. Ров шириной 2,8 м, глубиной 0,8 м в разрезе имел подпрямоугольную форму и нарушал целостность более ранних углублений. Его заполнение — серая мешаная супесь с включениями угля и переотложенного материкового слоя. В его структуре прослежены многочисленные тонкие прослойки почти черной гумусированной супеси, отражающие процессы оползания нестабильного песчаного вала на дно рва в ходе археологизации. Находки из заполнения рва представлены единичными фрагментами «ярсалинской», карымской и юдинской керамики.

На валу, уровнем ниже в кв. C–F, прослежена мощная прослойка белесого материкового выброса, достигающая мощности 0,5 м при общей протяженности 4,5 м. В теле данного слоя зафиксирована прослойка темно-серой мешаной супеси. В кв. F и G данный слой был нарушен более поздним рвом 3. С сооружениями этого же времени (слой белесого материкового выброса с прослойками темно-серой мешаной супеси), вероятно, соотносятся остатки рва 2, расположенного в кв. H и I. Сохранились лишь придонная часть и внешний край данного рва; остальные части были уничтожены в ходе сооружения более позднего рва 3. Судя по сохранившимся фрагментам рва, его изначальная форма была трапецевидной, глубина составляла около 1,15 м от материка, ширина в верхней части достигала 1,8 м, а в нижней — 0,7 м. В нижней части рва 2 сохранилось его первичное заполнение, представленное коричневым мешаным суглинком.

Рис. 3. Остатки культурных напластований в структуре оборонительных сооружений:
А — разрез вала в кв. A–F, на уровне -225 см; Б — остатки рухнувшей стены — IV–V вв. в кв. D, E на уровне -280 см.

Fig. 3. Remains of cultural layers within the structure of defensive fortifications.

В кв. А–С уровнем ниже залегал слой серо-коричневой супеси общей мощностью до 0,6 м. Данный слой был отделен от предыдущего почти черной прослойкой погребенной почвы, плавно спускающейся в ров (рис. 3, А). В кв. С данный слой в виде ямы прорезал более ранний. Яма в разрезе имела прямоугольную форму, достигая глубины 0,8 м при максимальной ширине 0,25 м. На склоне террасы, в кв. D–F, на уровне материка серо-коричневый слой переходил в слой темно-коричневой супеси с включениями горелой древесины. В кв. D в структуре данного слоя были зафиксированы остатки обугленных деревянных конструкций (рис. 3, Б). Предполагаем, что данные конструкции и темно-коричневый слой являются остатками рухнувшей деревянной стены, возведенной на краю террасы. К этому же строительному горизонту относятся остатки рва 1, зафиксированного в кв. F. Ров частично нарушен более поздним рвом 3. Изначальная форма данного сооружения была трапецевидной, глубина достигала 1 м, ширина в верхней части — 1,8 м, а в нижней — 0,5 м. Заполнение рва 1 на уровне дна было представлено серозолистой супесью. Находки, происходящие из этого слоя, представлены в основном фрагментами керамической посуды карымского типа (рис. 4).

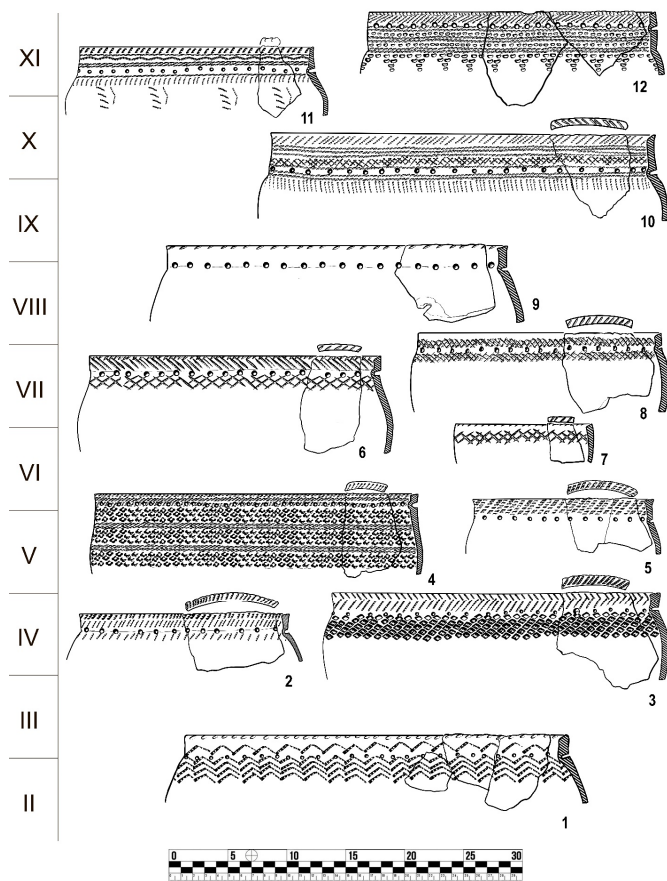

Рис. 4. Хронологическая шкала распределения фрагментов керамической посуды из зачистки (2025 г.) траншеи И.Я. Словцова (1883 г.):

1 — керамика «ярсалинского» типа; 2–5 — керамика карымского типа; 6–9 — керамика бакальского типа; 10–12 — керамика юдинского типа.

Fig. 4. Chronological scale of pottery fragments distribution from the cleaning (2025) of I.Ya. Slotsov's trench (1883): 1 — «Yarsale-type» pottery; 2–5 — Karym-type pottery; 6–9 — Bakal-type pottery; 10–12 — Yudino-type pottery.

К наиболее раннему периоду возведения оборонительных сооружений относится углубление треугольной в разрезе формы, зафиксированное на вершине террасы в кв. D и C, обозначенное нами как канава 1. Ширина канавы в самой верхней части достигала 1 м, а в нижней — 0,4 м. Ее глубина достигала 1 м. Заполнение канавы — черная гумусированная супесь. Верхнее заполнение канавы 1 перекрывала серия линз материкового песчаного выброса, залегавшая на уровне погребенной почвы. В этом же горизонте зафиксированы фрагменты керамики карымского типа (рис. 4).

В кв. К–М, за пределами основных рвов, было зафиксировано ступенчатое углубление глубиной до 1,5 м относительно современной поверхности (рис. 2, Б). Гипотеза В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской о том, что это дополнительный ров, не подтвердилась, так как в его однородном серо-коричневом заполнении зафиксирована керамика, принадлежащая только к эпохе неолита. Полагая, что траншеей была задета часть котлована жилища либо другого сооружения каменного века.

Реконструкция сооружений

Ввиду малого числа узко датированного инвентаря, а также радиоуглеродных дат единственным доступным датированным материалом является керамическая посуда. Как уже отмечалось, Андрюшин городок — многослойное поселение, на котором выделено как минимум четыре керамических комплекса: «ярсалинский», карымский, бакальский и юдинский. Кроме того, в культурном слое жилой площадки зафиксированы немногочисленные фрагменты батырской и петрогромской посуды, однако их число относительно общей выборки не превышает одного процента.

Детализировать хронологические рамки периодов функционирования городища помогают материалы закрытых разнокультурных комплексов, исследованных на южном побережье Андреевских озер — в непосредственной близости от Андрюшина городка. Наиболее ранним комплексом является могильник Козлов Мыс-2, средневековый комплекс которого датируется IV–VI вв. Большая часть захоронений этого времени сопровождается сосудами карымского типа, а также незначительным числом бакальской посуды [Западная Сибирь..., 2022, с. 65, 91–95]. Случаи совместного залегания разнотипной посуды в рамках единых комплексов некрополя не зафиксированы. Это позволяет предполагать более позднюю позицию бакальских захоронений (VI в.) по отношению к карымским (IV–V вв.). Кроме того, в отличие от других комплексов Андреевских озер, например Дуванского I городища [Морозов, 1982, рис. 2, 20], на посуде Андрюшина городка не зафиксированы синкретичные орнаменты, сочетающие резные и фигурно-штампованные элементы. Это, на наш взгляд, также указывает на асинхронность карымских и бакальских комплексов городища. Верхняя хронологическая рамка бакальского горизонта предварительно может быть определена по материалам Перейминского могильника (VII–VIII вв.), в захоронениях которого зафиксирована классическая бакальская посуда с резным и крестовым орнаментом [Матвеева, 2016, рис. 77].

В IX в. южное побережье Андреевского озера было занято носителями юдинской культуры. На это указывают материалы святилища Песьянка-1, где посуда, аналогичная керамике Андрюшина городка (с высокой долей фигурных штампов), была зафиксирована в единых контекстах с монетами и другими предметами IX–XI вв. [Западная Сибирь..., 2022, с. 141]. Более подробно хронология юдинского горизонта городища уже рассматривалась нами ранее [Там же, с. 144]. Эти наблюдения подтвердились материалами, полученными при исследовании жилой площадки¹.

Основываясь на стратиграфических наблюдениях и анализе залегания керамического материала, реконструируем строительные периоды следующим образом.

Первый период (рис. 2, В) соотносится с материалами «ярсалинского» этапа (II–III вв. н.э.) нижнеобской историко-культурной общности (ИКО). С этим временем, судя по всему, связано появление первоначальных оборонительных сооружений, которые, видимо, были представлены частоколом (канавы 1), установленным на краю террасы (береговом валу) для обеспечения более выраженного перепада высот. Исходя из «правила трети», согласно которому высота наземной части забора определяется из соотношения 1:2, максимальная высота частокола II–III вв. н.э. определяется нами в 2 м. Однозначно ответить на вопрос, существовал ли в это время ров, не представляется возможным, так как его контуры могли быть срыты более поздними сооружениями.

Второй период (рис. 2, В) приходится на IV–V вв. и соотносится с древностями карымского этапа нижнеобской ИКО. В это время на руинах бывших укреплений была возведена более совершенная фортификация. Во-первых, был увеличен насыпной вал, а с его внешней стороны установлена новая частокольная стена, высота наземной части которой, исходя из «правила трети», определяется в 1,6–1,7 м. Во-вторых, увеличена крутизна склона за счет того, что край берегового вала был углублен на метр. В-третьих, был выкопан трапециевидный ров 1. Со временем вал оплыл, заполнив ров, а частокольная стена в результате пожара обрушилась вниз. С остатками этой стены связан мощный слой темно-коричневой супеси с включениями горелой древесины, спускающийся вниз по склону берегового вала.

Следующий период (рис. 2, В) обновления оборонительных сооружений датируется VI–VIII вв. и соотносится с бакальской культурой. Конструкции рассматриваемого периода и предшествующе-

¹ Материалы раскопок жилой площадки 2025 г. будут опубликованы отдельно.

го времени отделены друг от друга выражено гумусированной прослойкой погребенной почвы. Судя по всему, обновление оборонительных сооружений в бакальское время началось с возведения нового рва 2. Так как предыдущий вал значительно ополз, перекрыв собой более ранний ров 1, новый ров 2 был вырыт в метре от первого. Усиление вала производилось за счет перемещения грунта, полученного при копке рва 2. Этим объясняются прослойки перемешанного материкового грунта на поверхности вала того времени. Вопрос наличия деревянной стены на вершине вала в бакальское время остается открытым, так как в разрезе не зафиксировано столбовых ям. Однако по аналогии с другими памятниками этого времени предполагаем, что вал был укреплен как минимум легкой изгородью, которая могла не оставить выраженных следов в стратиграфии.

На финальном этапе (рис. 2, В) существования крепости, в IX–XI вв., оборонительные сооружения были перестроены в четвертый раз. Судя по сопутствующему материалу, обновление оборонительных линий производилось носителями юдинской культуры. В это время был выкопан новый ров 3, нарушавший край раннего рва 1 и внутренний край рва 2 и превосходивший предыдущие сооружения по ширине и глубине. За счет полученного грунта был увеличен объем вала. Процессы подсыпки маркируют прослойки серой и светло-серой супеси, которые ввиду слабой плотности песчаного грунта оплыли обратно в ров в процессе археологизации. Факты наличия деревянных укреплений на вершине вала весьма спорны. С одной стороны, в слоях этого времени были зафиксированы немногочисленные фрагменты горелой древесины. С другой — они не представляли собой какой-либо системы, поэтому могли быть связаны со случайными фрагментами старой древесины, попавшей в тело вала при его подсыпке.

На это же время приходится изменение планиграфии крепости, которое связано с обновлением фортификационных сооружений на последней стадии бытования городища (IX–XI вв.). В частности, западная — наиболее «острая» оконечность площадки была прорезана рвом по линии «СЗ–ЮВ», а из грунта, полученного при его возведении, насыпан вал. В результате появления нового участка оборонительных сооружений площадка разделилась на большую и малую (рис. 5). Исследователи прошлых лет называют малую площадку «пристройкой» [Словцов, 1885, с. 10; Мошинская, Чернецов, 1953, с. 93]. Полагаем, что такое название неприемлемо, так как подразумевает более позднее возникновение малой площадки по отношению к большой, что противоречит нашим наблюдениям.

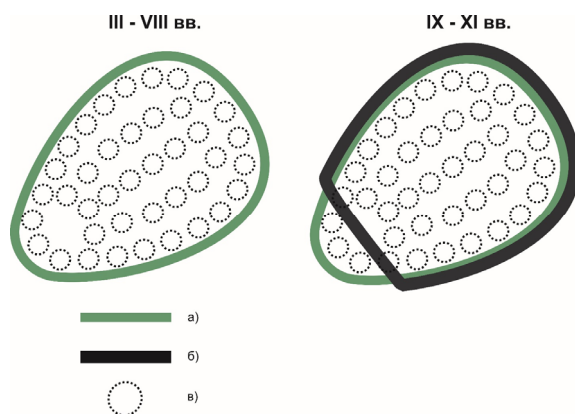

Рис. 5. Этапы перепланировки оборонительных сооружений Андрюшина городка:

а — оборонительные линии II–VIII вв.; б — оборонительные линии IX–XI вв.; в — жилищные западины.

Fig. 5. Stages of remodeling the defensive structures of Andryushin Gorodok:

a — defensive lines of the 2nd–8th centuries; б — defensive lines of the 9th–11th centuries; в — house pits.

Во-первых, оборонительная система малой площадки уступает основной по своим метрическим характеристикам: глубина и ширина рва здесь заметно меньше, а вал выражен неявно. Во-вторых, как отмечается в отчете В.Н. Чернецова, мощность культурного слоя на данном участке значительно ниже, чем на основной площадке [Чернецов, 1952, с. 26–27]. В-третьих, анализ материала показал, что в коллекции В.Н. Чернецова из раскопа I (1952 г.) преобладает керамика IV–VIII вв. (карымского, бакальского и батырского типов) (рис. 6, 1–4, 6–15), в то время как фрагменты посуды IX–XI вв. единичны (рис. 6, 5, 16, 17).

Данные наблюдения позволяют предположить, что «отделение» малой площадки произошло не ранее начала II тыс. н.э. (рис. 5). Ответить на вопрос, что послужило мотивом для изме-

нения планиграфии поселения, сложно; отметим лишь, что среди крепостей юдинской культуры такие случаи не единичны.

Обсуждение

Прежде чем перейти к обсуждению материала, хотелось бы отметить, что сооружения Андрюшина городка по своим масштабам существенно превосходят немногочисленные известные комплексы I тыс. н.э. в Нижнем Притоболье. В частности, мощность культурных напластований на городище значительно выше, чем на селищах СБАО I [Викторова, 1976] и Айгинское VIII [Гордиенко, 2013], относящихся к ярсалинскому и карымскому этапам нижнеобской ИКО. В настоящее время Андрюшин городок — единственное надежно документированное укрепление рассматриваемого периода в регионе. При внешней простоте конструкции (система «ров-вал» с частоколом) данные сооружения обеспечивали крепости высокий уровень защиты.

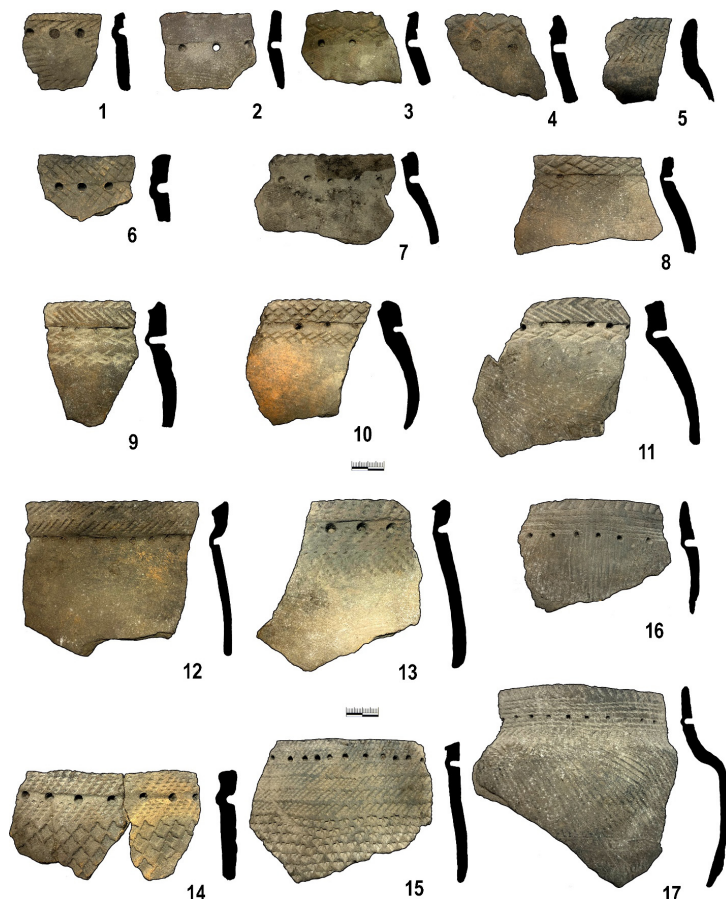

Рис. 6. Фрагменты керамической посуды из «пристройки» раскопа I (1952 г.) В.Н. Чернецова: 1 — керамика батырского типа; 2–4, 6–11 — керамика бакальского типа; 12–15 — керамика карымского типа; 5, 16, 17 — керамика юдинского типа.

Fig. 6. Pottery fragments from the “annex” of excavation I (1952) by V.N. Chernetsov: 1 — Batyr-type pottery; 2–4, 6–11 — Bakal-type pottery; 12–15 — Karym-type pottery; 5, 16, 17 — Yudino-type pottery.

Кроме того, фортификация Андрюшина городка по своей выраженности и характеру заметно отличается от других бакальских крепостей региона — например, городищ Дуванское I [Морозов, 1982], Калачик [Зах, Цембалюк, 2013] и Ревда-2 [Матвеева, Зеленков, 2013], где изучены укрепления второй половины I тыс. н.э. В целом, стоит признать, что бакальские памятники Нижнего Притоболья на фоне синхронных оборонительных систем Тоболо-Исетского междуречья и Приишимья [Матвеева, Сотников, 2024; Матвеева и др., 2024] выглядят весьма скромно, представляя собой слабовыраженные песчаные насыпи. Общий перепад высот таких сооружений (от дна рва до гребня вала) в археологизированном виде не превышал 1,5 м. В этом отношении бакальские фортификации на Андрюшином городке отличаются лишь объемами, пере-

пад высот (от дна рва 2 до гребня вала) здесь составил 2,8 м. При этом технологические приемы возведения насыпного вала из грунта, полученного при копке рва, вполне типичны для оборонительного зодчества бакальского населения.

На рубеже I–II тыс. н.э. в регионе происходят кардинальные историко-культурные перемены. Они обусловлены очередной миграцией таежного населения на юг в Притоболье и сложением на этой основе юдинской культуры. С расселением юдинских коллективов в Нижнем Притоболье распространилась традиция строительства нового типа крепостей с округлой или овальной площадкой и замкнутой линией обороны, иногда дополненной естественным рельефом (замкнутые и подковообразные городища, примыкающие к краю террасы или берега). Несмотря на то, что укрепленные поселения округлой формы известны в регионе с раннего железного века, юдинские городища имели ряд принципиальных отличий: малую площадь (до 4500 м²) и более выраженный характер фортификации. В начале II тыс. н.э. число таких крепостей в Нижнем Притоболье выросло в десятки раз. Они образовали плотную поселенческую сеть вдоль крупных рек и по берегам замкнутых водоемов — таких, например, как Андреевская озерная система. В ряде случаев зафиксированные культурные слои на юдинских поселениях свидетельствуют об их длительном существовании, продолжавшемся до 500 лет.

Раскопки фортификаций на ряде памятников юдинской культуры Нижнего Притоболья — городищах Юдинское [Викторова, Кернер, 1988], Святой Бор V [Матвеева, Бахарева, 2004], Коняшино-2 [Матвеева и др., 2013] и Андреевское-4 [Гродиенко, 2015] — показали наличие как схожих, так и отличительных черт. Так, наряду с монументальными сооружениями (Юдинское, Коняшино-2, Андреевское-4), зафиксированы слабовыраженные укрепления, как, например, на городище Святой Бор V. При этом технологические приемы возведения преград на первый взгляд весьма однообразны и просты: вал состоял из грунта, полученного при выемке и обновлении рвов. Тем не менее остатки бревен и жердей, уложенных перпендикулярно основанию вала на городищах Юдинское [Викторова, Кернер, 1988, с. 130] и Коняшино-2 [Матвеева и др., 2013, с. 36], могут указывать на существование деревянных конструкций — городней с грунтовой забутовкой. Однако малые площади раскопок пока не позволяют говорить об этом однозначно.

На Андрюшином городке поздний юдинский вал, как и предыдущие, имеет насыпной характер; следов деревянной облицовки в его структуре не зафиксировано. Впрочем, древесина могла не сохраниться в условиях сырого песчаного грунта. Но даже с учетом этого оборонительные сооружения в юдинское время оставались весьма внушительными: перепад высот от дна рва до гребня вала составлял свыше 3 м при максимальной ширине рва 2,9 м. Не исключено, что по верху насыпи была возведена деревянная изгородь либо палисад. Наличие таких конструкций можно лишь предполагать, поскольку прямых данных для их реконструкции практически нет.

Нередко наибольшая мощность юдинских фортификаций достигалась за счет повторного использования и обновления заброшенных крепостей I тыс. н.э., как это установлено в случае с Андрюшиным городком. Поздний период существования крепостей характеризовался не только увеличением объема оборонительных линий, но и изменением планиграфии самого поселения. Как мы уже отмечали ранее, случаи изменения формы площадки в результате «отсечения» острых углов наиболее ранней крепости зафиксированы не только на Андрюшином городке, но и на серии других юдинских городищ IX–XI вв., например на городищах Андреевское-4 [Древности..., 2014, рис. 3], Пламя Сибири-6 и -7 [Там же, рис. 11, 12] и Нерда VII. Подобная перепланировка была продиктована стремлением придать фортификациям геометрически правильную округлую форму, что, вероятно, повышало оборонительный потенциал объекта. В связи с этим небольшие площадки не следует трактовать как специальные функциональные пристройки; их появление обусловлено сокращением используемого жилого пространства и исключением избыточных участков на финальных этапах существования поселений.

Заключение

Исследование крупнейшего на территории Нижнего Притоболья укрепленного поселения — Андрюшина городка позволяет подтвердить ранее высказанный тезис о том, что лесная полоса Западной Сибири являлась территорией, где в результате миграционных процессов встречались представители разнотерриториального населения. Динамика заселения Нижнего Притоболья наглядно отражена в распространении по берегам Андреевского озера разнотерриториальных некрополей (например, Козловский и Перейменский) и в стратиграфической картине оборонительных сооружений городка. Эти сооружения в виде рвов и насыпных валов демонстрируют минимум четыре периода обновления и перестройки фортификаций крепости.

Первый период приходится на II–III вв., когда представителями «ярсалинской» традиции на вершине берегового вала озера была воздвигнута крепость, обнесенная частоколом. На следующем этапе (IV–V вв.) оборонительные сооружения были значительно усилены представителями карымского этапа нижнеобской ИКО. У основания берегового вала был выкопан ров, а на вершине был возведен первоначальный земляной вал, который с внешней стороны укрепили новым частоколом. Судя по всему, к началу VI в. поселение было заброшено, о чем свидетельствует рухнувший в еще не оплывший ров частокол. Последующий период связан с продвижением в лесную зону лесостепного населения — носителей бакальской культуры. В VI–VIII вв. был вырыт новый ров, а вал заново насыпан за счет грунта, извлеченного из рва. Финальный период обновления укреплений, который приходится на вторую половину IX — XI в., был самым масштабным. В это время юдинскими мастерами был выкопан наиболее крупный ров и насыпан очередной вал. Несмотря на отсутствие в структуре оборонительной линии деревянных сооружений (по типу клетей или городней), такие фортификации являлись внушительными по местным меркам оборонительными укреплениями.

Длительный период существования Андрюшина городка может объясняться желанием контролировать богатые природные ресурсы побережья озера, а активное строительство и обновление фортификаций — обострившимися конфликтами в поликультурной среде в борьбе за эти ресурсы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П.* Карымское общество таежного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 217–261.
- Викторова В.Д.* Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н.э. // Ученые записки Пермского государственного университета. 1968. № 191. С. 240–256.
- Викторова В.Д.* Поселение позднего железного века на северном берегу Андреевского озера у г. Тюмени // Вопросы археологии Приобья. Тюмень. 1976. С. 63–88.
- Викторова В.Д., Кернер В.Ф.* Памятники эпохи железа у озера Осинового // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1988. Вып. 19. С. 129–141.
- Викторова В.Д., Кернер В.Ф.* Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев р. Исети (эпоха позднего железного века) // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2009. № 2 (28). С. 95–107.
- Викторова В.Д., Морозов В.М.* Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 174–178.
- Гордиенко А.В.* Нижнее Притоболье в первой половине I тыс. н.э. (по материалам раскопок поселения Айгинское VIII) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 47–57.
- Гордиенко А.В.* Среднее Зауралье в эпоху раннего средневековья. Тюмень: РИЦ ТГИК, 2016. 230 с.
- Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: Взаимодействие этнокультурных общностей* / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ, 2022. 260 с.
- Зах В.А., Усачева И.В., Зимина О.Ю., Скочина С.Н., Чукунова И.Ю.* Древности Андреевской озерной системы. Новосибирск: Наука, 2014. Т. 1. 225 с.
- Зах В.А., Цембалюк С.И.* Комплексы раннего железа и средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 54–67.
- Зыков А.П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. 232 с.
- Матвеева Н.П.* Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов: (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. 264 с.
- Матвеева Н.П., Бахарева Т.Н.* Средневековое городище Святой Бор-5 в лесном Зауралье // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 174–184.
- Матвеева Н.П., Зеленков А.С.* Ревда-2-1 — новый памятник средневековой эпохи в Западной Сибири // AB ORIGINE: Археолого-этнографический сборник ТюмГУ. Тюмень, 2015. Вып. 7. С. 58–73.
- Матвеева Н.П., Сотников В.А.* О характере зауральских городищ эпохи раннего средневековья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 2 (65). С. 84–97. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-7>.
- Матвеева Н.П., Пластеева Н.А., Чукунова И.Ю.* Городище Коняшино-2 в подтаежном Зауралье // AB ORIGINE: Археолого-этнографический сборник. 2013. Вып. 5. С. 34–64.
- Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., Третьяков Е.А., Якимов А.С.* Фортификации Усть-Терсюкского городища эпохи раннего средневековья // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 4. С. 708–720. <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.4.047>
- Могильников В.А.* Лесостепное Зауралье // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
- Морозов В.М.* Средневековые поселения и жилища на р. Дуван // ВАН. 1982. Вып. 16. С. 125–141.

Третьяков Е.А.

- Мошинская В.И., Чернецов В.Н. Городище Андрюшин городок // КСИА. 1953. № 51. С. 93–98.
- Рафикова Т.Н. Керамический комплекс костяка Песьянка-1: (К проблеме хронологии и периодизации юдинской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 61–71.
- Словцов И.Я. О находках предметов каменного периода близ г. Тюмени в 1883 г. // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Омск, 1885. Кн. 7. Вып. 1. 59 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 2004. 136 с.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. 1957. 334 с. (МИА; № 58).

ИСТОЧНИКИ

- Чернецов В.Н. Отчет о работах Западно-Сибирской экспедиции в 1952 г. М., 1952 // Архив ИА РАН. Р-1. № 891.
- Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Отчет о работе Западно-Сибирской экспедиции в 1951 г. (Кемеровская, Тюменская области). М., 1951 // Архив ИА РАН. Р-1. № 644.
- Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: (Опыт систематизации археологических памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969. 20 с.

Tretyakov E.A.

Tyumen Scientific Centre SB RAS, gor-tom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6913-394X>

Fortifications of Andryushin Gorodok: the evolution of Late Iron Age defensive structures in the Lower Tobol region

Summary. This article investigates the evolution of the fortifications of Andryushin Gorodok — the largest fortified site of the Late Iron Age in the Lower Tobol region (Tyumen Oblast). Through a re-examination of the stratigraphic data from the trenches excavated by I.Ya. Slovtsov (1883) and V.N. Chernetsov (1951), the study introduces several important refinements to the chronology of the deposits and to the delineation of periods during which the defensive structures underwent renewal. Fieldwork conducted in 2025 revealed at least four construction phases of the defensive lines. The initial phase of fortification, represented by a palisade, dates to the 2nd–3rd centuries AD (Yarsale stage). In the 4th–5th centuries (Karym stage), the defensive system was reinforced with a ditch and an earthen rampart. In the 6th–8th centuries (Bakal Culture), the ditch underwent renovation. The most substantial reconstruction took place in the 9th–11th centuries (Yudino Culture), which involved the excavation of the deepest ditch, the enlargement of the rampart, and the modification of the fortress layout by “cutting off” the western, more sharply contoured segment of the platform. It is concluded that the observed dynamics of fortifications reconstruction reflect the succession of cultural traditions, whose bearers migrated into the Lower Tobol region from various areas of Western Siberia.

Keywords: Western Siberia, Lower Tobol region, Andreevskoe Lake system, Late Iron Age, Middle Ages, fortification.

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, No. 126022618029-1.

REFERENCES

- Chernetsov, V.N. (1957). Lower Ob region in the 1st millennium AD. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, (58). (Rus.).
- Fedorova, N.V., Zykov, A.P., Morozov, V.M., Terekhova, L.M. (1991). Surgut Ob` river basin in the Middle Ages. *Urals archaeological issues*, (20), 126–145. (Rus.).
- Gordienko A.V. (2013) The Lower Tobol region in the first half of the 1st millennium AD (on the materials of excavations at Aiginskoe VIII settlement. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 20(1), 47–57. (Rus.). https://www.ipdn.ru/_private/a20/47-57.pdf
- Gordienko A.V. (2016). *Middle Trans-Urals in the Early Middle Ages*. Tyumen: RITs TGIK. (Rus.).
- Matveeva N.P. (2016). *Western Siberia in the Era of the Migration Period: (Problems of cultural genesis according to funeral monuments)*. Tiumen': Izdatel'stvo Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Matveeva N.P., Bakhareva T.N. (2004). The Medieval fortified settlement of Svyatoy Bor-5 in the forest Trans-Urals. *Chetvertye Bersovskie chteniia*, (4), 174–184. (Rus.).
- Matveeva N.P., Zelenkov A.S. (2015). Revda-2-1 – a new site of the Medieval era in Western Siberia. *Konyashino-2 settlement in the subtaiga TransUrals. AB ORIGINE*, (7), 58–73. (Rus.).
- Matveeva, N.P., Sotnikov, V.A. (2024). On the nature of Trans-Ural hillforts of the Early Middle Ages. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 65(2), 84–97. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-7>
- Matveeva, N.P., Plasteeva, N.A., Chikunova, I.Yu. (2013). Konyashino-2 settlement in the subtaiga Trans Urals. *AB ORIGINE*, (5), 34–64. (Rus.).

- Matveeva, N.P., Rafikova, T.N., Tretiakov, E.A., & Yakimov, A.S. (2024). Fortifications of the Ust-Tersyuk hillfort of the Early Middle Ages. *Ufimskii arkhеologicheskii vestnik*, 24(4), 708–720. <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.4.047>
- Matveeva, N.P. (Ed.) (2022). *Western Siberia in the Early Middle Ages: Interaction of ethnocultural communities*. Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet. (Rus.).
- Mogil'nikov, V.A. (1987). Forest-steppe Trans-Urals. In: V.V. Sedov (Ed.). *Arkheologiya SSSR. Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya*. Moscow: Nauka, 163–235. (Rus.).
- Moshinskaia V.I., Chernetsov V.N. (1953). The fortified settlement of Andryushin gorodok. *Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture*, (51), 93–98. (Rus.).
- Morozov, V.M. (1982). Medieval settlements and dwellings on the Duvan River. *Urals archaeological issues*, (20), 126–145. (Rus.).
- Rafikova T.N. (2015). A pottery complex from Pesyanka-1 bone bed: (On chronology and periodization of the Yudino culture). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 30(3), 61–71. (Rus.). https://www.ipdn.ru/_private/a30/61-71.pdf
- Slovtsov I.Ia. (1885). On the finds of stone period objects near Tyumen in 1883. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. 7. Vyp. 1*. Omsk. (Rus.).
- Troitskaia, T.N., Novikov, A.V. (2004). *Archaeology of the West Siberian Plain*. Novosibirsk. (Rus.).
- Viktorova, V.D. (1968). Archaeological sites of the forest Trans-Ural region in the 10th–13th centuries AD. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta*, (191), 240–256. (Rus.).
- Viktorova V.D. (1976). Late Iron Age Settlement on the Northern Shore of Lake Andreevskoe near Tyumen. In: *Voprosy arkheologii Priob'ya*, 63–88. (Rus.).
- Viktorova, V.D., Kerner V.F. (1988). Iron Age sites near Lake Osinovoye. *Urals archaeological issues*, (19), 126–145. (Rus.).
- Viktorova, V.D., Morozov, V.M. (1993). Middle Trans-Urals in the Late Iron Age. In: *Kochevniki Uralo-Kazhastanskikh stepej*. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet, 174–178. (Rus.).
- Zakh, V.A., Tsembalyuk, S.I. (2013). Early Iron Age and Medieval complexes of the Kalachik 1 hillfort in the Lower Tobol region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 22(3). 54–67. (Rus.). https://www.ipdn.ru/_private/a22/54-67.pdf
- Zakh, V.A., Usacheva, I.V., Zimina, O.Yu., Skochina, S.N., Chikunova, I.Yu. (2014). *Antiquities of the Andreevskoye Lake sistem*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Zykov, A.P. (2012). *Barsova Gora: Essays on the archaeology of the Surgut Ob region. The Middle Ages and Modern Times*. Yekaterinburg: Uralskij rabochij. (Rus.).

© Третьяков Е.А., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 06.04.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторе: Третьяков Евгений Алексеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия.

About the author: Tretyakov, Evgeny A., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russia.

АНТРОПОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-10> EDN: <https://elibrary.ru/QUSSKW>
УДК 572.08

Слепцова А.В.

Тюменский научный центр СО РАН, sleptsova_1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5791-248X>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ ПО ДАННЫМ ОДОНТОЛОГИИ (САЙГАТИНСКИЕ МОГИЛЬНИКИ)

Аннотация. Статья посвящена реконструкции процессов формирования антропологического состава средневекового населения Сургутского Приобья на основе анализа новых одонтологических данных, происходящих из Сайгатинских могильников. Численность изученного материала (246 индивидов) позволила сформировать две выборки — VI–XI вв. и XII–XVI вв. для исследования динамики антропологического состава в хронологическом аспекте. В ходе работы группы охарактеризованы по расширенной одонтологической программе и сопоставлены с группами эпохи Великого переселения народов, средневековья, а также с близкими к современности группами Западной Сибири. В результате установлено, что на протяжении VI–XVI вв. в Сургутском Приобье проживало антропологически единое население. Не исключена миграция таежных групп из Среднего Приобья на подтаежные территории Тоболо-Иртышья на рубеже I и II тыс. Подтвердились ранее известные данные о том, что в средневековье Сургутское Приобье населяли предки современных угорских групп, близкие к восточным хантам, особенно рек Вах и Васюган.

Ключевые слова: север Западной Сибири, нижеобская культура, сайгатинская культура, восточные ханты, неметрические признаки зубной системы.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00181, <https://rscf.ru/project/24-78-00181/>.

Цитирование: Слепцова А.В. Антропологический состав средневекового населения Среднего Приобья по данным одонтологии (Сайгатинские могильники) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 130–140. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-10>

Введение

Сайгатинские могильники находятся в Сургутском районе Тюменской области, на правом берегу р. Оби, близ г. Сургута (рис. 1). Группа могильников исследуется уже несколько десятилетий, с 1983 г., под руководством А.П. Зыкова, Л.М. Тереховой и К.Г. Карачарова и др. Материал последних лет получен благодаря изысканиям НПО «Северная археология-1» и ООО «Юганская археологическая экспедиция». Сайгатинские могильники функционировали довольно продолжительное время — с III по XVI в. По инвентарю и погребальной обрядности выделяется несколько хронологических и культурных пластов. Погребения Сайгатинского I могильника датируются X–XI и XIII–XIV вв., Сайгатинского III — VII–X, X–XI и XIV вв., Сайгатинского IV — XII–XVI вв., Сайгатинского V — XIII–XIV вв., Сайгатинского VI — III–VI и X–XI вв. Таким образом, бытование могильника отражает все этапы нижеобской и сайгатинской культур [Чернецов, 1953; Федорова и др., 1991; Зыков, 2012].

По археологическим данным, начиная с середины I тыс. материальная и духовная культура населения Сургутского Приобья связана с протоугорскими традициями [Чернецов, 1957; Зыков, 2012]. К середине II тыс. окончательно складывается угорская культура, представленная в бескерамических комплексах XIV–XVI вв. [Могильников, 1987]. В.И. Семеновой предложена гипотеза о самодийской линии развития населения Сургутского Приобья и позднем проникновении угорского населения в таежные регионы Западной Сибири на рубеже XI–XII вв. [Семенова, 2001]. Миграционные импульсы предполагаются для वोжайского населения второй половины IX — второй половины X в. [Карачаров, 2006].

Объединенная в общую серию с материалами из могильников Усть-Балык и Барсовский выборка Сайгатинских могильников исследована по краниоскопической программе [Моисеев, 1999]. Проанализированная серия входит в кластер уральских популяций, объединяясь с близкими к современности урало- и тюркоязычными группами Западной Сибири [Там же, рис. 23, с. 95–97]. Внутригрупповой анализ краниометрических данных Сайгатинской выборки продемонстрировал стабильность антропологического состава, черепа ранней и поздней групп сходны по основным морфологическим признакам и пропорциям [Багашев, Пошехонова, 2007]. По результатам межгруппо-

вого анализа выборка отнесена к кругу локальных средневековых выборок Среднего Приобья, которые, в свою очередь, участвовали в формировании восточных хантов [Пошехонова, 2010; Багашев, 2017, с. 246]. Одонтологические данные о средневековых группах Среднего Приобья ранее не исследовались, при этом они представляют большой интерес ввиду лучшей сохранности в сравнении с костным материалом и соответственно большей численностью наблюдений.

Цель настоящего исследования — реконструировать процессы формирования антропологического состава средневекового населения Сургутского Приобья на основе анализа новых одонтологических данных, происходящих из Сайгатинских могильников. Для этого собранные данные изучены по расширенной одонтологической программе и сопоставлены с синхронными и диахронными группами Западной Сибири методами многомерной статистики.

Важно учитывать, что на этом этапе исследований мы можем реконструировать лишь часть эпизодов популяционной истории исследуемого региона. Палеоантропологические материалы раннего железного века с таежных территорий Западной Сибири единичны, поэтому вопросы происхождения исследуемого населения будут рассмотрены по мере накопления данных. Акцент будет сделан:

- на реконструкции динамики антропологического состава средневекового населения Среднего Приобья, оставившего Сайгатинские могильники;

- исследовании возможных синхронных и диахронных популяционных связей с группами эпохи Великого переселения народов — средневековья различных территорий и природных зон Западной Сибири;

- оценке степени участия средневекового таежного населения Среднего Приобья в формировании антропологического состава близких к современности, в особенности угорских, народов Западной Сибири.

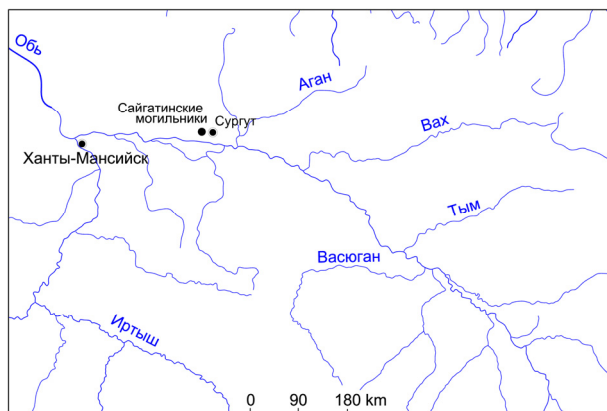

Рис. 1. Расположение Сайгатинских могильников, из которых происходит проанализированный антропологический материал.

Fig. 1. Location of Saigatinsky burials, the source of analyzed skeletal sample.

Материалы и методы

Общая численность обследованных из Сайгатинских могильников составила 246 индивидов (табл. 1). Из-за неудовлетворительной сохранности материала численность наблюдений на признак варьируется от 41 до 147. Обработанные материалы хранятся в фондах музея Института экологии растений и животных УрО РАН, секторе физической антропологии Тюменского научного центра СО РАН, кабинете антропологии Томского государственного университета. Для исследования хронологической динамики антропологического состава средневекового населения Сургутского Приобья сформированы две выборки — ранняя группа погребений нижнеобской культуры VI–XI вв. (в основном IX–XI вв.) и поздняя выборка сайгатинской культуры XII–XVI вв. Для разделения выборки по хронологии проведена работа с отчетами, хранящимися в Институте археологии РАН [Бахарев 2020; Борзунов, 2010; Карачаров, 1997, 1999, 2001–2005, 2008; Носкова, 2010]. Численность ранней выборки составила 99 индивидов, поздней — 147.

Антропологические данные обследованы по стандартной одонтологической программе [Зубов 1968, 2006], с учетом фенов, маркирующих архаичную составляющую [Зубова, 2013]. Для подсчета частот признаков использовался индивидуальный метод, когда учитывалось максимальная степень выраженности признаков на ключевом зубе, без учета стороны их локализации. Для увеличения числа наблюдений учитывались случаи, когда один из зубов-антимеров

отсутствовал. Объединены данные по женским, мужским и детским черепам, а также индивидуам, пол которых определить не удалось.

Таблица 1

Сводные данные об используемых в работе палеоантропологических материалах Сайгатинских могильников

Table 1

Summary data on the skeletal samples used in the study

Могильник	Автор и год раскопок	Место хранения	Количество
Сайгатинский I	Терехова, 1983	ТГУ, № 4475, 4477, 4481, 4484, 4489, 4532, 4533, 4536, 4537,	9
Сайгатинский II	Терехова, 1984	ТГУ, № 4479, 4485, 4487, 4490	4
Сайгатинский III	Терехова, 1986, 1987	ТГУ, № 4539, 4541, 4544, 4548, 4552, 4553, 4556, 4559, 4560, 4561	10
Сайгатинский IV	Терехова, 1986–1988; Носкова, 2009; Бахарев, 2019; Борзунов, 2009; Круземент, 2019; Рудковская, 2022; Тресцова, 2022	ТГУ, № 4562, 4564, 4568, 4570–4574, 4576–4579, 4581–4584, 4586–4588, 4590–4591, 4594, 4598–4600, 4602–4604 ТюмНЦ СО РАН, кол. 146 ИЭРиЖ	137
Сайгатинский V	Карачаров, 1997	ИЭРиЖ	6
Сайгатинский VI	Карачаров, 1999–2007	ИЭРиЖ	80
<i>Итого</i>			246

Таблица 2

Данные об одонтологических сериях, привлеченные для сопоставления

Table 2

Characteristic of the non-metric dental trait samples used in comparison

№ п/п	Территория	Культурная принадлежность	Могильники	Датировка	Источник данных
Группы эпохи Великого переселения народов — средневековья (нумерация соответствует рис. 2)					
1	Среднее Приобье	Нижнеобская культура (зеленогорский, кучиминский, кинтусовский этапы)	Сайгатинский I–IV, VI	VI–XI вв.	
2		Нижнеобская культура, (кучиминский, кинтусовский этапы) сайгатинская культура	Сайгатинский I, III–V	XII–XVI вв.	
3		Нижнеобская культура (кучиминский, кинтусовский этапы), сайгатинская культура	Барсов Городок (Барсовский 1, 4)	VIII–XV вв.	Слепцова, 2025, табл. 5
4		Нижнеобская культура, зеленогорский этап	Священная Кедровая Роща	Сер. IV — начало VIII в.	»
5	Нижнее Приобье	Нижнеобская культура (зеленогорский этап, кинтусовский этап)	Зеленый Яр	VIII–IX и XII–XIII вв.	»
6	Среднее Прииртышье	Потчевашская культура	Викуловское, Ирчинский, Лихачевский, Окунево 3	VI — начало IX в.	»
7		Усть-Ишимская культура	Долговское 1, Иванов Мыс 1, Кипы III, Кипо-Кулары I, II, Лынозавод 1, Малая Бича IV, Масарлы 2, Нугай I, Стрижево 3, Якушино III	IX–XIII вв.	»
8	Нижнее Приобье	Бакальская культура	Устюг-1, Ревда 5, Ипкуль, Козлов Мыс	Конец III — VI в.	»
9		Юдинская культура	Вак-Кур, Усть-Терсюк 3, Медный Борок, Чаплык-4	Сер. IX — сер. XIII в.	»
10	Верхнее Приобье	Верхнеобская культура	Красный Яр 1, Высокий Борок, Ближние Елбаны VIII, Юрт-Акбалык 8	V–VIII вв.	»
11	Нарымское Приобье	Релкинская культура	Релка, Тимирязевское 1, 2	V–VIII вв.	»
12		Басандайская культура	Басандайка, Малая Киргизка	XI–XIV вв.	»
Ближние к современности выборки (нумерация соответствует рис. 3)					
3	Нижнее Приобье	Манси	Лямьяпауль, Эсский 2 и др.	XVIII–XX вв.	Аксянова, 2003, табл. 21
4	Нижнее Прииртышье, р. Согом	Ханты южные	Чага	XVIII–XX вв.	»
5	Среднее Приобье, р. Салым	Ханты восточные	могильник юрт Соровских, Могильник юрт Кинтусовских 1, 2	XVIII–XX вв.	Аксянова и др., 2004, табл. 2
6	Среднее Приобье, р. Балык и протока Горная	Ханты восточные	Усть-Балык, Балыкское, Каркатеево	XVII–XX вв.	»
7	Среднее Приобье, р. Васюган	Ханты восточные	Тух-Эмтор, Окунды, Айполово, Тимельга	XVIII–XX вв.	»
8	Среднее Приобье, р. Вах	Ханты восточные	Урьево	XIX–XX вв.	»
9	Нарымское Приобье, р. Кеть	Селькупы Нарымские	Полуденный бор, Павлов бор, юрты Зубрековых, Лукьяновский, Тебенянский, Рыбинск, Максимоярский-4, Карбинский	XVI–XIX вв.	»
10	р. Таз	Селькупы северные	Сборы 1982–1984 г., ЯНАО, п. Красноселькуп, Толька		Дубов, 1988, табл. 1
11	р. Таз	Селькупы северные	Кики-Акки	XVIII–XIX вв.	Poshekhova et al., 2020, table 3
12	Енисей, рр. Елогуй и Подкаменная Тунгуска	Кеты	Плехановская курья, Соломай и др.	XIX–XX вв.	Аксянова, 2003, табл. 21
13	Нижнее Приобье	Ненцы тундровые	Сборы 1974 г., ЯНАО п. Яр-Сале, Ныда, Куптоыоган		»
14	р. Пур	Ненцы лесные	Сборы 1969 г., ЯНАО п. Тарко-Сале		»
15	Нижний Енисей	Нганасаны	Сборы 1976–1977 г., Красноярский край, Дудинский, Хатанский р-н		»
16	Енисей, рр. Нижняя Тунгуска, Подкаменная Тунгуска	Эвенки западные	Сборы 1982–1984 г., Красноярский край, п. Тура, Эконда, Байит, Суринда		Дубов, 1988, табл. 1
17	Среднее Прииртышье, р. Тара	Татары тарские	Чеплярово, Токсай, Черталы	XVII–XIX вв.	Аксянова, Слепцова, 2026, табл. 2
18	Среднее Прииртышье, р. Тара	Татары барабинские	Лынозавод 3, 4, Кыштовка 1, 2, Абрамово 10	XVII–XVIII вв.	»
19	Нарымское Приобье	Татары томские (зуштинцы)	Козюлино	XIX–XX вв.	Аксянова, 2014
20	Нарымское Приобье, р. Чулым	Чулымцы (чулымские тюрки)	Берегаево, Кыца, Рубеж, Арлаганское, Тукайская курганная группа, Бихтулино, Малиновка, Ясашная гора, Тургай-1, Иловский	XVI–XIX вв.	Аксянова, 2003, табл. 21

При анализе различий между одонтологическими характеристиками выборок Сайгатинских могильников различных хронологических периодов достоверность различий оценивалась по результатам попарного межгруппового сопоставления на основании двустороннего точного критерия Фишера. Статистически значимым считалось значение $p \leq 0,05$.

Для реконструкции синхронных и диахронных популяционных связей средневекового населения, оставившего Сайгатинские могильники, выполнено два варианта факторного анализа методом главных компонент. В первом варианте анализа привлечены авторские материалы из памятников эпохи Великого переселения народов и средневековья с территории Тоболо-Иртышья, Нижнего, Среднего, Верхнего и Нарымского Приобья (10 групп) (табл. 2) [Слепцова, 2025, табл. 5]. Для оценки степени участия средневекового населения Сургутского Приобья, оставившего Сайгатинские могильники, в формировании антропологического состава близких к современности народов Западной Сибири предпринят второй вариант анализа с привлечением опубликованных сравнительных материалов по 18 группам современных селькупов, обитающих на реках Таз, Обь, Парабель, Васюган, Кеть, хантов рек Салым, Сыня, Балык, Васюган, Вах, коми, манси, кетов, тундровых и лесных ненцев [Аксянова, 2003, с. 296, табл. 21; Аксянова и др., 2004, табл. 2; Poshekhonova et al., 2020]. Также использованы данные о тарских, барабинских, томских татарах и чулымцах [Аксянова 2014; Аксянова, Слепцова, 2026]. Сравнительный межгрупповой анализ выполнялся в программе STATISTICA for Windows, v. 10, методом главных компонент на основе тригонометрически преобразованных частот восьми признаков. Использованы частоты лопатообразности верхних медиальных резцов (баллы 2 и 3 суммарно), бугорка Карабелли на верхних первых молярах (баллы 2–5 суммарно), 6- и 4-бугорковых нижних первых моляров, 4-бугорковых нижних вторых моляров, дистального гребня тригониды, коленчатой складки метакониды и внутреннего среднего дополнительного бугорка (tami) на нижних первых молярах.

Результаты

Выборки из Сайгатинских могильников характеризуются пониженными для представителей восточного одонтологического ствола частотами лопатообразных форм центральных и латеральных резцов (19,0 %) (табл. 3). Особенности строения лингвальной поверхности центральных резцов — пальцевидные гребни, хорошо развитый лингвальный бугорок (балл 3) и два случая вестибулярной лопатообразности — встречены только в поздней выборке. На клыках в четырех случаях отмечен развитый лингвальный бугорок (балл 3, все случаи в поздней выборке), дополнительный дистальный гребень на клыках встречен в половине случаев. На первых верхних молярах с пониженной частотой встречен бугорок Карабелли (11,7 %), дополнительные дистальные бугорки — со средней частотой (51,2 %). На зубах этого класса с довольно высокой частотой отмечен косой гребень (10,4 %), соединяющий между собой метаконус и протоконус, и пять раз — эпикриста. Гипоконус вторых моляров редуцирован с пониженной частотой (29,9 %).

На нижней челюсти индивидов большинство первых нижних моляров 5-бугорковой формы, с узором коронки «У». Шести- и четырехбугорковые первые моляры встречены в суммарной сайгатинской выборке по десять раз (7,4 %), при этом частоты как сложных, так и редуцированных форм возрастают в поздней группе (от 4,5 и 2,3 % до 8,7 и 9,8 %). Протостилид отсутствует, ямка протостилиды и внутренний средний дополнительный бугорок (tami) обнаруживаются редко (23,3 и 3,2 %). В сериях различаются частоты дистального гребня тригониды — в ранней серии частота признака повышена (22,2 %). В выборках коленчатая складка метакониды встречена с повышенной для западносибирских групп частотой (33,3 %). Вторая борозда метакониды в большинстве случаев впадает в фиссуру III. Четырехбугорковые формы вторых моляров встречены с пониженной частотой в ранней группе (48,7 %), в поздней серии частоты признака достигают средних значений (67,6 %). При этом большая часть случаев 6-бугорковых вторых нижних моляров приходится на раннюю выборку (10,3 %), тогда как все 3-бугорковые формы зубов этого класса встречены в поздней группе (5,6 %).

Выборки из Сайгатинских могильников отличаются прогрессивным строением зубной системы, маркеры архаики в этих выборках встречены крайне редко. При этом единичные случаи передней и задней ямки первых моляров отмечены только в поздней группе.

Выделенные различия между двумя хронологическими выборками Сайгатинских могильников, однако, незначительны на основании двустороннего точного теста Фишера. Единственный достоверно различающийся признак — межкорневой затек эмали вторых верхних моляров — фен восточной ориентации, встречающийся значительно реже в поздней группе.

В целом, отличительными чертами Сайгатинской серии Среднего Приобья являются пониженные частоты лопатообразности медиальных резцов при повышенных частотах коленчатой складки метаконида первых нижних моляров.

Таблица 3

**Одонтологические характеристики группы Сайгатинских могильников,
двусторонний точный тест Фишера**

Table 3

Dental non-metric traits variation of the Saigatino sites groups, two-tailed Fisher's exact test

Признаки	Сайгатинские могильники						
	VI–XI вв.		XII–XVI вв.		p	Суммарно	
	n (N)	%	n (N)	%		n (N)	%
Верхняя челюсть							
Лопатообразность I ¹ (2+3)	5 (26)	19,2	10 (53)	18,9	1,000	15 (79)	19,0
Лопатообразность I ² (2+3)	9 (20)	45,0	31 (52)	59,6	0,299	40 (72)	55,6
Пальцевидные гребни I ¹	0 (23)	0,0	1 (45)	2,2	1,000	1 (68)	1,5
Лингвальный бугорок (3-6) I ¹	0 (23)	0,0	1 (45)	2,2	1,000	1 (68)	1,5
Лингвальная ямка I ¹	0 (23)	0,0	0 (45)	0,0	1,000	0 (68)	0,0
Вестибулярная лопатообразность I ¹	0 (26)	0,0	2 (53)	3,8	0,553	2 (79)	2,5
Вестибулярная выпуклость I ¹	0 (23)	0,0	0 (45)	0,0	1,000	0 (68)	0,0
Лингвальный наклон коронки I ¹	0 (23)	0,0	0 (45)	0,0	1,000	0 (68)	0,0
Редукция резцов I ² (2+3)	0 (16)	0,0	0 (37)	0,0	1,000	0 (53)	0,0
Дополнительный дистальный гребень C	4 (11)	36,4	17 (30)	56,7	0,306	21 (41)	51,2
Лингвальный бугорок (3-6) C	0 (31)	0,0	4 (45)	8,9	0,141	4 (76)	5,3
Редукция метаконуса (2-5) M ¹	0 (62)	0,0	3 (110)	2,7	1,000	3 (172)	1,7
Редукция гипоконуса (3, 3+) M ²	17 (52)	32,7	27 (95)	28,4	0,706	44 (147)	29,9
Бугорок Карабелли (2-5) M ¹	9 (47)	19,1	8 (98)	8,2	0,095	17 (145)	11,7
Дополнительный дистальный бугорок M ¹	9 (34)	26,5	17 (72)	23,6	0,811	26 (106)	24,5
Эпикриста M ¹	2 (34)	5,9	3 (72)	4,2	0,655	5 (106)	4,7
Косой гребень (2,3) M ¹	4 (34)	11,8	7 (72)	9,7	0,742	11 (106)	10,4
Передняя ямка (fa) M ¹	0 (34)	0,0	0 (72)	0,0	1,000	0 (106)	0,0
Задняя ямка (fr) M ¹	0 (34)	0,0	1 (72)	1,4	1,000	1 (106)	0,9
Межкорневой затек эмали (5-6) M ²	11 (42)	26,2	3 (76)	3,9	0,000	14 (118)	11,9
1 pa (eo), тип 3	1 (18)	5,6	4 (43)	9,3	1,000	5 (61)	8,2
1 me / 1 pa (eo), тип 1	6 (12)	50,0	22 (34)	64,7	0,495	28 (46)	60,9
1 pr (ll)	2 (13)	15,4	8 (42)	19,0	1,000	10 (55)	18,2
Нижняя челюсть							
6-бугорковый M ₁	2 (44)	4,5	8 (92)	8,7	0,499	10 (136)	7,4
4-бугорковый M ₁	1 (44)	2,3	9 (92)	9,8	0,166	10 (136)	7,4
(+)M ₁ (4-6)	0 (51)	0,0	1 (99)	1,0	1,000	1 (150)	0,7
(X)M ₁ (4-6)	1 (51)	2,0	6 (99)	6,0	0,423	7 (150)	4,7
6-бугорковый M ₂	4 (39)	10,3	1 (71)	1,4	0,052	5 (110)	4,5
4-бугорковый M ₂	19 (39)	48,7	48 (71)	67,6	0,067	67 (110)	60,9
3-бугорковый M ₂	0 (39)	0,0	4 (71)	5,6	0,295	4 (110)	3,6
(Y)M ₂ (3-6)	12 (42)	28,6	15 (70)	21,4	0,494	27 (112)	24,1
(+)M ₂ (3-6)	2 (42)	4,8	9 (70)	12,9	0,204	11 (112)	9,8
(X)M ₂ (3-6)	29 (42)	69,0	50 (70)	71,4	0,832	79 (112)	70,5
Дистальный гребень тригониды M ₁	10 (45)	22,2	13 (97)	13,4	0,222	23 (142)	16,2
Средний гребень тригониды M ₁	0 (45)	0,0	0 (97)	0,0	1,000	0 (142)	0,0
Коленчатая складка метакониды M ₁	8 (28)	28,6	23 (65)	35,4	0,634	31 (93)	33,3
Tam ₁	1 (42)	2,4	3 (84)	3,6	1,000	4 (126)	3,2
Дополнительный мезиальный бугорок M ₁	2 (31)	6,5	5 (72)	6,9	0,668	7 (103)	6,8
Передняя ямка (fa) M ₁	0 (31)	0,0	2 (72)	2,8	1,000	2 (103)	1,9
Задняя ямка (fr) M ₁	0 (31)	0,0	1 (72)	1,4	1,000	1 (103)	0,9
Протостилид (2–5) M ₁	0 (41)	0,0	0 (79)	0,0	1,000	0 (120)	0,0
Ямка протостилида (p) M ₁	11 (41)	2,7	17 (79)	8,9	0,506	28 (120)	23,3
Межкорневой затек эмали (5–6) M ₂	5 (30)	16,7	7 (68)	10,3	0,504	12 (98)	12,2
2 med (ll) M ₁	3 (28)	10,7	11 (68)	16,2	0,751	14 (96)	14,6
2 med (lll) M ₁	24 (28)	85,6	57 (68)	83,8	1,000	81 (96)	84,4

В первом варианте анализа методом главных компонент группы Сайгатинских могильников сопоставлены с сериями эпохи Великого переселения народов и средневековья Западной Сибири (табл. 4, рис. 2). ГК 1 (34,89 % изменчивости) противопоставляет серии по степени представленности лопатообразности медиальных резцов, коленчатой складки метаконида и дистального гребня тригониды первых нижних моляров, 4-бугорковых вторых нижних моляров. В его положительном поле располагаются серии, в составе которых отмечены повышенные частоты 4-бугорковых вторых нижних моляров, в отрицательном поле — группы с повышенными частотами признаков «восточной» ориентации — лопатообразных форм центральных резцов, коленчатой складки метаконида и дистального гребня тригониды. Таким образом, первая главная компонента (34,89 % изменчивости) делит серии по направлению запад-восток. ГК 2 (24,40 % изменчивости) противопоставляет серии по степени представленности бугорка Карабелли, 6-бугорковых первых нижних моляров и tam₁.

На графике (рис. 2) часть серий расположены согласно локализации по географическим зонам. Максимальные положительные значения координат по ГК 1 занимает лесостепная выборка потче-

вашской культуры, в характеристиках которой преобладают признаки западного одонтологического ствола. Из привлеченных для сопоставления это единственная выборка, в составе которой отсутствуют лопатообразные формы резцов. Максимально отрицательные значения по ГК 1 имеет выборка тундровой (арктической) зоны могильника Зеленый Яр, что, по-видимому, связано с резко повышенными признаками восточного одонтологического ствола в составе группы.

Таблица 4

Нагрузки на признаки в составе главных компонент. Одонтологический анализ групп Великого переселения народов и средневековья

Table 4

Principal component loadings. Dental non-metric traits variation of Great Migration period and Medieval samples

Признак	ГК 1	ГК 2
Лопатообразность (2+3) I ¹	-0,72	-0,16
Бугорок Карабелли (2-5) M ¹	0,47	0,71
6-бугорковые M ₁	-0,26	0,82
4-бугорковые M ₁	0,41	0,48
4-бугорковые M ₂	0,71	-0,17
Дистальный гребень тригониды M ₁	-0,61	0,11
Коленчатая складка метакониды M ₁	-0,83	-0,11
Tam ₁ M ₁	0,49	-0,68
Собственное число	2,8	2,0
Доля изменчивости, %	34,89	24,40

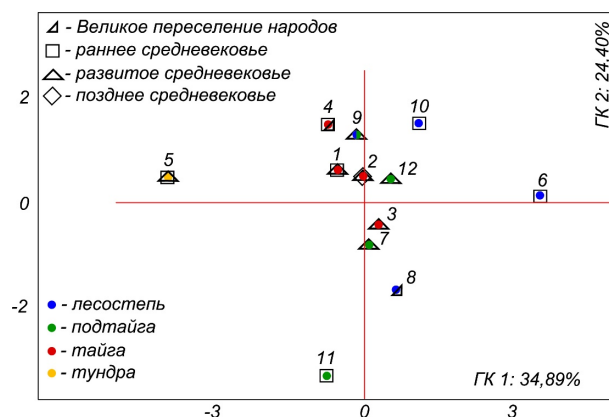

Рис. 2. Результаты сопоставления одонтологических характеристик групп Сайгатинских могильников с сериями Великого переселения народов и средневековья Западной Сибири:

1 — Сайгатинские, VI–XI вв.; 2 — Сайгатинские, XII–XVI вв.; 3 — Барсов Городок; 4 — Священная Кедровая Роща; 5 — Зеленый Яр; 6 — потчевашская культура; 7 — усть-ишимская культура; 8 — бакальская культура; 9 — юдинская культура; 10 — верхнеобская культура; 11 — релкинская культура; 12 — басандайская культура (подробнее см. табл. 1).

Fig. 2. Results of comparison of dental non-metric traits of the Saigatinskiy burial groups with the samples of the Great Migration period and Middle Ages.

Сайгатинские выборки локализовались рядом друг с другом, в плотном скоплении с группами таежной и подтаежной зон Западной Сибири. ГК 2 разделяет это скопление, локализуя в отрицательном поле подтаежную усть-ишимскую выборку из Прииртышья, таежную группу Барсовского могильника и серию релкинской культуры Нарымского Приобья, имеющую максимальные значения, возможно ввиду своей малочисленности. В одном поле с Сайгатинскими выборками расположены группа из могильников юдинской культуры подтаежного и лесостепного Приобья, а также таежная выборка зеленогорского этапа (Священная Кедровая Роща).

Второй анализ главных компонент направлен на выявление возможного участия Сайгатинских групп Среднего Приобья в формировании антропологического состава близких к современности народов Западной Сибири (табл. 5, рис. 3). По ГК 1 (28,61 % изменчивости) серии с повышенными частотами 6-бугорковых форм и внутреннего среднего дополнительного бугорка (tam₁) нижних первых моляров (положительное поле) противопоставляются выборкам, в характеристиках которых часто отмечается коленчатая складка метакониды первых нижних моляров (отрицательное поле). Распространение серий по ГК2 (26,94 % изменчивости) более традиционно — выборки с повышенными частотами лопатообразных форм центральных резцов противопоставляются группам с редуцированными нижними молярами (ориентация запад-восток).

**Нагрузки на признаки в составе главных компонент. Одонтологический анализ
близких к современности групп Западной Сибири**

Table 5

Principal component loadings. Dental non-metric traits variation of the near-Modern groups in Western Siberia

Признак	ГК 1	ГК 2
Лопатообразность (2+3) I ¹	0,32	-0,68
Бугорок Карабелли (2-5) M ¹	0,25	-0,18
6-бугорковые M ₁	0,70	-0,43
4-бугорковые M ₁	0,40	0,70
4-бугорковые M ₂	0,13	0,89
Дистальный гребень тригониды M ₁	-0,44	0,24
Коленчатая складка метакониды M ₁	-0,68	-0,37
Tam ₁ M ₁	0,89	0,03
Собственное число	2,3	2,2
Доля изменчивости, %	28,61	26,94

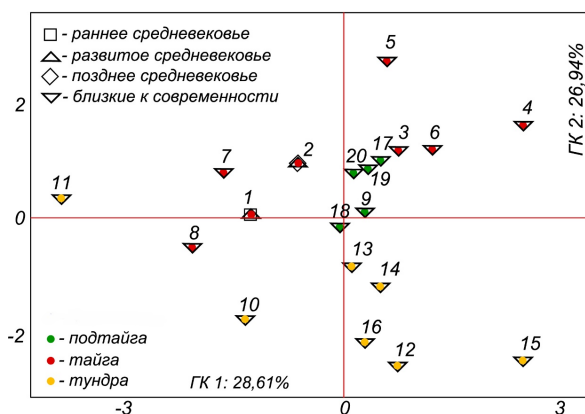

Рис. 3. Результаты сопоставления одонтологических характеристик выборок из Сайгатинских могильников с сериями Нового времени и группами, близкими к современности, Западной Сибири:

1 — Сайгатинские, VI–XI вв.; 2 — Сайгатинские, XII–XVI вв.; 3 — манси, XVIII–XX вв.; 4–8 — ханты, XVII–XX вв.; 9–11 — селькупы, XVII–XX вв.; 12 — кеты, XIX–XX вв.; 13, 14 — ненцы, XX в.; 15 — нганасаны, XX в.; 16 — эвенки, XX в.; 17–19 — татары, XVI–XVIII вв.; 20 — чулымцы, XVI–XX вв. (подробнее см. табл. 1).

Fig. 3. Results of the comparison of dental non-metric traits of the Saigatinsk burial with the Modern Period and near-Modern groups of Western Siberia.

На графике сопоставленные выборки локализуются согласно природно-географическим зонам (рис. 3) — ГК 2 противопоставляет подтаежные и таежные выборки группам из тундровой зоны, при этом особенности расположения выборок в пространстве первой и второй главных компонент выявляют несколько закономерностей. Расположение выборок на графике соответствует тезису о том, что угро-самодийские группы антропологически значительно более разнообразны, чем тюрки южных районов [Дремов и др., 1998, с. 246]. ГК 1 разделяет выборки самодийского круга, противопоставляя группы северных селькупов р. Таз выборкам ненцев, нганасан и эвенков. Удаленность группы северных селькупов XVIII–XIX вв. от выборок самодийского круга объясняется популяционными связями с ваховскими хантами [Poshekhova et al., 2020]. Расположение тюркских групп в тесном скоплении в положительном поле графа подтверждает тезис о гомогенности их антропологического состава [Аксянова, Слепцова, 2026]. Среди групп угорского круга, напротив, рассеянных в положительном поле ГК 2, выборки восточных хантов рек Вах и Васюган обособлены от остальных по ГК 1, сближаясь с исследуемыми группами Сайгатинских могильников. Для этих серий характерны пониженные частоты лопатообразности медиальных резцов и внутреннего среднего дополнительного бугорка (tam₁), повышенные частоты редуцированных форм нижних моляров и коленчатой складки метакониды. При этом, помимо выборок васюганских и ваховских хантов, поздняя Сайгатинская группа сближается с подтаежными тюркскими группами.

Обсуждение результатов и выводы

Погребения Сайгатинского могильника отражают более чем тысячелетнюю популяционную историю Среднего Приобья. Проведенный анализ одонтологических данных свидетельствует о

стабильности антропологического состава средневекового населения таежного региона: основные одонтологические черты, описывающие своеобразие Сайгатинских групп — пониженные частоты лопатообразности медиальных резцов при повышенных частотах коленчатой складки метаконида первых нижних моляров — хронологически стабильны. Полученные данные согласуются с археологическими концепциями, отмечающими преемственность между этапами нижнеобской ИКО, связь материальной культуры нижнеобских и сайгатинских памятников [Чернецов, 1953; Федорова и др., 1991; Зыков, 2012]. Единство сайгатинских черепов на внутrigрупповом уровне (краниологические данные [Багашев, Пошехонова, 2007]) и их близость к таежным группам Среднего Приобья (рис. 2) не подтверждают тезис о наличии инородного компонента в составе носителей нижнеобской и сайгатинской культур, в том числе вожпайского населения [Карачаров, 2006].

Предпринятый анализ позволяет затронуть вопрос о возможной миграции таежных племен в подтаежную зону Тоболо-Иртышья. В предыдущих работах показано, что антропологический состав лесостепных групп Тоболо-Иртышья эпохи Великого переселения народов — раннего средневековья сформировался на основе саргатских групп, населявших эти территории в предшествующий период [Зеленков, Слепцова, 2025; Слепцова, 2025]. При этом результаты анализа краниометрических данных бакальской выборки допускают влияние таежных групп на антропологический состав бакальского населения [Пошехонова, Слепцова, 2017]. Выборки подтаежной зоны Тоболо-Иртышья рубежа I и II тыс. отличаются от ранних лесостепных групп. По археологическим данным, усть-ишимская культура формируется к началу X в. в результате взаимодействия оставшихся в Прииртышье потчевашских групп, представителей кинтусовского этапа нижнеобской культуры и носителей сrostкинской культуры [Конилов, 2007, с. 253–254]. Миграция южных хантов в Прииртышье предполагается исходя из аналогий в материальной культуре хантов и усть-ишимских групп [Молодин, 2005; Конилов, 2007]. По археологическим данным, юдинская культура подтаежной зоны Притоболья складывается на базе уральского субстрата, носителей петрогромско-батырской культуры горнолесного Зауралья, и северного западносибирского суперстрата — представителей кинтусовских традиций нижнеобской ИКО [Западная Сибирь... 2022, с. 162]. Результаты анализа одонтологических данных, с одной стороны, позволяют высказаться в пользу участия групп нижнеобской ИКО в сложении антропологического состава подтаежных и лесостепных групп усть-ишимской и юдинской культур Тоболо-Иртышья. С другой стороны, на данном этапе исследования, при отсутствии сравнительных данных о носителях сrostкинской культуры лесостепной части Западной Сибири, кимако-кыпчакских группах Костанайского Притоболья и Павлодарского Прииртышья, делать выводы преждевременно.

Носителей археологических культур — нижнеобской и сайгатинской, к которым относятся Сайгатинские погребения, зачастую связывают с угорским этносом (северной и восточной группами хантов и манси) [Могильников, 1987] и считают предками аборигенных народов Западной Сибири [Зыков, 2012, с. 97]. Обнаруженное по результатам анализа одонтологических данных сходство групп из Сайгатинских могильников с современными хантами рек Вах и Васюган подтверждает ранее сделанные выводы, полученные по результатам анализа краниометрических данных [Багашев, Пошехонова, 2007; Пошехонова, 2010; Багашев, 2017, с. 246]. В целом, одонтологические данные дополняют реконструированные ранее эпизоды популяционной истории региона. Интересно, что, аналогично результатам анализа ГК (рис. 3), при сопоставлении краниометрических характеристик поздняя группа Сайгатинских могильников сближается с тюркским населением Западной Сибири — томскими, тоболо-иртышскими татарами и чулымцами [Багашев, Пошехонова, 2007, рис. 2], а суммарная выборка Сайгатинских могильников на графиках, как правило, располагается между угорскими и тюркскими совокупностями [Пошехонова, 2010, рис. 3; Багашев, 2017, с. 342, рис. 25], составляющими западносибирскую локальную группу популяций [Багашев, 2017, с. 371].

Таким образом, на основе анализа первых одонтологических данных средневекового населения Среднего Приобья можно сделать несколько выводов:

- на протяжении VI–XVI вв. в Сургутском Приобье проживало антропологически единое население;
- возможна миграция таежных групп из Среднего Приобья на подтаежные территории Тоболо-Иртышья на рубеже I и II тыс.;
- в эпоху средневековья Сургутское Приобье населяли предки современных угорских групп, близкие к восточным хантам, особенно рек Вах и Васюган.

Благодарности. Автор выражает благодарность Н.Г. Ерохину (Институт экологии растений и животных УрО РАН) и М.П. Рыкун (Кабинет антропологии Томского Государственного университета) за предоставленную

возможность работы с антропологическими коллекциями. Автор благодарит Г.А. Аксянову (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН) за предоставленные неопубликованные данные. Выражаю благодарность двум анонимным рецензентам и О.Е. Пошехоновой, ценные замечания которых позволили существенно улучшить работу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксянова Г.А. Одонтология // Этнография и антропология Ямала. Новосибирск: Наука, 2003. С. 292–344.
- Аксянова Г.А. Одонтология томских татар-эуштинцев // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: ИА АН РТ, 2014. Т. IV. С. 384–387.
- Аксянова Г.А., Боброва А.И., Яковлев Я.А. Могильник Алдыган – некрополь раннего железного века кулайской культуры // Вестник антропологии. 2004. Вып. 11. С. 54–75.
- Аксянова Г.А., Слепцова А.В. Одонтологическая характеристика тарских и барабинских татар Западной Сибири (корпус описательных и метрических данных) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. № 2 (73). С. 135–148.
- Багашев А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017. 408 с.
- Багашев А.Н., Пошехонова О.Е. Антропологический состав и проблемы происхождения средневекового таежного населения Среднего Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 8. С. 87–96.
- Дремов В.А., Багашев А.Н., Ким А.Р. Антропологический состав коренного населения // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Раздел 2.1.1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 29–38.
- Дубов А.И. Одонтологическая характеристика хантов, селькупов и эвенков // Полевые исследования ИЭ АН СССР. 1983. М.: Наука, 1988. С. 106–110.
- Зеленков А.С., Слепцова А.В. Статистический анализ погребального обряда и одонтологических характеристик населения эпохи Великого переселения народов лесостепного и подтаежного Зауралья (бакальская культура) // Уфим. археол. вестник. 2025. Т. 25. № 4. С. 665–684. <https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.4.044>
- Зеленков А.С., Слепцова А.В., Конилов Б.А., Грачев М.А. Комплексы раннего средневековья из северной лесостепи Прииртышья — Ирчинский курганный могильник (по материалам В.А. Могильникова 1969 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. № 3 (70). С. 89–102. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-8>
- Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: Этно-Онлайн, 2006. 72 с.
- Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии эпохи неолита // Вестник антропологии. 2013. № 4 (26). С. 107–127.
- Зыков А.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. 232 с.
- Карачаров К.Г. Вожпайская археологическая культура // УИВ. 2006. № 14. С. 135–149.
- Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск: ОмГПУ, Наука, 2007. 466 с.
- Матвеева Н.П. (отв. ред.). Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: Взаимодействие этнокультурных общностей. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2022. 260 с.
- Могильников В.А. Лесостепное Зауралье // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1987. 512 с.
- Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб.: Наука, 1999. 134 с.
- Молодин В.И. От древних культур к современным народам // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 18–56.
- Пошехонова О.Е. Краниологические особенности средневековых популяций Сургутского Приобья (по материалам могильников с Барсовой Горы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 111–121.
- Пошехонова О.Е., Слепцова А.В. Население Нижнего Приобья в переходное время от раннего железного века к средневековью по данным краниологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 90–103. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-090-103>
- Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.
- Слепцова А.В. Антропологический состав населения Среднего Прииртышья VI–XIII вв. по данным одонтологии (предварительные результаты) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. № 3 (70). С. 137–149. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-12>
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАН. 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 360 с.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 136–245. (МИА; № 58).
- Poshekhonova O.E., Zubova A.V., Sleptsova A.V. Origins of the Northern Selkups Based on Anthropological Data // Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations, 2020. Vol. 25 (1). P. 152–170. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.13>

ИСТОЧНИКИ

Бахарев П.С. Отчет о НИР: Археологические раскопки на территории выявленных объектов археологического наследия «селище Кучиминское 17с (XVIIIс)», «селище Кучиминское 40 (XL)», «могильник Сайгатинский 4 (IV)», расположенных в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, в 2019 году. 2020 // Архив ИА РАН. Р-1 71661.

Борзунов В.А. Отчет о НИР: Археологические раскопки могильника Сайгатинский IV в зоне реконструкции нефтепровода «Усть-Балык — Нижневартовск» у д. Сайгатина Сургутского района ХМАО — Югры в 2009 г. (раскоп 5). 2010 // Архив ИА РАН. Р-1 38420.

Карачаров К.Г. Отчет о НИР: Археологические исследования погребальных комплексов в урочище Сайгатино в 1996 г (раскопки могильника Сагатиснский 5 и обследование могильника Сайгатиснский 6). 1997 // Архив ИА РАН. Р-1 20360

Карачаров К.Г. Отчет о НИР: Исследование могильника Сайгатинского 6 и селища Кучиминское 4 в 1998 году. 1999 // Архив ИА РАН. Р-1 21894.

Карачаров К.Г. Отчет о НИР: Археологические исследования на могильнике Сайгатинский VI и селище Кучиминское IV в 2001 году. 2002 // Архив ИА РАН. Р-1 25798.

Карачаров К.Г. Отчет о НИР: Археологические исследования на могильнике Сайгатинский VI и селище Кучиминское IV в 2002 году. 2003 // Архив ИА РАН. Р-1 27379.

Карачаров К.Г. Отчет о НИР: Археологические исследования на могильнике Сайгатинский VI и селище Кучиминское XXII в 2003 году. 2004 // Архив ИА РАН. Р-1 28555.

Карачаров К.Г. Отчет о НИР: Археологические исследования на могильнике Сайгатинский VI и селище Кучиминское XXII в 2004 году. 2005 // Архив ИА РАН. Р-1 33431.

Карачаров К.Г. Отчет о НИР: Археологические исследования на могильнике Сайгатинский VI и селище Кучиминское XXII в Сургутском районе ХМАО — Югры в 2007 году. 2008 // Архив ИА РАН. Р-1 47394.

Носкова А.В. Отчет о НИР: Охранные археологические раскопки могильника Сайгатинского IV в Сургутском районе ХМАО — Югры в 2009 году. Сургут, 2010 // Архив ИА РАН. Р-1 38290.

Sleptsova A.V.

Tyumen Scientific Centre SB RAS, sleptsova_1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5791-248X>

Medieval population of the Middle Ob region according to dental non-metric data (Saigatinsky burials)

Summary. Current paper is devoted to the reconstruction of the biological affinities of the Medieval people of the Middle Ob region based on dental non-metric traits data from Saigatinsky burial grounds. The large number of individuals examined (246) allowed to form two samples, dating from the 6th–11th and 12th–16th centuries, to study the chronological dynamics. These groups were characterized using an expanded dental program and compared with Western Siberia groups of the Great Migration Period, the Middle Ages, and near-Modern Era. As a result, it was established that an anthropologically unified population lived in the Surgut Ob region during the 6th–16th centuries. There is possibility of a migration of taiga groups from the Middle Ob region to the subtaiga territories of the Tobol-Irtysh region at the turn of the first and second millennia. Confirmed previously known data about the significant affinities between medieval population of the Surgut Ob region and near-modern Ugric populations, especially the Eastern Khanty of the Vasyugan and Vakh River.

Keywords: northern part of Western Siberia, Lower Ob Cultural and Historical Community, Saigatino Culture, Eastern Khanty, dental non-metric traits variation.

Acknowledgements. The author is grateful to N.G. Erokhin (Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences) and M.P. Rykun (Anthropology Department of Tomsk State University) for the opportunity to work with osteological collections. The author thanks G.A. Aksyanova (N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS) for sharing unpublished data. I would like to express my gratitude to two anonymous reviewers and O.E. Poshekhonova, whose valuable comments significantly improved the paper.

Funding. The work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation Project № 24-78-00181, <https://rscf.ru/project/24-78-00181/>.

REFERENCES

- Aksyanova, G.A. (2003). Dental anthropology. In: *Etnografiya i antropologiya Yamala*. Novosibirsk: Nauka, 292–344. (Rus.).
- Aksyanova, G.A. (2014). Dental non-metric trait variation among Tomsk Eushta Tatars. In: *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Kazani*. Vol. 4. Kazan: IA AN RT, 384–387. (Rus.).
- Aksyanova, G.A., Bobrova, A.I., Yakovlev, Ya.A. (2004). Aldygan Burial Ground: Early Iron Age Necropolis of the Kulay Culture. *Vestnik antropologii*, (11), 54–75. (Rus.).
- Aksyanova, G.A., Sleptsova, A.V. (2026). Dental traits variation among Tara and Baraba Tatars of Western Siberia (metric and non-metric data). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 135–148. (Rus.).

- Bagashev, A.N. (2017). *Anthropology of Western Siberia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Bagashev, A.N., Poshekhonova, O.E. (2007). Anthropological Composition and Origin of the Medieval Taiga Population of the Middle Ob Region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (8), 87–96. (Rus.).
- Chernetsov, V.N. (1953). *Ancient history of the Lower Ob region*. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Chernetsov, V.N. (1957). Lower Ob region in the 1st millennium AD. *Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, (58). Moscow: Izd-vo AN SSSR, 136–245. (Rus.).
- Dremov, V.A., Bagashev, A.N., Kim, A.R. (1998). Anthropological Composition of the Indigenous Population. In: *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. Vol. 4. Razdel 2.1.1*. Tomsk: Izd-vo TGU, 29–38. (Rus.).
- Dubov, A.I. (1988). Dental non-metric traits of the Khanty, Selkups, and Evenks. *Polevyye issledovaniya Instituta etnografii AN SSSR in 1983*. Moscow, 106–110. (Rus.).
- Fedorova, N.V., Zykov, A.P., Morozov, V.M., Terekhova, L.M. (1991). Surgut Ob region in the Middle Ages. *Voprosy arkheologii Urala*, (20), 126–145. (Rus.).
- Karacharov, K.G. (2006). Vozhpaï archaeological culture. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, (14), 135–149. (Rus.).
- Konikov, B.A. (2007). *Omsk Irtys region in the Early and High Middle Ages*. Omsk. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (Ed.) (2022). *Western Siberia in the Early Middle Ages: Interaction of Ethnocultural Communities*. Tyumen: Izd-vo TyumGU. (Rus.).
- Moiseyev, V.G. (1999). *The origin of the Ural-speaking peoples according to craniology*. St/ Petersburg: Nauka. (Rus.).
- Mogilnikov, V.A. (1987). Forest-steppe Trans-Urals. In: *Finno-ugry i balty v epohu srednevekov'ya. Arkheologiya SSSR*. Moscow. (Rus.).
- Molodin, V.I. (2005). From ancient cultures to modern peoples. In: *Narody Zapadnoy Sibiri: Hanty. Mansi. Sel'kupy. Nency. Ency. Nganasany. Kety*. Moscow: Nauka, 18–56. (Rus.).
- Poshekhonova, O.E. (2010). Craniological features of medieval populations of the Surgut Ob region (based on materials from burial grounds on Barsova Gora). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 111–121. (Rus.).
- Poshekhonova, O.E., Sleptsova, A.V. (2017). Population of the Lower Tobol region in the transition period from the Early Iron Age to the Middle Ages according to craniological data. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 90–103. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-090-103>
- Semenova, V.I. (2001). *Medieval burial grounds of the Yugan Ob region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Sleptsova, A.V. (2025). Biological affinities of the population of the Middle Irtys region at the turn of the 6th–13th centuries according to dental non-metric data (preliminary results). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 137–149. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-12>
- Zelenkov, A.S., Sleptsova, A.V. (2005). Statistical Analysis of Funeral Rite and Odontological Characteristics of the Forest-Steppe and Taiga Transurals People during the Migration Period (Bakalskaya Culture). *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik*, 25(4), 665–684. (Rus.). <https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.4.044>
- Zelenkov, A.S., Sleptsova, A.V., Konikov, B.A., Grachev, M.A. (2025). Early medieval complexes from the northern forest-steppe of the Irtys region — Irchinsky burial mound. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 89–102. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-70-3-8>
- Zubov, A.A. (1968). *Odontology: Methodology of anthropological research*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Zubov, A.A. (2006). *Methodological manual for the anthropological analysis of odontological materials*. Moscow: Etno-Onlain. (Rus.).
- Zubova, A.V. (2013). Preliminary results of the study of the archaic component of the odontological complexes of the population of Eurasia in the Neolithic era. *Vestnik antropologii*, 26(4), 107–127. (Rus.).
- Zykov, A.P. (2012). *Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Surgut Ob Region. Middle Ages and Modern Times*. Yekaterinburg: Ural'skiy rabochy. (Rus.).

© Слепцова А.В., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 10.03.2026

Принята к публикации 27.04.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторе: Слепцова Анастасия Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия.

About the author: Sleptsova, Anastasia V., PhD in History, Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russia.

Кишкурно М.С.^{1*}, Новиков А.Г.², Горюнова О.И.³¹ Институт археологии и этнографии СО РАН, Kishkurno_maria@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0309-7413>² Иркутский государственный университет, as122@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8965-8957>³ Иркутский государственный университет, goriunova50@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5159-0894>

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРИОЛЬХОНЬЯ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА — РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА (ПО ДАННЫМ ОДОНТОЛОГИИ)

Аннотация. Исследование посвящено анализу антропологического своеобразия групп населения эпох позднего неолита и ранней бронзы Приольхонья (Байкальский регион) и выявлению возможных путей их происхождения на основе всех доступных на данный момент одонтологических материалов в контексте новой культурно-хронологической шкалы, построенной на масштабном радиоуглеродном датировании погребальных памятников региона. Основным материалом исследования послужили коллекции эпох позднего неолита и ранней бронзы из могильников Приольхонья — Туаханэ IX, Курма XI, Сарминский Мыс, Улярба, Хужир-Нугэ XIV, Улан-Хада II, IV, Шаманский Мыс. Серии обследованы по расширенной отечественной одонтоскопической программе с учетом маркеров архаичной составляющей, а также по зарубежной системе учета признаков (ASUDAS). Исследуемые две серии позднего неолита и раннего бронзового века относятся к кругу популяций восточного одонтологического ствола; также отмечена морфологическая преемственность между ними. Специфика их антропологического состава ассоциирована с ранне-неолитическим населением Прибайкалья. Поздне-неолитическое и ранне-бронзовое население Приольхонья заметно отличается от синхронных популяций Верхней Лены, Ангара и Селенги, формирование антропологического своеобразия которых не связано с морфологической спецификой населения Байкальского региона эпохи раннего неолита.

Ключевые слова: Байкальский регион, Приольхонье, поздний неолит, ранний бронзовый век, одонтология, ASUDAS.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-78-00051 «Население Приольхонья в эпохи позднего неолита — ранней бронзы: происхождение и популяционные связи», <https://rscf.ru/project/25-78-00051/>.

Цитирование: Кишкурно М.С., Новиков А.Г., Горюнова О.И. К вопросу о генезисе населения Приольхонья позднего неолита — раннего бронзового века (по данным одонтологии) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 141–152. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-11>

Введение

Археологическое изучение отдельных могильников и единичных захоронений эпох неолита и бронзового века Приольхонья началось в 1950-е гг. Но масштабное, комплексное исследование погребальных объектов региона, принесшее массовый антропологический материал, проводилось только с 90-х гг. прошлого века — отрядами Российско-Канадской экспедиции Иркутского государственного университета и Университета Альберты (г. Эдмонтон, Канада) [Горюнова, Вебер, 2017; Новиков и др., 2025, с. 4]. Поэтому в процессе накопления антропологических материалов в 1970–1980-х гг., из-за их немногочисленности, популяционные и морфологические особенности населения Приольхонья эпох неолита и ранней бронзы изучалось, как правило, в контексте общей популяционной структуры древнего населения Прибайкалья, без рассмотрения структуры локальной морфологической специфики приольхонских групп и ее динамики [Горюнова, Мамонова, 1994; Горюнова и др., 1998; Мамонова, 1983]. Более того, систематическое радиоуглеродное датирование погребальных комплексов всего Прибайкалья в целом поспособствовало значительному пересмотру культурно-хронологической шкалы региона [Вебер и др., 2023], что в совокупности со значительным расширением антропологических коллекций на настоящий момент создало новый контекст и возможности для решения основных дискуссионных вопросов, касающихся расогенеза древнейших популяций Байкальского региона.

Выяснению путей происхождения населения Приольхонья эпох позднего неолита и ранней бронзы в контексте новой культурно-хронологической шкалы посвящено несколько генетических и антропологических исследований. Самые последние результаты анализа мтДНК мате-

* Corresponding author.

риалов из могильника Курма XI показали сходство между раннебронзовым населением Приольхонья и ранненеолитическими группами Прибайкалья [Moussa et al., 2021]. Результаты изучения одонтологических серий из Курмы XI и Хужир-Нугэ XIV зафиксировали отличия групп населения раннего неолита от групп позднего неолита — ранней бронзы, но эти различия незначительны, исходя из чего авторы предполагают поток генов через более южные относительно Байкальского региона популяции [Waters-Rist et al., 2015]. Другое исследование одонтологических особенностей группы из могильника Туаханэ IX показало разрыв преемственности между населением раннего неолита и позднего неолита — ранней бронзы Прибайкалья [Кишкурно и др., 2024]. Но в то же время предварительный анализ краниологических особенностей мужских групп населения Приольхонья эпохи ранней бронзы продемонстрировал сохранение морфологической специфики ранненеолитических групп из разных микрорегионов Байкальской Сибири в составе именно приольхонских популяций [Кишкурно, 2025].

Таким образом, вопросы происхождения и динамики состава населения Приольхонья эпох позднего неолита — ранней бронзы до сих пор остаются спорными. Настоящее исследование, основанное на всех доступных одонтологических материалах эпох позднего неолита и ранней бронзы Приольхонья, позволит выявить собственную локально-территориальную морфологическую специфику изучаемых групп, реконструировать пути генезиса их антропологического своеобразия, а также определить их положение в расогенетической картине североазиатских популяций эпох неолита и бронзы.

Материалы и методы

Серия эпохи ранней бронзы с территории Приольхонья включает в себя одонтологические материалы из могильников Туаханэ IX, Курма XI, Сарминский Мыс, Улярба, Хужир-Нугэ XIV, Улан-Хада II, IV, Шаманский Мыс (Хужир-Ольхон). Общая численность серии составляет 60 индивидов: 18 мужчин, 12 женщин, 20 детей и 10 индивидов, чью половую принадлежность определить не удалось.

Серия эпохи позднего неолита Приольхонья включает материалы из могильников Сарминский Мыс и Улан-Хада IV; ее общая численность — 8 индивидов: 3 мужчин, 1 женщина; 3 ребенка и 1 индивид, чью половую принадлежность определить не удалось. Столь малая численность связана с плохой сохранностью костного материала поздненеолитического времени Приольхонья, что обусловлено, во-первых, потревоженным еще в древности состоянием могил и, во-вторых, локальной спецификой серовской традиции погребального обряда с использованием огня непосредственно в могильной яме [Горюнова, 1997, с. 82; Вебер и др., 2023, с. 21].

Все изученные коллекции хранятся в фондах Иркутского государственного университета (Иркутск), Музея антропологии и этнографии РАН (Санкт-Петербург) и Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск).

Материалы были обследованы по расширенной отечественной программе учета одонтологических признаков [Зубов, 1968, 2006; Зубова, 2013а], а также по зарубежной одонтологической программе ASUDAS [Turner et al., 1991; Edgar, 2017]. С целью преодоления методического несоответствия двух систем учета признаков, данные, учтенные по ASUDAS, приводятся отдельно в табл. 1.

При подсчете частот встречаемости признаков и общего числа наблюдений был использован индивидуальный метод: если признак фиксируется на одном или обоих зубах-антимерах, то он отмечается как один случай [Turner et al., 1991].

Межгрупповой статистический анализ проведен методом главных компонент на основе тригонометрически преобразованных процентов встречаемости восьми фенов: лопатообразность I^1 , бугорок Карабелли M^1 , сильная степень редукции или полное отсутствие гипоконуса M^2 , шестибугорковый M_1 , четырехбугорковый M_2 , седьмой бугорок (tami) M_1 , дистальный гребень тригониды M_1 и коленчатая складка метакониды M_1 . Анализ выполнен в программе STATISTICA v. 10.

В качестве сравнительных привлечены доступные одонтоскопические данные по локально-территориальным популяциям Северной Азии эпох неолита и ранней бронзы с территории Прибайкалья [неопубликованные данные автора; Веселовская и др., 2022; Лейбова, Жамбалтарова, 2019], Приморья [Веселовская и др., 2022; Зубова, 2018], Якутии [Зубова, 2018], Северного и Центрального Китая [Fu, 1994; Li, Zhu, 2006; Liu, Zhu, 1995; Manabe et al., 2003; Wu, Xianglong, 1995], Японии [Hanihara, 1992; Kaburagi et al., 2010] и юга Западной Сибири [Зубов, 1980; Зубова, 2013b, 2014; Зубова, Чикишева, 2015; Зубова и др., 2016; Кишкурно и др., 2024; Чикишева, 2012].

Использованная в исследовании хронологическая разбивка всех локальных групп Байкальского региона опирается на результаты масштабного радиоуглеродного датирования погреб-

бальных комплексов Прибайкалья [Вебер и др., 2023; Мамонова, Сулержицкий, 1989; Weber et al., 2016; White et al., 2020].

Таблица 1

Частота встречаемости основных одонтологических признаков по шкале ASUDAS в сериях Приольхонья эпох ранней бронзы и позднего неолита

Table 1

The frequencies of the main dental features of the Late Neolithic and Early Bronze Age Cis-Olkhon populations scored by ASUDAS

ASUDAS traits	Ранняя бронза		Поздний неолит		ASUDAS traits	Ранняя бронза		Поздний неолит	
	n (N)	%	n (N)	%		n (N)	%	n (N)	%
Shovelling I ¹ (3–6)	29 (31)	93,54	5 (5)	100	Carabelli's Trait M ¹ (2–7)	9 (29)	31,03	2 (4)	50
Shovelling I ² (3–6)	28 (31)	90,32	3 (3)	100	Enamel Extensions M ¹ (2–3)	18 (38)	47,36	1 (5)	20
Double shovelling I ¹ (3–6)	0 (30)	0	2 (5)	40	Shovelling I ₁ (2–3)	6 (29)	20,68	0 (2)	0
Labial Convexity I ¹ (2–4)	3 (26)	11,53	0 (4)	0	Distal accessory ridge C (2–5)	13 (31)	41,93	1 (2)	50
Interruption Groove I ² (+/-)	16 (23)	69,56	3 (3)	100	Tomes's root P ₁ (3–5)	4 (14)	28,57	1 (1)	100
Tuberculum Dentale I ² (1–6)	14 (25)	56	1 (3)	33,33	Anterior fovea M ₁	2 (14)	14,28	1 (1)	100
Tuberculum Dentale I ² (hypertrophied)	4 (25)	16	1 (3)	33,33	Y-groove pattern M ₁	32 (39)	82,05	7 (7)	100
Distal accessory ridge C (2–5)	22 (32)	68,75	1 (2)	50	X-groove pattern M ₁	7 (39)	17,94	0 (7)	0
Accessory cusp P ¹ (1+2+3)	25 (27)	92,59	5 (5)	100	Y-groove pattern M ₂	5 (35)	14,28	0 (7)	0
Mesial accessory ridge P ¹ (1–4)	12 (24)	50	3 (5)	60	Six-cusped M ₁	10 (25)	40	5 (7)	71,42
Mesial accessory ridge P ² (1–4)	18 (22)	81,81	3 (3)	100	Four-cusped M ₁	0 (25)	0	0 (7)	0
Distal accessory ridge P ¹ (1–4)	18 (24)	75	1 (4)	25	Four-cusped M ₂	4 (22)	18,18	1 (6)	16,66
Distal accessory ridge P ² (1–4)	19 (21)	90,47	3 (3)	100	Protostylid M ₁ (2–7)	5 (36)	13,88	1 (6)	16,66
Metacone M ¹ (4–5)	44 (45)	97,77	5 (5)	100	Distal trigonid crest M ₁ (+/-)	2 (29)	6,89	1 (5)	20
Hypocone M ¹ (0–2)	1 (44)	2,27	0 (5)	0	Deflecting wrinkle M ₁ (2–3)	15 (23)	65,21	3 (4)	75
Hypocone M ² (0–2)	3 (36)	8,33	1 (6)	16,66	Cusp 7 M ₁ (1–4)	8 (43)	18,6	1 (6)	16,66
Metaconule M ¹ (1–5)	7 (19)	36,84	4 (4)	100	Enamel extensions M ₁ (2–3)	17 (39)	43,58	3 (7)	42,85

Морфологическая характеристика серий

Серия эпохи ранней бронзы. В составе серии (табл. 2) на верхнечелюстных зубах встречены очень высокие частоты лопатообразности I¹ и I²; вестибулярная выпуклость I¹ отмечена в нескольких случаях (табл. 1); на I² зафиксировано несколько случаев редукции зуба и очень сильной степени развития лингвального бугорка (икс-зуб по: [Зубов, 1968, с. 148–149]). Помимо этого, на I² отмечены повышенные проценты встречаемости короно-радикулярной борозды и лингвального бугорка (табл. 1). Гипоконус и метаконус M¹ практически без редукции; редукция гипоконуса M² (баллы 3, 3+) имеет низкий процент встречаемости в серии (табл. 2). Бугорок Карабелли M¹ встречен с умеренной частотой, а дополнительные пятые бугорки M¹ характеризуются несколько повышенным процентом. Парастиль M¹ в серии отсутствует, как и передняя и задняя ямки M¹. Но из числа архаичных признаков зафиксирован один случай ромбовидной формы коронки M¹ и два случая цингулюма M¹. Межкорневой затек эмали сильной степени выраженности встречен с умеренной частотой (табл. 2).

На нижнечелюстных I₁ отмечены умеренные частоты лопатообразности; на C — средние частоты наличия дистального гребня (табл. 1, 2). Корень Томса на P₁ встречается с умеренным процентом (табл. 1). Форма коронок P₁ характеризуется преимущественно двухбугорковым строением со слабым развитием лингвального бугорка и наличием вестибуло-лингвального гребня; форма P₂ характеризуется в большинстве случаев наличием двух бугорков с сильным развитием лингвального бугорка или трех- и четырехбугорковой формы (табл. 2). Дистостилиды и мезиостилиды P₁ в серии не зафиксированы; на P₂ они встречаются с невысокой частотой. Дополнительные мезиальные гребни P₁ имеют средний процент встречаемости в серии, а на P₂ — повышенный; дополнительные дистальные гребни P₁ и P₂ встречены с высокой частотой. Шестибугорковая форма M₁ отмечается в серии достаточно часто, четырехбугорковая конфигурация M₁ не встречена; узор коронки M₁ в большинстве случаев имеет Y-форму, но также невысокий процент X-форм. На M₂ преобладает пятибугорковое строение коронки, а четырехбугорковость встречена только в нескольких случаях. Протостилид и ямка протостилида M₁ характеризуются невысокой частотой встречаемости; седьмой бугорок tam₁ — умеренной. Дистальный гребень тригонид M₁ имеет в серии низкий процент, эпикристин не встречен, а коленчатая складка метаконида характеризуется повышенной частотой встречаемости. Передняя ямка M₁ зафиксирована в двух случаях, задние ямки и цингулюм в серии не встречены. Затек эмали M₁ сильной степени выраженности отмечен с умеренной частотой (табл. 2).

Серия эпохи позднего неолита. На верхнечелюстных I¹ и I² отмечено абсолютное распространение лопатообразности (табл. 3); также на I¹ зафиксированы средние частоты встречаемости двойной лопатообразности и не встречено ни одного случая наличия вестибулярной вы-

пуклости (табл. 1). На I^2 также не отмечено случаев редукции зуба, но зафиксированы высокие частоты наличия короно-радикулярной борозды и один случай гипертрофированного развития лингвального бугорка (иск-зуб). На клыках в одном из двух наблюдений отмечено присутствие дистального гребня (табл. 3). На M^1 не зафиксировано редукции гипоконуса и метаконуса; гипоконус M^2 также не редуцирован. Бугорок Карабелли M^1 встречается со средней частотой; а наличие дополнительного пятого бугорка отмечено на каждом M^1 в серии. Парастиль M^1 в серии отсутствует, как и передняя и задняя ямки M^1 и цингулюм. Межкорневой затек эмали сильной степени выраженности встречен с умеренной частотой (табл. 3).

Таблица 2

**Частоты встречаемости одонтологических признаков в составе серии
эпохи ранней бронзы Приольхонья**

Table 2

The frequencies of several dental features of the Early Bronze Age Cis-Olkhon group

Одонтологический признак	Правая сторона	%	Левая сторона	%	Индивиды	%
Верхняя челюсть						
Редукция I^2	5 (28)	17,85	2 (21)	9,52	5 (31)	16,12
Лопатообразность I^1 (2+3)	28 (29)	96,55	13 (13)	100	30 (31)	96,77
Лопатообразность I^2 (2+3)	24 (28)	85,71	19 (21)	90,47	28 (31)	90,32
Лингвальный бугорок I^2 (иск-зуб)	3 (22)	13,63	1 (15)	6,66	4 (25)	16
Дистальный гребень С	15 (24)	62,5	14 (22)	63,63	22 (32)	68,75
Редукция гипоконуса M^1 (4-)	1 (38)	2,63	1 (35)	2,85	1 (44)	2,27
Редукция гипоконуса M^2 (3, 3+)	3 (29)	10,34	3 (29)	10,34	4 (36)	11,11
Редукция метаконуса M^1 (3-5)	0 (39)	0	0 (35)	0	0 (44)	0
Бугорок Карабелли M^1 (2-5)	6 (23)	26,08	7 (19)	36,84	9 (29)	31,03
Дополнительный бугорок С5 M^1	7 (16)	43,75	5 (15)	33,33	7 (19)	36,84
Ромбовидная форма M^1	1 (38)	2,63	2 (34)	5,88	2 (44)	4,54
Цингулюм M^1	2 (34)	5,88	1 (28)	3,57	3 (39)	7,69
Затек эмали M^1 (4-6)	9 (33)	27,27	10 (30)	33,33	12 (38)	31,57
Нижняя челюсть						
Дистальный гребень С	13 (23)	56,52	13 (19)	68,42	20 (31)	64,51
Форма P_1 (1-2)	26 (29)	89,65	22 (26)	84,61	33 (36)	91,66
Форма P_2 (4-6)	26 (27)	96,29	19 (20)	95	29 (30)	96,66
Дистостилиды P_2	3 (17)	17,64	1 (13)	7,69	3 (20)	15
Мезиостилиды P_2	1 (22)	4,54	0 (18)	0	1 (25)	4
Дистальный гребень P_1	24 (26)	92,3	20 (26)	76,92	30 (33)	90,9
Дистальный гребень P_2	19 (21)	90,47	15 (20)	75	22 (25)	88
Мезиальный гребень P_1	11 (26)	42,3	8 (26)	30,76	13 (33)	39,39
Мезиальный гребень P_2	15 (21)	71,42	15 (20)	75	21 (25)	84
6 M_1	7 (19)	36,84	4 (9)	44,44	10 (25)	40
4 M_1	0 (19)	0	0 (9)	0	0 (25)	0
(Y) M_1	27 (32)	84,37	11 (13)	84,61	32 (39)	82,05
(X) M_1	5 (32)	15,62	2 (13)	15,38	7 (39)	17,94
4 M_2	4 (18)	22,22	2 (7)	28,57	4 (22)	18,18
5 M_2	12 (18)	66,66	5 (7)	71,42	16 (22)	72,72
Протостилид M_1 (2-5)	5 (32)	9,37	0 (12)	0	5 (36)	13,88
Ямка протостилида M_1	0 (32)	0	1 (12)	8,33	1 (38)	2,63
Tam M_1	4 (34)	11,76	4 (15)	26,66	8 (43)	18,6
Дистальный гребень тригонид M_1	0 (25)	0	2 (9)	22,22	2 (29)	6,89
Коленчатая складка метаконида M_1	13 (19)	68,42	4 (6)	33,33	15 (23)	65,21
Затек эмали M_1 (4-6)	12 (30)	40	3 (12)	25	13 (36)	36,11
Передняя ямка M_1	2 (10)	20	1 (5)	20	2 (14)	14,28

Нижнечелюстные I_1 не имеют лопатообразных форм (табл. 1); дистальный гребень клыков встречен в одном случае из двух наблюдений (табл. 3). Развитие лингвального бугорка на всех P_1 отмечено по типу 1 или 2 с сохранением непрерывного вестибуло-лингвального гребня; на P_2 — по типу 4-6. Дистостилиды отмечены в одном случае на P_1 , а также в серии повышены частоты встречаемости дополнительных дистальных гребней на P_1 и P_2 и зафиксированы умеренные частоты мезиальных гребней P_2 . Шестибугорковая форма M_1 имеет в серии высокий процент, а четырехбугорковые M_1 не зафиксированы. Также на M_1 встречен только Y-узор коронки. M_2 имеют преимущественно пятибугорковую форму, и только в одном случае отмечена четырехбугорковая конфигурация (табл. 3). Отмечено по одному случаю наличия протостилида и tam M_1 . Дистальный гребень тригонид M_1 характеризуется умеренной частотой, эпикристид не встречен, коленчатая складка метаконида имеет очень высокую частоту распространения в серии. Передние и задние ямки M_1 и цингулюм в серии отсутствуют. Затек эмали сильной степени выраженности зафиксирован только у одного индивида (табл. 3).

**Частоты встречаемости одонтологических признаков в составе серии
эпохи позднего неолита Приольхонья**

Table 3

The frequencies of several dental features of the Late Neolithic Cis-Olkhon group

Одонтологический признак	Правая сторона	%	Левая сторона	%	Индивиды	%
Верхняя челюсть						
Лопатообразность I ¹ (2+3)	4 (4)	100	2 (2)	100	5 (5)	100
Лопатообразность I ² (2+3)	3 (3)	100	2 (2)	100	3 (3)	100
Лингвальный бугорок I ² (икс-зуб)	1 (2)	50	0 (2)	0	1 (4)	33,33
Дистальный гребень С	1 (2)	50	—	—	1 (2)	50
Редукция гипоконуса М ¹ (4-)	0 (4)	0	0 (4)	0	0 (5)	0
Редукция гипоконуса М ² (3, 3+)	0 (6)	0	0 (4)	0	0 (6)	0
Редукция метаконуса М ¹ (3-5)	0 (4)	0	0 (4)	0	0 (5)	0
Бугорок Карабелли М ¹ (2-5)	2 (3)	66,66	0 (2)	0	2 (4)	50
Дополнительный бугорок С5 М ¹	3 (3)	100	3 (3)	100	4 (4)	100
Цингулюм М ¹	0 (4)	0	0 (4)	0	0 (5)	0
Затек эмали М ¹ (4-6)	2 (4)	50	2 (4)	50	2 (5)	40
Нижняя челюсть						
Дистальный гребень С	0 (1)	0	1 (1)	100	1 (2)	50
Форма Р ₁ (1-2)	5 (5)	100	4 (4)	100	5 (5)	100
Форма Р ₂ (4-6)	6 (6)	100	5 (5)	100	7 (7)	100
Дистостилиды Р ₁	1 (4)	25	1 (3)	33,33	1 (4)	25
Дистальный гребень Р ₁	4 (4)	100	4 (4)	100	5 (5)	100
Дистальный гребень Р ₂	4 (5)	80	4 (5)	80	5 (6)	83,33
Мезиальный гребень Р ₂	3 (6)	50	2 (5)	40	3 (7)	42,85
6 М ₁	4 (5)	80	2 (3)	66,66	5 (7)	71,42
4 М ₁	0 (5)	0	0 (3)	0	0 (7)	0
(У) М ₁	6 (6)	100	3 (3)	100	7 (7)	100
(Х) М ₁	0 (6)	0	0 (3)	0	0 (7)	0
4 М ₂	0 (4)	0	1 (4)	25	1 (6)	16,66
5 М ₂	4 (4)	100	3 (4)	75	5 (6)	83,33
Протостилид М ₁ (2-5)	1 (5)	20	1 (3)	33,33	1 (6)	16,66
Ямка протостилида М ₁	0 (5)	0	0 (3)	0	0 (6)	0
Tam ₁ М ₁	1 (5)	20	0 (3)	0	1 (6)	16,66
Дистальный гребень тригониды М ₁	0 (4)	0	1 (3)	33,33	1 (5)	20
Эпикристинид М ₁	0 (5)	0	0 (3)	0	0 (6)	0
Коленчатая складка метакониды М ₁	3 (4)	75	0 (1)	0	3 (4)	75
Затек эмали М ₁ (4-6)	1 (6)	16,66	0 (2)	0	1 (7)	14,28
Цингулюм М ₁	0 (5)	0	0 (3)	0	0 (6)	0

Обсуждение результатов

Можно наметить некоторые общие и собственные тенденции изменчивости состава двух хронологических групп Приольхонья (с поправкой на небольшую численность поздненеолитической серии). Во-первых, очевидно, что обе группы по своим морфологическим характеристикам (повышенные частоты лопатообразности I¹, шестибугорковых М₁ и коленчатой складки метакониды М₁) относятся к популяциям восточного одонтологического ствола. Во-вторых, они имеют схожие проценты встречаемости некоторых важных для дифференциации локально-территориальных групп фенотипов — бугорка Карабелли М¹, сильной степени межкорневого затека эмали М¹, четырехбугорковых М₁ и М₂, протостилида и tam₁ (табл. 2, 3). Также следует отметить, что в обеих сериях Приольхонья встречается довольно редкий признак — гиперразвитие лингвального бугорка I² (Х-зуб), чья таксономическая ценность пока не вполне определена. Так, А.А. Зубовым была отмечена экспрессия сильно развитого лингвального бугорка в сочетании с лопатообразной формой на зубах неандертальцев [Зубов, 1968, с. 149], что могло бы дать повод считать это сочетание признаков архаичным маркером, но американские исследователи Р. Скотт и Дж. Айриш, подтверждая выраженность признака у неандертальцев, отмечают также его высокое распространение в среде современных азиатских популяций [Scott, Irish, 2017, с. 52].

Заметные отличия двух серий заключаются в наличии в составе группы ранней бронзы случаев редукции гипоконуса М² и в заметно более низких процентах встречаемости метаконюлюса М¹ и дистального гребня тригониды М₁. Понижение частот дистального гребня в сочетании с повышенными частотами коленчатой складки метакониды в составе раннебронзового населения Прибайкалья уже отмечалось ранее и предварительно связывалось с влиянием носителей ымыяхтахских традиций Якутии [Кишкурно и др., 2024], для которых характерно такое сочетание частот указанных фенотипов [Зубова, 2018].

Среди байкальских групп подобное распределение встречается также в раннеолитических группах Верхней Лены [неопубликованные данные автора] и юго-западного побережья Байкала (Шаманка II) и раннебронзово-серии из Фофановского могильника [Веселовская и др., 2022].

За пределами Байкальского региона похожее сочетание признаков (вкпе с высокими процентами лопатообразности I^1) наблюдается также, помимо ымыяхтахской серии, в среде среднеголо-ценовых носителей культуры Яншао Китая (Цзянчжай) [Fu, 1994], двух серий дзёмона Японии [Hanihara, 1992; Kaburagi et al., 2010], а также в составе некоторых западносибирских групп эпохи ранней бронзы (одиновская, позднекротовская) [Зубова и др., 2016; Кишкурно и др., 2024].

Для уточнения положения и роли населения Приольхонья эпох позднего неолита и ранней бронзы в расогенетических процессах населения Северной Азии был проведен межгрупповой сравнительный анализ с применением метода главных компонент (рис.).

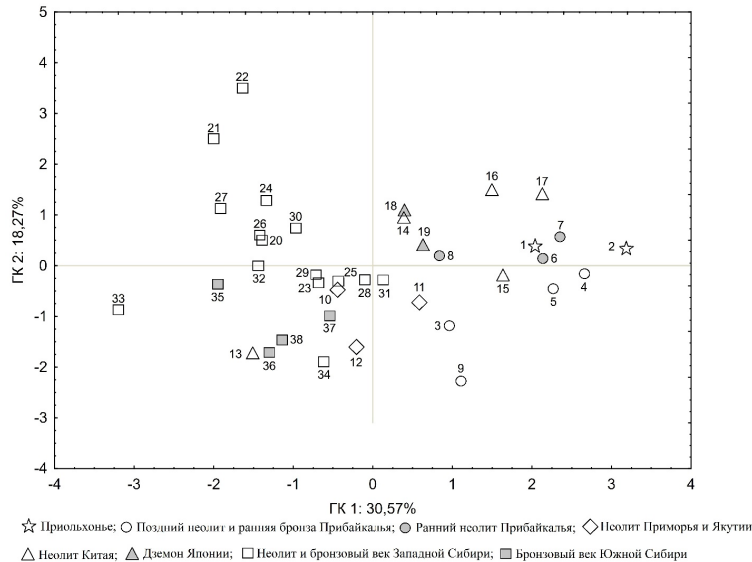

Рис. Распределение групп североазиатского населения эпох неолита и бронзы

в пространстве первых двух главных компонент:

- 1 — ранняя бронза Приольхонья; 2 — поздний неолит Приольхонья; 3 — поздний неолит Ангары; 4 — ранняя бронза Верхней Лены; 5 — поздний неолит Верхней Лены; 6 — ранний неолит Верхней Лены; 7 — ранний неолит Селенги (Фофановский могильник); 8 — ранний неолит юго-западного побережья Байкала (Шаманка II); 9 — ранняя бронза Селенги (Фофановский могильник); 10 — бойсманская культура Приморья; 11 — руднинская культура Приморья; 12 — ымыяхтахская культура Якутии; 13 — Цзянчжай, Китай; 14 — Сяванган, Китай; 15 — Мяоцзыгоу, Китай; 16 — Давэнькоу, Китай; 17 — Цзянцзялянь, Китай; 18 — дзёмон Хонсю; 19 — дзёмон Хоккайдо и Тохоку; 20 — среднеиртышская культура (Венгерово-2а); 21 — среднеиртышская культура (Протока-1); 22 — среднеиртышская культура (Сопка-2/1); 23 — кузнецко-алтайская культура (Солонцы-5); 24 — кузнецко-алтайская культура (Усть-Иша, Лебеди-2, Васьково-4); 25 — большемысская культура; 26 — усть-тартасская культура; 27 — одиновская культура (Сопка-2); 28 — одиновская культура (Преображенка-6); 29 — одиновская культура (Тартас-1); 30 — кротовская культура (Сопка-2); 31 — позднекротовская культура (Тартас-1); 32 — позднекротовская культура (Сопка-2); 33 — эпоха бронзы Омского Прииртышья (Ростовка); 34 — эпоха бронзы Омского Прииртышья (Окунево-7); 35 — окуневская культура (Верх-Аскиз); 36 — окуневская культура (Уйбат-5); 37 — окуневская культура (Черновая VIII); 38 — окуневская культура (Итколь).

Fig. The distribution of Neolithic and Bronze Age groups of Northern Asia on bi-plot of the first two principal components.

Первые две главные компоненты (ГК) охватывают почти 59 % общей изменчивости.

В составе ГК 1 серии с территории Байкала, Китая, Японии, а также единичные группы Приморья (руднинская серия) и юга Западной Сибири (позднекротовская серия) (положительное поле) отделились от всего массива западносибирских популяций (отрицательное поле), к которым также попали по одной группе из Якутии, Приморья (бойсманская серия) и Китая (Цзянчжай). Судя по нагрузкам на компоненту (табл. 4), в положительном поле расположились серии с большей выраженностью восточного одонтологического комплекса, а именно с более высокими частотами лопатообразности I^1 , шестибугоркового M_1 и коленчатой складки метаконоида; в отрицательном поле расположились серии с более низкой частотой встречаемости указанных признаков, а также с более высокими процентами редукции гипоконуса M^2 и четырехбугорковых M_2 . Контрастное положение на графике в координатах ГК занимают поздненеолитиче-

ская серия Приольхонья (положительное поле) и серия эпохи бронзы из могильника Ростовка в Омском Прииртышье (отрицательное поле).

Таблица 4

Нагрузки на основные признаки в составе первых двух ГК

Table 4

Statistical loadings on the features in the first two principal components

Признак	ГК 1	ГК 2
Лопатообразность I ¹	0,66	-0,37
Бугорок Карабелли M ¹	0,24	-0,63
Редукция гипоконуса M ² (3, 3+)	-0,54	-0,44
Шестибугорковый M ₁	0,73	0,18
Четырехбугорковый M ₂	-0,55	0,01
Tam ₁ M ₁	0,42	0,74
Дистальный гребень тригонида M ₁	-0,26	0,31
Коленчатая складка метаконида M ₁	0,76	-0,26

В координатах ГК 2 серии расположились более хаотично: в положительном поле оказались часть байкальских групп (две изучаемые из Приольхонья, китойские серии Верхней Лены, а также серии из Фофановского могильника и Шаманки II), часть серий с территории Китая, все дзёмонские группы, большинство неолитических западносибирских и по одной усть-тартасской, одиновской и кротовской серии (рис. 1); в отрицательных координатах расположились вторая часть байкальских серий (поздний неолит и ранняя бронза Верхней Лены, поздний неолит Ангары, ранняя бронза Селенги), обе приморские серии, ымыяхтахская, две неолитические группы Китая (Цзянчжай и Мяоцзыгоу) и две — западносибирские (большемысская и кузнецко-алтайская) западносибирские группы эпохи бронзы (одиновская, позднекротовская, серии из могильников Ростовка и Окунево-7), а также все южносибирские окуневские серии (рис. 1). Судя по нагрузкам (табл. 4) в положительном поле расположились серии с более высоким процентом tam₁ M₁, а в отрицательном — с более высокой частотой встречаемости бугорка Карабелли M¹ и редукции гипоконуса M². Контрастное положение в координатах ГК 2 занимают неолитическая серия из Сопки-2 Барабинской лесостепи (положительное поле) и раннебронзовая группа из Фофановского могильника на Селенге (отрицательное поле).

Две приольхонские группы находятся в области положительных координат обеих компонент (рис.), где также расположились все ранне-неолитические серии Байкальского региона, некоторые неолитические группы из Китая — Сяванган, Давэнькоу, Цзянцзялян, носители культуры дзёмон о-вов Хонсю и Хоккайдо. Наибольшее сближение раннебронзовая группа Приольхонья демонстрирует с сериями раннего неолита Верхней Лены и Селенги — они имеют сходные высокие проценты встречаемости лопатообразности I¹, шестибугорковых M₁, коленчатой складки метаконида, умеренные частоты бугорка Карабелли M¹ и tam₁ M₁, а также пониженную частоту редукции гипоконуса M²; поздне-неолитическая серия, тяготея к ним, несколько отстоит, проявляя те же морфологические тенденции и не демонстрируя тем самым значимой дифференциации с населением ранней бронзы микрорегиона (рис.).

По результатам анализа видим, что в Приольхонье фиксируется преемственность морфологического своеобразия групп позднего неолита и ранней бронзы от автохтонного ранне-неолитического населения Байкальского региона (рис.), что означает сохранение расогенетической преемственности между байкальским населением раннего неолита и приольхонским позднего неолита — ранней бронзы. Это наблюдение уже обсуждалось по результатам предварительного анализа краниологических особенностей раннебронзового населения Приольхонья [Кишкурно, 2025], а также по результатам анализа мтДНК [Moussa et al., 2021].

Также расположившиеся в этом поле неолитические серии из Китая (Сяванган — 5000 кал. л.н. [Wu, Xianglong, 1995], Давэнькоу — 6300–4500 кал. л.н. [Manabe et al., 2003], Цзянцзялян — 5000 кал. л.н. [Zhang et al., 2016]) по датам синхронны периоду среднего (хиатус) и позднего неолита в Прибайкалье и не заходят в период раннего неолита региона. Но связь неолитических групп Китая и ранне-неолитических популяций Прибайкалья убедительно продемонстрирована данными геномного анализа [Zhang et al., 2026], по результатам которого авторы реконструируют миграцию ранне-неолитических групп Прибайкалья, носителей древнего палеосибирского генетического компонента (APS), на территорию Северного Китая, где этот компонент присутствует в составе ранне-неолитической группы из Сытаймэнгуин (Sitaimengguying) [Zhang et al., 2026, с. 156]. В позднем неолите Северного Китая этот древнейший APS компонент (наряду с иными) прослеживается в составе носителей культуры Сюэшань из Цзянцзялян [Zhang et

al., 2026, с. 156]. Ввиду этих данных, сохранение морфологической специфики ранненеолитических групп Прибайкалья в составе групп позднего неолита и ранней бронзы Приольхонья может быть как результатом преемственности через средненеолитическое население Байкальского региона (антропологических данных по которым на данный момент нет), так и результатом обратного влияния более южных неолитических популяций с территории Китая.

Помимо этого, сближение групп раннего неолита Байкальского региона и позднего неолита — ранней бронзы Приольхонья с дзёмонскими группами Хоккайдо и Хонсю (13 000–2500 л.н. [Hanihara, 1992]), которые по своей хронологии охватывают весь неолитический и раннебронзовый периоды Прибайкалья, может свидетельствовать о наличии в составе этих групп общего древнейшего азиатского протоморфного компонента. Для более точного понимания природы наблюдаемых свидетельств необходимо подробное изучение популяционной структуры ранненеолитического населения Байкальского региона.

Также следует отметить дифференциацию прибайкальских групп в рамках ГК 2 по частотам бугорка Карабелли, редукции гипоконуса и *tam1*. Здесь ранний неолит Прибайкалья и изучаемые серии Приольхонья находятся в противоположном поле от населения позднего неолита Ангары, ранней бронзы Селенги и позднего неолита и ранней бронзы Верхней Лены, которые сблизились с серией Мяоцзыгоу с территории Китая (5500–5000 л.н. [Liu, Zhu, 1995]), руднинской группой Приморья (7700 л.н. [Siska et al., 2017]) и западносибирской позднекротовской серией из Тартаса-1 (3900–3700 л.н. [Молодин и др., 2014]). Это демонстрирует совершенно иной вектор формирования антропологической специфики поздненеолитического — раннебронзового населения Верхней Лены, Селенги и Ангары, связанный также с влиянием более восточных североазиатских групп, но не ассоциированный с преемственностью от более раннего населения Прибайкалья.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно реконструировать следующую картину генезиса антропологического состава групп позднего неолита и раннего бронзового века Приольхонья.

Во-первых, исходя из наблюдаемого распределения одонтологических фенотипов в составе двух изучаемых серий, можно предполагать, но с оговоркой на малую численность поздненеолитической серии, преемственную динамику развития антропологического состава населения Приольхонья эпох позднего неолита и ранней бронзы.

В-вторых, основу состава приольхонского населения эпох позднего неолита и ранней бронзы составляет специфический компонент, связанный с ранненеолитическими группами Байкальского региона. Его продолжение в составе исследуемых групп может быть следствием преемственного развития через популяции среднего неолита, антропологических свидетельств по которым на данный момент нет, либо это результат обратной миграции части племен с территории Китая, формирование антропологической специфики которых происходило под влиянием байкальских групп эпохи раннего неолита.

В-третьих, по результатам исследования стало очевидно, что поздненеолитические — раннебронзовые группы Приольхонья отличаются от синхронного населения других микрорегионов Прибайкалья. Дело в том, что формирование антропологического своеобразия поздненеолитического и раннебронзового населения Верхней Лены, Ангары и Селенги не связано со спецификой ранненеолитических популяций Байкальского региона; оно ассоциировано с дальневосточным населением Приморья и некоторых групп эпохи неолита с территории Китая, в составе которых не фиксируется влияние населения Прибайкалья эпохи раннего неолита. Это позволяет говорить о том, что дифференциация антропологического состава населения Байкальского региона эпох позднего неолита и ранней бронзы связана с различным происхождением их морфологической специфики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вебер А.В., Бронк Рэмзи К., Шултинг Р. Дж., Базалийский В.И., Горюнова О.И. Неолит и ранний бронзовый век Предбайкалья: Хронология и пищевые тренды // Известия Ирк. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 43. С. 7–59. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.43.7>

Веселовская Е.В., Рассказова А.В., Лейбова Н.А., Григорьева О.М. Новые антропологические данные по неолиту Забайкалья и Дальнего Востока. Сообщение 2: Одонтология. антропологическая реконструкция // Сибирские исторические исследования. 2022. № 3. С. 168–194. <https://doi.org/10.17223/2312461X/37/10>

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 112 с.

Горюнова О.И., Вебер А.В. Некоторые итоги Российско-канадского археологического проекта Иркутского государственного университета и Университета Альберты (1997–2017 гг.) // Известия Ирк. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 20. С. 100–119.

К вопросу о генезисе населения Приольхонья позднего неолита — раннего бронзового века...

- Горюнова О.И., Мамонова Н.Н. Погребальный обряд и демография серовских захоронений Приольхонья (оз. Байкал) // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 3. С. 13–19.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г., Мамонова Н.Н. Захоронения бронзового века могильника Сарминский Мыс на побережье оз. Байкал // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 3. С. 13–19.
- Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 199 с.
- Зубов А.А. Характеристика зубной системы в черепной серии из Окуневского могильника // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 9–18.
- Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: Этно-ОНЛАЙН, 2006. 72 с.
- Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии эпохи неолита // Вестник антропологии. 2013а. № 4 (26). С. 107–127.
- Зубова А.В. Состав носителей ирменской культуры Западной Сибири по одонтологическим материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013б. № 3 (55). С. 132–139.
- Зубова А.В. Население Западной Сибири во II тысячелетии до нашей эры (по антропологическим данным). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. 228 с.
- Зубова А.В. Неолитическое население южного Приморья и его роль в формировании коренного населения Дальнего Востока (по одонтологическим данным из могильника Бойсмана-2) // Camera praehistorica. 2018. № 1 (1). С. 117–128. [https://doi.org/10.33291/26583828.2018-\(1\)-7](https://doi.org/10.33291/26583828.2018-(1)-7)
- Зубова А.В., Молодин В.И., Чикишева Т.А. Первые результаты сравнительного анализа одонтологических характеристик популяций одиновской культуры: К вопросу о южных миграциях // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. XXII. С. 292–298.
- Зубова А.В., Чикишева Т.А. Антропологический состав неолитического населения юга Западной Сибири по одонтологическим материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 3 (43). С. 116–127.
- Кишкурно М.С. Краниологические особенности мужского населения Приольхонья эпохи ранней бронзы (предварительные результаты изучения) // Camera praehistorica. 2025. № 2 (15). С. 92–105. <https://doi.org/10.31250/265838282025292105>
- Кишкурно М.С., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Одонтологические особенности носителей глазковской культуры Приольхонья (по материалам могильника Туаханэ IX) // Camera praehistorica. 2024. № 2 (13). С. 126–139. <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2024-2-126-139>
- Лейбова Н.А., Жамбалтарова Е.Д. Одонтологическое исследование материалов из Фофановского могильника (юго-восточное Прибайкалье) // «В этой связи...»: Сборник статей к юбилею М.М. Герасимовой. М.: Буки Веди, 2019. С. 86–99.
- Мамонова Н.Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // Вопросы антропологии. 1983. Вып. 71. С. 88–103.
- Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по ^{14}C погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. 1989. № 1. С. 19–32.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 136–167.
- Новиков А.Г., Горюнова О.И., Вебер А.В. Могильник Туаханэ IX на побережье Байкала: Неолит — бронзовый век. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2025. 320 с.
- Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
- Edgar H.J.H. Dental Morphology for Anthropology: An Illustrated Manual. New York: Routledge. 2017. 185 p.
- Hanihara T. Negritos, Australian Aborigines, and the “Proto-Sundadont” Dental Pattern: The Basic Populations in East Asia, V // American Journal of Physical Anthropology. 1992. Vol. 88. P. 183–196.
- Kaburagi M., Ishida H., Goto M., Hanihara T. Comparative Studies of the Ainu, Their Ancestors, and Neighbors: Assessment Based on Metric and Nonmetric Dental Data // Anthropological Science. 2010. Vol. 118. No. 2. P. 95–106.
- Li F., Zhu H. A Dental Morphological Observation on the Neolithic Human Skeletons from Jiangjialiang, Yanyuan, Hebei Province // Acta Anthropologica Sinica. 2006. 25 (2). P. 87–101. (China).
- Liu W., Zhu H. The non-metric traits of human teeth from Miaozigou Neolithic site // Acta Anthropologica Sinica. 1995. 14 (1). P. 8–20. (China).
- Manabe Y., Oyamada J., Kitagawa Y., Rokutanda A., Kato K., Matsushita T. Dental Morphology of the Dawenkou Neolithic population in North China: implications for the origin and distribution of Sinodonty // Journal of Human Evolution. 2003. Vol. 45. P. 369–380.
- Moussa N.M., McKenzie H.G., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Bamforth F., Weber A.W. Insights into Lake Baikal's Ancient Populations based on Genetic Evidence from the Early Neolithic Shamanka II and Early Bronze Age Kurma XI cemeteries // Archaeological Research in Asia. 2021. Vol. 25. P. 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2020.100238>.
- Turner C.G., Nichol C.R., Scott R.G. Scoring Procedures for Key Morphological Traits of the Permanent Dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System // Advances in Dental Anthropology. 1991. P. 13–31.
- Scott R.G., Irish J.D. Human Tooth Crown and Root Morphology. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 332 p.

Siska V., Jones E.R., Jeon S., Bhak Y., Kim H.-M., Cho Y.S., Kim H., Lee K., Veselovskaya E., Balueva T., Gallego-Llorente M., Hofreiter M., Bradley D.G., Eriksson A., Pinhasi R., Bhak J., Manica A. Genome-wide Data from Two Early Neolithic East Asian Individuals Dating to 7700 years ago // *Science Advances*. 2017. Vol. 3. P. 1–10. <https://doi.org/10.1126/sciadv.1601877>

Waters-Rist A.L., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Weber A.W., Katzenberg M.A. Evaluating the biological discontinuity hypothesis of Cis-Baikal Early versus Late Neolithic–Early Bronze Age populations using dental non-metric traits // *Quaternary International*. 2016. Vol. 405. Part B. P. 122–133. <http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2015.09.060>

Weber A.W., Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of middle Holocene Hunter-Gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // *Quaternary International*. 2016. Vol. 419. P. 74–98. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.12.003>

White A.J., Schulting R.J., Lythe A., Hommel P., Bronk Ramsey C., Moiseyev V., Khartanovich V., Weber A.W. Integrated Stable Isotopic and Radiocarbon Analyses of Neolithic and Bronze age Hunter-Gatherers from the Little Sea and Upper Lena Micro-Regions, Cis-Baikal, Siberia // *Journal of Archaeological Science*. 2020. Vol. 119. P. 1–21.

Wu L., Xianglong Z. Preliminary Impression of Current Dental Anthropology Research in China // *Dental Anthropology: A publication of the Dental Anthropology Association*. 1995. Vol. 9. No. 3. P. 1–5.

Zhang Y., Li J., Zhao Y., Wu X., Li H., Yao L., Zhu H., Zhou H. Genetic diversity of two Neolithic populations provides evidence of farming expansions in North China // *Journal of Human Genetics*. 2016. Vol. 62. P. 199–204. <https://doi.org/10.1038/jhg.2016.107>

Zhang D., Sun B., Li F., Zhao X., Zhao Z., Li J., Gao S., Li Y., Quan Q., Berdnikova N., Berdnikov I., Chen S., Zhang F., Li C., Jeong C., Cui Y. Neolithic genomes reveal long distance interactions in agropastoral border zone of Yan Mountain Region // *Science Bulletin*. 2026. Vol. 71. P. 148–158. <https://doi.org/10.1016/j.scib.2025.11.013>

ИСТОЧНИКИ

Fu Y. Dental and Cranial Non-Metric Study of the Jiangzhai Neolithic Population and its Genetic Affinities with Other East Asians: PhD Dissertation. Anthropology Department, University of Alberta, Edmonton, 1994.

Kishkurno M.S.^{1*}, Novikov A.G.², Goriunova O.I.³

¹ Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Kishkurno_maria@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0309-7413>

² Irkutsk State University, as122@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8965-8957>

³ Irkutsk State University, goriunova50@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5159-0894>

Dental data and the issue of the genesis of Late Neolithic — Early Bronze Age populations in the Cis-Olkhon region

Summary. The article presents an analysis of non-metric dental traits in the Late Neolithic (LN) and Early Bronze Age (EBA) populations of the Cis-Olkhon region, aiming to identify potential pathways of their genesis. The study is based on all currently available dental data, interpreted within the framework of a new cultural-chronological scale that relies on extensive radiocarbon dating of burial grounds in the Cis-Baikal area. The primary material for the research comprises dental collections from LN and EBA burial grounds in the Cis-Olkhon region, including Tuakhane IX, Kurma XI, Sarminskii Mys, Ulyarba, Khuzhir-Nuge XIV, Ulan-Khada II, IV, and Shamanskii Mys. The analysis employed both the extended battery of dental traits commonly accepted by Russian researchers and the ASUDAS scoring system. The two studied series (LN and EBA) are attributed to the eastern circle of populations, and morphological continuity between them has also been observed. The specificity of their anthropological composition is associated with the Early Neolithic population of the Baikal region. In contrast, the Cis-Olkhon LN and EBA populations exhibit significant differences from the synchronous populations inhabiting the basins of the Upper Lena, Angara, and Selenga rivers. The development of the latter's distinct anthropological characteristics is not associated with the morphological specificity of the Early Neolithic Baikal population.

Keywords: Baikal region, Cis-Olkhon region, Late Neolithic, Early Bronze Age, dental non-metric data, ASUDAS.

Funding. The research was carried out with the support of grant Russian Science Foundation, project No. 25-78-00051 «Late Neolithic — Early Bronze Age Cis-Olkhon populations: origin and interactions», <https://rscf.ru/project/25-78-00051/>.

REFERENCES

Chikisheva, T.A. (2012). *Dynamics of anthropological differentiation of the population of the south of Western Siberia in the Neolithic — Early Iron Age*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).

Edgar, H.J.H. (2017). *Dental Morphology for Anthropology: An Illustrated Manual*. New York: Routledge.

Goriunova, O.I. (1997). *Serovo burials in the Cis-Olkhon region*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).

Goriunova, O.I., Mamonova, N.N. (1994). Funeral rite and demography of Serovo burials in the Cis-Olkhon region (Lake Baikal). *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, (3), 13–19. (Rus.).

* Corresponding author.

- Goriunova, O.I., Novikov, A.G., Mamonova, N.N. (1998). Bronze age burials of the Sarminskii Mys burial ground on the coast of Lake Baikal. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, (3), 13–19. (Rus.).
- Goriunova, O.I., Weber, A.W. (2017). Some results of the Russian-Canadian archaeological project of Irkutsk State University and the University of Alberta (1997–2017). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 20, 100–119. (Rus.).
- Hanihara, T. (1992). Negritos, Australian Aborigines, and the “Proto-Sundadont” Dental Pattern: The Basic Populations in East Asia, V. *American Journal of Physical Anthropology*, 88, 183–196.
- Kaburagi, M., Ishida, H., Goto, M., Hanihara, T. (2010). Comparative Studies of the Ainu, Their Ancestors, and Neighbors: Assessment Based on Metric and Nonmetric Dental Data. *Anthropological Science*, 118(2), 95–106.
- Kishkurno, M.S. (2025). Cranial characteristics of the Cis-Oikhon Bronze Age male population (preliminary analysis results). *Camera praehistorica*, 15(2), 92–105. (Rus.). <https://doi.org/10.31250/265838282025292105>
- Kishkurno, M.S., Goriunova, O.I., Novikov, A.G., Weber, A.W. (2024). Non-metric dental characteristics of the Cis-Oikhon Glazkovo population (based on the materials of the Tuakhane IX burial ground). *Camera praehistorica*, 13(2), 126–139. (Rus.). <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2024-2-126-139>
- Leybova, N.A., Zhambaltarova, Ye.D. (2019). Odontological investigation of materials from Fofanovo burial ground (South East Pribaikal region). In: «V etoy svyazi...»: *Sbornik statey k yubileyu M.M. Gerasimovoy*. Moscow: Buki Vedi, 86–99. (Rus.).
- Li, F., Zhu, H. (2006). A Dental Morphological Observation on the Neolithic Human Skeletons from Jiangjialiang, Yangyuan, Hebei Province. *Acta Anthropologica Sinica*, 25(2), 87–101. (China).
- Liu, W., Zhu, H. The non-metric traits of human teeth from Miaozigou Neolithic site. *Acta Anthropologica Sinica*, 14(1), 8–20. (China).
- Mamonova, N.N. (1983). On the issue of intergroup differences in the Neolithic of the Baikal region. *Voprosy antropologii*, 71, 88–103. (Rus.).
- Mamonova, N.N., Sulerzhitskiy, L.D. (1989). Experience of dating burials of the Baikal region of the Holocene era by ^{14}C . *Sovetskaya arkheologiya*, (1), 19–32. (Rus.).
- Manabe, Y., Oyamada, J., Kitagawa, Y., Rokutanda, A., Kato, K., Matsushita, T. (2003). Dental Morphology of the Dawenkou Neolithic population in North China: implications for the origin and distribution of Sinodonty. *Journal of Human Evolution*, 45, 369–380.
- Molodin, V.I., Yepimakhov, A.V., Marchenko, Zh.V. (2014). Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of the Urals and Southern Western Siberia: Principles and approaches, achievements and problems. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, Filologiya*, 13(3), 136–167. (Rus.).
- Moussa, N.M., McKenzie, H.G., Bazaliiskii, V.I., Goriunova, O.I., Bamforth, F., Weber, A.W. (2021). Insights into Lake Baikal's Ancient Populations based on Genetic Evidence from the Early Neolithic Shamanka II and Early Bronze Age Kurma XI cemeteries. *Archaeological Research in Asia*, 25, 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2020.100238>.
- Novikov, A.G., Goriunova, O.I., Weber, A.W. (2025). *Burial ground Tuakhane IX on the coast of Lake Baikal: Neolithic — Bronze Age*. Irkutsk: IGU. (Rus.).
- Turner, C.G., Nichol, C.R., Scott, R.G. (1991). Scoring Procedures for Key Morphological Traits of the Permanent Dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System. *Advances in Dental Anthropology*, 13–31.
- Scott, R.G., Irish, J.D. (2017). *Human Tooth Crown and Root Morphology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Siska, V., Jones, E.R., Jeon, S., Bhak, Y., Kim, H.-M., Cho, Y.S., Kim, H., Lee, K., Veselovskaya, E., Balueva, T., Gallego-Llorente, M., Hofreiter, M., Bradley, D.G., Eriksson, A., Pinhasi, R., Bhak, J., Manica, A. (2017). Genome-wide Data from Two Early Neolithic East Asian Individuals Dating to 7700 years ago. *Science Advances*, 3, 1–10. <https://doi.org/10.1126/sciadv.1601877>
- Veselovskaya, Ye.V., Rasskazova, A.V., Leybova, N.A., Grigor'yeva, O.M. (2022). New anthropological data on the Neolithic of the Transbaikalia and the Far East. Part 2: Dental anthropology, craniofacial reconstruction. *Sibirskiy istoricheskiy issledovaniya*, (3), 168–194. (Rus.). <https://doi.org/10.17223/2312461X/37/10>
- Waters-Rist, A.L., Bazaliiskii, V.I., Goriunova, O.I., Weber, A.W., Katzenberg, M.A. (2016). Evaluating the biological discontinuity hypothesis of Cis-Baikal Early versus Late Neolithic–Early Bronze Age populations using dental non-metric traits. *Quaternary International*, 405(B), 122–133. <http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2015.09.060>
- Weber, A.W., Bronk Ramsey, C., Schulting, R.J., Bazaliyskiy, V.I., Goriunova, O.I. (2023). Neolithic and Early Bronze age of Cis-Baikal: chronology and dietary trends. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 43, 7–59. (Rus.). <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.43.7>
- Weber, A.W., Schulting, R.J., Bronk Ramsey, C., Bazaliiskii, V.I., Goriunova, O.I., Berdnikova, N.E. (2016). Chronology of middle Holocene Hunter-Gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect. *Quaternary International*, 419, 74–98. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.12.003>
- White, A.J., Schulting, R.J., Lythe, A., Hommel, P., Bronk Ramsey, C., Moiseyev, V., Khartanovich, V., Weber, A.W. (2020). Integrated Stable Isotopic and Radiocarbon Analyses of Neolithic and Bronze age Hunter-Gatherers from the Little Sea and Upper Lena Micro-Regions, Cis-Baikal, Siberia. *Journal of Archaeological Science*, 119, 1–21.
- Wu, L., Xianglong, Z. (1995). Preliminary Impression of Current Dental Anthropology Research in China. *Dental Anthropology: A publication of the Dental Anthropology Association*, 9(3), 1–5.

Zhang, D., Sun, B., Li, F., Zhao, X., Zhao, Z., Li, J., Gao, S., Li, Y., Quan, Q., Berdnikova, N., Berdnikov, I., Chen, S., Zhang, F., Li, C., Jeong, C., Cui, Y. (2026). Neolithic genomes reveal long distance interactions in agropastoral border zone of Yan Mountain Region. *Science Bulletin*, 71, 148–158. <https://doi.org/10.1016/j.scib.2025.11.013>

Zhang, Y., Li, J., Zhao, Y., Wu, X., Li, H., Yao, L., Zhu, H., Zhou, H. (2016). Genetic diversity of two Neolithic populations provides evidence of farming expansions in North China. *Journal of Human Genetics*, 62, 199–204. <https://doi.org/10.1038/jhg.2016.107>

Zubov, A.A. (1968). *Dental morphology. Methods of anthropological research*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Zubov, A.A. (1980). Characteristics of the dental system in the cranial series from the Okunevsky burial ground. In: *Paleoantropologiya Sibiri*. Moscow: Nauka, 9–18. (Rus.).

Zubov, A.A. (2006). *Methodological manual on anthropological analysis of dental data*. Moscow: Etno-ONLINE. (Rus.).

Zubova, A.V. (2013a). Archaic features in dental complexes of Neolithic population of Eurasia. Preliminary results. *Vestnik antropologii*, 26(4), 107–127. (Rus.).

Zubova, A.V. (2013b). Dental affinities of the Irmen people, Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology Eurasia*, 55(3), 132–139. (Rus.).

Zubova, A.V. (2014). *Western Siberian populations in the 2nd millennium BC (based on anthropological data)*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).

Zubova, A.V. (2018). Neolithic population of the Southern Primorye and its affinities with the indigenous population of the Far East (based on dental non-metric traits from the Boysman-2 burial ground sample). *Camera praehistorica*, 1(1), 117–128. (Rus.). [https://doi.org/10.33291/26583828.2018-\(1\)-7](https://doi.org/10.33291/26583828.2018-(1)-7)

Zubova, A.V., Chikisheva, T.A. (2015). Non-metric dental trait variation in the Neolithic populations of Southwestern Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology Eurasia*, 43(3), 116–127. (Rus.).

Zubova, A.V., Molodin, V.I., Chikisheva, T.A. (2016). Comparative dental morphology of Odino people: the first results: To the question of Southern migrations. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*, 22, 292–298. (Rus.).

© Кишкурно М.С., Новиков А.Г., Горюнова О.И., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 16.03.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторах:

Кишкурно Мария Святославовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Новиков Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия.

Горюнова Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия.

About the authors:

Kishkurno, Maria S., PhD, Researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia.

Novikov, Aleksey G., PhD, Associate Professor, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Goriunova, Olga I., PhD, Senior Researcher, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Мовсесян А.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова, amovsessyan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1329-5904>

НЕМЕТРИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЧЕРЕПА И ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ НАБОР ПРИЗНАКОВ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОПУЛЯЦИОННЫХ СРАВНЕНИЙ?

Аннотация. Рассматривается, в какой степени фенетические расстояния, рассчитанные по неметрическим признакам черепа, согласуются с генетическими различиями между популяциями. Материалом послужили близкие к современности краниологические серии двух частично перекрывающихся региональных групп, включающих выборки Урала и Сибири. Фенетические различия оценивались по средней мере дивергенции (MMD), а их согласованность с генетическими расстояниями F_{ST} — с помощью теста Мантеля. Помимо полного набора из 30 признаков, проводился предварительный поиск информативных подмножеств и перестановочная проверка с повторным отбором признаков, учитывающая смещение, связанное с апостериорным выбором лучшего набора. Показано, что фенетические расстояния, рассчитанные по полному набору признаков, статистически значимо коррелируют с генетическими расстояниями в обеих группах. Однако характер этой связи различается: в уральской группе наиболее устойчивый результат связан с компактным ядром признаков, тогда как в сибирской — с более широким набором из 12 признаков. Полученные результаты показывают, что оптимальный набор неметрических признаков зависит от регионального контекста и не сводится к универсальному стандарту, а его надежная оценка требует перестановочной проверки с повторным отбором признаков.

Ключевые слова: неметрические признаки черепа, средняя мера дивергенции (MMD), фенетические расстояния, генетические расстояния, тест Мантеля, перестановочная проверка, отбор признаков, Урал, Сибирь, Северная Азия.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Цитирование: Мовсесян А.А. Неметрические признаки черепа и генетическая дифференциация: существует ли универсальный набор признаков для региональных популяционных сравнений? // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 153–162. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-12>

Введение

Неметрические (дискретно варьирующие) признаки черепа давно занимают важное место в палеофенетических исследованиях как источник информации о биологическом сходстве и различиях между популяциями. Уже классические работы показали, что частоты этих признаков могут использоваться для межгрупповых сопоставлений и реконструкции популяционных связей, особенно в тех случаях, когда прямые генетические данные отсутствуют или недоступны [Berry A.C. & Berry R.J., 1967; Berry, 1974]. В дальнейшем этот подход получил широкое развитие. Неметрические признаки стали широко применяться при анализе популяционного родства, миграций, локальной преемственности и биологических расстояний в различных региональных выборках.

Как было показано во многих работах, проявление неметрических признаков в значительной степени обусловлено генетическими факторами и фенотипическое разнообразие, выявляемое с помощью этих признаков, коррелирует с генетической изменчивостью популяций [Sutter & Mertz, 2004; Ossenberg et al., 2006; Manica et al., 2007; Von Cramon-Taubadel, 2009; Ricaut et al., 2010; Nikita et al., 2012; Herrera et al., 2014; Movsesian et al., 2014, 2020]. Параллельно была предложена и обоснована средняя мера дивергенции (Mean Measure of Divergence, MMD), ставшая одной из основных дистанционных мер для дискретных морфологических данных [Sjøvold, 1977].

Вместе с тем неметрические признаки черепа не следует рассматривать как прямые генетические маркеры, поскольку их вариация зависит не только от наследственности, но и от факторов развития и общей морфологии черепа [Cheverud et al., 1979; Cheverud & Buikstra, 1981]. Кроме того, отдельные признаки могут различаться по степени информативности в разных региональных контекстах. Следовательно, значение имеет не только сам факт связи между фенетическими и генетическими расстояниями, но и то, насколько устойчиво эта связь воспроизводится при использовании разных панелей признаков и в разных группах популяций.

В биоархеологической литературе неметрические признаки по-прежнему считаются одним из стандартных источников данных для оценки биологических расстояний, однако признается, что их информативность может различаться в зависимости от популяционного и регионального контекста. Поэтому остается открытым вопрос, существует ли единый наиболее информативный набор неметрических признаков, пригодный для разных регионов, или же такой набор должен определяться отдельно для каждой группы популяций. Эта проблема особенно важна для исследований, где неметрические признаки используются при расчете биологических расстояний и сопоставляются с генетическими данными. Универсальная панель могла бы служить стандартом для межрегиональных сравнений, тогда как зависимость информативности от популяционного контекста требует регионально ориентированного отбора.

Цель настоящей работы состояла в том, чтобы определить, в какой степени фенетические расстояния, рассчитанные по неметрическим признакам черепа, согласуются с генетическими расстояниями между популяциями в двух региональных группах, включающих выборки Урала и Сибири, а также выяснить, существует ли для этих групп единый наиболее информативный набор признаков или же оптимальные панели имеют регионально-специфический характер. Такой подход позволяет оценить не только общую согласованность между фенетическими и генетическими расстояниями, но и различия в распределении информативности признаков в двух макрорегиональных системах. В частности, исследование направлено на то, чтобы установить, сохраняется ли связь между MMD и F_{ST} для полной панели признаков, как она меняется при переходе к более узким подмножествам и воспроизводятся ли найденные решения после перестановочной проверки, учитывающей сам этап отбора признаков.

Материалы и методы

Материалы

По частотам 30 неметрических признаков были изучены близкие к современности краниологические серии (1607 черепов), относящиеся к двум частично перекрывающимся группам. Уральская группа включала 9 популяций уральской языковой семьи, в том числе финно-угорские и самодийские: финнов, карелов, мордву, марийцев, коми, удмуртов, манси, хантов и селькупов. Сибирская группа включала 10 популяций Северной Азии и Арктики: монголов, бурят, эвенков, хантов, селькупов, тувинцев, чукчей, алеутов, науканских эскимосов и якутов. Ввиду хорошей сохранности черепов использовался метод индивидуального подсчета: если признак был обнаружен с одной или обеих сторон, он оценивался как присутствующий [Brasili et al., 1999].

Для оценки согласованности морфологических и генетических различий частоты неметрических признаков черепа сопоставлялись с генетическими расстояниями F_{ST} , рассчитанными по аутоматическому SNP, для тех же популяций. Однако единый массив опубликованных генетических данных, охватывающий все рассматриваемые популяции, отсутствовал. Поэтому анализ проводился в рамках двух региональных групп, сформированных по доступности генетических сопоставлений: сибирской — по данным Д. Райха с соавт. [Reich et al., 2012] и уральской — по данным К. Тамбетс с соавт. [Tambets et al., 2018].

Частичное перекрытие между этими группами связано с тем, что ханты и селькупы были представлены в обоих источниках и, соответственно, вошли в обе системы сравнений.

Статистические методы

Морфологические (фенетические) различия между популяциями оценивались по показателю Mean Measure of Divergence (MMD) — средней мере дивергенции, широко используемой в биодистанционных исследованиях дискретно варьирующих признаков. Расчет проводился с использованием углового преобразования частот по схеме Freeman — Tukey и поправки на дисперсию, учитывающей объемы выборок.

Согласованность между матрицами морфологических расстояний (MMD) и генетических расстояний (F_{ST}) оценивалась с помощью теста Мантеля. В качестве меры связи использовался коэффициент корреляции Пирсона между верхними треугольниками матриц. Для полной панели признаков статистическая значимость определялась перестановочным тестированием с 4999 перестановками.

Для оценки зависимости согласованности MMD и F_{ST} от числа признаков был проведен предварительный поиск подмножеств размером от 1 до 12 признаков. Для каждого k определялся набор с максимальной корреляцией между матрицами; анализировалось до 200 000 подмножеств, а при меньшем числе возможных комбинаций выполнялся полный перебор. Фиксировались максимальная корреляция, состав лучшего набора и значение p .

Поскольку выбор наилучшего набора признаков по тем же данным, на которых затем оценивается его эффективность, может приводить к завышению значимости, основная проверка проводилась с помощью перестановочной процедуры с повторным отбором признаков на каждой перестановке. Далее для краткости она обозначается как *Honest*. На исходных данных находился набор признаков с максимальной согласованностью MMD и F_{ST} ; затем популяции переставлялись, и на каждой перестановке поиск лучшего подмножества выполнялся заново. Наблюдаемая статистика сравнивалась с распределением таких максимумов.

Использовались два варианта процедуры. В первом варианте (*Honest max-over-k*) на каждой перестановке заново подбирались оптимальное число признаков в диапазоне от $k = 1$ до $k = 12$, так что одновременно оптимизировались и размер набора, и его состав. Во втором варианте (*Honest fixed k = 12*) число признаков фиксировалось заранее на уровне 12, и на каждой перестановке заново отбиралось лучшее подмножество только этого размера. Во всех перестановочных процедурах использовалось 499 перестановок. Чтобы расчеты оставались выполнимыми, число комбинаций, просматриваемых при каждом значении k , ограничивалось случайной выборкой до 10 000 подмножеств. В процедурах *Honest* наблюдаемая статистика T_{obs} представляла собой максимальное значение коэффициента корреляции Мантеля между матрицами MMD и F_{ST} , полученное после отбора подмножества признаков по заданному правилу. В варианте *Honest max-over-k* T_{obs} соответствовало максимуму, найденному при одновременном подборе размера панели и ее состава в диапазоне $k = 1-12$. В варианте *Honest fixed k = 12* T_{obs} соответствовало максимальной корреляции для подмножеств фиксированного размера. Следовательно, T_{obs} сопоставима с коэффициентом r для полной панели как мера наблюдаемой согласованности матриц, однако, в отличие от r для полной панели, рассчитывается после этапа оптимизации состава признаков.

Для уральской группы, где перестановочная проверка выявила компактное ядро признаков, дополнительно анализировалось его последовательное расширение. Ядро сохранялось неизменным и поэтапно дополнялось новыми признаками до набора из 12 признаков. На каждом шаге фиксировались значение статистики, значение p и состав расширенного набора. Для сибирской группы такой анализ не проводился, поскольку в процедуре с подбором оптимального числа признаков наилучший результат был получен уже для 12-признакового набора.

Устойчивость результатов оценивалась по схеме поочередного исключения одной популяции (*leave-one-out*). В каждой группе по очереди исключалась одна популяция, после чего заново рассчитывалась связь между MMD и F_{ST} для полной панели, набора, выделенного при подборе оптимального числа признаков, и набора при фиксированном $k = 12$. Состав признаков на каждом шаге заново не переотбирался. Следовательно, эта процедура служила проверкой устойчивости уже выделенных наборов к изменению состава выборки, но не заменяла перестановочную проверку с повторным отбором признаков.

Все анализы выполнены в среде *R*. Полные таблицы частот неметрических признаков, матрицы F_{ST} и *R*-скрипт, обеспечивающий воспроизведение расчетов MMD, теста Мантеля, отбора подмножеств признаков, перестановочных процедур и *leave-one-out* анализа, размещены в открытом репозитории: <https://github.com/Amovsessyan/cranial-nonmetric-mmd-analysis>.

Результаты

Общая согласованность морфологических и генетических расстояний

В обеих группах полная панель неметрических признаков черепа демонстрировала статистически значимую связь с генетическими расстояниями. В уральской группе коэффициент корреляции Мантеля между матрицами MMD и F_{ST} составил $r = 0,5998$ при $p = 0,0024$, а в сибирской группе — $r = 0,5169$ при $p = 0,037$. Таким образом, уже при использовании полного набора признаков фенетические расстояния между популяциями в обеих группах статистически значимо коррелировали с генетическими расстояниями.

Предварительный поиск наиболее информативных подмножеств

Предварительный скрининг показал, что в уральской группе максимальная корреляция между матрицами MMD и F_{ST} возрастала по мере увеличения числа признаков до $k = 6$, где достигала $r_{max} = 0,8483$, после чего постепенно снижалась. В сибирской группе максимум также приходился на $k = 6$ ($r_{max} = 0,7250$), однако при последующих значениях k величина корреляции оставалась близкой к максимальной и не демонстрировала резкого падения. Форма зависимости r_{max} от числа признаков в уральской и сибирской группах представлена на рис. 1.

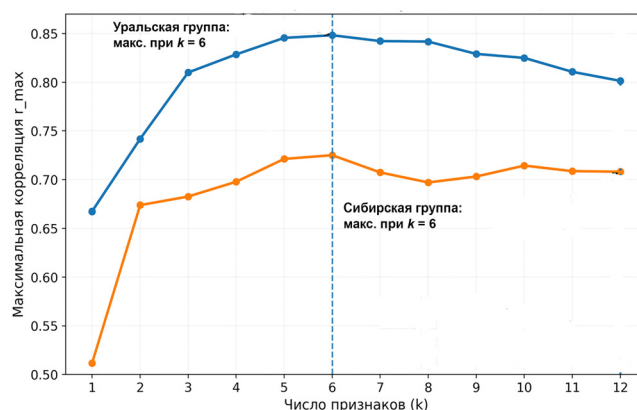

Рис. 1. Зависимость максимальной корреляции между матрицами MMD и F_{ST} (r_{max}) от числа признаков (k) в уральской и сибирской группах. Пунктирной линией отмечено значение $k = 6$, при котором в обеих группах достигается максимум предварительного скрининга.

Fig. 1. Dependence of the maximum correlation between the MMD and F_{ST} matrices (r_{max}) on the number of traits (k) in the Ural and Siberian groups. The dashed line marks $k = 6$, at which the preliminary screening reaches its maximum in both groups.

Результаты перестановочной проверки с повторным отбором признаков

Поскольку предварительный поиск лучших подмножеств признаков может завышать оценку их эффективности, на следующем этапе была выполнена перестановочная проверка с повторным отбором признаков на каждой перестановке (далее — *Honest*).

Результаты этой проверки приведены отдельно для уральской и сибирской групп. Для каждой группы представлены наборы, выделенные в процедуре *Honest* при подборе оптимального числа признаков в диапазоне $k = 1-12$ (*Honest max-over-k*), а также наборы при фиксированном числе признаков ($k = 12$). В уральской группе процедура *Honest max-over-k* выделила ядро из 6 признаков, для которого наблюдаемое значение статистики составило $T_{obs} = 0,8414$ при $p_{Honest} = 0,006$ (табл. 1).

Таблица 1

Состав панелей, выделенных перестановочной проверкой с повторным отбором признаков, в уральской группе

Table 1

Composition of the trait sets identified by the permutation test with repeated feature selection in the Ural group

Вариант панели	k	T_{obs}	p_{Honest}	Признаки
<i>Honest max-over-k</i>	6	0,8414	0,006	Multiple infraorbital foramina; Parietal notch bone; Mendosa suture traces; Tympanic dehiscence; Transverse palatine suture broken; Palatine torus
<i>Honest fixed k = 12</i>	12	0,7841	0,004	Supraorbital foramen; Fronto-temporal articulation; Parietal notch bone; Asteronic bone; Inca bone; Ossicle at lambda; Lambdoidal ossicles; Mendosa suture traces; Tympanic dehiscence; Foramen spinosum open; Transverse palatine suture broken; Palatine torus

В сибирской группе предварительный поиск показал максимальную корреляцию при $k = 6$, однако процедура *Honest max-over-k* выделила 12-признаковую панель ($T_{obs} = 0,7083$; $p_{Honest} = 0,048$). Анализ при фиксированном $k = 12$ также дал статистически значимый результат ($T_{obs} = 0,6896$; $p_{Honest} = 0,022$) (табл. 2).

Таблица 2

Панели, выделенные перестановочной проверкой с повторным отбором признаков, в сибирской группе

Table 2

Trait sets identified by the permutation test with repeated feature selection in the Siberian group

Вариант панели	k	T_{obs}	p_{Honest}	Признаки
<i>Honest max-over-k</i>	12	0,7083	0,048	Frontal foramen; Trochlear spur; Multiple infraorbital foramina; Transv. zygomatic suture traces (+5mm); Pterion form X-shaped; Epipetric bone; Parietal foramen; Interparietal process; Posterior condylar foramen; Foramen spinosum open; Pterygospinous foramen; Transverse palatine suture concave
<i>Honest fixed k = 12</i>	12	0,6896	0,022	Metopic suture; Frontal foramen; Trochlear spur; Multiple infraorbital foramina; Pterion form X-shaped; Epipetric bone; Parietal notch bone; Interparietal process; Posterior condylar foramen; Condylar facet double; Pterygospinous foramen; Transverse palatine suture broken

Сопоставление результатов для полной панели и панелей, выделенных процедурами *Honest*, показывает, что в обеих группах отобранные панели характеризуются более высоким наблюдаемым соответствием между матрицами MMD и F_{ST} , чем полная панель. Это различие наглядно представлено на рис. 2.

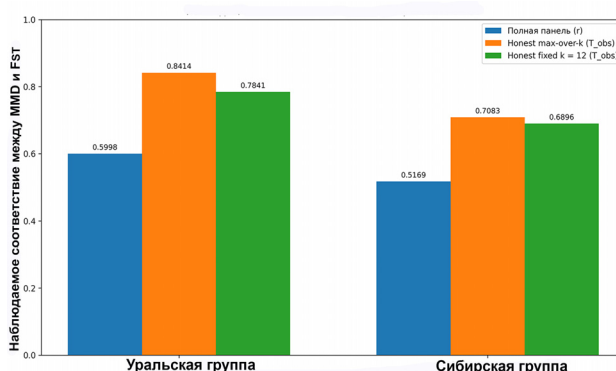

Рис. 2. Сравнение наблюдаемого соответствия между матрицами MMD и F_{ST} для полной панели признаков и решений, выделенных процедурами *Honest*, в уральской и сибирской группах (для полной панели показан коэффициент корреляции Мантеля r . Для процедур *Honest* показано T_{obs} , т.е. наблюдаемое максимальное значение корреляции Мантеля после отбора подмножества признаков по соответствующему правилу).

Fig. 2. Comparison of the observed correspondence between the MMD and F_{ST} matrices for the full trait panel and the solutions identified by the *Honest* procedures in the Ural and Siberian groups (for the full panel, the Mantel correlation coefficient r is shown. For the *Honest* procedures, T_{obs} is shown, that is, the observed maximum value of the Mantel correlation coefficient after trait subset selection according to the corresponding rule).

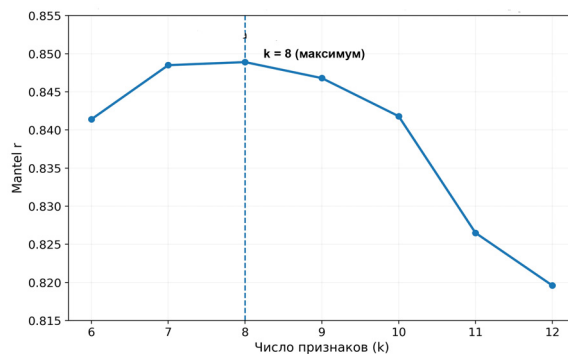

Рис. 3. Изменение статистики соответствия между матрицами MMD и F_{ST} при последовательном расширении *Honest*-ядра в уральской группе.

Fig. 3. Change in the correspondence statistic between the MMD and F_{ST} matrices during sequential expansion of the *Honest* core in the Ural group.

Поскольку в уральской группе перестановочная проверка с повторным отбором выявила компактное ядро из 6 признаков, далее было проанализировано, как меняется согласованность между матрицами MMD и F_{ST} при его последовательном расширении до 12 признаков. Переход к 7 и 8 признакам сопровождался небольшим увеличением коэффициента корреляции Мантеля, который возрастал с $r = 0,8414$ до $r = 0,8489$. Максимум достигался при $k = 8$. При дальнейшем расширении набора до 9 и 10 признаков значения оставались близкими к максимальному, тогда как при $k = 11$ –12 наблюдалось более заметное снижение. При этом во всех вариантах связь сохраняла статистическую значимость ($p = 0,001$ – $0,002$). Эти результаты показывают, что в уральской группе морфолого-генетическое соответствие определяется сравнительно компактным набором признаков (рис. 3).

В сибирской группе аналогичный анализ не проводился, поскольку в процедуре *Honest max-over-k* наилучший результат был получен уже при $k = 12$.

Анализ устойчивости результатов к изменению состава выборки

Устойчивость результатов проверялась по схеме *leave-one-out*: в каждой группе поочередно исключалась одна популяция, после чего для полной панели и двух *Honest*-наборов заново

рассчитывались коэффициент корреляции Мантеля и его значимость. Это позволяло оценить, не определяется ли наблюдаемая согласованность влиянием отдельных выборок.

LOO-анализ показал, что результаты для уральской группы устойчивы к исключению любой одной популяции. Для полной панели коэффициент корреляции Мантеля варьировал в пределах 0,546–0,719 при $p = 0,0015$ –0,0125, а для панелей, выделенных процедурами *Honest max-over-k* и *Honest fixed k = 12*, — в пределах 0,767–0,897 при $p = 0,0005$ –0,0055 и 0,739–0,831 при $p = 0,0005$ –0,0075 соответственно. Во всех случаях связь оставалась статистически значимой.

В сибирской группе полная панель оказалась менее устойчивой: при поочередном исключении одной популяции коэффициент корреляции изменялся в пределах 0,439–0,573, а значения p — в пределах 0,031–0,096, так что в части LOO-вариантов статистическая значимость утрачивалась. Напротив, оба набора из 12 признаков, выделенные перестановочной проверкой, сохраняли значимую связь с генетическими расстояниями при исключении любой одной популяции.

Для варианта *Honest max-over-k* коэффициент корреляции варьировал от 0,646 до 0,788 при $p = 0,001$ –0,003, а для варианта *Honest fixed k = 12* — от 0,639 до 0,760 при $p = 0,001$ –0,006. Таким образом, в сибирской группе именно отобранные наборы признаков демонстрировали более высокую устойчивость, чем полная панель.

Сопоставление наборов, выделенных в уральской и сибирской группах, показало ограниченное совпадение между ними. В процедуре *Honest max-over-k* общим признаком оказался только *Multiple infraorbital foramina*, тогда как среди наборов *Honest fixed k = 12* общими были *Parietal notch bone* и *Transverse palatine suture broken*. При учете всех *Honest*-наборов обеих групп общее пересечение включало четыре признака: *Multiple infraorbital foramina*, *Parietal notch bone*, *Foramen spinosum open* и *Transverse palatine suture broken*. Поскольку вариант *Honest max-over-k* допускает свободный выбор размера набора, а вариант *Honest fixed k = 12* предполагает сравнение только подмножеств одинакового размера, полученные пересечения следует интерпретировать с учетом этого различия.

Обсуждение

Настоящее исследование показало, что уже при использовании полной панели неметрических признаков черепа фенетические расстояния между популяциями статистически значимо коррелируют с генетическими расстояниями в обеих группах. Это указывает на возможность использования таких признаков для оценки биологических различий между популяциями, но только как фенетического, а не прямого генетического источника информации. Вместе с тем более детальный анализ показал, что распределение информативности признаков различается между регионами, а следовательно, различается и оптимальный состав панели.

В уральской группе согласованность морфологических и генетических расстояний определяется относительно компактным набором признаков. Перестановочная проверка с повторным отбором выделила ядро из 6 признаков, а анализ его последовательного расширения показал, что максимальное значение статистики достигается при $k = 8$, после чего наблюдается снижение. Это позволяет заключить, что в уральской группе популяций соответствие между морфологическими и генетическими расстояниями определяется сравнительно небольшим набором признаков, тогда как дальнейшее расширение панели не дает существенного выигрыша и, по-видимому, вносит дополнительный шум.

В сибирской группе наблюдается иная картина. Хотя предварительный скрининг показывал максимум при промежуточных значениях k , после честной перестановочной проверки наиболее надежный результат был получен для широкой панели из 12 признаков. Это указывает на более распределенную организацию соответствия, при которой информативность не сосредоточена в компактном ядре, а распределена между несколькими признаками. Иначе говоря, если для уральской группы достаточно компактной панели, то для сибирской группы воспроизводимая согласованность с генетическими расстояниями требует более широкого набора морфологических маркеров.

Вероятное объяснение этого различия связано с неодинаковым характером популяционной дифференциации. Уральская группа, по-видимому, описывается менее многомерной системой межгрупповых различий, поэтому ограниченное число признаков хорошо фиксирует основной градиент. Сибирская группа объединяет популяции с более разнородной историей, и один компактный набор уже не отражает всю вариацию; в этом случае более устойчивой оказывается широкая панель.

С этим же, по-видимому, связано и ограниченное совпадение панелей, выделенных в двух группах. Даже при учете всех *Honest*-панелей общее пересечение оказалось небольшим, тогда

как большинство информативных признаков оставалось регионально-специфичным. Такой результат указывает на то, что один и тот же признак может быть неодинаково полезен в разных контекстах. Признаки, чувствительные к тонким различиям между сравнительно близкими популяциями, не обязательно будут столь же эффективны в группах с более глубокой дифференциацией, и наоборот. Следовательно, несовпадение оптимальных панелей, вероятно, отражает не случайную нестабильность результата, а специфику самой популяционной структуры.

Вместе с тем нельзя исключать и влияние факторов, не сводимых к нейтральной генетической истории. Часть неметрических признаков черепа может в разной степени зависеть от локальных средовых, функциональных или онтогенетических условий, и поэтому их пригодность в качестве маркеров популяционной структуры может варьировать между регионами. Невхождение конкретного признака в оптимальную панель одной из групп не означает, что он биологически незначим. Скорее это говорит о том, что в данном региональном контексте его вклад в воспроизведение нейтральной генетической структуры оказался ограниченным.

Методологически важным результатом является демонстрация того, что предварительный отбор признаков может завышать оценку их эффективности. Особенно наглядно это видно на материале сибирской группы: максимум предварительного скрининга достигался при $k = 6$, однако после применения перестановочной проверки с повторным отбором наиболее воспроизводимым оказалось решение при $k = 12$. Это подчеркивает, что простая фиксация лучшего найденного набора без учета апостериорного (post hoc) отбора может приводить к чрезмерно оптимистичной оценке результата. Принципиально важным оказывается не только сам факт поиска информативных панелей, но и способ статистической проверки их надежности.

Дополнительную уверенность в полученных результатах дает анализ по схеме поочередного исключения одной популяции (*leave-one-out*). Он показал, что в уральской группе как полная панель, так и отобранные панели сохраняют статистическую значимость при исключении любой одной популяции. В сибирской группе полная панель оказалась менее стабильной, однако обе панели из 12 признаков сохраняли значимую связь с генетическими расстояниями во всех вариантах анализа. Это означает, что в сибирской группе отбор признаков повышает не только силу, но и стабильность связи между морфологическими и генетическими расстояниями, т.е. уменьшает зависимость результата от состава выборки.

Следует подчеркнуть, что MMD в настоящей работе не рассматривается как прямой аналог генетической дистанции. Это фенетическая мера различий по совокупности дискретно варьирующих признаков, каждый из которых в стандартной процедуре рассматривается как отдельный компонент итоговой дистанции без априорного весового ранжирования. Такое допущение является одновременно преимуществом и ограничением метода: оно обеспечивает простую и воспроизводимую схему межгруппового сравнения, но может сохранять в расчете вклад признаков, менее связанных с нейтральной популяционной историей. Именно поэтому в настоящем исследовании особое значение придается не только полной панели, но и регионально ориентированному отбору признаков, перестановочной проверке с повторным отбором и анализу устойчивости результатов.

В дальнейшем предложенный подход целесообразно сопоставить с многомерными методами, учитывающими корреляционную структуру признаков, например с анализом главных координат, ординационными процедурами или моделями с различным весом признаков. Это особенно важно для проверки того, в какой степени результаты, полученные на основе MMD, зависят от допущения о невзвешенном вкладе отдельных признаков. Такие методы могут дополнить анализ на основе MMD, особенно при межрегиональных сравнениях. Однако задача настоящей работы состояла не в сравнении всех возможных многомерных процедур, а в оценке того, насколько стандартная биодистанционная мера для дискретных признаков согласуется с генетическими расстояниями при использовании разных региональных панелей признаков.

Проведенный анализ имеет определенные ограничения. Во-первых, число популяций в обеих группах относительно невелико, что ограничивает мощность корреляционного анализа и может влиять на стабильность оценок. Во-вторых, при больших значениях k перебор подмножеств признаков носил выборочный характер, поэтому выделенные панели следует рассматривать как наилучшие из просмотренных, но не обязательно как глобально оптимальные. Тем не менее, поскольку одна и та же процедура применялась как к наблюдаемым данным, так и к перестановкам, это ограничение не обесценивает оценку значимости, хотя и требует осторожности при интерпретации конкретного состава панелей. В-третьих, различия в объемах выборок могут влиять на оценки MMD, что требует дополнительного контроля в будущих исследованиях.

Заключение

Полученные результаты показывают, что оптимальный состав неметрических признаков черепа зависит от регионального контекста и не сводится к единой универсальной панели. Поэтому MMD следует рассматривать не как прямой эквивалент генетических данных, а как фенетическую меру, пригодную для проверки согласованности различий по неметрическим признакам черепа с генетической дифференциацией. Для межрегиональных сопоставлений наиболее безопасной исходной стратегией остается использование полной панели из 30 признаков, поскольку именно она обеспечивает статистически значимую связь с генетическими расстояниями в обеих группах. Однако при наличии генетического эталона более предпочтителен регионально ориентированный отбор признаков, способный заметно усилить согласованность морфологических и генетических расстояний. Перестановочный подход с повторным отбором признаков позволяет оценивать значимость без смещения, связанного с апостериорным поиском наилучшего подмножества, и может применяться при анализе других региональных групп. Выделенные в настоящем исследовании панели следует рассматривать не как универсальный стандарт, а как регионально обусловленные рабочие решения.

Благодарности. Автор выражает искреннюю признательность Борису Дмитриевичу Гнеденко за квалифицированную помощь в написании и отладке R-скрипта, использованного для статистического анализа данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Berry A.C. The use of non-metrical variations of the cranium in the study of Scandinavian population movements // *American Journal of Physical Anthropology*. 1974. Vol. 40. № 3. P. 345–358. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330400306>
- Berry A.C., Berry R.J. Epigenetic variation in the human cranium // *Journal of Anatomy*. 1967. Vol. 101. № 2. P. 361–379.
- Brasili P., Zaccagni L., Gualdi-Russo E. Scoring of non-metric cranial traits: A population study // *Journal of Anatomy*. 1999. Vol. 195. P. 543–550. <https://doi.org/10.1046/j.1469-7580.1999.19540551.x>
- Cheverud J.M., Buikstra J.E. Quantitative genetics of skeletal nonmetric traits in the rhesus macaques on Cayo Santiago. I. Single trait heritabilities // *American Journal of Physical Anthropology*. 1981. Vol. 54. № 1. P. 43–49. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330540106>
- Cheverud J.M., Buikstra J.E., Twichell E. Relationships between non-metric skeletal traits and cranial size and shape // *American Journal of Physical Anthropology*. 1979. Vol. 50. № 2. P. 191–198. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330500207>
- Herrera B., Hanihara T., Godde K. Comparability of multiple data types from the Bering Strait region: Cranial and dental metrics and nonmetrics, mtDNA, and Y-chromosome DNA // *American Journal of Physical Anthropology*. 2014. Vol. 154. № 3. P. 334–348. <https://doi.org/10.1002/ajpa.22513>
- Irish J.D. The mean measure of divergence: Its utility in model-free and model-bound analyses relative to the Mahalanobis D2 distance for nonmetric traits // *American Journal of Human Biology*. 2010. Vol. 22. № 3. P. 378–395. <https://doi.org/10.1002/ajhb.21010>
- Manica A., Amos W., Balloux F., Hanihara T. The effect of ancient population bottlenecks on human phenotypic variation // *Nature*. 2007. Vol. 448. № 7151. P. 346–348. <https://doi.org/10.1038/nature05951>
- Movsesian A.A., Bakholdina V.Yu., Pezhemsky D.V. Biological diversity and population history of Middle Holocene hunter-gatherers from the Cis-Baikal region of Siberia // *American Journal of Physical Anthropology*. 2014. Vol. 155. № 4. P. 559–570. <https://doi.org/10.1002/ajpa.22608>
- Movsesian A.A., Mkrtchyan R.A., Simonyan H.G. The Bronze and Iron Age populations of the Armenian Highland in the genetic history of Armenians // *American Journal of Physical Anthropology*. 2020. Vol. 173. № 1. P. 158–167. <https://doi.org/10.1002/ajpa.24060>
- Nikita E., Mattingly D., Lahr M.M. Sahara: Barrier or corridor? Nonmetric cranial traits and biological affinities of North African late Holocene populations // *American Journal of Physical Anthropology*. 2012. Vol. 147. № 2. P. 280–292. <https://doi.org/10.1002/ajpa.21645>
- Ossenberg N.S., Dodo Y., Maeda T., Kawakubo Y. Ethnogenesis and craniofacial change in Japan from the perspective of nonmetric traits // *Anthropological Science*. 2006. Vol. 114. № 2. P. 99–115. <https://doi.org/10.1537/ase.00090>
- Reich D., Patterson N., Campbell D., Tandon A., Mazieres S., Ray N., Parra M., Rojas W., Duque C., Mesa N., García L., Triana O., Blair S., Maestre A., Dib J., Bravi C., Bailliet G., Corach D., Hünemeier T. et al. Reconstructing Native American population history // *Nature*. 2012. Vol. 488. № 7411. P. 370–374. <https://doi.org/10.1038/nature11258>
- Ricaud F.-X., Aurioi V., von Cramon-Taubadel N., Keyser C., Murail P., Ludes B., Crubézy E. Comparison between morphological and genetic data to estimate biological relationship: The case of the Egyin Gol necropolis (Mongolia) // *American Journal of Physical Anthropology*. 2010. Vol. 143. № 3. P. 355–364. <https://doi.org/10.1002/ajpa.21322>
- Sjøvold T. Non-metrical divergence between skeletal populations: The theoretical foundation and biological importance of C. A. B. Smith's mean measure of divergence // *Ossa*. 1977. Vol. 4. Suppl. 1. P. 1–133.
- Sutter R.C., Mertz L. Nonmetric cranial trait variation and prehistoric biocultural change in the Azapa Valley, Chile // *American Journal of Physical Anthropology*. 2004. Vol. 123. № 2. P. 130–145. <https://doi.org/10.1002/ajpa.10311>
- Tambets K., Yunusbayev B., Hudjashov G., Ilumäe A.-M., Rootsi S., Honkola T., Vesakoski O., Atkinson Q., Skoglund P., Kushniarevich A., Litvinov S., Reidla M., Metspalu E., Saag L., Rantanen T., Karmin M., Parik J., Zhada-

nov S.I., Gubina M. et al. Genes reveal traces of common recent demographic history for most of the Uralic-speaking populations // *Genome Biology*. 2018. Vol. 19. Article 139. <https://doi.org/10.1186/s13059-018-1522-1>

Von Cramon-Taubadel N. Congruence of individual cranial bone morphology and neutral molecular affinity patterns in modern humans // *American Journal of Physical Anthropology*. 2009. Vol. 140. № 2. P. 205–215. <https://doi.org/10.1002/ajpa.21041>

Movsesian A.A.

Lomonosov Moscow State University, amovsessyan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1329-5904>

Cranial non-metric traits and genetic differentiation: is there a universal trait set for regional population comparisons?

Summary. This study examines the extent to which phenetic distances calculated from cranial non-metric traits are concordant with genetic differences between populations and whether a single informative trait set can be identified across regions. The analysis is based on near-modern cranial series from two partly overlapping regional population groups: a Ural group including Uralic-speaking populations and a Siberian group including North Asian and Arctic populations. Morphological differences were measured using the Mean Measure of Divergence (MMD), and their correspondence with genetic distances (F_{ST}) was assessed with the Mantel test. The analysis used frequencies of 30 cranial non-metric traits and published genetic distance matrices for the two regional datasets. In addition to the full trait set, the study employed preliminary subset screening and a permutation procedure with repeated trait reselection designed to account for bias caused by post hoc selection of the best-performing subset. Phenetic distances calculated from the full trait set showed a statistically significant correlation with genetic distances in both groups. However, the pattern differed between them: in the Ural group, the most robust result was obtained with a compact core of traits, whereas in the Siberian group the most reliable result required a broader 12-trait set. These findings suggest that the informative composition of cranial non-metric traits is region-specific rather than universal and that its reliable evaluation requires permutation testing with repeated feature selection.

Keywords: cranial non-metric traits, phenetic distances, genetic distances, Mean Measure of Divergence, Mantel test, permutation testing, feature selection, Ural, Siberia, North Asia

Funding. The study was carried out within the framework of the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

REFERENCES

- Berry, A.C. (1974). The use of non-metrical variations of the cranium in the study of Scandinavian population movements. *American Journal of Physical Anthropology*, 40(3), 345–358. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330400306>
- Berry, A.C., & Berry, R.J. (1967). Epigenetic variation in the human cranium. *Journal of Anatomy*, 101(2), 361–379.
- Brasili, P., Zaccagni, L., & Gualdi-Russo, E. (1999). Scoring of non-metric cranial traits: A population study. *Journal of Anatomy*, 195, 543–550. <https://doi.org/10.1046/j.1469-7580.1999.19540551.x>
- Cheverud, J. M., & Buikstra, J. E. (1981). Quantitative genetics of skeletal nonmetric traits in the rhesus macaques on Cayo Santiago. I. Single trait heritabilities. *American Journal of Physical Anthropology*, 54(1), 43–49. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330540106>
- Cheverud, J.M., Buikstra, J.E., & Twichell, E. (1979). Relationships between non-metric skeletal traits and cranial size and shape. *American Journal of Physical Anthropology*, 50(2), 191–198. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330500207>
- Herrera, B., Hanihara, T., & Godde, K. (2014). Comparability of multiple data types from the Bering Strait region: Cranial and dental metrics and nonmetrics, mtDNA, and Y-chromosome DNA. *American Journal of Physical Anthropology*, 154(3), 334–348. <https://doi.org/10.1002/ajpa.22513>
- Irish, J. D. (2010). The mean measure of divergence: Its utility in model-free and model-bound analyses relative to the Mahalanobis D2 distance for nonmetric traits. *American Journal of Human Biology*, 22(3), 378–395. <https://doi.org/10.1002/ajhb.21010>
- Manica, A., Amos, W., Balloux, F., & Hanihara, T. (2007). The effect of ancient population bottlenecks on human phenotypic variation. *Nature*, 448(7151), 346–348. <https://doi.org/10.1038/nature05951>
- Movsesian, A.A., Bakholdina, V.Yu., & Pezhemsky, D.V. (2014). Biological diversity and population history of Middle Holocene hunter-gatherers from the Cis-Baikal region of Siberia. *American Journal of Physical Anthropology*, 155(4), 559–570. <https://doi.org/10.1002/ajpa.22608>
- Movsesian, A.A., Mkrtchyan, R.A., & Simonyan, H.G. (2020). The Bronze and Iron Age populations of the Armenian Highland in the genetic history of Armenians. *American Journal of Physical Anthropology*, 173(1), 158–167. <https://doi.org/10.1002/ajpa.24060>
- Nikita, E., Mattingly, D., & Lahr, M.M. (2012). Sahara: Barrier or corridor? Nonmetric cranial traits and biological affinities of North African late Holocene populations. *American Journal of Physical Anthropology*, 147(2), 280–292. <https://doi.org/10.1002/ajpa.21645>

Ossenberg, N.S., Dodo, Y., Maeda, T., & Kawakubo, Y. (2006). Ethnogenesis and craniofacial change in Japan from the perspective of nonmetric traits. *Anthropological Science*, 114(2), 99–115. <https://doi.org/10.1537/ase.00090>

Reich, D., Patterson, N., Campbell, D., Tandon, A., Mazieres, S., Ray, N., Parra, M., Rojas, W., Duque, C., Mesa, N., García, L., Triana, O., Blair, S., Maestre, A., Dib, J., Bravi, C., Bailliet, G., Corach, D., Hünemeier, T., ..., Ruiz-Linares, A. (2012). Reconstructing Native American population history. *Nature*, 488(7411), 370–374. <https://doi.org/10.1038/nature11258>

Ricaut, F.-X., Auriol, V., Von Cramon-Taubadel, N., Keyser, C., Murail, P., Ludes, B., & Crubézy, E. (2010). Comparison between morphological and genetic data to estimate biological relationship: The case of the Egyin Gol necropolis (Mongolia). *American Journal of Physical Anthropology*, 143(3), 355–364. <https://doi.org/10.1002/ajpa.21322>

Sjøvold, T. (1977). Non-metrical divergence between skeletal populations: The theoretical foundation and biological importance of C.A.B. Smith's mean measure of divergence. *Ossa*, 4(Suppl. 1), 1–133.

Sutter, R.C., & Mertz, L. (2004). Nonmetric cranial trait variation and prehistoric biocultural change in the Azapa Valley, Chile. *American Journal of Physical Anthropology*, 123(2), 130–145. <https://doi.org/10.1002/ajpa.10311>

Tambets, K., Yunusbayev, B., Hudjashov, G., Ilumäe, A.-M., Rootsi, S., Honkola, T., Vesakoski, O., Atkinson, Q., Skoglund, P., Kushniarevich, A., Litvinov, S., Reidla, M., Metspalu, E., Saag, L., Rantanen, T., Karmin, M., Parik, J., Zhadanov, S. I., Gubina, M., ..., Metspalu, M. (2018). Genes reveal traces of common recent demographic history for most of the Uralic-speaking populations. *Genome Biology*, 19, Article 139. <https://doi.org/10.1186/s13059-018-1522-1>

Von Cramon-Taubadel, N. (2009). Congruence of individual cranial bone morphology and neutral molecular affinity patterns in modern humans. *American Journal of Physical Anthropology*, 140(2), 205–215. <https://doi.org/10.1002/ajpa.21041>

© Мовсесян А.А., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 23.03.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторе: Мовсесян Алла Арменовна, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова, биологический факультет, кафедра антропологии, Москва, Россия.

About the author: Movsesian, Alla A., PhD, Leading Researcher, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Biology, Department of Anthropology, Moscow, Russia.

ЭТНОЛОГИЯ

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-13 EDN: <https://elibrary.ru/VYLEAV>
УДК 902.01

Шишлина Н.И.^{1, 2*}, Лоскутова А.С.³, Куприянов Д.А.⁴, Солошенко Н.Г.⁵,
Мамонова А.А.⁶, Ершова О.В.⁷

^{1, 2} Государственный исторический музей, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
nshishlina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9638-0156>

³ Государственный исторический музей, eastfck@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7391-7709>

⁴ Институт географии РАН, dmitriyкуприянов1994@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1441-4039>

⁵ ИГГ УрО РАН, nats_igg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5264-2863>

⁶ Государственный исторический музей, MamonovaAA@shm.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0581-5800>

⁷ ИАЭТ СО РАН, ersholesya198q@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-9731-8822>

ТУРКМЕНСКАЯ ЮРТА ИЗ СОБРАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ: ВЕРИФИКАЦИЯ АТРИБУЦИИ

Аннотация. Статья посвящена обсуждению результатов изучения элементов разборной конструкции юрты, приобретенной сотрудниками Туркменской экспедиции Государственного исторического музея в 1959 г. в Байрам-Алийском районе Марыйской области Туркменской ССР. Задача исследования заключалась в подтверждении подлинности музейного предмета и разработке алгоритма сборки разборного жилища в выставочном пространстве. Было определено, какие материалы и технологические приемы использовались при ее изготовлении. Это позволило соотнести полученные результаты с локальными этническими традициями. Для этого изучены сохранившиеся детали, проведены ¹⁴C-датирование древесины, технологический анализ текстиля, ксилотомический анализ древесины, определены изотопный состав азота и углерода в текстиле, вариации изотопных отношений стронция в древесине. Для верификации результатов привлечен сравнительный этнографический материал кочевников Евразии. Анализ деталей байрам-алийской юрты позволил отнести ее к туркменскому/тюркскому типу. Створки двери изготовлены из тополя/осины; два уха, две решетки и элементы круга-туники — из ивы, для вешалки срубили абрикос. По результатам ⁸⁷Sr/⁸⁶Sr, древесина происходила из региона Мургабского бассейна. На ободке сохранился фрагмент войлока. Текстильные детали представлены растительными циновками, шерстяными юртовыми лентами, шерстяной и шелковой тесьмой, шерстяными и лубяными веревками и нитями. Текстильное сырье также местного происхождения. ¹⁴C-дата подтвердила, что самая древняя деталь юрты — дверь была сделана на рубеже XIX–XX вв. Итоги изучения деталей юрты использовались при научной реставрации уникального музейного предмета и его демонстрации на выставке в Историческом музее «Дикое поле. В вечном движении» в 2024 г.

Ключевые слова: юрта, Туркмения, изотопный состав азота ($\delta^{15}\text{N}$) и углерода ($\delta^{13}\text{C}$), вариации отношений стронция ⁸⁷Sr/⁸⁶Sr, ¹⁴C AMS-датирование.

Финансирование. Исследование проведено при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-18-00028.

Цитирование: Шишлина Н.И., Лоскутова А.С., Куприянов Д.А., Солошенко Н.Г., Мамонова А.А., Ершова О.В., Туркменская юрта из собрания Исторического музея: верификация атрибуции // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 163–176. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-13>

Введение

В современном музейном пространстве при демонстрации традиционного быта кочевых народов степной Евразии используются композиции, центральную часть которых занимает юрта — разборное жилище евразийского кочевника. Юрта второй половины XX в. украшает один из залов в Центральном Государственном музее Республики Казахстан в Алматы, юрта начала XXI в. собрана в Национальном музее Республики Калмыкия в Элисте, каркас современной юрты включен в интерактивный интерьер в Национальном музее Республики Татарстан в Казани. Их использование в повседневной жизни распространилось на ресторанный и туристический бизнес, когда важно подчеркнуть аутентичность рекламируемых кулинарных изысков или окружить посетителя «аурой» древнего степного жилого пространства. Таким образом, в современном мире усиливается внимание к традиционным элементам культуры, как и романтическое восприятие степного образа жизни, которое соотносится с особым видом мобильного жилого пространства. Возвращение к

* Corresponding author.

подлинным памятникам культуры евразийских кочевников и их изучение позволяет сохранить данные как о традиционных сырьевых материалах, так и о технологии изготовления и сборке мобильного дома и использовать аутентичные характеристики древнего жилища в современной культуре.

В Отделе дерева и мебели Исторического музея в коллекции «Быт народов СССР» хранится юрта (Д-И-6304), поступившая в фонды музея в составе материалов историко-бытовой Туркменской экспедиции в 1959 г. Она принадлежала Акнабату Чокгаеву, проживавшему в с. Медениет колхоза Тезеел (Тезе-Ел), сельсовета Алкын, Байрам-Алийского района Марыйской области Туркменской ССР, и, по семейной легенде, была куплена на рынке в Марыйской области в 1916 г. А. Чокгаев являлся по происхождению туркменом-текинцем — представителем классических кочевых групп южной и центральной части Туркменистана. На фотографиях музейных сотрудников запечатлен процесс разборки и упаковки всей конструкции, которая была доставлена в Москву и хранилась в разобранном виде. В музейную опись Д-И-6304 она была записана как «кибитка» (рис. 1, 1).

Рис. 1. Юрта. Марыйская область, Туркменистан:

1 — разборка юрты бывшими владельцами, 1959 г. ГИМ 96465/17 Д-И-6304; 2 — собранный каркас юрты на выставке «Дикое поле. В вечном движении», 2024.

Fig. 1. Yurt. Mary region, Turkmenistan:

1 — former owners disassembling the yurt, 1959. GIM 96465/17 Д-И-6304; 2 — reassembled yurt framework put on display for the exhibition "The Wild Fields. In Perpetual Motion", 2024.

При подготовке уникального экспоната для демонстрации на выставке «Дикое поле. В вечном движении», которая проходила в Историческом музее в апреле — сентябре 2024 г., была выявлена полная комплектность музейного предмета, состоящего из четырех решеток *тарим* — боковых стенок; внешней тростниковой обшивки *гамыш*; элементов входа: боковых стоек *сойе*, притолоки, порога *босо*» и двустворчатой двери *ишик* с рельефной резьбой; верхней конструкции из круга — *туник* — с пересекающимися крест-накрест центральными деталями и 81 жердей *уков*; вешалки. В комплект также входят многочисленные текстильные элементы — плетеные растительные циновки, плетеные и тканые юртовые ленты, веревки разных типов и кожаные шнуры. Деревянный каркас юрты был покрыт войлочными кошами, стянутыми веревками (рис. 1, 1). Вероятно, из-за плохой сохранности таких покрытий они не были взяты в музейную коллекцию. Согласно этнографическим свидетельствам, войлочные покрытия в Туркменистане меняли каждые 3–4 года [Джикиев, 1957, с. 83–84].

Задача данной работы — обсуждение результатов использования естественнонаучных методов при анализе основных элементов разборной конструкции юрты, сравнение с этнографическими данными и верификация подлинности музейного предмета. В результате проведенного исследования удалось уточнить некоторые ценные для этнографии сведения по использовавшимся при изготовлении туркменской юрты материалам и технологическим приемам и реконструировать «биографию» юрты, успешно провести ее научную реставрацию и собрать в рамках выставочного пространства.

Основные методы исследования и образцы

Для проведения научной атрибуции и верификации подлинности музейного предмета разработан алгоритм исследования. После визуального осмотра деревянных деталей были отобраны образцы от двух *уков*, двух решеток, двери, двух элементов *туника* и вешалки. Далее

было проведено определение таксономической принадлежности древесины, использованной для изготовления разных деталей юрты. Анализ выполнялся по стандартной методике [Бенькова, Швейнгрубер, 2004], основанной на изучении ключевых признаков анатомического строения древесины в трех проекциях. Для определения использовался также атлас анатомического строения древесины Восточного Средиземноморья [Akkemik, Yaman, 2012] и международная база данных анатомии современной и ископаемой древесины InsideWood [Wheeler et al., 2020]. Определение осуществлялось до родовой принадлежности в силу того, что на видовом уровне древесина идентифицированных видов не имеет существенных анатомических различий. Анализ осуществлялся с помощью бинокулярного микроскопа Микромед Полар-1, оснащенного USB-камерой, под отраженным светом при увеличении 50–200×. Благодаря такому анализу была определена таксономическая принадлежность древесины, которая использовалась для изготовления разных деталей юрты.

Исследование технологических особенностей и природы сырья текстильных элементов юрты — шнуров, веревок, фрагментов ткани на деревянных частях и циновках проводилось методом световой оптической микроскопии в проходящем неполяризованном и поляризованном свете при увеличении от $\times 6,7$ до $\times 45$ в реставрационных мастерских ГИМ с использованием эталонной коллекции волокон. В лаборатории Южно-Уральского федерального научного центра минералогии и геоэкологии УрО РАН, Миасс, часть волокон исследовалась методом растровой электронной микроскопии на растровом электронном микроскопе Vega 3sbu (Tescan) с энергодисперсионным анализатором X-act (Oxford Instruments).

Геохимический анализ был направлен на определение вероятных ресурсных ареалов, откуда могли происходить древесина и текстиль. Геолого-геохимическая обстановка отдельных регионов определяет изотопный состав стронция в растениях и живых организмах той или иной территории [Hajj et al., 2017; Ryan et al., 2021]. Мы исходили из того, что вариации отношений изотопов стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) в таких природных объектах, как древесина, и сравнение с местными изоскейпами поможет обсудить вероятный ареал происхождения древесины и ответить на вопрос, где мог быть сделан деревянный каркас юрты. К примеру, анализ изотопных отношений стронция в деревянных строениях Ютланда, Дания, конца XVI — начала XVII в. позволил уточнить регион происхождения древесины [Van Ham-Meert, Daly, 2023].

От двух уков, одной решетки, створки двери и вешалки были отобраны образцы для определения отношений изотопных вариаций стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$. Пробоподготовка и анализ микроэлементного и изотопного состава стронция проведены в блоке чистых помещений с классами чистоты 6 и 7 ИСО (ЦКП «Геоаналитик» ИГГ УрО РАН, г. Екатеринбург) по апробированной методике [Шишлина и др., 2023, с. 135–136].

Для проверки гипотезы о местном происхождении текстильных материалов был определен изотопный состав азота $\delta^{15}\text{N}$ и углерода $\delta^{13}\text{C}$ шерстяных и одного лубяного изделий. Вариации изотопов азота и углерода в природных объектах связаны с их дискриминацией на разных уровнях трофической цепи [Iacumin et al., 2000]. Изотопный состав пастбищных животных определен изотопным составом азота и углерода пастбищных растений с разным типом фотосинтеза (C_3 и C_4), а также климатическими характеристиками — годовым количеством осадков, аридизацией климата и др. Изотопный состав азота и углерода шерстяных волокон эпохи бронзы позволил обсудить вероятные природные и культурные ареалы, население которых уже во II тыс. до н.э. развивало рунное овцеводство [Шишлина и др., 2019]. Измерения изотопного состава азота и углерода текстильных образцов выполнены в Институте геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, Москва, на изотопном масс-спектрометре DeltaPlus, соединенном с элементным анализатором Flash 1112 посредством интерфейсного блока ConFlo 3 (производство ThermoScientific, Германия). В качестве сравнительного фона использовались данные по изотопному составу фрагмента конского волоса из рыболовной сети XIX в. (оз. Байкал, о. Ольхон), волос современной лошади из Северного Кавказа (Адыгея), современного овечьего и верблюжьего руна из Ростовской области и Тувы. В образцы XX и XXI вв. в значения изотопа углерода вводилась поправка на эффект Зюсса [Ballasse et al., 2013].

Для верификации времени происхождения юрты был отобран микрофрагмент створки двери и проведено радиоуглеродное датирование методом ускорительной масс-спектрометрии в Центре коллективного пользования «Ускорительная масс-спектрометрия Новосибирский государственный университет — Новосибирский научный центр» (ЦКП УМС НГУ-ННЦ). Радиоуглеродная дата калибровалась при помощи программы OxCal 4.4 [Bronk Ramsey, 2017] и калибро-

вочной кривой IntCal20 [Reimer et al., 2020]. Полученные результаты сравнивались с этнографическими данными.

Результаты исследования и сопоставительного анализа

Древесина. По результатам ксилотомического анализа, створки двери изготовлены из тополя/осины (*Populus*) (рис. 2, 1–4); детали конструкции — два ука, две решетки и элементы круга-туника — из ивы (*Salix*) (рис. 2, 5–9), для вешалки срубили абрикос (*Prunus armeniaca*) (рис. 2, 10–12). Один образец, взятый с обода туника, древесиной не является. Как было определено позже, на обode сохранился фрагмент войлока.

Рис. 2. Результаты ксилотомического анализа деталей юрты. Дверь:

1 — общий вид, тополь (*Populus*): 2 — тангенциальный срез, однорядные лучи, 3 — радиальный срез, перфорации сосуда, 4 — поперечный срез, равномерно распределенные просветы сосудов (кольцесосудистая древесина) и однорядные лучи; туник: 5 — общий вид, ива (*Salix*): 6 — радиальный срез, поры сосуда, 7 — радиальный срез, сечение луча с различными удлиненными краевыми клетками, 8 — тангенциальный срез, однорядные лучи с удлиненными краевыми клетками, 9 — радиальный срез, перфорации сосуда с видимым шестиугольным окаймлением; вешалка, абрикос (*Prunus armeniaca*): 10 — поперечный срез, тиллы в просветах сосудов ранней древесины и четырехрядный луч с крупными клетками, 11 — тангенциальный срез, широкие 5–7-рядные лучи с округлыми клетками и слабо различимая спиральная штриховатость волокнистых трахеид, 12 — поперечный срез, полукольцесосудистая древесины (крупные просветы сосудов в молодой древесине, мелкие — в поздней, видимые широкие (до 7 клеток в ряд) лучи).

Fig. 2. The xylotomic analysis of the yurt components. The door:

1 — general view, poplar (*Populus*): 2 — tangential section, uniseriate rays, 3 — radial section, vessel perforations, 4 — cross-section, evenly distributed vessel pores (ring porous wood) and uniseriate rays; the skylight ring: 5 — general view, willow (*Salix*): 6 — tangential section, vessel pores, 7 — radial section, ray section with visible elongated marginal cells, 8 — tangential section, uniseriate rays with elongated marginal cells, 9 — radial section, vessel perforations with a visible hexagonal banding; the coat rack, apricot tree (*Prunus armeniaca*): 10 — cross-section, tyloses in the earlywood pores and a 4-seriate ray with large cells, 11 — tangential section, wide 5-to-7-seriate rays with round cells and barely visible helical thickenings of fibrous tracheids, 12 — cross-section, semirings porous wood (large vessel pores in the earlywood, small vessel pores in the latewood, visible wide (up to 7-seriate) rays).

Сравнение с породами древесины, которые применялись при изготовлении разборного жилища в Киргизии [Мамытова, 2018], Казахстане [Ажигали, 2011], Башкирии [Юсупов и др., 2010] и Туркменистане [Джикиев, 1957] (табл. 1), показывает, что мастера юрты из Байрам-Али не использовали березу, сосну, дуб, которые служили материалом в других регионах, отдавая предпочтение традиционным породам древесины для изготовления туркменской юрты — иве и тополю [Хаджиева, 2023].

Шерстяные витые, плетеные и тканые фрагменты. Среди аксессуаров юрты было большое количество текстильных деталей, подробный анализ которых будет представлен в другой статье. Для этой работы важно было показать, из каких волокон были сделаны такие детали, их вариативность и назначение. На уках сохранились фрагменты шерстяных витых веревок, толщина волокон от 16 до 104 мкм. Шерстяная юртовая лента шириной 3,3 см, длиной 25 м состоит из четырех частей: 1020 см × узел × 229 см × шов × 21 см × узел × 780 см — и представляет собой ткань плотного переплетения плотностью 10/6 нитей на 1 см² с идентичным рисунком на лицевой и из-

наночной стороне (рис. 3, 1–3). Нити основы правосторонней крутки красного, коричневого и желтого цвета, толщиной от 0,9 до 1,6 мм, спрядены из двух нитей толщиной от 0,8 до 0,9 мм слабой левосторонней крутки. Толщина волокон колеблется от 18 до 50 мкм. Коричневые нити утка толщиной 0,8–0,9 мм левосторонней крутки; толщина волокон от 19 до 72 мкм. Такая юртовая лента использовалась для фиксации войлочных покрытий, расположенных поверх решетки основы.

Таблица 1

Древесные ресурсы для изготовления деталей юрты по материалам Кыргызстана [Маковецкий, 1893; Мамытова, 2018], Казахстана [Ажигали, 2011; Амиргазин, Амиргазин, 2019], Башкирии [Юсупов и др., 2010] и Туркменистана [Джикиев, 1957]

Table 1

Wood resources for making yurt components using materials from Kyrgyzstan, Kazakhstan, Bashkiria and Turkmenistan

Страна/регион	Стены решетки	Жерди крыши	Круг/обод	Боковые стойки/двери	Дверной порог	Дверная притолока	Дверь
Кыргызстан	Кереге/береза, ива, тополь	Уук/береза, ива, тополь	Тю(у)ндук/береза, ива, тополь	Босага/береза/ ива	Табылдырык/береза/ ива	Мандайча/береза/ ива	Эшик/береза, тополь, карагай (сосна)
Казахстан	Кереге/ива, тополь	Ук/ива, береза, тополь	Шанырак/береза	Босага/береза	Табалдырык/береза, тополь, сосна	Мандайша/береза	Береза, тополь, карагай (сосна)
Башкирия	Канат, тирэс/ ива, тальник	Ук/ива, тальник	Тагарак/береза, черная ива	Осина, дуб, сосна	Липа, осина, дуб, сосна	Осина, дуб, сосна	Осина, дуб, сосна
Туркменистан/джа-фарбаевцы (йомуды)	Дварим/дуб (аззар)	Уе/дуб (аззар)	Туйнук/дуб (аззар)	—	Ашаки ишик/босага/ дуб (аззар)	Ёкары ишик/босага/ дуб (аззар)	Габса/ дуб (аззар)

Еще одно шерстяное изделие — толстый плетеный шнур длиной 446 см, толщиной 2,7 см сделан из десяти шнуров четырехгранного плетения. Нити толщиной около 11 мм правосторонней крутки спрядены из восьми нитей толщиной 0,9–2 мм левосторонней крутки. Первоначально пучок из восьми «нитей» в центральной части был сложен пополам и заплетен в «косу» длиной около 20 см, после чего вторично сложен пополам. Вероятно, образовавшаяся петля крепилась на какой-то крюк или конструкцию и от нее было выполнено плетение шнура до конца. К образовавшейся петле также прикреплялась вторая часть шнура и выполнялось ее плетение. Таким образом, до петли один конец готового шнура имеет длину 328 см, а другой 109 см. После плетения к концам шнура были прикреплены красная и синяя кисти длиной 20 см. Толщина нитей 11 мм, крутка правосторонняя, они спрядены из восьми нитей левосторонней крутки толщиной 0,9–2 мм. Такой шнур также использовался для крепления внешних деталей.

Узорная тканая шерстяная юртовая лента с кистями имела в длину 250 см (длина тканой полосы 195 см), в ширину 6,5 см. Это изделие полотняного переплетения, с простыми кромками, с введенным дополнительно узором образующим уток, формирующим узор в виде полос. Желтые нити основы, создающие зигзагообразный узор на изнанке, выглядят зеркально. Основные шерстяные нити, толщиной 1–1,5 мм, правосторонней крутки, спрядены из двух нитей толщиной от 0,7 до 2,5 мм слабой левосторонней крутки, коричневого, красного, желтого цвета. Толщина волокон неоднородная, колеблется от 13 до 60 мкм. Желтые нити дополнительной основы 1, образующие узор, сделаны из хлопка, толщиной 0,8–1,15 мм, правосторонней крутки, спрядены из двух нитей толщиной 0,4–1,2 мм слабой левосторонней крутки. Толщина волокон 15–27 мкм. Желтые шерстяные нити дополнительной основы 2, образующие узор толщиной 1,16–1,4 мм, правосторонней крутки, спрядены из двух нитей толщиной 0,6–0,8 мм левосторонней крутки. Толщина волокон неоднородная, 21–66 мкм.

Нити утка почти по всей длине одинаковые, красного цвета, толщиной 1,4–1,8 мм, правосторонней крутки, спрядены из двух нитей толщиной 0,6–1 мм левосторонней крутки. Толщина волокон неоднородная, 17–66 мкм. На одном из участков в качестве уточной введена желтая шерстяная нить. На конце полосы с длинной кистью верхняя часть красной и синей кистей обшита хлопковой тканью песочного цвета полотняного переплетения. Для шитья также использовались хлопковые нити слабой левосторонней крутки толщиной 0,16–0,32 мм, ширина волокон 15–23 мкм. Верхняя часть кисти из красной шерсти перекрыта тканой лентой бахромы полотняного переплетения из шерстяных волокон неравномерной толщины, ширина волокон 18–82 мкм. Такие узорные ленты украшали юрту как с внешней, так и с внутренней стороны.

К шерстяному текстилю относится и *войлок*. На выпуклых деревянных элементах *туника* видны мелкие фрагменты волокнистого материала (рис. 3, 4). Было определено, что он состоит из расположенных хаотично шерстяных волокон толщиной от 19 до 60 мкм, покрытых копотью. Таким образом, верх юрты был укрыт войлочным покрытием, копоть образовалась из-за того, что через верхнее отверстие проходил дым от очага, что традиционно для туркменских разборных жилищ [Джикиев, 1957].

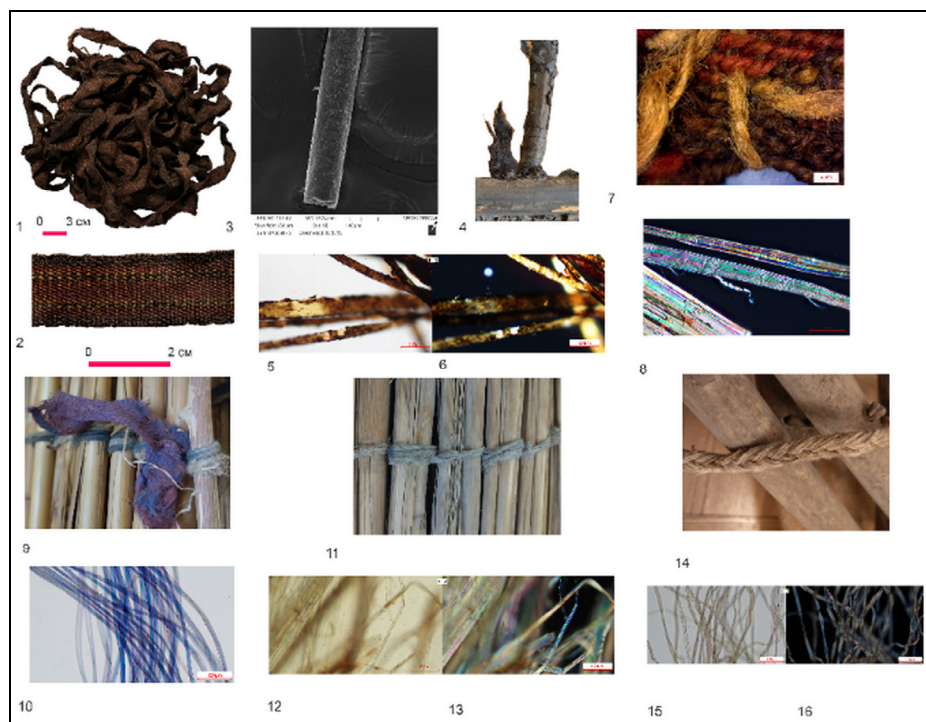

Рис. 3. Юртовая лента, шерсть:

1 — общий вид; 2 — деталь; 3 — РЭМ фото шерстяного волокна; фрагмент войлока; 4 — пучок волокон, сохранившийся на *тунике*; микрофотография волокон шерсти: 5 — анализатор и поляризатор параллельны, 6 — анализатор и поляризатор перпендикулярны; 7 — сшивная нить на длинной ленте; 8 — микрофотография лубяных волокон сшивной нити в проходящем поляризованном свете, анализатор и поляризатор перпендикулярны; 9 — фрагмент шелковой ткани на циновке; 10 — микрофотография синих волокон шелка на циновке в проходящем поляризованном свете, анализатор и поляризатор параллельны; хлопковая веревка на решетках *тарима*: 11, 14 — общий вид, микрофотография волокон шерсти при различном положении анализатора: 12, 15 — анализатор и поляризатор параллельны, 13, 16 — анализатор и поляризатор перпендикулярны.

Fig. 3. Yurt tension band, wool:

1 — general view; 2 — band part; 3 — SEM image of a wool fiber; a felt fragment; 4 — bundle of fibers preserved in the skylight ring; micrograph of wool fibers: 5 — the analyzer and the polarizer are positioned parallel to each other, 6 — the analyzer and the polarizer are positioned perpendicular to each other; 7 — stitching thread on a long band; 8 — micrograph of bast fibers of the stitching thread in the polarized light, the analyzer and the polarizer are positioned perpendicular to each other; 9 — silk cloth fragment on a mat; 10 — micrograph of silk blue fibers on the mat in the polarized light, the analyzer and the polarizer are positioned parallel to each other; cotton rope on the *kerege* lattices: 11, 14 — general view, micrograph of wool fibers made in different analyzer positions: 12, 15 — the analyzer and the polarizer are positioned parallel to each other, 13, 16 — the analyzer and the polarizer are positioned perpendicular to each other.

Хлопок. Косички из плотно спряденных хлопковых нитей стягивали складные детали *тарима* (рис. 3, 14–16). Ширина волокон разнообразная, варьирует от 13 до 20 мкм. Выделены веревки левосторонней крутки, многовитковые из компонентов правосторонней крутки, белый плетеный шнур из хлопковой оплетки вокруг пучка хлопковых нитей; шнур из трех прядей нитей правосторонней крутки. Нитка правосторонней крутки в отверстии одной из планок боковой стенки также сделана из хлопковых волокон неоднородных по качеству и толщине — от 10 до 30 мкм.

Шелк. На одной из планок решетки юрты сохранился фрагмент шелкового полотна с полосатым орнаментом. Нити основы и утка различаются по цвету, крутке нити. Была определена толщина волокон: основы — желтые, 9–16 мкм; красные, 8–19; коричневые, 6–14; утка — красные, 10–23 мкм. На нитях, использованных для скрепления деталей циновки, сохранился фрагмент шелковой камки двух цветов с растительным орнаментом. Толщина волокон основы 22–28 мкм, утка 8–15 мкм (рис. 3, 9, 10).

Исходный материал *лубяных нитей*, из которых сделаны бечевки, дополнительно не определялся. Они, скорее всего, разного времени и самые поздние из текстильных материалов. Из лубяных волокон изготовлена заплетенная «косичкой» веревка из трех пучков по пять-семь нитей левосторонней крутки. Обработка этих материалов была незначительной: на волокнах встречены фрагменты внешней части растения. Сшивная нить, скрепляющая концы фрагментов юртовой ленты, также сделана из лубяных волокон, толщиной 1,5–1,8 мм, правосторонней крутки, спрядена из двух нитей толщиной 0,8–1,2 мм неравномерной левосторонней крутки (рис. 3, 7, 8).

Растительные циновки дополнительными методами также не исследовались. Согласно визуальному осмотру, для их изготовления были взяты стебли тростника, плотно уложенные друг к другу и прочно связанные поперек на всю длину циновки нитями из лубяных и хлопковых волокон и заплетенной косичкой веревкой из луба. С их помощью пучки стеблей оплетались. Такие циновки традиционно использовались для того, чтобы закрыть нижнюю часть юрты поверх войлока [Харузин, 1896; Джикиев, 1957], в качестве настила пола, стенок внутри жилого пространства.

Планки решеток *тарима* скреплены кожаными ремешками. Таким образом, для изготовления веревок, тесьмы, лент, ниток, бечевки мастера, изготовившие юрту из Байрам-Али, использовали самые разнообразные материалы — из тростника сделаны циновки, для их крепления использовались веревки и нити из хлопка и лубяных волокон, для украшения — шелковые ткани; практически все юртовые веревки и тесьма изготовлены плетением и ткачеством из шерстяного волокна, а дополнительные веревки — из хлопка и лубяных волокон. Эти данные соотносятся с этнографическим материалом других регионов — арканы/веревки для юрт в Казахстане делали из овечьей, козьей, верблюжьей шерсти весенней стрижки [Ажигали, 2011; Амиргазин, Амиргазин, 2019], как и в Башкирии [Юсупов и др., 2010], а также из конского волоса; для войлочных кошм в Казахстане [Ажигали, 2011; Амиргазин, Амиргазин, 2019] и Башкирии [Юсупов и др., 2010] употребляли овечью шерсть осенней стрижки, в Юго-Восточном Туркменистане шнур для скрепления частей растительных циновки (*гамыш*) делали из козьей шерсти, в Киргизии — из овечьей, украшая циновки перевитыми цветными нитями и шелковыми тканями [Маковецкий, 1893, с. 6], для выделяния войлока использовали овечью шерсть [Джикиев, 1957, с. 81]. Киргизские ремешки делали из кожи коров и яков [Мамытова, 2018, с. 183].

Геохимический анализ. Для выявления ареала происхождения древесины в трех образцах ивы (*уки* и решетка) и одного образца тополя (*дверь*) были определены вариации отношений изотопов стронция (табл. 2). В качестве местного сигнала биодоступного стронция было принято значение $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в образце абрикоса (вешалка), поскольку мы полагали, что эта деталь интерьера, скорее всего, происходила из близлежащего сада и при перекочевках вряд ли такое большое дерево брали с собой. В качестве более широкого фона использовались опубликованные данные по изотопам, полученным по образцам древесины Юго-Восточного Туркменистана [Kroll et al., 2022, tab. 2].

Таблица 2

Вариации отношений изотопов стронция в образцах дерева деталей юрты и фоновых образцах древесины из Улуг-Депе, Туркменистан

Table 2

Variations in the Sr isotopes in the wood samples of the yurt components and baseline wood samples from Ulug-Depe, Turkmenistan

Образец	№ лаб.	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$	SE, abs	2SE, abs
Юрта, коллекция ГИМ				
Ук/ива	23-931	0,708301	0,000005	0,000010
Ук/ива	23-932	0,708219	0,000005	0,000010
Решетка/ива	23-933	0,708676	0,000009	0,000018
Дверь/тополь	23-934	0,708402	0,000004	0,000008
Фон				
с. Тезеел, Байрам-Алийский р-н (37°34'00.41"N; 61°46'22, 51"E)				
Вешалка/абрикос	23-935	0,708187	0,000005	0,000010
Улуг-Депе, Какский р-н (37°07'58.64"N; 60°03'23.02"E) [Kroll et al., 2022, tab. 2]				
Тамарикс	SK18-01	0,708010	—	0,000004
Можжевельник	SK18-02	0,708045	—	0,000003

Сопоставительные данные по изотопам биодоступного стронция для разных в геологическом отношении юго-восточных регионов Центральной Азии малочисленны и пока можно ориентироваться только на обобщенные значения, предложенные в [Kroll et al., 2022]: более радиогенные значения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ характерны для районов к востоку от Мургабского бассейна, в бассейне Аму-Дарьи и еще восточнее, в Узбекистане; менее радиогенные — к западу.

Размах вариаций отношений изотопов стронция в образцах ивы и тополя юрты из ГИМ $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$: 0,7082–0,7086 выше, чем средний диапазон, полученный по элементам экосистемы вокруг Улуг-Депе, расположенного примерно в 200 км к юго-западу от Байрам-Али, в пустыне Каракумы у предгорий Копетдага, в регионе, характеризующемся более молодыми аллювиальными и четвертичными лессовыми отложениями ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$: 0,707874–0,708054) [Kroll et al., 2022, р. 13], однако приближен к местному значению биодоступного стронция (древесина абрикоса), характерного для осадочных пород юрского, мелового и кайнозойского периодов Южно-Туранской платформы (рис. 4, 1).

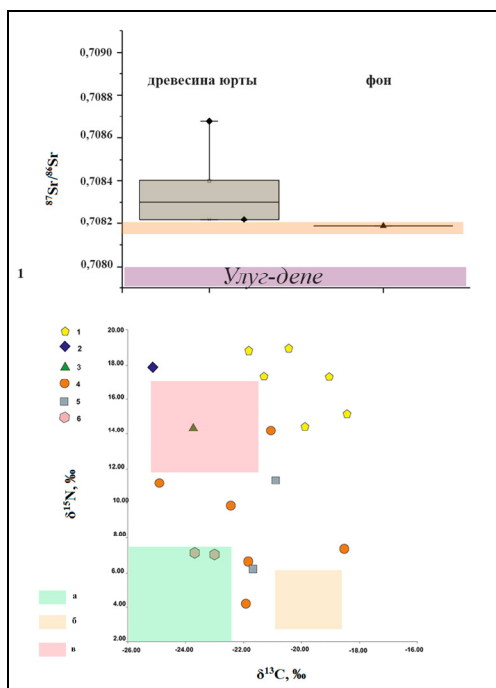

Рис. 4. Результаты геохимических исследований:

1 — вариации отношений изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в образцах дерева деталей юрты, вешалки и фоновых образцах древесины из Улуг-Депе, Туркменистан [Kroll et al., 2022, tab. 2]; 2 — изотопный состав азота ($\delta^{15}\text{N}$) и углерода ($\delta^{13}\text{C}$) в текстильных образцах туркменской юрты и сопоставительных образцах из Ольхона, Тывы, Адыгеи, Ростовской области. (1 — шерстяной текстиль юрты; 2 — хлопковый текстиль юрты; 3 — шерсть верблюда, Тыва; 4 — конский волос, Ольхон; 5 — конский волос, Адыгея; 6 — шерсть овец, Нижнее Подонье; а — пастбища с растениями C_3 ; б — смешанные C_3/C_4 ; в — аридные C_3) [Shishlina et al., 2018].

Fig. 4. Results of the geochemical studies:

1 — variations in the $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ values in the wood parts of the yurt, the coat rack and baseline samples of wood from Ulug-Depe, Turkmenistan [Kroll et al., 2022, tab. 2]; 2 — isotopic composition of nitrogen ($\delta^{15}\text{N}$) and carbon ($\delta^{13}\text{C}$) in the textile samples of the Turkmen yurt and reference samples from Olkhon, Tyva, Adygea, Rostov region (1 — yurt wool textile; 2 — yurt cotton textile; 3 — camel wool, Tyva; 4 — horse hair, Olkhon; 5 — horse hair, Adygea; 6 — sheep wool, Lower Don region; а — pastures with C_3 plants; б — pastures with mixed C_3/C_4 plants; в — arid pastures with C_3 plants).

Для идентификации видового разнообразия шерстяного сырья (козы, овцы, верблюды, конский волос), пошедшего на текстильные аксессуары юрты из Исторического музея, требуются специальные исследования [Чернова, Целикова, 2004; Azemard et al., 2019; Shishlina, Chernova, 2025], но, ставя задачу определить изотопный состав азота и углерода тестовых образцов, мы хотели очертить ареал, где могли выпасаться животные [Szpak et al., 2015; Shishlina et al., 2018], шерсть которых пошла на изготовление веревок и тесьмы, или произрастать лубяные растения, и представить их характеристику.

Для шести образцов шерстяных материалов и одного лубяного образца был определен изотопный состав азота и углерода (табл. 3; рис. 4, 2). В качестве сравнительного материала привлечены данные по изотопному составу образцов из нескольких географических регионов: конского волоса (фрагмент сети) с о. Ольхон, оз. Байкал, XIX в.; конского волоса из гривы и хвоста современного коня из урочища Клады, низогорье, северо-западный Кавказ XXI в.; шерсти верблюда из среднегорья Саян, Тыва, конец XX в.; руна овец из Сальских степей Ростовской области, XXI в. Выявлены значительные различия изотопных данных (рис. 4, 2), что соотносится с разными географическими и, соответственно, геохимическими характеристиками регионов отбора образцов. Изотопный состав азота и углерода шерстяного текстиля из Байрам-Али характеризуется экстремально высокими значениями изотопа азота $\delta^{15}\text{N}$: от 14,4 до 18,84 ‰, довольно высокими значениями изотопа углерода $\delta^{13}\text{C}$: от -20,31 до -16,93 ‰. Это свидетельствует, что животные (овцы/козы) выпасались на аридных, скорее всего, пустынных пастбищах со смешанным C_3/C_4 растительным покровом, что, в целом, характеризует аридные пустынные регионы Центральной Азии. Такие же высокие значения изотопа азота $\delta^{15}\text{N} = 17,92$ ‰ отмечены и для лубяного волокна одной из веревок.

Изотопный состав волос животных сопоставительной выборки показывает, что геохимические характеристики пастбищных растений о. Ольхон, Иркутская область, лесных низогорий северо-

Туркменская юрта из собрания Исторического музея: верификация атрибуции

западного Кавказа и сухостепных угодий в Сальских степях иные. Эти данные, хотя и дают только общее представление об изотопном составе текстильного сырья и пастбищах, где могли выпасаться животные, волокно и руно которых пошло на изготовление веревок и тесьмы [Szpak, 2015], тем не менее позволяют высказать предположение, что все текстильное сырье, пошедшее на изготовление аксессуаров юрты, происходит из экстреоаридного ареала с сухим и жарким климатом, с низким уровнем годовых осадков. К такому региону относится и Мургабский, где была приобретена юрта.

Отметим, что изготовление многочисленных шерстяных изделий было характерно для многих кочевых племен Туркмении, среди которых особенно выделяется текстильное искусство кочевников йомудов, широко применявших для ткачества овечью шерсть, реже — козью, верблюжью, шелковые и хлопковые нити [Гордеева, Кузьменко, 2024].

Таблица 3

Изотопный состав азота ($\delta^{15}\text{N}$) и углерода ($\delta^{13}\text{C}$) в шерстяном текстиле юрты из Байрам-Али и сопоставительной выборки

Table 3

The isotopic composition of nitrogen ($\delta^{15}\text{N}$) and carbon ($\delta^{13}\text{C}$) of the wool textiles of the Bairamali yurt and the reference dataset

№	Образец	$\delta^{13}\text{C}$, ‰ VPDB	$\delta^{15}\text{N}$, ‰ AIR	C, %	N, %	C/N
Юрта, Исторический музей						
1	Шерстяная веревка	-18,36±0,26	14,40±0,22	35,33±0,20	10,95±0,11	3,2
2	Шерстяная веревка	-16,93±0,13	15,20±0,22	39,32±0,18	12,43±0,08	3,1
3	Шерстяная веревка	-18,95±0,23	18,84±0,27	41,83±0,21	13,61±0,12	3,0
4	Шерстяная веревка	-17,51±0,23	17,38±0,25	22,16±0,21	5,31±0,09	4,2
5	Шерстяная веревка	-20,31±0,34	18,84±0,24	16,65±0,20	3,21±0,13	5,1
6	Шерстяная веревка	-19,75±0,10	17,38±0,21	37,46±0,09	0,96±0,24	39,0
7	Хлопковая веревка	-23,61±0,26	17,92±0,18	34,13±0,15	11,12±0,15	3,7
Фоновые сопоставительные образцы						
8	Сеть, конский волос, XIX в., о. Ольхон	-23,77±0,04	14,44±0,18	44,34±0,18	14,71±0,19	3,0
9	Шерсть верблюда, Кызыл, Тува, 2014	-17,89	11,26	—	—	—
10	Шерсть верблюда, Кызыл, Тува, 2014	-20,23	6,32	—	—	—
11	Конский волос, грива, ур. Клады, Адыгея, 2015	-22,17	7,16	—	—	—
12	Конский волос, хвост, ур. Клады, Адыгея, 2015	-21,47	7,02	—	—	—
13	Руно ягненка 4 месяца, Балка Цекета, Ростовская обл., август 2020	-21,8	6,5	—	—	3,1
14	Руно овцы 2 лет, Балка Цекета, Ростовская обл., август 2020	-18,5	7,4	—	—	3,4
15	Руно взрослой овцы, п. Первомайское, Ростовская обл., август 2020	-21,0	14,2	—	—	3,2
16	Руно мериноса, Балка Немашкалова, Ростовская обл., август 2020	-24,9	11,1	—	—	4,0
17	Темное руно взрослой овцы, Балка Немашкалова, Ростовская обл., август 2020	-21,9	4,2	—	—	3,3
18	Шерсть взрослой овцы, Балка Темрта, Ростовская обл., август 2020	-22,4	9,8	—	—	3,1

^{14}C -датирование методом ускорительной масс-спектрометрии фрагмента дерева позволило определить возраст двери (табл. 4). Мы полагаем, что это одна из первоначальных деталей всей конструкции, которая не менялась на протяжении всего интервала бытования юрты.

Таблица 4

Результаты УМС-датирования образца древесины (дверь) юрты из Байрам-Али

Table 4

AMS-dating of the wood sample (door) of the Bairamali yurt

Лаб. №	Образец/возраст	^{14}C -возраст (BP)	Калиброванное значение (н.э.)
GV-4450	Древесина: тополь, осина (<i>Populus</i>)	131±22	Вероятность 68.3 % 1686 (10.2 %) 1706 1720 (6.4 %) 1732 1805 (6.3 %) 1818 1832 (34.4 %) 1891 1907 (11.0 %) 1927
			Вероятность 95.4 % 1680 (25.2 %) 1740 1752 (2.7 %) 1763 1800 (67.5 %) 1940

Полученный радиоуглеродный возраст фрагмента дерева двери юрты подтверждает, что, скорее всего, дверь, как главный конструктивный и семантический элемент разборного жилища, была сделана на рубеже XIX–XX — в самом начале XX в.

Обсуждение

Анализ всех деталей байрам-алийской юрты позволил отнести ее к туркменскому/тюркскому типу, распространенному в Туркменистане и других регионах Центральной Азии. Отличительной от

монгольского типа чертой такой конструкции является изогнутость жердей (*уков*), благодаря которой свод юрты получается купольным. Поэтому опорных столбов внутри каркаса нет. Каркас мог состоять из четырех и более решеток, стены и кровля закрывались войлоком, скрепленным волосяными веревками, и поверх — растительными (камышовыми и из других растений) циновками, перевязанными ткаными узорными лентами и веревками [Харузин, 1896; Джикиев, 1957; Хаджиева, 2023].

Материалы, из которых были сделаны деревянные, плетеные и тканые элементы юрты из Байрам-Али, соотносятся с теми материалами, из которых традиционно изготавливали степные мобильные жилища — в Киргизии [Маковецкий, 1893; Мамытова, 2018], Казахстане [Ажигали, 2011], Башкирии [Юсупов и др. 2010], Туркменистане [Хаджиева, 2023].

Выбор древесины для изготовления деталей разборного жилья евразийского кочевника был определен доступностью сырья и его основными качествами — прочностью и одновременно пластичностью. Именно в районах, где было много ивы, развивался промысел по производству юрт или их деталей [Ажигали, 2011]. Этому способствовали и древесные ресурсы Мургабского оазиса, расположенного в Туранской низменности Юго-Восточного Туркменистана. Для речных экосистем этого региона характерна тугайная растительность, в состав которой входят тополь сизолистный (*Populus pruinosa*), тополь евфратский (*P. euphratica*), ива иглолистная (*Salix acmophylla*), ива джунгарская (*S. songarica*) и другие виды рода *Salix*. Также для подобных экосистем характерны лох узколистный (*Elaeagnus angustifolia*), гребенщик (*Tamarix* sp.), чингил серебристый (*Halimodendron halodendron*), карагач граболистный (*Ulmus carpiniifolia*) [Ареалы..., 1977].

Незначительные вариации отношений изотопов стронция в образцах ивы (рис. 4, 1), возможно, показывают, что такие детали, как *уки* и решетки, быстрее изнашивались, ремонтировались и заменялись новыми. Для этого брались молодые стволы и ветки ивы в том месте, где проводилась сборка юрты. Такие деревья в большом количестве росли по берегам рек и каналов довольно обширного Мургабского бассейна. Требуется привлечение дополнительных изотопных данных по образцам местной древесины (в районе городов Мары и Байрам-Али и за их пределами) и другим элементам экосистем для уточнения возможного места произрастания деревьев.

Текстильные детали можно разделить на несколько категорий: циновки, юртовые ленты, тесьма, веревки, нити. Вариативность текстильного сырья, которое пошло на их изготовление, соотносится с тем экономическим укладом, который был характерен для кочевого населения Туркменистана, и с теми сырьевыми ресурсами, которые происходят из Мургабского региона. Согласно данным полевой описи, юрта была приобретена у семьи текинцев. Это традиционные кочевые племена, разводившие овец, занимавшиеся ковроткачеством [Джикиев, 1957, с. 31]. В Мургабском регионе выращивали хлопок, было развито шелководство, летние и зимние пастбища кочевников текинцев, йомудов и других племен находились рядом с зарослями тростника и камыша, в долинах рек и озер [Сухарева, Турсунов, 1982].

¹⁴C-дата подтвердила, что самая древняя деталь юрты — дверь из тополя/осины была сделана на рубеже XIX–XX вв. Это соотносится с изобразительными [Дикое поле, 2024] и этнографическими [Джикиев, 1957] данными. Деревянные двери стали использоваться в качестве заслонов только со второй половины XIX в., до этого входное отверстие прикрывалось циновками, аналогичными тем, что укрывали низ боковых стен из решеток *тарим*. Это хорошо видно на литографии неизвестного художника (после 1805 г.) из собрания Н.Н. Муравьева-Карского, где изображена туркменская юрта без двери, покрытая внизу растительными циновками, а сверху — войлочными кошмами, стянутыми веревками и лентами. Вход в такую юрту прикрывала растительная циновка, которую легко можно было приподнять, чтобы внутрь помещения попадали воздух и свет [Дикое поле..., 2024, с. 165].

Заключение

Результаты исследования относительно исходных материалов, из которых был изготовлен каркас юрты и текстильные детали, полученная по фрагменту древесины двери радиоуглеродная дата, сравнительный анализ с привлечением этнографических и изобразительных данных подтверждают историко-хронологическую атрибуцию и подлинность музейного предмета — туркменской разборной юрты конца XIX — начала XX в., традиционного жилища кочевников-текинцев Туркменистана. Все имеющиеся деревянные детали — решетки *тарим*, тростниковые циновки *гамыш*, двустворчатая дверь *ишик*, верхняя конструкция *туника*, *уки*, плетеные и тканые юртовые ленты, веревки, фрагменты войлочных покрытий соотносятся с традиционными элементами мобильного разборного дома.

По итогам исследования изотопных отношений стронция в древесине и сравнения с фоновыми образцами можно предположить, что древесный материал, из которого сделаны детали юрты, происходят из региона Мургабского бассейна, где тополь и ива являлись основой древесных массивов.

Однако не исключено, что при перекочевках детали некоторых элементов, к примеру решеток, которые постоянно растягивались и потом складывались, приходили в негодность и требовали замены. При этом использовался доступный материал, который применяли для изготовления деревянных конструкций юрты в том месте, где проходила перекочевка. Профессиональные мастера — изготовители деревянных каркасов юрт были известны во многих регионах Центральной Азии [Харузин, 1896; Ажигали, 2011], и заменить сломанную деталь уже подготовленным, высушенным деревом (в первую очередь ивой) не составляло труда [Мамытова, 2018, с. 180]. Текстильное сырье также, скорее всего, местного происхождения. Шерсть давали домашние животные, выпасавшиеся на аридных пустынных пастбищах, по берегам водных источников Мургабского оазиса произрастал тростник, осоки, рогоз, тугайная растительность, г. Мерв (Мары) с древности был одним из важнейших центральноазиатских центров производства шелковых тканей [Федорко, 2013].

Использование природных ландшафтов и их ресурсов, подвижный образ жизни кочевников-текинцев отразились на их традиционном жилище — разборной юрте. Ее конструкция была создана кочевниками многих эпох, знания о том, как ее построить, передавались из поколения в поколение. Даже в усадьбах туркмен в XIX в. на специальных площадках вдоль стен домов и хозяйственных построек ставили юрты [Вайнберг, 1982, с. 185]. От времени продажи юрты из Байрам-Али (1916) до ее приобретения (1959) прошло много лет, она использовалась несколькими поколениями текинцев, хотя, по мнению информаторов, в XIX — начале XX в. в юртах часто жили только по 10–15 лет [Джикиев, 1957, с. 80].

Идентификация древесных и текстильных материалов, а также технологических приемов позволили соотнести полученные результаты с локальными этническими традициями одной из народностей Туркменистана — текинцев. Итоги изучения деталей юрты использовались при научной реставрации уникального музейного предмета и его демонстрации на выставке в Историческом музее «Дикое поле. В вечном движении» в 2024 г. (рис. 1, 2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ажигали С.Е. Технология казахской юрты // European researcher. 2011. № 9 (12). С. 1235–1241.
- Амиргазин К.Ж., Амиргазин Е.К. Казахская традиционная юрта — шедевр кочевой цивилизации // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 228–231.
- Ареалы деревьев и кустарников СССР. Т. 1: Тисовые — Кирказоновые / Отв. ред. С.Я. Соколов, О.А. Связева, В.А. Кубли. Л.: Наука, 1977. 164 с.
- Бенькова В.Е., Швейнрубер Ф.Х. Анатомия древесины растений России. Берн: Издательство Хаупт, 2004. 456 с.
- Вайнберг Б.И. Жилые и хозяйственные постройки туркмен Левобережного Хорезма в XIX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Е.Е. Неразик, А.Н. Жилина. М.: Наука, 1982. С. 179–192.
- Гордеева О.Г., Кузьменко О.Е. Художественное творчество туркмен Центральной Азии: Ковры и ковровые изделия в собрании Исторического музея // Дикое поле. В вечном движении. Изд. к выставке в Государственном историческом музее. М.: ГИМ, 2024. С. 132–138.
- Джикиев А. Поселения и жилища туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря в XIX–XX вв. // СЭ. № 4. 1957. С. 76–90.
- Дикое поле. В вечном движении: Изд. к выставке в Государственном историческом музее. М.: ГИМ, 2024. 287 с.
- Маковецкий П. Юрта (летнее жилище киргиз) // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск: Тип. Окр. Штаба, 1893. Кн. XV. Вып. III. 16 с.
- Мамытова А.Б. Процесс изготовления деревянного каркаса кыргызской юрты // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2018. № 2 (5). С. 179–186.
- Сухарева О.А., Турсунов Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX — начала XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Е.Е. Неразик, А.Н. Жилина. М.: Наука, 1982. С. 10–48.
- Федорко В.Н. Устьевые оазисы Средней Азии: Опыт комплексного сравнительно-типологического исследования. Ташкент, 2013. 34 с.
- Хаджиева О. Туркменская юрта // Проблемы искусства и культуры. 2023. № 17 (2). С. 91–97. <http://doi.org/10.5281/zenodo.8105930>
- Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1896. 125 с.
- Чернова О.Ф., Целикова Т.Н. Атлас волос млекопитающих. М.: Т-во науч. изданий КМК, 2004. 424 с.
- Шишлина Н.И., Орфинская О.В., Севастьянов В.С. и др. Изотопный состав шерстяного волокна эпохи бронзы: Первые результаты и обсуждение // Искусство древнего текстиля / Отв. ред. И.И. Елкина, М. Вагнер, П.Е. Тарасов М.: ИА РАН, 2019. С. 314–325.

Шишлина Н.И., Строков А.А., Куприянов Д.А. и др. Древесина в культуре древних кочевников: Археологический контекст, идентификация, реконструкция древних ландшафтов // Ресурсы аридных регионов юга России и человек в эпоху бронзы, раннего железного века и средневековья / Отв. ред. Н.И. Шишлина, А.А. Казарницкий. СПб.; М.: МАЭ РАН, 2023. С. 132–145.

Юсупов Р.М., Султангареева Р.А., Шумова С.Н. Башкирская юрта: Методическое пособие. Уфа: ИИФЛ УНЦ РАН, 2010. 70 с.

Akkemik Ü., Yaman B. Wood anatomy of Eastern Mediterranean species. Remagen-Oberwinter: Kessel Publishing House, 2012. 310 p.

Azemard C. A., Zazzo A., Marie A., Lepetz A., Debain-Francfort C., Idriss A., Zirah S. Animal fiber use in the Keriya valley (Xinjiang, China) during the Bronze and Iron Ages: A proteomic approach // Journal of Archaeological Sciences. 2019. № 110. P. 1–12. <http://doi.org/10.1016/j.jas.2019.104996>

Balasse M., Bălăşescu A., Jansen A. et al. Early herding at Măgura-Boldul lui Moş Ivănuş (early sixth millennium BC, Romania): Environments and seasonality from stable isotope analysis // European Journal of Archaeology. 2013. № 16 (2). P. 221–246. <http://doi.org/10.1179/1461957112Y.0000000028>

Bronk Ramsey C. Methods for summarizing radiocarbon datasets // Radiocarbon. 2017. № 59 (6). P. 1809–1833. <http://doi.org/10.1017/RDC.2017.108>

Hajj F., Poszva A., Boucher J., Guérol F. Radiogenic and “stable” strontium isotopes in provenance studies: A review and first results on archaeological wood from shipwreck // Journal of Archaeological Sciences. 2017. № 86. P. 24–49.

Van Ham-Meert A., Daly A. Provenancing 16th and 17th century CE building timbers in Denmark — combining dendroprovenance and Sr isotopic analysis // PLoS ONE. 2023. 18(2). e0278513. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0278513>

Iacumin P., Nikolayev V., Ramigni M. Paleoenvironmental reconstruction by means of isotopic studies of the Late Pleistocene megafauna in Northern Eurasia // Journal of Geocryology. 2000. № 2. P. 153–170.

Kroll S., Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J. et al. Mobility and land use in the Greater Khorasan Civilization: Isotopic approaches ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, $\delta^{18}\text{O}$) on human populations from southern Central Asia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2022. № 46 (1–2). <http://doi.org/10.1016/j.jasrep.2022.103622>

Reimer P., Austin W., Bard E., Talamo S. et al. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. 62. P. 725–757.

Ryan S.E., Dabrowski V., Dapoigny A. et al. Strontium isotope evidence for a trade network between south-eastern Arabia and India during Antiquity // Scientific Report. 2021. № 11 (303). <https://doi.org/10.1038/s41598-020-79675-3>

Shishlina N., Sevastyanov V., Kuznetsova O. Seasonal practices of prehistoric pastoralists from the south of the Russian plain based on the isotope data of modern and archaeological animal bones and plants // Journal of Archaeological Science: Reports. 2018. № 21. P. 1247–1258. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2017.02.013>

Shishlina N.I., Chernova O.F. Bronze Age wool textile and fur items from northern Eurasia: Identification of the fiber origin and differentiation between domestic animal species // Archaeological Research in Asia. 2025. 43. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2025.100635>

Szpak P. Origins of Prehispanic camelid wool textile from the North and Central coast of Peru traced by carbon and nitrogen isotopic analyses // Current Anthropology. 2015. Vol. 56. № 3. P. 449–459.

Wheeler E.A., Gasson P.E., Baas P. Using The InsideWood Web Site: Potentials and Pitfalls // IAWA Journal. 2020. № 41 (4). P. 412–462.

**Shishlina N.I.^{1,2*}, Loskutova A.S.³, Kupriyanov D.A.⁴, Soloshenko N.G.⁵,
Mamonova A.A.⁶, Ershova O.V.⁷**

^{1,2} State Historical Museum, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
nshishlina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9638-0156>

³ State Historical Museum, eastfck@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7391-7709>

⁴ Institute of Geography RAS, dmitriy Kupriyanov1994@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1441-4039>

⁵ Institute of Geology and Geochemistry, nats_igg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5264-2863>

⁶ State Historical Museum, MamonovaAA@shm.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0581-5800>

⁷ Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, ersholesya198q@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-9731-8822>

The Turkmen yurt from the collection of the State Historical Museum: verification of attribution

Summary. This paper discusses the results of the study aimed to examine components of a portable yurt bought by the Turkmen expedition of the State Historical Museum in the Bairamali district, Mary region, Turkmenistan, in 1959. The study was intended to verify authenticity of this museum object as well as develop a sequence of actions to reassemble this dwelling that can be set up and then put down when put on display at an

* Corresponding author.

exhibition. The study identified materials and technological methods used to make the yurt. This made it possible to correlate the results obtained with local ethnic traditions. To this end, we examined the yurt components that have survived, did the ^{14}C dating of the wood, performed technological analysis of the textile components and xylotomic analysis of the wood, determined the nitrogen and carbon isotopic composition of the textile fragments as well as the variations in the strontium isotope ratios of the wood. To verify the results, we used a reference dataset of ethnographic materials attributed to Eurasian nomads for comparison. The analyses of the Bairamali yurt enabled the team to refer this nomadic habitation to the Turkmen/Turkic type. The door frame was made of poplar/aspens; two dome poles (*uuk*s); the lattice wall sections (*kerege*), and the components of the skylight ring (*tüýnük*) were made of willow; the coat rack was made of a felled apricot tree. Based on the $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ value determination, the wood originated in Murghab river basin. A felt fragment has survived in the skylight ring. The yurt textile parts are represented by plant mats, wool yurt bands, wool and silk tapes, wool and bast ropes and threads. The textile raw material is also local. The ^{14}C date confirmed that the door, which is the oldest yurt component, was made at the turn of the twentieth century. The study of the yurt components was used in scientific restoration of this unique museum item which was put on display for the exhibition “The Wild Fields. In Perpetual Motion” that ran in the State Historical Museum in 2024.

Keywords: yurt, Turkmenistan, isotopic composition of nitrogen ($\delta^{15}\text{N}$) and carbon ($\delta^{13}\text{C}$), variations in the $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ values, ^{14}C AMS-dating.

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00028.

REFERENCES

- Akkemik, Ü., Yaman, B. (2012). Wood anatomy of Eastern Mediterranean species. Remagen-Oberwinter: Kessel Publishing House.
- Amirgazin, K.Zh., Amirgazin, E.K. (2019). The Kazakh traditional yurt as a masterpiece of nomadic civilization. *The world of science, culture and education*, 79(6), 228–231.
- Azemard, C.A., Zazzo, A., Marie, A., Lepetz, A., Debain-Francfort, C., Idriss, A., Zirah, S. (2019). Animal fiber use in the Keriya valley (Xinjiang, China) during the Bronze and Iron Ages: A proteomic approach. *Journal of Archaeological Sciences*, (110), 1–12. <http://doi.org/10.1016/j.jas.2019.104996>
- Azhigali, S.E. (2011). Technology of the Kazakh yurt. *European researcher*, 12(9), 1235–1241.
- Balasse, M., Bălăşescu, A., Jansen, A. et al. (2013). Early herding at Măgura-Boldul lui Moş Ivănuş (early sixth millennium BC, Romania): Environments and seasonality from stable isotope analysis. *European Journal of Archaeology*, 16(2), 221–246. <http://doi.org/10.1179/1461957112Y.0000000028>
- Benkova, V.E., Schweingruber, F.Kh. (2004). *Anatomy of Russian wood*. Bern: Haupt.
- Bronk Ramsey, C. (2017). Methods for summarizing radiocarbon datasets. *Radiocarbon*, 59(6), 1809–1833. <http://doi.org/10.1017/RDC.2017.108>
- Chernova, O.F., Tselikova, T.N. (2004). *The Atlas of Mammal Hairs*. Moscow: Izd-vo nauch. izdani. (Rus.).
- Dzhikiev, A. (1957). Settlements and dwellings of the Turkmen in the southeastern coast of the Caspian Sea in the 19th–20th centuries. *Sovetskaya ethnografiya*, (4), 76–90. (Rus.).
- Fedorko, V.N. (2013). *River mouth oases in Central Asia: Experience of the comprehensive comparative and typological study*. Tashkent. (Rus.).
- Gordeeva, O.G., Kuzmenko, O.E. (2024) Artwork of the Turkmen in Central Asia: carpets and rugs in the collection of the State Historical Museum. In: *The Wild Fields. In Perpetual Motion: The book that accompanies the exhibition in the State Historical Museum*. Moscow: GIM, 132–138. (Rus.).
- Hajj, F., Poszva, A., Boucher, J., Guérol, F. (2017). Radiogenic and “stable” strontium isotopes in provenance studies: A review and first results on archaeological wood from shipwreck. *Journal of Archaeological Sciences*, (86), 24–49.
- Van Ham-Meert, A., Daly, A. (2023). Provenancing 16th and 17th century CE building timbers in Denmark—combining dendroprovenance and Sr isotopic analysis. *PLoS ONE*, 18(2), e0278513. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0278513>
- Iacumin, P., Nikolayev, V., Ramigni, M. (2000). Paleoenvironmental reconstruction by means of isotopic studies of the Late Pleistocene megafauna in Northern Eurasia. *Journal of Geocryology*, (2), 153–170.
- Khadzhieva, O. (2023) The Turkmen yurt. *Issues of art and culture*, 17(2), 91–97. <http://doi.org/10.5281/zenodo.8105930>
- Kharuzin, N.N. (1896). *The history of habitation development among the nomadic and seminomadic Turkic and Mongol ethnic groups of Russia*. Moscow: T-vo skoropechatni A.A. Levenson. (Rus.).
- Kroll, S., Bendezu-Sarmiento, J., Lhuillier, J. et al. (2022). Mobility and land use in the Greater Khorasan Civilization: Isotopic approaches ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, $\delta^{18}\text{O}$) on human populations from southern Central Asia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 46(1–2). <http://doi.org/10.1016/j.jasrep.2022.103622>
- Makovetsky, P. (1893). The yurt (summer habitation of the Kirghiz). In: *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela IRGO. Kn. XV. Vyp. III*. Omsk: Typ. Okr. Shtaba. (Rus.).
- Mamytova, A.B. (2018) The process of making a wooden framework for the Kyrgyz yurt. *Istoriko-kulturnoye nasledie narodov Uralo-Povolzhya*, 5(2), 179–186. (Rus.).
- Reimer, P., Austin, W., Bard, E., Talamo, S., et al. (2020). The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, 62, 725–757.

Ryan, S.E., Dabrowski, V., Dapoigny, A. al. (2021). Strontium isotope evidence for a trade network between southeastern Arabia and India during Antiquity. *Scientific Report*, 303(11). <https://doi.org/10.1038/s41598-020-79675-3>

Shishlina, N., Sevastyanov, V., Kuznetsova, O. (2018). Seasonal practices of prehistoric pastoralists from the south of the Russian plain based on the isotope data of modern and archaeological animal bones and plants. *Journal of Archaeological Science: Reports*, (21), 1247–1258. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2017.02.013>

Shishlina, N.I., Orfinskaya, O.V., Sevastyanov, V.S., et al. (2019). The isotopic composition of the Bronze Age wool fiber: first results and discussion. In: I.I. Yelkina, M. Vagner, P.E. Tarasov (Eds.). *Iskusstvo drevnego tekstilya*. Moscow: IA RAN, 314–325. (Rus.).

Shishlina, N.I., Stokov, A.A., Kupriyanov, A.D., et al. (2023) Wood in the culture of ancient nomads: Archaeological context, identification and reconstruction of ancient landscape. In: N.I. Shishlina, A.A. Kazarnitsky (Eds.). *Resursy aridnykh regionov uga Rossii i chelovek epokhu bronzy, rannego zheleznogo veka i srednevekovya*. St. Petersburg; Moscow: MAE RAN, 132–145. (Rus.).

Shishlina, N.I., Chernova, O.F. (2025). Bronze Age wool textile and fur items from northern Eurasia: Identification of the fiber origin and differentiation between domestic animal species. *Archaeological Research in Asia*, 43. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2025.100635>

Sokolov, S.Ya., Svyazeva, O.A., Kubli, V.A. (Eds.) (1977). *Areas of trees and bushes in the USSR. Vol. 1*. Leningrad: Nauka. (Rus.).

Sukhareva, O.A., Tursunov, N.O. (1982). Excerpts on the history of urban and rural settlements in Central Asia in the second half of the 19th — early 20th centuries. In: E.E. Nerazik, A.N. Zhilina (Eds.). *Zhilishche narodov Srednei Azii i Kazakhstana*. Moscow: Nauka, 10–48. (Rus.).

Szpak, P. (2015). Origins of Prehispanic camelid wool textile from the North and Central coast of Peru traced by carbon and nitrogen isotopic analyses. *Current Anthropology*, 56(3), 449–459.

Vainberg, B.I. (1982). Residential and household buildings of the Turkmen in Left Bank Khwarezm in the 19th century. In: E.E. Nerazik, A.N. Zhilina (Eds.). *Zhilishche narodov srednei Azii i Kazakhstana*. Moscow: Nauka, 179–192. (Rus.).

Wheeler, E.A., Gasson, P.E., Baas, P. (2020). Using The InsideWood Web Site: Potentials and Pitfalls. *IAWA Journal*, 41(4), 412–462.

Yusupov, R.M., Sultangareeva, R.A., Shitova, S.N. (2010). *The Bashkir yurt: Manual*. Ufa: IIFL UNTs RAN. (Rus.).

© Шишлина Н.И., Лоскутова А.С., Куприянов Д.А., Солошенко Н.Г., Мамонова А.А., Ершова О.В., 2026
Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 15.04.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторах:

Шишлина Наталья Ивановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Государственный исторический музей, Москва, Россия.

Лоскутова Александра Сергеевна, младший научный сотрудник, Государственный исторический музей, Москва, Россия.

Куприянов Дмитрий Александрович, научный сотрудник, Институт географии РАН, Москва, Россия.

Солошенко Наталья Геннадиевна, зав. группой, Институт геологии и геохимии им. акад. А.Н. Заварицкого УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

Мамонова Анна Андреевна, реставратор тканей высшей категории, Государственный исторический музей, Москва, Россия.

Ершова Олеся Валерьевна, младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

About the authors:

Shishlina, Natalia I., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, State Historical Museum, Moscow, Russia.

Loskutova, Alexandra S., Junior Researcher, State Historical Museum, Moscow, Russia.

Kupriyanov, Dmitry A., Researcher, Institute of Geography RAS, Moscow, Russia.

Soloshenko, Natalia G., Head of the group at the Institute of Geology and Geochemistry UB RAS, Yekaterinburg, Russia.

Mamonova, Anna A., Textile conservator, State Historical Museum, Moscow, Russia.

Ershova, Olesya V., Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia.

Бравина Р.И.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
bravinari@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4902-8288>

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЯКУТОВ В КОНТЕКСТЕ ЭПИДЕМИЙ ОСПЫ XVII–XIX ВВ.

Аннотация. В российской этнографической науке практически отсутствуют исследования, посвященные изучению погребальной обрядности коренных народов Сибири в условиях масштабных эпидемий, существенно повлиявших на демографические показатели и традиционные жизненные уклады. Задача настоящей статьи — комплексный анализ коллективных захоронений якутов в периоды вспышек оспы с привлечением этнографических, археологических и фольклорных материалов, а также данных микробиологии и генетики. На территории Центральной Якутии зафиксировано четыре случая коллективных погребений XVII–XVIII вв. Изучение артефактов позволяет сделать вывод о значительных изменениях традиционных похоронных обычаев в периоды эпидемий. Особенно актуализируются элементы мировоззренческой сферы: персонификация болезней, оформление их визуальных образов в виде антропоморфных фигур, изготовление специальных вместилищ «тюктюйэ» для их заточения. Дополнительно отмечается возведение особых культовых сооружений с «вооруженными» идолами, предназначенных для отпугивания духов болезней, а также жертвенников для их умилостивления.

Ключевые слова: Якутия, коллективные погребения, якуты, эпидемии оспы, духи болезни, антропоморфы, вместилище «тюктюйэ».

Финансирование. Работа выполнена в рамках Государственного задания № 075-00619-26-00 на 2026 г., проект НИР № 124020900039-6 (проект FWRS-2024-0081 «Природа и человек: адаптационные стратегии древних и традиционных культур Якутии») с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ «ЯНЦ СО РАН».

Цитирование: Бравина Р.И. Коллективные погребения якутов в контексте эпидемий оспы XVII–XIX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 177–187. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-14>

Введение

В российской этнографической науке практически отсутствуют исследования, посвященные изучению погребальной обрядности коренных народов Сибири во время эпидемий, наносивших масштабный ущерб демографии и традиционному укладу жизни. По неполным архивным и историческим сведениям, на территории Якутской области в XVII–XIX вв. было зарегистрировано 14 эпидемий оспы [Николаев, 2018, с. 26]. Этнографические и фольклорные материалы свидетельствуют о появлении массовых захоронений в период распространения заболеваний и существенном изменении ритуала погребения. На территории Центральной Якутии зафиксировано четыре случая коллективных погребений¹, относящихся к XVII–XVIII вв.: 1) Кытах Кюрюё [Константинов, 1971, с. 43–44]; 2) Охтубут 1 (Шаманское дерево) [Крюбези, Алексеев, 2012, с. 102–106]; 3) Октемское [Иванов, Кирьянов, 2025]; 4) Юс Тиит [Сыроватский, 2025].

Цель настоящей статьи — проведение комплексного анализа коллективных погребений якутов XVII–XVIII вв. в контексте эпидемий оспы с использованием этнографических, археологических и фольклорных материалов, а также данных микробиологических и генетических исследований.

Общая характеристика памятников

В захоронении Кытах Кюрюё (XVIII в.), открытом И.В. Константиновым в Чурапчинском улусе, в ящике-гробу из плах лежали тела 4 человек: женщины, двух мужчин и ребенка. Женщина и один из мужчин положены рядом, головами на запад, ногами к ним — второй мужчина и ребенок. Погребенная женщина определена автором раскопок как «старуха», мужчина рядом с ней — как «старик». Тела всех взрослых были обвязаны кожаными веревками, лица покрыты тканью и шкурками. Одежда женщины украшена бисером и подвесками, на голову надета шапка с рож-

¹ В научной литературе при описании, классификации и типологизации погребений, содержащих более трех костяков, используются разнообразные термины: коллективные, массовые, групповые, общие, совместные и пр. В рамках данной статьи мы используем термин «коллективные погребения», основываясь на том, что в них захоронены находящиеся в родственных отношениях представители одной семьи. В кризисной ситуации семья является первичным коллективом выживания.

ками, имеются металлические украшения. Несмотря на довольно богатый костюм, сопроводительного инвентаря в погребении не обнаружено [Константинов, 1971, с. 43–44].

Погребение Охтубут 1 (Шаманское дерево 1) в том же улусе, отнесенное исследователями к началу XVIII в., тщательно изучалось в рамках экспедиции MAFSO². Были зафиксированы три древних захоронения, обозначенных западинами, а рядом с ними древнее ритуальное сооружение — шаманское дерево *кэрэх* с характерной поперечиной *куочай*, предназначенной для подвешивания шкуры жертвенного животного *хоолджуга*.

При расчистке дернового покрова обнаружилось основание надмогильного сруба. На глубине около 1,5 м находился массивный ящик-гроб, составленный из половинок ствола, покрытый сверху берестяным полотнищем, в котором обнаружены останки четырех человек: пожилой женщины около 55 лет, женщины 18–23 лет, мужчины старше 30 лет и ребенка младше пяти лет. Женщины лежали лицом друг к другу, головами на северо-запад, между их ног помещались ноги лежавшего на спине мужчины, а вплотную к верхней части его тела лежал ребенок. Снаружи, вплотную к гробу, захоронен еще один ребенок, до четырех лет, лежавший на животе на подстилке из бересты (рис. 1, 1) [Крюбези, Алексеев, 2012, с. 102–106]. Все они были близкими родственниками: мать со своими двумя детьми — молодыми женщиной и мужчиной и внуком. Погребенный снаружи ребенок является их родственником по материнской линии, но не близким [Keyser et al., 2015].

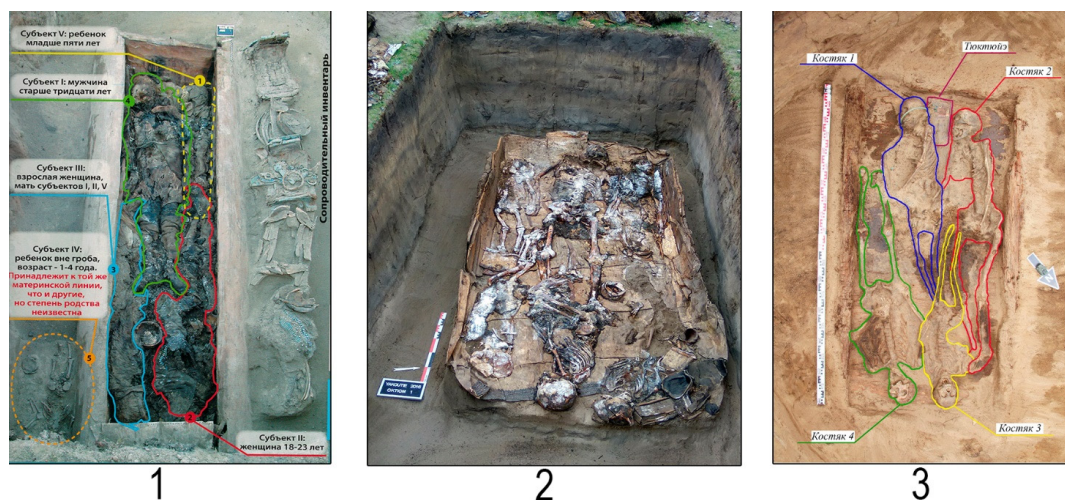

Рис. 1. Расположение костяков в погребениях:

1 — Охтубут 1 [Крюбези, Алексеев, 2012, с. 103]; 2 — Октемское (фото автора); 3 — Юс Тиит [Сыроватский, 2025].

Fig. 1. The location of the bones in the burials:

1 — the Okhtubut; 2 — the Oktyomskoe (photo by the author); 3 — the Yus Tiit.

Одежда покойных и сопутствующие предметы указывают на принадлежность усопших к социальной элите. Рядом с гробом найдены уложенные в один ряд два верховых и одно вьючное седла, деревянные изделия, кухонная утварь, вьючные кожаные сумки с одеждой и остатками пищи. Особого внимания заслуживает обнаруженный под деревянной миской *кытыйа* небольшой берестяной мешочек (рис. 2, 1).

Форма и размеры предмета сходны с традиционным вместилищем *туктуйэ* для заточения духа *юёр* почитаемого умершего родственника, что, по мнению авторов, символизировало прекращение линии рода. Внутри мешочка находился инструмент *куосах* — струга, предназначенный для изготовления древков стрел [Crubezy, 2004a, с. 65–66].

Палеомикробиологические исследования выявили в одном из погребенных вирус оспы [Biagini et al., 2012, с. 215].

Октемское захоронение из семи человек обнаружено возле одноименного села в Хангаласском улусе также экспедицией MAFSO. На глубине 58–63 см выявлена берестяная погребальная камера, закрытая сверху продольно уложенными в два слоя досками. Здесь находились

² MAFSO — Missions Archéologiques Françaises en Sibérie Orientale (Восточно-Сибирские французские археологические миссии). В рамках этой международной программы в 2004–2019 гг. на территории Якутии работала Сахарно-французская археологическая экспедиция под руководством Э. Крюбези и А.Н. Алексеева [Крюбези и др., 2020].

взрослый мужчина 30–35 лет, пятеро детей от 1 года до 8 лет и подросток 12 лет, скончавшиеся, вероятно, в результате болезни эпидемического характера (например, оспы) (рис. 1, 2). По характеру погребальной конструкции, одежды и сопроводительного инвентаря захоронение датируется первой половиной либо серединой XVII в. Сопутствующий инвентарь (пальма батас, наконечники стрел, видовое разнообразие берестяной и деревянной посуды), богатая одежда детей из собольих шкур, престижные украшения (витая гривна, диск *туосахта* на традиционной шапке с рожками, бисер и бусины) и т.д. указывают на погребение членов клана из знати [Иванов, Кирьянов, 2025].

Рис. 2. Предметы из погребения Охтубут 1: 1 — расположение *тыуктуйэ* среди предметов сопроводительного инвентаря; 2 — берестяное вместилище *тыуктуйэ*; 3 — струга из кости [Crubezy, 2004a, с. 65–66].

Fig. 2. Artifacts from the Okhtubut 1 burial: 1 — placement of the *tyuktyuye* among the grave goods; 2 — birch bark *tyuktyuye* container; 3 — bone scraper.

Рис. 3. Предметы из погребения Юс Тиит: 1 — берестяное вместилище *тыуктуйэ*; 2 — антропоморфная кукла [Сыроватский, 2025].

Fig. 3. Artifacts from the Yus Tiit burial: 1 — birch bark *tyuktyuye* container; 2 — anthropomorphic doll.

Погребение Юс Тиит обнаружено в Намском улусе, на территории 1-го Хомустахского наслега возле с. Кысыл-Сыр. На глубине 80–90 см от дневной поверхности находился гроб из плах, заполненный землей. В гробу находились останки четырех человек, лежащих попарно, — двух пожилых женщин и мужчины с ребенком. Одна из женщин одета в нарядную верхнюю одежду, украшенную бисерной аппликацией, и набедренным украшением с металлическими подвесками, возле нее находилась гривна с нанизанной на нее серьгой. За ее головой обнаружено изделие из куска бересты, сложенного пополам, с пришитыми по краям ажурными полосками (рис. 1, 3). Внутри находилось стилизованное антропоморфное изображение, вырезанное из тонкой выделанной кожи. По наличию счетных жетонов в составе сопроводительного инвентаря женщины можно предположить, что погребение относится к первой половине или середине XVIII в. На одном из жетонов читается надпись «Hoff...», вероятно указывающая на авторство Wolf Hieronimus Hoffman (1719–1756 гг.) [Сыроватский, 2025].

Погребения с фрагментами ДНК вируса оспы

Французские ученые под руководством Филиппа Бьяджини (Philippe Biagini) — исследователя в области биологии и вирусологии из Университета Экс-Марселя (Франция) — выполнили комплексный патологоанатомический и генетический анализ всех останков из коллективного погребения Охтубут 1. Никаких признаков травм не выявлено, а состояние тел позволило выдвинуть версию, что причиной смерти стала эпидемия инфекционного заболевания. Первоначально поиски патогенного агента сосредотачивались на возможных бактериальных возбудителях, однако обнаружить их не удалось. Исходя из наличия железосодержащих частиц в легочных альвеолах, исследователи предположили наличие вирусной инфекции, вызвавшей внутреннее кровотечение. Оспу изначально исключали как возможную причину смерти. Но при детальном изучении патологии, для чего были отобраны пробы тканей легких и зубных структур непосредственно на месте археологических работ (*in situ*), ученым удалось выделить фрагмен-

ты ДНК вируса в одном из пяти изучаемых тел. Выделенный штамм обладал существенными отличиями от ранее известных форм вируса оспы, в том числе современных, распространенных в других странах [Biagini et al., 2012].

Геном древнего штамма оспы также был зафиксирован в двух захоронениях, находящихся на берегу р. Лены напротив г. Якутска: Охтубут 3 (AC1S3) и Рассолода (RASS) [Theves et al., 2014].

Погребение Охтубут 3, расположенное рядом с захоронением Охтубут 1, по результатам типологического анализа погребальной конструкции и элементов одежды датируется XIX в. Сохранились остатки надмогильного сруба типа *чардаат*. Умершая была облачена в богато украшенную одежду: верхнее пальто отделано собольим мехом и металлическими подвесками, платье изготовлено из китайского материала даба. Среди сопутствующих вещей обнаружен лишь один предмет — нож [Duchesne et al., 2006, p. 33–35].

Остатки погребения Рассолода выявлены археологами ИГИиПМНС СО РАН в 2019 г. в ходе аварийно-спасательных работ при обвале коренного берега р. Лены. Помимо фрагментов человеческого скелета найдены плоская металлическая гривна, проволоочные бусинные серьги, фрагмент якутской керамики XVII–XVIII вв. [Duchesne, 2025, с. 67].

Анализ данных по останкам из погребений Охтубут 1, 3 и Рассолода, погибших от оспы, показал, что вирус принадлежал к штамму, отличному от тех, которые ранее были идентифицированы у скандинавских и западно-российских индивидов из погребений VII–X вв., и двух основных штаммов, ответственных за вспышки эпидемий в XX в. во всем мире (VARV-PI и VARV P-II). Вирус оспы, зафиксированный в якутских погребениях, также отличался от штамма VD21, ранее обнаруженного у женщины XVII в. из Литвы, что предполагает существование в Евразии в течение XVII и XVIII вв. различных штаммов оспы [Theves et al., 2014].

Особенности погребального обряда

Материалы погребений Охтубут 1, 3 и Рассолода, в которых выявлен вирус оспы, внешне соответствуют обычной практике захоронений. Особенно наглядно это прослеживается в первом погребении: внушительное срубное надмогильное сооружение, для реконструкции которого использовались остатки его основания; достаточно глубокая могильная яма; добротно сделанная внутримогильная камера; нарядная одежда и украшения на женщинах; богатый сопроводительный инвентарь. Единственным исключением являются останки ребенка, лежавшего лицом вниз на берестяной подстилке вне гроба. Исследователи предполагают, что тело ребенка спустили вниз, держа за руки, и положили возле закрытого и частично засыпанного гроба [Крюбези, Алексеев, 2012, с. 104]. Вероятно, он стал последней жертвой грозной болезни.

К элементам трансформации традиционных элементов ритуальной практики можно отнести конструкции погребальной камеры Октемского погребения. По всей вероятности, для ускорения процесса захоронения использовались строительные материалы разобранного для этой цели жилища *ураса* (якутской берестяной юрты).

Часто могилы содержали большое количество вещей умерших, создавая впечатление, будто все имущество семьи было уложено вместе с покойными. Однако некоторые погребальные комплексы, такие как Кытах Кюрюё и Юс Тиит, а также Охтубут 3 со штаммом оспы, практически лишены сопровождающих предметов.

Преждевременная смерть предполагала превращение внезапно умерших во враждебных живым людям духов *юёр*, относительно чего существуют различные мнения. По одним сведениям, *юёр* — это душа *кут* «опасного», т.е. преждевременно умершего, человека, превратившегося в злого духа, а по другим — это дух болезни, который явился причиной его смерти [Бравина, 2005, с. 172–173]. Для предотвращения угрозы со стороны *юёр* умершего предпринимались специальные защитные меры: покойников обвязывали веревками (Кытах Кюрюё), гробы плотно забивали землей (Юс Тиит). Более того, совершались определенные ритуальные действия, о чем свидетельствует наличие в двух погребениях берестяных вместилищ *тюктюйэ* для запираания духов *юёр*.

Тюктюйэ из погребения Охтубут 1 представляет собой берестяной мешочек, размеры которого составляют 35×14 см (рис. 2, 2). Лицевая поверхность украшена вырезанными ножом знаками, среди которых выделяется состоящий из нескольких пересекающихся в центре линий, образующих круг. Французские ученые интерпретируют этот знак как символ солнца [Crubézy et al., 2017, p. 129]. С обеих сторон этого рисунка процарапаны острые углы, напоминающих по очертанию наконечники стрел. Внутри *тюктюйэ* находится струга — инструмент для изготов-

ления древков стрел. Это полая костяная трубка длиной около 10 см, диаметром примерно 2 см, с прорезанным боковым полукруглым отверстием (рис. 2, 3).

Берестяная камера *туктютюй* из погребения Юс Тиит имеет длину 30,5 см, ширину 14,5–16,0 см. Ширина полоски с орнаментом, окаймляющей края изделия, — 1,0–2,0 см (рис. 3, 1). Внутри помещена антропоморфная кукла, выкроенная из тонкой выделанной кожи. Голова и туловище разделены швом, руки оформлены в виде обрубов, ноги отсутствуют. Глаза обозначены белыми бусинами, на груди виднеются выполненные краской полосы — стилизованное изображение ребер, грудь обозначена двумя пришитыми европейскими счетными жетонами. На животе расположена ажурная подвеска. Низ разрезан в виде бахромы. Длина куклы 21,0 см, ширина 9,0–9,8 см; ширина головы 3,7 см; длина обрубов рук 5,1–5,5 см (рис. 3, 2).

Уникальными артефактами погребальной археологии Якутии представлено Октемское коллективное погребение. На боковой доске южной стороны погребальной камеры, изначально являвшейся, возможно, частью конструкции остова *урасы*, были выявлены изображения человека с бубном — «шамана» и лошади со всадником и (рис. 4, 1, 2). Вопрос, имеют ли они мифологическое значение или являются обычными зарисовками повседневности, авторы оставили открытым. При этом они отмечают, что расположение изображений — шамана в верхней части доски, а всадника на лошади в нижней соответствует традиционным якутским представлениям о жизни и смерти. Шаман был призван разделить «мир живых» и «мир мертвых», четко их разграничив, всадник же может символизировать переход из одного мира в другой [Иванов, Кирьянов, 2025, с. 64–65].

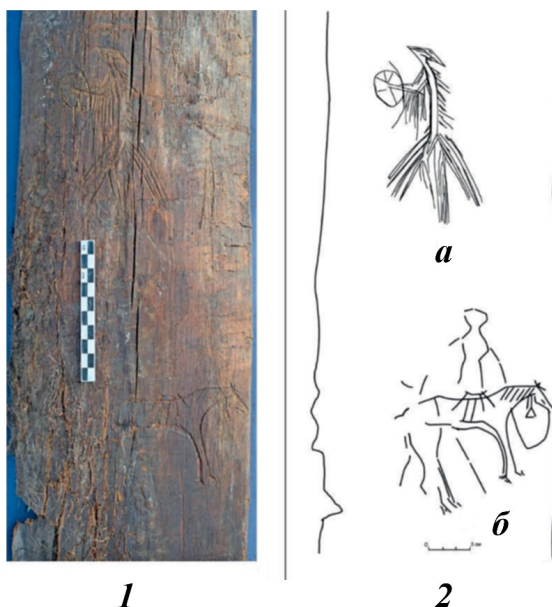

Рис. 4. Октемское коллективное захоронение: 1 — деталь доски, положенной сверху на берестяную погребальную камеру в ее северной части; 2 — вырезанные с внутренней части доски рисунки лошади со всадником и человека с бубном — «шамана» (по: [Иванов, Кирьянов, 2025, с. 66, рис. 14]).

Fig. 4. The Oktyomskoe collective burial: 1 — detail of a board placed on top of the birch bark burial chamber in its northern part; 2 — drawings of a horse with a rider and a man with a tambourine — the “shaman” — carved on the inner side of the board.

Рис. 5. Ритуальный памятник «Восхождение к Господину-Орлу», местность Саалырдаах Хоринского наслега, Сунтарский улус:

1 — стрелок с луком; 2 — корзина «гнездо»; 3 — череп лошади [Яковлев-Тюсюлгэн, 2018, с. 113].

Fig. 5. Ritual site “Ascension to the Lord-Eagle”, Saalyrdakh locality, Khorinsky nasleg, Suntarsky district:

1 — archer with a bow; 2 — “nest” basket; 3 — horse skull.

Обсуждение

Наличие в погребениях Охтубут 1 и Юс Тиит берестяных вместилищ *туктютюй* и графические изображения из захоронения Октемское могут быть связаны с персонификацией причины болезни, ее заточением/изгнанием, что является главным приемом магической практики в народной медицине.

Оспу якуты обозначали искаженным русским словом *буоспа*. Черную, т.е. натуральную, оспу называли *хара буоспа* (букв. черная оспа), а корь, имеющую с ней общие симптомы — жар, светобоязнь и сыпь, определяли, как *кысыл буоспа* (букв. красная оспа). Визуальный образ ос-

пы в народном сознании якутов был близок к представлениям соседних сибирских народов и носил черты, заимствованные из славянской мифологии (см.: [Усачева, 2004]). Якутами оспа воспринималась как женщина в красном платке или облаченная в красный сарафан, внушающая страх, но одновременно заслуживающая уважения. К ней почтительно обращались *хотун* (госпожа), *эбэ* (бабушка).

Согласно легенде, оспа проникала на территорию Якутии, вплоть до арктических окраин, преимущественно по торговым путям. Трагическим примером является гибель заполярного города Зашиверска на р. Индигирке, служившего важным пунктом торговли и сбора ясака в XVII–XIX вв. Ежегодно зимой, в ноябре или декабре, здесь проводились ярмарки. Перед началом торгов местный священник и шаман совместно благословляли выставленные на продажу товары, разложенные прямо на снегу. Однажды, заметив среди товаров роскошно украшенный сундук, шаман приказал утопить его в проруби. Однако священник воспротивился этому, утверждая, что уничтожению подлежит сам шаман, а не ценнейший сундук, наполненный золотыми изделиями, тканями и драгоценностями. После открытия сундука содержимое было быстро разобрано жителями города. Назавтра в городе появилась страшная гостья — «черная оспа». Она привела к гибели всех жителей, кроме маленькой девочки Анны Тарабукиной, единственной выжившей, скончавшейся уже столетней старухой. Позже группа добровольцев из окрестных поселений сожгла все жилые дома, где были обнаружены тела умерших [Слепцов, 2015, с. 134–136]. Это отчасти подтверждается данными археологических раскопок острога под руководством А.П. Окладникова, где местами были обнаружены слои жженой глины, угля и растрескавшихся от сильного огня галек [Окладников, 1977, с. 44, 125, 129].

По преданию, записанному в Сунтарском улусе, эпидемию черной оспы в 1874 г. в Вилюйский округ привез купец Федот Бааба, занес ее вместе с товарами из Иркутска через Бодайбинские прииски. Тогда, по рассказам старожилов, только в одном Хангаласском наслеге от оспы вымерло 39 семей. Для захоронения умерших привлекали могильщика *киибэса* — человека, переболевшего оспой или невосприимчивого к ней. *Киибэс* выкапывал рядом с юртой широкую яму и, соорудив из жердей волокушу, по одному перетаскивал в нее умерших. Над ямой сооружался большой деревянный надмогильный памятник. Жилище и имущество погибшей семьи подвергались сожжению, а оставшийся домашний скот *киибэс* присваивал себе [Иванов, 2012]. По такому же сценарию, по всей вероятности, произошло захоронение членов умершей семьи в Октемском наслеге. Предположительно могильную яму вырыли рядом с жилищем *ураса*, которое полностью разобрали. Берестяные покрышки и обтесанные в виде досок плахи, покрывавшие нижнюю опояску каркаса *урасы*, использовали для сооружения погребальной камеры, а всю утварь перенесли в могилу.

На досках имелись изображения, которые, по-видимому, были сделаны в начале эпидемии одним из детей. Рисунки могли отражать реальные события, такие как проведение шаманом ритуала камлания, когда болезнь поразила членов семьи, либо иллюстрировать сюжеты преданий о противостоянии шамана зловещему духу оспы. Любопытно отметить, что, несмотря на общепринятое представление о духе оспы в облике красно-рыжего быка, бодающего с шаманом, именно в Хангаласском улусе Г.В. Ксенофонтов зафиксировал предание, согласно которому дух оспы предстает в образе кобылы [Ксенофонтов, 1992, с. 81]. Что касается рисунка всадника на лошади, то он выполнен довольно грубо и схематично — у фигуры отсутствуют ноги, что характерно для иконографии духов.

Предметным кодом «овеществления» болезни в рассматриваемых нами коллективных погребениях является традиция изготовления вместилища *туктуйэ* с последующим заточением в него визуального образа духа болезни в виде антропоморфной куклы.

Находки *туктуйэ* в погребальных памятниках якутов единичны. Одной из разновидностей *туктуйэ* был кожаный мешочек. В 1946 г. О.В. Ионова провела раскопки древнего погребения в местности Куйбадыкы Онерского наслега Усть-Алданского района. Согласно местной легенде, здесь была похоронена необычная девочка девяти лет, не по годам высокая и зрелая. Однажды к ней посватался шаман. Получив отказ, он похитил душу *кут* девочки, и она вскоре умерла.

Сохранилось надмогильное сооружение срубного типа *чардаат*. Тело лежало внутри колоды, помещенной в гробницу *тэбизх*. Усопшая одета в нарядную одежду из меха и кожи, украшенную бисером и металлическими подвесками. В ногах находились кумисный кубок *чороон* и другая утварь. Возле головы находился небольшой гроб-колода с заостренными концами, стянутыми ветвями тальника. В углублении колоды обнаружен кожаный футляр, отделанный бисером и металлическими привесками, внутри которого находилась миниатюрная фигурка девушки-

ки, вырезанная из кожи. Лицо обрамлено соболиным мехом, глаза обозначены синими бусинами, лоб украшен округлой серебряной пластиной, шея — ожерельем из трех аналогичных пластин, а уши — маленькими серебряными сережками. Туловище, лишенное конечностей, было покрыто мехом. Рядом найден грубо обтесанный маленький деревянный *чороон*. По мнению автора, душу *кут* девушки внедрили в куклу, спасая таким образом от преследования шамана [АЯНЦ. Ф. 5, оп. 1, д. 160, л. 22–24]. К сожалению, в рукописи нет никаких зарисовок.

В погребении Тюейэ в Чурапчинском районе И.В. Константиновым была обнаружена наглухо зашитая берестяная коробка длиной 27 см, шириной 13 см. Внутри нее оказалась ритуальная кукла, известная под названием *Кыыс Тангара* (букв. Дева-божество), хранящаяся ныне в фондах Якутского музея им. Ем. Ярославского (инв. № 54212-1). Фигурка составлена из кусков меха и тонкого пузыря. Глаза, нос, рот обозначены стеклянными бусинами. По обеим сторонам головы прикреплены, подобно серьгам, оловянные подвески. На груди — пять поперечных линий, выполненных черным цветом, а шестая, изогнутая, направлена вверх, имитируя ключицы; по середине фигурки — вертикальная линия, оканчивающаяся внизу кружком. Нижний край переда разрезан в виде бахромы. Под него уложен пышный хвост из конского волоса. Ноги и руки не переданы [Константинов, 1971, с. 172, табл. VII, рис. 4]. Размеры куклы: высота — 23,2 см, ширина плеч — 6,3 см, ширина нижней части — 7,0 см, голова — 6,3×5,8 см, толщина изделия — 2,5–2,7 см. Сам исследователь считал, что найденное изображение представляет собой *юёр* погребенной шаманки, которая еще при жизни вызывала страх среди сородичей [Константинов, 1971, с. 172].

Берестяные *туктуйэ* из коллективных погребений по форме и размерам в целом совпадают. Антропоморфные куклы, найденные в погребениях Куйбадыки и Юс Тиит, по своим конструктивным особенностям и иконографии также имеют близкое сходство.

В преданиях встречаются сюжеты, когда шаманы избавлялись от духа болезни посредством его заточения в какой-нибудь предмет. Кобяйский шаман, встретив оспу в образе трех сестер, совершил камлание, после чего закрыл их в сосуд и утопил в озере, а колымский шаман Куома обманом поймал оспу в ловушку — мочевого пузырь собаки и таким образом победил ее [Романова, Степанова, 2020, с. 224]. В этом отношении вместилище *туктуйэ* можно интерпретировать как ритуальный предмет заточения не духа *юёр* самих умерших, а локализацию вредоносного духа болезни, пойманного шаманом. Автор исследования захоронения в Куйбадыке отметила интересный факт: несмотря на скромные металлические изделия на одежде самой девушки, на кукле украшения были из серебра. Вероятно, это подчеркивало особое почтение к антропоморфной скульптуре, олицетворявшей образ духа «госпожи» или «бабушки» оспы. В монографии якутского краеведа-исследователя В.Ф. Яковлева-Тюсюлгэна «Атлас памятников историко-культурного наследия. Сунтарский улус» [2018] приводятся описания трех уникальных объектов магической практики якутов против духов эпидемий. Памятники иллюстрируются фотографиями, выполненными в 1970-х гг., однако низкое качество изображений затрудняет их воспроизведение.

Один из них, под названием «Юёр ютэиин» («Изгнание духа *юёр*»), находится напротив могильника «Юс кыыс унгуога» («Могилы трех девиц») в местности Саалырдаах Хоринского наслега. Здесь на ветки большого дерева прикреплены шесть деревянных антропоморфных фигурок *эмэ-эст*, повернутых лицами к могильнику [Яковлев-Тюсюлгэн, 2018, с. 113]. Согласно представлениям якутов Вилуйского округа, эпидемии инфекционных болезней — оспы, кори, испанки воплощались в образах трех сестер — Буоспа, Хонсуо и Чуона. Чтобы их задобрить, применялась шаманская практика жертвоприношения в виде шкуры медведя, колонка, серебряной «крестовой» монеты — серебряного рубля Петра I или Павла I с изображением креста и красного шелкового платка [Попов, 1949, с. 279]. Шаман обращался к ним с просьбой: «Солнце-сестры, солнце-бабушки... молю вас: поднимите свое сизое дыхание, словно еловые ветви, занесенные снегом! Испрашиваемый вами мягкий шелковый платок имея на голове, имея крестовую монету наготове, войдите же в мой обширный живот и широкие ребра! ...Грозная сестра, госпожа девица, умчись прочь! Пусть тот путь, куда ты направляешься, замаячит вдали, а то место, куда полетела, покажется в тумане. Развейся, подобно синему [табачному] дыму!» — и клал платок и монету, заранее обернув их берестой, в небольшой берестяной сосуд [Попов, 2006, с. 240, 242].

Второй зафиксированный В.Ф. Яковлевым культовый памятник связан с шаманским ритуалом «Тойон кыылга тахсыы» («Восхождение к Господину-Орлу»). Согласно информации старожилы И.В. Гурьева, в 1885 г. в роду Олуодай хангаласских кровей, тотемом которого являлся орел, от оспы пострадало много народа. Для предотвращения дальнейшего распространения болезни, по указанию местного шамана Петра Аввакумова-Бюётюр Ойууна в нижней части раз-

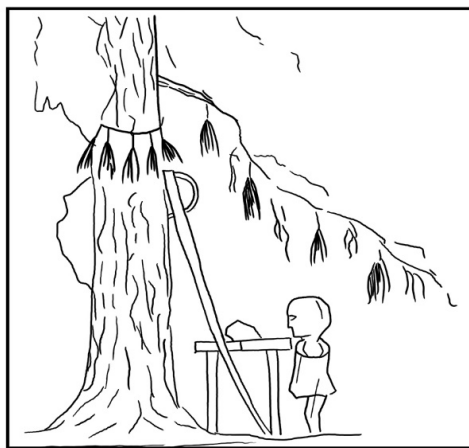
вилки старого ивового дерева соорудили большую корзину из ветвей тальника, так называемую *уйа* (гнездо), внутрь которой поместили антропоморфную фигуру, сделанную из березового капа. Высота фигуры составляла около 60 см. Она была одета в доху из оленьей шкуры, волосы сделаны из тонких полосок кожи скота коричневого окраса, на правом плече висел лук из тальника, у ног были воткнуты стрелы. На нижней части ствола дерева, непосредственно под корзиной, двумя гвоздями была закреплена голова лошади коричневой масти с белой отметиной на лбу (*туосахта*) (рис. 5) [Яковлев-Тюсюлгэн, 2018, с. 90–91].

В этом отношении представляет интерес струга — инструмент для изготовления древков стрел, вложенный в *туктуйэ* из захоронения Охтубут 1. В работах А.К. Байбурина обоснован тезис о том, что различные предметы, созданные человеком, могут быть использованы утилитарно, как вещь, и символично, как знак [1981, с. 215]. С одной стороны, небольшой по размерам предмет могли положить в берестяной короб, чтобы не потерялся. С другой — судя по рисункам на поверхности *туктуйэ*, напоминающим наконечники стрел и «солнце», что можно трактовать и как кучу стрел, положенных друг на друга крест-накрест, этот предмет мог иметь определенное символическое значение.

Жертвенник «Кый эмэгэтэ» (букв. изгоняющий идол) расположен в местности Харыйалаах в Кюндеинском наслеге. По сведениям местного шамана Н.А. Парфенова-Куобах Уола, идол предназначен для отпугивания бродячих злых духов болезни. Сам объект представляет собой четырехногий стол, расположенный под огромной ветвистой елью на окраине аласа. Непосредственно перед столом установлен антропоморфный идол. По рассказам, раньше фигура была облачена в одежду из коричневой шерсти и перевязана красным кушаком. Рядом с идолом находится модель «русской» сабли, сделанная из тальника (рис. 6). Во времена эпидемий или стихийных бедствий местные жители приносили здесь жертву в виде кусочков мяса, завернутых в зеленую траву, кладя их на столик перед изображением духа [Яковлев-Тюсюлгэн, 2018, с. 128].

1

2

Рис. 6. Жертвенник «Изгоняющий [духа болезни] идол», местность Харыйалаах Кюндеинского наслега, Сунтарский улус:

1 — фото жертвенника; 2 — полевая зарисовка [Яковлев-Тюсюлгэн, 2020, с. 128].

Fig. 6. Altar “[The] Idol [That] Drives Out [the disease spirit]”, Kharyylaakh locality, Kyundeinsky nasleg, Suntarsky district:

1 — photograph of the altar; 2 — field sketch.

В 1970-е гг. данные атрибуты экспонировались в Якутском республиканском краеведческом музее им. Ем. Ярославского, в настоящее время они утеряны.

Заключение

Данные археологии, этнографии и фольклора свидетельствуют о значительном изменении погребальных обычаев в периоды эпидемий. Во времена распространения болезней обряд похорон приобретал определенную вариативность: сокращался период подготовки тела к погребению, ускорялась доставка покойников к месту захоронения, менялась схема выбора места и сроков погребения, а также упрощались традиционные церемониальные процедуры. Все это приводило к появлению практики коллективных захоронений, где в общей могиле одновремен-

но хоронили членов одной семьи. Анализ погребений позволяет сделать вывод, что порядок размещения тел внутри общих могил отражал семейную структуру и иерархию. Центральное положение традиционно занимали старшие члены семьи, тогда как дети располагались на периферии. Примечательно, что расположение останков могло определяться и принципом матрилинейного родства, как было отмечено в погребениях Охтубут 1 и Юс Тиит.

Во времена массовых заболеваний чрезвычайно актуализировалась мировоззренческая сфера погребальной практики. Персонификация причины болезни, создание участниками погребального ритуала визуального образа духа болезни являлись одними из ее составляющих. Это происходило разными путями, с использованием разных семиотических кодов — вербального, акционального или предметного. Так, в одном случае шаман создавал облик духа болезни с помощью произносимых им текстов, в которых описывал также свою борьбу с ним, что получило, по всей видимости, графическое воплощение в Октемском погребении. В другом случае использовался предметный код, когда болезнь «овеществляется» в виде некоего предмета — в нашем случае антропоморфной фигурки, запираемой во вместилище *тыктюйэ*, а также сооружения сакральных объектов с изготовлением идолов, «вооруженных» луком со стрелами и саблей с целью отпугивания бродячих духов болезни, или жертвенников для их умилостивления.

Таким образом, изучение погребальной обрядности этноса в периоды эпидемий существенно обогащает источниковую базу для изучения народной культуры и быта, а также верований и обычаев, связанных с представлениями о природе заболеваний, их причинах, способах исцеления и профилактики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбурин А.К.* Семиотический статус вещей и мифология // Сборник МАЭ. Т. XXXVII: Материальная культура и мифология. Л.: Наука, 1981. С. 215–226.
- Брагина Р.И.* Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.
- Иванов Н.И.* Маннайгы буоспа // Иванов Н.И.-Куола Учуутал. Сунтаар Кутанатын төрүттэрэ. Якутск: Компания «Дани Алмас», 2012. С. 17–18. (На якут. яз.).
- Иванов А.А., Кирьянов Н.С.* Октемское коллективное захоронение XVII века в Центральной Якутии (публикация материалов MAFSO 2016 года) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37. №1. С. 46–71. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-03)
- Константинов И.В.* Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). Якутск: Якут-книгоиздат, 1971. 212 с.
- Крюбези Э., Алексеев А.Н.* (ред.). Мир древних якутов: Опыт междисциплинарных исследований: (по материалам саха-французской археологической экспедиции). Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 2012. 225 с.
- Крюбези Э., Мельничук О.А., Алексеев А.Н.* Археология, генетика и история: 15 лет исследований в Якутии (2002–2017) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 110–119. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-10>
- Ксенофонов Г.В.* Шаманизм: Избранные труды. Якутск: Север-Юг, 1992. 316 с.
- Николаев В.П.* Эпидемии натуральной оспы в Северо-Восточной Сибири и первые попытки ее профилактики // Сибирские исследования. 2019. № 2 (2). С. 26–30. <http://doi.org/10.33384/26587270.2019.02.003r>
- Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А.* Древний Зашиверск: Древнерусский заполярный город. М.: Наука, 1977. 209 с.
- Полов А.А.* Материалы по истории религии якутов Вилюйского округа // Сборник МАЭ. 1949. Т. 11. С. 255–323.
- Полов А.А.* Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа: Тексты. Новосибирск: Наука, 2006. 458 с.
- Романова Е.Н., Степанова Л.Б.* По следам эпидемий полярного круга: Полевые материалы И.С. Гурвича // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 218–230. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-18>
- Слепцов Д.Г.* Элгэс (Абый) олого уонна дьоно (XVII–XX юйэлэр). Абый: Хотугу кыым, 2015. 268 с. (на якут. яз.).
- Усачева В.В.* Оспа // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2004. С. 575–578.
- Яковлев-Тюсюлэн В.Ф.* Атлас памятников историко-культурного наследия. Сунтарский улус. Якутск: Дани-Алмас, 2018. 179 с.
- Biagini P., Thèves C., Balaesque P., Géraut A., Cannet C., Keyser C., Nikolaeva D., Gérard P., Duchesne S., Orlando L., Willerslev E., Alekseev A.N., Micco P. de, Ludes B., Crubézy E. Variola virus in a 300-year-old Siberian mummy // New England Journal of Medicine. 2012. No. 21 (367). P. 2057–2059. <https://doi.org/10.1056/NEJMc1208124>
- Crubézy E., Gérard P., Kirianov N., Popov V., Nikolaïeva D., Petit Ch., Petit M., Romanova L., Keyser Ch., Ludes B., Melnitchouk O., Bravina R., Alexeev A., & Duchesne S. The Relationship Between Archaeology, Gene-

tics, Ethnology and History Reflections on a 2002–2015 Study in Yakutia (1632–1922) // *Clashes of Time. The Contemporary Past as a Challenge for Archaeology*. Presses Universitaires de Louvain, 2017. P. 121–139.

Duchesne S., Romanova L., Gérard P., Nikolaeva D., Alcouffe A., Petit C.-H., Alekseeva L., Petit M., Dabernat H., Géraut A., Jyrkov E., Sharaborin A., Bazarof B., Kirianov N., Bravina R., Alexeev A., Crubézy E. Beyond the Permafrost: Excavated Tombs of Eastern Siberia Archaeological data from the French-Sakha missions // *Zenodo*. March, 13, 2025. <https://doi.org/10.5281/zenodo.14907143>

Duchesne S., Hochstrasser-Petit Ch., Petit G., Géraud A., Gibert M., Amory S., Kolodeznikov S., Jyrkov E., Popov V., Crubézy E. Le catalogue des tombes fouillées // *Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale 2004. Rapport Université Paul Sabatier (Toulouse)*. UMR 8555 du CNRS. Toulouse, 2006. 100 p.

Keyser C., Hollard C., Gonzalez A., Fausser J.-L., Rivals E., Alexeev A.N., Riberon A., Crubezy E., Ludes B. The ancient Yakuts: A population genetic enigma // *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*. 2015. Vol. 370. No. 1660. 20130385. <https://doi.org/10.1098/rstb.2013.0385>

Theves C., Biagini P., Crubezy E. The rediscovery of smallpox // *Clinical Microbiology and Infection*. 2014. No. 3 (20). P. 210–218. <https://doi.org/10.1111/1469-0691.12536>.

ИСТОЧНИКИ

Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 160. Л. 22–24. (Ионова О.В. Краткие предварительные отчеты о научной командировке в Таттинский и Нюрбинский районы. 1946 г.).

Сыроватский В.В. Отчет о разведочных работах на территории Намского района Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2024 г. // Рукописный фонд лаборатории археологии ИГиПМНС СО РАН. Полевые отчеты 2025.

Crubézy E. *Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale 2004. Rapport Université Paul Sabatier (Toulouse)*. UMR 8555 du CNRS. Toulouse, 2004a. 125 p.

Crubézy E. *Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale 2004. Rapport Université Paul Sabatier (Toulouse)*. UMR 8555 du CNRS. Toulouse, 2004b. 94 p.

Bravina R.I.

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS

bravinari@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4902-8288>

Yakut collective burials in the context of smallpox epidemics in the 17th–19th centuries

Summary. Russian archaeology features a pronounced gap in studies on the funerary rites of indigenous Siberian peoples during large-scale epidemics, which exerted a significant impact on demographic parameters and traditional modes of life. This article aims to provide a comprehensive analysis of Yakut collective burials associated with smallpox outbreaks, drawing upon ethnographic and folklore materials, as well as data from microbiology and genetics. In Central Yakutia, four cases of collective burials dating to the 17th–18th centuries have been documented. Analysis of associated artifacts suggests significant alterations to traditional funerary customs during epidemic periods. Particularly salient are the elements within the worldview sphere: the personification of diseases, the production of their visual manifestations in the form of anthropomorphic figures, and the manufacture of specialized containers, known as *tyuktyuyé*, intended for their confinement. Additionally, records attest to the construction of dedicated cult structures featuring “armed” idols designed to repel disease spirits, as well as altars intended for their propitiation.

Keywords: Yakutia, collective burials, Yakuts, smallpox epidemics, disease spirits, anthropomorphs.

Funding. The work was performed within the framework of the State Assignment No. 075-00619-26-00 for 2026, Research project № 124020900039-6 (project FWRS-2024-0081 “Nature and Man: Adaptation Strategies of Ancient and Traditional Cultures in Yakutia”) using the scientific equipment of the Federal Research Center “Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”.

REFERENCES

Bajburin, A.K. (1981). Semiotic status of things and mythology. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii AN SSSR. T. XXXVII: Material'naya kul'tura i mifologiya*. Leningrad: Nauka, 215–226. (Rus.).

Biagini, P., Théves, C., Balaesque, P., Géraut, A., Cannet, C., Keyser, C., Nikolaeva, D., Gérard, P., Duchesne, S., Orlando, L., Willerslev, E., Alekseev, A.N., Micco, P. de, Ludes, B., Crubézy, E. (2012). Variola virus in a 300-year-old Siberian mummy. *New England Journal of Medicine*, 367(21), 2057–2059. <https://doi.org/10.1056/NEJMc1208124>

Bravina, R.I. (2005). *The concept of life and death in the culture of an ethnic group: based on the traditions of the Sakha*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Crubézy, E., Gérard, P., Kirianov, N., Popov, V., Nikolaeva, D., Petit, Ch., Petit, M., Romanova, L., Keyser, Ch., Ludes, B., Melnitchouk, O., Bravina, R., Alexeev, A., & Duchesne, S. (2017). The Relationship Between Archaeology, Genetics, Ethnology and History Reflections on a 2002–2015 Study in Yakutia (1632–1922). In: *Clashes of Time*. Presses Universitaires de Louvain, 121–139.

- Duchesne, S., Hochstrasser-Petit, Ch., Petit, G., Géraud, A., Gibert, M., Amory, S., Kolodeznikov, S., Jyrkov, E., Popov, V., Crubézy, E. (2006). Le catalogue des tombes fouillées *Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale 2004. Rapport Université Paul Sabatier (Toulouse). UMR 8555 du CNRS*. Toulouse.
- Duchesne, S., Romanova, L., Gérard, P., Nikolaeva, D., Alcouffe, A., Petit, C.-H., Alekseeva, L., Petit, M., Dabernat, H., Géraud, A., Jyrkov, E., Sharaborin, A., Bazarof, B., Kirianov, N., Bravina R., Alexeev, A., Crubézy, E. (2025). *Beyond the Permafrost: Excavated Tombs of Eastern Siberia Archaeological data from the French-Sakha missions*. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.14907143>
- Ivanov, N.I. (2012). The first smallpox. In: Ivanov N.I.-Kuola Uchuutal. *Suntaar Kutanatyn tyoryuttehreh*. Yakutsk: Kompaniya «Dani Almas», 17–18. (Yakut.).
- Ivanov, A.A., Kir'yanov, N.S. (2025). The October collective burial of the 17th century in Central Yakutia (publication of MAFSO materials in 2016). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, (37)1, 46–71. (Rus.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-03)
- Keyser, C., Hollard, C., Gonzalez, A., Fausser, J.-L., Rivals, E., Alexeev, A.N., Ribéron, A., Crubezy, E., Ludes, B. (2015). The ancient Yakuts: a population genetic enigma. *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*, 370, 1660, 20130385. <https://doi.org/10.1098/rstb.2013.0385>
- Konstantinov, I.V. (1971). *The material culture of the Yakuts of the XVIII century (based on the materials of burials)*. Yakutsk: Yakutknigoizdat. (Rus.).
- Kryubezi, E., Alekseev, A.N. (Eds.) (2012). *The world of the ancient Yakuts: The experience of interdisciplinary research: (based on the materials of the Sakha-French archaeological expedition)*. Yakutsk: Izdatel'skij dom Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta. (Rus.).
- Kryubezi, E., Mel'nichuk, O.A., Alekseev, A.N. (2020). Archeology, Genetics and History: 15 years of Research in Yakutia (2002–2017). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 51(4), 110–119. (Rus.).
- Ksenofontov, G.V. (1992). *Shamanism: Selected works*. Yakutsk: Sever-Yug. (Rus.).
- Nikolaev, V.P. (2019). Smallpox Epidemics in North-Eastern Siberia and the First Attempts at Its Prevention. *Sibirskie issledovaniya*, 2(2), 26–30. (Rus.). <http://doi.org/10.33384/26587270.2019.02.003r>
- Okladnikov, A.P., Gogolev, Z.V., Ashchepkov, E.A. (1977). *Ancient Zashiversk. The ancient Russian polar city*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Popov, A.A. (1949). Materials on the history of the religion of the Yakuts of the Vilyui district. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii AN SSSR*, (11), 255–323. (Rus.).
- Popov, A.A. (2006). *Kamlaniya of the shamans of the former Vilyui district: Texts*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Romanova, E.N., Stepanova, L.B. (2021). In the footsteps of the epidemics of the Arctic Circle: Field materials by I.S. Gurvich. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 54(3), 218–230. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-18>
- Slepcev, D.G. (2015). *Elges (Abyj) Life and people (XVII–XX centuries)*. Abyj: Khotugu kyym. (Yakut.).
- Theves, C., Biagini, P., Crubezy, E. (2014). The rediscovery of smallpox. *Clinical Microbiology and Infection*, 20(3), 210–218. <https://doi.org/10.1111/1469-0691.12536>
- Usacheva, V.V. (2004). Smallpox. *Slavyanskije drevnosti: Ehtnolingvisticheskij slovar'*. T. 3. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 575–578. (Rus.).
- Yakovlev-Tyusyulgehn, V.F. (2018). *Atlas of historical and cultural heritage monuments. Suntarsky district*. Yakutsk: Dani-Almas. (Rus.).

© Бравина Р.И., 2026
Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 20.03.2026
Принята к публикации 04.06.2026
Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторе: Бравина Розалия Иннокентьевна, доктор исторических наук, заведующий лабораторией археологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия.

About the author: Bravina, Rosalia I., Doctor of Historical Sciences, Head of the Department, Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Minorities of the North SB RAS, Yakutsk, Russia.

Загваздин Е.П.¹, Тычинских З.А.^{2*}¹ Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, kulay_arx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8438-3448>² Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, zaituna.09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-8909>

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ МУРЗ КУЛЬМАМЕТЬЕВЫХ В ТОБОЛЬСКОМ УЕЗДЕ В XIX в.

Аннотация. На основе анализа широкого круга картографических источников определено расположение земельных наделов, принадлежавших одним из крупнейших землевладельцев Тобольской губернии — мурзам Кульмаметьевым. В статье рассматриваются их земельные владения в Тобольском уезде Тобольской губернии. Материалом для изучения послужил ряд опубликованных («Чертежная книга» С.У. Ремезова 1699–1701 гг., «Атлас Тобольской губернии» 1798 г. и др.) и вновь вводимых в научный оборот картографических источников (планы земельных наделов, обзорные карты Тобольского уезда 1830–1880-х гг.). Основным методом исследования являлся метод картографического анализа. В результате было локализовано положение наделов мурз Кульмаметьевых в современных административно-территориальных границах Тобольского и Вагайского районов Тюменской области, показаны особенности их расположения, реконструированы размеры земельных наделов.

Ключевые слова: Западная Сибирь, землепользование, Кульмаметьевы, картографический анализ.

Цитирование: Загваздин Е.П., Тычинских З.А. Землевладение мурз Кульмаметьевых в Тобольском уезде в XIX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 188–197. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-15>

Введение

Изучение вопросов инородческого землевладения и землепользования по-прежнему остается одной из важных тем в отечественном сибиреведении. К отдельным аспектам этой темы в своих работах обращались И.А. Андроников [1911], С.К. Патканов [1890], З.Я. Бояршинова [1960], В.В. Рабцевич [1985], В.И. Шунков [1946], Ф.Т. Валеев [1993], Н.А. Томилов [1981, 1992] и др. Вместе с тем анализ историографии вопроса позволяет говорить о его недостаточной изученности. По-прежнему сохраняют актуальность такие вопросы, как регламентация земельных прав инородческого населения, характер землепользования в разные исторические периоды, размеры земельных владений и др.

Цель настоящей работы — выявление расположения земельных наделов и определение конкретных размеров владений крупных татарских землевладельцев — мурз Кульмаметьевых с конца XVIII до последней четверти XIX в. в Тобольском уезде на основе анализа планов угодий Кульмаметьевых и картографического материала из фондов ГБУТО ГА в г. Тобольске и РГИА.

Среди материалов центральных и местных архивов сохранилось множество дел по земельным спорам XVII–XIX вв., возникновение которых было связано с рядом обстоятельств: утратой документов на владение землей («дач», «данных»), что наиболее часто выяснялось при продаже земельных наделов, при земельных спорах; самовольным захватом части территории со стороны других общин, русского населения, монастырей и т.д.; неточностью определения землемерами участков и условным характером границ, к примеру — «от колка до колка...» и пр.

Остановимся подробнее на последнем обстоятельстве, которое представляется наиболее важным для нашего исследования. В отдельных случаях участки землевладений можно было относительно точно локализовать по описаниям в письменных источниках, как, к примеру, право владения от 30 ноября 1697 г. «*тобольским служилым татарам Исеню Ишмаметову и Азарку Бундашеву на остров за рекой Тоболом напротив Медянских юрт*» [Андроников, 1911, с. 88–92]. По данному описанию достаточно легко выявить, что речь идет об острове Бизинском, расположенном под г. Тобольском, на участке слияния рек Иртыш и Тобол, в 100 м к северо-востоку от д. Медянки Татарские. Вместе с тем по приведенной записи невозможно определить размеры и конфигурацию этого землевладения, которое, вероятно, было достаточно велико и пропорционально площади Бизинского острова: в своем современном состоянии протяженность острова составляет более 2,6 км по длине и 0,8 км по ширине; его общая площадь около 1,64 км², а в сухоходной части — около 0,44 км².

* Corresponding author.

Однако чаще всего положение земельных владений по письменным источникам точно идентифицировать затруднительно. Так, к примеру, по следующей информации в документе: «в 7206 г. (1698 г.) Кутлумет (Кутум) Семенев приобрел землю и сенные покосы «вверх по Тоболу пониже Карачинского устья» [Тычинских, 2015, с. 168]. Сложность при определении положения наделов была связана не только с краткостью либо пространностью описания расположения землевладений сибирских татар, но и практически с полным отсутствием чертежей угодий. Единственным исключением для конца XVII в. по Тобольскому Прииртышью является чертеж из фондов РГАДА из дела 1688 г. по челобитной служилых тобольских татар ю. Бергельских о спорной земле с Ивановским монастырем Тобольской епархии. План ценен тем, что достаточно детально рисует особенности топографии прирусловой зоны р. Иртыш близ Тобольска. Данный чертеж в совокупности с планом 1890 г. одним из авторов настоящего исследования использовался для анализа динамики изменений землевладений указанного поселения с конца XVII в. до конца XIX в. [Загваздин, 2018].

Ранее мы уже отмечали, что формирование инородческого землевладения в Западной Сибири (в привычном понимании термина «землевладение») происходило уже после присоединения Сибирского ханства к Московскому царству и во многом было связано с государственной переориентацией сибирских татар на ведение земледельческого хозяйства [Тычинских, 2022а, с. 132].

Известно, что в соответствии с правительственными указами вся земля за Уралом считалась государственной собственностью. И русских крестьян, и сибирских инородцев закон рассматривал как «водворившихся» на казенных землях. В свое время И.А. Андроников замечал, что «все обязанности покоренных по отношению к покорившей их Москве... заключались в “службе”: под видом ли обработки земли для пополнения царских житниц, под видом ли ясака, вносимого пушнину, а затем деньгами, или же, наконец, в виде действительной службы в царском войске» [1911, с. 2–3]. Земельные наделы сибирских татар распределялись по общинам, внутри которых происходило деление на наделы по членам общины, в состав которой входили ясачные и служилые татары. Владение земель как для ясачных, так и для служилых татар осуществлялось на основании уплаты ясака либо несения службы Российскому государству [Тычинских, 2022b, с. 170].

При этом в Западной Сибири существовали, обычно у служилых татар, и довольно крупные частные землевладения, самое большое из которых было у мурз Кульмаметьевых [Тычинских, 2015, с. 167–170]. По сведениям Ф.Т. Валеева, размеры земельных угодий Кульмаметьевых, расположенных в волостях Тобольского и Тюменского уездов, были столь велики, что один из представителей рода — Сабанак даже точно не знал площади своей земли. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. Кульмаметьевым принадлежало около 35 тыс. дес. земли [Валеев, 1993, с. 66]. Их земли располагались в Тобольском, Тюменском, Ялуторовском уездах Тобольской губернии. Обладая большой властью над служилыми и ясачными татарами и поддерживаемые как местным, так и центральным начальством, на протяжении XVII–XIX вв. Кульмаметьевы различными способами пополняли свои владения. Эти огромные угодья, включавшие земельные, сенные наделы, «рыбные и зверовые ловли», приобретались ими путем пожалований за службу, покупок угодий у татарского и русского населения, а также многочисленных отступных.

В XVII в. одной из главных форм приобретения земель Кульмаметьевыми были пожалования за службу. Так, по указу «от Великих Государей» Иоанна и Петра Алексеевичей в 1695 г. «за долговременную его Авазбакея и сына его Сабанака службу и радетельство отданы в Тобольском уезде вверх по рекам Тоболу и Иртышу пашенные земли, сенные покосы и прочие угодья по поступным записям за ним состоящие, равно и покупным, с тем, чтоб владеть им, детям и внукам их вообще» [РГИА. Ф. 1286, оп. 2, д. 347, л. 15]. Такое весьма расплывчатое определение дарованных владений могло позволить Кульмаметьевым претендовать на обширные земельные владения, а также самовольно захватывать свободные участки [Тычинских, 2015, с. 168].

Также приведем описание одного из земельных угодий Авазбакея Кульмаметьева, приобретенного им в XVII в., по которому видно, что точно локализовать владения представлялось весьма затруднительным: «Азбакеевы пашни паханные четыре десятины в поле и в две потому ж залежные земли под пашню по плану меж... 55 десятин в поле да в две потому ж лесных и болотных мест десятин со сто и больше сенных покосов в лугах по обе стороны Тобола реки на пять тысяч копен а межа той ево деревни пашенным и непашенным землям и рыбным ловлям и всяким угодьям ниже астана городища на Красном яру по обе стороны Тобола реки с устья Чачки речки а вверх Чачки речки возле болот до осинового колка прямо до Тобола реки а сенные покосы и рыбные ловли за Тоболом рекою в степную сторону от Тобола

реки в верхнюю сторону против верхние (л. 73 об.) меж пашенные земли прямо до озера Бурубки а от озера Бурубки до соснягу а от соснягу возле тое же Бурубки озеро до Кюлюки речки а вниз по Кюлюке речке до Тобола реки...» [Тычинских, 2024, с. 88]. Не добавляло ясности в положении участка и описание соседствующих с ними владений.

В связи с указанными обстоятельствами возникали многочисленные недоразумения, поземельные споры и пр. В последней четверти XVIII в. по указу Екатерины II была организована работа Межевой комиссии по созданию планов заселенных земель Сибири и их межеванию. В результате работы землемеров в XIX в. появилось значительное количество карт и планов, в их числе и планы угодий Кульмаметьевых, расположенных в ряде уездов Тобольской губернии, сохранившиеся в ГБУТО ГА в г. Тобольске (рис. 5, 6).

Материалы и методы

Несмотря на то, что картографические источники в последнее время активно входят в арсенал исследователей [Хорохордин, 2021], существует целый ряд проблем, связанных с их использованием. Одна из основных — выявление положения участков относительно современной картографии и административного деления той или иной территории. Для этой цели необходимо использовать серию разновременных карт разного масштаба.

При реконструкции динамики изменений землевладений князей Кульмаметьевых в Тобольском уезде были привлечены картографические материалы XVIII–XIX вв. Одним из ранних источников является «Чертежная книга Сибири» 1699–1701 гг. [Ремезов, 2003]. Также использовалась карта Тобольского уезда из репринтного издания «Атлас Тобольской губернии» 1798 г., который представляет собой библиографическую редкость [Атлас..., 2016, л. 4; РГИА. Ф. 1350, оп. 312, д. 43, л. 17]. Картографическими источниками для изучения поземельных отношений Кульмаметьевых с начала 1830-х по 1880-е гг. стала серия земельных планов и карт из фонда Тобольской казенной палаты архива ГБУТО ГА в г. Тобольске (Ф. И154) [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, оп. 21, дд. 1187, 1343, 1344, 1349, 1350, 1351, 1376а, 1539, 1558, 1565, 1600, 1602, 1620, 1623, 1624, 1658].

Анализ рассмотренных нами планов XIX в. касался не только границ угодий Кульмаметьевых, но и смежных с ними земельных владений, что было важно учитывать при оценке изменений размеров и положения угодий во времени относительно соседских. Также смежные участки позволили уточнить положение их наделов на местности.

В качестве основных методов исследования мы использовали методы картографического анализа, сравнительно-географический, метод математико-картографического моделирования. Также использовались традиционные для исторических работ сравнительно-исторический, ретроспективный, описательный методы.

При изучении картографического материала одной из задач исследования стала локализация угодий Кульмаметьевых по планам. Она заключалась в опознании их на местности и привязке к современным ориентирам, так как географические координаты на таких планах отсутствуют. Затруднение в подобной привязке было связано с отсутствием на современной карте Тобольского района гидронимов и топонимов более раннего хронологического периода, присутствующих на земельных планах XIX в.

К примеру, на плане сенокосных угодий Кульмаметьевых 1888 г., находившихся на левом берегу р. Тобол под Тобольском, указана река Ерек Черкасский [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, оп. 21, д. 1349]. По восточной границе землевладений указан Дуваный луг. Точно локализовать этот участок земли по современной карте невозможно: от ранних гидронимов на современной карте в левобережье Тобола-Иртыша остались лишь многочисленные безымянные ерики, а местность под названием «Дуваный луг» не обозначена. Для решения этой проблемы был привлечен картографический материал XVIII в.: «Чертежная книга Сибири» [Ремезов, 2003, л. 4] и карта Тобольского уезда из «Атласа Тобольского уезда» 1798 г. [РГИА. Ф. 1350, оп. 312, д. 43, л. 17]. Благодаря им гидронимы и топонимы на позднем плане были уверенно опознаны и к ним привязаны границы угодий.

В случае проблемных планов, при отсутствии географических ориентиров и, следовательно, невозможности точной привязки, использовались карты угодий нескольких поселений [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, оп. 21, д. 1658], а также обзорная карта Худяковской волости [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, оп. 21, д. 1539]. Это позволило сопоставить участки, определить их положение и привязать к соседским наделам. Несмотря на то, что рассмотренные обзорные карты были не лишены недостатков: физические утраты и плохая сохранность бумаги, незавершенность оформления графики, искажение пропорций и размеров участков, их сопоставление между собой и с дру-

Землевладение мурз Кульмаметьевых в Тобольском уезде в XIX в.

гими планами, а также одновременными спутниковыми снимками дало возможность установить положение не только земельных наделов мурз Кульмаметьевых, но и соседних с ними участков.

После проведения сопоставлений серии планов предварительная грубая цифровая привязка участка проходила посредством совмещения планов со спутниковым снимком в графическом редакторе Photoshop с последующим масштабированием и разворотом плана относительно угла магнитного склонения, указанного в легенде плана, либо характерного для этого времени и местности [Вейнберг, 1923; Калькулятор..., 2026].

Для анализа плана и его окончательной подгонки по местности проводилась привязка абриса участка к местной системе координат посредством трансформации из геоцентрической системы координат WGS84. Точность трансформации обеспечивалась использованием трансформации Гельмерта по координатам, полученным при локализации геодезического ГНСС-приемника на пунктах государственной геодезической сети. В программе «AutoCAD» проводилась точная подгонка чертежа на спутниковом снимке: масштабирование в саженях и метрах, измерение размеров, отрисовка его периметра, разворот в соответствии с магнитным склонением. В программе Mapinfo происходил обратный пересчет проекции из план-схемы в проекцию местной системы координат. Последующим шагом стал импорт границ участков в форматы Google Earth (kml, kmz) для последующей визуализации чертежа, а также изучения их на ГИС веб-ресурсах и в ГИС-приложениях, таких как SAS.Planet.

Обсуждение

Изучение земельных планов участков, принадлежащих мурзам Кульмаметьевым, показало довольно пеструю и дисперсную картину расположения их угодий в Тобольском уезде (табл.). По «Атласу Тобольской губернии» 1798 г. удалось идентифицировать их земли в волости Оброчных чувальщиков, находившейся в составе Вагайской волости, Бухарской волости, входившей в состав Ашлыкской волости и угодья в Карачинской волости. Сейчас это территория Тобольского и Вагайского районов Тюменской области (рис. 1).

Участки землевладений мурз Кульмаметьевых в Тобольском уезде по картографическим данным

Land plots of the Kulmametyev murz in the Tobolsk district according to cartographic data

№ п/п	Наименование участка	Площадь
1	Владения мурзы Сабанака Кульмаметьева (по рекам Бергел и Тулунка) *	656 дес. 1389 саж.
2	Владения мурзы Сабанака Кульмаметьева, на которых из оброку состоят юрты Митькины и Сулеймановы *	10 984 дес. 1900 кв. саж.
3	Владения мурзы Сабанака Кульмаметьева (у ю. Лайминских и ю. Юрминских) *	2185 дес. 300 кв. саж.
4	Сенокос по левому берегу р. Тобол, напротив ю. Медянских **	78 дес. 2238 саж.
5	Дача земли по правому берегу о. Саускановского **	172 дес. 60 кв. саж.
6	Земли ю. Сабанакских ***	387 дес. 749 кв. саж.
7	Владения мурзы Сабанака Кульмаметьева (по рекам Бергел и Тулунка) ***	Увеличено на 318 дес. 997 кв. саж.
Итого		14 783 дес. 433 кв. саж. (16151,7 га)

* Площадь по «Атласу Тобольской губернии» 1798 г.

** Площадь по земельным планам 1830–1880-х гг. ГБУТО ГА в г. Тобольске.

*** Земли поселения, находившиеся в совместном пользовании со служилыми татарами (реконструкция площади по картографическим источниками 1798–1880-х гг.).

По оз. Саускановскому положение земельных угодий, изображенных в «Атласе...» 1798 г., которые соседствовали с наделами Кульмаметьевых, представляет собой terra incognita. Причина данной неопределенности в том, что в этой части Тобольского Прииртышья карта оказалась недорисована. Несмотря на пробел, она представляет особый интерес, так как уточняет положение земель рядом с их родовым селением — юртами Сабанакскими.

Карта Тобольского уезда 1798 г. показывает, что Кульмаметьевы владели несколькими обширными участками.

В волости Оброчных чувальщиков, входившей в состав Вагайской волости, Кульмаметьевы владели землями по обеим берегам р. Агитки, включая земли поселений ю. Митькиных и ю. Сулеймановых (рис. 2, 1). Размер этого надела, вытянутого с юго-запада на северо-восток, составил 18,4×10,1 км.

В Бухарской волости, являвшейся частью Ашлыкской волости, у Кульмаметьевых были земли по реке Ашлык, у ю. Лайминских, и надел к северу от ю. Юрминских (рис. 2-2). У ю. Лайминских участок земли размером 16×1,2–2,1 км протянулся по левому берегу р. Ашлык между озерами Баймы (современное оз. Юрминское) и Куцуп (современное оз. Камышинское). Надел Кульмаметьевых у ю. Юрминских располагался в 4 км к северу от поселения и по направлению с юго-запада на северо-

ро-восток. Его размер составил 15,5×0,2–1 км. Сопоставление абриса надела со спутниковым снимком показало, что он достаточно точно соответствует своему современному положению. Даже несмотря на то, что участок заброшен и порос лесом, его западная часть до сих пор хорошо идентифицируется с границами надела и по очертанию, и по направлению относительно карты 1798 г.

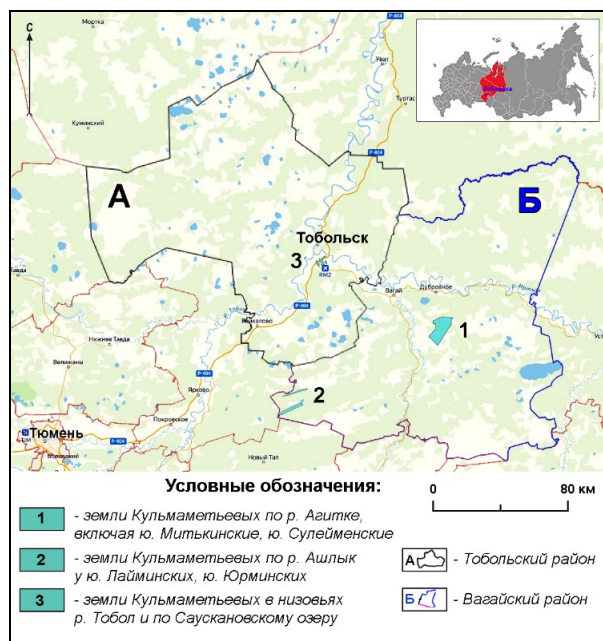

Рис. 1. Расположение земель мурз Кульмамetyевых в современных административных границах Тюменской области.

Fig. 1. Location of the Murz Kulmametyevs lands in the modern administrative boundaries of the Tyumen region.

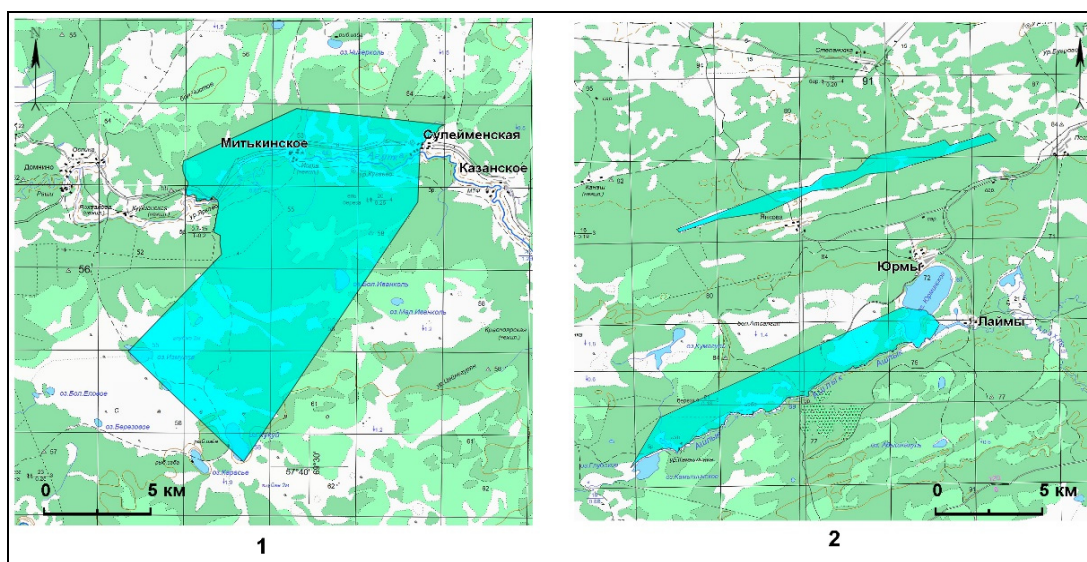

Рис. 2. Расположение землевладений мурз Кульмамetyевых в границах современного Вагайского района: 1 — земля по р. Агитке, включая ю. Митькинские и ю. Сулеймановы; 2 — земли по р. Ашлык у ю. Лайминских, ю. Юрминских (по [Атлас..., 2016]).

Fig. 2. Location of the Murz Kulmametyevs landholdings within the borders of the modern Vagaysky district.

Под г. Тобольском в Карачинской волости у Кульмамetyевых отмечено два земельных участка (рис. 3). Первый из них располагался на левом берегу оз. Саускановского (старица р. Иртыш) и пролегал на северо-восток по р. Бергел. На протяжении около 3 км надел занимал оба берега этой реки, затем тянулся только по правому берегу, не доходя до устья 1 км. Реконструируемая ширина

Землевладение мурз Кульмаметьевых в Тобольском уезде в XIX в.

надела составила 0,4–2,4 км. Этот участок Кульмаметьевых на карте отмечен границащим с д. Анцыной на северо-западе и землями д. Ворогушиной на западе. Второй участок протянулся на северо-запад, от левого берега оз. Саускановского до левого берега р. Тулунки. Надел располагался между д. Сумкиной и землей Карачинской волости. Он занимал большую часть современного Сумкинского соснового бора. Размеры участка составляли 1,76×0,83 км.

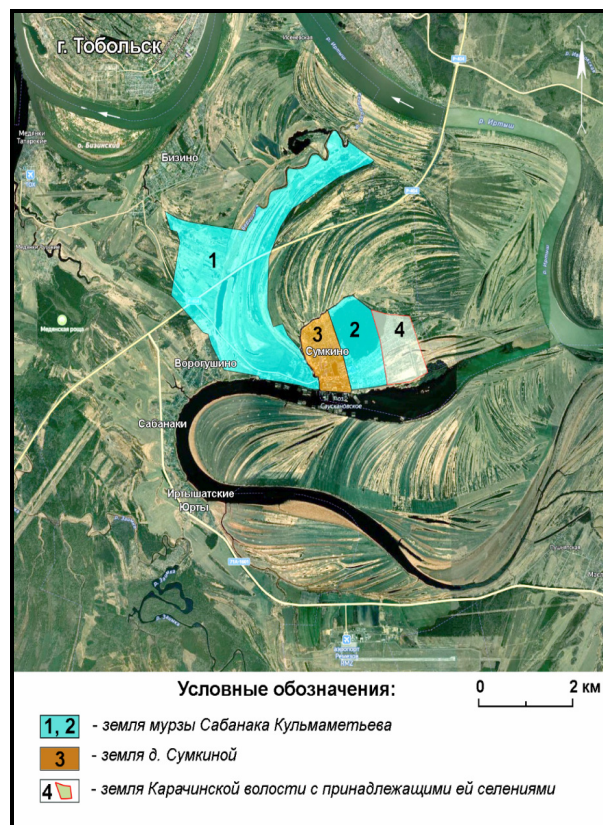

Рис. 3. Расположение земель С. Кульмаметьева на оз. Саускановском (по: «Атлас...», 1798 г.).
Fig. 3. The location of the lands of S. Kulmametyev on Lake Sauskanovskoye.

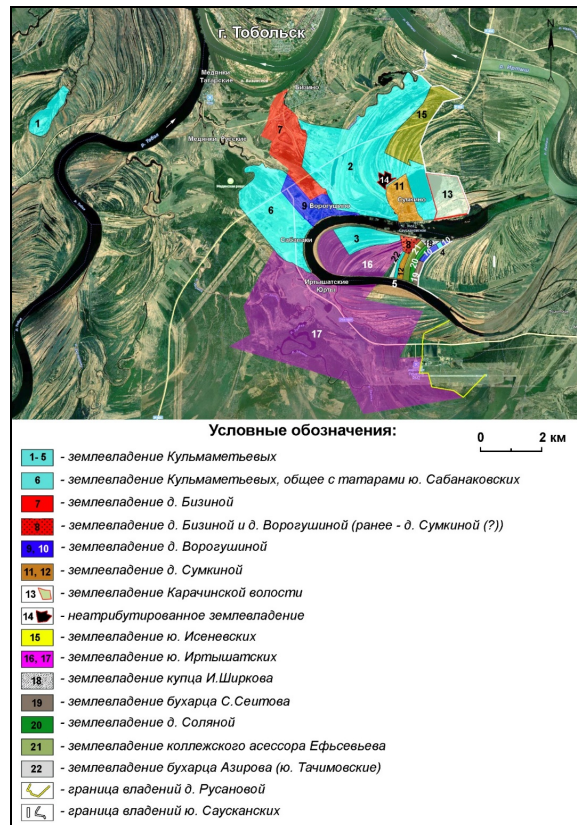

Рис. 4. Расположение земель Кульмаметьевых в низовье р. Тобол и на оз. Саускановском в 1830–1880-х гг. (по планам и картам из фонда ГБУТО ГА в г. Тобольске).
Fig. 4. The location of the Kulmametyevs lands in the lower reaches of the Tobol River and on Lake Sauskanovskoye in the 1830s and 1880s.

Сопоставление с серией картографических источников начала 1830-х — 1880-х гг. из фондов ГБУТО ГА в г. Тобольске позволило более детально проследить изменения в положении земельных наделов Кульмаметьевых в низовьях Тобола и по оз. Саускановскому по сравнению с концом XVIII в. (рис. 4). Это связано с тем, что планов и карт по этому району в архиве сохранилось больше.

В левобережье Тобола, в его нижнем течении, напротив ю. Медянских, фиксируется обширный сенокосный участок площадью 78 десятин 2238 сажень (86,24 га) (рис. 5). Его положение определено по плану 1888 г., основанному на топосъемке 1832 г. [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, оп. 21, д. 1349]. Данный надел граничил с северо-востока с участками тобольских городских крестьян, которым принадлежала часть Дуванного луга; с востока и запада — с владениями татар и оброчных чувальщиков юрт Медянских, а с юга — наделом государственных крестьян бывшей деревни Назимовой с новым названием «Коновалова».

На карте 1798 г. в этой части Тобола, по левому берегу Ерека Черкасского, никаких других угодий не отмечено. Дополнительным аргументом, что Кульмаметьевы владели этим участком в низовьях Тобола на протяжении большей части XIX в., может служить карта 1877 г., на которой отмечена часть границы их земель, соседствующих с угодьями ю. Медянских [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, оп. 21, д. 1376а].

Динамика изменений в количестве и положении земельных наделов на оз. Саускановском по сравнению с картой из «Атласа...» 1798 г. прослежена более отчетливо. Сопоставление разновременных карт и анализ показали следующее. По р. Тулунке северная граница надела менялась незначительно. Участок занимал частично левый берег реки, в его среднем течении, а в нижнем течении — оба берега. Однако если на плане 1798 г. фиксируется два локальных надела: по р. Бергел и по левому берегу р. Тулунки, то на планах XIX в. они сливаются в один, а его северо-восточная ветвь по правому берегу р. Бергел расширяется до 0,7–1,3 км. В то же время отдельный участок, занимавший современный Сумкинский бор, по ширине стал меньше. Это произошло за счет расширения и незначительного изменения конфигурации участков д. Сумкиной с запада и земли Карачинской волости с востока. В целом же надел Кульмаметьевых по рекам Бергел и Тулунка увеличился примерно на треть по сравнению с концом XVIII в. Также часть их участка по правому берегу р. Тулунки, вероятно, планировалось отторгнуть, однако состояние карты 1833 г. и отсутствие расшифровки нумерации не позволяют атрибутировать принадлежность данного участка под № 24 [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, оп. 21, д. 1658]. В более поздних графических источниках, в частности, на обзорной карте 1877 г. данный участок не фигурирует [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, оп. 21, д. 1376а]. Возможно, это нереализованный проект по отторжению части земли Кульмаметьевых.

Рис. 5. Выкопировка участка земли дворян Кульмаметьевых с левого берега р. Тобол (1888 г., копия с плана 1832 г.) [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, оп. 21, д. 1349].

Fig. 5. Copy of the land of the nobles the Kulmametyev from the left bank of the Tobol River (1888, copy of a plan from 1832).

Рис. 6. Выкопировка участка земли дворян Кульмаметьевых на оз. Саускановском (1888 г., копия с плана 1832 г.) [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, оп. 21, д. 1351].

Fig. 6. Copy of the land of the nobles the Kulmametyev on the lake Sauskanovskoye (1888, copy of a plan from 1832).

Картографические источники 1830–1880-х гг. отражают новые участки по оз. Саускановскому, не фигурирующие в «Атласе Тобольской губернии» 1798 г. Также некоторые планы землевладений указывают, что ими владели Кульмаметьевы и в более ранний период. Так, на плане отхожих сенных покосов государственных крестьян д. Сумкиной от 28.07.1831 в экспликации указывается на приобретение надела по купчей от 20.05.1815. На этом плане обозначен и участок под покос майора Сабанака Кульмаметьева [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И154, оп. 21, д. 1565].

Картографические источники XIX в. показывают, что на правом берегу озера Кульмаметьевы владели тремя сенокосными наделами разной конфигурации. Крупнейший земельный участок серповидной конфигурации находился практически напротив деревни Сумкиной (рис. 6). Два более мелких участка располагались чересполосно к востоку от первого. Один из них был вытянуто-прямоугольный, второй — близкий к квадрату в плане. К западу и югу от самого их большого надела, в петле озера, находился обширный участок ю. Иртышатских. Более мелкие наделы Кульмаметьевых соседствовали с наделами бухарца Азимова, землями д. Бизиной, покосами д. Сумкиной и Ворогушиной, покосами купца Ширкова, а также землями ю. Саусканских. На противоположном, левом берегу озера угодья ю. Иртышатских соседствовали с землями ю. Сабанаковских. Известно, что у Кульмаметьевых было совместное землепользование с общиной ю. Сабанаковских. Границы ю. Сабанаковских реконструируются по обзорным планам 1830–1840-х гг. и 1877 г., частично по «Атласу Тобольского уезда» 1798 г., несмотря на его неполноту. Сравнительный анализ показал, что границы поселения как минимум с конца XVIII в. определялись по краям глубоких ложбин, отделяющих ю. Сабанаковские от д. Ворогушиной и ю. Иртышатских.

Заключение

Таким образом, методами картографического анализа и математико-картографического моделирования, на основе впервые вводимого в научный оборот картографического материала XVIII–XIX вв., были проведены исследования по определению расположения отдельных земельных участков, которыми владели мурзы Кульмаметьевы в Тобольском уезде, с привязкой к современной топографической основе.

Первоначально по «Атласу Тобольского уезда» 1798 г. определено три места, где располагались земельные наделы: по р. Агитке (включая ю. Митькинские и ю. Сулеймановы), по оз. Баймы (совр. оз. Юрминское) и по оз. Саускановскому. Однако более разнообразный картографический материал 1830–1880-х гг. дал детальную картину положения их наделов по оз. Саускановскому, а также позволил локализовать новый участок в низовье р. Тобол. Картографические источники дали возможность проследить изменение размеров землевладений Кульмаметьевых по оз. Саускановскому на протяжении века. Сравнительный анализ показал, что площадь их наделов возросла с конца XVIII по конец XIX в. не менее чем на 30 %.

Также было прослежено положение соседних с ними татарских, бухарских, русских наделов по оз. Саускановскому. Данная информация позволила сопоставить размеры различных земельных участков и сделать вывод об экономическом благосостоянии Кульмаметьевых. Судя по количеству наделов на оз. Саускановском, самыми обширными участками земли владели ю. Саусканские с входившими в их границы ю. Шихмаметскими и ю. Тачимовскими, затем по величине следовали земельные владения ю. Иртышатских. Земли Кульмаметьевых занимали третье место по площади угодий. Отметим, что Кульмаметьевы, будучи служилыми татарами, также использовали земли совместно с жителями ю. Сабанаковских. Подсчитанная площадь земельных участков в трех волостях Тобольского уезда, изученных по планам конца XVIII — конца XIX в., ориентировочно составила не менее 161,517 км².

Опыт картографирования наделов князей Кульмаметьевых в Тобольском уезде дает возможность продолжить подобные исследования по определению положения разноплановых земельных владений XVIII–XIX вв. с привлечением широкого круга картографических источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андроников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911. 396 с.
- Бояршинова З.Я. Западная Сибирь в XIV–XV вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964. 180 с.
- Валеев Ф.Т. Сибирские татары: Культура и быт. Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. 208 с.
- Вейнберг К.Б. Магнитное склонение в Сибири в XVII и XVIII веках // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов, 1923. С. 28–29.
- Загваздин Е.П. Землевладение юрт Каж-Бергельских по письменным и графическим источникам // Сибирские татары: Сборник материалов Всерос. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2018. С. 58–65.
- Калькулятор магнитного склонения // Go Hiking. URL: <https://go-hiking.ru/tools/declination/> (дата обращения: 19.03.2026).
- Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольской губернии. Тюменский округ. СПб.: Изд. М-ва вн. дел, 1890. Ч. 1. 320 с.
- Рабцевич В.В. Генезис дворянского землевладения на землях местных народов Сибири (по материалам тобольских татар) // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVIII — начало XX века). Новосибирск, 1985. С. 33–44.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. 276 с.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 271 с.

Тычинских З.А. Становление татарского служилого землевладения в Сибири в XVII в. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы II Всерос. науч. конф. Курган, 2014. С. 122–126.

Тычинских З.А. Формирование крупного служилого инородческого землевладения в Западной Сибири в XVII–XIX вв. // Сибирский сборник. Курган: КурГУ, 2015. Вып. 3. С. 167–170.

Тычинских З.А. Землепользование служилых татар Тобольской губернии во второй половине XIX в. // Сибирский сборник / Под ред. З.А. Тычинских. 2022а. Вып. 7. С. 131–137.

Тычинских З.А. О формировании служилого инородческого землевладения в Сибири в XVII в. // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: Особенности землевладения, сословные номинации / Под ред. Г.Х. Самигулова. Челябинск: Б-ка А. Миллера, 2022b. Вып. 1. С. 165–178.

Тычинских З.А. Мурзы Кульмаметьевы. Кн. 1: Власть и могущество. Тюмень: Тюм-Press, 2024. 208 с.

Хорохордин Г.С. Применение картографических материалов конца XIX — начала XX в. при характеристике процесса развития сельской поселенческой сети Томского уезда Томской губернии // Вестник ТГУ. История. 2021. № 70. С. 144–151. <https://doi.org/10.17223/19988613/70/20>.

Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. М.; Л.: АН СССР, 1946. 228 с.

ИСТОЧНИКИ

Атлас Тобольской губернии: В 3 т. Т. 1: Атлас топографический Тобольской губернии: Факсимильное изд. 1798 г. СПб.: Альфарет, 2016. 6 с.; 49 л. карт.; Т. 2: Атлас топографический Тобольской губернии: Факсимильное изд. 1798 г. СПб.: Альфарет, 2016. 40 с.; 36 л. карт.; Т. 3: Атлас географический Тобольской губернии: Факсимильное изд. 1798 г. СПб.: Альфарет, 2016. 66 с. 23 л. карт.

ГБУТО ГА в г. Тобольске — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И154. Оп. 21. Д. 1187: План земли, принадлежащей крестьянам казенного ведомства д. Пушняшка, ныне состоящей во владении бухарца А. Азырова из юрт Тачимовских (1826 г.); Д. 1620: План дачи с. Худяково с деревнями владения государственных крестьян (1832 г.); Д. 1342: План дачи земли частного владения дворян Кульмаметьевых (1832 г.); Д. 1343: План дачи земли частного владения дворян Кульмаметьевых (1832 г.); Д. 1344: План дачи земли частного владения дворян Кульмаметьевых (1832 г.); Д. 1349: Выкопировка участка земли владения дворян Кульмаметьевых (1832 г.); Д. 1350: Выкопировка участка земли владения дворян Кульмаметьевых (1832 г.); Д. 1351: Выкопировка участка земли владения дворян Кульмаметьевых (1832 г.); Д. 1376а: Проектная карта сел Карачинского, Худяковского, Подрезовского Карачинской волости Тобольского округа (1877 г.); Д. 1558: План дачи владения государственных крестьян д. Сумкиной (1831 г.); Д. 1565: План отхожих сенных покосов владения государственных крестьян д. Сумкиной (1831 г.); Д. 1600: План дачи частого владения бухарца юрт Тачимовских Азырова (1832 г.); Д. 1602: План пяти отхожих покосов: 1. Тобольского купца И. Ширкова, 2. Крестьян д. Соленой, 3. коллежского асессора Ефсеева, 4. крестьян д. Сумкиной, 5. общего владения д. Бизиной и д. Ворогушиной (1832 г.); Д. 1623: План дачи д. Ворогушиной владения государственных крестьян (1832 г.); Д. 1624: План отхожей дачи д. Ворогушиной владения государственных крестьян и поселенцев (1832 г.); Д. 1658: Чертеж земель Ворогушиной и Бизиной (1833 г.).

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347; Ф. 1350. Оп. 312. Д. 43: Атлас Тобольской губернии 1798 г. Ч. 1. 189 л.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири: Составлено тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году в 2 тт. Факсимильное изд. Т. 1. М.: Федеральная служба геодезии и картографии России, 2003. 58 с.

Zagvazdin E.P.¹, Tychinskikh Z.A.^{2*}

¹ Tobolsk complex scientific station UB RAS, kulay_arx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8438-3448>

² Tobolsk complex scientific station UB RAS, zaituna.09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-8909>

Land ownership of the Kulmametyev murzas in the Tobolsk District in the 19th century

Summary. Based on the analysis of various cartographic sources, the article presents the results of a study aimed at identifying the locations and reconstructing the extent of land holdings belonging to the Kulmametyev murzas — one of the most significant landowning families in the Tobolsk Province. The family's estates were situated in the Tobolsk, Tyumen, and Yalutorovsk counties of the Tobolsk Province. Endowed with considerable authority over service and yasak Tatars and supported by both local and central administrative bodies, the Kulmametyevs expanded their landholdings throughout the 17th–19th centuries. Their extensive properties, which encompassed land, hayfields, and rights to fishing and hunting, were acquired by them through several channels: awards for state service, purchases from Tatar and Russian landowners, and nu-

* Corresponding author.

merous compensation payments. The study focuses specifically on their landholdings in the Tobolsk District of the Tobolsk Province. The source base comprises both published works (including S.U. Remezov's Drawing Book of 1699–1701 and the Atlas of the Tobolsk Province of 1798) and newly introduced cartographic materials (such as land plot plans and survey maps of the Tobolsk district dating to the 1830s and 1880s). The main research method employed was cartographic analysis. As a result of the study, the spatial position of the Kulmametyev allotments has been localized with reference to the modern administrative-territorial division of the Tobolsk and Vagay districts of the Tyumen region. The study also elucidated the specific locational features of these holdings and provides a reconstruction of the size of the individual land plots.

Keywords: Western Siberia, land use, the Kulmametyevs, cartographic analysis.

REFERENCES

- Andronikov, I.A. (1911). *Materials on land ownership and economic life of settled foreigners of the Tobolsk province*. Tobolsk. (Rus.).
- Boyarshinova, Z.Ya. (1964). *Western Siberia in the XIV–XV centuries*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Khorokhordin, G.S. (2021). The use of cartographic materials of the late 19th — early 20th centuries in characterizing the development of the rural settlement network of the Tomsk district of the Tomsk province. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, (70), 144–151. (Rus.).
- Patkanov, S.K. (1890). *The economic life of state peasants and foreigners of the Tobolsk province. Tyumen district. P. 1*. St. Petersburg: Izdatel'stvo ministerstva vnutrennih del. (Rus.).
- Rabtshevich, V.V. (1985). The genesis of noble land ownership on the lands of the local peoples of Siberia (based on the materials of the Tobolsk Tatars). In: *Zemledel'cheskoye i promyslovoye osvoyeniye Sibiri (XVIII — nachalo XX veka)*. Novosibirsk, 33–44. (Rus.).
- Shunkov, V.I. (1946). *Essays on the history of colonization of Siberia in the 17th — early 18th centuries*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).
- Tomilov, N.A. (1981). *The Turkic-speaking population of the West Siberian plain at the end of the 16th — first quarter of the 19th centuries*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Tomilov, N.A. (1992). *Ethnic history of the Turkic-speaking population of the West Siberian plain in the late 16th — early 20th century*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Tychinskikh, Z.A. (2014). The formation of Tatar military land ownership in Siberia in the 17th century. In: *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Kurgan, 122–126. (Rus.).
- Tychinskikh, Z.A. (2015). The formation of large-scale foreign land ownership in Western Siberia in the 17th–19th centuries. In: *Sibirskiy sbornik. T. 3*. Kurgan, 167–170. (Rus.).
- Tychinskikh, Z.A. (2022a). Land use of the Tatars of the Tobolsk province in the second half of the 19th century. In: *Sibirskiy sbornik. T. 7*. Tobolsk, 131–137. (Rus.).
- Tychinskikh, Z.A. (2022b). On the formation of foreign land ownership in Siberia in the 17th century. In: *Sluzhilyye i yasachnyye lyudi v Rossii XV–XIX vv.: Osobennosti zemlevladieniya, soslovnyye nominatsii. Vyp. 1*. Chelyabinsk, 165–178. (Rus.).
- Tychinskikh, Z.A. (2024). *Murzy Kulmametyevs. Book 1: Power and might*. Tyumen: Tyum-Press. (Rus.).
- Valeev, F.T. (1993). *Siberian Tatars: Culture and way of life*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Weinberg, K.B. (1923). Magnetic declination in Siberia in the 17th and 18th centuries. In: *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring geosurov*, 28–29. (Rus.).
- Zagvazdin, E.P. (2018). Land ownership of the Kazh-Bergelsky yurts according to written and graphic sources. In: *Sibirskiy tatars: Sbornik Materialov Vserossiyskogo simpoziuma «Kul'turnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri»*. Tobolsk, 58–65. (Rus.).

© Загваздин Е.П., Тychинских З.А., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 01.04.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторах:

Загваздин Евгений Петрович, научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск, Россия.

Тychинских Зайтуна Аптрашитовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск, Россия.

About the authors:

Zagvazdin, Evgeny P., Researcher, Tobolsk complex scientific station UB RAS, Tobolsk, Russia.

Tychinskikh, Zaytuna A., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Tobolsk complex scientific station UB RAS, Tobolsk, Russia.

Чемчиева А.П.

Институт археологии и этнографии СО РАН, chemchieva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3090-859X>

ДЬЫЛГАЙАК ИЛИ ЧАГА-БАЙРАМ: ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЕМИКА НА АЛТАЕ В НАЧАЛЕ 1990-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «АЛТАЙДЫН ЧОЛМОНЫ»)

Аннотация. Статья посвящена реконструкции общественной полемики об исконном алтайском Новом годе, развернувшейся на страницах газеты «Алтайдын Чолмоны» в начале 1990-х гг. Цель работы — выявить основные линии полемики о праздниках Дьылгайак и Чага-Байрам, охарактеризовать позиции участников дискуссии и динамику обсуждения. Методами исследования выступили количественный и качественный контент-анализ публикаций, вышедших в газете в 1989–1993 гг. Установлено, что на начальном этапе возрождения новогоднего праздника в народной памяти фиксировались два варианта его проведения — зимний (Чага-Байрам) и весенний (Дьылгайак). Показано, что единого мнения о дате празднования не существовало. Выявлено, что благодаря последовательной позиции редакции газеты и части алтайской интеллигенции, ориентировавшихся на синхронизацию с лунным календарем буддийских народов, приоритет получил Чага-Байрам. В этой связи Дьылгайак стали рассматривать как весенний праздник, не связанный с Новым годом. Сформированная на страницах издания позиция впоследствии стала официальной и на десятилетия определила статусы Чага-Байрама и Дьылгайака в праздничном календаре Республики Алтай.

Ключевые слова: Новый год, праздничная традиция, лунный календарь, шаманизм, бурханизм, буддизм, контент-анализ, Республика Алтай.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0011, № НИОКТР 125021001826-6 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика».

Цитирование: Чемчиева А.П. Дьылгайак или Чага-Байрам: общественная полемика на Алтае в начале 1990-х гг. (по материалам газеты «Алтайдын Чолмоны») // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 198–207. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-16>

Введение

Алтайцы — коренное население Республики Алтай — имеют возможность отмечать Новый год несколько раз в году. Помимо официального Нового года (1 января) в их календаре присутствуют еще два праздника, олицетворяющих начало года: Дьылгайак (Яылгайак) и Чага-Байрам (Чагаа-Байрам)¹. В советский период, в условиях унификационной политики государства, Дьылгайак и Чага-Байрам, как и многие другие алтайские традиции, оказались вне официальной культуры и были преданы забвению. Вопрос об их возрождении был поднят лишь на рубеже 1980–1990-х гг. При этом инициатива по ревитализации обоих праздников возникла практически одновременно: часть общественности выступила за Дьылгайак, часть — за Чага-Байрам. Это привело к полемике в алтайском обществе о том, какой из двух праздников следует считать исконным алтайским Новым годом. Данное обсуждение нашло отражение в материалах региональной газеты на алтайском языке «Алтайдын Чолмоны», которая в тот период стала главным рупором возрождения алтайской культуры.

Целью статьи является реконструкция общественной полемики об исконном алтайском Новом годе, развернувшейся на начальном этапе возрождения праздников Дьылгайак и Чага-Байрам (начало 1990-х гг.), по материалам газеты «Алтайдын Чолмоны». Для достижения цели были поставлены задачи: 1) провести количественный и качественный контент-анализ публикаций в газете «Алтайдын Чолмоны» за 1989–1993 гг., посвященных возрождению Дьылгайака и Чага-Байрама; 2) охарактеризовать аргументацию сторонников каждого из праздников, представленную на страницах газеты; 3) реконструировать основные линии полемики и позиции ее участников.

Прежде чем перейти к результатам, отметим, что праздники Дьылгайак и Чага-Байрам привлекают внимание современных исследователей в качестве традиционных календарных праздников алтайцев. В их работах преимущественно находят отражение подготовка и ход праздни-

¹ Названия праздников приводятся в соответствии с Законом Республики Алтай «О праздничных и памятных днях, юбилейных датах в Республике Алтай» № 11-11 от 24.04.2003 (с изменениями на 17.02.2026).

вания, обряды и ритуалы. При этом исследователи сходятся в том, что оба праздника имеют новогоднюю семантику, однако расходятся в их трактовке.

Так, по мнению С.П. Тюхтеновой, к началу XX в. у алтайцев существовало несколько локальных новогодних обрядов — «*үүче чечер*» (развязывание мяса в ууче), «*жылгайак*» (катания), «*чагаа байрам*» (белый праздник)². По ее данным, в основе «*жылгайак*», праздновавшегося в полнолуние марта, лежит архаическая традиция отсчета начала года с весны. Обряд «*үүче чечер*», более характерный для южных алтайцев, совершался в марте в период от новолуния до полнолуния. «*Чагаа байрам*» проводился в конце февраля — начале марта. Автор допускает, что он восходит к культуре монголов, начавших при хане Хубилае праздновать Новый год в месяце «*цагаан сар*» («белый месяц», февраль), и алтайское название января «*чаган*» является калькой с «*цагаан сар*». С.П. Тюхтенева полагает, что обряды «*үүче чечер*» и «*жылгайак*» утратили былой религиозно-магический смысл и не вошли в современный новогодний праздник. «*Чагаа байрам*» оказался более устойчивым и стал праздноваться в республике с начала 1990-х гг. При этом автор отмечает, что наиболее полные сведения о нем сохранились у «чуйских теленгитов» — южных алтайцев долины р. Чуя (Кош-Агачский и частично Онгудайский районы) [Тюхтенева, 2009, с. 84–96].

А.И. Наева отмечает, что «*Чага байрам*» («Белый праздник») знаменует наступление нового года, а «*Дьылгайак*» — весны. Однако далее она называет «*Дьылгайак*» древнейшим праздником, также обозначающим Новый год. Автор указывает, что «*Чага байрам*» праздновался «в середине периода зимнего солнцеворота», а «*Дьылгайак*» — со дня весеннего равноденствия [Наева, 2010, с. 241].

А.В. Торбоков убежден, что «*Чага-Байрам*» означает «Праздник Белого месяца» и восходит к монгольскому слову «*цагаан*» (белый). По его мнению, «*Чага-Байрам*» является «буддийским Новым годом» и алтайцы празднуют его вместе с монголами («*Цагаан Сар*»), калмыками («*Цаган Сар*»), бурятами («*Сагаалган*») и тувинцами («*Шагаа*») в январе — феврале. Точная дата его празднования определяется с помощью буддийской астрологии — *зурхай*. Автор считает, что буддийские традиции у алтайцев не прерывались со времен Джунгарского ханства (XVII в.), в состав которого они входили. Однако, поскольку алтайцы одновременно исповедовали буддизм и шаманизм, у них существует также шаманский Новый год — «*Жылгайак*», который наступает в день весеннего равноденствия [Торбоков, 2015, с. 61, 64].

А.А. Конунов также связывает «*Чага байрам*» («Праздник белого месяца») с буддийской традицией и джунгарским наследием, отмечая, что его празднуют в январе — феврале. Он указывает, что в старину «*Чага байрам*» проводили в семейном кругу, в основном в Кош-Агачском районе, а в 1990-е гг. его празднование распространилось и на другие районы республики. «*Жылгайак*» автор называет праздником прихода весны и нового года, который базируется на архаичных народных традициях и наступает в полнолуние месяца «*тулаан*» (март) [Конунов, 2018, с. 316–317].

В коллективной монографии НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова «Обрядность в традиционной культуре алтайцев» констатируется, что сосуществование двух систем исчисления начала года привело к тому, что все три варианта новогодних обрядов, выделенных С.П. Тюхтеновой, претендуют на статус новогоднего праздника. Однако официально этот статус был закреплен за праздником «*Чага байрам*», который распространен и у народов Азии. Проблема с датой его проведения была решена: праздник приурочили к новолунию в конце января — начале февраля. «*Дьылгайак*» в работе рассматривается как календарный праздник, один из вариантов Нового года, сложившийся на базе архаичных народных традиций. Отмечается, что он с 2000-х гг. активно возрождается, но вопрос о дате его проведения остается открытым. Относительно обряда «*юуче чечер*» указывается, что ныне это не самостоятельный праздник, а ритуал праздника «*Дьылгайак*». Также в монографии постулируется, что ареалом «*Чага байрам*» являлись поселения южных алтайцев по р. Чуя (на границе с Монголией и Тувой), а «*Дьылгайак*» — районы расселения северных алтайцев [Обрядность..., 2019, с. 133, 158–160].

Обозначенная в рассмотренной коллективной монографии идея разведения праздников по этническим группам алтайцев была в полной мере реализована в другом труде НИИ алтаистики — «Этнографическом атласе Республики Алтай». В данном атласе «*Чагаа-Байрам*» представлен как новогодний праздник южных алтайцев, а «*Дьылгайак*» — как новогодний праздник северных алтайцев. В работе отмечается, что «*Чагаа-Байрам*» с конца XX в. прошел путь возрождения — от семейно-родового до государственного праздника. В отличие от него другие календарные праздники

² Здесь и далее в кавычках приводятся названия праздников в том написании, которое использовали авторы публикаций.

празднуются на общественных началах. В отношении «Дьылгайак» указывается, что его масштабное празднование было возрождено лишь в начале XXI в. и он проводится в марте с ориентиром на день весеннего равноденствия [Этнографический атлас..., 2022, с. 101, 271–272].

Н.Р. Ойноткинова также описывает два новогодних праздника — «Чага байрам» (Белый праздник) и «Дьылгайак». Она указывает, что «Чага байрам» считается заимствованным у монголоязычных народов, ориентированных на буддизм. Южные алтайцы отмечают его по календарной традиции народов Центральной Азии в конце января — начале февраля. По мнению Н.Р. Ойноткиновой, «Дьылгайак» — это начало Нового года по календарю тюрков Южной Сибири и отмечается как южными, так и северными алтайцами. По нему переход от старого года к новому длится вплоть до первого грома и появления зелени [Ойноткинова, 2022, с. 153, 157–161].

Н.А. Тадина и С.С. Ябыштаев утверждают, что «Чага Байрам» был создан «сверху» правительством республики в 1997 г. Они приводят две версии его появления. По одной из них, праздник предложили чуйские теленгиты, знавшие этот праздник от «буддистских» соседей — монголов и тувинцев. По другой — он был принят в память о вхождении алтайцев в состав Джунгарии. По мнению авторов, февральский «Чага Байрам» является для алтайцев чужим, поскольку в это время божество Алтая и природа «спят» и из-за этого невозможно проводить ритуал испрашивания благополучия. Поэтому алтайцы предлагали альтернативу — «Јылгайак» весной. Однако спорные вопросы были решены региональным законом, официально признавшим «Чага Байрам» новогодним праздником. Авторы утверждают, что несмотря на его введение «сверху» он постепенно включается в этническую культуру алтайцев [Тадина, Ябыштаев, 2023, с. 63–64].

Итак, в рассмотренных работах фиксируется наличие у алтайцев двух новогодних праздников и отмечается их разное происхождение. Практически все исследователи признают, что Чага-Байрам восходит к культуре народов буддийской традиции. Большинство авторов отмечают, что он преимущественно праздновался чуйскими теленгитами. В отличие от него, Дьылгайак связывают с архаичными (шаманскими) традициями всех алтайцев — как южных, так и северных. Лишь в последние годы появился подход, ограничивающий его ареал и представляющий праздник северных алтайцев (пожалуй, без достаточных оснований). В то же время за рамками этих исследований остается вопрос о том, почему в начале 1990-х гг. официальный статус новогоднего праздника был закреплен именно за Чага-Байрамом. Также остается неосвещенным, как начиналось возрождение обоих праздников, кто выступил инициатором и как проходило обсуждение. Данная статья призвана восполнить эти пробелы.

Результаты

Количественный контент-анализ материалов газеты «Алтайдын Чолмоны» за 1989–1993 гг. позволил выявить 30 публикаций, прямо или косвенно затрагивавших проблему возрождения праздников Дьылгайак и Чага-Байрам. Распределение материалов по годам оказалось крайне неравномерным. Так, в 1989 г. тема праздников на страницах газеты полностью отсутствовала. В 1990 г. появились первые упоминания (2 публикации). Начало активных обсуждений пришлось на 1991 г. (4 публикации), а их пик — на 1992 г. (19 публикаций). В 1993 г. интенсивность обсуждения заметно снизилась (5 публикаций). Для реконструкции содержания и динамики polemiki обратимся к качественному анализу газетных материалов по отдельным годам.

1990 год. Впервые тему алтайского Нового года на страницах газеты «Алтайдын Чолмоны» подняла в марте 1990 г. читательница из Кош-Агачского района Н. Малчинова [1990]. Она приветствовала появление в газете материалов об алтайских традициях и поделилась воспоминаниями об обычаях чуйских теленгитов. Н. Малчинова поведала, что в старину празднование Нового года называли словом «чагаалал» (букв. 'праздновать чагаа'. — А. Ч.). По ее данным, Новый год отмечали в начале месяца «чагаа» в четный день. В этот день совершали обряд «сан салар» ('подношения'. — А. Ч.) духу-хозяину Алтая, готовили угощения, принимали гостей и проводили игры. По словам читательницы, так проходил «зимний праздник». В то же время Н. Малчинова сообщала, что с приходом весны, при первых раскатах грома, люди вновь выходили из домов и совершали обряд «сан салар», трижды обходили свой аил по солнцу, брызгали молоком, клали поварешку на верхнюю притолоку двери и молились Кайракану (Богу. — А. Ч.), прося о росте трав, о сытости скота, об избавлении от болезней и о приходе благополучия.

Обратим внимание, что Н. Малчинова не уточнила, какому именно месяцу (январю или февралю) соответствует упоминаемый ею месяц «чагаа». Здесь важно отметить, что редакция газеты с 1 января 1990 г. начала указывать в выходных данных алтайские названия месяцев: январь (*чаган*), февраль (*кочкор*), март (*тулан*) и т.д. И в этом перечне месяц «чагаа» отсутст-

вует. Если допустить, что под «чагаа» Н. Малчинова подразумевала месяц «чаган», то новогодний праздник должен был приходиться на новолуние января. Однако читательница не дала однозначного ответа и оставила вопрос о времени празднования Нового года открытым.

Других публикаций по теме алтайского Нового года в 1990 г. не последовало. Однако в декабрьском номере газеты появился материал, который, хотя и не был напрямую посвящен алтайской традиции, задал важный контекст для ее осмысления и обозначил возможную дату праздника. Речь идет о перепечатанной статье С. Остроумова, посвященной буддистам Бурятии [1990]. В ней освещалась история распространения буддизма в регионе, давалось описание бурятских дацанов, а также проводимых в них служб и праздников. Особое внимание в статье было уделено описанию празднования буддистами Нового года по лунному календарю в феврале.

Примечательно, что статья С. Остроумова была опубликована в то время, когда в алтайском обществе началось обсуждение религиозной идентичности: какую веру исповедуют алтайцы — шаманизм, бурханизм — Ак дьан (Ак жан) или буддизм. При этом приверженцы буддизма активно продвигали идею трактовки бурханизма как ветви буддизма или даже прямо отождествляли его с буддизмом. В этой связи материал о буддийском Новом годе создавал важную смысловую параллель с традицией «чагаалал» у алтайцев. Отныне зимний праздник чуйских теленгитов мог осмысляться не как локальный обычай, шаманский или бурханистский по своей природе, а как аналог буддийского праздника и, шире, как часть большой культурной традиции народов Центральной Азии. Вследствие этого вопрос о дате алтайского Нового года, оставленный Н. Малчиновой открытым, получал возможный ответ: праздник следовало отмечать в феврале, как это принято у бурят и других буддийских народов.

Таким образом, публичная полемика об алтайском Новом годе была инициирована в 1990 г. публикацией о традициях чуйских теленгитов. С этого момента в фокус общественного внимания попали вопросы о территориальной (локальная, общеалтайская или центральноазиатская) и религиозной (шаманская, бурханистская или буддийская) принадлежности традиции «чагаалал», о сосуществовании зимнего и весеннего вариантов новогоднего праздника, а также о дате празднования (январь, февраль или весенние месяцы).

1991 год. В 1991 г. вектор осмысления новогодней традиции, заданный статьей С. Остроумова, получил дальнейшее развитие: фольклорист М. Толбина посвятила теме алтайского Нового года отдельную статью [1991]. Она указала на общность традиции восточных народов праздновать Новый год в феврале, отметив, что этот праздник, называемый у монголов «Цагаан сар», известен также тувинцам и бурятам. По ее мнению, этот праздник бытует и у алтайцев, однако сохраняется на семейном уровне. В качестве примера автор привела традиции Кош-Агачского района, где до сих пор помнят обычай «чагаалал» и проводят обряд «сан салар», в ходе которого обращаются к Алтай-Кудая с просьбами о благополучном годе и достатке в хозяйстве. При этом, говоря о новогоднем празднике алтайцев, она называла его просто «Яны жыл» (Новый год).

Относительно сроков празднования М. Толбина, опираясь на сведения, полученные от пожилых информантов, сообщала, что новогодний праздник можно отмечать в новолуние месяца *тулаан* (март) — со 2-го по 7-й день. Впрочем, она допускала, что в разных местностях Алтая возможны иные вариации. Автор призвала к возрождению праздника и выступила с инициативой придания ему в республике официального статуса нерабочего праздничного дня. По дате празднования, она предложила придерживаться общей даты с народами Востока, отметив, что, к примеру, в текущем году его можно было бы отметить вместе с ними 15 февраля. Желая автор предложила собраться в г. Горно-Алтайске в кафе «Эзем». При этом она предупреждала: празднование не должно превращаться в увеселительное мероприятие — проводить его следует со светлыми мыслями, обращенными к Алтай-Кудая.

Отметим, что статья М. Толбиной сопровождалась примечанием от редакции. В нем сообщалось, что, пока материал готовился к печати, стало известно об организации празднования Нового года в г. Горно-Алтайске 16 февраля 1991 г. в кафе «Эзем» с проведением обряда «сан салар». Редакция приглашала принять участие всех заинтересованных.

В рассмотренной статье М. Толбиной обращает на себя внимание то, что она, подчеркивая общность новогодних традиций алтайцев и народов Центральной Азии, не связывала их с буддизмом. Иной взгляд на природу праздника предложила историк Е. Ямаева. Рассматривая бурханизм как ответвление буддизма, она связала происхождение алтайского Нового года именно с буддийской религией. Поэтому ратуя за возрождение бурханизма, Е. Ямаева выступила и за восстановление праздника, предложив именовать его «Чага-байрам» [1991].

В публикациях рядовых читателей новогодний праздник описывался как сугубо алтайская традиция, без каких-либо отсылок к восточным народам или буддизму. Так, в заметке Т. Темденовой из с. Ело Онгудайского района опровергалось мнение об отсутствии у алтайцев в старину собственных праздников [1991]. В подтверждение своих слов она перечислила несколько традиционных празднеств, среди которых упомянула «Жылгайак» и «Чагаа». Каких-либо разъяснений о сути этих праздников она не представила. Заметка другой читательницы из с. Ело, Ч. Саналовой, была посвящена названиям и характеристике алтайских месяцев [1991]. Она сообщила, что первый месяц в алтайском календаре называется «чаган» (январь) и что на восьмой день его новолуния наступает Новый год. Сам праздник, по ее словам, называется «Чага»: в этот день готовили угощения, ходили в гости, играли и катались с гор.

На основании изложенных материалов можно сказать, что в 1991 г. в обсуждение темы алтайского Нового года включились не только читатели газеты, но и ученые. В этот год традиция «чагаал» перестала рассматриваться как локальная традиция чуйских теленгитов и стала пониматься как общеалтайская, более того — вписанная в буддийский и общевосточный контекст. В этой связи общественное внимание сосредоточилось на зимнем варианте праздника, который еще не обрел устоявшегося названия (Жаңы жыл, Чага, Чагаа, Чага-байрам). Данные о весеннем варианте праздника практически не осмысливались, однако в дискуссии появилось его название — «Жылгайак». Также оставался открытым вопрос о противоречиях в датах празднования Нового года. В этой ситуации проявилась тенденция ориентироваться на дату, принятую у буддийских народов, поэтому первое, «пробное» празднование Чага-Байрама в г. Горно-Алтайске состоялось именно в такую дату.

1992 год. В январе 1992 г. редакция газеты «Алтайдын Чолмоны» опубликовала заметку под названием «Чага байрамга уткый» (Навстречу Чага байраму) [1992]. В ней приводились даты наступления Нового года по лунному календарю на несколько лет вперед. Читателей информировали, что ближайший из них придется на 4 февраля. В заметке прямо и однозначно утверждалось, что алтайцы отмечают этот праздник как «Чага байрам». Редакция также анонсировала, что более подробно о «Чага байраме» будет рассказано в ближайших номерах газеты.

Вскоре на страницах издания появилось несколько материалов, посвященных Чага-Байраму. В одном из них журналист О. Омин сообщал о приближении алтайского Нового года и рассказывал, как его празднуют [1992a]. Он отмечал, что в наши дни «Чага байрам» проводят на Чуе. Ранним утром вся семья, облачившись в алтайскую одежду, отправляется на священное возвышенное место. С собой берут вареное мясо, боорсоки, молочную араку и другие молочные продукты. Остановившись у каменной насыпи — *обоо-таш*, люди становятся лицом на север. Наиболее старший и уважаемый человек совершает обряд «*сан салар*». Присутствующие молятся и восхваляют Алтай-Кудая, просят благополучия для народа и скота, чтобы наступающий год был удачным.

В других материалах также рассказывалось о том, как в старину проводили «Чага байрам». Перед праздником в каждом домохозяйстве наводили порядок, готовили угощения. Среди угощений особое место занимали «*шатра*» — резные фигурки домашних животных из мягкого сыра. Доставали запасы из «*үүче*» — земляной ямы, в которую осенью закладывали мясо. В день праздника молились, совершали обряды «*шүтеен*» (суть обряда не пояснялась. — А. Ч.) и кормления огня, делали подношения божествам, произносили «*алкыши*» ('благопожелания'). Также играли и катались с гор на шкурах [Каштай, 1992; Темденова, 1992; Чага-байрамнын..., 1992].

В то же время единого мнения о дате праздника не было. Так, вопреки мнению редакции, читательница Т. Темденова указывала, что праздник «Чага» наступает в новолуние месяца *чаган* (январь) [1992]. В этой связи журналист О. Омин опубликовал еще одну статью, в которой сосредоточил свое внимание на вопросе даты праздника [1992b]. Он отметил, что по лунному календарю Новый год отмечают со второй половины января до конца февраля, причем в разные годы он наступает в разные числа. Если в прошлом году праздник приходился на 15 февраля, то в этом его дата — 4 февраля, а в следующем — 23 января. Далее автор указывал, что некоторые люди утверждают, будто в старину Новый год праздновали в марте или мае. Однако, по его мнению, весна начинается в феврале, а новогодний праздник символизирует окончание зимы и наступление весны, поэтому он и должен отмечаться в феврале. «Мы все знаем про 21 марта как день весеннего равноденствия», — рассуждал он. — В таком случае, как во время середины весны может наступить новый год? Ни туда, ни сюда». Вместе с тем автор признавал, что у алтайцев существует праздник в честь дня весеннего равноденствия — «Жылгыйак».

О. Омин подчеркивал, что Новый год в феврале отмечают японцы, корейцы, китайцы, тибетцы, монголы, а в нашей стране — калмыки, тувинцы и буряты. Он указывал на этимологию

слова «чага», которое, по его мнению, восходит к монгольскому «сагаан» — 'белый' (сагаан-чаган — 'белый'). Автор заключал, что, видимо, именно поэтому праздник называется «Чага». Задаваясь вопросом, почему белый цвет, он предполагал: вероятно, потому что снег белый, а также потому, что от нового года ожидали счастья, а белый цвет символизирует счастье и светлые помыслы. Журналист также указывал, что ранее «Чага байрам» отмечали последователи бурханизма — Ак дьан, однако развитие праздника прервалось с приходом советской власти: все перешли на григорианский календарь и стали встречать Новый год 1 января. В этой связи он предлагал вернуться к истокам и начать отмечать «Чага байрам» по лунному календарю. О. Омин напоминал, что М. Толбина предложила сделать этот день праздничным и сожалел, что никаких действий в этом направлении не предпринимается.

В дальнейшем во всех публикациях, посвященных Чага-Байраму, ход празднования описывался примерно одинаково, однако противоречия в определении даты сохранялись. Так, этого вопроса коснулись в интервью с известным алтайским сказителем Н.К. Ялатовым [Ойношев, 1992]. Журналист В. Ойношев спросил его о бытующем мнении, что в старину Новый год отмечали весной или летом, когда люди действительно выходили из долгой зимы. Ответ был следующим: такой праздник действительно существует, но его не следует смешивать с «Чага байрамом». Этот праздник отмечают в начале июня, когда люди радуются наступлению лета и тому, что корма для скота становится достаточно. И это праздник окончания года. По всей видимости, Н.К. Ялатов говорил о летнем празднике «Дьажыл бюр», однако почему он назвал его праздником окончания года, из интервью неясно. Вместе с тем очевидно, что новогодним он признавал «Чага байрам», проводимый в феврале.

В отличие от Н.К. Ялатова, читательница из Кош-Агачского района Л. Барбачакова утверждала, что время празднования «Чага» — месяц *тулаан* (март), когда у домашних животных появляется приплод [1992]. При этом в ее описании праздника обращает на себя внимание такая деталь: под изображениями бурханов (буддийские божества. — А. Ч.) следовало класть угощения. Несомненно, этот элемент указывает на связанность праздника «Чага» с буддийской традицией.

Другой читатель из с. Кокоря Кош-Агачского района, М. Баданов, сообщал, что «Чага» — это забываемый праздник, который в других районах и вовсе хорошо не знают [1992]. Поэтому, хотя жители Кош-Агачского района недавно и отметили новогодний праздник «Чага», все делали это в разное время: кто-то в новолуние января, кто-то — в новолуние февраля. По мнению читателя, следовало уточнить дату «Чага» и сделать его всеобщим праздничным днем.

Между тем если в Кош-Агачском районе Чага-Байрам проводился на семейном уровне, то в республике начались и публичные празднования. Из сообщений в газете видно, что в с. Онгудай 4 февраля 1992 г. отметили «Чага байрам». Праздник был проведен по инициативе Б.К. Епишкиной — руководителя онгудайского отделения алтайской общественной организации «Эне-Тил» ('Родной язык') — и ее соратницы Л.В. Санаковой. Руководила мероприятием Р.Е. Очурдяпова, родом из Кош-Агачского района, хорошо знакомая с традициями. Надежды на то, что народ соберется, возлагали небольшие, однако на праздник собралось больше сотни человек. По завершении празднования был создан оргкомитет для проведения «Чага байрама» в следующем году [Чекушев, 1992a, 1992b; Петешева, 1992].

Впоследствии Б.К. Епишкина и Л.В. Санакова провели 23 марта 1992 г. в Онгуде еще один праздник — «Јылгайак». По всей видимости, он состоялся в библиотеке, где трудилась Л.В. Санакова, и представлял собой культурно-просветительское мероприятие. Принимая во внимание, что март связан с женским праздником, собравшиеся обсудили проблемы воспитания детей. Завершилось мероприятие показом кинофильма об экспедиции на гору Белуху, организованной газетой «Алтайдын Чолмоны» [Јылгайак байрам, 1992; Петешева, 1992].

Публикации 1992 г. свидетельствуют об отсутствии терминологической и календарной ясности в отношении алтайских праздников. В разных текстах встречаются как противоречивые, так и сомнительные названия и трактовки. Так, в 1992 г. газета анонсировала проведение праздника «Јылгайак» в селах Майминского района: 21 марта в с. Карасук и 22 марта в с. Усть-Муны [Јылгайакты алкагылаар, 1992]. Однако, судя по комментариям издания, под названием «Јылгайак» фактически подразумевался советский праздник «Проводы зимы» — в сообщении отмечалось, что проводы зимы и встречи весны стали хорошей традицией.

Показателен в этом отношении и перечень праздников, который приводил журналист О. Омин: праздник Нового года — «Чага байрам», сразу два весенних праздника — день весеннего равноденствия «Јылгайак байрам» и праздник завершения весны «Јас чыкканы», несколько

летних праздников — «Алтай көдүрер», «Ўрүс», «Чагыл», «Тенери унчыккан», а также осенний — «Алтай-мүргүүл» [1992с].

Подключившаяся к общественной полемике этнограф С. Тюттенева высказала предположение, что «Чага байрам» отмечался не во всех районах Алтая [1992]. Исходя из этого, она предложила альтернативный вариант — отмечать Новый год в день весеннего равноденствия 22 марта, следуя древнетюркской традиции, согласно которой год обновляется с появлением «көк» (первой травы). При этом, по мнению исследователя, нужно позволить желающим праздновать вместе с монголами, калмыками и бурятами «Цагаан сар» или «Сагаалган», т.е. «Чага», в месяц *кочкор* (февраль). Примечательно, что в тексте этнографа терминология еще не устоялась: она не называет праздник 22 марта словом «Яылгайак», а просто — «Яны жыл» (Новый год), а говоря о «Чага», называет его «Чага-Яылгайак», объединяя оба наименования.

Читатель из Улаганского района С. Куюков также демонстрировал противоречивость в понимании праздничной традиции [1992]. Он писал, что теленгиты в старину отмечали праздник «Чагаа байрам» как начало года, а впоследствии, с христианизацией, стали отмечать «Чагаа байрам» и «Яылгайак» (видимо, понимал его как весенний праздник. — А. Ч.) вместе. Относительно даты «Чагаа байрама» он указывал, что его отмечали в месяц *тулаан* (март).

Материалы 1992 г. демонстрируют, что единого понимания того, какой из двух праздников — Чага-Байрам или Дыылгайак — следует считать новогодним, не было: они фигурировали в разных контекстах, подчас смешиваясь. Однако редакция газеты и часть алтайской интеллигенции сделали выбор в пользу Чага-Байрама, начав продвигать его как алтайский новогодний праздник. В отличие от читателей газеты (преимущественно из Кош-Агачского района), воспринимавших праздник как местную традицию и не имевших единого мнения о его дате, редакция и ее сторонники ориентировались на дату по лунному календарю (февраль), стремясь подчеркнуть связь праздника с восточной (буддийской) традицией. При этом бытование праздника Дыылгайак в старину не отрицалось, однако они считали его лишь весенним праздником, не имеющим отношения к Новому году.

1993 год. В 1993 г. редакция газеты «Алтайдын Чолмоны» продолжила знакомить читателей с Чага-Байрамом. В газете были опубликованы две статьи фольклориста К. Укачиной, посвященные его традициям. Первая из них содержала полевые материалы, собранные в советское время у пожилых информантов [Укачина, 1993а]. В публикации рассказывалось о том, как в старину готовились и проводили праздник, какие угощения готовили, какие игры устраивали и какие *алкыши* произносили. Вторая статья представляла собой репортаж о том, как жители с. Кокоря Кош-Агачского района провели в этом году «Чагаа байрам» [Укачина, 1993б]. В статье подробно описывалось совершение обряда «*сан салар*», приводились тексты благопожеланий, а также рассказывалось о проведенных играх и концерте в сельском клубе. К. Укачина отмечала, что алтайский Новый год связан с ожиданием весны, удлинением дня, согреванием земли солнцем, таянием снега и пробуждением природы.

О том, как жители Кош-Агачского района в старину встречали Новый год по обычаю «*чагаалап*», сообщалось и в публикации читателя Т. Яйтынова [1993]. В ней также описывалось совершение обряда «*сан салар*» и приводились тексты благопожеланий.

Несмотря на то, что редакция газеты стремилась приурочить дату Чага-Байрама к лунному календарю буддийских народов, полевые материалы К. Укачиной демонстрировали, что в прежние времена дата празднования была иной. По сведениям, полученным в 1960–1970-е гг. от жителя с. Кокоря С.Т. Акинова, теленгиты праздновали «Чага» в новолуние месяца *тулаан* (март). По сведениям, полученным в 1981 г. от М. Белеевой из с. Саратан Улаганского района, обычай «*шагаалап*» совершался также в месяц *тулаан*, однако она считала его не мартом, а февралем [Укачина, 1993а].

Современные читатели газеты тоже писали в редакцию письма, в которых высказывали свои сомнения. К. Акчина из с. Саратан Улаганского района утверждала, что, по словам ее бабушки, месяц «*чагаан*» — это не январь (как утвердилось в газете), а февраль. Соответственно, обычай «*чагаалап*» проводили в феврале, январь же был месяцем *кочкор* [1993]. А. Санин из с. Чибилы Улаганского района вовсе представил иной вариант алтайского календаря, в котором не было месяца «*чаган*» [1993].

Анализ материалов 1993 г. показывает, что редакция газеты продолжила поддерживать версию об алтайском Новом годе как Чага-Байраме. Однако, несмотря на стремление редакции синхронизировать новогодний праздник с лунным календарем буддийских народов, полевые материалы и читательские письма свидетельствовали о его привязке к иным календарным ориентирам — чаще к месяцу *тулаан* (март) и фенологическим признакам весны (удлинение дня, пробуждение

природы). Однако редакция не рефлексировала по поводу этих расхождений и не комментировала их. Кроме того, на страницах газеты в этот год отсутствовали публикации о Дьылгайак.

Заключение

Проведенный анализ публикаций в газете «Алтайдын Чолмоны» позволил реконструировать основные линии общественной полемики об исконном алтайском Новом годе и сделать следующие выводы.

В ходе полемики обнаружилось, что народная память сохранила лишь фрагментарные сведения о новогоднем празднике, фиксируя два варианта его проведения — зимний и весенний. Основными носителями знаний о зимней традиции (Чага-Байрам) оказались представители чуйских теленгитов, что позволяет предположить, что в досоветский период данная традиция была распространена преимущественно в этой локальной группе.

На страницах газеты постепенно утвердился приоритет Чага-Байрама как новогоднего праздника. Это произошло благодаря последовательной позиции редакции издания и ее сторонников, ориентировавшихся на синхронизацию с лунным календарем, принятым у народов Центральной Азии (монголов, тувинцев, бурят, калмыков). Этому также способствовала часть алтайской интеллигенции, отождествлявшая бурханизм — Ак дьан с буддизмом и ратовавшая за присоединение алтайцев к буддийскому миру. Они воспринимали Чага-Байрам как буддийский праздник, который следует восстановить.

В то же время в газете особо не акцентировалось, что народы, празднующие Новый год по лунному календарю, исповедуют буддизм. Поэтому читатели, открывавшие для себя Чага-Байрам через газету, не соотносили его с буддийской религией и воспринимали как исконную алтайскую традицию. Однако по мере знакомства с праздником они сталкивались с противоречием: многие пожилые люди помнили, что начало года отмечали весной, а не зимой. Празднование Нового года в январе — феврале, когда еще холодно и природа не пробудилась, вызывало вопросы. Тем не менее редакция проявила упорство, продолжив отстаивать Чага-Байрам в качестве исконного новогоднего праздника, а Дьылгайак представив как весенний праздник.

Сформировавшаяся на страницах «Алтайдын Чолмоны» позиция — признание Чага-Байрама алтайским Новым годом — стала в последующие годы доминирующей на официальном уровне. В 1997 г. «Чага байрам» был признан «народным праздником» Республики Алтай. Дьылгайак, напротив, долгое время оставался в тени официальной праздничной культуры и получил статус «народного праздника» лишь в 2021 г. — как «древний традиционный праздник алтайского народа, символизирующий приход весны (по лунно-солнечному календарю)». При этом за Чага-Байрамом с 2021 г. был закреплён статус «Новый год (по лунно-солнечному календарю)»³.

Вместе с тем полемика о том, какой праздник считать исконным алтайским Новым годом, не завершена. Несмотря на то, что в республике уже много лет в качестве новогоднего отмечается Чага-Байрам, позиции Дьылгайак усиливаются. Вопреки мнению некоторых исследователей, его празднуют не только северные, но и южные алтайцы. Недаром его статус, пусть и в качестве весеннего праздника, был утверждён законом. При этом, вопреки юридическому определению, его отмечают не как весенний, а как новогодний праздник. На этом фоне Чага-Байрам все чаще трактуется как праздник, пришедший от народов, исповедующих буддизм, и не воспринимается в качестве исконной алтайской новогодней традиции. Однако как именно будет развиваться эта тенденция — вопрос будущего, требующий отдельного внимания исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акчина К. Чаган айда — чагаалап... // Алтайдын Чолмоны. 1993. 23 янв.
Баданов М. Жанжыгу болуп улалзын // Алтайдын Чолмоны. 1992. 12 февр.
Барбачакова Л. Чага — Алтайдын ээзи // Алтайдын Чолмоны. 1992. 4 февр.
Каштай В. Шүтеен салгылаган // Алтайдын Чолмоны. 1992. 24 янв.
Конунов А.А. Чага Байрам в системе алтайской календарной обрядности в начале XXI в. (по материалам экспедиций 2017 г.) // Алтай — Западная Сибирь в XIX — начале XX вв.: население, хозяйство, культура: Материалы Всерос. научно-практ. конф., посвященной 160-летию со дня рождения этнографа, экономиста и общественного деятеля С.П. Швецова. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2018. С. 314–322.
Куюков С. Озогызын ойгортолы // Алтайдын Чолмоны. 1992. 16 июля.
Малчинова Н. Теленит жаным // Алтайдын Чолмоны. 1990. 8 марта.

³ Закон Республики Алтай «О праздничных и памятных днях, юбилейных датах в Республике Алтай» № 11-11 от 24.04.2003 (с изменениями на 17.02.2026).

- Наева А.И. Культ огня в календарных народных праздниках и семейно-обрядовой практике алтайцев // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 2 (21). С. 241–243.
- Обрядность в традиционной культуре алтайцев / Отв. ред. Екеев Н.В. Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2019. 704 с.
- Ойноткинова Н.Р. Календарные обряды и праздники алтайцев и телеутов: классификация и общая характеристика // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 153–165. <https://doi.org/10.17223/18137083/80/13>
- Ойношев В. Бүгүн — Яны жыл?! — Эйе, эйе, Чага байрам, оп-куруй, оп-куруй! (Интервью с Н.К. Яла-товым) // Алтайдын Чолмоны. 1992. 4 февр.
- Омин О. Сан салары // Алтайдын Чолмоны. 1992а. 24 янв.
- Омин О. Чага ол — яны жыл, оны кыдаттар, калмыктар, сойондор темдектейт, а бис? // Алтайдын Чолмоны. 1992b. 30 янв.
- Омин О. Яны ойдо — яны байрамдар // Алтайдын Чолмоны. 1992с. 26 февр.
- Остроумов С. Буддисттердин байрамдары // Алтайдын Чолмоны. 1990. 22 дек.
- Петешева С. Байрамчы // Алтайдын Чолмоны. 1992. 16 июня.
- Саналова Ч. Айлар керегинде // Алтайдын Чолмоны. 1991. 16 марта.
- Санин А. Айлардын адын солый // Алтайдын Чолмоны. 1993. 30 марта.
- Тадина Н.А., Ябыштаев С.С. О проблеме сохранения нематериального культурного наследия в Республике Алтай // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2023. Вып. XXIX. С. 60–65. <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2023.29.10>
- Темденова Т. Алтай такыганы // Алтайдын Чолмоны. 1991. 2 марта.
- Темденова Т. Чага байрам // Алтайдын Чолмоны. 1992. 24 янв.
- Толбина М. Яны жыл — ару-чек санаанын байрамы // Алтайдын Чолмоны. 1991. 9 февр.
- Торбоков А.В. Традиционные праздники Республики Алтай // Исторический вестник: Сборник науч. трудов. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2015. Вып. 9. С. 57–69.
- Тюхтенева С. “Калбакчадан жууза – кап...” // Алтайдын Чолмоны. 1992. 6 марта.
- Тюхтенева С.П. Земля. Вода. Хан Алтай: Этническая культура алтайцев в XX веке. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. 169 с.
- Укачина К. Ак чачылгам чачадым, Ару саным саладым // Алтайдын Чолмоны. 1993а. 21 янв.
- Укачина К. Эре-Чуйыс, эрке Алтайыс // Алтайдын Чолмоны. 1993b. 11 марта.
- Чага байрамга уткый // Алтайдын Чолмоны. 1992. 21 янв.
- Чага-байрамнын алкыштары // Алтайдын Чолмоны. 1992. 24 янв.
- Чекушев В. Чага байрамды — бийик кеминде // Алтайдын Чолмоны. 1992а. 6 февр.
- Чекушев В. Сөс лө болуп артпас болбой // Алтайдын Чолмоны. 1992b. 22 февр.
- Этнографический атлас Республики Алтай / Отв. ред. Екеев Н.В. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2022. 462 с.
- Яйтынов Т. «Чак кату, чаазын жука» // Алтайдын Чолмоны. 1993. 3 февр.
- Ямаева Е. Кайыш курлу кайран калыгым // Алтайдын Чолмоны. 1991. 2 апр.
- Жылгайак байрам // Алтайдын Чолмоны. 1992. 24 марта.
- Жылгайакты алкагылаар // Алтайдын Чолмоны. 1992. 20 марта.

Chemchieva A.P.

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, chemchieva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3090-859X>

Dyilgayak or Chaga-Bayram: public debate in Altai in the early 1990s (based on materials from the newspaper *Altaydyng Cholmony*)

Summary. This article reconstructs the public debate on the indigenous Altai New Year celebration, which unfolded on the pages of the newspaper *Altaydyng Cholmony* in the early 1990s. The study aims to delineate the principal axes of discussion regarding the holidays Dyilgayak and Chaga-Bayram, to characterize the positions adopted by various participants, and to trace the dynamics of the debate over time. The research employs both quantitative and qualitative content analysis of publications issued by the newspaper between 1989 and 1993. At the initial stage of the revival of the New Year tradition, popular memory preserved two variants of the holiday: a winter observance (Chaga-Bayram) and a spring observance (Dyilgayak). No consensus existed regarding the appropriate date for the celebration. Due to the consistent position advanced by the newspaper's editorial board and a segment of the Altai intelligentsia — who favoured alignment with the lunar calendar of Buddhist peoples — Chaga-Bayram was accorded priority. In this context, Dyilgayak came to be conceptualized as a spring holiday not associated with the New Year. This stance attained official status later and, for several decades, shaped the positioning of both holidays within the festive calendar of the Altai Republic.

Keywords: New Year, festive tradition, lunar calendar, Shamanism, Burkhanism, Buddhism, content analysis, Altai Republic.

Funding. The research was carried out within the framework of project No. FWZG-2025-0011, research project No. 125021001826-6 “Ethnocultural and Ethnosocial Processes among the Peoples of Siberia and the Far East in the 17th–21st Centuries: Formation and Dynamics”.

REFERENCES

- Ekeev, N.V. (Ed.) (2019). *Ritualism in the traditional culture of the Altai people*. Gorno-Altaysk: NII altaistiki im. S.S. Surazakova. (Rus.).
- Ekeev, N.V. (Ed.) (2022). *Ethnographic Atlas of the Altai Republic*. Gorno-Altaysk: NII altaistiki im. S.S. Surazakova. (Rus.).
- Konunov, A.A. (2018). Chaga Bayram in the system of Altai calendar rites in the early XXI century (based on the materials of expeditions in 2017). In: N.V. Ekeev (Ed.). *Altay — Zapadnaya Sibir' v XIX — nachale XX vv.: naseleniye, khozyaystvo, kul'tura: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 160-letiyu so dnya rozhdeniya etnografa, ekonomista i obshchestvennogo deyatelya S.P. Shvetsova*. Gorno-Altaysk: NII altaistiki im. S.S. Surazakova, 314–322. (Rus.).
- Naeva, A.I. (2010). The cult of fire in calendar folk holidays and family-ritual practices of the Altai people. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, (2), 241–243. (Rus.).
- Oynotkinova, N.R. (2022). Calendar rites and holidays of the Altaians and Teleuts: classification and general characteristics. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, (3), 153–165. (Rus.). <https://doi.org/10.17223/18137083/80/13>
- Tadina, N.A., Yabyshtaev, S.S. (2023). The Problem of Preserving the Intangible Cultural Heritage in the Altai Republic. *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya*, (29), 60–65. (Rus.). <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2023.29.10>
- Torbokov, A.V. (2015). Traditional holidays of the Altai Republic. In: *Istoricheskiy vestnik: Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 9*. Gorno-Altaysk: RIO GAGU, 57–69. (Rus.).
- Tyukhteneva, S.P. (2009). *Earth. Water. Khan Altai: Ethnic culture of the Altai people in the twentieth century*. Élista: Izd-vo KalmGU. (Rus.).

© Чемчиева А.П., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 02.04.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторе: Чемчиева Аржана Петровна, кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

About the author: Chemchieva, Arzhana P., Candidate of Philosophical Sciences, Researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia.

Конев А.Ю.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, aldimoks@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9844-9599>

ТАРХАНСКИЙ СПАС: ЧУДОТВОРНЫЙ ОБРАЗ СИБИРСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Аннотация. Подробно рассмотрен неординарный исторический сюжет: почитание образа Спаса Нерукотворного, возникшее на ранних этапах освоения Западной Сибири в процессе обустройства и защиты пограничного острога. По мнению автора, сюжетная линия предания о явлении иконы была результатом осмысления опыта взаимодействия русских и татар, противостоявших в XVII в. кочевникам евразийских степей. Обращено внимание на роль религиозного мировоззрения и соответствующих практик в реакции русских сибиряков на внешние вызовы различного характера. На основе изучения вновь введенных в научный оборот архивных документов автор пришел к следующим выводам: 1) явленный образ, о котором сообщает устная традиция, вероятно, был утрачен еще до разорения Тарханского острога в 1690 г.; скорее всего, рассказ о его (по)явлении и передаче казакам был отражением в исторической памяти совместных действий татар и русских по преодолению последствий нападения и воссозданию острога с часовней на новом месте; 2) значение чтимого образа Спаса Нерукотворного актуализируется с ликвидацией русского форпоста во второй половине XVIII в., когда вопрос о праве на иконы стал предметом спора между потомками тарханских «годовальщиков» и крестьянским приходом ближайшей к острогу слободы; 3) почитание чудотворной иконы стало основой консолидации приходских общин Покровской слободы и Тюменской Воскресенской церкви, являлось внутренним ресурсом развития этих приходов, созидания и восстановления ими церковных зданий.

Ключевые слова: икона Спаса Нерукотворного, Сибирь, Тарханский острог, жизнестойкость, религиозность, сибирские татары, служилые люди.

Финансирование. Работа выполнена по Госзаданию № FWRZ-2026-0031 рег. карта 126022618031-4.

Цитирование: Конев А.Ю. Тарханский Спас: чудотворный образ сибирского пограничья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 208–220, <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-17>

Введение

Изучение русского продвижения за Урал в XVII–XVIII вв. не теряет своей актуальности. Большой интерес проявляется к истории сибирского пограничья, созданию и функционированию крепостей и оборонительных линий на юге Западной Сибири, их реконструкции [Пузанов, 2010; Конев, 2023; Линии роста..., 2024]. В рамках этой общей тенденции тюменские археологи на протяжении нескольких лет занимаются исследованием Тарханского острога, обнаруженного ими на правом берегу р. Тобол, чуть выше впадения р. Туры [Зах и др., 2021; Зах, Рафикова, 2022; Линии роста..., 2024, с. 342–345]. Коллеги-этнографы обратили внимание на значимый объект сакрального ландшафта рядом с татарской деревней Тарханы — *Спасский остров*. Он связан с почитанием чудотворной иконы Спаса Нерукотворного населением, издавна проживавшим в этом районе, где археологи и обнаружили остатки упомянутого русского форпоста [Лискевич, Черепанов, 2024].

Вокруг Тарханской иконы удивительным образом сходятся разные векторы исследовательского интереса на стыке истории, археологии, религиозведения и социальной антропологии. Само «пограничье» здесь приобретает несколько измерений: военно-оборонительное, этноконфессиональное, цивилизационное, одновременно выступая пространством взаимодействия/диалога и зоной конфликта. Наряду с выяснением новых и уточнением уже известных фактов относительно возникновения Тарханского острога и его обороны интересен культурно-антропологический ракурс соответствующих процессов: как проявлялось в них религиозное мировоззрение и какую роль играли соответствующие практики русских сибиряков, связанные с реакцией на внешние вызовы различного характера. С учетом этого аспекта предпринята попытка подойти к исследованию с позиции концепции *жизнестойкости (resilience/hardiness)*.

Методология и источниковая база

Социальная жизнестойкость зарубежными и отечественными исследователями трактуется как элемент адаптационного потенциала, т.е. как способность приспосабливаться к внешним изменениям, успешно справляться с различными вызовами, в частности противостоять воздействию внешних угроз [Norris et al, 2008; Davidson, 2010; Ненашева, 2023, с. 264–265, 270]. С точки зрения психологии жизнестойкость — это один из важнейших личностных ресурсов, который позволяет

преодолевать трудные (кризисные) жизненные ситуации. Наряду с ним, духовным смыслообразующим человеческим ресурсом, позволяющим справляться с трудностями, экзистенциальная психология и философия рассматривают религиозность [Maddi et al., 2006; Волобуева, Сережко, 2015].

Одно из направлений в изучении религиозности исследует ее как социально-групповой феномен, имеющий особенности у отдельных традиций и конфессий. Так, для исповедующих православие характерны ориентация на внутренние ресурсы развития и осознанная идентификация себя с общиной. Можно согласиться с мнением Н.М. Волобуевой и Т.А. Сережко, что «и в жизнестойкость, и в религиозность органически включена система убеждений и ценностей, относимых к мировоззрению личности» [2015, с. 156]. Таким образом, религиозность может формировать собственную систему установок и определять характер жизнестойкости, придавая ей конфессиональную и этноконфессиональную специфику. Существенная особенность православной религиозности определяется иконопочитанием, которое является одним из догматов веры. Как известно, он был окончательно сформулирован на Седьмом Вселенском соборе в Никее (787 г.). Б.А. Успенский подчеркивает, что русская православная духовность, в отличие даже от греческой, «в существенной степени связана с иконопочитанием как общим принципом осмысления сакральной действительности» [2014, с. 61]. Икона в русской традиции воспринимается человеком как «окно в горный мир», «Евангелие в красках» и материализованное присутствие святого, его защита.

Основу источниковой базы исследования, наряду с летописными и картографическими произведениями С.У. Ремезова [Ремезовская летопись, 2006; Remezov, 1720], публикациями справочного и краеведческого характера XIX в. [Словарь географический..., 1808; Списки..., 1871; Абрамов, 1859; Павлов, 1878], составили ранее не вводившиеся в научный оборот документы из фондов СПбФ АРАН, РГАДА, ГБУТО ГАТО, ГБУТО ГА в г. Тобольске.

Образ Спаса Нерукотворного в иконографической, летописной и устной традиции

Как известно, Христос благоволил отправить плат с чудесным образом отобразившимся на нем божественным ликом к Эдесскому царю Авгарю для исцеления его от болезни. Авгарь богато украсил Нерукотворный образ и поставил его в каменной нише над воротами Эдессы, чтобы всякий входящий в город мог поклониться ему.

Рис. 1. Спас Нерукотворный. Середина XIX в. Неизвестный мастер. Музейный комплекс им. И.Я. Словцова. Тюмень. Изображение из Госкаталога № 44525628.

Fig. 1. The Icon of the Savior. Mid-19th century. Unknown artist. Museum complex named after I.Ya. Slovtsov. Tyumen.

В православной иконописи существует два основных вида изображений Святого Лика: «Спас на убрусе», или «Убрус», и «Спас на черепи», или «Черепи». На иконах типа «Спас на убрусе» изображение лика Иисуса Христа помещено на фоне плата, ткань которого собрана в складки, а верхние концы его завязаны узлами. По нижнему краю проходит кайма. Лик Спасителя — это лицо человека средних лет с тонкими, одухотворенными чертами, с бородой, разделенной надвое, с длинными выющимися на концах волосами, с прямым пробором. Вокруг головы — нимб, как правило золотой (рис. 1). Второй вид представляет изображение лица Иисуса Христа на глиняной доске или черепице, которой было закрыто отображение Его лика на убрусе.

Исследователи отмечают, что в основе ранних сибирских иконографических образов Спаса лежит древнерусская иконописная традиция. Красноярский искусствовед Е.И. Шакленина в качестве примера приводит хоругвь XVII в. из собрания Иркутского музея с изображением с одной стороны Спаса Нерукотворного, с другой — Крещения Господня. Лик Христа на ней отличается суровостью, брови сдвинуты, четкой описью отмечены складки над переносицей. Маленький рот с поджатыми губами придает ему сосредоточенность и некоторую сердитость. Лик размещен на плате с холщовым переплетением. По сторонам плат поддерживают два ангела [Шакленина, 2021, с. 334].

Первые изображения Нерукотворного образа в Сибири появились уже на начальном этапе ее освоения русскими. С большим почитанием к нему относились в казачьей среде. Традиционно его размещали на хоругвях и стягах, призывая и символизируя защиту Господа от врагов во время военных походов.

Спас Нерукотворный играет особую роль в историческом повествовании о Ермаке в «Истории Сибирской» С.У. Ремезова. В тексте к 45 миниатюре сообщается о том, что, столкнувшись с большим отрядом татар под началом Маметкула в низовьях Тобола у Турбы в конце Долгого Яра (крутого высокого берега), казаки были водимы там без потерь явлением образа Спасителя на знамени, которое «самовластно с места и поиде преди вниз по левому берегу Тобола реки. Видевше Ермак и казацы, единодушно за ним погребша по берегу тому». Татары выпустили в казаков множество стрел, но они, «спасении Богом, яко и власу их невреждену бывши, проплы. Егда же проплы, зная само на свое место ста» [Ремезовская летопись, 2006, л. 14] (рис. 2).

Рис. 2. Миниатюра 45 из «Истории Сибирской» С.У. Ремезова.

Fig. 2. Miniature 45 from the "History of Siberia" by S.U. Remezov.

Сюжет этого летописного рассказа, скорее всего, бытовал в XVII столетии у сибирских казаков и был заимствован тобольским сыном боярским. Отмечу при этом, что повествование о знамени с

образом Спасителя и упоминание о Тарханском «заставном Кучумовом городке» в иных сибирских летописях этого времени отсутствуют и встречаются только у С.У. Ремезова. Могла ли эта чудесная история стать одним из источников возникшего позднее предания о явлении иконы Спасителя татарам Тарханской волости? На этот вопрос пока нет определенного ответа. Вместе с тем примечателен текст сноски в заглавной статье первого номера Сибирского вестника: «В Тобольском арсенале хранятся и поныне некоторые вещи от похода Ермака», в их числе достойны внимания «две хоругви, весьма уже ветхие» [1818, с. 14]. Позднее А.И. Сулоцкий, в примечании к очерку М.С. Знаменского, писал, что в Тобольском Софийско-Успенском соборе прежде было немало Ермаковых икон, но многие из них «отправлены были для поднесения государям императорам по случаю восшествия их на престол... а другие розданы в благословение важным лицам» [Знаменский, 1901, с. 44]. В.В. Блажес, комментируя это, отметил: «Ермак оставил иконы, хоругви, знамена: предания об этих вещах, будто бы оставленных Ермаком, бытовали преимущественно в Зауралье» [2002, с. 72].

Итак, можно предположить, что предание о явленной иконе было частью фольклора сибирской служилой среды, а не летописным нарративом церковно-назидательного характера, как полагают Д.Я. Резун и С.Р. Васильевский [1984, с. 247]. При этом сюжетная линия предания (татары отдают икону основателям острога), как они верно заметили, явилась результатом осмысления опыта взаимодействия русских служилых людей и местных татар, оказавшихся в XVII в. по одну сторону в их противостоянии кочевникам степи.

Тарханский Спас в историко-краеведческой, справочной и этнографической литературе

История о явленной в Тарханской волости¹ иконе Спаса Нерукотворного впервые и в своей, если так можно выразиться, канонической версии была изложена в середине XIX в. Н.А. Абрамовым:

«По преданию известно, что эта икона явилась в татарском Тарханском селении на загородке поскутины. Татары, взяв ее оттуда, употребляли как простую доску и чистили на оборотной ее стороне рыбу. Но икона несколько раз терялась и являлась на прежнем своем месте. В 1631 году, когда пришли туда казаки, тогда татары отдали им эту икону в часовню» [1859, с. 31].

Затем у этой истории появлялись различные уточнения и несколько иное изложение событий, что нашло отражение в церковно-приходской летописи Воскресенского (Крестовоздвиженского) храма Тюмени: «со времен покорения Сибири в Тарханских юртах был острожек... русских казаков, у которых была часовня и в числе 14 икон находилась и икона Нерукотворенного образа Спасителя, с которой казаки бывали в военных походах» [ГБУТО ГАТО. Ф. И-103, оп. 1, д. 4, л. 33 об.].

А.И. Сулоцкий, посвятивший специальную работу особо почитаемым иконам Тобольской епархии, заметил, что образ Тарханского Спаса называют явленным «в настоящее время», и сообщает, что эта икона была «устроена складнями», так как служилые люди с ней отправлялись в походы, а священнослужители села Созоновского и слободы Покровской в Петров пост ходили «с молебствиями» до самой Тюмени [2000, с. 183].

В «Списке населенных мест Тобольской губернии», составленном по сведениям конца 1860-х гг., при описании Покровской слободы Тюменского округа, в заметке о чудотворной Тарханской иконе, встречаем следующее изложение интересующего нас исторического сюжета:

«Казаки, придя в 1631 году в юрты Тарханские, лежащие в 12 верстах от слободы, основали острог и часовню, в которую вскоре поставили явленный образ Спасителя; в 1751 году за ветхостью часовни икона перенесена в Покровскую слободу, в 1763 году она была взята в город Тюмень, где и стояла то в Воскресенской церкви, то в тамошнем монастыре, наконец, в 1849 году, по усиленной просьбе жителей, возвращена опять в Покровскую слободу» [Списки..., 1871, с. 24].

В заметках путешествовавшего по рекам Западной Сибири А.А. Павлова юрты, куда казаки принесли икону, в 1631 г. превращаются в «татарский город Тарханы», рядом с которым «Ермак выдержал большое сражение с соединенными силами татарских князей» [1878, с. 26].

Н.А. Лискевич и М.С. Черепанов фиксируют современную версию этой истории, бытующую среди русских, татар и коми Ярковского района Тюменской области, живущих поблизости от мест расположения древнего «заставного городка» (Тархан-кала) и русского острога. Отмечу, что публикация названных исследователей связана с почитанием прежде всего *Тарханского*

¹ Вопрос о существовании тогда в Нижнем Притоболье татарской волости с таким названием нуждается в исследовании. В сохранившихся с 1626 г. сметных и пометных книгах ясачного сбора сведений о ней нет, в исторической и этнографической литературе она также не упоминается. Автор статьи опирается на дело о следствии в отношении татар Тарханской и Лайминской волостей Тобольского уезда, которые осенью 1627 г., будучи «на зверовье», побили и ограбили «колмацких людей» [РГАДА. Ф. 210, оп. 12, стб. 15, л. 1–3].

молельного места. Прочитую изложение только тех полевых записей, которые касаются обстоятельств появления иконы:

«Якобы на этом месте татарские рыбаки нашли икону Спасителя и использовали ее вместо доски для разделки рыбы. В результате икона треснула, краска местами откололась: «на иконе нос обрубленный стал». Наутро рыбаки увидели, что икона восстановилась — «как живая стала». Они несколько раз бросали ее в воду, но икона возвращалась на прежнее место. Об этом рассказали русским. Икону передали в церковь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Покровском; на острове решено было заложить часовню» [Лискевич, Черепанов, 2024, с. 34–46].

Таким образом, эта интерпретация легендарных событий связывает со Спасским островом само явление иконы, которая потом пребывала, со слов информантов, в храме бывшей Покровской слободы, а не была отдана казакам в часовню построенного ими острога, как об этом писали в XIX — начале XX в.

Тарханский острог в XVII в.: мнения историков и свидетельства источников

Сразу оговорюсь, что в задачу настоящей публикации не входит подробный разбор до сих пор невыясненного вопроса о дате основания острога и первых десятилетиях его существования. Он требует дополнительного изучения. Лишь кратко поясню, почему я склонен больше доверять принятой в историографии XIX в. датировке его возникновения, а не той, что была предложена Д.Я. Резуном и Р.С. Васильевским [1984, с. 246] и без должной критики поддержана в работах современных исследователей [Пузанов, 2010, с. 302; Зах и др., 2021, с. 119; Линии роста..., 2024, с. 342]. Особое внимание будет уделено разорению острога Казачей Ордой в конце XVII в., после чего он был возобновлен уже в ином месте, а не там, где первоначально находился.

В «Словаре географическом» Афанасия Щекатова, изданном в начале XIX в., была помещена небольшая статья о Тарханском остроге, из которой узнаем, что местонахождение его, к тому времени ликвидированного, относилось уже к территории Ялutorовского уезда на правом берегу Тобола в трех верстах выше устья Туры, назван он был так по имени «татарского Тархана», а построен в 1631 г., «как для сбора с живущих вверх по Тоболу татар, так и для обороны тамошних мест от нападения калмыков». Далее в тексте статьи следует важное уточнение: «стоял сперва при речке Тап, впадающей близко острога в Тобол», поэтому иногда «в просторечии» назывался Таповским [1808, стб. 77–78]. Очевидно, что автор пользовался не только «Описанием Сибирского царства» Г.Ф. Миллера, но картами империи XVIII в. и иными историческими документами, ссылок при этом на источники не приведено.

К 1631 г. относит возникновение Тарханского острога П.А. Словцов [1886, с. 11]. Этой же датировки, что следует из приведенной ранее цитаты о чудотворной иконе Спаса, придерживался и Н.А. Абрамов, работавший со старыми делами Тобольского и Тюменского архивов, часть из которых была позднее утрачена. На что опирались новосибирские историки, утверждая, что «Тарханский острог основан в 1628 г. на Тоболе», откуда ими взяты сведения о месте его основания, особенностях его укреплений, о разорительном нападении в 1689 г. и постройке нового острога в 1696 г., из их публикации не ясно. Ссылки на источники информации авторами не даны [Резун, Васильевский, 1984, с. 246–247]. Поэтому приведенная ими «фактография» требовала проверки по первоисточникам.

Между тем место первоначального расположения Тарханского острога указано в «Хорографической книге» С.У. Ремезова. На соответствующем листе с изображением части реки Тобол при впадении в него Туры, немного восточнее стоявшего на берегу Тобола нового острога, у левого берега реки Тап выше устья есть надпись: «Старой был острог» [Remezov, 1720, f. 15] (рис. 3). Замечу, что сведения, приводимые А. Щекатовым о Тарханском остроге (старом и новом), хорошо коррелируют с этой картографической информацией рубежа XVII–XVIII вв. Если сопоставить с современной топографией этот конкретный участок местности, то расстояние по прямой между прежним нахождением форпоста² и новым (*Спасский остров*) — примерно 1,5 км.

Согласно сообщению Сибирского летописного свода, «во 198-м [1690] году августа против второго числа в ночи пришли безвестно воинские люди Казачьи Орды и разорили Тарханской острог» [ПСРЛ, 1987, с. 230]. Набег этот был настолько стремительным и организованным, что малочисленный тогда гарнизон годовальщиков не смог оказать серьезного сопротивления. Вот

² Место старого острога на чертеже С.У. Ремезова можно соотнести с территорией у д. Юртобор (Карагай авыл) в Яркском районе Тюменской области.

Тарханский Спас: чудотворный образ сибирского пограничья

что рассказал об этом в Тобольской приказной палате раненый, попавший в плен и затем чудом спасшийся приказчик разоренного острога тобольский казак Степан Ранчковский:

«...августа 4 числа пришли внезапно под Тарханской острог воинские люди с пять сот человек и острог обступали и задние ворота вырубили топорами и учили по нем, Степану и по служилым людям, теми вырубленными вороты и иными полым местами стрелять ис пищалей и луков. И служилых людей в то время было в остроге с ним, Степаном, восемь человек. ...И в то-де время у него, Степана, воинские люди пострелили левую руку, да дву человек тюменских служилых людей ранили, и служилые-де люди из острога розбежались, и те-де воинские люди в острог воротами вошли» [СПбФ АРАН. Ф. 21, оп. 4, д. 12, л. 287].

Рис. 3. Фрагмент листа 15 из «Хорографической книги» С.У. Ремезова с обозначением мест расположения старого (серая стрелка) и вновь построенного (светлая стрелка) Тарханского острога.

Fig. 3. Fragment of sheet 15 from the "Chorograficheskaya kniga" by S.U. Remezov with the designation of the locations of the old (gray arrow) and newly built (light arrow) Tarkhan fortress.

В своем доезде, поданном тюменскому воеводе Д.И. Полуэктову, отправленный в Тарханы «по первым вестям» с казаками и юртовскими татарами для «подлинного проведывания» тюменский сын боярский Василий Некрасов сообщил следующее:

«и по осмотру Тарханской-де острог, и башня, и часовня, и караульня, и порох, и свинец создено, а пищаль одна, медная, ростопилась, другая, железная, пищаль цела... Да те же-де воинские люди около того Тарханского острога воевали, в пяти местех юрты и татар побили, а иные взяты были в полон» [Там же, д. 9, л. 131].

Сопоставление летописного текста со свидетельствами участников трагических событий и очевидцев их последствий выявляет незначительные расхождения относительно дня нападения и процесса преследования нападавших. При этом в летописном своде информация дана весьма сжато, а документы приказного делопроизводства, напротив, содержат очень подробные, развернутые сообщения. Для нашего же исследования важно отметить, что в этих источниках ничего не сказано о судьбе икон из острожной часовни.

Судя по всему, находившиеся там святые образа и другие вещи не были вынесены спасающимися бегством служилыми людьми. В случае спасения почитаемой иконы Степан Ранчковский и Василий Некрасов не умолчали бы об этом факте. Однако и о гибели ее ни прежний приказчик, ни посланный для «проведывания» тюменский сын боярский не упоминают. Возможно, что икона (или ее список) могла быть утрачена ранее. Ведь приход «воинских людей» к этому укрепленному пункту был далеко не первым и не впервые, по словам «годовальщиков», его жгли неприятели. Нападение в августе 1690 г. произошло после Петрова поста (закончился тогда 11 июля) и до начала Успенского поста, поэтому предположение, что икона могла находиться у жителей соседней Покровской слободы для обхода крестным ходом прилегающих селений тоже не имеет достаточных оснований.

Новый острог, по просьбе тюменских стрельцов и казаков и по памяти, данной в июле 1691 г. приказчику Ивану Панютину тобольским воеводой боярином С.И. Салтыковым, решено было строить в более безопасном и удобном месте: «над Тоболом рекою на перевозе, на чистом яр-ку», от старого острожного места «в *восми ста сажнях*»³ (выделено мною. — А. К.)» [Там же, д. 12, л. 294]. Эти данные подтверждают корректность упомянутых выше сведений «Хорографической книги». К строительству приступили в то же лето, а не спустя пять лет. Тобольские администраторы, обосновывая необходимость немедленного возведения крепости, ссылались на челобитье «Тарханского разных волостей ясашных татаровя... что им без острогу и служилых людей нынешним осенним временем от воинских людей жить опасно». Примечательно, что лес для острожного строения по этому челобитью было поручено заготовить и привезти самим тарханским татарам [Там же, д. 9, л. 133–133 об.].

Таким образом, приведенная информация свидетельствует о том, что на Спасском острове, рядом с татарскими юртами⁴, укрепленный русский форпост с часовней появился летом — осенью 1691 г. Замечу, что предание о Тарханском Спасе не указывает определенно, где возник первый острог, но однозначно связывает чудесное явление иконы с местом строительства нового.

Вовлеченность татарского населения в события, вызванные нападением степняков в 1690 г. (гибель и пленение нескольких десятков человек, участие в восстановлении острога) способствовала солидарности с тобольскими и тюменскими служилыми людьми и, возможно, уважительному отношению к религиозности русских и их иконопочитанию. Если предположить, что именно тогда местные жители и принесли оказавшуюся у них икону стрельцам и казакам, строившим новое укрепление с часовней, становится понятной четкая территориальная привязка явления Спаса — Тарханские юрты. При этом отсылка к 1631 г. обозначает точку отсчета присутствия русского гарнизона в этой части Нижнего Приоболья, являясь темпоральным преломлением локальной исторической памяти.

Прочитывая историю явления образа Спаса Нерукотворного с позиции русских, обнаруживаем явственное указание на знак свыше, где строить новый острог — там, где была найдена/явлена икона. Знак этот дается через живших рядом с устьем Тапа тарханских татар. Интересно, что и сами они после набега Казачей Орды стали искать другое место для своих жилищ. Иван Панютин сообщал в Тобольск: «а татары с своих старых мест юртами перевозятся и живут на Нижнем Карбане, от [бывшего] острогу отъезжают версты по три»⁵, селятца» [Там же, д. 12, л. 293]. Прослеживается в предании и мотив дара — возмещение утраты Спасителя образа, оберегающего русских казаков, которые защищают находившихся здесь ясачных людей.

В 1763 г. потомки строивших острог и те, кто «годовали» там, сообщали, что иконы для Тарханской часовни «написаны и окладами украшены их дедами и отцами и ими, тюменскими детьми боярскими и казаками и служилыми людьми, своим кочтом»⁶ [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156, оп. 1, д. 2400, л. 3]. Следует обратить внимание на скрытую отсылку в этом сообщении к событиям уже после 1690 г. Теперь нам известно, что тюменские казаки строили вместе с татарами острог уже на новом месте, на берегу Тобола. Изначально же Тарханский форпост, стоявший на Тапе, находился в ведении тобольских воевод, строили его, судя по всему, тобольские служилые люди, и они первое время несли там службу. Слова тюменских «служилых» относительно «написания и украшения» икон следует понимать так, что они за свой счет заказывали новые иконы и оклады у иконников, мастеров-серебряников, чеканщиков и ювелиров, работавших на заказ. В Тюмени были известны представители династии иконника Спиридона, выходца из Устюга Великого, создавшего в первой четверти XVII в. особо почитаемую и ныне икону Знамения Богородицы.

В дальнейшей судьбе Тарханского острога представляют интерес два момента: изъятие икон из острожной часовни и его ликвидация, обстоятельства которой были до сих пор неизвестны. Эти сюжеты будут рассмотрены в контексте истории перемещений Тарханского Спаса из Покровской слободы в Тюмень, по тюменским храмам и обратно в слободу во второй половине XVIII — XIX в.

³ 800 так называемых *казенных саженьей* это 1728 м, т.е. чуть более 1,7 км. В упомянутой выше публикации Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского ошибочно указано 8 саженьей. Причина этой ошибки кроется, судя по всему, в том, что они ориентировались на некорректно составленный заголовок к этому документу из фонда Г.Ф. Миллера в РГАДА, а не на сам документ, хранящийся в СПбФ АРАН.

⁴ С.У. Ремезов обозначает эти юрты как «Ижбердеевы» и «Сеиткуловы» [Remezov, 1720, f. 15] (рис. 4). Тарханские юрты, которые упоминаются в источниках и литературе XIX в., появились позднее на месте этих или ближе к острогу и получили это наименование, скорее всего, уже после его упразднения.

⁵ 3 версты — порядка 3,2 км.

⁶ Кошт (устар.) — расходы, издержки.

Путешествие чудотворной иконы в пространстве и времени

А.И. Сулоцкий, опираясь на публикацию в Тобольских губернских ведомостях Г.А. Варлакова и дела консисторского архива, подробно изложил обстоятельства того, как по «объявлению» проезжавшего в 1748 г. через Тарханы исетского священника Меркурия Соколова и распоряжению в январе 1751 г. митрополита Сильвестра 14 икон, книги, облачение и колокол из Тарханской часовни были перенесены в Покровскую церковь. Об этом же сообщает и уже упомянутая церковно-приходская летопись. Подозрение отца Меркурия, что часовня раскольническая, оказалось ошибочными. Выяснилось, что в ней периодически служат молебны два православных священника из Созоновской и Покровской слобод, когда в «летнюю пору приходят с прихожанами и уносят икону Спасителя для ее ношения по своим селениям и полям» [Сулоцкий, 2000, с. 184–185; ГБУТО ГАТО. Ф. И-103, оп. 1, д. 4, л. 33 об.].

Далее приводится приложенный к указу из Тобольской духовной консистории от 29 сентября 1763 г. текст «*Реестра святым образам, отобранным из Тарханского острожка*», которые были в 1751 г. переданы в слободскую церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Первой в реестре указана чудотворная икона [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156, оп. 1, д. 2400, л. 16 об.–17].

- «1. Образ Спасителей створной, оклад и ризы серебряные под золотом, пелена красная ветхая.
2. Распятие Христово на кресте местное.
3. Крест благословенный в круге, обложен серебром под золотом.
4. Образ Воскресения Христова, по полям оклад серебряный под золотом, пелена парчевая шелковая.
5. Образ Знамения Пречистыя Богородицы, по полям оклад серебряный под золотом.
6. Образ Первоверховных апостолов Петра и Павла, по полям оклад серебряной под золотом и пять венцов з гривнами.
7. Образ Николая Чудотворца з житием, венец, гривна и риза серебряные под золотом, пелена зеленая.
8. Образ в то ж Николая Чудотворца имянование, венец и гривна серебряные, а вокруг его оклад медной.
9. Образ трех святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, три венца з гривнами вкруг, оклад серебряный под золотом, пелена камчатая.
10. Образ Сергия Радонежского Чудотворца, по полям оклад серебряный под золотом.
11. Образ Михаила Архангела местной.
12. Образ Флора и Лавра.
13. Образ Власия, пять венцов з гривнами серебряными под золотом, пелена камчатая ветхая.
14. Образ Иоанна Богослова, венец, гривна и оклад серебряные, штилистовой.
15. Колокол в тридцать пять фунтов».

Перенос икон и утвари вызвал бурную реакцию командира острога — Владимира Тонких, который в это время, в январе, был со своими казаками в Тюмени на смотре и не знал о том, что произошло. По его инициативе казаки и местная воеводская канцелярия, в ведении которой они находились, «завели дело» и просили разъяснить приказчика архиерейской Покровской слободы Изуграрова, почему он произвел изъятие без их согласия [ГБУТО ГАТО. Ф. И-103, оп. 1, д. 4, л. 33 об.–34].

А.И. Сулоцкий, комментируя эти события, обратил внимание на два момента. Во-первых, иконы из часовни были помещены в Покровскую церковь не потому, что часовня была приписана к этому храму (как считал Н.А. Абрамов), а потому, что она была ближайшей к нему. Во-вторых, образ Спаса был перенесен в эту церковь на срок, где эта икона была «для некоего винословия⁷ поставлена», а не передана в собственность прихода. Митрополит, в надежде на обращение в будущем татар в православие, не исключал, что в Тарханах мог быть впоследствии построен храм и в него отдана святыня острожной часовни. Поэтому он отказал в 1753 г. прихожанам сгоревшего со всей утварью Тюменской Спасской церкви, просивших дать им чудотворный образ вместе со сборной книгой⁸, предписав: «пусть новый образ Спасителей напишут» [Сулоцкий, 2000, с. 185–187].

Н.А. Абрамов сам факт возникшего спора по поводу принадлежности иконы тому или иному приходу рассматривает как существенный довод в пользу того, что она явленная:

«...что эта святая икона есть явленная — доказывается также теми их приговорами, общим с издревле особенным благоговением к ней тюменцев и окрестных христианских селений,— самым спором об усваивании ее воскресенскими и покровскими прихожанами и наконец почитанием этой иконы Спасителя даже татарами селений Тарханского, Карбанского и Боровского» [1859, с. 32–33].

Спор, о котором писал Н.А. Абрамов и подробно рассмотрел А.И. Сулоцкий, тянулся между Покровской слободой и Воскресенским приходом не одно десятилетие. Каждая из сторон нахо-

⁷ То есть в связи с конкретной причиной, в силу определенных доводов.

⁸ Особая книга для записи сбора пожертвований на восстановление храма.

дила веские, как им казалось, доводы в свою пользу. Одним из таковых было утверждение, что просители и их предки имели отношение к «написанию» и «украшению» тарханских икон, другим — что иконы находятся в церкви оппонентов не на почетном месте, стоят «на полке». Как правило, просьбы о передаче чудотворного образа начинались в связи с необходимостью привлечения паломников и сбора средств на восстановление ветхого или пострадавшего от пожара храма, строительство нового. Борьба за право на иконы из Тарханского острога способствовала консолидации приходских общин, а попеременное нахождение святых образов в Покровской и Градо-Тюменской Воскресенской церквях становилось важным фактором восстановления храмов.

Не имея возможности подробнее остановиться на всех связанных с чудотворной иконой Спаса Нерукотворного (Тарханского) исторических событиях, ее перемещениях, я свел наиболее существенные из них в краткий перечень⁹, который приводится далее. Он не исчерпывающий и может дополняться и уточняться в дальнейшем.

1631 год — передача явленного в юртах Тарханской волости Образа Нерукотворного Спаса в часовню Тарханского острога.

1690 год — нападение на Тарханский острог Казачей Орды и уничтожение его и часовни в нем. Последующая постройка острога с часовней на новом месте у Тобола «на чистом яру» в 800 саженьях от прежнего.

1751 год — перенос по распоряжению митрополита Тобольского и Сибирского Сильвестра (Гловацкого) образа Спаса Нерукотворного с другими 13-тью иконами из часовни Тарханского острога в церковь Покровской слободы. Безуспешная попытка казаков Тарханского острога вернуть их в свою часовню.

1753 год — пожар в Спасской церкви в Тюмени и просьба его прихода дать им Тарханский образ Спасителя. Отказ митрополита Тобольского и Сибирского Сильвестра (Гловацкого) с указанием приходу написать «новый Спасителев образ».

1761 год — ликвидация Тарханского острога. Передача обнаруженной в его часовне иконы (заместительницы?) Спаса Нерукотворного сыном боярским Федором Текутьевым в Тюменский Благовещенский собор.

1763 год — приговоры на имя митрополита Тобольского и Сибирского Павла (Конюсевича) от прихожан строящейся Воскресенской и Спасской церквей передать им из слободской церкви Покрова Пресвяты Богородицы 14 икон с чудотворным образом Спаса Нерукотворного. Предпочтение было отдано небогатому приходу Воскресенской церкви, куда 12 октября иконы были торжественным образом перенесены из Покровской церкви.

1768 год — просьба прихожан церкви Покровской слободы через комиссара Ивана Касьяновского, передать им Спасителев образ для нужд при постройке новой церкви вместо старой.

1770 год — разрешение епископом Тобольским и Сибирским Варлаамом (Петровым) возвратить икону Тарханского Спаса Нерукотворного приходу Покровской церкви «до совершенного ее исправления». Встречная просьба прихода Воскресенского храма Тюмени оставить икону у них навсегда. Распоряжение Тобольской консистории в целях прекращения споров передать иконы на время в Свято-Троицкий монастырь, но фактически иконы остаются в Воскресенской церкви.

1774 год — пожар в начале января в деревянной Воскресенской церкви и передача всех тарханских икон в Свято-Троицкий монастырь. Закладка в июле 1775 г. каменной церкви взамен сгоревшей.

1791 год — завершение строительства каменного Воскресенского (с 1845 г. — Крестовоздвиженского) храма в Тюмени и возвращение туда 14 тарханских икон, внесение их в опись имущества церкви.

1849 год — после усиленной просьбы прихожан Покровской слободы, приняв во внимание, что икона когда-то находилась там и что юрты Тарханские отстоят от слободы всего в 12 верстах, епархиальное начальство распорядилось образ Тарханского Спаса перенести из Тюмени в церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что и было сделано.

Детальное описание внешнего вида почитаемой створной иконы Спасителя из Тархан обнаружено в описи церковного имущества Воскресенского храма от 1 июля 1808 г. Отмечу, что в этой церкви тогда было уже несколько икон типа «убрус»: в алтаре на «горнем месте», выполненная на «троечетвертовой дске» и украшенная серебряной ризой; в трапезной — на аршинной доске; в паперти лик Спасителя на аршинной доске с предстоящими (приписными) святыми Прокопием и Антипою [ГБУТО ГАТО. Ф. И-103, оп. 1, д. 4, л. 7–7 об., 8 об.]. Наконец, в приделе Николая Чудотворца в местном ряду иконостаса в первом ставе находился тот самый, Тарханский:

«Нерукотворенный Спасителев образ на троечетвертовой дске, венец, гривна и поля сребренныя с позолотою, при нем на створах с правой образ Богоматери, с левой сторон Иоанн Предтеча, венцы, ризы и поля сребренныя с позолотой, на венце у Спасителя три камни простые» [Там же, л. 9 об.].

⁹ Составлен по: [СПбФ АРАН. Ф. 21, оп. 4, д. 9, л. 131–134, д. 12, л. 287–294; ГБУТО ГАТО. Ф. И-47, оп. 1, д. 448, л. 6, 18–18 об. Ф. И-103, оп. 1, д. 4, л. 33 об.–34; ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156, оп. 1, д. 2400; Словарь географический..., 1808, ст. 77–78].

Возникает вопрос, существовала ли икона-заместительница¹⁰ почитаемого Спаса Нерукотворного? Знакомство с материалами, связанными с упразднением Тарханского форпоста, дает основание полагать, что возможно. В январе 1761 г. после обращения татар Тобольского подгородного дистрикта Тарханской и Кошутской волостей Чикчинских и Маныматских юрт о поправке обветшавшего острога было принято решение за ненадобностью его ликвидировать. Для осмотра строений и имущества в мае того же года из Тюмени был отправлен сын боярский Федор Текутьев. В составленной им описи помимо прочего значилось, что в деревянной ветхой острожной часовне «один Спасителев образ на четвертной цке, на красках, без окладу», образ этот «писан на полотне, ветхой». В сентябре Ф. Текутьев, согласно данному ему распоряжению икону «привести и поставить в городе Тюмени в соборной церкви», передал ее священнику Благовещенского собора, тюменскому заказчику Макарию Земляницину [ГБУТО ГАТО. Ф. И-47, оп. 1, д. 448, л. 3, 6, 18–18 об.]. Как видим, история Тарханского Спаса, в отличие от истории острога, здесь не заканчивается, а получает новый поворот.

Рис. 4. Спас Нерукотворный с приписными святыми. XVII в.(?). Неизвестный мастер. Музейный комплекс им. И.Я. Словцова. Тюмень. Изображение из Госкаталога № 51676725.

Fig. 4. The Icon of the Savior with Standing Saints. 17-th century (?). Unknown artist. Museum complex named after I.Ya. Slotsov. Tyumen.

Подводя итоги, отмечу, что сложившаяся в условиях противостояния внешним угрозам и катаклизмам кооперация усилий русских служилых людей и сибирских татар нашла отражение в исторической памяти как предание о явлении почитаемой русскими воинами иконе, ставшей

¹⁰ Копия чудотворной иконы, созданная для замены оригинала, когда тот путешествует, находится на реставрации или перенесен.

духовной опорой и символом жизнестойкости населения Западно-Сибирского пограничья. Значение чтимого образа Спаса Нерукотворного после упразднения острога актуализируется, вопрос о праве на иконы становится предметом спора между потомками тарханских «годовальщиков» и крестьянским приходом Покровской слободы. Соперничество приходских общин, заявлявших права на Тарханский Спас, было следствием особого отношения православных русских к иконам как материализованному присутствию святых и их защите, а также проявлением чувства сопричастности потомков сибирских старожилов к начальным этапам освоения региона. Почитание чудотворной иконы являлось важным ресурсом развития этих приходов, их консолидации в период строительства и восстановления церковных зданий. Существенным результатом исследования стало обнаружение и введение в научный оборот новых источников и фактов из истории Нижнего Притоболья, его обороны и интеграции в состав Русского государства.

Благодарности. Автор благодарит своих коллег к.и.н. В.Н. Адаева, к.и.н. Н.А. Лискевич и А.Х. Машапову за консультации и замечания, полученные им при написании статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блажес В.В.* Фольклор Урала: Народная история о Ермаке (исследование и тексты). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. 185 с.
- Волобуева Н.М., Сережко Т.А.* Жизнестойкость и религиозность как ресурсы современного человека в трудных жизненных ситуациях // Научные ведомости. Сер. Гуманитар. науки. 2015. № 24 (221). Вып. 28. С. 151–158.
- Зах В.А., Рафикова Т.Н.* Тарханский острог и окрестные татары в конце XVII — начале XVIII веков: по документам из писцовых книг и картографии С.У. Ремезова // Науч. диалог. 2022. Т. 11. № 5. С. 426–444. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-426-444>
- Зах В.А., Цембалюк С.И., Сидорова Е.В., Юдакова В.С.* Тарханский острог XVII–XVIII вв.: Направления поиска и начало исследований // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 119–132. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-10>
- Знаменский М.С.* Исторические окрестности города Тобольска. Тюмень: Изд. А.А. Крылова, 1901. 66 с.
- Конев А.Ю.* Историографические и методологические грани сибирского «фронтира» // Исторический вестник. 2023. Т. 44. С. 270–285. <https://doi.org/10.35549/HR.2023.2023.44.009>
- Линии роста: Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв.* Приуралье, Сибирь и Дальний Восток. М.: Кучково поле: Музеон, 2024. 424 с.
- Лискевич, Н.А., Черепанов М.С.* «Спасский остров» в поле сакрального ландшафта и межконфессионального взаимодействия Нижнего Притоболья // Технологос. 2024. № 1. С. 34–46. <https://doi.org/10.15593/pem.kipf/2024.1.03>
- Ненашева М.В.* Жизнестойкость арктических сообществ: концепция, методология и направления исследований // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 262–273. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.262>
- Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVII — XVIII в.). СПб.: Алетей, 2010. 432 с.
- Резун Д.Я., Васильевский Р.С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 304 с.
- Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886. Кн. 1. 326 с.
- Сулоцкий А.И.* Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии // Сочинения: В 3 т. Т. 1. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. С. 85–261.
- Успенский Б.А.* Русская духовность и иконопочитание // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. М.; СПб: Нестор-История, 2014. Вып. 3. С. 38–71.
- Шакленина Е.И.* Образ Спаса Нерукотворного в прииерейской иконописи XVIII — начала XX века // Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа: XXI Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения. Красноярск: Вост. Сибирь, 2021. С. 332–343.
- Davidson D.J.* The applicability of the concept of resilience to social systems: Some sources of optimism and nagging doubts // Society and Natural Resources. 2010. No. 23. P. 1135–1149. <https://doi.org/10.1080/08941921003652940>
- Maddi S.R., Brow M., Khoshaba D.M., Vaitkus M.* The relationship of hardiness and religiosity in depression and anger // Consulting Psychology Journal. 2006. Vol. 58. P. 148–161. <https://doi.org/10.1037/1065-9293.58.3.148>
- Norris F.N., Stevens S.P., Pfefferbaum B., Wyche K.F., Pfefferbaum R.L.* Community resilience as a metaphor, theory, set of capacities and strategy for disaster readiness // American Journal of Community Psychology. 2008. Vol. 41. Iss. 1–2. P. 127–150. <https://doi.org/10.1007/s10464-007-9156-6>

ИСТОЧНИКИ

- ГБУТО ГАТО — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 448; Ф. И-103. Оп. 1. Д. 4.
- ГБУТО ГА в г. Тобольске — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске». Ф. И156. Оп. 1. Д. 2400.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 15.
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 9, 12.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 382 с.

Ремезовская летопись. Коллекционное изд. Т. 1 / Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев; РНБ (Санкт-Петербург). Тобольск: Общественный благотворительный фонд Возрождение Тобольска, 2006. 42 л.

Абрамов Н.А. Древний явленный образ Нерукотворенного Спасителя, называющийся Тарханским // Тоб. губ. ведомости. 1859. № 4. Часть неофиц. С. 31–33.

Павлов А.А. 3000 верст по рекам Западной Сибири: Очерки и заметки. Тюмень: Изд. И.И. Игнатова, 1878. 164 с.

Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. 1818. Ч. 1. С. 1–38.

Словарь географический Российского государства, собранный Афанасием Щекатовым. Ч. 6. М.: Вольная тип. Федора Любиа, 1808. 798 стб.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. [Вып.] LX. Тобольская губерния: Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов / Обраб. ред. В. Зверинским. СПб., 1871. 196 с.

Remezov S.U. (1720). Chorograficheskaya kniga [Cartographical sketch-book of Siberia]. 1642-ca. [Electronic resource] f. 15, (seq. 30). Cambridge, Mass: Harvard University. <https://nrs.lib.harvard.edu/URN-3:FHCL.HOUGH:4435676:VIEW?n=30> (дата обращения: 29.04.2026)

Konev A.Yu.

Tyumen Scientific Centre SB RAS, aldimoks@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9844-9599>

Tarkhansky Spas: a miraculous icon of the Siberian borderland

Summary. The article examines a notable historical narrative — the veneration of the icon of the Not-Made-by-Hands Savior — which emerged in the early period of Western Siberia's exploration, concurrent with the establishment and defence of the border fortification. It is argued that the plotline of the legend concerning the appearance of the icon encapsulates the interpretation of the interaction between Russians and Tatars, who faced the nomadic groups of the Eurasian steppes in the 17th century. Particular attention is given to the role of religious worldview and associated practices in shaping the responses of the Russian population of Siberia to various external challenges. Based on the analysis of newly introduced archival documents, the following conclusions are drawn: 1) The revealed icon, whose existence is attested in oral tradition, was likely lost even prior to the destruction of the Tarkhansky fort in 1690. The accounts of its (re)appearance and transmission to the Cossacks reflect the historical memory of collaborative efforts by Tatars and Russians to overcome the consequences of the attack and to reconstruct the fort with a chapel at a new location. 2) The significance of the venerated Icon of the Savior became more pronounced following the dissolution of the Russian outpost in the second half of the 18th century, when the right to have icons turned into a subject of dispute between the descendants of the Tarkhansky *godovalschiki* and the peasant parish of the nearest settlement to the fort. 3) The veneration of the miraculous icon served as a foundational element for the consolidation of the parish communities of the Pokrovskaya settlement and the Tyumen Church of the Resurrection. It functioned as an internal resource that supported the development of these parishes and facilitated their efforts in the construction and restoration of church buildings.

Keywords: the Holy Face of Jesus / Icon of the Savior, Siberia, Tarkhan fortress, resilience, religiosity, Siberian Tatars, Cossacks.

Funding. The work was done according to the state order FWRZ-2026-0031, registration card 126022618031-4.

REFERENCES

Blazhes, V.V. (2002). *Folklore of the Urals: Folk story about Ermak (research and texts)*. Yekaterinburg: Izd-vo UrGU. (Rus.).

Davidson, D.J. (2010). The applicability of the concept of resilience to social systems: Some sources of optimism and nagging doubts. *Society and Natural Resources*, (23), 1135–1149.

Konev, A.Yu. (2023). Historiographical and methodological facets of the Siberian “frontier”. *Istoricheskiy vestnik*, 44, 270–285. (Rus.).

Lisevich, N.A., Cherepanov, M.S. (2024). “Spassky Island” within the Sacred Landscape and Religious Interaction in the Lower Tobol River Region. *Technologos*, (1), 34–46. (Rus.).

Maddi, S.R., Brow, M., Khoshaba, D.M., Vaitkus, M. (2006). The relationship of hardiness and religiosity in depression and anger. *Consulting Psychology Journal*, (58), 148–161.

Mogilevskii, K.I., et al. (2024). *Growth lines: Monuments of historical and cultural heritage of the Russian borderlands of the 16th–18th centuries. The Urals, Siberia and the Far East*. Moscow: Kuchkovo pole: Muzeon. (Rus.).

Nenasheva, M.V. (2023). Resilience of Arctic Communities: Concept, Methodology and Research Directions. *Arktika i Sever*, (51), 262–273. (Rus.).

Norris, F.N., Stevens, S.P., Pfefferbaum, B., Wyche, K.F., Pfefferbaum, R.L. (2008). Community resilience as a metaphor, theory, set of capacities and strategy for disaster readiness. *American Journal of Community Psychology*, 41(1–2), 127–150.

Puzanov, V.D. (2010). *Military factors of the Russian colonization of Western Siberia (late 17th — 18th centuries)*. St. Petersburg: Aleteia. (Rus.).

Rezun, D.Ia., Vasil'evskii, R.S. (1989). *Chronicle of Siberian cities*. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).

Shaklenina, Ye.I. (2021). The image of Edessa in the icon painting of the Yenisey Siberia region in 18th — beginning of the 20th century. In: *Aleksandr Nevskiy: Zapad i Vostok, istoricheskaya pamyat' naroda: XXI Krasnoyarskiye krayevyye Rozhdestvenskiye obrazovatel'nyye chteniya*. Krasnoyarsk: Vostochnaya Sibir', 332–343. (Rus.).

Slovtsov, P.A. (1886). *Historical review of Siberia. Book 1*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova. (Rus.).

Sulotskiy, A.I. (2000). Description of the most revered icons located in the Tobolsk diocese. In: *Sochineniya: V 3 t. T. 1. Tyumen': Izdatel'stvo Yu. Mandriki*, 85–261. (Rus.).

Uspenskiy, B.A. (2014). Russian spirituality and icon veneration. In: *Fakty i znaki: Issledovaniya po semiotike istorii. Vyp. 3*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 38–71. (Rus.).

Volobueva, N.M., Serezhko T.A. (2015). Hardiness and religiousness as resources of modern man in difficult situations. *Nauchnyye vedomosti. Seriya Gumanitarnyye nauki*, 221(24), 151–158. (Rus.).

Zakh, V.A., Rafikova, T.N. (2022). Tarkhan Ostrog and surrounding Tatars in late 17th — early 18th centuries: Based on excerpts from Scribe books and Cartography by S.U. Remezov. *Nauchnyi dialog*, 11(5), 426–444. (Rus.).

Zakh, V.A., Tsembalyuk, S.I., Sidorova, E.V., Yudakova, V.S. (2021). Tarkhansky Ostrog of the 17th–18th centuries: Directions of search and the beginning of research. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 54(3), 119–132. (Rus.).

Znamensky, M.S. (1901). *Historical Environs of the Tobolsk*. Tyumen: Izd. A.A. Krylova. (Rus.).

© Конев А.Ю., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 06.04.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторе: Конев Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия.

About the author: Konev, Aleksey Yu., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russia.

Сагитова Л.В.

ОСП «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ»
liliya_sagitova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6426-6970>

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, ИСЛАМ И ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРУПП ТАТАР

Аннотация. Представлены результаты исследования этнорелигиозной идентификации среди татар, проживающих в Сибири и Республике Крым. Цель исследования — выявление и анализ действия: а) влияния социально-политической конъюнктуры на специфику этнорелигиозной идентификации среди названных групп; б) влияния социальной истории этнической группы на сопряженность этнической культуры и ислама в идентификационных процессах; в) роли агентов-кодификаторов, к числу которых принадлежит государство; г) влияния исламской глобализации. Основой статьи послужил вторичный анализ материалов этносоциологических исследований идентичности татар, проведенных в Тюмени, Тюменской области и Республике Крым в 2018–2019 гг. Частично они были использованы и опубликованы в авторской статье [Sagitova, 2021]. В качестве обобщающего вывода следует отметить влияние российской специфики — институционализации этничности советским государством, которая стимулировала переплетение элементов этнической культуры с исламскими практиками. Поддержка национальных культур государством способствовала появлению «народного» ислама, который через институт семейной трансмиссии религиозных ценностей поддерживал этнорелигиозную идентификацию в условиях политики советского атеизма в исследуемых группах татар. При этом тесная переплетенность этничности и исламских практик актуализировала дискурс о «традиционном» исламе в контексте постсоветской реисламизации в России, что также имеет влияние на религиозную идентификацию татар-мусульман.

Ключевые слова: сибирские татары, крымские татары, религиозная идентичность, традиционный ислам, исламская глобализация, этническая культура, исторический контекст, агенты категоризации.

Цитирование: Сагитова Л.В. Исторический контекст, ислам и этническая культура в религиозной идентификации этнотерриториальных групп татар // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 3. С. 221–230. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-74-3-18>

Введение

Этнорелигиозная идентификация мусульман в России имеет свою специфику, связанную с многокультурностью страны, с одной стороны, и советской историей государства, проводившего активную национальную и антирелигиозную политику, — с другой. Мусульмане центральных регионов страны, Северного Кавказа и Центральной Азии имеют различия, обусловленные как различающимися мазхабами, так и локальной этнокультурной региональной спецификой, которая, безусловно, формировала для каждой из этнических групп мусульман свое лицо. Тем не менее все это многообразие объединяется обобщающим понятием «российский ислам». Пожалуй, именно в этом можно найти общий для всех этнических групп знаменатель. Действительно, что объединяет российских мусульман — так это советская эпоха, которая уничтожила исламские институты и мусульманское духовенство как легитимный класс. Было разрушено и общее коммуникационное пространство, объединявшее мусульман священным кораническим писанием. Объединение всех граждан СССР состоялось под зонтичной идентичностью «советский человек» с дифференциацией граждан по этническому принципу. Главным социальным конструктором стало государство, с его национальной и культурной политикой, которые, безусловно, оказали влияние на то, что произошло с культурами и религией в течение XX века в «национальных квартирах» Советского Союза. Политика большевиков, предоставивших каждому из народов страны «свою» республику или автономный национальный округ/область, привела к институционализации этнических культур [Слезкин, 2001], в тени которых выживала и религия. Все эти обстоятельства сформировали сложный, во многом гетерогенный контекст, в рамках которого развивается процесс постсоветской реисламизации. Советское наследие в виде атеизма, номинальной религиозности, утраты религиозных институтов и теологии актуализировало вопросы об истинности веры, легитимности тех или иных религиозных практик, сформировав

тем самым дискурс о «традиционном исламе» и месте этничности в нем. Как показала практика, постсоветские мусульмане, прошедшие советскую социализацию, чаще всего понимают под «традиционным исламом» переплетение исламских норм и практик с локальной этнической культурой. Эта переплетенность мусульманской и этнической идентичностей, которая по-разному осознается и оценивается современными мусульманами, в контексте возвращения религиозного наследия и практик, с одной стороны, и продвижения исламской глобализации с дискурсом «истинного ислама» — с другой, будет рассмотрена в этой статье на примере сибирских и крымских татар.

Методология и методы исследования

Исследование процесса этнической и религиозной идентификации ведется нами с использованием полипарадигмального подхода, сочетающего концепции конструктивизма и примордиализма, поскольку появление и историческое развитие феноменов культуры и религии в обществе сопряжено с социальным конструированием и последующей их реификацией и эссенциализацией [Berger, Luckmann, 1966]. Примордиалистская, инструменталистская и конструктивистская трактовки этнической идентичности, вне зависимости от взгляда на генеалогию этничности, имеют своим субъектом индивида или группу, которые солидаризируются на основе исторического происхождения, общей территории, языка, экономики, расового типа, мировоззрения, психического склада и иногда религии [Geertz, 1973; Smith, 1976; Янг, 1994; Мусина, Хайруллина, 2015; *Ethnic Groups and Boundaries...*, 1982; Тишков, 1997; Дробужева, 2017]. Важно обратить внимание на то, что этническая и религиозная идентификация не имеют жесткой зависимости, но в каких-то случаях становятся тождественными. Жесткость или же пластичность идентичности связана с действием множества факторов, чему посвящена известная рефлексия Р. Брубейкера и Ф. Купера об аналитическом потенциале понятия «идентичности» [Брубейкер, Купер, 2002]. Следуя их логике, мы акцентируем влияние агентов-кодификаторов на процесс идентификации личности и группы, самоидентификацию и самопрезентацию человека и группы, а также групповую связанность, плотность социальных сетей — как значимые обстоятельства, способные связать культуру и религию, этническую и религиозную идентификацию.

Сибирские и крымские татары представляют собой интересный объект исследования, поскольку имеют, с одной стороны, различия, обусловленные их этнотерриториальной историей становления и развития, а с другой — утвердившийся в результате советской национальной политики (пятая графа советского паспорта) этноним — «татары». Наряду с этим, их общая дореволюционная мусульманская идентичность претерпела эрозию под влиянием советского атеизма, а теперь, в период постсоветской реисламизации, проходит сложный путь осмысления и переосмысления в категориях «традиции» и «исламской глобализации».

Источником анализа стали материалы названного выше этносоциологического исследования, где автор вела блок по религии. В ходе исследования изучались идентификационные процессы среди сибирских татар и татар в Республике Крым. В исследовании использовались качественные методы социологии: интервью в семьях¹ в формате фокус-группы. Всего было проведено: 1) в Тюменской области — 15 интервью в семьях татар г. Тюмени и 8 среди сельских татар; в Республике Крым — 10 интервью в семьях городских татар и 5 среди татар в селах данного региона.

«Традиционный ислам»: к вопросу об интерпретации понятия

Среди исследователей татарского ислама понятие «традиционный ислам» отличается богатством коннотаций. Знакомство с ними позволяет выделить три основания. Первое — историко-теологическое апеллирует к дореволюционной традиции татарских богословов [Мухаметшин, 2003; 2014, с. 17]. Второе — этнологическое и социологическое рассматривает практики бытования ислама на уровне семьи или мусульманской общины, что позволяет сделать вывод о том, что конфессиональная идентичность современных татар, несмотря на развивающийся процесс «религиозного возрождения», в большей степени связана не столько с Верой, как системой мировоззрения, сколько с религией, выступающей в роли историко-культурной традиции

¹ Основную долю семей составляли двухпоколенные: родители 40–60 лет и живущие с ними дети 16–25 лет (среди них были представлены и так называемые «неполные семьи», где имеется только один родитель, проживающий со своим ребенком/детьми указанного возраста). Они были дополнены интервью с «молодыми» семьями, проживающими отдельно от родителей, где оба супруга в возрасте 18–30 лет. Одним из критериев отбора был также уровень дохода членов семьи. В качестве участников исследования были отобраны «среднестатистические российские семьи» с уровнем дохода: средним, выше среднего и ниже среднего.

народа [Мусина, 2014, с. 156]. При этом историко-культурная доминанта увязывается и с периодом советского атеизма, вытеснившего религию в приватное пространство семьи, что привело к формированию «народного ислама». В свою очередь, следует оговорить, что и эта коннотация не однозначна. Часть исследователей характеризует этим понятием бытовую культуру татар, представляющую собой синтез исламской и этнокультурной обрядовости [Мусина, 2009; Уразманова, 1998, 2009]. Другая часть исследователей подразумевает под этим понятием синтез исламских и языческих ритуалов, к которым относится как проведение обрядов² [Давлетшина, 2017], так и практики паломничества к святым местам³ [Габдрахманова, Уразманова, 2018; Мухамедова, 2008, с. 236]. В нашем «татарском» кейсе используются две пересекающиеся интерпретации «традиционного» ислама — национальный (татарский) ислам и «народный» ислам. Первый подразумевает исторически сложившуюся теологическую и ритуальную традицию российских татар, второй — номинальную идентификацию татар с исламом, при которой этническая и религиозная идентичности отождествляются. Имеет место и политизированная интерпретация «традиционного ислама», где его главным признаком объявляется лояльность светскому государству [Сулейманов, 2016, с. 117], или же его альтернативность политизированным течениям в исламе — ваххабизму и салафизму [Акаев, 2008, с. 132; Сулейманов, 2016, с. 117; Батыр, 2013].

На наш взгляд, важным обстоятельством, акцентирующим географическую дифференциацию ислама в современной России, становится дискуссия о роли и значении суфизма в региональных контекстах. Так, для Северного Кавказа суфизм воспринимается в качестве исторической традиции местных мусульман. Он согласованно трактуется политическими и религиозными акторами в качестве легитимного «традиционного ислама», функционирующего посредством тарикатов и вирдов [Акаев, 2008, с. 127]. Для татар-мусульман эта интерпретация является спорной. С одной стороны, политическая и духовная элита татар апеллирует к теологической традиции, которая существовала в дореволюционной России и была представлена направлениями кадимизма и джадидизма. При этом приоритет в официальном дискурсе Татарстана отдается последнему [Хакимов, 2002, с. 21; Сагитова, 2017, с. 95]. Среди мусульманского духовенства наблюдаются разночтения: одна его часть следует дискурсу политической элиты, другая — понимает именно суфизм в качестве «традиционного ислама»⁴. Если же обратиться к основной массе татар-мусульман, то наши исследования согласуются с мнением Р. Сулейманова, который отмечает, что для подавляющего большинства татар ислам не ассоциируется с суфизмом, с его специфической обрядовостью. Об исламе часто татары судят по своим бабушкам и дедушкам, которые в условиях советского времени смогли сохранить и практиковать ислам на уровне простых молитвенных ритуалов и обрядов жизненного цикла [Сулейманов, 2016, с. 122].

В рамках данной статьи представляется необходимым уточнить содержание используемого мной понятия «глобализированный ислам», который, так же как и «традиционный ислам», имеет множество коннотаций. Первое значение, являющееся базовым, связано с оппозицией исторически сложившейся местной исламской традиции и имеет в большей степени социологическое основание: оппозицию «наш ислам» (локальная историческая традиция, испытавшая влияние местной этнической культуры) — «не наш ислам» (различные его направления из стран мусульманского Востока). В свою очередь, это понятие может включать безоценочные категории: арабскую, турецкую и другие версии ислама. Но доминирование концепта политизированного ислама в западном, российском научном и политическом дискурсах закрепляет за понятием «глобализированный ислам» негативную коннотацию. В этом случае происходит отождествление с такими понятиями, как «политический ислам», «исламизм», «исламский фундаментализм», исламское сектантство — «ваххабизм», «салафизм» с их политическими акторами («Хисб ут-Тахрир», «Братья-мусульмане» и др.) [Муратова, 2012; Малашенко, 1996]. Этнологическая оптика полевого исследования подразумевает анализ представлений самих информантов об исламе и их религиозной самоидентификации.

² Как отмечает Л.Х. Давлетшина, у казанских татар, например, зафиксировано несколько вариантов проведения обряда вызывания дождя, характеризующихся различной степенью соотношения религиозного и языческого компонентов. В большинстве своем они синкретичны, хотя и встречаются отдельно практикуемые ритуалы [2017].

³ К ритуалам-молениям исследователи относят паломничество к священным местам. Так, например, среди татар-мишарей широко практикуется посещение древних кладбищ, древних могил, которые они называют могилами святых (*иззелер*) [Мухамедова, 2008, с. 236].

⁴ С приходом к руководству Духовного управления мусульман Республики Татарстан мюрида суфийского ультраортодоксального джамаата «Исмаил-ага» Камиля Самигулли, ставшего в 2013 г. муфтием республики, наметилась тенденция к реставрации суфизма [Сулейманов, 2016, с. 122].

ции. Поэтому обобщающая категория «глобализированный ислам» объединяет все эти интерпретации, которые содержательно дифференцируются в зависимости от исследовательского контекста.

Понятие религиозной «традиции» по определению связано с исторической инерцией, включающей следы социального контекста определенного исторического периода. В советской России разные режимы атеистической политики (от жестких санкций до более мягких административных мер) корректировались политикой центральной и местной власти, степенью удаленности от Москвы, локальными особенностями ислама, этническим составом населения. Это выражалось в специфичных условиях бытования ислама особенно в сельских мусульманских общинах, что было убедительно показано участниками коллективного исследовательского проекта «От Колхоза — к Джамаату» [Allah's Kolkhozes..., 2014].

Анализируя современность, нам важно понять, как инерция советского периода уживается с трендами реисламизации и вызовами глобализации и что происходит с религиозными ценностями и практиками у сибирских и крымских татар. В данном контексте следует отметить, что когда мы говорим о «традиционном» и «глобализированном» исламе, то в первую очередь имеем в виду не теологические аспекты этих версий, а идентификационные процессы, связанные с религиозными ценностями и поведением верующих.

Этническая и религиозная идентификация у российских татар

Конкуренция этнической и религиозной идентичностей возникла в татарском сообществе с развитием буржуазных отношений. Культурную коннотацию этноним «татары» получил в эпоху модерна, когда националистическая парадигма оттеснила на периферию другие виды идентичности, в первую очередь религиозную и классовую. Мусульманская идентичность татар имперской России, представлявших собой преимущественно сельское население⁵, в ходе советской модернизации постепенно сместилась на периферию, уступив главенствующее положение национальной идентичности. При этом ее культурная коннотация, закрепленная советской властью в комплексе институций (учреждение национальных республик и территорий, пятая графа в паспорте и др.), со временем приобрела устойчивые примордиальные черты. Высокие темпы индустриализации и урбанизации усиливали потоки миграции татар из сел в города, где доминирование светских институтов наряду с сильным административным контролем оттесняли религиозные практики и веру в сферу приватной жизни. В то же время институционализация этничности и ее легитимность давали возможность укрыть под ее зонтиком религиозную обрядность и семейные мусульманские практики, которые советская власть не могла истребить в силу их значимости для носителей.

Исследователи религиозности татар фиксируют тесную переплетенность этнической культуры и ислама. Наблюдения татарстанского этнографа Р.К. Уразмановой в ходе экспедиций в регионы проживания татар в советский период свидетельствовали, что такие праздники, как Ураза-байрам, Курбан-байрам, отождествлялись с народными, а религиозные обряды семейного цикла считались национальными и широко практиковались в жизни татар. Подобного рода бытование традиции получило название «народный ислам» [Уразманова, 1998, 2009]. Постсоветские исследования Р.Н. Мусиной показали, что ислам воспринимается современными татарами как часть национально-культурного наследия и занимает существенное место в структуре этнической идентичности [Мусина, 2009]. Например, согласно исследованиям 2002 г., 55 % респондентов в Республике Татарстан отметили ислам как обязательную составляющую этнической принадлежности татар [Мусина, 2009, с. 95]. Ислам в Крыму неразрывно увязывается с этнической культурой крымских татар, являясь основанием традиций, идентичности и групповой солидарности народа [Муратова, 2017, с. 142].

Что показали полевые исследования?

Общие черты процесса этнорелигиозной идентификации

Анализ этнической и религиозной идентификации среди татар Тюменской области и Республики Крым позволил проследить общие для этих групп татар черты. Среди них:

- модель семейной трансмиссии религиозных ценностей и практик: ислам в ней воспринимается и как семейная традиция, и как неотъемлемая составляющая этнической группы;
- влияние расширенной семьи с большим количеством родственников на сохранение и трансмиссию религиозных представлений и практик;
- влияние общинной сельской жизни на воспроизводство религиозных ценностей и практик;

⁵ Исторические данные свидетельствуют, что в 1897 г. 91,5 % татар составляли сельчане. К 1926 г. лишь 5,2 % татар жило в городах республики (см.: [Социальное и национальное..., 1973, с. 15]).

— сохранение религиозных представлений и практик в урезанном виде в условиях советского времени.

Модель трансмиссии религиозных ценностей показала свою универсальность для большинства татар исследуемых регионов. Ее характерными чертами в их представлении являются биологическое и культурно-историческое основания, когда идентификация себя в качестве мусульманина ведется от родственных корней и семейной обрядовой традиции, а этническая принадлежность отождествляется с религиозной:

Интервьюер: «К какой вы себя национальности относите?»

Информант: «Мәсәлман (мусульманка. — Авт.). Мәсәлмән татары (татарка мусульманка. — Авт.)» (жен., татарка, 60 лет, село Тюм. обл.).

Информант: «Естественно, оно же наши традиции взяты вообще с ислама. В смысле татары — они как нация вообще образовались после принятия ислама, поэтому и традиции в основном исходят из ислама» (муж., крым. татарин, 56 лет, село РК).

Центральными агентами семейной трансмиссии религиозных практик ожидаемо являлись бабушки и дедушки, прошедшие религиозную социализацию в досоветский период. В условиях жестких атеистических санкций они поддерживали и передавали религиозные ценности внукам, в то время как их взрослые дети, вынужденные или же убежденные атеисты, были заняты на работе:

Информант: «С детства уже, мы когда росли, прабабушка у нас жила, она была слепая. А мы-то же в Советском Союзе росли. Получается, в школу пойдем, пионеры, комсомольцы, активисты. А домой придем, бабушка всегда так говорила: “Вы внутри верьте в Аллаха, а то, что говорит, вы там в школе у вас, на улице, это говорит, это другое. Самое главное, чтобы, говорит, вы внутри верили”. И поэтому у нас всегда, с детства мы уже молитвы мы знаем, читаем, сейчас то же самое» (жен., татарка, 49 лет, Тюмень).

Информант: «Еще бабушка учила нас где-то какую-то молитву прочитать, там, где-то за столом сидели, какие надо было молитвы произнести, чтобы мы покушали. Бабушка нас учила всему этому, и мама тоже уже с возрастом как-то больше, когда жили в Средней Азии — как-то все это запрещалось» (жен., крым. татарка 59 лет, село РК).

Отсутствие глубинной вовлеченности в ислам способствовало формированию номинальной религиозности и механистическому выполнению привычного набора ритуалов без смысловой нагрузки с интенцией выполнять более полный набор предписаний в будущем, уже в зрелом возрасте:

Информант: «Конечно, да, молитвы мы, может, не знаем там. Не читаем там, как вот намаз. Может быть, мы к этому еще не пришли, может, постареем... А так-то все равно мы же знаем там, например, там, что надо позвать стариков, вот когда ты переехал. Какие-то обычаи все равно делаем. ... Ну, конечно, дочь замуж выйдет, надо будет сделать никах» (жен., татарка, 40 л., Тюмень).

Информант: «Мы светская семья, но при этом не было, что все равно, и молитвы мы знали, нас учили этому родители, бабушки. И поэтому также мы учим своих детей» (жен., крым. татарка, жен., 49 лет, город РК).

Для сельских татар ислам выполняет функцию нормативного, упорядочивающего начала жизни семьи в контексте сельской общины:

Информант: «У нас все время — мы делаем рамазан байрам, курбан байрам. Мы всегда подчиняемся, мы всегда собираем стариков дома. У нас все хорошо. И все внуки, и сын у нас один — они мусульмане... У нас все нормально» (жен., татарка, 58 лет, село Тюм. обл.).

Для татар горожан религиозная идентификация проявляет вариативность в зависимости от таких факторов, как уровень образования и длительность проживания в городской среде. Значимую роль для горожан первого и второго поколений выполняет расширенная семья, представленная проживающими в сельской местности родителями, двоюродными и троюродными родственниками. Встречи с ними, как правило, приурочены либо к проведению религиозных праздников, либо к важным событиям семейного цикла, сопровождающимся религиозными обрядами (свадьба, похороны, рождение ребенка и др.). Посещение родовых мест, поддержание родственных связей воспринимается многими из них как возвращение к истокам своего рода, восстановление и поддержание силы духа и несет в себе сильную этническую доминанту.

Довольно распространенной можно назвать динамику религиозной трансмиссии, когда поколение бабушек — дедушек сохраняло досоветскую локальную традицию ислама, а их дети, а вслед за ними и внуки усвоили урезанную версию «народного ислама». Вполне логично, что в контексте постсоветской реисламизации и возвращения к каноническому религиозному циклу ритуалов эта последовательность воспринимается ими как проявление «радикального ислама».

Информант: «...и этим ты себя ограждаешь и смотришь на стариков: что старики до нас донесли... Мы всегда сопоставляем со стариками — делали ли это наши старики?...Мы это (новые течения в исламе. — Авт.) отклоняем, стараемся с этим, наоборот, бороться, чтобы оно не проникало, не распространялось. Чтоб молодежь не забивала там голову всяким дурным и учим этому же свои семьи, чтобы они дальше следовали по пути стариков, потому что только от стариков мы можем познать истину, какая она была» (муж., крым. татарин, 33 года, село РК).

Большая часть участников фокус-групп называла себя приверженцами «своего», «традиционного» ислама и подчеркивала неприятие нового тренда, отождествляя его с «радикальным» исламом. При этом аргументация сводилась именно к этнокультурным аспектам: «наши бабушки хиджаб не носили», «татары так не одевались» и т.п.

У горожан второго и третьего поколений встречаются более индивидуализированные сценарии религиозной идентификации. У этой категории информантов происходит усиление светских ценностей и установок, что приводит либо к номинальному следованию семейной религиозной традиции (как дань уважения семье), либо к глубоким поискам своего места среди множества других конфессий; иногда — обращение к агностицизму или атеизму.

Различия

Сопоставление материалов фокус-групп с семьями крымских татар и результатов исследования в Тюмени и Тюменской области свидетельствует о наличии значимых региональных различий. Судя по семейным историям крымско-татарских семей, ключевую роль в усилении связи религии и этничности сыграл политический фактор, а именно депортация крымских татар сталинской администрацией. Тяжелый опыт насильственного перемещения и выживания в Сибири, в республиках Средней Азии, несомненно, укреплял внутрисемейные, внутриобщинные связи и возводил веру во Всевышнего в абсолют, в качестве единственной силы, на которую можно уповать в условиях жесткой дискриминации. Практически все отличительные черты можно интерпретировать как реакцию на социальную эксклюзию.

Постсоветский период для крымских татар примечателен совпадением религиозного ренессанса с возвращением на родину, которая в условиях депортации приобрела для них сакральный смысл. Возрождение ислама — религии предков и обретение исторической родины усилили связь между людьми, территорией и верой, а также укрепили внутрисемейные связи на религиозной основе.

Важной отличительной особенностью религиозности крымских татар в сравнении с татарами других регионов является приоритет веры относительно других ценностей, таких как семья, здоровье, работа:

Информант: «...для меня главное — это вера в Аллаха... все остальное не важно» (жен., татарка, 35 лет, село РК).

Информант: «Конечно, Всевышнему — это в первую очередь. Второе — это ты сам. Если сделаешь не ты, то кто это сделает за тебя? Вера — это такое фундаментальное, что заложено в каждом, и лично для меня без веры нет жизни» (жен., крым. татарка, 15 лет., город РК).

Необходимость обустроиваться и выживать в тяжелых условиях усилила деятельностную составляющую жизни крымских татар. Надо отметить, что только крымские татары, в отличие от других групп татар, артикулировали роль Всевышнего в качестве основного вдохновителя и источника сил. Интенция созидать, строить, чего-то достигать в жизни опирается у них на постулат ислама о важности труда, о деятельности как базовой черте человека верующего; на веру в Бога как источник силы для деятельности:

Информант: «Вера во Всевышнего, в Творителя... он тебе придает силы какие-то... Как сказал Всевышний, ты должен что-то делать, чтоб я тебе помог в достижении каких-то твоих целей» (муж., крым. татарин, 71 год, село РК).

Информант: «Для меня вера — это осознание принадлежности к чему-то большому, великому, что дает в определенные моменты силы» (муж., крым. татарин, 37 лет, город РК).

В той же логике тяжелых испытаний повышается значимость постулата о богобоязненности. Тема важности богобоязненности в разных аспектах довольно часто звучала в нарративах информантов:

Информант: «Я не хочу сказать, что вот богобоязнь должна быть, но она воспитывает нас. Понимаете? Эта богобоязнь. Вот, допустим, прошел Рамадан месяц, я по состоянию здоровья его не держу. Вот этот внук, которому тринадцать, он тоже держал, еще школьный процесс шел» (жен., крым. татарка, 68 лет, село РК).

Исторический контекст, ислам и этническая культура в религиозной идентификации...

Информант: «Знаю уже, что этого нежелательно делать, потому, соответственно, и детям я так говорю: “Не делайте этого, потому что это большой грех... потому что все равно все это наказано”» (жен., крым. татарка, 42 года, город РК).

Соответственно, для крымских татар характерно обращение к вере как к приоритетному источнику регламентации повседневности, отношений внутри семьи и между людьми, оценивания ситуации, морально-нравственных норм, праведности жизненного пути и успеха в жизни, что вписывается в каноны шариата:

Информант: «Естественно, самое главное для нас — это держаться законов Аллаха и четко следовать правилам, законам шариата. То есть мы понимаем, что если мы будем идти по этому пути, если мы будем, допустим, проблемы решать, основываясь на этих законах, то все любые проблемы очень легко решить» (жен., крым. татарка, 18 л., село РК).

Краеугольным камнем практикующих мусульман из числа крымских татар выступает максима ответственности за свои поступки, самоконтроля, осознанного следования нормам ислама. Логическим исходом можно назвать и то, что среди крымских татар, в отличие от татар других регионов, в большей степени получила развитие социальная составляющая ислама, как в ценностно-нормативном аспекте, так и в поведенческом.

Внутригрупповая солидарность крымских татар, основанная на этничности и депортационном опыте, корректирует влияние исламской глобализации и у части информантов приводит к отторжению арабской версии ислама:

«У нас среди молодежи наметилась тенденция к отходу от традиций, традиционного ислама... они больше уходят в такой арабизм, в радикализм иногда. Я больше придерживаюсь нашего традиционного крымско-татарского. Я его называю крымско-татарский ислам, потому что тот ислам, который был, он скорее является более нам подходящим. Он более адаптирован под нашу культуру. И вот когда говорят, скажем так, подростки, которые младше меня на два, три, четыре, пять лет, они говорят: вот наши бабушки не понимали, что делают, они не знали, они были неграмотные. Но я анализирую: а подождите, где же наши тогда мусульманские ученые, рукописи которых хранятся в библиотеках Каира, Мекки, Медины, которые были богословами, известными на весь исламский мир? Элементарное почитание вот тех же святых, тот же наш праведник Хозер Ильяс? Они говорят: это языческий праведник! Но это же является неотъемлемой частью культуры! Если ты отказываешься от него, ты отказываешься от культуры крымских татар!» (муж., татарин, 26 л., город РК).

Безусловно, в каждой из исследуемых групп татар есть приверженцы «глобализированного» ислама, и более глубинное изучение мотиваций обращения к нему поможет детально рассмотреть место этничности и культуры в системе ценностей последователей этих версий. Сегодня результаты исследования в формате фокус-групп позволяют увидеть региональные различия среди их оппонентов. Так, если для татар Тюмени и Тюменской области неприятие основано на силе инерции, привычке к устоявшимся нормам и практикам хотя и трансформировавшегося в ходе советского атеизма, но своего «традиционного» ислама, то для крымских татар особую ценность имеет этничность в тесной связке с исламом, как часть родовой идентичности, как основание групповой солидарности — бесценного ресурса в условиях депортации.

Заключение

Итак, что же помогло увидеть проведенное полевое исследование в попытке приблизиться к пониманию сопряженности культуры/этничности и религиозной идентификации? Сопоставительный анализ данных исследования среди различных групп татар, проживающих в регионах России, позволил выявить значимое влияние политического фактора, а именно — результат деятельности такого агента-кодификатора, как государство. На примере сопоставления специфики двух эпох — советской и современной мы увидели последствия политической инженерии в поле культуры и религии. Так, институционализация этничности в советском государстве под влиянием мирового тренда национализма помогла выжить исламу, хотя и трансформировав его. Для татар России объединяющей характеристикой явилось действие советской институционализации этничности, придавшей культуре биологический характер и связавшей этничность с родом и территорией.

Влияние социальной истории крымских татар на сопряженность этничности и ислама также стимулировалось действиями государства. История депортации, которая обрела статус священного в каждой семье, оказала влияние на кристаллизацию этничности как базового основания дискриминации. Опыт лишений стимулировал внутригрупповую сплоченность, солидарность и взаимопомощь. Ислам в этом контексте выполнял функцию духовной опоры и будущего

спасения, которое виделось исключительно как возвращение на родину, на территорию своих предков, как обретение утерянного рая.

Религиозные практики в силу специфики ислама как религии с высокой степенью регламентации духовных норм и повседневности обеспечивали межпоколенческую трансмиссию и в разной степени сохранение религиозных ценностей. В течение советского периода сложилась модель поколенческой трансмиссии ислама, в которой основным агентом-идентификатором являлась семья и широкий родственный круг. Религиозные представления и практики сохранились в урезанном виде больше в сельской местности, чем в городской. Постепенный дрейф дореволюционной локальной религиозной традиции к «народному» исламу в условиях советского атеизма и секуляризации общества привел к формированию «умеренного» мусульманина, для которого характерны: признание «высшей силы»; уважение к обрядам и ритуалам, поддерживаемым старшими родственниками в семье; редкие посещения мечети; благотворительность. Религиозная идентификация у тех, кто относит себя к «умеренным», также может определяться внешними атрибутами верующих. К ним можно отнести проведение в семье традиционных для семьи религиозных праздников (Курбан-байрам, Ураза-байрам); обрядов, связанных с жизненными циклами (рождение ребенка, свадьба, похороны). Поскольку праздничная и обрядовая культура ислама сопровождает жизнь семьи на всех ее значимых этапах, это задействует широкий родственный круг, а это, в свою очередь, формирует крепкие и интенсивные родственные связи, объединяя семью, этничность и религиозность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акаев В.Х. Конфликты между традиционным и нетрадиционным направлениями в исламе: Причины, динамика и пути преодоления (на материалах Северного Кавказа) // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С. 126–134.
- Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 61–115.
- Габдрахманова Г.Ф., Уразманова Р.К. Мусульманский культ святых у татар Волго-Уральского региона: особенности формирования и трансформации // ЭО. 2018. № 2. С. 58–75.
- Давлетшина Л.Х. Моления о дожде в традиции казанских татар // Этологические науки: Вопросы теории и практики. 2017. № 12-1 (78). С. 16–18.
- Давлетшина Л.Х. «Хызыр Ильяс» в традиционной культуре татар // Вестник Башкир. ун-та. 2011. Т. 16. № 3. С. 779–781.
- Дробичева Л.М. Этническая идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энцикл. изд. М.: Весь Мир. 2017. С. 417–418.
- Мусина Р.Н. Ислам и проблемы идентичности татар в постсоветский период // Конфессиональный фактор в развитии татар. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2009. С. 93–97.
- Мусина Р.Н., Хайруллина Н.Г. Особенности этноконфессиональной ситуации в постсоветском Татарстане // Известия вузов. Социология, экономика, политика. 2015. № 4. С. 85–87.
- Муратова Э.С. Ислам и крымские татары после 2014 года // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 1. С. 133–144.
- Мухамедова Р.Г. Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование. Казань: Магариф, 2008. 295 с.
- Мухаметшин Р.М. Ислам в общественно-политической жизни постсоветского Татарстана // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: Религиозное возрождение и этничность / Рук. проекта и отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ: Артифакт, 2014. С. 7–20.
- Сагитова Л.В. Ре-исламизация в постсоветском Татарстане и новые культурные границы // Религии и радикализм в постсекулярном мире: Российско-французский диалог / Под ред. Ж. Радвани, Е. Филипповой. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 91–113.
- Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира. Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара: Самар. ун-т, 2001. <https://stanislav-spb.livejournal.com/6400.html#cutid1> (дата обращения 15.12.2025).
- Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1973. 380 с.
- Сулейманов Р.Р. Суфизм в Татарстане в постсоветский период: Разнообразие групп, распространение, влияние на умму региона // Религиоведческие исследования. 2016. № 2 (14). С. 87–124.
- Тишков В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: Моск. Центр Карнеги, 1997. С. 7–43;
- Уразманова Р.К. Ислам в семейно-бытовой обрядности татар: традиции и современность // Ислам и этническая мобилизация: Национальные движения в тюркском мире. М., 1998. С. 360–366.
- Уразманова Р.К. «Мусульманские обряды» в быту татар // ЭО. 2009. № 1. С. 13–26.
- Хакимов Р. Кто ты, татарин? Казань: Мастер-Лайн, 2002. 47 с.
- Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука. 1994. С. 111–135.

- Allah's Kolkhozes. Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s–2000s) / Ed. by Stephane A. Dudoignon, Christian Noack. Berlin: Klaus Schwarz, 2014. 541 p.
- Berger P.L. and Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Garden City, NY: Anchor Books, 1966. 249 p.
- Brubaker R. Ethnicity without Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 283 p.
- Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference / Ed. by Fredrik Barth. Oslo: Universitetsforlaget, 1982. Reprint. 153 p.
- Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. N. Y.: Basic Books, 1973. 470 p.
- Sagitova L. The Sociology of Competition between "Traditional" and "Globalized" Islam among Tatars in Russia: Actors and Their Interests // Online Workshop "Cultures of Islam: Variations of Muslim Belief and Practice from the Irtys River to the Black Sea", 2020, October 19–20 / Institute for European, Russian, and Eurasian Studies; The George Washington University. Washington, D.C., 2021. P. 9–21.
- Smith A.D. Nationalist movements // The Macmillan Press LTD. London and Basingstoke. 1976. 278 p.

ИСТОЧНИКИ

Батыр Р. Смысловая чехарда вокруг традиционного ислама порождает путаницу // Бизнес-онлайн. 2013. 26 окт. <https://www.business-gazeta.ru/blog/200812> (дата обращения: 17.11.2025).

Sagitova L.V.

Sh. Marjany Institute of History AS RT, liliya_sagitova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6426-6970>

Historical context, Islam, and ethnic culture in the religious identification of ethnoterritorial groups of Tatars

Summary. This article presents the findings of a study of ethnoreligious identification among Tatars residing in Siberia and the Republic of Crimea. The study aims to identify and analyze the impact of several key factors, namely: a) the effect of the socio-political environment on the specific features of ethnoreligious identification within these groups; b) the influence of the ethnic group's social history on the interlinking of ethnic culture and Islam in identification processes; c) the role of codifying agents, including the state; d) the impact of Islamic globalization. The study is grounded in a secondary analysis of data from ethnosociological investigations into Tatar identity, conducted in Tyumen, the Tyumen Region, and the Republic of Crimea in 2016–2019. Some of these materials have been previously used and published earlier by the author. In conclusion, it is necessary to highlight the significance of Russian historical conditions — in particular, the Soviet-era institutionalization, which fostered the integration of elements of ethnic culture with Islamic practices. State support for national cultures contributed to the emergence of "folk" Islam. Through the mechanism of familial transmission of religious values, this phenomenon helped sustain ethnoreligious identification among the studied Tatar groups amid the officially promoted atheism of the Soviet period. Furthermore, the pronounced entanglement of ethnic identity and Islamic practices revitalized the discourse surrounding "traditional" Islam in the context of post-Soviet re-Islamization in Russia. This dynamic continues to shape the religious identification of Muslim Tatars today.

Keywords: Siberian Tatars, Crimean Tatars, religious identity, traditional Islam, Islamic globalization, ethnic culture, historical context, agents of categorization.

REFERENCES

- Akaev, V.Kh. (2008). Conflicts between traditional and non-traditional trends in Islam: Causes, dynamics, and ways of overcoming (based on materials from the North Caucasus). *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, (2), 126–134. (Rus.).
- Arutyunyan, Yu.V. (Ed.) (1973). *Social and national: Experience in ethnosociological research*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Barth, F. (Ed.) (1982). *Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference*. Reprint ed. Oslo, Norway: Universitetsforlaget.
- Berger, P.L., and Luckmann, T. (1966). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books.
- Brubaker, R. (2004). *Ethnicity without groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brubaker, R., & Cooper, F. (2002). Beyond "identity". *Ab Imperio*, (3), 61–115. (Rus.).
- Davletshina, L.Kh. (2011). "Khyzr Ilyas" in traditional Tatar culture. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 16(3), 779–781. (Rus.).
- Davletshina, L.Kh. (2017). Prayers for rain in the tradition of Kazan Tatars. *Etnologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, (12-1), 16–18. (Rus.).
- Drobizheva, L.M. (2017). Ethnic identity. In: I.S. Semenenko (Ed.). *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika*, 417–418. Moscow: Ves' Mir. (Rus.).
- Dudoignon, S.A., Noack, C. (Eds.) (2014). *Allah's kolkhozes: Migration, de-Stalinisation, privatisation and the new Muslim congregations in the Soviet realm (1950s–2000s)*. Berlin, Germany: Klaus Schwarz.

- Gabdrakhmanova, G.F., & Urazmanova, R.K. (2018). The Muslim cult of saints among Tatars of the Volga-Ural region: Features of formation and transformation. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 58–75. (Rus.).
- Geertz, C. (1973). *The interpretation of cultures: Selected essays*. New York, NY: Basic Books.
- Khakimov, R. (2002). *Who are you, Tatar?* Kazan: Master-Layn. (Rus.).
- Mukhamedova, R.G. (2008). *Mishar Tatars: A historical and ethnographic study*. Kazan: Magarif. (Rus.).
- Mukhametshin, R.M. (2014). Islam in the socio-political life of post-Soviet Tatarstan. In: R.N. Musina (Ed.). *Tatary i islam v regionakh Rossiyskoy Federatsii: Religioznoe vozrozhdenie i etnichnost'*. Kazan: Institut Istorii im. Sh. Mardzhani AN RT: Artifakt, 7–20. (Rus.).
- Muratova, E.S. (2017). Islam and Crimean Tatars after 2014. *Islam v sovremennom mire*, 13(1), 133–144. (Rus.).
- Musina, R.N. (2009). Islam and identity issues among Tatars in the post-Soviet period. In: *Konfessional'nyy faktor v razvitii tatar*. Kazan: Institut Istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 93–97. (Rus.).
- Musina, R.N., Khayrullina, N.G. (2015). Features of the ethno-confessional situation in post-Soviet Tatarstan. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya, ekonomika, politika*, (4), 85–87. (Rus.).
- Sagitova, L. (2021). The Sociology of Competition between “Traditional” and “Globalized” Islam among Tatars in Russia: Actors and Their Interests. In: *Online Workshop “Cultures of Islam: Variations of Muslim Belief and Practice from the Irtysh River to the Black Sea”, 2020, October 19–20*. Washington, D.C., Institute for European, Russian, and Eurasian Studies, The George Washington University, 9–21.
- Sagitova, L.V. (2017). Re-Islamization in post-Soviet Tatarstan and new cultural boundaries. In: J. Radvanyi & E. Filippova (Eds.). *Religions and radicalism in the post-secular world*. Moscow: IEA RAN, 91–113. (Rus.).
- Slezkine, Y. (2001). The USSR as a communal apartment. In: *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskiy period: Antologiya*. Samara: Samarskiy universitet. <https://stanislav-spb.livejournal.com/6400.html> (Дата обращения 09.11.2025). (Rus.).
- Smith, A.D. (1976). *Nationalist movements*. London, UK: Macmillan Press.
- Suleymanov, R.R. (2016). Sufism in Tatarstan in the post-Soviet period: Diversity of groups, spread, and influence on the regional ummah. *Religiovedcheskie issledovaniya*, (2), 87–124. (Rus.).
- Tishkov, V.A. (1997). Identity and cultural boundaries. In: M. B. Olcott, V. Tishkov, A. Malashenko (Eds.). *Identicnost' i konflikt v postsovetikh gosudarstvakh*. Moscow: Moskovskiy Tsentr Karnegi, 7–43. (Rus.).
- Urazmanova, R.K. (1998). Islam in Tatar family and everyday rituals: Traditions and modernity. In: *Islam i etnicheskaya mobilizatsiya: Natsional'nye dvizheniya v tyurkskom mire*. Moscow, 360–366. (Rus.).
- Urazmanova, R.K. (2009). “Muslim rituals” in everyday life of Tatars. *Etnograficheskoe obozrenie*, (1), 13–26. (Rus.).
- Yang, C. (1994). The dialectics of cultural pluralism: Concept and reality. In: *Etnichnost' i vlast' v polietnicheskikh gosudarstvakh*. Moscow: Nauka, 111–135. (Rus.).

© Сагитова Л.В., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию 02.03.2026

Принята к публикации 04.06.2026

Опубликована 15.09.2026

Сведения об авторе: Сагитова Лилия Варисовна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия.

About the author: Sagitova, Liliya V., PhD in Political Science, Associate Professor, Leading Researcher, Sh. Marjani Institute of History AS RT, Kazan, Russia.

ХРОНИКА

Косинская Л.Л.¹, Зимина О.Ю.²

¹ Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
kosinskaya4949@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3316-2041>

² ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, o_winter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5220-8634>

К ЮБИЛЕЮ ИРИНЫ ВИТАЛЬЕВНЫ УСАЧЕВОЙ

В 2026 г. отмечает свой юбилей Ирина Витальевна Усачева. Это имя хорошо известно в урало-сибирской археологии.

Для одного из авторов Ирина Витальевна Усачева — коллега, друг, близкий человек. Как все-таки летит время! Кажется, давно ли были мы юными студентками-археологами Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Мы учились с разницей в несколько лет; я под руководством Владимира Федоровича Генинга, а шефом Ирины был совершенно удивительный человек, легенда уральской археологии Валерий Трофимович Петрин. Поэтому наши с Ириной полевые пути не пересеклись. Темой диплома она выбрала совершенно оригинальную и загадочную группу артефактов, так называемые утюжки. Для читателей, не искушенных в археологии каменного века Зауралья, поясним, что это изделия из камня или обожженной глины, по форме и размеру напоминающие печеные пирожки, но с поперечным желобком на верхней стороне и с гравированными узорами. Их культурная принадлежность, датировка и в особенности назначение были предметом длительных дискуссий. Взять такую тему для студенческой дипломной работы означало проявить определенную смелость и уверенность в своих силах. Вот так и проявился характер Ирины Витальевны — исследователя: упорство, целеустремленность, вдумчивость, внимание к мелочам; все эти качества помогли справиться с поставленной задачей.

После окончания исторического факультета Уральского государственного университета с 1979 по 1980 г. Ирина Витальевна работала учителем истории в средней школе № 4 г. Заречного. В 1980 г. переехала в г. Тюмень и до 1982 г. работала младшим научным сотрудником в хоздоговорной лаборатории Тюменского государственного университета. В 1980-х гг. Ирина Витальевна включается в работу по изучению археологических памятников на берегах системы Андреевских озер в окрестностях Тюмени и принимает деятельное участие в создании на южном берегу оз. Мал. Андреевское первого в Сибири археологического музея-заповедника. С 1983 по 1987 и с 1999 по 2003 г. Ирина Витальевна исполняла обязанности заведующего отделом досоветского периода, позднее — старшего научного сотрудника в Тюменском областном краеведческом музее.

В 2003 г. Ирина Витальевна по приглашению В.А. Заха пришла работать в Институт проблем освоения Севера СО РАН. Вернувшись к научной работе, она наконец развернула свою кипучую энергию. Будучи уже зрелым исследователем, занимала зачастую нестандартную и весьма дискуссионную позицию. Любимая тема утюжков не отпускала. Результатом многих лет этой привязанности стала собранная ею весомая база данных, охватившая весь Старый Свет и несколько тысячелетий. Она легла в основу кандидатской диссертации И.В. Усачевой, которая была защищена в 2007 г. в диссертационном совете Института истории и археологии Уральского отделения РАН в г. Екатеринбурге. Итогом многолетнего научного труда стал выпуск солидной монографии «Утюжки Евразии» (2013 г.), получившей международное признание, в которой исследователь предложила свою концептуальную модель развития этого культурного феномена. В предисловии к этой книге академик В.И. Молодин высоко оценил вклад Ирины Витальевны в разработку темы, отметил уни-

кальность исследования, привлечение данных широкого спектра наук — экологии, палеогеографии, палеоэкономики, петрографии, трасологии, его многоаспектность и системный подход, позволяющие выходить на реконструкции исторического плана.

С 2004 г. как сотрудник Института проблем освоения Севера и специалист, хорошо знакомый с древностями Андреевской озерной системы, Ирина Витальевна в составе экспедиции лаборатории археологии и естественнонаучных методов под руководством В.А. Заха вновь возвращается к исследованиям памятников в системе Андреевских озер в Туро-Пышминском междуречье. В течение нескольких лет принимает участие в мониторинге и инвентаризации известных археологических объектов, уделяя основное внимание упорядочиванию памятников южного побережья Андреевских озер. В 2008–2009 гг. проводит раскопки ритуального комплекса эпохи неолита Чепкуль 21а. Результатом работ лаборатории стала коллективная монография «Древности Андреевской озерной системы» (2014 г.), в окончательном оформлении которой значительная заслуга принадлежит Ирине Витальевне Усачевой.

Культуры эпохи неолита Зауралья и «утюжки» как транскультурный феномен остаются в сфере интересов Ирины Витальевны, однако в настоящее время она больше внимания уделяет изучению коллекций каменных орудий, в том числе обнаруженных на памятниках энеолита — бронзы Зауралья.

Научные статьи Ирины Витальевны всегда оригинальны, зачастую с неожиданными интерпретациями, казалось бы, мелких, не привлекающих особого внимания фактов (и артефактов). Пишет ли она, например, о собрании каменных орудий для тонких работ по дереву в сравнении с наборами современных специализированных инструментов. Или предпринимает попытку дешифровать сакральные смыслы не только мелкой кремневой пластики и культовых объектов, но и обычных жилищных комплексов. Или стремится проверить и подкрепить свои выводы археологическим экспериментом. Все это — дополнительные штрихи к портрету незаурядного ученого-археолога наших дней.

С 2015 г. И.В. Усачева является членом международной ассоциации AGSTR (The Association for Ground Stone Tools Research), объединяющей ученых, занимающихся исследованиям шлифованных каменных орудий в археологии.

Еще один очень важный аспект, характеризующий Ирину Витальевну не только как ученого, но и как человека, — это ее активная жизненная позиция. Нравящееся и стремление к восстановлению справедливости были отмечены коллегами, и в 2011 году Ирину Витальевну избрали председателем профсоюзной организации сначала Института проблем освоения Севера СО РАН, а затем, когда в 2017 г. Институт вошел в состав Тюменского научного центра, она была избрана председателем профсоюзной организации ТюмНЦ СО РАН. На протяжении почти 15 лет профком под ее руководством не только занимался организацией культурно-массовых мероприятий, но и принимал активное участие в жизни и работе научного центра, отстаивая права сотрудников.

От имени всех друзей и коллег сердечно поздравляем Ирину Витальевну с юбилеем. Желаем доброго здоровья и долгой и плодотворной научной деятельности.

Список основных научных трудов И.В. Усачевой

Усачева И.В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 116–133.

Усачева И.В. «Утюжки» в культурах Евразии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 12–23.

Усачева И.В. К вопросу о культурозависимых признаках «утюжков» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 7. С. 4–11.

Усачева И.В., Нохрина Т.И. Копьеметатели и их техническая эволюция // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Новосибирск: НГУ, 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография. С. 30–43.

Усачева И.В. Доместикация пространства // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Челябинск: Рифей, 2007. С. 234–239.

Усачева И.В. «Утюжки» Евразии как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2007. 209 с.

Усачева И.В. «Утюжки» Тоболо-Ишимья: Проблемы взаимодействия культур // Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье / В.А. Зах, О.Ю. Зимица, Н.Е. Рябогина, С.Н. Скочина, И.В. Усачева. Новосибирск: Наука, 2008. С. 110–126.

Усачева И.В. «Утюжки» — социологический аспект: от мастерства к специализации // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2009. № 10. С. 12–19.

Усачева И.В. Семиотический статус «утюжков» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 14. С. 11–19.

Петрин В.Т., Кулик Н.А., Нохрина Т.И., Усачева И.В. Верхнепалеолитический комплекс из горного хрусталя с юго-восточного побережья озера Большие Аллаки (Южный Урал) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 4 (52). С. 28–40.

Усачева И.В. Критический обзор гипотез функционального назначения «утюжков» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 22–30.

Усачева И.В. «Утюжки» Евразии. Новосибирск: Наука, 2013. 352 с.

Усачева И.В. «Утюжки»: Реконструкция функции // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 58–64.

Зах В.А., Усачева И.В., Зимина О.Ю., Скочина С.Н., Чикунова И.Ю. Древности Андреевской озерной системы: В 2 т. Т. 1: Археологические памятники. Новосибирск: Наука, 2014. 225 с.

Усачева И.В. Дом и домохозяйство в каменном веке Зауралья и Севера Западной Сибири: Возможности социально-экономической реконструкции // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 73–79.

Usacheva I.V. Transverse grooved artefacts: The reconstruction of function // Ground Stone Artifacts and Society (Quarrying, production, function and exchange). Program and abstract book. University of Haifa, Haifa, Israel, July 5–9, 2015. P. 36.

Usacheva I.V., Skochina S.N. Experiments on production of reed arrow shafts by use of grooved stones: trace evidences монография // Ground Stone Artifacts and Society (Quarrying, production, function and exchange). Program and abstract book. University of Haifa, Haifa, Israel, July 5–9, 2015. P. 65.

Усачева И.В. Сосновоостровская культура: Идентификация керамики и вопросы хронологий // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 5–17.

Юдина Е.А., Тонкушина М.О., Кулеш Н.А., Косинская Л.Л., Остроушко А.А., Усачева И.В. Элементный анализ археологических находок охры с территории урочища Барсова гора: методический аспект // Известия Иркут. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 19. С. 103–128.

Усачева И.В. Дом и домохозяйство у населения сосновоостровской культуры эпохи позднего неолита в Зауралье: Модель промыслово-хозяйственной деятельности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 93–105.

Usacheva I.V. The earliest transverse grooved stones of Eurasia: Near Eastern distribution, types and chronology // Journal of Lithic Studies. 2020. Vol. 7. № 3. P. 3094.

Усачева И.В., Корниенко Т.В. «Выпрямители древков» в эпоху неолита на территории Северной Месопотамии // КСИА. 2022. Вып. 268. С. 363–379.

Усачева И.В., Спиридонов И.А., Корочкова О.Н. К постановке проблемы маркеров каменных индустрий эпохи энеолита и бронзы горно-лесного Зауралья // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 116–126.

Усачева И.В., Скочина С.Н. Экспериментально-трасологический анализ «утюжков» из талька и талькохлорита // Уральский исторический вестник. 2025. № 4. С. 110–120. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2025-4\(89\)-110-119](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2025-4(89)-110-119)

Усачева И.В., Спиридонов И.А., Корочкова О.Н. Кремневая пластика Среднего Урала: Новые находки и интерпретации // Уфимский археологический вестник. 2025. Т. 25. № 1. С. 123–135.

© Косинская Л.Л., Зимина О.Ю., 2026

Тип лицензии: CC BY 4.0

Поступила в редакцию: 02.06.2026

Принята в печать: 04.06.2026

Опубликована: 15.09.2026

Сведения об авторах:

Косинская Любовь Львовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Зимина Оксана Юрьевна, кандидат исторических наук, зав. сектором археологии, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия.

About the authors:

Kosinskaya, Lyubov L., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Zimina, Oksana Yu., Candidate of Historical Sciences, Head of the Archeology Department, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде:

1) одного файла, включающего сведения об авторе (авторах), название статьи, УДК статьи, аннотацию, сведения о финансировании, ключевые слова, список сокращений, основной текст статьи со вставленными иллюстрациями, подрисуночными подписями, таблицами, названиями таблиц, библиографическим списком в формате *.doc или *.rtf, озаглавленного по фамилии автора(ов) (Романов.doc; Романов и др.doc);

а) сведения об авторе(ах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); e-mail; ORCID (напр., <https://orcid.org/0000-0002-3277-2414>);

б) название статьи: строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия;

в) аннотация на русском языке **объемом 1000–1500 знаков**: необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы;

г) сведения о финансировании работы;

д) таблицы: представляются без разрывов при переходе с одной страницы на другую, должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

е) иллюстрации: должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.** В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями;

2) дополнительных файлов с иллюстрациями в форматах jpg, tiff, bmp (Романов.jpg, Романов_рис.1.tiff, Романов_рис.2.jpg);

3) файла со сведениями статьи на английском языке;

4) файла со списком возможных рецензентов;

5) одновременно с рукописью высылается заполненное автором/авторами авторское соглашение (публичная оферта).

Сведения статьи на английском языке должны содержать:

— ФИО авторов, место работы;

— Article title (название статьи);

— Summary (на английском языке) объемом 1000–1500 знаков с пробелами. В скобках надо дать перевод на английский язык специфических терминов и названий (напр., названия археологических культур, орудий, сырья, методов, технологий и т.д.);

— Keywords;

— Figure captions (подрисуночные подписи);

— Table giving the names (названия таблиц);

— **Acknowledgements** (благодарность за содействие и помощь в подготовке работы, а также спонсорам);

— **Funding** (сведения о финансировании проектов);

— References (список литературы на латинице).

Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

В конце статьи необходимо дать сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО полностью, ученая степень, должность, место работы, город.

Сведения об авторах: Иванов Иван Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the authors: Ivanov, I.I., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

Кроме того, в конце статьи необходимо указать **ORCID** автора(ов) (напр., <https://orcid.org/0000-0002-3277-2414>) (если номера нет, то следует зарегистрироваться по ссылке <https://orcid.org/signin>).

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для References) редакция отклоняет статью.

Список возможных рецензентов (не менее трех) — квалифицированных специалистов по тематике рецензируемых материалов, имеющих в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи, должен содержать следующую информацию: ФИО рецензента полностью; место работы; ученая степень; e-mail.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют вариант статьи по адресу: vestnik.ipos@inbox.ru. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии...» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Тип лицензии: CC BY 4.0.

3. Общий объем рукописи в одном текстовом файле на русском языке (включая аннотацию, основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список на русском языке, разделы «Благодарность», «Финансирование») не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». «Summary» и «References» не входят в этот объем, однако не должны превышать 10 тыс. знаков с пробелами. Статья должна содержать не более 5–6 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. **Рукописи объемом свыше 1 авт. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей не рассматриваются.**

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

7. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В раздел «Источники» включаются публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях, диссертации и авторефераты диссертаций. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d и т.д.** **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (напр., <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-72-1-3>).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191>.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Рафикова Т.Н. Тарханский острог XVII–XVIII вв.: по материалам геофизических и археологических исследований 2020–2021 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 71–84. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-57-2-6>

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др.* или *et al.*)

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Jin Zh. Natural Science Research of Erlitou Bronze and Exploration of Xia Civilization // Cultural relics [文物], 2000. № 1. P. 56–69. (China).

(В иероглифике приводится лишь название журнала (сборника). Оно дается в квадратных скобках после перевода этого названия на английский.)

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. <https://doi.org/10.1016/j.crpv.2014.06.004>.

ИСТОЧНИКИ

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Источники в список References не вносятся.

8. Текст статьи должен быть тщательно выверен.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции и издателя:

625008, Тюмень, ул. Червишевский тракт, 13, ТюмНЦ СО РАН

Тел. +7 345 268 87-68

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВЭГУ — Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия
ГАНИИЯЛ — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ — Государственный исторический музей
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
РАН — Российская академия наук
СО РАН — Сибирское отделение РАН
ТОКМ — Томский областной краеведческий музей
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ЭО — Этнографическое обозрение

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

16+

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 3 (74)

2026

Главный редактор
доктор исторических наук В.А. Зах

Спонсор сетевого издания
Ассоциация «Центр этноэкологических и технологических исследований Сибири»

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	Р.О. Поплавский

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Дата выхода: 15.09.2026. Уч.-изд. л. 26,5. Объем 52 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции и издателя: 625008, Тюмень, Червишевский тракт, 13, тел. (3452) 688-768

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 977-2071-0437-05

9 772 071 043 705

Спас Нерукотворный с приписными святыми. XVII в. (?).
Неизвестный мастер. Музейный комплекс им. И.Я.Словцова, Тюмень

Тюменский научный центр СО РАН

Подписной индекс 80385
ООО «Урал-Пресс-Округ»
+7 (343) 385-87-24